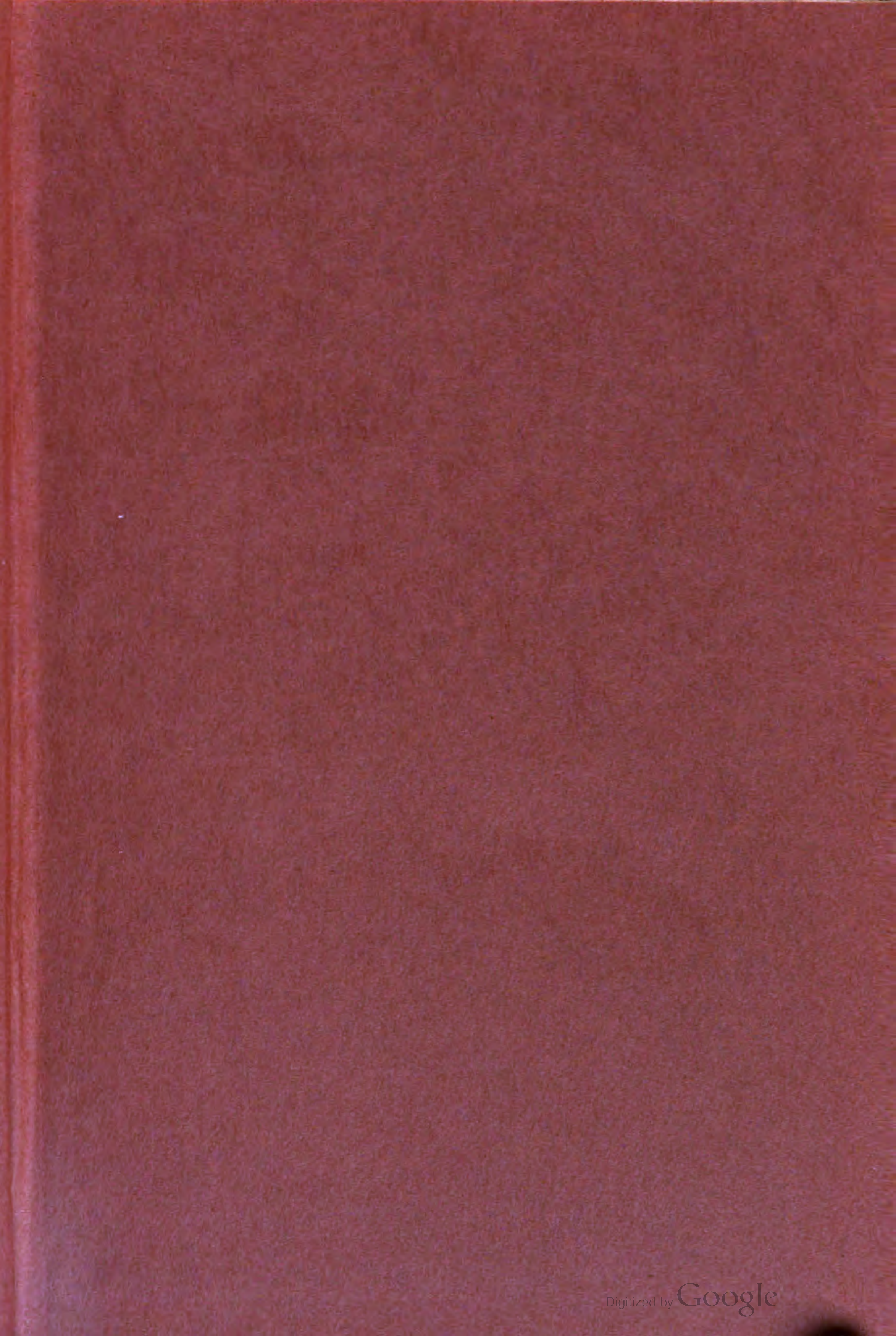
UC-NRLF
B 5 267 624



Открыта подписка на 1898 годъ на

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Начиная съ майской книги 1897 г. „Сѣверный Вѣстникъ“ издается
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Въ виду облегченія условій изданія, съ освобожденіемъ журнала отъ предварительной цензуры, редакція «Сѣвернаго Вѣстника» съ 1898 г. расширяетъ провинціальный отдѣлъ и проситъ лицъ, имѣющихъ къ тому возможность, доставлять матеріалы, пригодные для обработки въ областномъ отдѣлѣ, а также самостоятельныя замѣтки и корреспонденціи касательно явленій мѣстной жизни, текущихъ интересовъ мѣстнаго общества, народнаго образованія, дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ всевозможныхъ общественныхъ начинаній и т. п.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Арефьевъ, К. Бальмонтъ, проф. Ѳ. Батюшковъ, П. Боборыкинъ, П. Вейнбергъ, М. Венюковъ, А. Волынскій, П. Ганзенъ, прив.-доц. В Гессенъ, П Гнѣдичъ, М. Горькій, Н. Дружининъ, А. Каменскій, Н. Карабчевскій, В. Каренинъ, проф. А. Кирпичниковъ, А. Коптяевъ, Б. Корженевскій, Котъ-Мурлыка, Я. Крюковской, д-ръ А. Ловинскій, М. Лохвицкая, К. Льдовъ, Е. Лѣткова, В. Микуличъ, Н. Минскій, Вас. Немировичъ-Данченко, Вл. Немировичъ-Данченко, Ф. Нефедовъ, проф. Д. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Оршанскій, д-ръ Л. Оршанскій, М. Петровъ, А. Рейнгольдтъ, Л. Саломэ, проф. В. Сергѣевичъ, С. Смирнова. В. Спасовичъ, А. Субботинъ, П. Тверской, гр. Л. Н. Толстой, проф. А. Трачевскій, М. Чайковскій, В. Чуйко, О. Чюмина, О. Шапиръ, В. Шевроќъ, А. Шеллеръ, проф. Л. Шепелевичъ, В. Ширковъ, проф. Е. Шмурло, проф. И. Фойницкій, К. Фофановъ, проф. Н. Холодковскій, I. Ясинскій, А. Эртель и мн. др.

Подписка принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи. **Главная контора**: Спб , Б. Московская, д. 11, въ **Москвѣ**— въ конт. **Н. Печковской**, Петровскія линіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	Годъ.	Полгода.	Четверть года.	1 мѣс.
Для иногороднихъ съ перес.	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р.
Въ Спб. съ дост.	11 »	5 » 50 »	2 » 75 »	1 »
Для заграничныхъ	14 »	7 » — »	4 » — »	— »

Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается подписка **въ кредитъ**.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Мартъ № 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ

№ 3 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1898 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Не повѣрили.

Und wenn dir denn auch
Gott verzeiht—
Auf Erden seyn
Vermaledeit!..

Goethe. Faust. T. 1.

I.

Что ее разбудило?..

Лидія Васильевна не знала и сердилась, что не удается больше заснуть. Но когда она, наконецъ, раскрыла глаза (то-есть глаза сами отказывались оставаться дольше закрытыми) и справилась съ часами, лежащими на ночномъ столикѣ, тогда все объяснилось очень просто: было ужасно поздно—былъ уже двѣнадцатый часъ!..

Въ кокетливой спальнѣ молоденькой женщины, еще несправлявшей первой годовщины своего брака, царила убаюкивающая тишина; тяжелыя гардины дѣлали обманчивый полумракъ, и трудно было бы догадаться, что за стѣнами этого дремотнаго уголка дневная жизнь давно ключемъ кипитъ.

Лидія Васильевна поспѣшно нажала пуговку звонка, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ей нужно было куда-то спѣшить—точно ей предстояло еще что-нибудь, кромѣ единственнаго проявленія ея энергіи: любить и блаженствовать...

Горничная подняла гардины и сообщила, что идетъ снѣгъ. Лидіи Васильевнѣ вдругъ показалось, что въ комнотѣ холодно и она поскорѣе скользнула ногами въ хорошенькія теплыя туфельки. Рѣшительно все въ ея комнатѣ—хорошенькое, новое, точно праздничное, а не предназначенное для будничной жизни; все имѣетъ такой видъ, какого не имѣло никогда раньше и не будетъ имѣть потомъ.

Молодая женщина только что начала одѣваться, когда до спальни долетѣлъ далекій трескъ электрическаго звонка. Ея хорошенькіе глазки весело блеснули.

— Лиза, идите скорѣе, посмотрите,—можетъ быть это баринъ!—заволновалась она.

— Съ чего же вдругъ баринъ такую рань?—отвѣтила разсудительно Лиза, но всетаки сейчасъ же скрылась за дверью.

А барыня наскоро плескала водою въ лицо надъ великолѣпнымъ мраморнымъ умывальникомъ.

...Какой стыдъ—немытая!

За плескомъ воды и стукомъ педали, она не слыхала голосовъ въ сосѣдней гостиной. Она была поглощена одной заботой—успѣть вытерѣть лицо. Но это не удалось ей: въ ту минуту, какъ она нетерпѣливо срывала запутавшееся на вѣшалкѣ полотенце—кто-то стремительно ворвался въ комнату, подлетѣлъ къ ней, схватилъ ее сзади за голыя плечи и сталъ покрывать поцѣлуями ея мокрую щеку.

Она ничего не видала, но она знала, что это не Костя. Во-первыхъ—Костя не молчалъ бы... и потомъ она просто чувствовала, что это не онъ! Когда, наконецъ, ей удалось вырваться и повернуться,—у нея вырвался не крикъ, а вопль:

— Марта! Марта!—Боже мой—это Марта!

Онѣ бросились въ объятія другъ друга. Нѣсколько минутъ это были только страстные поцѣлуи, маленькіе заглушенные возгласы, смятенное шатанье, какъ будто ноги отказывались держать ихъ, точно сейчасъ онѣ обѣ потеряютъ равновѣсіе и повалятся на пестрый коверъ.

Наконецъ, тонкія руки Марты распались отъ изнеможенія и она опустилась на стулъ, около самыхъ оконъ, куда онѣ нечувствительно задвинулись. Блестящая, изсиня-черная коса, проколотая длинными золотыми шпильками, сползла до половины спины—крошечная шляпка чернаго хрусталя, съ пучкомъ воздушныхъ перьевъ валялась на коврѣ, а по щекамъ, блѣднымъ, какъ слоновая кость, струились горячія слезы. Она выхватила изъ кармана маленькій кружевной комочекъ и зажимала имъ глаза, теребя зубами подвернувшійся уголокъ.

Лидія Васильевна стояла надъ нею съ высохшимъ подъ поцѣлуями, пылающимъ лицомъ. Слезы стояли въ прозрачныхъ сѣрыхъ глазахъ, сдавили бѣлую шейку, такъ что она не могла говорить; золотистые волосы спускались до самыхъ колѣнъ, а на плечахъ всѣ пуговки отлетѣли, и она руками придерживала на волнующейся груди тонкій шелкъ сорочки. Хотѣлось скорѣе накинуть капотъ, но нельзя такъ отойти, ничего не сказавъ... И она шептала жалобно:

— Марта, перестань! Марта, не плачь, родная... Марта, я умоляю тебя!

Наконецъ, Марта отняла отъ лица мокрый комочекъ и опрокинулась головой на спинку стула. Черные глаза блуждали, ничего не видя; худенькое неправильное лицо нервно подергивалось, тонкія руки повисли, какъ плети...

— Дать воды? Капель? Что дать тебѣ?..—спрашивала боязливо Лида.

Гостья глубоко вздохнула и гибкимъ движеніемъ выпрямилась на стулѣ.

— Ничего, ничего не надо... Неужели ты думаешь, я стану теперь терять время на истерики?

Черные глаза остановились на ней—расширились и вдругъ точно зажглись красноватымъ свѣтомъ.

— Вотъ она—Ледокъ мой! Моя прелесть—моя красота—Лида, Ледокъ!

Она соскользнула со стула на коверъ и въ одинъ мигъ Лида очутилась на ея мѣстѣ. Она сжимала руками ея талію и страстно разглядывала ея лицо. Нѣжность, радость и тревога переливались въ ея удивительныхъ глазахъ. Они становились все ярче, все напряженнѣе—точно что-то приливало къ нимъ изнутри—точно вырваться изъ нихъ хотѣло. Во всемъ лицѣ видѣнъ только взоръ этотъ, говорящій безъ словъ и приковывающій...

— Ты не сердишься, скажи?!—зашептала она:—ты простишь мнѣ, что я не вытерпѣла и пришла?—Господи... три года терпѣла... три года!.. Какъ только узнала, что ты вышла замужъ,—не могла больше...

Она скрипнула зубами и вскочила на ноги.

— И тебѣ не грѣшно—не стыдно, Лидка гадкая!—Даже не сказать мнѣ, когда вышла замужъ... о-о-о!.. Неужели все, все можно забыть?.. Не сказать!

Опять она плакала—стоя, прислонившись головой къ зеркальному шкафу.

— Марта, опомнись!—развѣ я знала, гдѣ ты?—воскликнула Лида, оскорбленная, что ее могутъ такъ обвинять.—Ты заграницу скрылась, никто не зналъ, куда ты дѣвалась...

Марта медленно приближалась, впиваясь въ нее подозрительнымъ взглядомъ.

— Правда? ты не обманываешь меня? Только потому не написала, что ты не знала, гдѣ я?. О, ты все такой же ребенокъ, какъ была!—всему вѣришь—тебя ничего не стоитъ обмануть...

Лидія Васильевна вскочила со стула и ушла за ширму. Черезъ минуту она появилась оттуда уже въ капотѣ. Мягкія складки блѣдно-розовой фланели падали свободно вокругъ стана; маленькая головка на красивой бѣлой шеѣ граціозно выходила изъ огромнаго кружевнаго воротника. Она на ходу свертывала свою роскошную косу.

— Какая ты прелесть!... Какъ ты похорошѣла!—Ледокъ мой!

Марта перехватила ее на дорогѣ и опять начала душить поцѣлуями. Но прелестное лицо ея друга горѣло отъ обиды.

— Ты-то ужъ, кажется, знаешь меня достаточно, чтобы не думать, что я способна трусить! — выговаривала она вздрагивающимъ голосомъ.—Коли передъ свадьбой не написала, значитъ мнѣ оставалось только вѣрить имъ, что тебя нѣтъ въ Петербургѣ. Раньше, конечно, я обязана была подчиниться требованіямъ мамы...

— Нигдѣ не встрѣтились—хоть бы на улицѣ!—выговорила задумчиво Марта.—Да нѣтъ—и лучше такъ! Все равно видѣться не могли бы, а теперь—о, Боже мой, теперь разумѣется, тоже нельзя видѣться! Твой супругъ разозлится за то, что ты приняла меня...

— Оставь пожалуйста моего супруга—вѣдь ты совсѣмъ не знаешь его! Онъ мнѣ не гувернеръ.

— Ха, ха, ха!.. какая наивность!—разсмѣялась та съ горечью.— Очень влюбленъ въ тебя? еще бы нѣтъ! ты такъ увѣрена въ своей власти... Но, мой бѣдненькій Ледокъ, вѣдь это же всетаки настоящій супругъ, а не какой-нибудь изъ моихъ... кавалеровъ!—докончила она съ выразительнымъ щелчкомъ вверхъ тонкими пальчиками.

Лида метнулась въ сторону, но она смѣясь удержала ее за руки.

— Мои кавалеры должны повиноваться... Я такъ хочу! Tout court. Или я ничего не хочу и тогда они будутъ хоть на четверинкахъ ползать по этому ковру!

На этотъ разъ былъ жестъ ножкой; изящный открытый башмачекъ-туфля вырвался изъ подъ края черной юбки и перелетѣлъ на другой конецъ комнаты.

Марта расхохоталась и хохотала до тѣхъ поръ, пока не упала въ кресло.

— Извини... я... я не... хотѣла...—бормотала она сквозь смѣхъ.

— Перестань, пожалуйста... Чему ты такъ смѣешься?..

Но Марта все смѣялась и ловила ея руки.

— Какъ это онъ вдругъ... вылетѣлъ... точно птица!.. ха, ха, ха...

— Совсѣмъ точно ребенокъ!—сказала съ укоромъ Лидія Васильевна и отвернулась къ туалету, чтобы воткнуть еще нѣсколько шпилекъ въ прическу.

Вдругъ ей показалось, что она слышитъ звонокъ. Она видѣла въ зеркалѣ, какъ ея лицо блѣднѣетъ... Нѣтъ, слава Богу—послышалось!

До этой минуты она еще не успѣла вполнѣ осмыслить случившагося, такъ нежданно, такъ внезапно она увидала передъ собою Марту... Прежнюю, милую, веселую и любящую по прежнему. Никакое клеймо отверженія не пылало на красивомъ маленькомъ лбу... Та-же дѣтская ласковость — тотъ-же плѣнительный, совсѣмъ особенный смѣхъ,

передъ которымъ не могъ устоять ни чей гнѣвъ... Боже мой, все, все совсѣмъ такъ-же, какъ было прежде!..

...Но ихъ раздѣляетъ страшная бездна. Бездна, которой нельзя перешагнуть—откуда не возвращаются въ порядочной жизни, къ близкимъ людямъ, гдѣ теряются всѣ права—право каждаго живого существа: на воспоминанія, на привязанности... Съ тѣхъ поръ какъ Лида стала замужней дамой, передъ ней произносили страшное слово «содержанка». Марта погибла. Она привыкала думать о своемъ другѣ дѣтства, какъ думаютъ объ умершихъ отъ какой-нибудь ужасной болѣзни. Объ ея реальной судьбѣ—о таинственной «безднѣ», поглотившей Марту сразу и навѣки, какъ мельничный омутъ поглощаетъ брошенный камень—она могла думать только сухо и принужденно, какъ думаемъ мы о многихъ затверженныхъ истинахъ, для которыхъ у насъ нѣтъ собственныхъ жизненныхъ представленій.

Но вотъ, прежняя Марта снова стояла передъ нею—и сразу захватила ее всю въ знакомый водоворотъ старыхъ, безпокойныхъ и милыхъ впечатлѣній... Безжизненныя заученыя истины стушевывались, какъ тяжелый сонъ. Въ сердцѣ Лиды затеплилась какая-то смутная, еще безформенная надежда...

Убѣдившись что не звонятъ, Лидія Васильевна рѣшила, что нельзя терять время на нѣжности; надо составить себѣ хоть какое-нибудь представленіе о настоящей жизни Марты. Она опустилась на стулъ противъ нея.

— Будетъ, Марта... перестань смѣяться, прошу тебя! Ты до сихъ поръ мнѣ ничего не разсказала,—я хочу знать все, по порядку.

Марта затихала, вздрагивая плечами. Длинныя мокрыя рѣсницы прикрыли глаза.

— Ты уѣхала заграницу?..—спросила тихонько Лида.

Марта кивнула головой.

— Ну, а потомъ?..

Марта совсѣмъ закрыла глаза.

— Потомъ?.. Потомъ я еще три раза ѣздила заграницу... И должна была опять уѣхать черезъ мѣсяцъ—но теперь—о, теперь!—нѣтъ, конечно, я никуда не поѣду, потому что я нашла тебя!..

— Какъ... три раза еще заграницу?.. зачѣмъ?.. Отчего... отчего же такъ много?..—выговаривала Лида, какъ-то нелѣпо растерявшись.

Марта усмѣхнулась.

— Почему-же много?—вѣдь въ трехъ годахъ больше тысячи дней—тысяча!—Dieu, que c'est long, long!...

Она закинула руки за голову и потянулась всей своей тоненькой, гибкой фигурой.

— Тебѣ и во снѣ не снилось... que c'est long, Ледокъ мой счастливый!

— Но что-же собственно... long?..—пожелала знать Лидія Васильевна съ рѣшительнымъ оттѣнкомъ строгости.

— Все! Мнѣ кажется, что я прожила по крайней мѣрѣ двадцать лѣтъ... Впрочемъ это хорошо, потому что я рано умру.

— Что еще за вздоръ, Марта!

— Нѣтъ-съ, не вздоръ. У меня какой-то порокъ сердца, очень рѣдкій. Monsieur le baron острить, что я поэтому не отвѣтственна за мои пороки... Чего ты морщишься? Это еще одна изъ удачныхъ остротъ, бываютъ и почище!..

По тонкому лицу скользнуло выраженіе брезгливости... Но она нетерпѣливо тряхнула головой и вся ласково потянулась, чтобы взять руки Лиды, степенно скрещенныя на колѣняхъ.

Та тревожно смотрѣла на нее, не отводя глазъ. Въ нихъ, какъ тѣни въ глубинѣ прозрачной воды, скользили боязливые вопросы.

— Кто этотъ баронъ, Марта?—спросила она шепотомъ.

Марта вздрогнула и выпустила ея руки. Своенравно очерченныя черныя брови сдвинулись, и все лицо приняло капризное выраженіе. Оно удивительно шло къ ней. Она дотронулась кончиками пальцевъ до своего лба.

— Ты знаешь—никакъ я не могу припомнить твоего мужа! Помню фамилію—онъ тогда недавно познакомился, не правда-ли?—а наружности не могу вспомнить...

— Марта, отчего ты не отвѣчаешь мнѣ?..

— Конечно это потому, что тогда какъ разъ у меня голова шла кругомъ! Боже мой... еще-бы нѣтъ! Вѣдь если-бы я не спаслась заграницу съ первымъ, кто подвернулся, они навѣрное довели-бы меня до Фонтанки... А-а-а!.. Сколько-бы я ни прожила на свѣтѣ — хоть Маѳусаиловы вѣка—я никогда, никогда, никогда не забуду, какъ они мучили меня тогда!

Она судорожно стиснула въ кулакъ маленькія руки и приподняла ихъ жестомъ, полнымъ страданія.

— Одна ты жалѣла меня... Всѣ жалѣли его, гадкаго, бездушнаго фатишку... Что съ нимъ теперь?—Нѣтъ, нѣтъ, не говори—не стоитъ, не хочу! Я такъ ненавижу его, ненавижу...

Она вскочила и заметалась по комнатѣ, заламывая свои прелестныя руки.

— Навѣрное они и до сихъ поръ не сознаютъ, какъ они виноваты передо мной! Господи... точно мнѣ нуженъ былъ очень этотъ Пронскій!.. Но все-таки лучше чѣмъ нырнуть въ Фонтанку—это вѣдь отъ меня никогда не уйдетъ. Да! никто не жалѣлъ кромѣ тебя, Ледокъ мой—кристальный!..

Въ лицѣ ея опять засвѣтилась нѣжность, смѣшиваясь съ мукой.

— Ты Ледокъ, разумѣется, но не совсѣмъ холодный! ты... ты розовый ледъ—Voila!.. вонъ, вонъ, какая ты вся розовая... Ха, ха, ха... Отлично! правда? И всегда ты была розовая... Ледъ, согрѣтый розовымъ свѣтомъ... Боже мой, какъ я люблю тебя одну!..

Она со всего маху бросилась на коверъ и прижалась къ ея колѣнямъ, зарывая свои безпокойныя руки въ мягкія складки розовой фланели.

По щекамъ Лиды медленно скатывались крупныя капли слезъ. Она положила вздрагивающіе пальчики на блестящіе черные волосы.

— Успокойся, душечка,—ты слишкомъ волнуешься. Будемъ пить кофе, хочешь? Я еще ничего не пила.

Марта уже со смѣхомъ вскочила на ноги.

— Ахъ, несчастная! вѣдь мы любимъ покушать, правда?—правда? Ха, ха, ха!.. Отлично, будемъ пить кофе! Твой кофе, въ твоемъ собственномъ домѣ... Какъ это чудесно, Лидка, что ты замужемъ!..

Лида поспѣшно поднялась со стула, тоже безсознательно успокаиваясь отъ наступившаго перерыва. Съ подвижностью молодости въ ея головѣ уже заронились другія мысли.

...Вѣдь Марта еще ничего, ничего не знаетъ! Не знаетъ, какъ она необыкновенно счастлива, какъ это удивительно случилось, что Костя тоже безумно влюбился въ нее... О!.. цѣлый міръ счастія!..

Всѣ поразительныя откровенія чистой дѣвической любви заволновались въ груди и разлились нѣжнымъ свѣтомъ умиленія въ ея гармоничныхъ чертахъ.

— Нравится тебѣ у меня?—спросила она съ скромнымъ лукавствомъ юной хозяйки, убѣжденной что ея счастіе пріютилось въ самомъ очаровательномъ гнѣздышкѣ, какое только существуетъ на свѣтѣ.

Марта въ первый разъ окинула комнату критическимъ взглядомъ; потомъ распахнула дверь въ гостиную и съ минуту простояла на порогѣ.

Лидія Васильевна не совсѣмъ спокойно поглядывала на ея профиль, разыскивая по столамъ свои ключи.

— Ну, знаешь!—воскликнула наконецъ Марта, медленно поворачиваясь къ ней на каблукахъ:—если твой Бервиль воображаетъ, что онъ «окружилъ тебя достойной рамкой»—(это ихъ любимое, дурацкое выраженіе)—то онъ очень жестоко ошибается! Ничего нельзя вообразить скучнѣе и шаблоннѣе... И какъ только ты позволила навязать себѣ эту голубую брокатель? У блондинки должны быть голубыя драпировки—это въ такихъ-то законахъ значится! Точно опрокинули банку голубой краски... и фасонъ! ты соглашаешься сидѣть на такомъ старомодномъ дреколья? Фу, какая безвкусица!..

Она шагнула на середину спальни.

— А здѣсь, конечно, невинный кретонъ, собранный невинными складочками—ça va sans dire! Что-жъ, можетъ быть это и было очень мило въ первое время, когда дѣлалось впервые во дворцахъ, гдѣ надоѣли шелки и бархата, нужна была новинка... Нѣтъ, но эти розетки! о! о!.. туалетъ въ русскомъ стилѣ... Ледокъ, родная, неужели ты обидѣлась? Боже, какая я непростительная дура!

Лида слегка отталкивала ее руками, когда она принялась неистово цѣловать ее въ шею.

...Нѣтъ, нѣтъ, она ничуть не обижается... Разумѣется, все здѣсь черезчуръ просто, чтобы могло понравиться избалованной женщинѣ... Но для семейнаго счастія вовсе не нужна роскошь—ей рѣшительно все равно, какъ убраны ея комнаты.

Но тутъ уже и Марта неожиданно разсердилась и покраснѣла. Нѣтъ, она вовсе не говорила, что это черезчуръ просто! Пусть это стоило-бы втрое меньше, но только не было-бы до такой степени банально—въ каждомъ петербургскомъ домѣ десятки такихъ точно квартиръ! Непремѣнно должна быть чинная и скучная гостиная, гдѣ нельзя сидѣть удобно,—и скромная спальня, гдѣ тѣсно жить вдвоемъ. О, она напередъ знаетъ, какой у monsieur Бервиля кабинетъ!—а столовая, безъ сомнѣнія, украшена модными тарелками и этой отвратительной nature morte.

— Ну, признайся, Ледокъ, вѣдь есть утки въ столовой? есть?— Попарно подвѣшаны за лапки... Господи, можетъ-ли быть что-нибудь уродливѣе этихъ утокъ! Съ какой стати можно ихъ считать за украшеніе? Утки и еще зайцы, кажется... Ну, признавайся-же скорѣе, все равно, вѣдь мы сейчасъ пойдемъ въ столовую—есть тамъ утки?

И она до тѣхъ поръ тормошила ее, пока m-me Бервиль не созналась, смѣясь и сердясь вмѣстѣ, что утки въ столовой дѣйствительно есть.

Марта звонко расхохоталась.

— Ну, я же вѣдь это знала! Идемъ, идемъ пить кофе. Обѣщаю тебѣ не смотрѣть на утокъ,—но ты сама виновата, зачѣмъ ты спросила, нравится-ли мнѣ у тебя? Мнѣ не можетъ нравиться такая банальщина. Такая красавица, какъ ты, стоитъ чего-нибудь получше—впрочемъ, въ этомъ мы никогда не сойдемся!

— Разумѣется. Мы всегда цѣнили въ жизни совершенно различныя вещи, произнесла Лидія Васильевна тономъ человѣка, прожившаго добрую половину вѣка.

Она быстро прошла черезъ голубую гостиную, такъ жестоко высмѣянную. Въ эту минуту ей казалось, что дѣйствительно все равно, какъ выглядитъ ея домъ—этотъ первый собственный уголокъ, который каждая женщина любитъ, какъ частицу своего новаго счастія. Не вспомнилось какъ всѣ эти семь мѣсяцевъ, каждое утро она употребляла на

то, чтобы медленно и любовно обходить свои владѣнія, высматривая каждую пылинку, каждую неумѣстную складку. И какъ все казалось здѣсь красиво удобно и уютно.

Въ столовой Марта быстро скользнула къ столу, комически склоняя лицо къ паркету, и сѣла на первый стулъ. Но сейчасъ-же она со смѣхомъ повернулась къ стѣнѣ и обвела ее широкимъ обличительнымъ жестомъ.

Черные глаза сіяли дѣтской веселостью, самый непринужденный смѣхъ срывался съ лукавыхъ губокъ. Трудно повѣрить, что за ея спиной стоитъ грозное прошлое—безразсудное и непоправимое!.. Все то стоитъ, чего она не могла выговорить единственному существу, которому она никогда не лгала.

Это ея двадцать лѣтъ безсознательно сіяли и играли весельемъ—тѣмъ физическимъ весельемъ юности, котораго не въ силахъ убить сразу никакія бѣды и горести. Нѣтъ, оно должно быть изжито, утрачено капля за каплей, какъ растрачивается здоровье—жизнь. Снопомъ свѣтлыхъ лучей оно вырвется изъ-подъ всякаго гнета и хотя-бы на короткій мигъ побѣдоносно закружитъ въ свою сторону упругое молодое чувство.

Лидія Васильевна тоже смѣялась и пыталась оправдать злополучныхъ утокъ. Она одна знала, какіе очаровательные обѣды вдвоемъ происходили въ этой «банальной столовой только что женившагося чиновника», какъ говорила Марта.

— И знаешь, я думаю, что твое великолѣпіе въ своемъ родѣ также банально по всей вѣроятности! сказала Лида, подавая чашку кофе. (Своимъ кофе она тоже гордилась, но, наученая горькимъ опытомъ, остерегалась спросить, вкусенъ-ли онъ ея гостьѣ).

Марта значительно поиграла своими живыми бровками.

— Н-не совсѣмъ, быть можетъ!.. Впрочемъ,—надо сказать, потому что великолѣпія моего ты никогда не увидишь... У меня, я должна сознаться, самая непозволительная роскошь...

Чайная ложечка дрогнула въ рукахъ Лиды и прозвенѣла о край чашки. Марта метнула на нее быстрый взглядъ исподлобья.

— Боже мой, должна-же я чѣмъ-нибудь заниматься, ты какъ полагаешь?—спросила она съ вызовомъ во взорѣ, въ позѣ, въ голосѣ.

— Это—занятіе?—швырять деньги, да еще чужія...

— Конечно—занятіе! Это, видишь-ли, дѣлаетъ жизнь: люди что-то вмѣстѣ придумываютъ, обсуждаютъ, спорятъ... Потомъ разъѣзжаютъ, ищутъ, заказываютъ... Ха, ха, ха!.. Первое правило—никогда не покупать ничего готоваго, иначе не избѣжишь банальности... Н-ну! у меня, оказывается, недурная художественная фантазія... Это наполняетъ жизнь, я говорю тебѣ. Вѣдь невозможно-же разыгрывать ее, точно водевиль—

сѣсть въ красивую позу и вести разговоръ о любви... Merci pour ça!.. А когда тебѣ преподнесутъ какую-нибудь твою самую невѣроятную фантазію, тогда можно совершенно искренно — planter un baiser, можно сказать какія-нибудь слова, которыя не являются по заказу... вѣдь за подарокъ вполнѣ естественно поблагодарить!

Лида въ волненіи отодвинулась отъ стола вмѣстѣ со своимъ стуломъ.

— Ты, кажется, воображаешь, что ты придумала что то новое?— спросила она съ великолѣпнымъ негодованіемъ.

— Для тебя-то ужъ во всякомъ случаѣ новое!—крикнула грубо Марта.—Вы всѣ, добродѣтельныя женщины, воображаете, что мы любимъ эту дребедень ради нея самой... Какъ будто можно любить вещи! Господи, Боже мой—когда невозможно добыть изъ своего сердца ни одной искры любви къ кому-нибудь... къ кому-нибудь!..

Она вытянула руки впередъ, точно взывая и моля...

— Я ничего не понимаю!—произнесла съ отчаяніемъ Лида.—Скажи, Бога ради, зачѣмъ-же тогда все это? Зачѣмъ, если ты такъ говоришь?..

— А! точно я понимаю!.. и что я могу тебѣ объяснить?.. Кто-то установилъ эту жизнь... не я же! Я не могу ее перемѣнить. Я должна быть такой, какъ всѣ, такой, какъ отъ меня требуютъ... Не швырять денегъ... право смѣшно, когда люди разсуждаютъ о томъ, чего они не знаютъ!—Ты, можетъ быть, думаешь, что отъ меня требуется благоразуміе и экономія?.. Oh-là-là!—Но для чего я все это говорю тебѣ!.. Знаешь, твой кофе недовольно крѣпокъ, и навѣрное онъ смолотъ заранѣе, а не каждый разъ передъ тѣмъ какъ варить—я знатокъ въ этомъ, я цѣлый день пью кофе.

— Это очень вредно, если у тебя больное сердце...

Марта презрительно повела плечами.

— Но ты опять не отвѣтила на мой вопросъ! Марта, если ужъ ты пришла ко мнѣ...

— Ну, и что-же? я за это обязана исповѣдываться—да?—перебила она нетерпѣливо:—Разумѣется. Я всегда что нибудь да обязана! Виновата передъ цѣлымъ свѣтомъ... Каждый можетъ допрашивать, разносить, учить...—Что-же именно ты желаешь знать?

Лида поднялась съ своего мѣста. Губы ея дрожали.

— Нѣтъ! такъ мнѣ ничего не надо. Я тебя не допрашиваю.

Марта тоже встала. Теперь лицо ея было очень блѣдно, а глаза стали еще ярче. Она на секунду прижала руку къ сердцу и попросила перейти опять въ спальню.

— Тамъ легче говорить, я чувствую, что это твоя комната... Ледокъ мой, ты сердишься?..

Она вкрадчиво обняла ее за талію и положила маленькую головку на кружевной воротникъ.

— Помнишь... разъ лѣтомъ мы такъ снялись вмѣстѣ?.. У тебя тоже была такая карточка...

— Да, она есть у меня. Всѣ твои карточки, кромѣ этой, никуда не годны.

Марта порывисто прижалась губами къ ея щекѣ.

— Ты всегда была во сто разъ красивѣе меня—не понимаю гдѣ были у нихъ глаза! Но теперь я стала гораздо красивѣе, неправда-ли?.. Впрочемъ, не суди сегодня—сегодня я вся наизнанку вывернута. Но когда я разодѣнусь, когда дамъ себѣ трудъ быть хорошенькой—одѣваться я умѣю—да, я стала красивѣе! и... Ледокъ мой... право-же, право, я стала гораздо лучше... хоть и шествую неуклонно впередъ по моему пути... Боже мой, это ужъ такой путь!.. Тебѣ и не снилось!.. Стоитъ только разъ попасть на него... J'y suis et j'y reste—какой великій человѣкъ это сказалъ? Ха, ха, ха!..

Лида молчала. Слезы сдавили ей горло. Въ головѣ мелькала мысль, что мужъ сейчасъ долженъ вернуться. Она не рѣшалась взглянуть на часы, пожалуй Марта подумаетъ что нибудь...

— Я бы хотѣла знать все по порядку, съ того дня, какъ ты исчезла... Ты давеча сказала — неужели же ты даже не любила Пронскаго?—какъ ты хочешь, чтобы я поняла! какой-то баронъ... ты говорила...

Марта ходила по комнатѣ большими шагами. Щеки ея начали горѣть. Нѣсколько минутъ стояла жуткая тишина.

— Нѣтъ, Ледокъ... ради Христа, избавь отъ этого! и зачѣмъ тебѣ... все по порядку?.. Что ты поймешь во всемъ этомъ! Изъ одного положенія поподаешь въ другое уже непроизвольно... Камень удачно толкнули и—дальше онъ летитъ по инерціи! Этой премудрости всѣхъ насъ въ гимназіи обучали, и будетъ съ тебя. О, Боже мой! развѣ ты что нибудь, что нибудь знаешь! развѣ знаешь, что будетъ завтра? Лида, родная, не спрашивай меня ни о чемъ. Тебѣ я что-то другое скажу, хорошее—тебѣ хорошее!

Марта остановилась передъ ея стуломъ. Въ глазахъ засвѣтилось что-то новое—не веселый, а какой то иной, затаенный блескъ.

— Вѣдь я же понимаю, что мнѣ не слѣдовало приходить къ тебѣ. Пришла не только оттого, что не могла дольше терпѣть — нѣтъ, еслибъ у меня ничего не было, кромѣ моей жизни, я бы, кажется, не посмѣла придти... Ну, написала бы, можетъ быть—даже навѣрное написала бы!—но придти... вонъ, точно я не вижу, какъ ты прислушиваешься къ звонку? и давеча, все время прислушивалась... Не сердись, Лидокъ мой бѣдный, не сердись! Я все понимаю! я еще не успѣла забыть... не сердись... вѣдь ты моя прежняя, родная? Вмѣстѣ были глупенькими, смѣшными дѣвочками... Нѣтъ, конечно, я никогда не была такая какъ ты,—мы разныя всегда были—но все таки не была же я

всегда дурная, пока меня не испортили? Всѣ, всѣ точно сговорились. Дѣлали жизнь невыносимой—и куда то манили, гдѣ все другое!—Милая добродѣтельная тетушка! Она твоя мать, но я не могу этого измѣнить—это она, она первая погубила меня! Отчего не отдали меня въ институтъ, въ пріютъ, и почемъ я знаю!.. Куда дѣваютъ дѣтей, которые никому не нужны!..

Лида въ волненіи встала со стула.

— Да, Марта, я давно это думаю: вся наша семья виновата передъ тобой. Я это тогда же высказала мамѣ въ глаза—она заболѣла отъ огорченія, а Поль пустилъ въ меня подсвѣчникомъ. И не они одни—всѣ, я не знаю отчего! Никто не относился къ тебѣ добросовѣстно. Захваливали, баловали, ухаживали въ пятнадцать лѣтъ... Со мной не позволили бы такъ обращаться! мама надѣялась выдать замужъ... Что значили мои наивныя нотаціи! Вѣдь я сама была ребенокъ, глупѣе тебя.

Марта нѣжно смотрѣла на нее глазами полными слезъ.

— Нѣтъ, ты всегда была моей совѣстью. Ничего, что ты не могла остановить меня—ты была такой же ребенокъ!.. Но если я теперь не совсѣмъ подлое существо, а только несчастное—о, самое несчастное во всемъ мірѣ!—я этимъ обязана тебѣ одной: тебя я не могла забыть...

Лида громко рыдала.

— Ничего, не плачь... Еще одно отчаянное усиліе—еще нѣсколько шаговъ по грязи—и я буду на волѣ! Боже правый, неужели это будетъ когда-нибудь!...

Она всплеснула руками и въ волненіи закружилась по комнатѣ.

— Что будетъ?—Что?—Марта, договаривай же, скажи хоть это, скорѣе!

Марта безпокойно взглядывала на нее, какъ будто нерѣшаясь сказать.

Изъ прихожей долетѣлъ звонокъ, на этотъ разъ не могло быть сомнѣнія.

— Это Бервиль! какъ его зовутъ?

Лида схватила ее за руку и начала трясти.

— Говори же, договаривай скорѣе!..—Я не могу такъ!—крикнула она повелительно.

— Я буду дебютировать въ русской оперѣ,—выговорила Марта скороговоркой.

И она видѣла, какъ сѣрые глаза широко раскрылись и изъ нихъ глядѣло первое, безотчетное изумленіе.

— Ты не знаешь—я училась пѣть за границей—теперь я беру уроки у двухъ профессоровъ!

Лида выпустила ея руку и пошла къ двери.

— Мужа зовутъ Константиномъ Петровичемъ,—сказала она вполголоса, неповорачивая головы.

Марта мрачно смотрѣла ей въ слѣдъ и выгибала свои тонкіе пальцы.

Константинъ Петровичъ Бервиль цѣловалъ поочередно бѣленькія ручки жены и въ промежутки заглядывалъ пытливо въ ея лицо.

— Что случилось?.. Я же вижу! скажи скорѣе, что съ тобой? Кто тамъ у тебя?

Лида, не отвѣчая, увлекла его въ кабинетъ и напугала этимъ еще больше. Онъ чувствовалъ, что случилось что-то важное.

Она остановилась передъ нимъ съ сдвинутыми бровями и рѣшительнымъ лицомъ, какого онъ еще не зналъ у нея.

— Тамъ у меня Марта—наша Марта, ты знаешь!.. Костя, я тебя прошу, если ты меня любишь, будь съ нею какъ можно ласковѣе... Она такая несчастная!—Я не совсѣмъ знаю... мы еще не успѣли хорошенько переговорить... но она несчастная!—Костя, если ты любишь меня!..—выговорила она залпомъ, держа его близко передъ собою за плечи и умоляя глазами.

Мужъ отскочилъ отъ нея и взмахнулъ руками. Его правильное, сухое лицо брюнета лѣтъ за тридцать покрылось темной краской.

— Вотъ этого только не хватало!—вылетѣло у него непривычно звонкой нотой:—Съ какой стати эта особа позволяетъ себѣ такую выходку? Очень жаль, если она несчастна—это то, что ей угодно было выбрать—это еще не резонъ, чтобы вредить другимъ! Она могла бы хоть изъ благодарности за прошлое избавить тебя отъ подобнаго положенія!

Лида едва слышала, что онъ говоритъ. Все, все это она отлично знала и слыхала сотни разъ. Она предчувствовала, что Костя начнетъ говорить именно это—ихъ обыкновенную жестокую мораль, какъ всѣ всегда говорятъ о Мартѣ. Добрый, любимый Костя—неужели же и въ немъ не найдется простой жалости?..

И ее вдругъ охватилъ жуткій страхъ—страхъ, что неизбѣжно такъ будетъ. Страхъ за себя, за него, за ихъ юное счастіе, на которомъ до сихъ поръ не было ни одного облачка. Она поблѣднѣла и жалобно повторяла только милое имя, точно хотѣла этимъ удержать его,—помѣшать чему то.

А въ немъ гнѣвъ разгорался сильнѣе.

— Что ей понадобилось вдругъ отъ тебя? Вѣдь до сихъ поръ хватало же порядочности не дѣлать этой безтактности. Зачѣмъ собственно она является?

— Ей ничего не нужно—что же ей можетъ быть нужно отъ насъ?—отвѣтила Лида высокомѣрно.—Пришла, потому что только теперь узнала, что я замужемъ.

— А-аа!.. Чтоже это мѣняетъ, желалъ бы я знать!?

— Костя, мы поговоримъ объ этомъ потомъ, потомъ... Теперь я не могу, я должна пойти къ ней... Что она подумаетъ?..

Но онъ долженъ же вразумить ее! Она требуетъ, чтобы онъ вышелъ и былъ любезенъ... Ну, а дальше что? Можетъ быть, она пригласитъ Марту бывать у нихъ—она считаетъ это возможнымъ знакомствомъ для себя? Потомъ, конечно, онъ объяснитъ ей все, чего она непонимаетъ— но сейчасъ она надѣлаетъ промаховъ.

— Это—Марта, моя сестра! мы росли вмѣстѣ! Я не могу быть жестокой, какъ вы всѣ! Она виновата меньше другихъ... Я не могу!— уже рыдала Лида, вся охваченная какой-то незнакомой, страшной тоской.

— Ну, вотъ, ну вотъ—начинается! Вотъ какъ она отблагодарила тебя за твою доброту къ ней!— воскликнулъ въ негодованіи мужъ.

Тогда Лида,—кроткая и сдержанная Лида,—вдругъ топнула ногой и крикнула не своимъ, непріятно пронзительнымъ голосомъ:

— Ахъ, перестань, наконецъ, говорить все обо мнѣ! Что ты все обо мнѣ безпокоишься, когда тутъ цѣлая трагедія!?..

Мужъ на мигъ растерялся отъ неожиданности, а потомъ разсердился сильнѣе, какъ разсердился-бы каждый на его мѣстѣ:

Вотъ, именно это!—Они прекрасно могли-бы обойтись безъ чужихъ трагедій, которымъ все равно ничѣмъ нельзя помочь—Марта должна-бы избавить ее отъ этого. Но Лида видитъ трагедію тамъ, гдѣ на повѣрку окажется небольше, какъ веселенькая оперетка.

— Замѣть себѣ, пожалуйста, что такія особы все лгутъ и не вздумай принимать каждое ея слово за чистую монету!

Лида повернулась къ нему спиной и, недослушавъ, стремительно вылетѣла изъ кабинета. Она старалась овладѣть своимъ волненіемъ и по дорогѣ свернула въ столовую, чтобы выпить воды. На порогѣ спальни она остановилась пораженная: комната была пуста.

Тогда она бросилась назадъ и изъ гостиной увидала Марту въ прихожей въ собольей ротондѣ. Пылающій взглядъ черныхъ глазъ черезъ комнату столкнулся съ ея глазами.

— Куда ты? Я не пущу, не пущу тебя!.. Лида бросилась въ прихожую, не отдавая себѣ отчета, что она дѣлаетъ.

Марта старалась помѣшать ей разстегнуть ротонду.

— Нѣтъ, пусти, пусти... Я лучше въ другой разъ приду!.. потомъ, когда ты мнѣ напишешь... Вы переговорите... ты напишешь...

Слова съ трудомъ выходили изъ ея сдавленнаго горла.

— Нѣтъ, я не отпущу, я не отпущу тебя!—повторяла Лида озлобленно.

Марта прислонилась къ косяку двери, точно силы вдругъ оставили ее.

— Ледокъ мой... спасибо тебѣ!..

Ротонда свалилась на полъ и Лида потащила ее назадъ въ гостиную.

Она не знала, что сказать,—и съ облегченіемъ перевела духъ, когда услыхала, что въ кабинетѣ открывается дверь.

Въ тотъ-же мигъ Марта вывернулась изъ ея рукъ и скользнула въ полуоткрытую дверь спальни.

Мужъ сейчасъ-же остановился около своей двери. Лида осталась, какъ была, посерединѣ комнаты, не поворачиваясь къ нему, не зная, что будетъ дальше.

Прошли минута, двѣ и дверь спальни распахнулась. Марта медленно вошла въ гостиную, натягивая на руку длинную перчатку. Она была страшно блѣдна. Лицо точно застыло въ выраженіи холодной гордости; глаза съузились и потеряли блескъ; губы были строго сжаты.

Это до такой степени мѣняло ее, что Лида вдругъ совсѣмъ перестала думать и только смотрѣла на нее, пораженная...

Марта застегнула пуговку, подняла голову—и съ любезной улыбкой свѣтской женщины пошла на встрѣчу хозяину.

— Константинъ Петровичъ? Вы, конечно, меня не помните, какъ и я васъ... Тогда было столько баловъ и столько кавалеровъ!

Лида со страхомъ взглянула на мужа и увидала, что онъ кланяется и пожимаетъ руку.

— Васъ забыть было не такъ легко, какъ бальныхъ кавалеровъ.

«Любезность это или намекъ»?.. подумала растерянно Лида.

А Марта уже говорила совершенно непринужденно, что она собиралась уйти, но Лида не пустила ее.

— Впрочемъ... это ничего не мѣняетъ!—прибавила она, глядя ему въ глаза и что-то подчеркивая ироническиой интонаціей.

Лида такъ волновалась, что не понимала, что Марта хочетъ этимъ сказать. Она только была счастлива, что все идетъ хорошо. Она сама не знала, чего-же она боялась.

— Однако, какъ-же я устала! Ледокъ милый... Боже мой, да вѣдь ты такъ и осталась неодѣтая! Прости, это изъ-за меня... Теперь вѣрно ужъ поздно? Хочешь, ступай сейчасъ одѣться, а мы тутъ поболтаемъ.

Бервиль подставилъ стулъ, но Марта кивнула ему головой и сѣла на диванъ. Сѣла и перемѣнила позу разъ, другой...

— Извини, Ледокъ... я ужъ высказывалась давеча насчетъ этого фасона!..

И она ловкимъ движеніемъ подобрала подъ себя обѣ ноги и задвинулась въ самый уголъ. Все это сдѣлалось въ одну минуту.

— Константинъ Петровичъ, извините —тамъ кажется есть подушка?— Благодарю васъ... Нѣтъ, мое тѣло недостаточно гибко, чтобы приспособиться къ этимъ изящнымъ выемкамъ... Ха, ха, ха!.. Вѣроятно, это требуетъ практики... Ха, ха, ха!..

Подъ аккомпаниментъ ея смѣха, Лидія Васильевна ушла въ спальню, не спрашивая себя, точно-ли ей необходимо сейчасъ переодѣваться.

...Марта говорила ей давеча, что стала красивѣе... да, это правда! Сейчасъ она была удивительно красива и совсѣмъ, совсѣмъ на себя не похожа...

Въ розовой спальнѣ Лиза убирала. Она пытливо поглядывала на барыню, помогая ей снять капотъ. Второпяхъ барыня оборвала кружево и оцарапала булавкой руку.

— Эхъ, грѣхъ-то какой, право!.. Опять вы, Лидія Васильевна, разстроились...—не выдержала наконецъ Лиза, на правахъ старой горничной, явившейся въ новую жизнь, вмѣстѣ съ приданными сундуками.

— Не бѣда... Дайте скорѣе зеленое!

Зеленое—любимое платье Кости. Лида глядѣла на себя въ зеркало расширенными зрачками и не попадала крючками на петли.

Лиза громко вздохнула.

— Я и говорю... Сколько вы тогда слезъ пролили, а Марта Михайловна хоть-бы что! Все такая-же, какъ и была...

Барыню задѣлъ презрительный тонъ. Хотѣлось замѣтить, что это дѣло не ея ума, но она никогда не говорила съ Лизой тономъ барыни съ прислугой.

— Такимъ-то и всегда, что съ гуся вода... Другіе только понапрасну за нихъ убиваются!—не унималась горничная, переживавшая вмѣстѣ съ семьей обрушившійся позоръ.

Лидія Васильевна гнѣвно блеснула глазами.

— Это очень жестоко, Лиза, что вы говорите. Никто не знаетъ, что въ чужой душѣ дѣлается...

— Да ужъ чего тутъ не знать—вонъ заливается какъ! Коли кошки на сердцѣ скребутъ, такъ небось немного насмѣешься. Всегда была такая—все-то смѣхомъ, все смѣхомъ... Набѣдокуритъ, да сама-же и смѣется, а вы за нее прегорько плачете!

— Лиза, замолчите пожалуста, я не хочу этого слушать!—крикнула барыня сорвавшимся голосомъ, выхватила изъ ея рукъ ленту и начала сама прикалывать, неловко заломивъ назадъ руки.

— Чтожъ, это не я одна, а всякій скажетъ, что ей здѣсь не мѣсто!—совсѣмъ ужъ обиженно заявила Лиза:—Я давеча и пускать не хотѣла—да куда тебѣ! Она развѣ спросится? Немного и всегда было совѣсти, а теперь чего ужъ и ждать—захотѣла и пошла! Вотъ какъ баринъ спровадитъ благороднымъ маneромъ, тогда узнаетъ, ладно-ли въ честный домъ врываться!

И не дожидаясь взрыва, Лиза вышла въ корридоръ и сгоряча даже дверью прихлопнула.

— Скажите пожалуста... не знаете-ли вы Арсенія Павловича Копылова?—спросила Марта, усѣвшись покойно въ уголкѣ голубого дивана.

Бервиль держался руками за спинку стула, не садился и ждалъ конечно не этого вопроса. Впрочемъ, онъ совершенно не зналъ, чего ждать послѣ первыхъ развязныхъ пріемовъ затруднительной гостьи. Онъ весь поглощенъ былъ безсознательнымъ любопытствомъ.

— Копыловъ, Арсеній Павловичъ? Это мой троюродный кузенъ.

Марта подпрыгнула на диванѣ.

— Правда?.. это правда?—вы не шутите?.. Ха, ха, ха!.. вотъ такъ удивительная случайность!.. Ха, ха, ха!.. Только мнѣ можетъ такъ везти на эти вещи... Ха, ха, ха!..

Черные глаза искрились и смѣялись, тонкое нервное лицо дрожало и смѣялось,—зубы, бѣлые и ровные, сверкали и снова прятались...

«Вотъ смѣется человѣкъ!» — подумалъ Бервиль, чувствуя какъ странный смѣхъ, негромкій, мягкій и переливчатый—точно журчащій—самой этой непрерывностью насильно овладѣваетъ его слухомъ: внѣдряется—щекочетъ... все глубже и глубже. Въ жизнь свою онъ не слыхалъ подобнаго смѣха.

— Не дѣлайте, пожалуйста, такихъ удивленныхъ глазъ!—поясняла Марта между смѣхомъ:—у меня до этого самаго Копылова есть дѣло... Очень, очень важное дѣло... и вдругъ, ха, ха, ха!—вдругъ оказывается, что онъ вамъ даже родственникъ!.. Ха, ха, ха!.. А я то не знала, кого-бы мнѣ спросить... ха, ха, ха!—Онъ не очень сердитый?.. Онъ не похожъ на васъ?.. Ха, ха, ха!.. Ну, да знаете, еслибъ еще не везло въ такихъ пустякахъ—ужъ тогда это просто чортъ знаетъ что было-бы!.. Ха, ха, ха. Каждому человѣку должно везти хоть въ чемъ-нибудь, неправда-ли? даже такимъ какъ я... ха, ха, ха!.. Отчего вы ничего не отвѣчаете мнѣ?..

Онъ не зналъ, на что отвѣчать. Нѣтъ, никогда, никогда онъ не слыхалъ подобнаго смѣха! Глупо, разумѣется... Но точно вся ея душа въ этомъ смѣхѣ трепещетъ и вмѣстѣ съ слабымъ дрожащимъ звукомъ насильно вливается въ другую душу... Такъ вотъ она какая, ихъ очаровательная Марта! Правда, въ ней есть что-то совсѣмъ особенное...

Черные глаза смотрѣли открыто, неотступно ему въ глаза—такъ неотступно, точно они требовали и не отпускали его взгляда, точно что-то взять хотѣли. И странно!—глаза быстро свѣтлѣли. Онъ уже различалъ въ нихъ оттѣнки. Теперь онъ ясно видѣлъ, что они коричневые, а не черные. Они становились прозрачными, они сіяли точно коричневые хрустали, и что-то какъ будто дрожало въ ихъ глубинѣ.

Бервиль съ усиліемъ отвелъ свои глаза и спросилъ, какого рода ея дѣло къ Копылову?

Марта вдругъ перестала смѣяться и начала язвительно усмѣхаться.

— Ахъ, вы уже испугались! Очень боитесь? признайтесь! Вотъ сейчасъ я потребую, чтобы вы оказали мнѣ протекцію у своего кузена... Каково это, оказывать протекцію подобной особѣ! А тутъ Лида съ ея ангельской добротой... Мнѣ то отказать, конечно, ничего не стоитъ, но огорчать Лиду вамъ вовсе не улыбается—вотъ вы и поставлены въ затруднительное положеніе, monsieur Бервиль!..

Она опять засмѣялась, только совсѣмъ иначе—натянуто и непріятно.

— Совершенно напрасно вы даете себѣ трудъ думать за меня, отвѣтилъ холодно Бервиль.

— Это не составляетъ для меня ни малѣйшаго труда. Но прошу васъ не тревожиться: я не собираюсь ни о чемъ просить васъ, m-eur Бервиль.

Она вся стала непріятная. Безсознательно хотѣлось, чтобы она опять сдѣлалась прежняя, хотѣлось услышать еще разъ, какъ она смѣется.

— Я нимало не тревожусь.

— Совершенно напрасно говорите мнѣ это! Какъ, однако, Лида долго одѣвается.

...Нѣтъ, очевидно, прежней она не будетъ. Онъ больше не услышитъ страннаго смѣха.

Впечатлѣніе сглаживалось; въ умѣ Константина Петровича заработали его собственныя непріязненныя мысли.

Лида вошла въ темно-зеленомъ платьѣ. Оно очень шло къ ея золотистымъ волосамъ и розовому лицу.

— О чемъ вы здѣсь такъ весело смѣялись?—спросила она, стараясь сдѣлать безпечный голосъ. Внутри у нея еще все дрожало отъ негодованія на Лизу.

— Обо всемъ—вѣдь я же не умѣю говорить серьезно!—отвѣтила Марта.

Лицо ея разомъ смягчилось; глаза потемнѣли. Она протянула руки и заставила Лиду сѣсть съ собою рядомъ на диванѣ. Онѣ поцѣловались.

Мужъ почувствовалъ острую досаду. Непріятно, почти больно видѣть ихъ рядомъ, прижавшимися плечомъ къ плечу. Марта тихо поглаживала рукой руки Лиды и говорила медленно, какъ будто въ раздумьи:

— Да... не смѣюсь я только, когда что-нибудь особенное... когда мнѣ хорошо!.. Внутри затихаетъ... хочется сантиментальничать. Помнишь, Лидокъ—помнишь? Это у насъ называлось «плавать по розовымъ водамъ»... ты это обожала! и заставляла меня, и сердилась что я не умѣю... Помнишь? помнишь?

Лида кивнула головой. Лицо ея стало совсѣмъ печальное.

— Н-ну! а съ тѣхъ поръ я всегда смѣюсь—смѣюсь—смѣюсь безъ конца. Знаешь отъ этого иногда устаешь! прибавила она, вздохнула и провела рукой по глазамъ.

— И разстроиваешь себѣ нервы, вставила мрачно Лида.

— Что и требовалось доказать! Мои нервы необходимо должны быть натянуты до извѣстной степени, для того, чтобы... чтобы я могла жить!..

И она разсмѣялась намѣренно громко, точно заглушая конецъ своей фразы.

Въ мужѣ все росло страстное желаніе во что бы то ни стало перервать эти воспоминанія, отвлечь ее отъ Лиды.

— Марта Михайловна, ваше дѣло къ Копылову очень секретное?— спросилъ онъ, желая задобрить ее простымъ тономъ, какимъ говорятъ съ хорошими знакомыми.

Она мелькомъ кинула на него взглядъ.

— Какое же можетъ быть сомнѣніе? У меня всѣ дѣля секретныя— простыхъ дѣлъ у меня не можетъ быть!

Вызывающій тонъ еще поднялъ въ немъ раздраженіе.

— Я думалъ, вы почему же нибудь спросили меня объ немъ давеча?

— Какой это Копыловъ? нашъ? спросила живо Лида.

— Марта Михайловна желала знать, знакомъ ли я съ нимъ...

— Ахъ, да, и въ самомъ дѣлѣ!—Копыловъ служитъ по театральному вѣдомству!—чему-то непонятно для него обрадовалась Лида.

Но Марта нетерпѣливо сдвинула брови и сказала, отчеканивая слова:

— Я не имѣю привычки просить ни чьей протекціи—не изъ деликатности, не вообразите пожалуйста!—просто потому, что не нуждаюсь. Я сама умѣю превосходно вести свои дѣла. Я только хотѣла знать, что это за господинъ... приблизительно тѣ свѣдѣнія, какія пишутся въ паспортахъ: лѣта—пятьдесятъ восемь; глаза—сѣрые; ротъ и носъ— обыкновенные; характеръ—впрочемъ, этого въ паспортахъ, кажется, не пишутъ?.. Ну, такъ вотъ это собственно я и хочу знать...

Лида смѣялась и вызвалась все ей разсказать, подъ условіемъ, что она скажетъ, зачѣмъ ей это нужно.

— Нѣтъ, ужъ это я нахожу совершенно излишнимъ!—вставилъ вдругъ Константинъ Петровичъ ледянымъ тономъ, отъ котораго жену его кинуло въ жаръ. Онъ давно уже какъ будто старался что то внушить ей своими взглядами. Она ничего не разобрала, такъ испугалъ ее отвѣтъ Марты:

Она повернулась къ нему, точно ужаленная. Ослѣпительные зубы сверкнули заодно съ глазами.

— Ахъ, вы ужъ опять испугались! Напрасно изволите тревожиться! Я никого не посвящаю въ мои дѣла. Не имѣла этого малодушія, даже когда была дѣвчонкой... вотъ, Ледокъ можетъ засвидѣтельствовать!

Въ немъ закипѣло уже настоящее бѣшенство. Что за наглый тонъ!

Подобная особа третируетъ его въ собственномъ домѣ, на глазахъ у Лиды!

— Извините—какъ вы назвали мою жену?—спросилъ онъ, умышленно подчеркивая вѣжливость тона и уничтожая ее взглядомъ.

— Такъ, какъ я звала ее всегда!—звала тогда, когда ваша жена еще не подозрѣвала о вашемъ существованіи! Ты развѣ не хочешь, чтобы я звала тебя такъ?...

Она стояла уже на ногахъ и обернулась къ Лидіи блѣднымъ, подергивающимся лицомъ, на которомъ пылали глаза.

— Боже мой... съ чего ты взяла? Ты не понимаешь... Костя просто не знаетъ! Марта прозвала меня Ледокъ—ледъ, ты понимаешь... она говоритъ, что я похожа на ледъ... Милая, что съ тобой?!.

— Молчи... не говори... не говори... не надо!.. шептала Марта, покрывая быстрыми поцѣлуями все ея лицо:—прощай, прощай мой Ледокъ... будь счастлива! Мое почтеніе, monsieur Бервиль...

Лида догнала ее въ прихожей.

На ея испуганныя мольбы, Марта ничего не отвѣчала—только отчаянно трясла головой, впиваясь до крови острыми зубами въ дрожащія губы. Кое-какъ накинула ротонду—сама открыла дверь и бросилась внизъ по лѣстницѣ.

Лида опустилась на стулъ тутъ-же въ прихожей и горько разрыдалась...

II.

Лидія Васильевна тосковала: они поссорились съ Костей.

Первая супружеская ссора всегда затмеваетъ свѣтъ солнечный.

Молодая женщина чувствовала себя возмущенной и потому не могла мириться первая. Константинъ Петровичъ считалъ себя безусловно правымъ; онъ держался съ женой грустно-снисходительно, показывая, что онъ слишкомъ любитъ, чтобы сердиться, какъ того заслуживало ея безразсудство.

Этотъ тонъ раздражалъ Лиду. Она мысленно называла его ребяческимъ, а то, что ее сокрушало, черезчуръ серьезно для ребячества.

Марта рѣзко, внезапно убѣжала отъ нихъ послѣ короткой и мало понятной для нея стычки съ мужемъ. Лиду сокрушало, что ея Костя счелъ возможнымъ у себя дома обойтись неделикатно съ женщиной въ такомъ несчастномъ положеніи... Тутъ они и поссорились.

Константинъ Петровичъ на отрѣзъ отказывался примѣнять къ Мартѣ ту-же мѣрку, какъ къ другимъ женщинамъ. Онъ довелъ ее до отчаянія...

Весь вечеръ Лида проплакала, лежа у себя на кровати, охваченная смутнымъ чувствомъ отчужденности отъ человѣка, котораго любитъ.

Передъ ней вдругъ открылась вся бездна высокомѣрія мужчины—и безправія женщины. Въ юной головкѣ впервые сталкивались угрожающіе вопросы—но не вычитаные умненькой барышней въ хорошей книжкѣ, а облеченые въ животрепещущую плоть и кровь...

Ни Поль, ни Пронскій, ни баронъ какой-то—никто, никто не виноватъ, а виновата только одна Марта. Они погубили ее и остались правыми... Они все знали, все понимали—а она не знала ничего!

Они преспокойно женятся, когда захотятъ, на любой дѣвушкѣ— и та даже не посмѣетъ спросить ихъ, какъ они жили до нея?

(Костя безжалостно пристыдилъ ее за первую-же подобную попытку).

...Никто не хочетъ знать, какъ расплачивается Марта. Костя двусмысленно усмѣхается—снисходительно что-то умалчиваетъ, ради своей жены. Онъ ни на минуту не сомнѣвается, что душа этой чужой женщины—открытая книга для него. Съ апломбомъ разсуждаетъ о томъ, какъ думаютъ «эти особы»—что чувствуютъ, чего могутъ желать «подобныя женщины», «этотъ типъ» и т. п. И прежде всего онъ утверждаетъ, что онѣ лгутъ—всѣ, всегда и безъ исключенія.

Но въ встревоженной юной душѣ своя неподатливая логика прокладывала себѣ путь сквозь темный хаосъ незнанія и запретовъ. И передъ этими усиліями стушевывались зловѣщіе и загадочные термины, которыми мужъ надѣялся устрашить ее.

...Нѣтъ, для Лиды Марта не могла стать «типомъ», «особой»: это была только дорогая несчастная дѣвочка. Такъ еще недавно онѣ вмѣстѣ учились, мечтали, вступали въ жизнь... Что-же безповоротное и безвозвратное въ эти три года могло совершиться въ душѣ, въ умѣ и въ сердцѣ Марты? Давно-ли у нихъ все было общее, одинаковое—стало быть, и каждая дѣвушка можетъ очутиться въ положеніи, изъ котораго нѣтъ спасенія?...

Пронскій собирался развестись съ женой и жениться—тогда, когда онъ отбивалъ Марту у Поля. Но еще женился-ли бы и Поль, остается подъ большимъ сомнѣніемъ! Потомъ уже, со злости, изъ ревности онъ разыгралъ, что Марта его обманула, что она была его невѣстой. Нѣтъ, конечно, мать никогда не допустила-бы до женитьбы своего любимчика на Мартѣ, которую она терпѣть не могла. Сирота, безприданница, развѣ это невѣста для нихъ!..

...Марта, безумная, зачѣмъ она все это надѣлала! Очертя голову бросилась за призракомъ свободы и любви, хоть сама никого не любила... Ея влюбленности хватало только на нѣсколько дней, недѣль—а потомъ изъ этого выростали цѣлыя запутанныя исторіи.

Въ памяти Лиды воскресали всѣ «исторіи» Марты съ дѣтскихъ лѣтъ, когда за ней бѣгали гимназисты, товарищи Поля, и она раз-

ставляла ихъ по угламъ разныхъ улицъ, чтобы они не сопровождали ее цѣлымъ кортежомъ. Какъ ловко она ихъ дурачила! Каждаго она увѣряла, что именно онъ ей нравится, а надъ остальными она смѣется. Глупые мальчишки дежурили на морозѣ съ торжествомъ въ душѣ и восторгомъ въ сердцѣ...

Ей было тринадцать лѣтъ.

Какъ часто потомъ Лида плакала по ночамъ отъ страха какого-нибудь скандала, въ то время, какъ героиня его сладко спала въ той-же комнатѣ. И чѣмъ исторія была запутаннѣе — чѣмъ больше дѣйствующихъ лицъ заразъ, чѣмъ неотступнѣе ея друга преслѣдовали призраки дуэлей, доносовъ, анонимныхъ писемъ—тѣмъ сама Марта была блестящѣе, находчивѣе и неустрашимѣе.

Никакія преслѣдованія старшихъ не могли испортить ея веселости, если только была какая-нибудь возможность улизнуть изъ дому. Она способна была веселиться самымъ безпечнымъ образомъ, зная, что дома ее неизбѣжно ждутъ упреки и сцены.

— Ma tante, если вы предпочитаете, чтобы я ушла отъ васъ сейчасъ-же, такъ лучше уже скажите мнѣ это прямо!—просила она только въ критическихъ случаяхъ,—и для всякаго было ясно, что ей ничего не стоитъ привести угрозу въ исполненіе.

Всѣ усилія Лиды «пробудить въ ней чувство женскаго достоинства» ни къ чему не приводили.

— Ахъ, это для того, чтобы закиснуть отъ скуки, какъ ты? Спасибо, голубушка!—хохотала Марта:— Я хочу чувствовать власть надъ людьми—надъ этими смѣшными мужчинами! Передъ тобой они почтительно раскланиваются,—а бѣгутъ все-таки за мной, стоитъ пальчикомъ поманить... Надѣюсь, не намъ-же съ тобою ихъ воспитывать! ха, ха, ха!..

Это была святая правда. Марта безъ труда отбивала у нея всѣхъ поклонниковъ, когда и не была ничуть заинтересована сама. Это безотчетно безпокоило ее, хоть, конечно, она не хотѣла вредить сознательно своему единственному другу... Ей даже казалось, что она вовсе не кокетничаетъ. Да вѣдь и то сказать, ей довольно было взглянуть разъ, другой прямо въ глаза человѣку, какъ она это умѣла, да похохотать передъ нимъ своимъ щекочущимъ смѣхомъ русалки.

Каждый день Лидія Васильевна ждала, что Марта наконецъ явится, и до такой степени волновалась этимъ, что ничѣмъ не могла спокойно заняться. Вся жизнь сразу точно выскочила изъ колеи; она даже въ лицѣ нѣсколько осунулась отъ тоски, сосавшей сердце.

Предстояло оправдывать Костю его нѣжностью къ женѣ.... Неужели Марта сама не понимаетъ и будетъ долго еще обижаться? Напи-

сать ей Лида не могла, она не знала ни адреса, ни фамиліи. Написать для нея было-бы гораздо легче—вѣдь она сама мужа не оправдывала и знала, что увѣрять Марту въ томъ, чего сама не чувствуетъ, ей будетъ мучительно и она не съумѣетъ этого сдѣлать. Вся ея надежда была на то, что Марта «сама пойметъ все»...

Между собою они съ Костей почти не разговаривали и обмѣнивались утромъ и вечеромъ бездушными поцѣлуями... О, какъ Лида страдала отъ этихъ поцѣлуевъ! Она предпочла-бы, чтобы онъ вовсе не трогалъ ее,—особенно въ первые дни, когда перемѣна была такъ свѣжа и такъ разительна...

Конечно, и ему также этотъ обрядъ не доставляетъ удовольствія. Онъ хочетъ показать, что причина не въ немъ: по его мнѣнію, не случилось ничего важнаго и онъ такъ великодушенъ, что даже не наказываетъ ее... Во всякую минуту отъ нея самой зависитъ, чтобы они были опять счастливы по прежнему.

Первые дни Лида каждый разъ потихоньку плакала послѣ «лицемѣрнаго поцѣлуя», какъ она его мысленно называла. Но неожиданно скоро она какъ будто свыклась... И все охотнѣе и полнѣе уходила въ свою внутреннюю жизнь. Мысли и сужденія быстро зрѣли въ ея грубо пробужденной душѣ.

Она ощущала какую-то таинственную связь между собственной безмятежной жизнью и чужимъ исковерканнымъ существованіемъ. То, что ея герой и покровитель такъ нетерпѣливо и безцеремонно стремился оборвать эту связь—механически разобщить ее съ Мартой—давало совсѣмъ не тѣ результаты, какихъ желалъ мужъ: это поднимало въ молодой душѣ смутную тревогу—боязнь передъ жизнью, въ которой для нея такъ много запретнаго и скрытаго. Съ самоувѣренностью мужчины любимый человѣкъ необдуманно задѣлъ ея чувства. Это заставило ее насторожиться и вдумываться глубже безъ чужой помощи, какъ сама умѣетъ.

Она одна хорошо знала свою Марту. Ничего не было въ ея поступкахъ кромѣ безумнаго легкомыслія и какого-то непобѣдимаго озорства. И Лида знала, откуда оно взялось въ Мартѣ: на ея глазахъ все это развивалось и поощрялось блестящимъ успѣхомъ. Марта непремѣнно хотѣла вскружить всѣ головы, видѣть всѣхъ у своихъ ногъ—но не одинъ изъ этихъ «всѣхъ» не былъ нуженъ ей самъ по себѣ. Она старалась влюблять—но сейчасъ-же начинала тяготиться, какъ только изъ этого выростала любовь.

— Знаешь, хорошо-бы сочинять всѣ первыя главы романовъ, а всѣ «продолженія» сдавать по принадлежности тебѣ!—созналась однажды Марта, зѣвая надъ страстнымъ посланіемъ.—Господи... хоть-бы когда-нибудь влюбился безграмотный—изволь тутъ отвѣтъ сочинять на по-

добное словоизверженіе! Право все это интересно только до перваго отчаяннаго посланія...

Тогда Марта приводила Лиду въ отчаяніе. Теперь Лида сознавала вполнѣ, насколько все было дурно и безнравственно. Но все-таки, и теперь она отказывалась видѣть тутъ позорные инстинкты, какіе приписывались Мартѣ... Нѣтъ!—смѣсь ребяческаго легкомыслія и тщеславія необузданной дѣвочки—желаніе доказать своимъ притѣснителямъ «чего она стоитъ».

Лида знала, что такъ было, но никому она не могла этого доказать: ей отвѣчали, что она сама не понимаетъ того, о чемъ берется судить. Но всего удивительнѣе это то, что она и не должна понимать! Въ этомъ заключается едва-ли не главное ея женское достоинство.

Оттого теперь ей дѣлалось страшно не за одну Марту, а за всѣхъ женщинъ. Страшно, что существуетъ какая-то спеціальная бездна, куда ихъ можно столкнуть. И вся надежда, весь оплотъ только въ собственной чистотѣ невѣдѣнія... Именно отъ тѣхъ, кому угрожаетъ роковая опасность, ее всячески, тщательно скрываютъ: оставляютъ блуждать на волю случая, беззащитныхъ и слѣпыхъ—какъ будто опасность заключается въ пониманіи, а не въ невѣдѣніи!..

А для нихъ —(для Пронскаго, Поля, барона) — для нихъ нѣтъ вовсе позора! Похоронивъ въ безднѣ живое существо, можно, какъ ни въ чемъ не бывало, выбраться на твердую землю.

Все что Лида читала въ книгахъ, что случайно современная барышня прозрѣваетъ и угадываетъ—все это до настоящей минуты какъ будто вовсе не жило въ ея представленіяхъ: точно внезапно, только что она увидала открытую бездну у собственныхъ ногъ.

Нѣтъ, она не могла больше быть безмятежно счастливой, какъ до свиданія съ Мартой! Прежняя тихая горечь, съ какой, переживъ первое острое горе, она вспоминала о Мартѣ, такъ какъ думаютъ объ умершихъ—превращалась теперь въ живую и больную рану... Рана открылась въ ея потрясенной совѣсти, хоть она не знала, что могла бы сдѣлать она для спасенія своего несчастнаго друга? Пока она только вѣрила въ возможность спасенія. Она вѣрила тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ сильнѣе болѣла ея собственная рана.

Время уходило томительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ быстро, какъ бываетъ всегда, когда наши помыслы сосредоточены на чемъ-нибудь одномъ.

А Бервиль скучалъ и съ возростающимъ недоумѣніемъ слѣдилъ за женой. Становилось очевидно, что благосклонная сдержанность, какою онъ надѣялся легко образумить Лиду, на дѣлѣ оказывалась средствомъ недостаточно дѣйствительнымъ. Быть можетъ даже вреднымъ?.. Что-то она рѣшаетъ въ одиночку въ своей упрямой головкѣ, вмѣсто того, чтобы искать у него разрѣшенія своихъ недоумѣній...

Это было неожиданно и огорчало его. Разладъ черезчуръ затягивается, и въ качествѣ благоразумнаго главы семьи онъ обязанъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь воспитательнымъ мѣрамъ для ея вразумленія. Предоставленная себѣ, Лида, повидимому, только еще больше укрѣпляется въ своихъ заблужденіяхъ.

Бервиль любилъ жену и такая отчужденность больно уязвляла его. Но Бервиль и самъ былъ молодъ, и потому соблюденіе супружескаго престижа, какъ онъ рисовался ему, казалось вопросомъ первостепенной важности.

...Безъ сомнѣнія, давно пора имъ помириться съ Лидой,—но не онъ можетъ сдѣлать первый шагъ, если она его не дѣлаетъ!

Существуетъ вѣрное старое средство для подобныхъ положеній: призвать на помощь третье лицо, и тѣмъ сгладить для обоихъ тяжесть уступки. Въ одинъ особенно несносный день Константинъ Петровичъ повезъ Лиду къ матери, хотя при обыкновенномъ порядкѣ вещей всегда женѣ приходилось тащить его на Кабинетскую.

Однако, изъ этого визита не вышло ничего пріятнаго; Лида и дома не стала веселѣе, а перемѣна въ ней была такъ очевидна, что это сейчасъ же привлекло къ ней общее вниманіе и вызвало интимные намеки, какими обыкновенно ближайшіе друзья и родные отравляютъ жизнь молодыхъ супруговъ. Лида съ досадой увѣряла всѣхъ, что она совершенно здорова, и только становилось отъ этого еще мрачнѣе.

...Неужели, если на ней женился человѣкъ, который ей нравится, такъ ужъ никакихъ другихъ печалей въ жизни у нея не можетъ и быть?

...Но вѣдь она въ этихъ комнатахъ еще неотступнѣе думала о несчастной Мартѣ. Каждый уголокъ напоминалъ ей что-нибудь. Здѣсь онѣ росли беззаботными дѣвочками,—такія разныя по натурѣ и, можетъ быть, потому еще болѣе дружныя... Здѣсь Лида съ двѣнадцати лѣтъ усиливалась воспитывать и охранять своего безразсуднаго друга; какимъ то смутнымъ инстинктомъ она всегда понимала, что Марту нельзя судить такъ же, какъ всякую другую уравновѣшанную, спокойную дѣвочку, окруженную родной семьей,—какъ, напримѣръ, слѣдовало бы судить ее самою. Лида на каждомъ шагу считала непозволительнымъ для себя то, что она прощала Мартѣ, потому что «Марта не понимаетъ», Марта «не способна», Марта «не можетъ иначе».

Повидимому, онѣ росли, какъ сестры, но и семья и чужіе люди ни въ чемъ не относились къ нимъ одинаково. Всѣ пристрастія и всѣ несправедливости, какъ и всѣ искушенія и всѣ пагубныя вліянія, выпадали на сторону одной.

И никто этого не понималъ, не сознавалъ, никто не хотѣлъ этого видѣть. Все спрашивалось съ одной Марты. Ея душили нотаціями, которыя она мучительно ненавидѣла.

— Ну, да, да, непремѣнно и буду такая!—чтобы ни въ чемъ не быть похожей на васъ!—посылала она имъ въ спину, гримасничая, чтобы не рыдать надъ страшной и непонятной участью, какую ей пророчили изъ за каждой легкомысленной шалости.

Все это далекое и милое и безпокойное прошлое съ его роковой развязкой нахлынуло теперь на молодую женщину.

...Неужели никто изъ этихъ людей больше не думаетъ о Мартѣ? Ни мама, ни бабушка, ни дядя Петя, восхищавшійся когда-то тѣмъ, что Марта въ двѣнадцать лѣтъ кокетничаетъ «совсѣмъ, какъ большая», ни Поль, воображавшій, что онъ ее любилъ, что она его обманула?..

И мама и бабушка тоже считали, что они любятъ Марту, потому что это была ихъ обязанность. На дѣлѣ ей никогда ничего не прощали. Съ пятнадцати лѣтъ ей начали твердить, что она себя погубитъ, на ней никто не женится, ни на что путное въ жизни она не способна...

А на ряду съ этимъ—всюду, гдѣ бы Марта не появлялась, ее ждалъ шумный успѣхъ. Сейчасъ же у нея являлись поклонники, изъ за нея состязались, ревновали, ссорились. Скромная, благонравная и несравненно болѣе красивая Лида совершенно терялась въ ея блескѣ...

Послѣ чая Надежда Матвѣевна зазвала зятя въ своей большой, нарядный будуаръ. Ей хотѣлось наединѣ допросить его, потому что Лидочка сегодня въ самомъ дѣлѣ какая-то странная,—совершенно неприлично на всѣхъ огрызается.

Константинъ Петровичъ не догадался придумать во время, что ему говорить, и неожиданно для самого себя онъ рѣшилъ сказать тещѣ всю правду.

Сначала у него рѣшено было, напротивъ, скрывать отъ всѣхъ злополучный визитъ и онъ зналъ, что и Лида ни съ кѣмъ не станетъ говорить о Мартѣ. Но дѣло оказывалось гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Пусть, пусть матушка со своей стороны отчитаетъ какъ слѣдуетъ его прелестную фантазерку! Это положитъ желанный конецъ томительной ссорѣ. Влюбленный мужъ искренно страдалъ отъ нея...

Негодованіе maman не поддается описанію. И какъ это ни странно—она негодовала на собственную дочь даже сильнѣе, чѣмъ на Марту. Отъ такой «потерянной» женщины нельзя ждать ни стыда, ни совѣсти. Ей это понадобилось для чего-нибудь—чтобы всюду разсказывать, что она была у своей кузины и ее тамъ не выгнали!—о, она разумѣется и въ театрѣ и на улицѣ будетъ преспокойно раскланиваться съ Лидочкой, вотъ увидите!..

Maman дала полную волю своей фантазіи, освѣдомленной на щекотливую тему исключительно по дурнымъ французскимъ романамъ, какъ и у большинства добродѣтельныхъ женщинъ, которымъ до самой могилы зазорно понимать жизнь, какъ она есть. Она не замѣчала, что

рисуетъ двадцатидвухлѣтнюю Марту, выросшую въ ея домѣ, аляповатыми красками мелкой французской кокотки, которой она, разумѣется, также въ глаза не видала. Ей хотѣлось уже разгадать какую-то затаенную цѣль, казалось необходимымъ предупредить коварную интригу, а главное—главное опасно вѣрить хоть одному слову, которое говоритъ Марта!

Бервиль понималъ, конечно, что maman несетъ чистѣйшій вздоръ и разсуждаетъ о «потерянныхъ» женщинахъ, какъ онъ могъ бы говорить о жителяхъ огненной земли,—но для чего, собственно, сталъ бы онъ возражать?

Ему нужно было только, чтобы мать разъяснила его женѣ смыслъ вещей съ ихъ общей, женской точки зрѣнія. Самъ онъ, при всякой попыткѣ договориться до чего-нибудь, прежде всего наталкивался на этотъ спеціальный женскій смыслъ въ толкованіи вещей, признанныхъ цѣлымъ міромъ,—и онъ чувствовалъ себя передъ этимъ безсильнымъ... Роковымъ образомъ онъ оказывался причастнымъ великой міровой несправедливости, которой невозможно отрицать и потому всего удобнѣе ея не затрогивать... Понятное дѣло, что міровая вина—не есть вина, но съ двадцатилѣтней женщиной не угодно ли толковать на щекотливыя темы!..

Хотѣлъ онъ этого или нѣтъ, но и въ его сердце проникало какое-то жуткое чувство, когда Лида смотрѣла ему прямо въ душу своими прозрачными глазами и безстрашно произносила «ужасныя слова» розовыми устами... О, онъ это ненавидѣлъ! Съ величайшимъ наслажденіемъ онъ ей это запретилъ-бы разъ навсегда—еслибъ могъ. Вообще оказывалось, что онъ далеко не все можетъ запретить,—что власть его надъ мыслями, зарождающимися въ любимой русой головкѣ, весьма и весьма проблематична...

Открылось это вдругъ, съ поразительной очевидностью, со дня несчастнаго появленія Марты. Этимъ днемъ, повидимому, заканчивалась фантастическая прелюдія къ реальной дѣйствительности, которую со дня свадьбы они съ увлеченіемъ розыгрывали въ унисонъ. Голосъ Лиды теперь впервые не тонулъ въ общей гармоніи.

Maman кончила тѣмъ, что попросила у зятя прощенія за то, что она такъ дурно воспитала свою дочь. Нѣтъ, въ ея время ни една молодая жена не рѣшилась бы нанести подобнаго оскорбленія своему семейную очагу! Изъ уваженія къ мужу, она стала бы на порогѣ его дома и преградила путь пороку!

...Гм... конечно, недурно въ своемъ родѣ!... но Константинъ Петровичъ обезпокоился, какъ бы maman не вздумала отчитывать Лиду именно въ этомъ стилѣ. Онъ распространился о томъ, какое у Лиды ѣжное сердце и какъ она, повидимому, была когда-то привязана къ

своей несчастной кузинѣ. Къ этому слѣдуетъ подойти очень, очень осторожно. Лида необыкновенно серьезна для своихъ лѣтъ и она вообще боится громкихъ фразъ,—на нее надо дѣйствовать съ простой, житейской стороны...

Maman и Константинъ Петровичъ сидѣли въ будуарѣ и озабоченно совѣщались до тѣхъ поръ, пока Лида не пришла звать мужа домой: у нея разболѣлась голова.

На другой день, совершенно неожиданно, maman пріѣхала къ завтраку.

Хотя она разсказала длинную исторію, объясняющую, почему она попала въ такой часъ «въ ихъ края» и ей слишкомъ далеко возвращаться домой завтракать—но уже изъ того, какъ подробно она это разсказывала и при томъ безпокойно мигала глазами (что всегда обозначало у нея затаенное волненіе)—Лида поняла, что мать все знаетъ. Костя разсказалъ ей!..

Сейчасъ же, съ новой силой жену пронизало чувство отчужденности въ собственной жизни, которая такъ недавно еще казалось земнымъ раемъ... Зачѣмъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ! Вѣдь онъ зналъ—(да она и опять только что повторяла ему), какъ Марту всегда преслѣдовали, и именно этимъ многое объясняется. Можетъ быть, ничего ужаснаго не случилось бы, еслибы ей легче жилось дома—еслибы отношенія не сдѣлались совершенно нестерпимыми, послѣ того какъ мать обратила наконецъ вниманіе на поведеніе Поля, бѣсновавшагося отъ ревности...

Какихъ только оскорбленій Мартѣ не приходилось выносить! Ее открыто обвиняли въ томъ, что она «ловила» Поля, пользуясь тѣмъ, что это мальчикъ. Пронскій являлся спасителемъ отъ домашняго ада.—Прямо говорилось о «змѣѣ, отогрѣтой на груди», объ испорченной карьерѣ любимца, о репутаціи Лиды... о, тогда былъ полный просторъ для высокаго краснорѣчія maman!..

...Да, все это Костя зналъ и всетаки онъ не пожалѣлъ выдать ее головой.

Лидіи Васильевнѣ казалось за послѣднее время, что она очень несчастна. Она не думала, что ея горькое чувство противъ мужа можетъ еще усилиться.

— «...Это жестоко съ его стороны»!—говорила она себѣ уже во второй разъ про поступокъ человѣка, котораго считала до сихъ поръ образцомъ доброты и деликатности. И жестокость нетолько обрушивалась на Марту,— она задѣвала и ея собственное сердце, полное любви къ нему.

Но горечь противъ Кости сейчасъ же слилась въ ея душѣ съ раздраженіемъ противъ матери, потому что сердиться на маму неизмѣримо легче. Лидія Васильевна рѣшила постоять за себя и доказать, что Константинъ Петровичъ совершенно напрасно нажаловался на нее, точно на

маленькую дѣвочку—они отъ этого ничего не выиграютъ. Она не станетъ говорить съ матерью объ Мартѣ, она никому ничего не желаетъ разсказывать.

Таковъ былъ пріемъ, оказанный Лидой собственной матери, всего черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ свадьбы...

И, главное, она совсѣмъ не горячилась, какъ бывало прежде въ спорахъ,—апломбъ такой, что ужъ теперь она обо всемъ можетъ свободно разсуждать и все рѣшительно знаетъ не хуже другихъ. А если Надежда Матвѣевна сердилась и возвышала голосъ, какъ на дѣвочку, дочь улыбаясь твердила, что она вовсе не хочетъ спорить съ нею и только просила не трогать того, что ей очень, очень больно...

Скоро мама и ей наговорила такихъ же ужасныхъ вещей, какъ бывало дѣвочкѣ-Мартѣ: мужъ перестанетъ довѣрять ей, когда увидитъ, что она не умѣетъ беречь его честь... Мужчины будутъ дерзко держать себя съ ней... Марта начнетъ кокетничать съ Бервилемъ, завлечетъ и его въ свои сѣти... Если жена упрямится и дуется, тогда мужчина уходитъ отъ нея къ другимъ женщинамъ.

— И мужъ правъ по вашему, неправда-ли?—засмѣялась съ горечью Лида.—Вотъ это удивительно, мама, что вы во всемъ оправдываете мужчинъ и безжалостно судите однѣхъ женщинъ... Нѣтъ, нѣтъ, я всегда буду защищать женщинъ!

Тогда мать гнѣвно поднялась съ дивана.

— У всякаго свой вкусъ, душа моя! Желаю тебѣ только не погубить собственнаго счастія, защищая сама не понимаешь кого—въ жизни довольно такихъ примѣровъ! Я, какъ мать, обязана тебѣ сказать, что ты поступила и неприлично, и оскорбительно для твоего мужа. Ты не имѣешь никакого права пускать въ его домъ такую особу, съ которой порядочныя женщины не кланяются—тебѣ и самой перестанутъ кланяться, если это узнается, а ужъ объ этомъ-то Марта Михайловна небось позаботится!—за что же тутъ мужъ твой долженъ страдать?

Надежда Матвѣевна уѣхала, а Лида осталась отуманенная... Ну, вотъ, и съ мамой она поссорилась. Всѣ находятъ, что она виновата. Мама ненавидитъ Марту и неспособна пожалѣть ее—Костя бережетъ репутацію и покой своей жены...

...Конечно, они правы по своему—она отъ нихъ ничего вѣдь и не требуетъ. Но у нея-то другія чувства, у нея свои собственныя человѣческія обязанности—почему же никто не хочетъ признавать этого??...

Ей страшно захотѣлось, чтобы Марта скорѣе пришла и разсказала что нибудь утѣшительное про свои театральныя дѣла.

Константинъ Петровичъ упорно отказывался вѣрить чему-нибудь, что говоритъ Марта. Все это про дебютъ въ оперѣ она, по его мнѣнію,

сочинила для того, чтобы оправдать свое непозволительное вторженіе въ ихъ домъ.

Лида принуждена была сознаться, что дѣйствительно голосъ у Марты прежде былъ не важный... Однако, Марта сказала, что она училась пѣть заграницей и теперь беретъ уроки у двухъ профессоровъ.

И рада не была, что сказала: Костя сейчасъ же придрался къ этимъ «двумъ профессорамъ» и безжалостно высмѣивалъ ея легковѣріе. Добрые люди учатся у одного профессора—у двухъ заразъ учатся только тѣ, кому заодно уже врать-то, ничего вѣдь не стоитъ!

Ледокъ помнила, съ какимъ тяжелымъ волненіемъ Марта говорила объ этомъ—и только послѣ того какъ она насильно ее принудила къ этому... Она чувствовала, что Марта сказала правду!

А Константинъ Петровичъ зналъ, что Марта лжетъ. Тому, кто только чувствуетъ, лучше и не пытаться доказывать что-нибудь другому, который знаетъ!

Но Лида продолжала надѣяться и ждать съ возростающимъ нетерпѣніемъ. Марта не показывалась. Неужели же она до такой степени обидѣлась, что пожертвовала бы свиданіемъ съ нею! Это казалось совсѣмъ невѣроятнымъ и она не знала, что ей думать. Чувствовала только мучительную потребность снова увидѣть и обласкать это баззащитное существо...

Тѣмъ временемъ и Константинъ Петровичъ также начиналъ волноваться не на шутку. Нарушенное счастіе не возвращалось само собою, какъ онъ надѣялся, недопуская и мысли, чтобы что-нибудь могло пересилить любовь къ нему Лиды. Молчаливо взволнованная и грустная, жена точно отдаляется отъ него съ каждымъ днемъ, который они переживали не помирившись, въ одиночку каждый со своими думами и чувствами...

До сихъ поръ онъ зналъ, что у Лиды нѣтъ серьезнаго чувства, не связаннаго съ нимъ, нѣтъ мыслей, которыхъ онъ не знаетъ. Теперь онъ только смутно угадываетъ ея мысли и, главное, онъ не долженъ ими интересоваться: онъ обязанъ ихъ игнорировать, потому что обсуждать вопросъ уже значитъ признавать за нимъ право на существованіе... Этого онъ допустить не можетъ! Марта не должна существовать для его жены. Двадцатилѣтней женщинѣ неприлично задумываться надъ подобными вопросами.

Но какъ-бы онъ ни считалъ, а Лида очевидно мучается у него на глазахъ... Минутами ему дѣлалось нестерпимо жаль ее, и нуженъ былъ весь его характеръ, чтобы не поддаться чувству.

...Нѣтъ, нѣтъ! единственное средство это—выдержать характеръ. Выждать, когда впечатлѣнія сгладятся, и любовь къ нему заговорит въ ея сердцѣ съ прежней силой... Выигрываетъ тотъ, кто умѣетъ ждать

Тогда все будетъ дѣйствительно кончено разъ навсегда. Это будетъ его первая побѣда надъ умомъ и волей жены. До сихъ поръ имъ еще ни на чемъ и не приходилось сталкиваться—а вѣдь всѣ влюбленныя парочки одинаково сходятся въ полной увѣренности, что всю свою жизнь онѣ будутъ пѣть въ унисонъ.

Молодой супругъ въ глубинѣ души даже гордился столь дальновидными разсчетами—но увы!—выдерживать характеръ на дѣлѣ оказывалось несравненно труднѣе, нежели разсуждать объ этомъ умно и логично. Вѣдь онъ такъ любилъ свою Лиду! Въ молодомъ сердцѣ помимо воли вспыхивали нетерпѣливые порывы разогнать враждебный мракъ, окутавшій это живое счастіе, трепетавшее за искусственной преградой. . .

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день Константина Петровича осѣнила счастливая идея: слѣдуетъ развлекать Лиду—не надо давать ей такъ много думать,—надо въ другую сторону отвлечь ея мысли!..

На другой-же день мужъ явился со службы домой съ ложей во французскій театръ. И онъ былъ при этомъ такъ милъ и веселъ, «какъ ни въ чемъ не бывало», что успѣхъ превзошелъ всѣ его ожиданія.

...Настрадавшуюся женщину сейчасъ-же охватило непобѣдимое желаніе отдохнуть отъ безплодной тревоги. Захотѣлось отдаться хоть на минуту своему собственному счастію, точно позабытому... Да, да, необходимо увѣриться, что счастіе все то-же—что оно не стало меньше, не будетъ холоднѣе!.. Стало вдругъ страшно, что такъ долго они жили врозь... Страшно и непонятно.

Лидія Васильевна принарядилась—нашла себя хорошенькой—и еще больше развеселилась. Супруги поѣхали въ театръ и всю дорогу болтали безъ умолку, тутъ-же все это забывая—какъ люди иногда болтаютъ о пустякахъ съ увлеченіемъ, оттого что близко, близко ихъ ждетъ то, чего одного они страстно желаютъ.

Но едва только они вошли въ ложу—обоимъ пришла одна и та-же мысль. Каждый почувствовалъ эту мысль въ другомъ,—но именно поэтому и старался принять безпечный видъ, оглядывая театральный залъ тревожнымъ взглядомъ.

Константинъ Петровичъ вспомнилъ пророчество maman, что Марта будетъ всюду раскланиваться съ кузиной.

Лида растерянно спрашивала себя: что она сдѣлаетъ, если сію минуту увидитъ Марту въ ложѣ съ незнакомымъ господиномъ?

Марты въ театрѣ не оказалось.

Давно ужъ у нихъ не было такого счастливаго вечера. Костя сидѣлъ близко за ея стуломъ, нашептывая слова примиренія и страсти.. Бѣдненькій, какъ она долго муштруетъ его, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ онъ виноватъ передъ нею! Но вѣдь онъ только думаетъ такъ-же,

какъ думаютъ и всѣ другіе... Онъ за нее боится и бережетъ ее—потому что любитъ...

Еще разъ, силой своеобразнаго преломленія, присущаго влюбленному человѣческому сердцу—жестокость, совершаемая изъ любви къ намъ, попадала не на ту чашу вѣсовъ, гдѣ ея истинное мѣсто. И все только что пережитое какъ-то жутко оттѣняло вспыхнувшее счастіе—точно темный фонъ картины, эффектно выдѣляющій свѣтлый рисунокъ...

...Сидя у пылающаго камина въ собственной уютной комнатѣ въ ненастную полночь, кто не знаетъ навѣрное, что гдѣ-нибудь въ просторномъ Божьемъ мірѣ въ эту самую минуту живыя существа погибаютъ безъ помощи?.. Но вѣдь и нѣтъ такой минуты, когда-бы мы жили, а тысячи живыхъ существъ не умирали рядомъ съ нами... Каждая отдѣльная жизнь пробивается слабенькой струйкой въ океанѣ жестокости, въ какой сливается жизнь всего міра.

Пьеса была глупая, да юные супруги плохо и слушали. Они уѣхали раньше конца. Они весело поужинали въ ярко-освѣщенной маленькой столовой—и сладко заснули въ объятіяхъ молодого бога, спугнутаго на время мрачными привидѣніями.

Ольга Шапиръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кризисъ музыкальной драмы.

I.

То, что Глюкъ высказалъ въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ «Альцестѣ», уже стало библіей современныхъ музыкальныхъ драматурговъ. Каждый, слѣдящій за эволюціей музыкальной драмы, согласится, что теперь кончено царство каватины, вокальной эквилибристики, музыки для музыки—и ихъ мѣсто заняли: свобода (конечно, относительная) и гибкость оперныхъ формъ, органичность музыки, ея поэтическая выразительность короче,—тѣ идеалы, которые уже отчасти осуществлены въ музыкальныхъ драмахъ Вагнера, Кюи, Мусоргскаго, Р. Корсакова, Штрауса, д'Энди. Оркестръ уже является здѣсь не пассивнымъ, но активнымъ элементомъ; симфонически разработанный, онъ принимаетъ участіе въ драмѣ, комментируетъ чувства героевъ, освѣщаетъ ихъ души, подчеркивая тонкими чертами ихъ внутренній міръ. Речитативъ, арія, условный дуэтъ сдаются въ архивъ и мѣсто виртуозной ловкости занимаетъ музыкальная идейность.

Итакъ, въ чисто музыкально-поэтическомъ отношеніи прогрессивная эволюція высказалась уже довольно ясно. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ идейной концепціи. Вольтеръ былъ правъ, высказавшись однажды, что «итальянцы — съ тѣхъ поръ какъ поютъ—перестали думать». Они дѣйствительно не думали, вставляя въ оперныя рамки рядъ безсмысленнѣйшихъ сюжетовъ, которыхъ цѣна тѣмъ болѣе повышалась, чѣмъ болѣе въ нихъ было внѣшнихъ перемѣнъ, интригъ, эффектныхъ эпизодовъ, и чѣмъ менѣе идейнаго содержанія. Конечно, и въ исторіи итальянской оперы были свѣтлые въ этомъ отношеніи моменты: таковъ, напр., первый—флорентинскій періодъ ея, когда Пери и Качини слѣдовали высокимъ образцамъ античнаго греческаго искусства. Впослѣдствіи же, когда опера въ Италіи пріобрѣла исключительно придворно-аристократическое направленіе — на нее уже стали смотрѣть

какъ на забаву и даже мощный генiй Монтеверде, выкинувшаго въ своей «Арiаднѣ» совершенно другое знамя, оказался не способнымъ остановить ее отъ идейнаго паденiя.

Реформой опернаго сюжета, впервые въ исторiи музыки, отмѣчена дѣятельность Глюка, хотя идейность этого композитора вытекала не столько изъ его собственнаго profession de foi, сколько изъ его преклоненiя предъ греческой трагедiей. Интереснѣе всего, что даже такiе генiи музыкальнаго искусства, какъ Моцартъ, совершенно оставались въ сторонѣ отъ идейнаго движенiя. Моцартъ даже прямо писалъ: «необходимо, чтобы въ оперѣ сюжетъ былъ послушнымъ сыномъ музыки» [1]). Лишь мощное явленiе Вагнера устанавливаетъ новую форму идейной музыкальной драмы. Вагнеръ требуетъ отъ сюжета: идейнаго полета, силы философской концепцiи, способной поднять, по его мнѣнiю, вдохновенiе музыканта до захватывающихъ высотъ. Самой идеею произведенiя опредѣляется у него внѣшне и органичность музыки, хотя внутренно музыка руководитъ драмой, представляя изъ себя кантовскiя «вещи въ себѣ».

Откладывая вопросъ о Вагнерѣ до ближайшаго будущаго, я остановлюсь теперь на разборѣ двухъ новыхъ музыкальныхъ драмъ его идейныхъ послѣдователей: «Фервалѣ» д'Энди и «Мессидорѣ» Брюно, раздѣлившихъ недавно музыкальный мiръ на два враждебныхъ лагеря.

Прiобщить музыкальную драму къ общему идейному движенiю—конечно, похвальная задача, но выполненiе ея можетъ предполагать два пути. Вагнеръ, напр., почти ненавидѣлъ внѣшнюю, показную современность, но любилъ выражать въ своихъ драмахъ скрытое идейное содержанiе, присущее каждому, хотя бы и безобразному современному явленiю, короче, онъ любилъ лишь современныя идеи и давалъ имъ выраженiе въ миѳической оперѣ, гдѣ внѣшность дѣйствiя доводилъ до минимума [2]), очищая тѣмъ мѣсто для психологическихъ задачъ, и гдѣ легендарная обстановка совершенно устраняла современнаго человѣка. Такого-же направленiя придерживается: Штраусъ въ «Гунтрамѣ», Гумпердинкъ въ «Королевскихъ дѣтяхъ», Шиллингсъ въ «Ингвельдѣ» и, наконецъ, д'Энди въ «Фервалѣ», причемъ послѣднiй доводитъ вагнеровскiй символизмъ до крайнихъ выводовъ и открываетъ новые пути, о чемъ мы скажемъ подробнѣе.

Другое направленiе—направленiе реальное par excellence — переноситъ соцiальный анализъ на оперную сцену: Шарпантье, Ксавье Леру, Брюно въ своемъ «Мессидорѣ» пытаются рѣшить рабочiй вопросъ. Предшественниковъ они почти не имѣютъ. Итальянцы допускали современные сюжеты лишь въ области комической оперы, романтически настроен-

---

[1]) Письмо отъ 13 октября 1781 г.

[2]) «Tristan und Isolde».

ные нѣмцы отъ нихъ отворачивались вовсе. Лишь русскіе могутъ насчитать нѣсколько оперъ почти съ современнымъ сюжетомъ: «Вражья сила» Сѣрова, «Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго, «Пиковая дама» его-же. Но здѣсь, конечно, композиторы не задавались широкими соціальными задачами.

Одновременная постановка «Ферваля» и «Мессидора» выдвинула вопросъ о цѣнности представленныхъ ими различныхъ культовъ. Альфредъ Брюно, авторъ «Мессидора», высказавшійся объ этомъ печатно [1]), придаетъ этому вопросу фатальный характеръ; реалистическое направленіе должно, по его мнѣнію, совершенно вытѣснить миѳическое, несоотвѣтствующее будто-бы современному духу. Итакъ, война объявлена и кризисъ музыкальной драмы рѣзко обозначенъ! Прослѣдимъ-же, какими оружіями сражаются въ «Ферналѣ» и «Мессидорѣ» ихъ авторы, чтобы обезпечить побѣду своимъ культамъ.

II.

Общественное любопытство было сильно возбуждено обстоятельствами, сопровождавшими постановку «Ферваля» на брюссельскомъ театрѣ de la Monnaie, минувшею весной. Какъ когда-то «Тристанъ» Вагнера въ Вѣнѣ—«Ферваль» былъ объявленъ въ репертуарѣ театра уже два года назадъ, но все откладывался: потребовалось около ста репетицій для того, чтобы хористы окончательно побѣдили энгармонизмы д'Энди. Первое представленіе драмы состоялось 12 марта въ присутствіи избранныхъ представителей музыкальнаго міра, собравшихся со всѣхъ концовъ Германіи, Англіи и Франціи. «Ферваль» имѣлъ колоссальный успѣхъ и отзывы французскихъ критиковъ почти сошлись на томъ, что твореніе д'Энди—самое удачное со временъ великихъ трагедій Вагнера. «12 марта 1897,—говоритъ, напр., Леборнъ [2]),—останется одной изъ самыхъ знаменитыхъ датъ въ исторіи французской музыки». Композиторъ работалъ надъ этой драмой въ теченіи шести лѣтъ (1889—1895), подавъ тѣмъ хорошій примѣръ извѣстнымъ музыкантамъ, фабрикующимъ въ теченіи года двѣ или даже три оперы.

Дѣйствіе «Ферваля» происходитъ на югѣ и въ центрѣ Франціи, въ легендарную эпоху нашествія сарациновъ. Отпрыскъ расы «тучъ» или вождей, Ферваль воспитывается друидами для торжества ихъ культа, которому грозитъ все болѣе усиливающійся ростъ христіанства. Но кельтскій герой не сдерживаетъ главнаго условія, поставленнаго ему друидомъ Арфагаромъ: онъ влюбляется въ сарацинскую принцессу Гюйльхенъ. Въ началѣ Фервалю еще удается побѣдить любовь и онъ бѣжитъ отъ

---

[1]) «Le drame lyrique français».

[2]) «Le Monde Artiste».

Гюйльхенъ, которая, пылая мщеніемъ, ведетъ сарацинскія орды противъ кельтовъ. Но въ его душѣ любовь все еще продолжаетъ царить: боги отворачиваются отъ героя и онъ проигрываетъ битву съ сарацинами. Фервалю съ Арфагаромъ удается спастись въ ущельѣ горъ, гдѣ онъ встрѣчается съ Гюйльхенъ, предательски покинутой своими. Старая любовь вспыхиваетъ вновь, и когда Арфагаръ напоминаетъ юношѣ объ его миссіи, онъ убиваетъ его. Гюйльхенъ тоже вскорѣ умираетъ, не выдержавъ климата Севеннъ. Привѣтствуя зарю новой жизни — духовной христіанской любви, Ферваль подымается съ трупомъ своей возлюбленной на гору: вскорѣ облака совершенно закрываютъ ихъ—слышенъ мистическій хоръ и видны лучи новаго солнца.

Сюжетъ «Ферваля» даетъ богатый матерьялъ для воображенія музыканта. Столкновеніе двухъ расъ, контрасты южнаго и сѣвернаго темперамента; разрушеніе кельтскаго государства; сумерки боговъ, которые были богами нашихъ предковъ; низверженіе культа жестокости; заря новой религіи, религіи будущаго—все это превосходная канва, на которой талантъ д'Энди вышилъ очень тонкіе узоры.

Д'Энди находится подъ сильнымъ вліяніемъ Вагнера, да и кто не избѣгъ его? Начнемъ уже съ чисто-внѣшняго: подобно байретскому маэстро, избѣгающему названій оперы и лирической драмы, французскій композиторъ назвалъ своего «Ферваля»—музыкальнымъ дѣйствіемъ—action musicale. Это почти точный переводъ «Handlung»—названія, даннаго Вагнеромъ «Тристану и Изольдѣ» и «тетралогіи Нибелунговъ». Въ той смѣлости, съ которой композиторъ издалъ свой клавираусцугъ задолго до перваго представленія драмы, какъ-бы поощряя тѣмъ самымъ появленіе критическихъ отзывовъ до сценической постановки—тоже нельзя не видѣть пріемовъ байретскаго генія, подобно своему Зигфриду, не знавшаго, вообще, страха. Самъ Ферваль напоминаетъ вагнеровскаго Парсифаля. И тотъ, и другой противятся чарамъ женщины, дабы совершить свою искупительную миссію; но лишь Парсифаль остается чистымъ, тогда какъ Ферваль падаетъ и въ своемъ паденіи увлекаетъ и свою страну. Но д'Энди даже болѣе папистъ, чѣмъ самъ папа—Вагнеръ: его Ферваль—сынъ тучъ: такой отвлеченной, нематерьяльной генеалогіи Вагнеръ совсѣмъ не знаетъ. Гюйльхенъ—французская кузина Кундри; черты Гурнеманца и Курвеналя мастерски соединены въ друидѣ Арфагарѣ; какъ и въ «Нибелунгахъ», легендарный характеръ драмы отразился на удивительно характерныхъ именахъ вождей клановъ. Друиды называются: Гримпунгъ и Леннсморъ; вожди—Феркемнатъ, Гвеллкингубаръ, и т. д.—названія, съ граціей которыхъ нужно прежде всего, какъ говоритъ Мольеръ, примириться. Космогонія «Ферваля» вагнеровская: тѣ-же идеи матери, тотъ-же вагнеровскій драконъ,—превратившійся въ змѣю Кайто. Имѣется на лицо и весь нравственный вагнеровскій кодексъ. Тутъ и

состраданіе Гюйльхенъ къ раненому Фервалю—а это ли чувство не любимо Вагнеромъ!—и фатальность любви—(отголосокъ «Тристана»), и искупленіе убійства Арфагара смертью мавританки.

Наконецъ, и самъ принципъ миѳической, легендарной оперы долженъ быть поставленъ д'Энди въ активъ, какъ вагнеріанцу.

Къ этой вагнеровской поэмѣ примыкаетъ и музыка въ вагнеровскомъ духѣ: «Ферваль» даетъ понятіе, что такое копія въ музыкѣ, копія не извѣстнаго произведенія, но всей системы! Авторъ его совершенно субстанціоналенъ съ своимъ богомъ. Вы скажете это, проанализировавши массу лейтмотивовъ (руководящихъ мотивовъ), наполняющихъ партитуру, если примете во вниманіе тотъ фактъ, что они не носятъ характера ярлычковъ, но вытекаютъ органически другъ изъ друга и, въ свою очередь, сами органически обусловливаются идеей драмы: черезъ всю партитуру проходятъ мотивы Ферваля, взгляда и любви. Темы «Ферваля» выразительны и музыкальны вмѣстѣ съ тѣмъ: онѣ существуютъ и онѣ обозначаютъ. Мотивъ, который комментаторы назовутъ космогоничнымъ и который сопровождаетъ проповѣди Арфагара—не лишенъ характера. Мотивъ Гюйльхенъ полонъ привлекательной граціи.

Вы скажете это, и обративъ вниманіе на то, какъ культивируетъ авторъ народную мелодію. Маленькая сцена пастуха, музыкально основанная на пѣснѣ севеннскихъ крестьянъ, восхитительна. Но народность разбираемой драмы ограничивается лишь этой сценой и не проникаетъ во всѣ ея фибры, туда, напр., гдѣ требуется задумчивость поэта или острый ножъ музыкальнаго аналитика. Кромѣ того, она и здѣсь не играетъ опредѣляющей роли, и общее впечатлѣніе достигается чѣмъ-то другимъ: блуждающимъ ритмомъ, легкимъ, какъ мечта, аккордомъ, замираніемъ звука въ горной дали, мéдленнымъ кадансомъ, который все не хочетъ кончиться... И въ нѣсколькихъ тактахъ авторъ вамъ говоритъ многое о поэзіи ночи, тумана и лѣсовъ. Не преслѣдовалъ-ли Вагнеръ такой-же принципъ универсальнаго искусства?

Вы, наконецъ, убѣдитесь въ вагнеризмѣ автора и вглядѣвшись въ форму «Ферваля», въ это свободное властвованіе автора музыкальной формой, опредѣляемой лишь настроеніемъ текста. Возьмите этотъ монологъ Ферваля въ 1 актѣ; его три сильные момента опредѣляются лишь троекратнымъ обращеніемъ героя къ радости. Здѣсь музыкальные періоды различны по рисунку, ритму, характеру, но сходны по заканчивающему ихъ мелодическому подъему. Вотъ—альфа и омега современной оперной формы, выработанной Вагнеромъ!

III.

Но, повидимому, сюжетъ сильно увлекъ автора и въ третьемъ актѣ,—наиболѣе оригинальномъ по философской концепціи (о чемъ рѣчь впе-

Гюйльхенъ, которая, пылая мщеніемъ, ведетъ сарацинскія орды противъ кельтовъ. Но въ его душѣ любовь все еще продолжаетъ царить: боги отворачиваются отъ героя и онъ проигрываетъ битву съ сарацинами. Фервалю съ Арфагаромъ удается спастись въ ущельѣ горъ, гдѣ онъ встрѣчается съ Гюйльхенъ, предательски покинутой своими. Старая любовь вспыхиваетъ вновь, и когда Арфагаръ напоминаетъ юношѣ объ его миссіи, онъ убиваетъ его. Гюйльхенъ тоже вскорѣ умираетъ, не выдержавъ климата Севеннъ. Привѣтствуя зарю новой жизни — духовной христіанской любви, Ферваль подымается съ трупомъ своей возлюбленной на гору: вскорѣ облака совершенно закрываютъ ихъ—слышенъ мистическій хоръ и видны лучи новаго солнца.

Сюжетъ «Ферваля» даетъ богатый матерьялъ для воображенія музыканта. Столкновеніе двухъ расъ, контрасты южнаго и сѣвернаго темперамента; разрушеніе кельтскаго государства; сумерки боговъ, которые были богами нашихъ предковъ; низверженіе культа жестокости; заря новой религіи, религіи будущаго—все это превосходная канва, на которой талантъ д'Энди вышилъ очень тонкіе узоры.

Д'Энди находится подъ сильнымъ вліяніемъ Вагнера, да и кто не избѣгъ его? Начнемъ уже съ чисто-внѣшняго: подобно байретскому маэстро, избѣгающему названій оперы и лирической драмы, французскій композиторъ назвалъ своего «Ферваля»—музыкальнымъ дѣйствіемъ—action musicale. Это почти точный переводъ «Handlung»—названія, даннаго Вагнеромъ «Тристану и Изольдѣ» и «тетралогіи Нибелунговъ». Въ той смѣлости, съ которой композиторъ издалъ свой клавираусцугъ задолго до перваго представленія драмы, какъ-бы поощряя тѣмъ самымъ появленіе критическихъ отзывовъ до сценической постановки—тоже нельзя не видѣть пріемовъ байретскаго генія, подобно своему Зигфриду, не знавшаго, вообще, страха. Самъ Ферваль напоминаетъ вагнеровскаго Парсифаля. И тотъ, и другой противятся чарамъ женщины, дабы совершить свою искупительную миссію; но лишь Парсифаль остается чистымъ, тогда какъ Ферваль падаетъ и въ своемъ паденіи увлекаетъ и свою страну. Но д'Энди даже болѣе паписть, чѣмъ самъ папа—Вагнеръ: его Ферваль—сынъ тучъ: такой отвлеченной, нематерьяльной генеалогіи Вагнеръ совсѣмъ не знаетъ. Гюйльхенъ—французская кузина Кундри; черты Гурнеманца и Курвеналя мастерски соединены въ друидѣ Арфагарѣ; какъ и въ «Нибелунгахъ», легендарный характеръ драмы отразился на удивительно характерныхъ именахъ вождей клановъ. Друиды называются: Гримпунгъ и Леннсморъ; вожди—Феркемнатъ, Гвеллкингубаръ, и т. д.—названія, съ граціей которыхъ нужно прежде всего, какъ говоритъ Мольеръ, примириться. Космогонія «Ферваля» вагнеровская: тѣ-же идеи матери, тотъ-же вагнеровскій драконъ,—превратившійся въ змѣю Кайто. Имѣется на лицо и весь нравственный вагнеровскій кодексъ. Тутъ и

состраданіе Гюйльхенъ къ раненому Фервалю—а это ли чувство не любимо Вагнеромъ!—и фатальность любви—(отголосокъ «Тристана»), и искупленіе убійства Арфагара смертью мавританки.

Наконецъ, и самъ принципъ миѳической, легендарной оперы долженъ быть поставленъ д'Энди въ активъ, какъ вагнеріанцу.

Къ этой вагнеровской поэмѣ примыкаетъ и музыка въ вагнеровскомъ духѣ: «Ферваль» даетъ понятіе, что такое копія въ музыкѣ, копія не извѣстнаго произведенія, но всей системы! Авторъ его совершенно субстанціоналенъ съ своимъ богомъ. Вы скажете это, проанализировавши массу лейтмотивовъ (руководящихъ мотивовъ), наполняющихъ партитуру, если примете во вниманіе тотъ фактъ, что они не носятъ характера ярлычковъ, но вытекаютъ органически другъ изъ друга и, въ свою очередь, сами органически обусловливаются идеей драмы: черезъ всю партитуру проходятъ мотивы Ферваля, взгляда и любви. Темы «Ферваля» выразительны и музыкальны вмѣстѣ съ тѣмъ: онѣ существуютъ и онѣ обозначаютъ. Мотивъ, который комментаторы назовутъ космогоничнымъ и который сопровождаетъ проповѣди Арфагара—не лишенъ характера. Мотивъ Гюйльхенъ полонъ привлекательной граціи.

Вы скажете это, и обративъ вниманіе на то, какъ культивируетъ авторъ народную мелодію. Маленькая сцена пастуха, музыкально основанная на пѣснѣ севеннскихъ крестьянъ, восхитительна. Но народность разбираемой драмы ограничивается лишь этой сценой и не проникаетъ во всѣ ея фибры, туда, напр., гдѣ требуется задумчивость поэта или острый ножъ музыкальнаго аналитика. Кромѣ того, она и здѣсь не играетъ опредѣляющей роли, и общее впечатлѣніе достигается чѣмъ-то другимъ: блуждающимъ ритмомъ, легкимъ, какъ мечта, аккордомъ, замираніемъ звука въ горной дали, ме́дленнымъ кадансомъ, который все не хочетъ кончиться... И въ нѣсколькихъ тактахъ авторъ вамъ говоритъ многое о поэзіи ночи, тумана и лѣсовъ. Не преслѣдовалъ-ли Вагнеръ такой-же принципъ универсальнаго искусства?

Вы, наконецъ, убѣдитесь въ вагнеризмѣ автора и вглядѣвшись въ форму «Ферваля», въ это свободное властвованіе автора музыкальной формой, опредѣляемой лишь настроеніемъ текста. Возьмите этотъ монологъ Фе́рваля въ 1 актѣ; его три сильные момента опредѣляются лишь троекратнымъ обращеніемъ героя къ радости. Здѣсь музыкальные періоды различны по рисунку, ритму, характеру, но сходны по заканчивающему ихъ мелодическому подъему. Вотъ—альфа и омега современной оперной формы, выработанной Вагнеромъ!

III.

Но, повидимому, сюжетъ сильно увлекъ автора и въ третьемъ актѣ,—наиболѣе оригинальномъ по философской концепціи (о чемъ рѣчь впе-

реди)—д.Энди дастъ уже вполнѣ индивидуальныя музыкальныя формы. Страстная хроматика Вагнера очень часто уступаетъ здѣсь мѣсто суровой діатоникѣ, простота которой при трагизмѣ сюжета какъ-бы иллюстрируетъ мысль, что трагическое должно быть просто. Ненависть автора къ условнымъ, отжившимъ формамъ рондо, марша, аріи, симфоніи намъ уже извѣстна, но никогда этотъ музыкальный революціонеръ не высказывался въ этомъ отношеніи съ такою силой, какъ въ «Ферналѣ». Создавая свои поэтическіе образы, какъ мы увидимъ, совершенно въ новомъ духѣ, онъ создаетъ и новыя, свободныя музыкальныя формы, отвѣчающія свободному міросозерцанію. Онъ знаетъ, что кастовый, придворно-аристократическій и военный духъ прежняго времени запечатлѣлъ себя въ музыкальныхъ формахъ фуги, менуэта, полонеза, марша—и что новый человѣкъ, уже рѣзко обозначившійся въ общественности, требуетъ себѣ и новыхъ эстетическихъ формъ, чтобы высказаться. Но что болѣе всего въ настоящее время опредѣляетъ творчество истиннаго художника? Конечно, литература и философская мысль. Эти факторы д'Энди и призываетъ на помощь, когда выковываетъ свои новыя формы.

Я не знаю, далѣе, композитора, у котораго стерлось-бы настолько понятіе объ опредѣленной тональности. Безпрестанно модулируя изъ одного тона въ другой, д'Энди идетъ въ этомъ отношеніи даже далѣе Вагнера. Гайднъ, Моцартъ, Бетховенъ (первыхъ двухъ періодовъ)—страстотерпцы условной формы и опредѣленной тональности. Листъ и Вагнеръ разбили эту гармоническую призму на тысячу ослѣпительныхъ лучей, давая модуляціи уже на четвертомъ тактѣ, но д'Энди въ этомъ отношеніи похожъ на Доргомыжскаго, котораго преданность тональной свободѣ допустила въ «Каменномъ Гостѣ» лишь два такта старыхъ правилъ [1]). Что касается д'Энди, мнѣ-бы хотѣлось объяснить это крайнимъ поэтическимъ символизмомъ композитора. Символъ требуетъ внезапныхъ сильныхъ контрастовъ идей и образовъ и потому не мудрено, что этотъ преувеличенный культъ на музыкальномъ языкѣ выражается внезапными контрастами тональностей.

Наконецъ, характеръ мелодій «Ферваля» скорѣе французскій, чѣмъ вагнеровскій. Д'Энди является истымъ французомъ и въ инструментовкѣ, отражающей вліянія Берліоза, показывая себя, какъ всѣ французы, блестящимъ оркестраторомъ, ловко утилизирующимъ характеръ каждаго инструмента. Разнообразіе колорита, деликатная и тонкая звучность—вотъ отличительныя черты оркестра д'Энди, очень полнаго съ внѣшней стороны [2]).

Въ «Фервалѣ» главнымъ образомъ бросается въ глаза возвышенность

---

[1]) «Каменный Гость» оканчивается и начинается въ C—dur.

[2]) Въ партитуру входятъ такіе рѣдко употребляемые инструменты, какъ бассонъ, саксофонъ, бомбардонъ, гонгъ; флейтъ—4, гобоя—3, арфъ—8.

сюжета, тотъ вдохновенный экстазъ, которымъ запечатлѣно, напр., все послѣднее дѣйствіе. Трудно указать оперный сюжетъ болѣе сильный, захватывающій, болѣе затрогивающій высшія проблемы человѣческаго духа, болѣе, наконецъ, красивый. Разогрѣтый этой идейностью, этой вдохновенностью экстаза, д'Энди постепенно повышаетъ и свое музыкальное вдохновеніе: подобно Фервалю, подымающемуся, въ послѣднемъ актѣ, до вершины горы—и музыка достигаетъ здѣсь подобающихъ ей высотъ: обращеніе Ферваля къ звѣздамъ болѣе талантливо, чѣмъ самъ д'Энди – и фразы Ферваля надъ мертвыми Гюйльхенъ и Арфагаромъ: «Они спятъ—тѣ, которыхъ я любилъ» исполнены чуднаго, мистическаго величія, столь необходимаго здѣсь.

Мнѣ кажется, д'Энди въ своей новой драмѣ отвѣтилъ послѣднему слову философіи музыки, что я попробую показать.

IV.

Вспомните тѣ фазы, которыя прошла въ этомъ отношеніи философская мысль—эти сильныя метафизическія системы Канта, Гегеля, Шеллинга, Фишера. По Гегелю [1]), музыка—«звучащій непосредственно для себя духъ». Шеллингъ, представитель абстрактнаго идеализма, видитъ въ ней ни болѣе, ни менѣе какъ «первообразный ритмъ природы и вселенной, прорывающійся въ отраженный міръ посредствомъ этого искусства» [2]). Полно метафизическихъ глубинъ опредѣленіе Фишера, называющаго музыку «самимъ идеаломъ, душою другихъ искусствъ, таинствомъ всякой формы, предвкушеніемъ міровыхъ законовъ» [3]). Если мы вспомнимъ еще опредѣленіе Гауптмана: «пробужденіе абсолюта», то не трудно видѣть, что Фишеръ и Гауптманъ находились подъ сильнымъ вліяніемъ Шопенгауэра, провозгласившаго музыку высшимъ искусствомъ, въ которомъ міровая воля—кантовскія «вещи въ себѣ»—проявляется непосредственно (другія искусства передаютъ лишь идеи). «Музыка,—говоритъ великій пессимистъ,—есть такая-же непосредственная объективація и отраженіе цѣльной воли, какъ и сами идеи» [4]). Мелодія должна, именно, разсказывать таинственныя исторіи человѣческой воли; будучи высшимъ и наиболѣе самостоятельнымъ гармоническимъ голосомъ, она должна изображать собою высшую ступень объективаціи воли. Аналогія со ступенями идей предрѣшаетъ далѣе, что многоголосная гармонія, какъ отвѣчающая наибольшему разнообразію и богатству идей, встрѣчается лишь на высшей стадіи музыкальнаго развитія. Вѣрность метафизическимъ параллелямъ

[1]) Gesam. Werke. Berlin 1838. Bd. X. Abt. 3, стр. 193.
[2]) Philosophie der Kunst. Sam. Werke. 1859. Bd. V, стр. 369.
[3]) Astheitk. III. Theil. 2. Abschn. 4 Heft, стр. 826.
[4]) Die Welt als Wille u. Vorstellund. I, стр. 304.

у нѣмецкаго философа доходила до того, что, напр., онъ находилъ неэстетичной мелодію въ басовомъ голосѣ, ибо тогда параллелизмъ гармоническихъ голосовъ съ идеями совершенно утрачивается... Музыка—безсознательное философствованіе—вотъ синтезъ воззрѣній Шопенгауэра.

Шопенгауэръ повліялъ могуче на музыкальное искусство, открывъ ему романтико-пессимистическія глубины. Романтическая порывистость, растерзанность какъ-бы стала наслѣдіемъ философа, у котораго воля справляетъ свои сатурналіи. Романтическое стремленіе въ даль, засимъ, находило какъ-бы свое оправданіе въ системѣ, отрѣшившей музыку отъ всего земного, преходящаго—и вдохнувшей въ нее поэзію вѣчности. Но система Шопенгауэра таила въ себѣ для музыки и пессимистическія зерна. Не нужно забывать, какъ понималъ этотъ философъ лирическій стиль, называя его мучительной борьбой міровой и индивидуальной воли. Послѣ эстетическаго экстаза воли, какой предлагаетъ Шопенгауэръ, художникъ и слушатель должны испытать переутомленіе, жажду покоя, смерти, сладкаго небытія: потонуть, какъ говоритъ вагнеровскій Тристанъ, въ міровомъ «все»—въ Нирванѣ блаженныхъ.

Истолкователемъ шопенгауэровскихъ идей на спеціальной музыкальной почвѣ явился главнымъ образомъ Вагнеръ, опредѣлившій, въ своемъ «Бетховенѣ» (1870), музыку, какъ «сознанную идею міра» [1]), давшій рядъ поэтическихъ типовъ въ шопенгауэровскомъ духѣ и чисто музыкально придержавшійся послѣдняго: отрицаніемъ рутинныхъ формъ и предоставленіемъ музыкѣ громадной роли въ своемъ кунстверкѣ.

Если музыка—міровой ритмъ, міровая воля, пробужденіе Абсолюта, то спрашивается: можетъ-ли такое высокое, вѣчное искусство спускаться до всякаго сюжета, можетъ-ли оно интерпретировать, напр., комизмъ, можетъ-ли быть связываемо тѣсными нитями съ поверхностнымъ и иной разъ ничего неговорящимъ словомъ? Этотъ вопросъ долженъ предполагать лишь отрицательный отвѣтъ: настоящая музыка всегда серьезна, величава, самоуглубленна, самостоятельна. Прекрасно понималъ свойство музыки Гегель, находя, что назначеніе этого искусства «лишать естественное выраженіе его дикости и умѣрять его». Роль музыки не заключается въ дезертированіи съ разъ достигнутыхъ высотъ: она—не удовольствіе, не слуховой гашишъ, но искусство, выражающее на универсальномъ языкѣ—языкѣ звуковъ—идеи и чувства. Универсальный міровой языкъ—слово, употребленное здѣсь не даромъ: національная музыка резюмируетъ извѣстный народъ, но не резюмируетъ человѣка—и, напр., оперы въ испанскомъ, венгерскомъ, польскомъ національномъ стилѣ не смогли, не смотря на всю талантливость ихъ авторовъ,—акклиматизироваться на другой національной почвѣ. Слишкомъ подчеркивая исклю-

[1]) Des Werke. Leipzig, 1893, Bd. IX, 88—91.

чительныя тенденціи извѣстной націи, онѣ лишь вскользь затрогиваютъ общіе идеалы человѣчества: народная мысль всегда кружится въ относительно узкихъ предѣлахъ, не отвѣчая очень часто универсальнымъ потребностямъ и выражая собою извѣстную дозу національнаго эгоизма. Первая обязанность музыки—протягивать руку лишь возвышенной поэзіи и безжалостно отбрасывать площадные и грубые сюжеты, которые могутъ загрязнить эту святую богиню. Есть французская поговорка: qui se ressemble, s'assemble. Не осуждайте-же музыку на реализмъ, на сближеніе съ ежедневной жизнью; пускай она не заводитъ знакомства съ писателями нижняго этажа; не бѣгаетъ по улицамъ съ грубой богемой. Не лишайте ее ея метафизическихъ высотъ и если хотите сорвать съ нея цвѣтокъ—то сорвите его на горѣ; удѣлите ей область звѣздъ, ночныхъ настроеній, душевныхъ драмъ, проблемъ Вѣчнаго.

Когда однажды Эмиль Ожье выразился: «искусству доступно все, даже обыденное»—ему кто-то вѣрно замѣтилъ: «подъ тѣмъ условіемъ, что художникъ заставитъ глупаго говорить разумно».

V.

Д'Энди удивительно цѣльно воплотилъ шопенгауэровскую концепцію музыки. Шопенгауэръ провозгласилъ царство музыки—«не отъ міра сего»: трудно найти сюжетъ болѣе загадочный и таинственный, чѣмъ сюжетъ «Ферваля». Въ сущности, онъ происходитъ между небомъ и землей, а оканчивается прямо на небѣ... легендарно—историческія рамки являются здѣсь не нужнымъ наслоеніемъ. Ферваль—сынъ тучъ: этимъ достаточно засвидѣтельствовано его неземное происхожденіе. Ферваль узнаетъ настоящую любовь лишь черезъ смерть Гюйльхенъ, черезъ мистическій союзъ съ ней въ духѣ, на небѣ. Что можетъ болѣе удовлетворить шопенгауэровскому культу, чѣмъ эта развязка, эта концепція, отбрасывающая всѣ земные способы разрѣшенія коллизіи?!

Обратившись къ исторіи оперы, мы увидимъ, что міръ фантастики, напр., въ операхъ Вебера, Маршнера, Корсакова—разсматривался композиторомъ, какъ продуктъ народнаго творчества, т. е. какъ нѣчто данное—и, въ сущности, не служилъ никакимъ философскимъ цѣлямъ. Вагнеръ, въ своихъ «Лоэнгринѣ», «Нибелунгахъ», «Парсифалѣ», конечно, уже оживилъ этотъ міръ вопросами субъективнаго духа, заставивъ образы народной фантазіи быть глашатаями его современнаго міросозерцанія, но объектомъ вагнеровской мысли былъ, преимущественно, внутренній человѣкъ, а не человѣкъ, какъ часть міровою цѣлаго. Между тѣмъ, гдѣ какъ не въ музыкальной драмѣ можно выразить образно присущую человѣку жажду безсмертія, вѣчности? Вотъ эту тенденцію я и вижу въ «Фервалѣ». Здѣсь—впервые въ исторіи оперы—выражена, сильной по подъему

музыкой 3 акта, страстная жажда безпредѣльности чувства, человѣческая жажда властвованія надъ вселенной. Ферваль подымается съ мертвой Гюйльхенъ на небо—нѣтъ болѣе никакихъ оковъ, разграниченій, предѣловъ, рамокъ: онъ подымается, чтобы любить такъ Гюйльхенъ, какъ ему не позволяли земныя условія; онъ подымается, какъ истинный богъ—сынъ тучъ—чтобы съ гордостью показать небесамъ свою Гюйльхенъ, въ которой, какъ въ чудной призмѣ, онъ сосредоточилъ всю свою поэзію красоты,—чтобы побѣдить небеса этой красотой! Это-ли не широкія новыя перспективы, открытыя д'Энди музыкѣ, это-ли не возвышенные моменты, вполнѣ достойные величавой концепціи Шопенгауэра!

Въ «Фервалѣ» есть и слезы, есть и пессимизмъ Шопенгауэра. Возьмите окончаніе этой драмы: вершины горъ уже освѣтились новой зарей, уже показались лучи новаго солнца, но спрашивается: взойдетъ-ли дѣйствительно оно?—на этотъ вопросъ поэма д'Энди не даетъ отвѣта. Кромѣ того, разрѣшеніе драматической коллизіи на небѣ прямо указываетъ на извѣстный пессимизмъ автора.

Но я вижу и въ самой музыкѣ «Ферваля» отголоски, эхо Шопенгауэра.

Если гдѣ слово играетъ такую подчиненную роль по отношенію къ музыкѣ—это въ третьемъ актѣ разбираемой драмы. Здѣсь полное царство музыки, звука, общихъ, почти неуловимыхъ настроеній, полутѣней, полунамековъ и въ любомъ аккордѣ чувствуется дуновеніе вѣчности, дыханіе гетевскихъ «идей-матерей»... Дѣйствіе, слово, мимика доведены до минимума. Взамѣнъ этого—вдохновенный музыкальный экстазъ, имѣющій одинъ лишь pendant въ монологѣ вагнеровскаго Тристана. Роль слова ограничивается отрывочными восклицаніями душевной боли, отчаянія, душевной борьбы. Зато какіе величественные аккорды сопровождаютъ стоны Ферваля надъ мертвыми Гюйльхенъ и Арфагаромъ, какъ мощно дуетъ, въ оркестрѣ, горный вѣтеръ, котораго ледяное дыханіе унесло Гюйльхенъ, какое духовное бореніе звучитъ въ оркестрѣ, когда показывается новая заря. Отсутствіе заключительныхъ кадансовъ, рельефа въ ритмическихъ фигурахъ, безконечныя модуляціи, исключающія устойчивую тональность—все это представляетъ какой-то тріумфъ первобытныхъ элементовъ музыки; это—раскованный Прометей звука, тѣ сферическіе танцоры, о которыхъ говоритъ Вагнеръ, то возрожденіе первоначальнаго міроваго языка, о которомъ мечталъ Ницше, діонисіевскій культъ послѣдняго. И замѣтьте, какъ оканчивается эта міровая музыкальная драма: отсутствіемъ людей, невидимымъ мистическимъ хоромъ, вскорѣ уступающимъ мѣсто полному развалу одного оркестра... Оркестръ, мощно интонирующій тему любви, какъ-бы стремится на встрѣчу показавшимся лучамъ блестящаго разсвѣта. Метафизическая игра красокъ и звуковъ... Какая музыкальная драма знаетъ такое мощно-философское окончаніе?

Но я пошелъ-бы дальше. Помимо того, что въ «Ферваль» доминируютъ шопенгауэровскія идеи состраданія (Гюйльхенъ къ раненому Фервалю) и искупленія (смертью Гюйльхенъ убійства Арфагара Ферваломъ)—шопенгауэровское вліяніе видно и въ томъ, что партитура д'Энди, напримѣръ, богата многоголосьемъ, полифоніей (иногда очень рѣзкой, но всегда очень интенсивной): д'Энди удовлетворяетъ «параллелизму музыки со ступенями идей». Подобнымъ параллелизмомъ во вкусѣ Шопенгауэра можно объяснить и то, что верхній гармоническій голосъ никогда не мѣняется у д'Энди на нижній [1]) и наоборотъ.

Брюссельскій критикъ Кюффератъ ошибается, приписывая д'Энди желаніе противопоставить въ «Ферваль» друидизмъ (или язычество) и христіанство. При такой точкѣ зрѣнія нельзя объяснить, какимъ образомъ любовь къ сарацинкѣ Гюйльхенъ, преисполненной вражды къ христіанству, привела Ферваля къ Іисусу. Въ сущности, встрѣчающіяся въ драмѣ слова «Езусъ» и «Іезусъ» должны быть символами совершенно другихъ понятій. Въ своемъ разсказѣ 1-го акта Арфагаръ говоритъ: о «Зевсѣ, который умеръ», «Езусѣ, который спитъ», «Іезусѣ, который бодрствуетъ, который приходитъ». Если-бы д'Энди задавался такими обыденными цѣлями, какъ противопоставленіе язычества христіанству [2]), онъ не былъ-бы новаторомъ, жадно пьющимъ изъ духовнаго источника своего времени—и невозможно было-бы объяснить, отчего въ упомянутомъ разсказѣ выбрано для противопоставленія три символа (изъ которыхъ одинъ—Зевсъ—достаточно исчерпываетъ понятіе язычества). Взгляды д'Энди гораздо шире: въ Зевсѣ онъ хотѣлъ, повидимому, символизировать уже отошедшій старый міръ, въ Езусѣ—современные предразсудки, въ «Іезусѣ, который приходитъ»—новое свободное міросозерцаніе. Гибель боговъ, которой такъ боится Арфагаръ, это—гибель стараго строя, олицетвореннаго жреческой и воинской кастами, гибель царства жестокости; рожденіе Іисуса—лучезарная заря новаго строя, основаннаго на принципахъ любви.

Свое новое міросозерцаніе д'Энди питаетъ преимущественно Шопенгауэромъ, Ницше (тріумфъ Ферваля-убійцы, какъ сверхчеловѣка) и, пожалуй, нео-идеалистами. Ферваль, достигающій облаковъ съ мертвой Гюйльхенъ на рукахъ—тріумфъ идеализма и какъ апоѳеоза духа, и какъ достигнутаго царства идеала. Въ послѣднемъ отношеніи это окончаніе драмы особенно характерно. Каждая система, какъ таковая, приложенная къ жизни, даетъ необходимо и вредныя послѣдствія, рядомъ съ хорошими. Вотъ это зло мы и видимъ въ первыхъ актахъ «Ферваля»: Ферваль глубоко страдаетъ, ибо свободно любить ему запрещаетъ схема, ученіе, правило, ибо любовь сопряжена для него съ нарушеніемъ клятвы,

[1]) Конечно, въ смыслѣ цѣльной мелодіи.

[2]) Занимавшее умы уже тысячи поэтовъ.

данной друидамъ. Вершина горы, которую достигаетъ герой—это та точка, гдѣ падаютъ всѣ схемы, системы, касты, перегородки, гдѣ любовь не сопряжена съ нарушеніемъ клятвы: это царство полной свободы человѣческаго духа. Нужно видѣть гравюру художника Швабе (приложенную къ клавираусцугу), изображающую этотъ подъемъ Ферваля на гору—подъемъ, который станетъ знаменитымъ въ исторіи искусства. Волосы юноши развѣялись, вдохновенный взоръ его устремленъ кверху, къ вершинѣ горы; на его рукахъ—мертвая Гюйльхенъ, голова которой откинулась назадъ. Кругомъ, въ воздухѣ—хороводъ мистическихъ дѣвъ, поднятыми руками указывающихъ юношѣ дорогу къ небу. При этомъ упомянутая идея выражена здѣсь рядомъ образовъ: рядомъ, напримѣръ, съ цѣломудреннымъ женскимъ типомъ, виднѣется фигура страстной дѣвушки, въ позѣ влекущей къ наслажденію. Художникъ геніально понялъ основную мысль, уничтоживъ также рѣзкія линіи окружающихъ Ферваля предметовъ: мистическій хороводъ кажется сливающимся съ линіей горъ.

Насколько д'Энди уловилъ современныя теченія, видно уже изъ того, что идеальный эклектизмъ, которымъ вѣнчается разбираемая драма, находитъ себѣ защиту въ лицѣ, напримѣръ, нео-идеалиста Брюнетьера. И такъ, полагаю, больше не нужно доказательствъ, что д'Энди въ «Фервалѣ» сбрасываетъ отчасти завѣсу съ будущаго нравственнаго міра; музыка является ему здѣсь великой помощницей, ибо, какъ превосходно разъясняетъ Гельмгольцъ [1]), ея назначеніе заключается, именно, въ этомъ.

VI.

Перейдемъ къ другому, соціальному направленію музыкальной драмы—къ «Мессидору» Золя-Брюно. Сюжетъ его вкратцѣ слѣдующій.

Въ одной деревнѣ Арьежа крестьянину Гаспару удается отвести ручей, золотыя песчинки котораго дѣлали всю деревню богатой. Разбогатѣвшій Гаспаръ строитъ фабрику. Разгорается борьба рабочихъ, руководимыхъ Матіо и Гильомомъ,—съ фабрикантомъ. Уже рабочіе хотятъ разрушить фабрику, когда внезапный горный обвалъ предупреждаетъ ихъ дѣло. Хотя въ Арьежѣ болѣе нѣтъ золота, но ручейки сдѣлали почву очень плодородной и въ деревнѣ царитъ полное довольство. На фонѣ этихъ событій развивается любовь Гильома къ Еленѣ, дочери Гаспара.

Опера до сихъ поръ не столько копировала современную жизнь, сколько заставляла ее позабывать. Когда, покидая область басни, она касалась реальныхъ событій—оперы Мейербера, С. Санса, Чайковскаго—она все-таки призывала на помощь отдаленную историческую перспективу, идеальныя рамки исторіи. Вагнеръ лишь сильно подчеркнулъ эту

---

[1]) «Die Lehre von den Tonempfindungen» 1862. XIX отдѣлъ, стр. 555

общую тенденцію, и въ его «тетралогіи» можно встрѣтить боговъ, героевъ, чудовищъ, но только не человѣка.

Пойти наперекоръ этому теченію и выкинуть знамя реально-соціальной оперы—вотъ идеалъ, преслѣдуемый «Мессидоромъ» Золя и Брюно. Нельзя отказать послѣднимъ въ томъ, что они вѣрно поняли національный духъ французскаго народа, этого народа конкретности, анализа, разсудочности, реализма—народа, не давшаго, за исключеніемъ Декарта, ни одной великой метафизической системы народа, котораго прекраснымъ выразителемъ явился, напримѣръ, Сентъ-Эвремонъ, писатель XVIII вѣка. Раціонализмъ этого блестящаго, но односторонняго мыслителя, почти что не вычеркивалъ и самой оперы. Поклонникъ культа Разума, Эвремонъ глядѣлъ почти съ презрѣніемъ на ту область души, гдѣ господствуетъ безсознательное, на эту секретную лабораторію ясныхъ идей. «Моя душа, симпатизирующая больше культу ума, чѣмъ культу чувства,—писалъ онъ [1]),—оказываетъ тайное сопротивленіе впечатлѣніямъ, которыя она можетъ получить извнѣ, или, по крайней мѣрѣ, не даетъ на это согласія, безъ чего самыя интенсивныя наслажденія не могутъ доставить человѣку удовольствіе. Поэтому я не особенно долюбливаю оперу: мой умъ, тщетно ища здѣсь пищи себѣ, въ концѣ-концовъ, приходитъ лишь въ бѣшенство отъ своей безполезности». Музыка никогда не была во Франціи естественнымъ языкомъ чувства. Французскій музыкантъ, искусство котораго согрѣвалось-бы сердечной теплотой, прямо рѣдокъ: Жаннекэна, Рамо, Берліоза, С. Санса—всегда влекло къ описательной и объективной музыкѣ.

Брюно хочетъ заставить пѣть современнаго человѣка—городского пролетарія, крестьянина, ремесленника — т.-е. такого, какого онъ можетъ наблюдать въ обыденной жизни. Въ «Attaque du Moulin» онъ коснулся эпизодовъ войны 1870—71 г. Въ «Le Rêve» ему мимоходомъ улыбнулся романтическій міръ, но въ настоящее время онъ уже хочетъ «принадлежать своему времени и своей странѣ, создать произведеніе современное и французское». Недавно, какъ уже упомянуто, французскимъ реформаторомъ напечатана статья [2]), гдѣ довольно ясно выражено его profession de foi. Главные тезисы Брюно слѣдующіе: Франція рискуетъ утратить свою музыкальную индивидуальность, въ виду все возрастающаго вліянія Вагнера. Послѣднее можно замѣтить и въ современныхъ школахъ Италіи, Россіи и Норвегіи, но тамъ это вліяніе не заглушило національныхъ ростковъ. Кромѣ того, вагнеризмъ, проповѣдующій царство миѳа, мечты, романтизма, абстракціи, совершенно не подходитъ, по Брюно, къ духу французской націи, равно какъ и къ современному духу. «Ничто такъ

---

[1]) Письмо къ герцогу Букингамъ. Oeuvres complètes III. vol., стр 282.

[2]) «Le drame lyrique français».

не противорѣчитъ духу нашей расы, какъ нахожденіе счастья въ смерти— и ничто такъ не противно современному духу, какъ легендарные туманы. Сочиняя Le Rêve, L'Attaque du Moulin, Messidor, не легендарныя, но современныя драмы, очень французскія по дѣйствію и чувствамъ, я имѣлъ твердую и опредѣленную цѣль—воспѣть сладость мистической любви, уничтоженіе несправедливыхъ войнъ, необходимость славнаго труда; мое дѣло—французское и современное. И я радъ имѣть себѣ помощникомъ въ этомъ—главу нашей литературной школы—моего дорогого и великаго друга Эмиля Золя, который былъ для меня не только сотрудникомъ, но и истымъ вдохновителемъ».

Посмотримъ-же, какъ понималъ свою задачу авторъ «Ругонъ-Макаровъ». Золя еще недавно былъ рѣшительнымъ противникомъ музыки и не могъ даже проходить безъ отвращенія мимо зданія Оперы — этого «гнѣзда чувственности и безчинства», по его словамъ. Но наша жизнь богата неожиданностями — и вотъ уже третье оперное либретто исходитъ изъ его рукъ. Страстная полемика, возбужденная «Мессидоромъ», лишь раздразнила эту боевую натуру, и едва «Мессидоръ» увидѣлъ свѣтъ, какъ Золя приноситъ Брюно уже новое либретто «Ураганъ».

Золя не любитъ Вагнера, по крайней мѣрѣ, какъ поэта, ибо мистицизмъ, легенда и миѳъ возбуждаютъ скептическую улыбку у главы натуралистовъ. Съ его точки зрѣнія авторъ «Парсифаля» олицетворяетъ собою «спасеніе въ надзвѣздномъ мірѣ, всѣ уклоненія отъ доброй природы, любовь, кончающуюся смертью, ненужность половъ, религію отреченія, доведенную до точки, гдѣ дѣвственность становится уже преступленіемъ, уничтоженіемъ жизни». Золя, напротивъ, влечетъ къ любви, которая производитъ, къ матери, а не къ дѣвственницѣ; ибо онъ вѣритъ лишь въ здоровье, жизнь и радость; ибо онъ видитъ свои идеалы въ человѣческомъ трудѣ, его привлекаютъ давнишнія усилія народовъ, которые обработываютъ землю и которые въ будущемъ соберутъ счастливый урожай». «Для Мессидора», говоритъ Золя [1]), «я выбралъ горячую, современную тему, среду, простую, но разнообразную; хотя дѣйствіе происходитъ въ наши дни, я прибѣгъ къ помощи легенды».

VII.

Послѣднія слова Золя, что въ оперѣ на современный сюжетъ онъ прибѣгнулъ къ помощи легенды, особенно характерны. Соціальное направленіе музыкальной драмы поставило «Мессидоромъ» надъ собою крестъ, во первыхъ, тѣмъ, что принуждено было пойти здѣсь на большія

[1]) Письмо въ «Figaro».

уступки миѳическому, признавъ какъ-бы тѣмъ его жизненность, во вторыхъ самимъ фактомъ грандіознаго провала этой драмы.

Авторы «Мессидора» чувствуютъ паническій страхъ передъ мистицизмомъ и миѳомъ, но тѣмъ не менѣе вводятъ въ свою поэму цѣлую легенду о золотѣ, что было вовсе не необходимо для хода драмы. Обратите вниманіе на эту Веронику, фабрикующую магическія кольца. Авторы Мессидора утверждаютъ, что Вероника одна вѣритъ въ свое кольцо. Однако, въ послѣднемъ актѣ встрѣчается слѣдующая фраза анархиста Матіа: «О! проклятое кольцо, которое заставило меня все сказать». Золя хочетъ «героевъ свѣта и истины», какъ онъ самъ говоритъ, но къ таковымъ трудно отнести, напр., пастуха въ «Мессидорѣ», весьма загадочнаго. Авторы хотѣли олицетворить въ немъ «необходимую и плодотворную мечту». И, дѣйствительно, это — пастухъ совершенно романтическій, выражающійся иногда фразами Шопенгауэра: «страданіе вѣчно, какъ міръ» и т. д.

Присоедините ко всему этому символику соціальнаго переворота, тотъ фактъ, что въ своей реальной драмѣ авторы дали не живыхъ людей, но лишь отвлеченные образы. «Мессидоръ», по мнѣнію соціолога Рихарда, прочитавшаго о немъ лекцію въ брюссельскомъ Maison du peuple — есть «конкретное изображеніе той великой мысли, что кодексы, защищающіе частную собственность, будутъ унесены силою вещей въ томъ ураганѣ, который перевернетъ старый міръ. Соціальная революція будетъ имѣть естественныя причины». Не трудно догадаться, что Гаспаръ символизируетъ капитализмъ; Вероника—старыя религіозныя традиціи; горный обвалъ это—естественное наступленіе новаго строя и т. д.

Иногда прямо опасно выкидывать знамя реализма, какъ допускающее придирки. Въ лицѣ Матіа, напр., Золя хотѣлъ дать выхваченный изъ жизни типъ анархиста, «мрачную поэзію уничтоженія», но далъ «мелодраматическаго злодѣя» старой оперы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ эти Гильомы, Вероники — герои чего угодно, только не народной эпопеи. Мѣстами, либретто будущаго заставляетъ вспоминать веселыя пастиши Леметра. Съ реальной точки зрѣнія въ «Мессидорѣ»—масса несообразностей (которыя всегда должны сопровождать реальную оперу). Тилле [1]) справедливо удивляется незнанію Гаспаромъ закона объ отводѣ источниковъ;—отсутствію жандармовъ и сельской стражи въ большой и бойкой деревнѣ;—полному раззоренію Гаспара послѣ разрушенія фабрики (какъ будто-бы этотъ ловкій малый не умѣлъ отрѣзáть банковскіе купоны) и т. п.

Всего интереснѣе, что лучшія мѣста въ «Мессидорѣ»—этой реальной

[1]) «Revue bleue».

драмѣ—приходятся, именно, на долю легендарнаго элемента: легенда о золотѣ, разсказываемая Вероникой, выдается рельефомъ и даже красотою музыкальныхъ мыслей, тогда какъ остальная партитура Брюно наполнена музыкальными недоразумѣніями. Какъ-бы чувствуя этотъ разладъ между склонностями и системой, Брюно пишетъ [1]): «мнѣ было пріятно дать, въ серединѣ драмы, мѣсто фантастикѣ и симфоническому элементу, продолживъ, тѣмъ самымъ, блестящій символъ до надзвѣздныхъ сферъ».

VIII.

Представители новаго культа современной соціальной оперы позабываютъ, что заставить пѣть на сценѣ,—напр., современнаго банкира, капиталиста, чиновника, департаментскаго сторожа, жандарма,—можно лишь въ комическомъ видѣ. Забываютъ они также то, что, съ одной стороны, современное въ искусствѣ должно отвѣчать лишь современному кругу идей, но не современной фактической жизни, которая можетъ заключать въ себѣ очень мало современныхъ элементовъ въ идеальномъ смыслѣ; съ другой—что современныя идеи могутъ быть превосходно переданы миѳомъ, легендой, миѳической музыкальной драмой, доказательствомъ чему является разобранный «Ферваль» д'Энди. Отдаленность легендарной эпохи не есть еще синонимъ туманности сюжета, туманности основной мысли. Напротивъ того, сама эта отдаленность способствуетъ проясненію легендарнаго типа, заставляетъ отбросить жалкую мѣрку реальности и дать просторъ для психологическихъ проблемъ. Въ музыкальной драмѣ важна не вѣрность исторической обстановкѣ, но сила поэтическаго вымысла, сила творческой интуиціи, являющаяся результатомъ глубокаго мірового откровенія. И даже, затронувъ область исторіи, музыка едва-ли должна рабски слѣдовать исторической перспективѣ, имѣя въ виду примѣръ живописи: великіе художники эпохи Рафаэля вовсе не обращали вниманія, напр., на историческій колоритъ, на вѣрность произведенія иллюстрируемой эпохѣ, но дали тѣмъ не менѣе величайшіе шедевры искусства. «Само собою понятно,—говоритъ музикологъ Поль [2]),—что не каждый драматическій сюжетъ годенъ для музыкальной обработки. Напротивъ того, многіе сюжеты, слишкомъ подчеркивающіе реальныя стороны жизни, совершенно не годятся для нея; музыкѣ необходимо идеальное направленіе: она—искусство чувства, а не разсудка, какъ бы тамъ ни утверждали противное. Историческая драма никогда не можетъ стать ея цѣлью: историческая опера была лишь заблужденіемъ. Напротивъ того, романтизмъ (миѳъ, легенда)—настоящая область музыки—и должна культивироваться лишь романтическая опера».

[1]) Статья въ «Figaro».

[2]) «Die Höhenzüge der musikalischen Entwickelung», стр. 354.

Прибавлю, что лишь миѳическое направленіе музыкальной драмы способно удовлетворить музыкѣ, какъ міровой волѣ, какъ откровенію міровой сущности: въ миѳѣ обыденная разсудочность доведена до минимума эту разсудочность способны передать пластическія искусства и поэзія, какъ отражающія поверхность вещей),—и миѳъ предполагаетъ велича-)вость сюжета, крупныя формы, крупныя линіи, чего такъ требуетъ музыка. Конечно, внѣшность дѣйствія въ легендарномъ сюжетѣ должна при этомъ быть на заднемъ планѣ, миѳъ долженъ быть сокращенъ и философски обработанъ.

Историческая эволюція музыки, далѣе, это—прогрессъ отъ низменнаго къ величавому, но не постепенный ростъ музыкальнаго реализма, какъ нѣкоторые утверждаютъ. Пріобщивъ поэтическое слово [1]) къ инструментальной симфоніи, Бетховенъ хотѣлъ сблизить поэзію съ музыкой, но не подчинить послѣднюю первой, хотѣлъ, возвышеннымъ гимномъ Шиллера къ Свободѣ, лишь указать на высокое, міровое значеніе музыкальнаго искусства, но не поднять знамя объектности въ такомъ отвлеченномъ искусствѣ, какъ музыка. Точно также, если современная музыкальная драма Вагнера, Кюи, Корсакова, Мусоргскаго, д'Энди выставила своимъ девизомъ сближеніе музыки съ поэтическимъ словомъ, все-таки здѣсь не музыка приблизилась къ слову, а слово—къ музыкѣ: музыка нѣчто большее, чѣмъ конкретная поэзія—она заключаетъ въ себѣ послѣднюю. Но правильное соотношеніе этихъ двухъ искусствъ, завѣщанное самой исторической эволюціей, возможно лишь въ миѳической музыкальной драмѣ, гдѣ музыкѣ не нужно иллюстрировать случайное явленіе, не нужно играть подчиненную и жалкую роль.

Вагнеръ мѣтко назвалъ музыку материнскимъ чревомъ драмы [2]). «Когда я сочинялъ моего Тристана,—пишетъ онъ,—я погружался съ полнымъ довѣріемъ въ глубины души, и видѣлъ, какъ изъ этого интимнаго центра выростала понемногу внѣшняя форма этой драмы. Бѣглый взглядъ на содержаніе поэмы васъ убѣждаетъ, что, въ противоположность поэту, трактующему историческій сюжетъ, я развилъ главнымъ образомъ внутренніе, психологическіе моменты драмы на счетъ внѣшнихъ. Жизнь и смерть, важность и бытіе внѣшняго міра,—все это зависитъ у меня исключительно отъ внутреннихъ движеній души. Дѣйствіе, которое должно совершиться, зависитъ отъ одной причины, вызывающей его: *души*—и это дѣйствіе именно согласно съ представленіями о немъ души» [3]).

Культъ миѳа будетъ благопріятствовать и тому освобожденію, котораго такъ жаждетъ музыка. Суровыя, могучія, но простыя линіи миѳическаго сюжета сведутъ и музыку къ простымъ первобытнымъ элементамъ, заста-

---

[1]) Хоръ въ финалѣ 9-й симфоніи.

[2]) «Mutterschoos des Dramas». Ges. Schriften, IX, 362.

[3]) «Lettre—preface à l'édition française des Quatre poёmes d'opéra», Paris, 1861.

вять ее все болѣе и болѣе олицетворять собою міровую сущность. Теперь мы наслаждаемся музыкальной красотой лишь черезъ тусклую призму формы, ритма, національности, школы, индивидуальности. Но это—та скорлупа, которая должна быть прорванной. Въ идеальной музыкѣ нѣтъ оковъ формы и ритма—и миѳъ, свободный отъ оковъ школы и индивидуальности, пріобщитъ къ музыкѣ эту свободу, уничтожитъ индивидуальную волю въ искусствѣ, заставивъ ее слиться съ міровой волей, міровой сущностью.

Идеалы соціальнаго направленія—пріобщеніе музыкальной драмы къ идейному движенію нашего времени—могутъ быть осуществлены и миѳическимъ: глубиною концепціи, силою самой музыки, какъ откровенія міровой правды, иной разъ и музыкально-философской символикой въ духѣ Вагнера. Д'Энди и Вагнеру удалось уже передать, въ звукахъ, шопенгауэровскія идеи. Сюжетъ при этомъ долженъ быть такъ скомпанованъ, чтобы первую роль въ музыкальной драмѣ играли не діалоги, монологи или сентенціи, не конкретная мысль—(языкъ такъ безсиленъ!), но логика, идея самихъ событій, поступковъ героевъ.

А. Коптяевъ.

Рабочее законодательство въ Западной Европѣ.

(Окончаніе).

XIX.

Идея международнаго рабочаго законодательства впервые зародилась въ головѣ эльзасскаго фабриканта Даніеля Легранда. Въ январѣ 1841 г., во время обсужденія во французскомъ парламентѣ закона объ ограниченіи дѣтскаго труда на фабрикахъ, Леграндъ обратился къ правительству съ письмомъ, въ которомъ онъ указываетъ на то, что современная промышленность въ восьми различныхъ отношеніяхъ угрожаетъ здоровью тѣла и души рабочаго. Эти восемь золъ суть слѣдующія: недостатокъ ученія и воспитанія, допущеніе дѣтей весьма ранняго возраста къ фабричной работѣ, чрезмѣрное напряженіе силъ всѣхъ рабочихъ, ночная работа, отсутствіе воскреснаго отдыха, переполненіе рабочихъ квартиръ, смѣшеніе половъ и, наконецъ, оставленіе на произволъ судьбы неспособныхъ къ труду стариковъ. Въ заключеніе Леграндъ приглашаетъ французское правительство войти въ соглашеніе съ правительствами другихъ промышленныхъ странъ съ тѣмъ, чтобъ издать международные законы для устраненія указанныхъ имъ гибельныхъ условій фабричнаго труда.

Въ пятидесятыхъ годахъ этотъ филантропъ опять выступаетъ со своей идеей международной законодательной охраны промышленныхъ рабочихъ. Четыре раза, послѣдній разъ въ апрѣлѣ 1857 года, обращается онъ съ циркуляромъ ко всѣмъ правительствамъ, чтобы побудить ихъ путемъ соглашенія во всѣхъ странахъ вызвать къ жизни однѣ и тѣ же защитительныя мѣры. Къ этому циркуляру Леграндъ приложилъ выработанный имъ проектъ международнаго закона, въ которомъ устанавливается, между прочимъ, двѣнадцати часовый максимальный рабочій день; далѣе имъ запрещается фабричная работа дѣтей мужского пола, недостигшихъ

десяти—и дѣвушекъ тоже двѣнадцатилѣтняго возраста; до тринадцатилѣтняго возраста работа не должна превышать шести часовъ въ день; ночной трудъ запрещенъ для всѣхъ работницъ точно также, какъ и для работниковъ, не достигшихъ восемнадцатилѣтняго возраста; воскресный отдыхъ гарантируется всѣмъ рабочимъ безъ исключенія. Кромѣ того, проектъ содержитъ еще спеціальныя предписанія касательно тѣхъ отраслей промышленности, которыя по природѣ своей болѣе опасны для здоровья рабочихъ, и еще многое другое.

Человѣколюбивыя старанія Легранда остались безуспѣшными: ни одно правительство не отозвалось на его зовъ, даже въ Швейцаріи, гдѣ впослѣдствіи такъ много было сдѣлано для пропаганды идеи международнаго рабочаго законодательства, упомянутые циркуляры не произвели, повидимому, никакого впечатлѣнія.

Независимо отъ Легранда, мысль о международномъ рабочемъ законодательствѣ была высказана въ оффиціальномъ отношеніи правительства швейцарскаго кантона Гларуса къ правительству цюрихскаго кантона отъ 26 сентября 1855 года. Кантонъ Гларусъ занималъ по своему рабочему законодательству до изданія обще-швейцарскаго закона въ 1877 г. первое мѣсто среди другихъ кантоновъ. Упомянутое отношеніе имѣло цѣлью побудить промышленные кантоны войти между собою въ соглашеніе съ цѣлью установленія одинаковой защиты рабочихъ на бумагопрядильныхъ фабрикахъ. «Для вполнѣ удовлетворительнаго урегулированія условій конкурренціи между фабрикантами, говоритъ, между прочимъ, правительство кантона Гларуса, по скольку эта послѣдняя зависитъ отъ означенныхъ пунктовъ (т. е. отъ продолжительности рабочаго дня, запрещенія дѣтскаго труда и т. д.), безъ сомнѣнія необходимо было бы путемъ международнаго соглашенія создать общую для всѣхъ промышленныхъ странъ Европы систему; но такъ какъ въ данное время это желаніе надо отнести къ числу тщетныхъ, то...»

Двадцать лѣтъ спустя, въ 1876 году, послѣ того какъ идея международнаго рабочаго законодательства нашла себѣ защитниковъ въ экономической литературѣ въ лицѣ такихъ ученыхъ, какъ Адольфъ Вагнеръ, Шенбергъ и др., въ швейцарскомъ національномъ совѣтѣ раздается голосъ въ пользу этой идеи. Президентъ совѣта, полковникъ Эмиль Фрай, впослѣдствіи президентъ швейцарскаго союза, открывая сессію, въ которой надлежало обсуждать проектъ вошедшаго годъ спустя въ силу фабричнаго закона, указалъ въ своей рѣчи, между прочимъ, на то, что слѣдовало-бы подумать о томъ, не взять ли Швейцаріи на себя иниціативы пригласить остальныя промышленныя государства заключить между собою трактатъ съ цѣлью одинаковаго урегулированія рабочихъ вопросовъ.

Въ 1880 году тотъ же полковникъ Фрай внесъ въ національный совѣтъ предложеніе «пригласить швейцарское правительство войти въ

сношеніе съ главнѣйшими промышленными государствами съ цѣлью вызвать къ жизни международное фабричное законодательство». Предложеніе это было принято совѣтомъ 30 апрѣля 1881 года, и правительство уже въ маѣ того же года поручило своимъ посламъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ, Лондонѣ и Брюсселѣ обратиться съ запросомъ къ тамошнимъ правительствамъ, съ цѣлью узнать ихъ мнѣніе касательно даннаго вопроса.

Отвѣты, полученные швейцарскимъ правительствомъ отъ своихъ посольствъ, были далеко неутѣшительнаго свойства. Французское правительство не считало возможнымъ «вмѣшиваться въ отношенія между хозяевами и рабочими и ограничивать безъ особенной нужды свободу труда». «Если же въ самой Франціи,—говоритъ представитель французскаго правительства въ своемъ отвѣтѣ на запросъ швейцарскаго посла,—правительство мало расположено идти по этому пути, то оно, понятно, еще меньше можетъ имѣть охоты пускаться въ этомъ отношеніи на международныя соглашенія. Швейцарія оказала Европѣ большія услуги, взявъ на себя инціативу интернаціонализировать помощь раненымъ, почту, телеграфъ и т. п., но ей не слѣдуетъ идти слишкомъ далеко по этому пути, ибо не всѣ идеи оказываются повсюду одинаково созрѣвшими».

Изъ Берлина отвѣтъ гласилъ, что правительство не считаетъ возможнымъ, съ своей стороны, способствовать созиданію международнаго рабочаго законодательства, такъ какъ оно того мнѣнія, что вопросъ о законодательной охранѣ рабочихъ не можетъ служить предметомъ договоровъ.

Австрійское правительство выразило сомнѣніе въ возможности достигнуть международнаго соглашенія касательно вопросовъ объ охранѣ рабочихъ главнымъ образомъ въ виду того обстоятельства, что экономическія условія различныхъ странъ весьма отличаются другъ отъ друга. Свое же участіе въ международной конференціи оно поставило въ зависимость отъ того, будутъ ли принимать въ ней участіе главнѣйшія промышленныя страны Европы. Кромѣ того, оно предложило швейцарскому правительству прежде всего выработать подробную программу вопросовъ, которые подлежали бы разсмотрѣнію конференціи.

Въ Римѣ захотѣли раньше всего знать, какіе отдѣлы рабочаго законодательства будутъ служить предметомъ обсужденія на международномъ съѣздѣ.

Англійское правительство считало невозможнымъ осуществленіе идеи международнаго рабочаго законодательства, въ виду чрезвычайнаго разнообразія экономическихъ условій различныхъ странъ.

Бельгійское правительство вовсе не отвѣтило на направленный къ нему вопросъ.

Такимъ образомъ первая оффиціальная попытка осуществить идею

рабочаго законодательства кончилась полнѣйшей неудачей, вслѣдствіе отклоненія ея правительствами важнѣйшихъ промышленныхъ странъ Европы.

Идея международнаго рабочаго законодательства продолжала, однако, занимать общественное мнѣніе. Число защитниковъ и проповѣдниковъ этой идеи видимо увеличивалось; мало-по-малу стали ею интересоваться и сами рабочіе, понявшіе, что осуществленіе ея важно также и съ точки зрѣнія солидарности интересовъ пролетаріата всѣхъ странъ.

Мы считаемъ лишнимъ перечислять здѣсь тѣ литературныя произведенія, которыя были посвящены болѣе или мѣнѣе обстоятельному разбору вопросовъ, связанныхъ съ интересующей насъ здѣсь идеей. Такъ-же мало мы считаемъ нужнымъ привести тѣ многочисленныя манифестаціи въ пользу этой идеи, вышедшія изъ среды различныхъ политическихъ группъ и партій. Интересными кажутся намъ только тѣ факты и манифестаціи, которые привели къ тѣмъ или инымъ оффиціальнымъ попыткамъ воплотить идею международнаго рабочаго законодательства въ жизнь.

Въ сентябрѣ 1883 года засѣдавшій въ Цюрихѣ конгрессъ швейцарскихъ рабочихъ обществъ рѣшилъ обратиться съ просьбой къ союзному правительству возобновить свои переговоры съ другими правительствами касательно созыва конференціи для рѣшенія, на почвѣ международныхъ договоровъ, вопросовъ законодательнаго охраненія рабочихъ. Въ то же время конгрессъ избралъ коммиссію, которой поручено было путемъ энергичной агитаціи попытаться заинтересовать этой идеей французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ.

Результатомъ стараній швейцарскихъ рабочихъ было то, что въ томъ же году парижскій муниципальный совѣтъ, по предложенію соціалистическаго гласнаго Вейлана, принялъ резолюцію въ пользу международнаго рабочаго законодательства и поручилъ городскимъ властямъ обратиться съ просьбой къ французскому правительству взять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Въ концѣ того же года такое же предложеніе обсуждалось во французскомъ парламентѣ, но было отклонено.

Въ 1886 году соціально-демократическая фракція внесла въ германскомъ рейстагѣ предложеніе «пригласить канцлера созвать конференцію всѣхъ промышленныхъ государствъ для опредѣленія основъ построеннаго на одинаковыхъ принципахъ рабочаго законодательства, которое содержало бы слѣдующія обязательныя для всѣхъ участвовавшихъ въ конференціи государствъ нормы: 1) ограниченіе продолжительности рабочаго дня во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ 10 часами, 2) запрещеніе ночного труда во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ природа производства не допускаетъ перерыва работъ, 3) запрещеніе работы дѣтей, не достигшихъ 14-лѣтняго возраста». При

обсужденіи этого предложенія въ рейхстагѣ большинство ораторовъ высказалось противъ него.

Годъ спустя вопросъ о международномъ рабочемъ законодательствѣ опять служитъ предметомъ обсужденія въ швейцарскомъ парламентѣ. Въ декабрѣ этого года депутаты—д-ръ Декуртинсъ, предводитель христіанско-соціальной партіи Швейцаріи, и Фавонъ, членъ крайней лѣвой,—внесли слѣдующее предложеніе: «Въ виду того обстоятельства, что большое число государствъ уже имѣетъ, или же приготовляетъ рабочіе законы, подобные швейцарскимъ, національный совѣтъ приглашаетъ правительство предложить этимъ государствамъ заключить международный договоръ, или издать международный законъ относительно слѣдующихъ пунктовъ: 1) охраны малолѣтнихъ рабочихъ, 2) ограниченія женскаго труда, 3) недѣльнаго отдыха, 4) нормальнаго рабочаго дня». 27 іюня 1888 г. предложеніе это обсуждалось и было принято безъ всякой оппозиціи съ какой либо стороны.

Тѣмъ не менѣе швейцарское правительство приступило къ исполненію единогласно принятаго парламентомъ рѣшенія только девять мѣсяцевъ спустя. Причину этого замедленія оно впослѣдствіи объяснило тѣмъ, что оно пожелало заранѣе обстоятельно познакомиться съ этимъ вопросомъ, для каковой цѣли оно поручило упомянутому выше д-ру Декуртинсу выработать соотвѣтственный мемуаръ, который и былъ опубликованъ въ началѣ 1889 года.

Наконецъ, 15 марта 1889 года швейцарское правительство обратилось съ циркулярной нотой къ министрамъ иностранныхъ дѣлъ слѣдующихъ государствъ: Германіи, Австро-Венгріи, Бельгіи, Даніи, Испаніи, Франціи, Англіи, Италіи, Люксембурга, Голландіи, Португаліи, Россіи и Швеціи-Норвегіи.

Въ этомъ циркулярѣ обращается, между прочимъ, вниманіе на то, что печальное положеніе рабочаго населенія констатировано съ достаточной очевидностью, съ одной стороны, всевозможными соотвѣтствующими гигіеническими, статистическими и соціально-политическими изслѣдованіями, съ другой — самимъ фактомъ существованія рабочаго законодательства въ большомъ количествѣ государствъ. Устраненіе, или по крайней мѣрѣ смягченіе этой печальной участи рабочихъ является вопросомъ первой важности, какъ съ точки зрѣнія гуманности, такъ и военныхъ интересовъ государствъ, ослабленныхъ ухудшеннымъ физическимъ состояніемъ большихъ слоевъ населенія. Далѣе циркуляръ указываетъ на то, что нельзя, конечно, надѣяться сразу измѣнить все положеніе вещей; много времени пройдетъ, пока видны будутъ кое-какіе результаты. Но уже теперь является необходимымъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ вопросамъ о воскресномъ трудѣ и работѣ дѣтей и женщинъ прійти къ международному соглашенію съ тѣмъ, чтобы удержать семью отъ физи-

ческаго и нравственнаго разрушенія, чтобы, другими словами, охранить ее отъ ужасной эксплоатаціи, противорѣчащей естественнымъ и нравственнымъ законамъ. Задачу конференціи циркуляръ видитъ въ обсужденіи слѣдующихъ вопросовъ: 1) запрещеніе воскреснаго труда, 2) установленіе возрастнаго минимума для допущенія дѣтей къ фабричной работѣ, 3) установленіе максимальнаго рабочаго дня для подростковъ; 4) запрещеніе труда подростковъ и женщинъ въ промыслахъ, особенно вредныхъ для здоровья, 5) ограниченіе ночного труда для подростковъ и женщинъ и, наконецъ, 6) способъ приведенія въ исполненіе достигнутыхъ на конференціи соглашеній. Рѣшенія, принятыя на конференціи, не считаются пока обязательными; онѣ служатъ только основаніемъ для заключенія договоровъ между государствами, которыя того пожелаютъ, причемъ договоры могутъ касаться всѣхъ обсуждаемыхъ на конференціи вопросовъ, или же только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ заключеніе циркуляръ напоминаетъ, что договоры эти, конечно, всегда могутъ быть нарушены тѣми государствами, которыя захотятъ идти въ своемъ законодательствѣ нѣсколько дальше. «Швейцарія, напр., говорится въ циркулярѣ, ни въ какомъ случаѣ не думаетъ ослаблять свое фабричное законодательство, къ которому она въ теченіе двѣнадцати лѣтъ его существованія успѣла привыкнуть, она, наоборотъ, намѣрена въ будущемъ идти все дальше по этому пути». Въ отвѣтъ на этотъ циркуляръ правительства Австро-Венгріи, Англіи, Бельгіи, Голландіи, Франціи, Италіи, Люксембурга и Португаліи выразили свое согласіе принять участіе въ конференціи, причемъ Англія и Италія захотѣли только заранѣе получить подробную программу подлежащихъ обсужденію вопросовъ. Россія отклонила, а Германія, Данія, Испанія и Швеція-Норвегія совершенно на него не реагировали.

На этотъ разъ можно было быть довольнымъ результатомъ. Однако, въ виду упомянутыхъ желаній англійскаго и итальянскаго правительствъ конференція, назначенная сначала на сентябрь 1889-го года, была отложена на 5-ое мая слѣдующаго года, и это обстоятельство послужило, какъ мы сейчасъ увидимъ, помѣхой къ исполненію благихъ начинаній швейцарскаго правительства.

Въ тотъ самый день, когда швейцарское правительство разослало выработанную имъ програму вопросовъ, которыми, по его мнѣнію, надлежало заняться предполагаемой международной конференціи, 5-го февраля 1890-го года, въ «Вѣстникѣ Германской имперіи» были опубликованы тѣ знаменитые два манифеста императора Вильгельма II, въ которыхъ выразилась воля императора, съ одной стороны, способствовать развитію государственной охраны рабочихъ на почвѣ національнаго законодательства, а съ другой — попытаться достигнуть международныхъ соглашеній для улучшенія судьбы рабочаго населенія. Три недѣли спустя послѣдовало оффиціальное приглашеніе со стороны германскаго прави-

тельства принять участіе въ конференціи для обсужденія средствъ улучшенія судьбы промышленныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ, назначенной на 15-ое марта того же года въ Берлинѣ. Приглашеніе это было направлено къ правительствамъ слѣдующихъ государствъ: Австро-Венгріи, Англіи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Франціи, Италіи, Швеціи - Норвегіи и Швейцаріи

Этимъ поступкомъ германское правительство вступило въ конкурренцію со швейцарскимъ; послѣднему же, которому, впрочемъ, прежде всего были важны интересы защищаемаго имъ дѣла, ничего не оставалось, какъ уступить, такъ какъ оно ясно сознавало, что двѣ конференціи, которыя засѣдали бы приблизительно въ одно и то же время и занимались бы обсужденіемъ приблизительно однихъ и тѣхъ же вопросовъ, только мѣшали бы другъ другу и не привели бы ни къ какому результату.

И вотъ, отъ 15-го до 29-го марта 1890-го года въ Берлинѣ засѣдала конференція, на которую правительства двѣнадцати государствъ послали своихъ представителей.

Программа вопросовъ, предложенныхъ германскимъ правительствомъ на обсужденіе, касалась слѣдующихъ предметовъ: 1) работы въ рудникахъ, 2) воскреснаго труда, 3) труда дѣтей, 4) труда подростковъ, 5) труда женщинъ, 6) средствъ къ осуществленію принятыхъ конференціей рѣшеній.

Принятыя на конференціи рѣшенія были выражены въ заключительномъ протоколѣ въ формѣ желаній, не имѣющихъ обязательной силы и носящихъ характеръ благихъ совѣтовъ.

Мы не будемъ касаться сущности выраженныхъ конференціей желаній, а считаемъ возможнымъ ограничиться указаніемъ на то, что всѣ они чрезвычайно скромнаго свойства. Но это-то послѣднее обстоятельство позволяло надѣяться, что эти желанія найдутъ въ ближайшее время въ большинствѣ странъ свое осуществленіе. Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ, и, къ сожалѣнію, нигдѣ нельзя открыть слѣдовъ вліянія этой съ такой торжественностью обставленной и надѣлавшей такъ много шуму конференціи.

Три года послѣ берлинской конференціи мы опять встрѣчаемся въ Швейцаріи съ агитаціей въ пользу международнаго рабочаго законодательства. 3-го апрѣля 1893-го года конгрессъ швейцарскихъ рабочихъ союзовъ, видя безплодность дипломатическихъ попытокъ швейцарскаго правительства добиться международнаго соглашенія по этому предмету, рѣшилъ обратиться къ рабочимъ всѣхъ странъ съ предложеніемъ взять въ свои собственныя руки дѣло международнаго рабочаго законодательства и для этой цѣли созвать въ Швейцаріи международный рабочій конгрессъ.

Швейцарское правительство очень благосклонно отнеслось къ упоми-

нутому рѣшенію и обѣщало взять на себя часть расходовъ по конгрессу въ размѣрѣ пяти тысячъ франковъ подъ единственнымъ условіемъ, что на конгрессъ будутъ допущены представители всѣхъ безъ исключенія рабочихъ, безъ различія политическихъ и религіозныхъ воззрѣній. Условіе это, между прочимъ, вполнѣ соотвѣтствовало намѣреніямъ швейцарскихъ рабочихъ, такъ какъ упомянутый выше конгрессъ швейцарскихъ рабочихъ союзовъ насчитывалъ въ числѣ своихъ членовъ представителей союзовъ, принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ. Къ сожалѣнію, это же обстоятельство и затянуло осуществленіе рѣшенія конгресса, ибо германскіе, австрійскіе и французскіе соціаль-демократы не захотѣли засѣдать на одномъ конгрессѣ съ представителями другихъ партій, не ожидая отъ подобной совмѣстной работы какихъ-либо цѣльныхъ для пролетаріата результатовъ. Однако, швейцарскимъ рабочимъ, въ концѣ концовъ, все-таки удалось устранить и эти препятствія и заручиться согласіемъ рабочихъ почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ принять участіе въ международномъ конгрессѣ по рабочему законодательству, который и имѣлъ мѣсто отъ 23 го по 28-го августа сего года въ многолюднѣйшемъ городѣ Швейцаріи, Цюрихѣ.

XX.

Засѣдавшій въ Цюрихѣ международный конгрессъ имѣлъ своей цѣлью привести къ соглашенію между рабочими всѣхъ странъ касательно основныхъ задачъ законодательной охраны труда и средствъ къ осуществленію послѣдней. Достигнуть этого соглашенія оказалось дѣломъ не особенно труднымъ въ виду того, что подлежавшіе обсужденію конгресса вопросы разсматривались исключительно съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, солидарность которыхъ все больше приходитъ въ сознаніе членовъ этого класса, какъ бы ни была подчасъ велика разница между исповѣдуемыми ими политическими и религіозными вѣрованіями. Это обстоятельство рѣзко отличило этотъ конгрессъ отъ Берлинскаго. Въ то время, какъ на послѣднемъ играли роль соображенія всевозможнаго свойства, въ то время какъ тамъ наряду съ требованіями человѣколюбія принимались во вниманіе и интересы политики, и интересы промышленности, а иногда и прямо интересы предпринимателей, цюрихскій конгрессъ имѣлъ своей исходной точкой исключительно интересы рабочаго класса, которые, однако, въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадаютъ съ высшими общественными интересами, съ интересами современной культуры. Въ виду этого желанія, выраженныя берлинской конференціей, во многихъ случаяхъ остаются далеко позади того, что уже достигнуто въ нѣкоторыхъ странахъ въ области рабочаго законодательства; рѣшенія же, принятыя на цюрихскомъ конгрессѣ, во всѣхъ

случаяхъ формулируютъ требованія, осуществленіе которыхъ должно стать задачей болѣе или менѣе близкаго будущаго.

Рѣшенія цюрихскаго конгресса касаются слѣдующихъ предметовъ: 1) воскреснаго труда; 2) труда дѣтей и подростковъ; 3) труда женщинъ; 4) труда взрослыхъ работниковъ; 5) ночного труда и работы на вредныхъ для здоровья промыслахъ; 6) средствъ и пути къ осуществленію законодательной охраны рабочихъ.

По отношенію къ первому вопросу между членами конгресса не было почти никакихъ разногласій. Всѣ безъ исключенія ораторы высказывались за необходимость предоставить рабочимъ день отдыха въ недѣлю, при чемъ всѣ представители континентальныхъ странъ считали воскресенье самымъ удобнымъ для этого днемъ, въ то время какъ англійскіе делегаты требовали предоставленія свободы каждой странѣ выбирать для этой цѣли какой ей угодно будетъ день, ссылаясь на то, что въ ихъ странѣ воскресный отдыхъ, существующій тамъ уже съ давнихъ поръ, въ той формѣ, въ которой онъ тамъ практикуется, меньше всего въ дѣйствительности способенъ служить днемъ возобновленія физическихъ и моральныхъ силъ, днемъ удовольствія и радости. Въ воскресенье всѣ театры въ Англіи закрыты точно такъ же, какъ и всѣ другія увеселительныя учрежденія, запрещено давать публичные концерты, балы и т. п., при этомъ движеніе поѣздовъ, соединяющихъ большіе города съ ближайшими окрестностями, пріостановлено, такъ что рабочему нѣтъ возможности хотя бы одинъ разъ въ недѣлю оставить душную атмосферу рабочаго участка, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ деревни. Послѣднему ничего въ воскресенье не остается дѣлать, какъ посѣщать церковь, или же, какъ выразился одинъ англійскій делегатъ, проспать дома свой хмѣль послѣ субботней попойки.

Соображенія, приведенныя англійскими делегатами въ пользу своего предложенія, не были, однако, приняты во вниманіе главнымъ образомъ въ виду того, что во всѣхъ континентальныхъ странахъ воскресный отдыхъ не имѣетъ того характера, какъ въ Англіи. Съ другой стороны, за воскресенье говоритъ то обстоятельство, что во многихъ странахъ этотъ день уже и теперь болѣе или менѣе считается днемъ отдыха для всѣхъ слоевъ общества, такъ что дальнѣйшее распространеніе этого правила не сопряжено съ особенными трудностями.

Къ тому же вопросу, къ вопросу о воскресномъ трудѣ, докторомъ Рудольфомъ Маеромъ, авторомъ извѣстнаго произведенія «Эманципаціонная борьба четвертаго сословія», было присоединено предложеніе—требовать для сельскохозяйственныхъ рабочихъ запрещенія работы по найму въ субботу послѣ обѣда. Свое предложеніе Маеръ мотивировалъ тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ сельскохозяйственные рабочіе получаютъ въ счетъ своей заработной платы кусокъ пахатной земли, которую они

обыкновенно обрабатываютъ въ свободное отъ работъ для хозяина время; такимъ образомъ для этихъ рабочихъ воскресенье въ дѣйствительности не явилось бы днемъ отдыха; сельскохозяйственные рабочіе и впредь проводили бы этотъ день въ работѣ, если и не по найму, то все же вслѣдствіе необходимости такимъ путемъ увеличить свои скудные доходы. Запрещеніе труда по найму въ субботу послѣ обѣда дало бы этимъ рабочимъ возможность производить упомянутыя работы въ это послѣобѣденное время и пользоваться воскресеньемъ такъ, какъ это желательно. Эти вполнѣ справедливыя замѣчанія Маера не нашли, къ сожалѣнію, поддержки на конгрессѣ, и его предложеніе было отклонено.

Резолюція конгресса касательно воскреснаго труда гласитъ: 1) запрещеніе воскреснаго труда для всѣхъ категорій наемныхъ рабочихъ и служащихъ подъ страхомъ наказанія за нарушеніе этого запрещенія; 2) исключенія могутъ быть допустимы только по отношенію къ тѣмъ работамъ, которыя необходимы для продолженія промысла, или же тамъ, гдѣ по техническимъ соображеніямъ перерывъ работъ долженъ считаться невозможнымъ, или же, наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ продолженіе работъ необходимо—съ тѣмъ, чтобъ народъ могъ воспользоваться воскресеньемъ для своего развитія и развлеченія. Ни въ какомъ случаѣ, однако, не должны быть допустимы исключенія съ тѣмъ, чтобы прикрыть полученный какимъ-нибудь образомъ убытокъ; 3) размѣръ допускаемыхъ исключеній не долженъ быть предоставленъ на благоусмотрѣніе административныхъ властей, а, напротивъ, заранѣе точно опредѣленъ закономъ; 4) рабочимъ и служащимъ, которые, на основаніи допускаемыхъ исключеній, принуждены работать по воскресеньямъ, долженъ быть предоставленъ отдыхъ въ какой-либо иной день въ недѣлю, причемъ, однако, и имъ воскресный отдыхъ долженъ быть предоставленъ разъ въ двѣ недѣли; 5) подъ воскреснымъ отдыхомъ, точно также, какъ и подъ заступающимъ его мѣсто отдыхомъ въ какой-либо будній день, слѣдуетъ понимать отдыхъ въ размѣрѣ, по-крайней мѣрѣ, 36 часовъ.

Обсужденіе вопроса о трудѣ дѣтей и подростковъ повело къ разногласію главнымъ образомъ по двумъ пунктамъ. Съ одной стороны, болѣе радикальные члены конгресса требовали введенія обязательнаго посѣщенія школы дѣтьми до 16-лѣтняго возраста, противъ чего протестовали представители христіанско-соціальной партіи, мотивируя свой протестъ тѣмъ, что нельзя-де запретить родителямъ пользоваться услугами дѣтей дома въ томъ возрастѣ, когда послѣднимъ фабричная работа запрещена. Но этотъ мотивъ какъ разъ и послужилъ защитникамъ упомянутаго требованія поводомъ всѣми силами настаивать на принятіи его конгрессомъ, ибо, по ихъ мнѣнію, физическія и нравственныя силы дѣтей могутъ не менѣе, если не болѣе, пострадать отъ домашнихъ работъ, нежели

отъ работы на фабрикѣ; эксплоатація дѣтскихъ силъ должна быть въ не-меньшей степени запрещена родителямъ, какъ и постороннимъ людямъ.

Второе разногласіе имѣло своимъ основаніемъ желаніе христіанскихъ соціальныхъ и другихъ консервативныхъ политиковъ не распространять ограничительныя постановленія касательно труда дѣтей и подростковъ на сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Вообще надо замѣтить, что эти политики и при обсужденіи другихъ вопросовъ законодательной охраны рабочихъ пытались выдѣлить сельское хозяйство, заявляя, что, въ виду спеціальныхъ условій труда въ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ, общіе охранительные законы не могутъ имѣть здѣсь соотвѣтственнаго примѣненія.

Конгрессъ принялъ, однако, слѣдующее рѣшеніе: 1) Дѣтямъ, не достигшимъ пятнадцати-лѣтняго возраста, запрещается всякая наемная работа, причемъ всѣ дѣти до этого возраста обязаны посѣщать народную школу; 2) трудъ подростковъ отъ 15 до 18 лѣтъ не долженъ превышать 8 часовъ въ день; послѣ 4 часовъ непрерывной работы долженъ быть сдѣланъ перерывъ, по крайней мѣрѣ, на 1½ часа; 3) въ границахъ означеннаго рабочаго времени подросткамъ должно быть предоставлено достаточно времени для посѣщенія общихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній, 4) подросткамъ до 18 лѣтъ запрещена всякая работа по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

При обсужденіи мѣръ законодательной охраны женскаго труда вызвало чрезвычайно горячія пренія предложеніе христіанско-соціальной партіи требовать запрещенія женскаго труда въ крупной промышленности, рудникахъ и каменоломняхъ. Тутъ больше всего выразилась принципіальная разница взглядовъ представленныхъ на конгрессѣ политическихъ партій на основные вопросы государственной и общественной жизни. Какъ ни радикальнымъ кажется на первый взглядъ упомянутое предложеніе, оно, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, оказывается-таки довольно реакціоннымъ. Защищавшіе это предложеніе хотѣли бы вообще устроить для женщины возможность выйти изъ тѣсной сферы семьи, видя призваніе женщины единственно въ томъ, чтобы быть хорошей женой и матерью. Главой семьи долженъ остаться мужчина, на которомъ и лежитъ обязанность заботиться о ея матеріальномъ благосостояніи. Противъ этихъ взглядовъ энергично протестовали представители соціалъ-демократической партіи, въ особенности присутствовавшія на конгрессѣ женщины, принадлежащія къ этой партіи. Ими было указано на то, что женщина прежде всего не жена и не мать, а человѣкъ, и, какъ таковой, она требуетъ признанія своихъ правъ, которыхъ, однако, ей удастся достигнуть только въ томъ случаѣ, если она въ матеріальномъ отношеніи будетъ вполнѣ самостоятельна. Трудъ освобождаетъ ее нравственно и ставитъ ее на одинъ уровень съ мужчиной. Самостоя-

тельность женщины необходима такъ-же въ интересахъ семьи, конечно, не семьи, основанной на различныхъ соображеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ характеромъ отношенія между различными полами, не семьи, представляющей собою экономическую единицу, а такой, которая успѣла подняться на высшую ступень нравственнаго единства. Женщина должна быть не только женой, но и другомъ мужчины, а для этого она должна быть ему равна во всѣхъ отношеніяхъ. Запрещеніе фабричнаго труда женщинѣ было-бы только первымъ шагомъ къ удаленію женщинъ вообще изъ всѣхъ сферъ, находящихся за порогомъ семьи; при этомъ запрещеніе не уничтожило-бы женскаго труда, а замѣнило-бы только, въ силу условій современной экономической жизни, фабричный трудъ домашнимъ трудомъ, который подчасъ во многихъ отношеніяхъ гораздо хуже перваго. Такимъ образомъ женщина, вмѣсто того, чтобы заниматься хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей, какъ этого желаютъ защитники упомянутаго требованія, должна была-бы превратить свой домъ въ мастерскую, гдѣ вернувшійся съ работы мужъ еще въ меньшей степени могъ-бы найти отдыхъ для души и тѣла, нежели въ настоящее время. При всемъ томъ не слѣдуетъ забывать, что не всѣ женщины выходятъ замужъ и не всѣ могутъ, поэтому, разсчитывать на то, что ихъ матеріальныя нужды будутъ покрываться работою другихъ; въ такомъ-же положеніи находятся вдовы рабочихъ, которымъ точно также приходится самимъ о себѣ заботиться. Очевидно, что требованіе запрета труда женщинъ на фабрикахъ и т. д. является не только реакціоннымъ, но въ то-же время и прямо невыполнимымъ. Предложеніе христіанско-соціальныхъ политиковъ было конгрессомъ отклонено.

Не мало горячихъ споровъ вызвало также предложеніе англичанъ требовать запрещенія кустарнаго промысла, выродившагося во многихъ мѣстахъ въ такъ-называемый Schwitzsystem. Конгрессъ раздѣлился на два лагеря, причемъ можно было замѣтить, что разногласіе имѣло своимъ основаніемъ не разницу въ общихъ соціально-политическихъ воззрѣніяхъ,—въ томъ и въ другомъ лагерѣ можно было видѣть членовъ одной и той-же политической партіи или группы. Всѣ безъ исключенія ораторы безъ оговорки признавали чрезвычайно вредное вліяніе этого рода труда,—все разногласіе заключалось только въ томъ, что противники этого предложенія указывали на абсолютную невозможность, путемъ законовъ и декретовъ, вычеркнуть изъ жизни цѣлую форму производства, хотя-бы на нее и слѣдовало смотрѣть какъ на мрачное наслѣдіе прежнихъ временъ, въ то время какъ защитники его, не отрицая того, что для проведенія ихъ требованія могутъ встрѣтиться большія трудности, все-же считали окончательное устраненіе этой системы дѣломъ вполнѣ возможнымъ. Мнѣніе противниковъ восторжествовало, причемъ, однако, кон-

грессъ, въ виду важности этого вопроса, рѣшилъ на ближайшемъ конгрессѣ имъ спеціально заняться.

Резолюція конгресса имѣетъ слѣдующее содержаніе: 1) конгрессъ требуетъ изданія защитительныхъ законовъ касательно труда женщинъ въ крупной и мелкой промышленности, торговлѣ, путяхъ сообщенія точно такъ-же, какъ и въ кустарномъ промыслѣ; 2) этими законами должна быть равнымъ образомъ установлена продолжительность рабочаго дня въ 8 часовъ и рабочей недѣли въ 44 часа; рабочее время должно закончиться въ субботу въ 12 часовъ съ тѣмъ, чтобы работницы могли пользоваться до понедѣльника непрерывнымъ отдыхомъ въ размѣрѣ 42 часовъ; 3) строгое запрещеніе давать работницамъ по окончаніи урочной работы еще работу на домъ; 4) роженицамъ запрещается давать работу въ теченіе восьми недѣль до и послѣ родовъ,—послѣ родовъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе шести недѣль. Въ законѣ должны быть обозначены тѣ промыслы, въ которыхъ беременнымъ женщинамъ запрещено работать. Въ теченіе того времени, когда беременная женщина или роженица подлежитъ охранѣ, государство или община должны заботиться о ея содержаніи, причемъ выдаваемое пособіе отнюдь не должно быть ниже ея обыкновеннаго заработка; 5) по отношенію къ сельскохозяйственнымъ работницамъ (и работникамъ) и сельскохозяйственной прислугѣ должны быть изъяты изъ дѣйствія всѣ тѣ законы, которыми эта категорія рабочихъ поставлена въ исключительное положеніе; для нихъ должны быть изданы особые законы, соотвѣтствующіе, однако, предыдущимъ требованіямъ; 6) конгрессъ видитъ въ кустарномъ промыслѣ занятіе, имѣющее своимъ послѣдствіемъ чрезвычайно тяжелыя гигіеническія и соціальныя бѣдствія и препятствующее развитію трэдюніоновъ и проведенію энергичнаго рабочаго законодательства. Конгрессъ поручаетъ поэтому ближайшему конгрессу заняться этимъ вопросомъ; 7) конгрессъ требуетъ для женщинъ одинаковой платы за одинаковый трудъ и вмѣняетъ делегатамъ въ обязанность всюду, гдѣ представится случай, проводить въ жизнь этотъ принципъ.

Что касается труда взрослыхъ мужчинъ, то главнымъ предметомъ споровъ служилъ вопросъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Что продолжительность рабочаго времени и для взрослыхъ мужчинъ должна быть ограничена закономъ, въ этомъ никто на конгрессѣ не сомнѣвался. Споръ велся только о томъ, требовать ли установленія одинаковаго максимальнаго рабочаго дня для всѣхъ государствъ и всѣхъ безъ исключенія отраслей промышленности, или же предоставить это на усмотрѣніе каждаго государства въ отдѣльности.

Конгрессъ рѣшилъ слѣдующее: 1) конгрессъ считаетъ установленіе законодательнымъ путемъ максимальнаго рабочаго дня для всѣхъ промышленныхъ рабочихъ, всѣхъ рабочихъ въ торговомъ промыслѣ, въ

сельскомъ хозяйствѣ и путяхъ сообщенія точно такъ-же, какъ и для всѣхъ рабочихъ, находящихся на службѣ у государства или общинъ, дѣломъ первой необходимости. Для сельскаго хозяйства допускаются отступленія во время жатвы; 2) гдѣ введеніе восьмичасоваго рабочаго дня въ данный моментъ считается невозможнымъ, должно съ развитіемъ техники стремиться приблизиться къ нему постепеннымъ ограниченіемъ продолжительности рабочаго времени; 3) законодательство должно стремиться по всюду, исключая тѣ спеціальныя условія, гдѣ это абсолютно невозможно, установить для всѣхъ отраслей промышленности одинъ и тотъ же максимальный рабочій день; 4) допускаемыя закономъ отступленія отъ общаго максимальнаго рабочаго дня должны быть заранѣе точно опредѣлены, точно также должна быть опредѣлена продолжительность допускаемой сверхъурочной работы по днямъ и годамъ.

Всѣ остальные вопросы, подлежавшие обсужденію конгресса, не давали повода къ болѣе или менѣе достойнымъ вниманія разногласіямъ, и мы считаемъ поэтому возможнымъ ограничиться передачей принятыхъ конгрессомъ по этимъ вопросамъ рѣшеній.

По отношенію къ вопросу о ночномъ трудѣ конгрессъ рѣшилъ: 1) ночной трудъ, т. е. работа отъ 8-ми часовъ вечера до 6 часовъ утра, запрещенъ закономъ для рабочихъ всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ; исключенія могутъ быть допустимы только для взрослыхъ работниковъ и притомъ въ тѣхъ только промыслахъ, которые по природѣ своей не допускаютъ перерыва ночью; это же относится къ тѣмъ промысламъ, у которыхъ ночная работа образуетъ составную часть производства, причемъ, однако, вся работа не должна превышать установленнаго закономъ максимальнаго рабочаго дня. Но и въ этихъ случаяхъ на ночной трудъ необходимо согласіе самого рабочаго. Тѣ промыслы, въ которыхъ по указаннымъ причинамъ ночной трудъ допускается, должны быть точно обозначены въ законѣ; 2) сверхъурочная работа запрещена для дѣтей, подростковъ обоего пола до 18-лѣтняго возраста, точно такъ-же какъ и для женщинъ. По отношенію къ взрослымъ работникамъ допускаются исключенія, причемъ, однако, сверхъурочная работа не можетъ быть распространена на тѣ часы, которые предназначены для ночнаго отдыха; 3) въ тѣхъ промыслахъ, которые по природѣ своей не допускаютъ перерыва работъ, послѣднія должны производиться въ три партіи по восьми часовъ каждая. Чтобы дать рабочимъ возможность пользоваться 24 часовымъ воскреснымъ отдыхомъ, должна по воскресеньямъ быть учреждена резервная партія.

Работа въ вредныхъ для здоровья промыслахъ: 1) вредные для здоровья промыслы должны быть въ каждомъ государствѣ обозначены правительственными распоряженіями; 2) позволеніе на открытіе подобнаго промысла должно быть дано властями только въ томъ случаѣ, когда

будутъ даны всѣ требуемыя закономъ гарантіи для устраненія вреднаго момента; 3) дѣтямъ, подросткамъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста, и женщинамъ запрещается работа въ такихъ промыслахъ точно такъ-же какъ работа въ рудникахъ. Это запрещеніе должно считаться абсолютнымъ; 4) во вредныхъ для здоровья промыслахъ продолжительность рабочаго времени должна быть ниже максимальнаго рабочаго дня, причемъ ограниченіе рабочаго времени должно соотвѣтствовать степени опасности данной работы; рабочій же день ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать 8 часовъ; 5) въ этихъ промыслахъ должны періодически производиться медицинскіе осмотры рабочихъ; 6) въ случаѣ рабочіе потерпятъ ущербъ въ своемъ здоровьи, хозяева считаются по закону отвѣтственными; 7) чрезвычайно вредные для здоровья промыслы должны быть совершенно запрещены въ случаѣ, когда никоимъ образомъ нельзя техническимъ путемъ отвратить вредныя вліянія производства.

Для осуществленія законодательной охраны рабочихъ, конгрессъ считаетъ необходимымъ рекомендовать слѣдующія средства: 1) промышленная инспекція, распространяющаяся на крупную и мелкую промышленность, рудники, торговлю, пути сообщенія и сельское хозяйство, по скольку въ ней нашли примѣненіе машины; члены инспекціи должны въ большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ, выбираться изъ свѣдущихъ людей, ихъ помощники-же изъ среды рабочихъ и работницъ, при томъ въ такомъ количествѣ, чтобы доставить имъ возможность хотя-бы разъ въ полугодіе осмотрѣть всѣ промышленныя заведенія; инспектора должны пользоваться исполнительной властью и быть совершенно независимыми. Ежегодные отчеты инспекторовъ должны быть по окончаніи отчетнаго періода опубликованы и розданы желающимъ по собственной цѣнѣ. Для сельскаго хозяйства должны быть назначены особые инспектора. Для наблюденія за исполненіемъ законовъ, касающихся женскаго труда, должны быть назначены государствомъ инспектрисы, взятыя отчасти изъ среды работницъ; 2) совершенно свободное коалиціонное право для всѣхъ рабочихъ, работницъ и служащихъ; оффиціальное признаніе всѣхъ созданныхъ рабочими для контроля рабочаго законодательства коммиссій, палатъ, секретаріатовъ, точно такъ-же какъ и промысловыхъ союзовъ и признаніе за ними права контроля. Нарушеніе коалиціоннаго права наказывается закономъ; 3) введеніе всеобщаго, ровнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права при выборахъ во всѣ представительныя учрежденія съ цѣлью доставить рабочимъ соотвѣтственное вліяніе на всѣ парламенты; 4) дѣятельная агитація въ пользу рабочаго законодательства чрезъ промысловыя и коммерческія организаціи, какъ и путемъ печати, собраній; соотвѣтственная агитація въ парламентахъ; 5) учрежденіе періодическихъ международныхъ конгрессовъ и, насколько возможно, одновременное вне-

сеніе однихъ и тѣхъ-же предложеній въ различныхъ парламентахъ; 6) агитація въ пользу учрежденія международнаго бюро рабочаго законодательства, задачи котораго должны заключаться въ слѣдующемъ: а) собираніе, изданіе и сообщеніе интересующимся оффиціальнымъ учрежденіямъ какъ и распространеніе чрезъ книжную торговлю всѣхъ относящихся къ рабочему законодательству законовъ и другихъ болѣе или менѣе важныхъ оффиціальныхъ публикацій на трехъ языкахъ—англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ; b) обработка сравнительной международной рабочей статистики (или соціальной статистики вообще); с) выработка ежегодныхъ отчетовъ касательно дѣятельности законодательныхъ и административныхъ органовъ въ области рабочаго законодательства; d) выдача всевозможныхъ справокъ также касательно литературы предмета; е) учрежденіе конгрессовъ для обсужденія вопросовъ по рабочему законодательству. 7) Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы международное бюро было учреждено, какъ только получится на то согласіе со стороны трехъ государствъ.

Что касается послѣдняго вопроса, то слѣдуетъ указать на то, что уже въ 1895 году швейцарскій національный совѣтъ пригласилъ союзное правительство сноситься съ правительствами другихъ странъ съ цѣлью вызвать къ жизни подобное учрежденіе. Соотвѣтственная попытка швейцарскаго правительства, хотя и не имѣла успѣха, все-же изъ полученныхъ отвѣтовъ можно было убѣдиться, что большихъ препятствій къ учрежденію этого института не будетъ: Австро-Венгрія и Бельгія дали свое согласіе, Германія и Италія въ общемъ отнеслись къ проекту сочувственно, хотя и отказались въ настоящее время способствовать учрежденію международнаго бюро.

На послѣднихъ страницахъ мы постарались дать общее представленіе о занятіяхъ и рѣшеніяхъ конгресса. Мы видѣли, что конгрессъ не останавливался на полумѣрахъ, а напротивъ, ясно сознавая свои задачи формулировалъ требованія, выполненіе которыхъ значительно улучшитъ положеніе и увеличитъ могущество рабочаго класса. Каковы будутъ результаты въ ближайшемъ будущемъ, сказать трудно. Одно только достовѣрно: конгрессъ объединилъ рабочихъ всѣхъ странъ на одной программѣ; международная солидарность рабочихъ получила здѣсь свое выраженіе въ такой формѣ, за крѣпость которой не можетъ быть никакихъ опасеній; а такимъ образомъ объединенная сила рабочихъ вскорѣ будетъ въ состояніи побудить законодателей различныхъ странъ больше чѣмъ когда-либо обращать вниманіе на требованія рабочаго класса, требованія, игнорированіе которыхъ угрожаетъ привести современную культуру къ совершенному упадку.

П. Райхесбергъ.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕ́НЕВА.

Переводъ съ французскаго.

Письмо къ Дюранъ-Гревиллю, князю Голицыну и графинѣ Губернатисъ [1]).

Дюранъ-Гревиллю.

I.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Суббота, (23) 11 марта 1872 г.

Милостивый государь!

Я только что получилъ ваше письмо, и такъ какъ мое путешествіе отложено недѣли на двѣ (Парижъ я оставляю лишь 25-го апрѣля), то, сознаюсь, мнѣ было-бы очень пріятно получить шестьдесятъ-пять страницъ, о которыхъ вы мнѣ говорите, если это не дастъ вамъ слишкомъ много затрудненій.

---

[1]) Г. Гальперинъ Каменскій сгруппировалъ въ сентябрьской книжкѣ (1897 г.) Cosmopolis'а письма И. С. Тургенева къ его переводчикамъ. Укоренилось мнѣніе, что всѣ романы Ив. С. были переведены на французскій языкъ или Мериме или Віардо. Изъ настоящихъ писемъ видно до чего это не вѣрно: очень многія вещи были переведены Дюранъ-Гревиллемъ, въ сотрудничествѣ съ его женой m-me Анри Гревиль. «Дымъ» былъ переведенъ кн. Голицынымъ, а не Мериме, а Мериме только написалъ предисловіе.

Въ началѣ карьеры Тургенева его дѣйствительно переводилъ на французскій языкъ Віардо. Въ статьѣ Дюранъ-Гревилля о Тургеневѣ описано, какъ это дѣлалось: «Тургеневъ читалъ подстрочный переводъ своего произведенія, а Віардо обрабатывалъ его литературно подъ руководствомъ автора, каждая трудная фраза, каждое сомнительное слово обсуждалось ими и результатъ выходилъ прекрасный». Кажется и m-me Віардо участвовала въ этихъ переводахъ; по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы она перевела нѣсколько повѣстей.

Вотъ что случилось послѣ моего послѣдняго письма: я получилъ отъ нѣкоего г-на Карла Кутцли, брата редактора «Avenir National» и «Temps», рукопись всего перевода «Вешнихъ водъ» съ просьбой уполномочить его напечатать. Я только и могъ или отвѣтить ему отказомъ, или сказать, что ранѣе далъ слово, и я назвалъ васъ. Тогда онъ опять приступилъ къ аттакѣ, спросилъ у меня вашъ адресъ и кажется намѣренъ предложить вамъ денежную сдѣлку. Я послалъ ему вашъ адресъ, повторивъ, однако, что я считаю себя совершенно покончившимъ съ вами и связаннымъ моимъ словомъ. Переводъ его хорошъ, но имѣя всѣ основанія быть увѣреннымъ въ достоинствѣ вашего, я только предупреждаю васъ, оставляя за вами полную свободу по этому вопросу. Я васъ считаю моимъ переводчикомъ.

Пока прошу васъ послать мнѣ начало вашей работы и принять увѣреніе въ моихъ искреннихъ чувствахъ.

Ив. Тургеневъ.

II.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Суббота, (6 апрѣля) 25 марта 1897 г.

Милостивый государь!

За вашимъ письмомъ отъ 26 марта вскорѣ послѣдовало письмо отъ 20, а вчера я получилъ рукопись, о которой вы меня извѣщали. Г-нъ Кутцли далъ мнѣ знать, болѣе недѣли тому назадъ, что при данныхъ условіяхъ онъ отказывается отъ своего перевода, или по крайней мѣрѣ не думаетъ больше о напечатаніи его; все это онъ высказалъ въ безукоризненныхъ выраженіяхъ, какъ благовоспитанный человѣкъ, заранѣе отказываясь отъ предположенія, что вашъ переводъ хуже его. И такъ, съ этой стороны все улажено; я едва успѣлъ бросить взглядъ на вашу рукопись, но прочелъ достаточно, чтобы видѣть насколько г-нъ Кутцли былъ правъ.

Я надѣюсь, что вся рукопись будетъ въ моихъ рукахъ раньше, чѣмъ я уѣду изъ Парижа и разсчитываю также застать васъ въ Петербургѣ и познакомиться съ вами. Я намѣренъ сдѣлать маленькое измѣненіе въ концѣ «Вешнихъ водъ»: немного смягчить его, вставивъ новую сцену. Это не возьметъ много времени, и мы легко все покончимъ въ одинъ часъ [1]).

Пріѣздъ мой въ Петербургъ состоится до конца апрѣля стараго стиля, а возвращеніе въ Парижъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Надѣюсь, что эти числа не разстраиваютъ вашихъ разсчетовъ.

---

[1]) Этого измѣненія не было сдѣлано.

Я напишу вамъ еще, когда получу окончаніе вашего перевода, а буду у васъ на слѣдующій-же день по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ. Пока прошу васъ принять увѣреніе въ моихъ искреннихъ чувствахъ.

Ив. Тургеневъ.

III.

Сенъ-Валери-Сюръ-Соммъ. Домъ Рюо.
Воскресеніе, 21 іюля 1872 г.

Милостивый государь!

Я пріѣхалъ въ Парижъ 8 числа этого мѣсяца и остался тамъ недѣлю; къ сожалѣнію, швейцаръ не передалъ мнѣ вашей карточки и я не имѣлъ невозможности узнать вашъ адресъ. Въ минуту отъѣзда я оставилъ дома письмо для васъ, за которымъ очень попрошу васъ послать. Въ этомъ письмѣ я говорю вамъ о непріятномъ происшествіи съ Франчески и о вознагражденіи, которое я намѣренъ былъ вамъ предложить ввиду того, что ни редакція «Temps», ни «Revue des Deux-Mondes» не желаютъ болѣе произведенія, лишеннаго свѣжести [1]).

Эти злополучныя «Вешнія Воды» преслѣдовала неудача. Я долженъ вернуться въ Парижъ черезъ недѣлю, и если хотите, мы увидимся и поговоримъ, что предпринять. Заодно, я привезу вамъ и рукопись. Само собою разумѣется, что я даю вамъ полное согласіе на печатаніе отдѣльнымъ изданіемъ.—Гетцель (книгопродавецъ,—мой другъ и милѣйшій человѣкъ) сдѣлаетъ это съ удовольствіемъ. Пойдите къ нему отъ меня; онъ даже сказалъ мнѣ, что, несмотря на переводъ въ «Nord», совсѣмъ не невозможно найти какую-нибудь парижскую газету или журналъ, который-бы принялъ и напечаталъ вашу рукопись.

Гетцель издалъ уже нѣсколько моихъ книгъ; онъ выпуститъ новый томъ «Вешнія воды», быть можетъ прибавивъ къ нимъ «Стукъ, стукъ, стукъ!» и «Бригадира» или «Исторію лейтенанта Ергунова», или «Короля Лира», которые были напечатаны только въ «Revue des Deux-Mondes»; впрочемъ, повторяю, мы переговоримъ обо всемъ этомъ черезъ нѣсколько дней въ Парижѣ. Я васъ увѣдомлю наканунѣ моего выѣзда отсюда.

Пока прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Тургеневъ намѣревался напечатать (переводъ Г. Дюранъ-Гревиля) въ «Temps» или «Revue des Deux-Mondes», но появился другой переводъ въ «Nord» (издававшемся тогда въ Брюсселѣ) и помѣшалъ осуществленію этого проекта. Переводъ Дюранъ-Гревиля появился позже въ собраніи сочиненій Тургенева, изданномъ Гетцелемъ.

IV.

Сенъ-Валери-Сюръ-Соммъ, домъ Рюо.
Пятница, 26 іюля, 1872.

Милостивый Государь!

У меня никогда еще не было такого упорнаго припадка подагры, какъ теперь:— онъ уже длится около шести недѣль. Только вчера я могъ оставить костыли и мнѣ не удастся поѣхать въ Парижъ ранѣе конца будущей недѣли. Но я твердо надѣюсь, что буду въ состояніи это сдѣлать къ тому времени. Увѣдомлю васъ наканунѣ моего пріѣзда.

Я никогда не сомнѣвался относительно пріема, который окажетъ вамъ Гетцель: онъ—натура тонкая и деликатная, и я увѣренъ, что вы съ нимъ вполнѣ сойдетесь.

Франчески находится теперь, какъ я узналъ, въ Валери. Я буду очень радъ написать ему, хотя не могу себѣ представить, чтобы онъ намѣревался печатать отдѣльнымъ изданіемъ «Вешнія Воды» въ Бельгіи. Можетъ быть вы могли бы узнать его точный адресъ (въ редакціи Nord) въ Парижѣ и прислать мнѣ его.

Даю вамъ полнѣйшую свободу отдать «Вешнія Воды» въ какой угодно журналъ или газету и если «Revue Universelle» ихъ приметъ, тѣмъ лучше.

Что касается до урѣзокъ, желаемыхъ Гетцелемъ, то у меня не составилось по этому поводу никакого мнѣнія, за невозможностью отнестись критически къ только что написанному произведенію; но я охотно соглашаюсь на все и не дорожу авторскимъ самолюбіемъ. Я питаю большое довѣріе ко вкусу Гетцеля. Только мнѣ думается, что дѣлать сокращенія теперь, когда «Nord» напечаталъ всю штуку цѣликомъ—трудновато. Но, повторяю, я отказываюсь отъ этого вопроса.

Разсказы графа Толстого предназначены для народнаго чтенія, что совсѣмъ не похоже на то, еслибы онъ писалъ для дѣтей. Я прочелъ только два изъ нихъ. Второй, названный «Кавказскій Плѣнникъ» (онъ былъ помѣщенъ въ «Зарѣ»)—прекрасенъ; думаю, что дѣтямъ онъ очень бы понравился.

Мы поговоримъ обо всемъ этомъ при скоромъ свиданіи, а пока прошу васъ принять увѣреніе въ моихъ искреннихъ чувствахъ.

Ив. Тургеневъ.

V.

Сенъ-Валери-Сюръ-Соммъ, домъ Рюо.
Понедѣльникъ, 5 августа 1872.

Милостивый Государь!

Мнѣ въ самомъ дѣлѣ не везетъ; послѣ шести недѣль страданій, въ ту минуту, когда я могъ думать, что подагра совсѣмъ прошла— новый приступъ въ колѣнѣ заставляетъ меня опять слечь въ постель.

Думаю, что не раньше какъ черезъ три недѣли я буду въ состояніи ѣхать въ Парижъ и привести вамъ рукопись. Если-же вы желаете имѣть ее теперь, то я могу вамъ переслать ее съ нѣкоторыми маленькими помѣтками, которыя я себѣ кое гдѣ позволилъ.

Жду вашъ отвѣтъ и адресъ Франчески, если вамъ удалось его достать и если вы полагате, что мнѣ слѣдуетъ ему написать.

Друзья, съ которыми я здѣсь совѣтовался, находятъ, что сокращеній, желаемыхъ Гетцелемъ, сдѣлать нельзя; но повторяю, я предоставляю вамъ полнѣйшую свободу дѣйствій.

Пока прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

VI.

50, улица Дуэ.
Вторникъ, 5 января, 1874.

Дорогой m-r Дюранъ,

Не хотите-ли прійти взглянуть на два портрета Харламова? (Г-на и Г-жи Віардо). Они находятся теперь въ нижней галереѣ. Заодно я вамъ покажу и три картины, купленныя мною у совсѣмъ молодого французскаго художника Е. Валлеса, подающаго большія надежды. Хорошо бы прійти отъ двѣнадцати до двухъ часовъ,—напримѣръ завтра.

Примите, вмѣстѣ съ моимъ пожеланіями на новый годъ, выраженіе моихъ искреннихъ чувствъ.

Ив. Тургеневъ.

VII.

48, улица Дуэ.
Вторникъ, 11 марта, 1874.

Cher monsieur,

Я, до сихъ поръ, не имѣлъ возможности прочесть рукопись, которую вы поручили мнѣ [1]); поэтому, чтобы избавить васъ отъ безплоднаго

---

[1]) Переводъ драмы Островскаго, «Гроза», сдѣланный г-мъ Дюранъ-Гревилемъ отчасти съ помощью его жены г-жи Анри Гревиль. Тургеневъ просмотрѣлъ этотъ трудъ и сдѣлалъ въ немъ нѣсколько поправокъ. *Г. К.*

визита, я бы очень попросилъ васъ отложить его до пятницы утромъ.

Посылаю вамъ одновременно книгу Леконтъ-де-Лиля и фельетоны Journal de S.-Petersbourg, которые очень меня заинтересовали.

Примите выраженіе моихъ искреннихъ чувствъ.

Ив. Тургеневъ.

VIII.

Буживаль (Сена-и-Уаза).
10 сентября 1874.

Cher monsieur!

Вы очень любезны, что спрашиваете о моемъ здоровіи: я могу васъ успокоить. Когда я вернулся сюда изъ Германіи, то могъ ходить только съ помощью костылей; теперь съ меня хватаетъ и палки. Надѣюсь, что на этотъ разъ болѣзнь не продолжится, и можно будетъ даже поохотиться къ концу сентября.

А до тѣхъ поръ я буду очень радъ повидаться съ вами и такъ какъ я разсчитываю попасть въ Парижъ на будущей недѣлѣ, то позволю себѣ за день назначить вамъ свиданіе. Я привезъ обратно рукопись «Грозы», вмѣстѣ съ хорошими обѣщаніями Островскаго [1]).

Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ остроумный и живой прологъ, который прислала мнѣ Анри Гревиль. Что касается до г-жи Зандъ, то я не сомнѣваюсь въ ея радушномъ пріемѣ; но въ настоящее время она въ своемъ замкѣ Ноанъ (въ Эндрѣ) и пріѣдетъ въ Парижъ только въ концѣ года.

Надѣюсь, что ваша крошка Жанна счастливо прошла всегда немного опасную пору прорѣзанія зубовъ, и прошу васъ, а также и г-жу Дюранъ принять увѣреніе въ моихъ искреннихъ чувствахъ.

Ив. Тургеневъ.

IX.

(1875).

Дорогой, m-r Дюранъ,

Вотъ что вамъ приходится за вашъ второй фельетонъ—55 франковъ. Это не много, но вы знаете русскую поговорку: «курочка по зернышку клюетъ, сыта бываетъ».

Тысяча дружескихъ привѣтствій и до свиданія—до августа.

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

Вторникъ,—50, улица Дуэ.

---

[1]) Эти обѣщанія относились къ разрѣшенію Островскаго на переводъ своихъ сочиненій и на посылку біографическихъ свѣдѣній. Г. К.

X.

Спасское (Орловская губ., городъ Мценскъ).
Воскресенье 20 іюня — 2 іюля 1876.

Дорогой m-r Дюранъ,

Спасское — названіе села (въ самой глуши Россіи), гдѣ я нахожусь уже двѣ недѣли и куда мнѣ переслали ваше письмо, адресованное въ Буживаль. Извѣстія о васъ доставили мнѣ громадное удовольствіе и я въ восторгѣ, что послѣ стольких безплодныхъ попытокъ вы, наконецъ, выбрались на большую дорогу. Передайте мой привѣтъ г-жѣ Дюранъ. Я не сомнѣваюсь, что ея талантъ оцѣнятъ, тѣмъ больше, чѣмъ долѣе его не замѣчали.

Здѣсь я не получаю «Revue des Deux-Mondes»; но я уже зналъ, что статья о Шевченкѣ появилась. Работаю я здѣсь съ ожесточеніемъ и очень надѣюсь увезти отсюда оконченный романъ. Я оставлю деревню только черезъ двѣ недѣли, и думаю быть обратно въ Парижѣ къ 1 августа.

Смерть г-жи Зандъ меня глубоко огорчила; она останется одной изъ крупныхъ величинъ въ современной литературѣ. Ко мнѣ она была дружески расположена, а про себя я могу сказать, что чувствовалъ къ ней нѣжность. Если вы просмотрите «Новое Время», то въ № 105 найдете о ней мою маленькую замѣтку [1]).

Будьте здоровы, работайте хорошо и примите, также какъ и г-жа Дюранъ, увѣреніе въ моихъ искреннихъ чувствахъ.

Ив. Тургеневъ.

(По поводу этого письма г-нъ Дюранъ-Гревиль мнѣ пишетъ, что оно было отвѣтомъ на его письмо, въ которомъ онъ объявлялъ Тургеневу, что его статья о Шевченкѣ, представленная, какъ онъ выражается, много мѣсяцевъ передъ тѣмъ, также какъ и романъ его жены, по рекомендаціи отъ Тургенева, появится 15 іюня въ «Revue des Deux-Mondes», и что два дня послѣ извѣстія о смерти Жоржъ-Зандъ, «Revue des Deux-Mondes» приняла романъ его жены «Искупленіе Савелія» [2]) (который появился 1 и 15 іюля), а «Journal des Débats» принялъ «Дозю», которая начала появляться 27 іюня).

---

[1]) Извлеченія изъ этого письма къ издателю «Новаго Времени» были помѣщены въ «Cosmopolis'ѣ» за мартъ 1897. Г. К.

[2]) (Expiation de Savéli).

XI.

(1875).

Дорогой m-r Дюранъ,

Я отсылаю вамъ первыя страницы съ нѣкоторыми поправками [1]). Вы увидите, что онѣ не многочислены и маловажны; дальше пойдетъ само собой, продолжайте только.

Съ новымъ (русскимъ) годомъ!

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XII.

50, улица Дуэ.
Воскресенье, 11 марта (1877).

Дорогой m-r Дюранъ,

Вотъ два билета (для г-жи Дюранъ и для васъ). Если программа вамъ кажется занятной, приходите [2]). Прошу извиненія за то, что не могъ принять васъ въ прошлый разъ; я дѣйствительно былъ очень боленъ. Съ тѣхъ поръ я не выходилъ, и теперь спрашиваю себя, что-же я буду дѣлать завтра? У меня такъ распухло во рту, что я почти не могу его открыть. Вотъ когда можно сказать: «авось!» У меня нѣтъ продолженія рукописи, а типографія мнѣ надоѣдаетъ...

Тысяча дружескихъ привѣтствій; жму руку обоимъ.

Ив. Тургеневъ.

XIII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Четвергъ, 22 марта 1877 г.

Дорогой m-r Дюранъ,

Мой другъ Г. Віардо, которому я даю прочитывать корректуру «Нови», предложилъ мнѣ прибавить въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о бракѣ Маріанны съ Соломинымъ, слѣдующее замѣчаніе:

---

[1]) Дѣло идетъ о переводѣ «Нови», сдѣланномъ г-номъ и г-жей Гревиль, который появился въ «Temps» за подписью одного Дюранъ-Гревиля какъ переводчика, по обыкновенію этого издателя.

[2]) Приглашеніе на литературное и музыкальное утро, ежегодно бывавшее у г-жи Віардо въ пользу русскихъ студентовъ. На немъ Тургеневъ всегда читалъ одну изъ своихъ повѣстей.

«Если-бы романъ г-на И. Т. не былъ написанъ и даже напечатанъ до политическаго процесса, который разбирается въ настоящее время въ петербургскомъ сенатѣ, то можно было-бы подумать, что онъ пересказалъ его, а онъ только былъ его пророкомъ. Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ процессѣ мы встрѣчаемъ тѣ-же великодушныя иллюзіи и тѣ-же полнѣйшія разочарованія; въ немъ мы встрѣчаемъ и неожиданные браки и даже браки фиктивные. Романъ «Новь» сразу сталъ историческимъ (примѣчаніе переводчика)» [1]). Г-нъ Віардо думаетъ, что хорошо-бы прибавить это замѣчаніе, чтобы отразить извѣстное изумленіе читателя; но разъ замѣтка написана отъ вашего имени, то я и счелъ нужнымъ послать ее вамъ. Надѣюсь, что вы съ ней вполнѣ согласитесь; если-же вы усмотрите въ ней малѣйшее неудобство, дайте мнѣ знать сегодня-же, и я объ этомъ подумаю.

Разсчитываю на удовольствіе видѣть васъ до вашего отъѣзда въ Россію, а пока жму вамъ дружески руку и остаюсь

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Мнѣ нужно поблагодарить г-жу Дюранъ за присылку ея книги «Черезъ поля»; прочту ее съ большимъ удовольствіемъ; но въ посвященіе, слишкомъ лестное, надписанное ею, вкралось одно слово, которое болѣе не у мѣста: нельзя называть себя ученикомъ, когда уже признанъ—какъ она—мастеромъ.

XIV.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Воскресенье, 4½ ч. 1878 г.

Дорогой m-r Дюранъ,

Приношу вамъ, какъ выражаются по-русски, повинную голову; надѣюсь, что вы ее не покараете. Въ ней идетъ, съ нѣкоторыхъ поръ, такой сумбуръ, что я наконецъ забуду свое собственное имя. Вотъ моя просьба: не приходите завтра, но во вторникъ, въ 5 часовъ. Я побываю утромъ у г-жи Аданъ и ваше дѣло будетъ улажено. Въ этотъ разъ навѣрное.

Пока прошу извинить и вѣрить въ преданность вашего

Ив. Тургенева.

[1]) Это примѣчаніе появилось цѣликомъ внизу фельетона, когда «Новь» печаталась въ «Temps», но не было воспроизведено въ изданіи Гетцеля.

XV.

Парижъ. 50, улица Дуэ.
Среда, утромъ 1878 г.

Дорогой m-r Дюранъ,

Я хорошо не помню: сегодня или завтра я долженъ былъ прійти къ вамъ, пускай будетъ завтра къ 3 часамъ, если вамъ удобно. Пока посылаю вамъ входной билетъ на нашу выставку; обратите особенное вниманіе на маленькія, но замѣчательныя картины Похитонова [1]).

Тысяча дружескихъ привѣтствій, и до завтра.

Ив. Тургеневъ.

XVI.

Буживаль (Сена и Уаза).
Воскресеніе, 10-го августа 1879 г.

Дорогой m-r Дюранъ,

Я начинаю съ просьбы простить меня за поздній отвѣтъ на ваше письмо, но въ этомъ не моя вина; по непонятному недосмотру я получилъ его только вчера. Спѣшу васъ увѣдомить, что предложеніе ваше принимаю съ радостью и отошлю вамъ рукопись «Казаковъ» тотчасъ-же, какъ просмотрю ее и сдѣлаю необходимыя поправки, если онѣ понадобятся. Я прибавлю также маленькое біографическое предисловіе. Вы можете разсчитывать на мою точность.

Я останусь здѣсь до конца сентября, а потомъ недѣли на двѣ поѣду въ Англію.

Мой дружескій привѣтъ г-жѣ Гревиль и сердечное shakehand вамъ отъ преданнаго

Ив. Тургенева.

[Г-нъ Дюранъ-Гревиль, въ своихъ замѣткахъ, любезно сообщенныхъ мнѣ, говоритъ, что въ 1874 году онъ писалъ Толстому, прося разрѣшенія перевести «Казаковъ» подъ редакціей Тургенева, но отвѣта не получилъ. Позднѣе, въ 1879 году, одинъ изъ его петербургскихъ друзей прислалъ ему переводъ «Казаковъ», «на французскомъ языкѣ немного экзотичномъ». Исправить его было-бы слишкомъ трудно и г-нъ Дюранъ долженъ былъ отказаться отъ этой работы.

---

[1]) Выставка русскихъ художниковъ, въ залѣ русскаго художественнаго кружка въ Парижѣ.

Между тѣмъ въ одномъ изъ писемъ Тургенева къ Толстому отъ 9-го января (28-го декабря) 1879 года мы читаемъ: «Здѣсь нашелся издатель, который желалъ-бы напечатать отдѣльной книгой переводъ, появившійся въ «Journal de S-t Pétersbourg». Но такъ-какъ ему извѣстно, что переводъ слабъ, то ему хотѣлось-бы, чтобы французскій литераторъ Дюранъ (извѣстный своимъ знаніемъ русскаго языка) и я — просмотрѣли-бы тщательно этотъ переводъ, на что мы, конечно, охотно согласились (я также напишу небольшое предисловіе). Издатель этотъ проситъ также вашего полномочія, которое состояло бы въ слѣдующемъ заявленіи (приблизительно): «Я, нижеподписавшійся, заявляю столько-же отъ себя, какъ и отъ имени того, кто перевелъ и напечаталъ мою повѣсть «Казаки» въ «Journal de S-t Pétersbourg», что уполномочиваю г-дъ Ив. Тургенева и Эмиля Дюранъ напечатать эту повѣсть во Франціи, сдѣлавъ предварительно въ подлинникѣ перевода необходимыя поправки».

«Надѣюсь, прибавляетъ дальше Тургеневъ, что вы не найдете въ этомъ ничего предосудительнаго, и могу увѣрить васъ, что мы оба постараемся не ударить въ грязь лицомъ и представимъ французской публикѣ «Казаковъ» въ томъ видѣ, который они заслуживаютъ и лучше чѣмъ это сдѣлалъ американскій переводчикъ».

Этотъ переводъ, просмотрѣнный Тургеневымъ и Дюранъ-Гревилемъ, долженъ былъ появиться въ изданіи «Plon», однако г-нъ Дюранъ, найдя работу слишкомъ долгой по незначительности результата не далъ хода проекту. Какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ спустя, появился другой переводъ этого произведенія въ изданіи «Hachette»].

XVII.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Среда, 28 декабря 1881.

Дорогой m-r Дюранъ,

Вотъ маленькій набросокъ, служащій продолженіемъ къ «Старымъ Портретамъ» и обѣщанный мною въ «Revue politique et littéraire». Не хотите-ли взяться перевести его также какъ прежній? [1]) Есть нѣсколько трудныхъ мѣстъ, но я всегда къ вашимъ услугамъ. Журналъ хотѣлъ бы помѣстить этотъ набросокъ въ выпускѣ 14 или 21 января.

Мнѣ кажется, что 14-го числа невозможно.

Тысяча дружескихъ привѣтствій (и поздравленій на новый годъ) г-жѣ Д.-Г. и вамъ.

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) «Отчаянный», повѣсть, написанная Тургеневымъ во время «Записокъ Охотника» и не выпущенная въ свѣтъ, пока жива была модель.

XVIII.

Буживаль (Сена и Уаза).
Четвергъ, 12 августа 1882.

Дорогой m-r Дюранъ,

Посылаю вамъ съ сегодняшней почтой маленькій томикъ, озаглавленный: «Разсказы Гаршина». Г-нъ Евг. Юнгъ поручилъ мнѣ просить васъ перевести одинъ изъ этихъ разсказиковъ. («Ночь», стр. 100) для «Revue politique et littéraire». Гаршинъ изъ всѣхъ молодыхъ русскихъ писателей обладаетъ талантомъ, подающимъ наибольшія надежды. Если вы найдете нужнымъ показать мнѣ переводъ раньше, чѣмъ передатите его г-ну Юнгу, то располагайте мной, какъ угодно [1]). Надѣюсь, что вы чувствуете себя прекрасно; не могу сказать того же о себѣ. Я все еще не въ состояніи держаться на ногахъ болѣе двухъ или трехъ минутъ. Вернусь въ Парижъ только послѣ 20-го ноября.

Передайте мой дружескій привѣтъ г-жѣ Дюранъ-Гревиль. Я только что пробѣжалъ ея «Instruction morale et civique». Эту превосходную книгу читать и полезно, и пріятно.

Дружески жму вашу руку.

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

Письма князю Голицину.

I.

Баденъ.
Понедѣльникъ, 7 іюля 1867.

Милостивый Государь!

Мнѣ очень лестно предложеніе, съ которымъ вы такъ любезно ко мнѣ обратились, и я буду въ восторгѣ увидѣть себѣ помѣщеннымъ въ вашемъ уважаемомъ изданіи [2]). Однако, прошу васъ подождать дня два, три, когда я буду имѣть возможность дать вамъ окончательный отвѣтъ.

---

[1]) Дюранъ-Гревиль перевелъ «Ночь», которая и появилась въ «Revue Bleue» 9 декабря 1882 года, и другой разсказъ Гаршина подъ заглавіемъ «Послѣ сраженія», помѣщенный въ томъ же журналѣ въ 1884 году. Большинство другихъ повѣстей этого автора были переведены мной и появились въ двухъ томахъ: одинъ изъ нихъ озаглавленъ «Война», а другой «Надежда Николаевна». *Г. К.*

[2]) «Le Correspondant, de Paris».

Мой другъ г-нъ Меримэ думалъ одно время перевести мой романъ [1]) и говорилъ мнѣ объ этомъ; мнѣ кажется, что онъ оставилъ это намѣреніе; но я не хотѣлъ бы давать вамъ согласіе, раньше чѣмъ узнаю навѣрное его рѣшеніе.

Пишу ему сегодня же и сообщу вамъ отвѣтъ тотчасъ по полученіи его.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

II.

Баденъ.
Пятница, 9 іюля 1867.

Милостивый Государь!

Я только что получилъ письмо отъ г-на Меримэ. Занятія не позволяютъ ему перевести мой романъ, но онъ любезно предложилъ мнѣ держать корректуру. Вы конечно поймете, что нужно пользоваться такой находкой, и если вы не отказались отъ прежняго намѣренія, то прошу васъ посылать г-ну Меримэ корректуры, поправленныя мною—здѣсь въ Баденѣ—ранѣе печатанія. Само собою разумѣется, что я впередъ согласенъ на всѣ его поправки. Г-нъ Меримэ остается въ Парижѣ весь іюль мѣсяцъ и его предупредительность мнѣ достаточно извѣстна, чтобы увѣрить васъ, что это не вызоветъ никакихъ задержекъ въ печати. Онъ живетъ на улицѣ Биль, 52. Будьте такъ любезны извѣстить меня о вашемъ рѣшеніи, а пока прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

III.

Баденъ. 10 іюля 1867.

Милостивый Государь!

Я медлилъ отвѣтомъ на ваше письмо отъ 5-го числа, разсчитывая узнать ваше мнѣніе относительно сдѣланныхъ мною предложеній; прошу васъ извѣстить меня, подходятъ-ли они вамъ.

Я никогда не пользовался авторскими правами во Франціи, довольствуясь честью имѣть въ ней читателей. Позволю себѣ въ крайнемъ случаѣ попросить присылать мнѣ «Correspondant» за этотъ годъ и дать

[1]) «Дымъ».

мнѣ десять отдѣльныхъ оттисковъ перевода. Согласенъ, что заглавіе «Дымъ» невозможно на французскомъ языкѣ; но то, которое предложено вами: «Русское современное общество», скорѣе подходитъ къ журнальной статьѣ, чѣмъ къ художественному произведенію. Что скажете вы о заглавіи: «Неизвѣстность»? или «Между прошлымъ и будущимъ»? или «Безъ береговъ»? или можетъ быть «Въ туманѣ»? Г-нъ Мериме, если вы войдете съ нимъ въ сношенія, можетъ быть найдетъ что-нибудь подходящее.

Въ ожиданіи вашего отвѣта, прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

IV.

Баденъ.
Суббота, 8 августа 1867.

Милостивый Государь!

Прошу извинить меня за то, что до сихъ поръ я не отвѣтилъ вамъ. Я получилъ выпускъ «Correspondant»; на этотъ разъ переводъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Обѣщаю вамъ не задерживать ни одного лишняго дня корректуры, которую вы безъ сомнѣнія скоро мнѣ пришлете.

Было бы крайне любезно съ вашей стороны прислать мнѣ одновременно одинъ исправленный экземпляръ перваго отрывка, вышедшаго 21 іюля.

Примите, милосивый государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

V.

Баденъ.
Среда, 14 августа 1867.

Милостивый государь!

Мой слуга забылъ передать мнѣ дальнѣйшую корректуру «Дыма», такъ что я получилъ ее только сегодня утромъ; но я принялся уже за провѣрку и самое позднее завтра пошлю корректуру въ типографію Расопа. Надѣюсь, что это небольшое замедленіе не повлечетъ за собой ничего серьезнаго. Будьте такъ добры отослать корректуру г-ну Мериме, только послѣ предварительной провѣрки, чтобы избавить его отъ лишней работы. Я позволилъ себѣ возстановить нѣсколько фразъ,

которыя издатель «Русскаго Вѣстника» нашелъ нужнымъ выпустить, чтобы не вызывать слишкомъ много шума. Но теперь дѣло сдѣлано и болѣе шумѣть не станутъ. Въ концѣ концовъ мнѣ кажется, что я лучшій патріотъ, чѣмъ тѣ, которые упрекаютъ меня въ недостаткѣ любви къ отечеству.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Мнѣ хотѣлось-бы въ особенности, чтобы вы согласились съ тѣмъ, какъ я перевелъ то трудное мѣсто по-русски на 46-й страницѣ подлинника, послѣдняя строка; оно начинается такъ: «Тупое недоумѣніе и т. д.

VI.

Баденъ.
Суббота, 17 августа 1867.

Милостивый Государь!

Сегодня же посылаю въ типографію послѣдній листъ корректуры «Дыма» (полученный мною вчера) со всѣми поправками, и спѣшу предупредить васъ, что я возстановилъ въ текстѣ «біографію» генерала Ратмирова, которую мой издатель счелъ необходимымъ сократить и ослабить въ подлинникѣ. Думаю, что вы не останетесь недовольны моей поправкой.

Тысяча привѣтствій.

Ив. Тургеневъ.

VII.

Баденъ.
11 сентября 1867.

Милостивый Государь!

Первый листъ корректуры «Дыма» отошлю завтра-же: остальные послѣ завтра.

Вамъ не безъизвѣстно, что въ немъ есть пропускъ, составляющій двѣ главы (16-ую и 17-ую); тамъ находятся самыя трудныя мѣста. Мнѣ всетаки желательно было-бы еще разъ взглянуть на эти двѣ главы до выпуска ихъ, что даже безусловно необходимо; обѣщаю вамъ принять въ разсчетъ ваши сомнѣнія.

Сожалѣю, что вы не дождались возвращенія моихъ корректуръ, чтобы переслать ихъ г-ну Меримэ: такъ вышло безполезное повтореніе

и двойной трудъ. Число исправленныхъ мною мѣстъ — громадно, и я вижу изъ писемъ г-на Меримэ, что онъ часто борется съ затрудненіями, происходящими только отъ неточностей печати. Было-бы несравненно лучше посылать ему исправленный текстъ.

Я позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько незначительныхъ прибавокъ, также какъ для второго отрывка. Надѣюсь, милостивый государь, что мои исправленія будутъ приняты, и жду съ нетерпѣніемъ двѣ отсроченныя главы.

Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

VIII.

15 сентября 1867.
Баденъ.

Князь,

У насъ уже пятнадцатое число, а я еще не получилъ двухъ задержанныхъ главъ; благоволите распорядиться, чтобы мнѣ ихъ прислали возможно скорѣе.

Я перевелъ «самородокъ» словами «diamant brut»; это ироническое опредѣленіе довольно удачно выражаетъ мысль; не въ «краснобайствѣ» упрекаетъ Потугинъ своихъ соотечественниковъ, но именно въ томъ отвращеніи къ труду, въ томъ довѣріи къ своимъ природнымъ дарованіямъ, которое характеризуетъ русскихъ «Самородковъ». Надѣюсь, что вы согласились съ моимъ переводомъ этого слова.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Корректура только что получена: я прочту ее внимательно и немедленно отошлю обратно. Я повторяю мою просьбу не посылать ее г-ну Меримэ ранѣе моихъ поправокъ.

IX.

Баденъ.
Суббота, 19 октября 1867.

Милостивый Государь!

Я получилъ три первыхъ листа «Дыма», но мнѣ неизвѣстно, рѣшили-ли вы продолжать печатаніе вашего перевода въ «Correspondant», несмотря на возникнувшія препятствія. Позволяю себѣ только напомнить вамъ, что я не имѣлъ *всей* корректуры: послѣднія гранки

мнѣ не были присланы; во всякомъ случаѣ, продолжится ли печатаніе или прекратится въ книжкѣ 15 октября,—но вы меня очень обяжете, не выпуская ничего мною непросмотрѣннаго.

Примите выраженіе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Ив. Тургеневъ.

X.

Баденъ, 14 ноября 1867.

Милостивый Государь!

Я только что послалъ послѣдніе корректурные листы «Дыма» въ типографію С. Расона. Мое отсутствіе на нѣсколько дней было причиной тому, что я не могъ этого сдѣлать раньше. Необходимы важныя поправки, на которыя обращаю ваше вниманіе. Я не знаю въ Парижѣ ли еще г-нъ Меримэ: если онъ не уѣхалъ, то надѣюсь, что онъ доведетъ свою любезность до конца.

Я получилъ отпечатанные листы «Дыма» (стр. 1—96) и благодарю васъ за нихъ.

Благодарю васъ также за предложеніе прислать мнѣ Трущобы [1]). У меня есть этотъ романъ, который я упрекаю за слишкомъ большое подражаніе «Тайнамъ Парижа».

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

XI.

Баденъ, 28 ноября 1867.

Милостивый государь!

Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы прикажите въ типографіи «Correspondant» послать мнѣ нѣсколько экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ «Дыма», какъ было мнѣ обѣщано. Я получилъ всего только первые четыре листа.

Я очень вамъ признателенъ за благосклонность, съ какою вы приняли мои исправленія. Что касается до изданія, которое желаетъ предпринять Гетцель, то ваше желаніе будетъ исполнено.

Разсчитываю на удовольствіе видѣть васъ въ Парижѣ, а пока прошу принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) «Петербургскія Трущобы», романъ Вс. Крестовскаго.

XII.

Баденъ, 3 декабря 1867.

Милостивый государь!

Только что получилъ недостающіе листы для отдѣльнаго экземпляра «Дыма», и вмѣстѣ съ благодарностью за любезное исполненіе моей просьбы, осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ другой: Будьте такъ добры, отправьте одинъ экземпляръ къ Гетцелю (улица Жакобъ, 18), а мнѣ — еще два. Въ общемъ это составитъ четыре экземпляра, которые я хотѣлъ-бы оставить за собой.

Я буду вамъ очень благодаренъ за эту маленькую услугу. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

XIII.

Баденъ, 24 апрѣля 1868.

Милостивый государь!

Не отвѣтилъ вамъ немедленно, потому что пробылъ нѣсколько дней въ отсутствіи. Спѣшу исправить это и вмѣстѣ съ тѣмъ извиниться передъ вами.

Я не послалъ вамъ «Бригадира» только потому, что въ послѣднюю минуту моего пребыванія въ Парижѣ меня попросили о томъ, чтобы я далъ его перевести для газетнаго фельетона; я согласился, и, имѣя въ распоряженіи только одинъ экземпляръ, я не могъ сдержать своего обѣщанія относительно васъ; но я вамъ пришлю его, какъ только получу его обратно.

Я сегодня-же напишу Гетцелю и поговорю съ нимъ о романѣ графа А. Толстого [1]), такъ, какъ должно говорить объ этомъ добросовѣстномъ и замѣчательномъ произведеніи. Буду очень счастливъ, если ваша идея осуществится, но нужно сознаться, что вообще издатели должно быть не особенно ревностно печатаютъ иностранныя произведенія; ни одно изъ нихъ еще не имѣло болѣе двухъ изданій и это составляетъ исключеніе, тогда какъ «Monsieur, Madame et Bébé» дошло уже до сорокового. Впрочемъ, Гетцель не похожъ на другихъ издателей.

Примите, князь, выраженіе моихъ искреннихъ чувствъ.

Ив. Тургеневъ.

P. S.—Я вышлю по почтѣ отдѣльныя двадцать страницъ «Бригадира»; вы будете такъ добры и вернете мнѣ ихъ когда нибудь.

---

[1]) Дѣло идетъ о романѣ графа Алексѣя Толстого «Князь Серебряный», переведенный княземъ Голицынымъ и кажется напечатанный, но не у Гетцеля.

XIV.

Баденъ, 29 апрѣля, 1868.

Милостивый государь!

Сейчасъ я получилъ отъ Гетцеля отвѣтъ на мое письмо по поводу романа А. Толстого. Онъ проситъ васъ выслать ему рукопись, обѣщаясь прочесть ее со вниманіемъ, и я надѣюсь, что это чтеніе побудитъ его напечатать романъ. Со своей стороны, я высказалъ, какого я о немъ высокаго мнѣнія.

Прошу извинить меня за то, что не выслалъ еще листковъ «Бригадира», но теперь замедленій не будетъ.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Ив. Тургеневъ.

Письма къ графинѣ Губернатисъ.

I.

Сенъ-Валери-Сюръ-Соммъ.
12 сентября 1872.

Милостивая государыня!

Мнѣ приходится слишкомъ поздно благодарить васъ за двѣ книжки «Revista Europa», которыя вы имѣли любезность мнѣ прислать и въ которыхъ напечатаны первыя главы «Вешнихъ Водъ»; но я только что получилъ эти двѣ книжки.

Насколько я могу судить вашъ переводъ превосходенъ, и не ваша будетъ вина, если моя повѣсть не встрѣтитъ благосклоннаго пріема у итальянской публики.

Я просмотрѣлъ другія статьи, помѣщенныя въ обоихъ нумерахъ, и могъ убѣдиться, что «Revista»—изданіе очень почтенное, въ которомъ я считаю честью участвовать подъ такимъ покровительствомъ, какъ ваше.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Мой постоянный адресъ: Парижъ, 48, улица Дуэ.

II.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
18 марта, 1873 г.

Милостивая государыня!

Только что получилъ оба экземпляра вашего превосходнаго перевода «Вешнихъ водъ», которые вы были такъ добры мнѣ прислать, и я дружески благодарю васъ.

Въ отвѣтъ на предложенный вами вопросъ могу сказать, что по моему Лиза изъ «Дворянскаго Гнѣзда» могла-бы дать итальянской публикѣ болѣе выгодное мнѣніе о русской женщинѣ, чѣмъ М. Н. [1]) изъ «Вешнихъ водъ». Если упомянутый выше романъ не находится въ вашей библіотекѣ, то я буду счастливъ преподнести его вамъ вмѣстѣ съ остальными моими произведеніями.

Не знаю, когда мнѣ суждено снова побывать въ Италіи, въ странѣ, которая дала мнѣ столько глубокихъ воспоминаній и которую я еще не видѣлъ освобожденной; но, если я когда-нибудь пріѣду во Флоренцію, то немедленно явлюсь къ вамъ, чтобы познакомиться съ вами и съ г-номъ Губернатисомъ, столь выдающимся и симпатичнымъ ученымъ.

Спѣшу послать вамъ мою фотографію, хотя сожалѣю, что у меня нѣтъ лучшей; желаніе ваше слишкомъ лестно, чтобы я не поторопился его исполнить.

Примите увѣреніе въ моихъ искреннихъ чувствахъ.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я узналъ черезъ «Revista», что мой другъ графъ Алексѣй Толстой находится во Флоренціи; осмѣливаюсь просить васъ передать ему, также какъ и графинѣ мой дружескій привѣтъ.

III.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Вторникъ, 20 февраля.

Милостивая государыня!

Спѣшу васъ уполномочить на переводъ Нови, какъ вы того желаете, будучи увѣренъ, что я не могъ-бы попасть въ болѣе опытныя и умѣлыя руки.

---

[1]) Марія Николаевна.

Очень радъ, что первая часть моего романа заслужила ваше одобреніе, и надѣюсь, что и вторая — которую вы должно быть теперь получили, не очень испортитъ ваше впечатлѣніе.

Вы найдете на второй страницѣ этого письма посвященіе, которое прошу помѣстить на первой страницѣ тома моихъ сочиненій, высылаемыхъ для васъ изъ Москвы.

Будьте такъ добры передать мой поклонъ г-нў Губернатисъ и вѣрить въ искренность моихъ чувствъ.

Ив. Тургеневъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Французская переписка Тургенева, говоритъ въ заключеніе г. Гальперинъ-Каминскій, которую мнѣ удалось собрать и напечатать впродолженіи года, далеко не полна. Глядя на сотни писемъ, обращенныхъ къ его друзьямъ въ Россіи и напечатанныхъ послѣ его смерти и зная его многочисленныя отношенія въ литературномъ мірѣ Франціи, легко понять затрудненія, какія должна была встрѣтить первая попытка собрать переписку, вызванную этими отношеніями. Я уже не говорю о тѣхъ пробѣлахъ, которые мнѣ было невозможно пополнить. Письма, адресованныя къ Виктору Гюго, Просперу Меримэ, Жюлю Симону, Эдмонду Гонкуру, Альфонсу Додэ и пр. по той или другой причинѣ не могли войти въ это первое собраніе. Съ тѣхъ поръ я узналъ, что корресподенція Тургенева съ Эмилемъ Ожье, однимъ изъ его близкихъ друзей, по всей вѣроятности, останется навсегда неизвѣстной. Дѣйствительно, несмотря на свои розыски, г-нъ Поль Дерулэдъ не нашелъ никакихъ ея слѣдовъ. Г-жѣ Эдмондъ Абу также мало посчастливилось съ письмами къ автору «Романа добраго малаго» [1]). Письма къ Максиму Дю-Канъ, если только они существуютъ, могутъ увидѣть свѣтъ лишь въ 1910 году, одновременно съ другими оставленными имъ литературными документами. Г-жа Аданъ желаетъ сохранить письма Тургенева, чтобы отвести имъ мѣсто въ своихъ мемуарахъ, и т. д.

Слишкомъ долго было-бы здѣсь перечислять всѣ предпринятые мною розыски, указать всѣ двери, въ которыя я стучалъ. Но и въ томъ видѣ, какъ она теперь, переписка, которую я представилъ читателямъ «Cosmopolis'a», не только служитъ для выясненія нѣкоторыхъ новыхъ чертъ въ личности русскаго писателя, но вноситъ еще неизвѣстные элементы въ исторію умственныхъ отношеній между Франціей и Россіей.

---

[1]) «Roman d'un brave homme».

Меня упрекали въ томъ, что я ничего не выкинулъ изъ этой корреспонденціи, включая въ нее даже записки въ нѣсколько строчекъ, съ перваго взгляда не имѣющія значенія. Меня наоборотъ единственно заботитъ то, что на свой страхъ я пожертвовалъ нѣкоторыми изъ этихъ записокъ. Помню письмо, полученное мною отъ одного очень извѣстнаго русскаго писателя, гдѣ онъ умоляетъ меня ничего не пропускать. «Все драгоцѣнно, пишетъ онъ, все что хоть сколько-нибудь ближе знакомитъ насъ съ этимъ великимъ человѣкомъ». Въ самомъ дѣлѣ, одна строка, одно слово, безъ непосредственнаго интереса, могутъ установить какой-нибудь фактъ, съ точностью опредѣлить число. Даже самое количество обмѣненныхъ писемъ является уже указаніемъ на степень близости между кореспондентами; такимъ образомъ, мы видимъ, напримѣръ, что больше всего Тургеневъ писалъ Флоберу и Золя. Итакъ, слѣдуетъ принимать во вниманіе не собственное значеніе такой-то записки или письма, а совокупность этихъ литературныхъ документовъ.

Между различными статьями, вызванными этой перепиской, я нашелъ въ одной изъ брюссельскихъ газетъ остроумныя замѣчанія по поводу писемъ Тургенева къ Золя, изъ которыхъ нѣкоторыя показались безъинтересными. Бельгійскій журналистъ начинаетъ съ того, что эти письма, «написанныя на скорую руку, съ просонья, безпорядочнымъ слогомъ, съ фамильярной простотой,—въ сущности не письма, а скорѣе записки, отличающіяся лаконизмомъ телеграммъ». И все-же онъ признаетъ, что:

«Такія письма для насъ драгоцѣнны своими откровеніями, поясненіями и даже поправками, которыя они вносятъ,—вѣдь зависть особенно любитъ искажать великія имена. Уже изъ-за одного этого, обнародованіе ихъ законно, и суровые и высокомѣрные цензоры, говорящіе о вредномъ любопытствѣ, здѣсь не умѣстны. И для автора и для читателя одинаково важно, чтобы геній былъ освѣщенъ возможно ярче».

Такого мнѣнія придерживался и самъ Тургеневъ, который взялъ на себя изданіе одной гораздо болѣе интимной переписки,—Пушкина съ его женой. Въ предисловіи, которое онъ присоединяетъ къ этому изданію, онъ говоритъ, что смотритъ на него, какъ на самое значительное дѣло въ своей литературной карьерѣ. «Эти письма,—пишетъ онъ,—бросаютъ яркій свѣтъ на самый характеръ Пушкина и даютъ ключъ ко многимъ происшествіямъ въ его жизни, даже къ тому изъ нихъ, которое такъ трагично ее прервало. Написанныя со всею непринужденностью семейныхъ отношеній, безъ помарокъ, безъ обиняковъ и намековъ, эти письма съ тѣмъ большею ясностью показываютъ намъ нравственную личность поэта».

До сихъ поръ мы могли дать только переписку Тургенева съ друзьями, но уже и она способствовала лучшему ознакомленію съ нимъ:—она

подтвердила доброту его души, его преданность друзьямъ, его самоотверженіе какъ писателя; она разрушила недоброжелательные намеки, а главное показала его литературную преемственность. Пока мнѣ хотѣлось-бы представить новое доказательство искренности Тургенева, въ которой Альфонсъ Додэ могъ на минуту усомниться.

Одинъ старый пріятель Тургенева, почти сорокъ лѣтъ дружившій съ нимъ, къ свидѣтельству котораго я уже обращался, г-нъ Пичъ, прислалъ мнѣ письмо, адресованное г-жѣ Пичъ, гдѣ русскій романистъ говоритъ о Захеръ-Мазохѣ въ выраженіяхъ, не дающихъ возможности предположить какую-бы то ни было близость между этими двумя писателями. Названное письмо по крайней мѣрѣ еще разъ устанавливаетъ, что Тургеневъ никогда не знавалъ Захеръ Мазоха и, какъ справедливо замѣчаетъ г-нъ Пичъ, не могъ быть съ нимъ въ перепискѣ.

Въ свою очередь Дюранъ-Гревиль пишетъ мнѣ: «Происшествіе съ письмами къ Захеръ-Мазоху всегда внушало мнѣ болѣе, чѣмъ сомнѣнія. Я нарочно не упомянулъ о немъ въ статьѣ о Тургеневѣ. Додэ, у котораго я спросилъ когда-то очень давно, *гдѣ* можно-бы видѣть эти письма, обратился къ Гонкуру и сказалъ:—Они были у Роберта Каза, не правда-ли?—Да, отвѣтилъ Гонкуръ.—Все этимъ и кончилось. А какъ разъ въ то время Робертъ Казъ умеръ. Одинъ изъ моихъ друзей, очень честный и искренній человѣкъ, передалъ мнѣ, что письма эти были *предложены Гонкуру за умѣренное вознагражденіе*. Я убѣжденъ, хотя и не имѣю доказательствъ, что эти письма были подложныя, сфабрикованныя съ корыстной цѣлью, быть можетъ въ надеждѣ, что Гонкуръ ихъ уничтожитъ. Если-бы они были подлинными, ихъ бы навѣрное напечатали, чтобы получить деньги и надѣлать шуму».

Но все это лишь частности изъ жизни человѣка. Гораздо важнѣе переписка въ томъ смыслѣ, что она открываетъ намъ источники, питавшіе писателя.

Вотъ, напримѣръ, его письма къ Жоржъ-Зандъ, въ которыхъ одна парижская газета увидѣла лишь незначительныя записки. И что-же? одно изъ нихъ сильно повышаетъ значеніе всей переписки. Выражая свою благодарность Жоржъ-Зандъ за нѣсколько строкъ, которыми она посвящала ему свою повѣсть «Pierre Bonin», Тургеневъ пишетъ ей между прочимъ: «Собираясь въ Ноанъ, я твердо рѣшился сказать вамъ, какое громадное вліяніе вы на меня имѣли, какъ на писателя»... Эта фраза не можетъ пройти незамѣченной внимательнымъ читателемъ. Она устанавливаетъ важный фактъ въ исторіи литературы и дѣлаетъ неопровержимымъ вліяніе одного изъ крупнѣйшихъ французскихъ писателей на одного изъ великихъ писателей русскихъ.

Конечно, не Бальзакъ, какъ предполагаетъ де-Вогюэ, могъ оказать воздѣйствіе на талантъ Тургенева. Въ одномъ письмѣ къ П. И. Вейн-

бергу, поэту и переводчику, просившему И. С. дать русскій переводъ какого-нибудь произведенія Бальзака, Тургеневъ говоритъ ему, что у него нѣтъ времени. «Во всякомъ случаѣ, я-бы скорѣе взялся,—добавляетъ онъ—перевести нѣсколько страницъ изъ Монтеня или Раблэ, но ужъ никакъ не Бальзака, котораго я никогда не могъ прочесть болѣе десяти страницъ кряду, до того онъ мнѣ противенъ и чуждъ». А вліяніе Жоржъ-Зандъ было признано, какъ мы видѣли, самимъ Тургеневымъ. Подобныя указанія драгоцѣнны для историка литературы..

Соціальное движеніе въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

I.

Какъ ни слаба соціалъ-демократическая партія въ Америкѣ, именующаяся здѣсь соціалистической рабочей партіей (Socialist Labor Party), но въ Нью-Іоркѣ, гдѣ она обладаетъ 10,000 голосовъ, съ ней во время выборовъ приходится считаться политическимъ ораторамъ всѣхъ партій. Много разныхъ доводовъ приходится выслушивать противъ кооперативныхъ идей отъ уличныхъ ораторовъ. Часто повторяется напр., любимое утвержденіе, что не экономическое положеніе Германіи, а политическое устройство ея было причиной быстраго роста соціалъ-демократическаго движенія въ Германіи, которое поэтому не можетъ имѣть почвы въ республиканской Америкѣ; но едва-ли не самый частый и, по мнѣнію этихъ ораторовъ, сильный доводъ—этнологическаго происхожденія и состоитъ въ томъ, что англо-саксонская раса—раса индивидуалистическая par excellence, и кооперативныя тенденціи ей совершенно не присущи.

Не трудно понять, какимъ образомъ развилось подобное мнѣніе, но въ то же время еще легче показать, что этотъ взглядъ не выдерживаетъ самой милостивой критики исторіи. Естественныя богатства новой страны, ихъ изобиліе, дававшее полный просторъ энергіи каждаго отдѣльнаго человѣка, и щедрое вознагражденіе за эту энергію, возможность полной самостоятельности личности на новой почвѣ, сохранившаяся на далекомъ западѣ даже и по сегодня—игра подобныхъ условій и причинъ въ теченіи двухъ столѣтій должна была вызвать къ жизни миѳъ объ исключительныхъ индивидуалистическихъ свойствахъ американской расы, точно такъ-же какъ вынужденная кооперація могла-бы породить мнѣніе о высокомъ развитіи кооперативнаго духа другихъ расъ. Во всякомъ случаѣ, Америки характеръ англо-саксонской расы касается сравнительно

мало, потому что было-бы грубой ошибкой считать таковой страшную смѣсь народовъ, расъ и національностей, изъ которой составляется населеніе Соединенныхъ Штатовъ.

Но урокъ исторіи настолько ясенъ, что намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ теоретическимъ разсужденіямъ à priori. Ни одна другая страна въ мірѣ не знала столькихъ кооперативныхъ попытокъ, сколько ихъ знала Америка, то-есть, вѣрнѣе, Соединенные Штаты. Правда, что между этими попытками многія сдѣланы были эмигрировавшими въ Америку съ этой цѣлью европейцами (нѣмцами, французами), но столь-же значительное, если не большее количество—дѣло рукъ или *чистокровныхъ* американцевъ, или англо-саксонскихъ иммигрантовъ. Нигдѣ, за исключеніемъ Америки, не сдѣлано было попытки къ осуществленію системы Фурье и другихъ подобныхъ системъ. Правда, что большинство этихъ попытокъ окончилось неудачей, но причинъ этого ужъ никакъ нельзя искать въ свойствахъ характера учредителей; виновата была тутъ безпощадная логика вещей.

Наконецъ, далеко не всѣ попытки эти окончились неудачей. Масса кооперативныхъ колоній существуетъ и процвѣтаетъ даже и теперь, и я надѣюсь, когда нибудь впослѣдствіи, познакомить съ ними читателя. Большинство такихъ успѣшныхъ колоній принадлежитъ религіознымъ сектамъ шекеровъ и др., и въ трудахъ, посвященныхъ описанію этихъ колоній, обитатели ихъ рисуются здоровыми, симпатичными, довольными, даже счастливыми людьми, правда нѣсколько фанатическими въ своихъ убѣжденіяхъ, но терпимыми къ убѣжденіямъ другихъ. Воздержность въ половыхъ отношеніяхъ служитъ однимъ изъ главныхъ условій жизни въ этихъ колоніяхъ. Процвѣтала, однако, въ Онейдѣ (штата Нью-Іоркъ) коммунистическая колонія, придерживавшаяся, въ отношеніяхъ половъ, принципа свободы любви, и погибла она не отъ внутреннихъ причинъ, а подъ вліяніемъ возмущенной буржуазной морали, которая не могла переварить такой открытой, шокирующей безнравственности. Словомъ, Америка, болѣе чѣмъ какая-либо другая страна въ мірѣ, выказала наклонность къ осуществленію кооперативныхъ идеаловъ. Въ настоящее время существуетъ и, повидимому, процвѣтаетъ кооперативная колонія, уже свободная отъ религіозныхъ или сектантскихъ элементовъ, издающая весьма популярную на западѣ газету «The Coming Nation», съ довольно широкими, но неопредѣленными соціалистическими идеалами.

Спрашивается, почему-же, несмотря на такое сильное распространеніе кооперативныхъ идеаловъ, заставившее буржуазно-добродушнаго профессора мичиганскаго университета R. T. Ely (Р. Т. Илай) заявить въ своей книгѣ «The labor movement in United States», изданной еще въ 1886 г., что число склонныхъ къ коопераціи гражданъ, имѣющихъ право голоса, превышаетъ полъ-милліона, «соціалистическая рабочая

партія; имѣетъ такъ мало успѣха? Это вопросъ, на который отвѣтить увѣренно, далеко не такъ легко, хотя о причинахъ можно болѣе или менѣе догадываться. Въ забастовкахъ и другихъ безпорядкахъ, извѣстіе о которыхъ часто доходило и до Россіи, не рѣдко принимали участіе сотни тысячъ людей, а Socialist Labor Party никогда не получала болѣе 42,000 голосовъ. Вѣроятное объясненіе этого факта мы можемъ найти въ томъ обстоятельствѣ, что первыя кооперативныя начинанія возникли по причинамъ, какъ экономическимъ, такъ и въ болѣе значительной степени религіознымъ, изъ низшихъ имущественныхъ классовъ, чтобы употребить популярный терминъ, изъ мелкой буржуазіи, когда пролетаріатъ былъ слабъ и незначителенъ. Хотя нельзя того-же сказать о современномъ американскомъ пролетаріатѣ, но несомнѣнно, что онъ до сихъ поръ еще не выросъ изъ своей буржуазной одежды; тѣмъ, что называется классовымъ самосознаніемъ, онъ обладаетъ въ весьма незначительной степени и часто даже во время самыхъ горячихъ столкновеній съ предпринимателемъ говорить о средствахъ примиренія между трудомъ и капиталомъ.

«Отчего это, несмотря на всѣ преимущества, которыя мы имѣемъ здѣсь, въ Соединенныхъ Штатахъ рабочее движеніе такъ отстало отъ Европы, гдѣ условія значительно менѣе благопріятны?» спрашиваетъ вожакъ Socialist Labor Party, редакторъ ея оффиціальнаго органа The People, эксъ-профессоръ де-Леонъ (Reform or Revolution, Boston, 1896, p. 10). По его мнѣнію, причины этого страннаго явленія заключаются въ томъ множествѣ не научныхъ, ошибочныхъ движеній, take movements (мошенническія движенія), какъ сильно выражается г. де-Леонъ, которыя организованы были или невѣжественными или нечестными дѣятелями. Можетъ быть слишкомъ смѣло обвинять въ нечестности всѣ тѣ рабочія движенія, которыя стоятъ внѣ Socialist Labor Party. Но несомнѣнно, что многія изъ этихъ движеній, выдвинулись впередъ съ сильной радикальной программой, съ кооперативными идеалами. Вызвавъ нѣсколько шумныхъ стачекъ, и завербовавъ часто болѣе милліона послѣдователей, они такъ-же внезапно умирали за отсутствіемъ скораго, обѣщаннаго успѣха, или оставались при жизни, влача жалкое существованіе и служа ареной дѣятельности для нечестныхъ вожаковъ, которые, импонируя въ мірѣ буржуазной американской политики, какъ представители сотенъ тысячъ голосовъ, умѣли извлекать для себя изъ своего положенія не малую пользу. «Рыцари труда» (knights of Labor) и «Американская федерація труда» (American Federation of Labor) представляютъ два самыхъ крупныхъ примѣра такихъ дегенерированныхъ рабочихъ союзовъ. Организованы они были въ тотъ періодъ, когда разочарованные измѣнами *всѣхъ* политическихъ партій, такъ распинавшихся за интересы труда *до* политическихъ выборовъ, американскіе

рабочіе рѣшили, что политическая борьба не можетъ дать имъ ничего, и что единственное поле, обѣщающее успѣхъ, это поле экономической борьбы, стачекъ и бойкоттовъ. Въ американское рабочее движеніе, однимъ словомъ, влилась струя анархизма, который имѣетъ оригинальное свойство быть въ одно и то-же время и гораздо радикальнѣе и гораздо консервативнѣе соціалъ-демократизма. Страшныя пораженія въ грандіозныхъ стачкахъ, послѣдовавшія одно за другимъ, могли хоть кого убѣдить въ безплодности этого одного изолированнаго метода борьбы. Тамъ и сямъ изъ организаціи выдѣлились группы анархистовъ, весьма малочисленныя, продолжающія считать единственнымъ средствомъ экономическую борьбу, но борьбу насильственную, съ бомбами. Малочисленные защитники идеи независимаго политическаго рабочаго движенія были подавлены большинствомъ въ силу стараго принципа, что эти рабочіе союзы не должны вмѣшиваться въ политику; принципа, который нечестные вожаки, ставшіе во главѣ движенія, защищали въ свою пользу; и значеніе этихъ рабочихъ организацій продолжаетъ быстро уменьшаться. Во главѣ американской федераціи труда теперь стоитъ извѣстный Самуилъ Гомперсъ, который, исключая политику изъ предмета разсужденій съѣзда федераціи, въ то-же время торгуетъ сотнями тысячъ голосовъ, стоящими (на бумагѣ) позади этой федераціи, заставляя ихъ отъ времени до времени высказываться въ пользу то одной, то другой политической партіи.

За послѣднее десятилѣтіе одно за другимъ подымались и многія другія экономическія и политическія радикальныя движенія, въ свое время пошумѣвшія, и затѣмъ продолжающія влачить жалкое существованіе. Тутъ есть и Probibition Party, видящая все зло въ потребленіи алкоголя, и считающая запрещеніе послѣдняго радикальнымъ средствомъ отъ всѣхъ золъ, и «Single tax», движеніе, которымъ руководилъ Генри Джорджъ и основанное на его ученіяхъ, какъ онѣ выражены въ его Progress and Poverty [1],—очень оригинальное движеніе, видящее панацею въ томъ, что вмѣсто всѣхъ налоговъ будетъ введенъ лишь одинъ налогъ (single tax)—на землю,—и многія другія подобныя движенія.

По причинамъ, главнѣйшія изъ которыхъ мы указали выше, прямолинейная неуклонная программа Socialist Labor Party, основанная на безусловномъ признаніи принциповъ нѣмецкаго соціалъ-демократизма: классовой борьбы, политической агитаціи, парламентаризма, относящаяся съ безусловнымъ отрицаніемъ къ неруководимой политической системой экономической борьбѣ, требующая полнаго переворота капиталистической системы и не довольствующаяся ничѣмъ меньшимъ, признающая борьбу единственнымъ средствомъ достиженія къ цѣли, вою-

[1] Прогрессъ и Бѣдность. Спб. 1896 г.

ющая со всей своей энергіей противъ «постепеновщины»—такая прямолинейная программа до сихъ поръ не пришлась по сердцу американскому рабочему, мелкому буржуа, и вообще реформатору-оптимисту. Мы уже сказали, что было-бы нелогично объяснять все нечестностью другихъ движеній, у насъ есть достаточныя доказательства того, что во главѣ другихъ движеній часто стояли люди идеальной честности. Такимъ человѣкомъ необходимо признать Евгенія Дебса, организатора новой политической партіи, которой посвящена настоящая статья. Имя Евгенія Дебса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было связано съ народной партіей The People's Party, и намъ необходимо познакомиться съ исторіей этой партіи, чтобы лучше понять настоящее движеніе.

Многочисленныя реформаторскія движенія, которыя были названы мною, одно за другимъ кончались неудачами; между тѣмъ экономическое развитіе страны шло своимъ чередомъ. Огромныя стачки слѣдовали одна за другой, вызывая кровавыя столкновенія вродѣ анархистической бомбы въ Чикаго въ 1887 г., и кончаясь страшными неудачами: когда-то могущественное орудіе въ рукахъ пролетаріата, стачки за послѣднее время начали терять свое значеніе. На западѣ крестьянство раззорялось. Ихъ фермы, заложенныя у банкировъ востока, изнемогая подъ непосильной тяжестью конкурренціи капиталистическихъ фермъ, становились все менѣе и менѣе доходными. По примѣру рабочихъ союзовъ востока, фермеры соединялись въ организаціи, которыя, однако, имѣя лишь мѣстное значеніе, не могли оказывать большого вліянія на ходъ вещей. Число недовольныхъ росло и росло. Изъ этой сумятицы политическихъ теченій въ 1891 г. выросла «народная партія», The People's party.

19 мая 1891 г. собралось въ Цинцинати болѣе 1,400 представителей разныхъ организацій, единственной общей чертой которыхъ было недовольство современной дѣйствительностью и стремленіе къ реформѣ ея. Но такъ какъ причины недовольства были различны, то не могли быть одинаковыми и идеалы реформъ. Понятно, поэтому, какъ разнороденъ былъ составъ конференціи, National Reform Conference. Однако-же конференція рѣшила организовать національную партію, The People's Party (партію народа). 22-го февраля 1892 года въ С. Монсѣ была выработана платформа, т. е. программа этой новой партіи. Болѣе популярное выраженіе она получила въ платформѣ, извѣстной подъ названіемъ Omaha Platform, ибо въ Омагѣ, въ іюлѣ 1892 г., съѣхалась конвенція «народной партіи» для избранія кандидата въ президенты.

Разнородность состава этого новаго движенія ручалась за то, что платформа его не будетъ представлять одной тщательно и систематически разработанной идеи. Въ ней должны были сказаться интересы всѣхъ тѣхъ классовъ, которые были въ ней представлены. На ряду съ нерѣшительнымъ воззваніемъ въ честь принципа коопераціи, мы находимъ

здѣсь поэтому требованіе чеканки серебра, въ отношеніи 16 къ 1, требованіе, выражающее нужды задолженнаго земледѣльческаго класса, которому удешевленіе денежной единицы облегчило бы платежъ долговъ и повысило бы цѣну его продукта; въ той же платформѣ мы встрѣчаемъ требованіе прогрессивнаго подоходнаго налога, мѣропріятій противъ расхищенія государственныхъ земель, и пріобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и телефона государствомъ; послѣднюю мѣру болѣе радикальные члены партіи могли разсматривать, какъ первый шагъ къ идеалу коопераціи.

Самая неопредѣленность программы должна была дать ей, если и временный, то все же значительный успѣхъ. Въ президентской кампаніи 1892 года, кандидатъ народной партіи увлекъ за собой 3—4 штата и получилъ болѣе милліона голосовъ. Это были земледѣльческіе штаты, такъ что главный контингентъ партіи народа представляли фермеры.

1893 и 1894 годы ознаменовались въ Америкѣ страшнымъ экономическимъ кризисомъ, завершившимся желѣзнодорожной стачкой въ Чикаго, для усмиренія котораго Кливлэндомъ былъ посланъ цѣлый полкъ. Совпаденіе кризиса съ господствомъ демократической партіи, посылка войскъ противъ рабочей толпы, и т. д., такія явленія не могли не вооружить американскій пролетаріатъ противъ той партіи, защитникомъ которой явился г. Кливлендъ, и, какъ и слѣдовало ожидать, при выборахъ въ конгрессъ демократическіе кандидаты потерпѣли страшное пораженіе, а число поданныхъ за популистическую (другое названіе партіи народа) партію голосовъ превысило полутора милліона.

Популистической партіи, повидимому, предстояло великое будущее; изумительная быстрота роста, напоминающая ростъ соціалъ-демократической партіи въ Германіи, давала поводъ предполагать, что недалеко то время, когда популистическая партія сдѣлается серьезнымъ конкуррентомъ двухъ старыхъ партій и наконецъ завладѣетъ властью, уничтоживъ на своемъ пути какъ республиканскую, такъ и демократическую партію. Но политическая кампанія 1896 года навсегда положила конецъ подобнымъ мечтамъ.

Къ началу этой политической кампаніи, сыгравшей такую важную роль въ соціальномъ развитіи сѣверо-американской республики, демократическая партія оказалась въ очень жалкомъ положеніи. Побѣжденная республиканской партіей въ послѣднихъ выборахъ, она даже не могла выставить ни одного оригинальнаго принципа, который былъ бы raison d'être ея борьбы съ республиканскимъ большинствомъ, кромѣ затасканнаго, всѣмъ надоѣвшаго вопроса «о свободной торговлѣ и протекціонномъ тарифѣ», сводившагося на дѣлѣ къ вопросу о незначительномъ повышеніи или пониженіи тарифныхъ ставокъ на тотъ или другой продуктъ (ибо «свободу торговли» никто и не думалъ защищать). Чтобы

имѣть хоть какіе-нибудь шансы на побѣду, нужно было заручиться новымъ принципомъ, и при томъ такимъ, который могъ бы привлечь цѣлые классы населенія. Такой принципъ былъ подъ руками: онъ составлялъ важную часть платформы партіи, которая въ 3—4 года съумѣла завербовать полтора милліона голосовъ; принципъ этотъ — свободная чеканка серебра въ отношеніи 16 къ 1, и демократическая партія, на конвенціи своей въ Чикаго, 7 іюля 1896 г., увлеченная горячей филиппикой Брайана, приняла этотъ принципъ.

Популистическая партія оказалась лицомъ къ лицу съ трудно разрѣшимой дилеммой: она могла идти по своему пути, придерживаясь строго своей предыдущей программы со всѣми ея кооперативными начинаніями, но это, конечно, значило отказаться отъ успѣха въ настоящемъ; съ другой стороны... на лицо былъ кандидатъ, горячій приверженецъ одного изъ главныхъ принциповъ популистической партіи, свободной чеканки серебра, который могъ быть избранъ съ помощью многихъ сотенъ тысячъ ихъ популистическихъ голосовъ, и такимъ образомъ предстояла возможность осуществленія извѣстной части ихъ программы.

Пойти направо, невинность сохранишь, но капиталовъ не наживешь пойти налѣво, наживешь капиталы, но потеряешь невинность. Полуголодная, оборванная [1]), нетерпѣливая популистическая конвенція выбрала кандидатомъ въ президенты демократа Брайана, а въ вице-президенты популиста Ватсона.

Такой поступокъ не могъ не возстановить радикальныхъ элементовъ противъ популистической партіи; отреченіе конвенціи даже отъ платоническихъ идеаловъ коопераціи заставило, конечно, послѣднихъ отшатнуться. Въ концѣ политической кампаніи республиканцы остались побѣдителями. Какъ показали послѣдніе 6 мѣсяцевъ, демократическая партія еще жива, и съ ней—захваченный ею принципъ свободной чеканки серебра. Но «партія народа» въ дѣлѣ 3 го ноября 1896 г. совершенно погибла.

Измѣна и гибель популистической партіи явились жестокимъ ударомъ для ея радикальныхъ элементовъ, однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей которыхъ былъ Евгеній Дебсъ. Эта измѣна и эта гибель, являясь повтореніемъ судьбы всѣхъ подобныхъ партій въ Америкѣ, какъ-бы доказывали, что борьба общенаціональная, всенародная, обреченная по самой природѣ своей на долгое безплодное (въ смыслѣ *практическихъ* результатовъ) существованіе не по сердцу практическому американцу, не имѣетъ въ С. Штатахъ подъ собой твердой почвы; что такое движеніе

[1]) Делегаты популистической партіи представляли картину рѣзко противуположную партіямъ республиканской и демократической. Въ то время, какъ послѣдніе наполняли лучшія гостинницы въ городѣ, первые были настолько бѣдны, что буквально приходили и уходили по шпаламъ, и во время конвенціи ночевали за городомъ, въ открытомъ полѣ.

въ концѣ-концовъ будетъ поглочено одной изъ двухъ большихъ партій. Дебсъ и его единомышленники пришли къ заключенію, что надо начать съ другого конца: съ мѣстнаго, практическаго приложенія кооперативныхъ идей.

II.

Евгеній Дебсъ свою всеамериканскую популярность пріобрѣлъ во время знаменитой стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ, начавшейся въ Чикаго 25 іюня 1894 г. и въ теченіе 2—3 недѣль заставлявшей дрожать всю капиталистическую Америку подъ угрозой всенароднаго возстанія.

Личность Евгенія Виктора Дебса съ психологической точки зрѣнія заслуживаетъ, конечно, больше вниманія, чѣмъ мы можемъ удѣлить ему въ этомъ краткомъ очеркѣ. Враги и друзья одинаково сходятся въ глубокомъ уваженіи къ его безусловной честности и выдающейся талантливости; сплошь и рядомъ встрѣчаешься со сравненіями между нимъ и Лассалемъ, но, конечно, въ силу многихъ обстоятельствъ Дебсъ только Лассаль въ миніатюрѣ.

Изучая Дебса и его планы, къ которымъ перейдемъ черезъ нѣсколько минутъ, мы не должны упускать изъ виду того факта, что Дебсъ простой рабочій, а не человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и ученой репутаціей, какъ Лассаль. Образованіе его ограничивается начальной школой, послѣ чего онъ былъ вынужденъ искать заработковъ, и, какъ типичный американецъ, испробовалъ массу занятій, былъ маляромъ, стоялъ за прилавкомъ въ мелочной лавкѣ и, наконецъ, сдѣлался кочегаромъ на желѣзной дорогѣ. Выдѣляясь умственно среди окружающихъ рабочихъ, и, пополнивъ самостоятельнымъ чтеніемъ свое образованіе, онъ началъ пріобрѣтать вліяніе въ рабочей массѣ и играть видную роль въ рабочихъ союзахъ. Когда онъ занималъ должность секретаря въ союзѣ желѣзнодорожныхъ кочегаровъ, онъ уже начиналъ проявлять свои организаторскія способности и задался мыслью соединить всѣ союзы желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ одинъ большой желѣзнодорожный союзъ. Въ срединѣ 1897 г. былъ организованъ знаменитый American Railroad Union, который быстро началъ разростаться, и къ началу 1894 г. число членовъ превышало уже 100.000. Цѣль этого союза, какъ она рисовалась Дебсу, заключается въ слѣдующемъ. Въ стачкѣ, главномъ орудіи битвы рабочаго союза, конечно, важно, чтобы другъ за друга держались всѣ члены извѣстной профессіи, соединенные въ одно большое цѣлое, такъ-какъ всѣ желѣзнодорожные рабочіе могли скорѣе диктовать условія работодателямъ, чѣмъ разбитые на 5 или 6 союзовъ.

Не прошло и года, какъ удачно проведенное сраженіе, давшее американскому желѣзнодорожному союзу первую побѣду, явилось блестящимъ

доказательствомъ основательности надеждъ, возлагаемыхъ Дебсомъ на стачку, какъ орудіе борьбы. Желѣзнодорожное общество Great Northern Company урѣзало жалованіе рабочимъ на 10%. Союзъ объявилъ стачку, которая продолжалась двѣ недѣли, держала 5000 человѣкъ безъ работы и кончилась тѣмъ, что желѣзнодорожная компанія должна была вернуться къ прежнему размѣру рабочей платы.

Я не стану утруждать читателя подробностями слѣдующей стачки, разыгравшейся въ Чикаго въ 1894 г. Онѣ, вѣроятно, еще живы въ памяти читателя. Напомню только, что послѣ многихъ кровавыхъ столкновеній между раздраженной рабочей толпой и высланными для защиты имущества желѣзнодорожныхъ компаній войсками, она кончилась страшнымъ фіаско. Въ заключеніе Дебсъ съ пятью товарищами были посажены въ тюрьму. Фактъ этотъ требуетъ извѣстныхъ разъясненій. Стачки, какъ извѣстно, разрѣшены въ Соединенныхъ Штатахъ, и за веденіе стачекъ ни Дебсъ, ни его товарищи посажены въ тюрьму быть не могли. Но дѣло въ томъ, что во время стачки федеральнымъ судомъ были изданы административные приказы рабочимъ не бросать своей работы, въ виду того, что это мѣшаетъ почтовымъ сношеніямъ.

Подобные приказы (injuctions) обязательны для американскаго гражданина и такимъ образомъ федеральное правительство надѣялось положить конецъ убыточнымъ для желѣзнодорожныхъ компаній безпорядкамъ. Желѣзнодорожный рабочій союзъ, разъяренный долгой борьбой, рѣшилъ ослушаться этихъ injunctions. Въ этомъ и состояло все преступленіе, за которое Дебсъ и другіе подверглись тюремному заключенію.

Стачка эта и всѣ сопровождавшія ее перипетіи нанесли страшный ударъ вѣрѣ Дебса въ успѣшность борьбы рабочихъ союзовъ съ предпринимателями. Естественно, что Дебсъ, который не могъ глядѣть на эволюцію жизни, не принимая въ ней активнаго участія, долженъ былъ пристать къ другому движенію. Такимъ движеніемъ оказалась популистическая партія, программа которой, какъ я уже сказалъ выше, несмотря на свою аграрную окраску, заключала въ себѣ намеки на коллективистическій идеалъ и вниманіе къ рабочему вопросу. Вліяніе Дебса въ популистической партіи оказалось настолько сильнымъ, что на конвенціи ея въ С. Люисѣ, въ іюлѣ 1896 г., раздались голоса въ пользу избранія его въ кандидаты на должность президента Соединенныхъ Штатовъ. Но прошло не много времени, какъ и эта почва исчезла изъ-подъ ногъ Дебса: на конвенціи одержала побѣду консервативная часть, а затѣмъ 3 ноября вся партія канула въ вѣчность.

Къ этому времени относится зарожденіе общества «Brotherhood of Cooperative Commonwealth», т. е. братства кооперативной республики.

Зародилось это общество въ кооперативной колоніи Ruskin, существующей уже три года въ штатѣ Тенесси. Здѣсь не мѣсто входить въ

подробности исторіи этой колоніи, самой по себѣ очень интересной; но такъ какъ, въ зарожденіи и развитіи новаго движенія она играла не малую роль, то мнѣ придется сказать о ней пару словъ. Основана она была въ 1894 году по плану Беллами, развитому послѣднимъ въ его извѣстной книгѣ Looking bacward» («Черезъ сто лѣтъ»). Главные принципы этой колоніи: равное вознагражденіе всѣхъ ея членовъ и измѣреніе цѣнности товаровъ рабочимъ временемъ. Считая эту колонію не самодовлѣющей цѣлью, а скорѣе экспериментомъ, долженствующимъ служить для невѣрующихъ доказательствомъ возможности кооперативной жизни, колонисты ставятъ кооперативныя убѣжденія и желаніе потрудиться въ пользу кооперативныхъ идеаловъ необходимымъ условіемъ поступленія въ эту колонію. Испытавъ много затрудненій за короткое время своего существованія, колонія стала теперь на твердомъ основаніи. Число членовъ превышаетъ уже 200 человѣкъ. Главное занятіе колоніи — хлѣбопашество. Но идеалъ ея сдѣлаться настолько независимой экономически отъ внѣшняго міра, насколько это вообще возможно. Съ этой цѣлью при колоніи одно за другимъ учреждены разныя промышленныя учрежденія, работающія какъ для своихъ колонистовъ, такъ и для внѣшней торговли. Въ настоящее время при колоніи имѣются гостинницы, паровое прачешное заведеніе, кузница, сапожное заведеніе, булочная, жестянное заведеніе, оранжереи, столярное заведеніе, слесарное, мельница, лѣсопилка, заведеніе для выдѣлки подтяжекъ, упряжи, аптека и т. д., и т. д. Типографія, въ которой печатается упомянутая газета «The Coming Nation» съ 30,000 подписчиковъ, представляетъ одно изъ главныхъ промышленныхъ предпріятій колоніи.

Я, однако, не упомянулъ о самомъ важномъ фактѣ: для вступленія въ кооперативную колонію требуется взносъ въ 500 долларовъ. Условіе это очень понятно съ точки зрѣнія колонистовъ, которые, принимая къ себѣ новаго члена, обязываются удовлетворять его нужды, и, слѣдовательно, должны соотвѣтственно расширить свое производство, но въ то-же время это съуживаетъ поле дѣятельности колоніи болѣе, чѣмъ этого желали бы сами колонисты, видящіе въ системѣ своей колоніи средство для обновленія міра.

Въ декабрѣ прошлаго года организовалось въ этой колоніи вышеназванное «Братство», имѣющее цѣлью устройство такихъ колоній для всѣхъ пролетаріевъ, на точно такихъ же началахъ. И въ этомъ братствѣ съ самаго начала видную роль сталъ играть Евгеній Дебсъ.

Съ самаго начала братство поставило себѣ слѣдующія три цѣли: 1) воспитывать народъ Соединенныхъ Штатовъ въ духѣ коммунистическихъ идей; 2) соединить всѣхъ соціалистовъ въ одну братскую организацію и 3) *организовать кооперативныя колоніи и кооперативное производство и поскольку возможно концентрировать ихъ въ*

одномъ штатѣ, пока этотъ штатъ не сдѣлается вполнѣ соціалистическимъ.

Послѣдній пунктъ и представляетъ самую характерную часть программы братства, которая такъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ программъ ихъ европейскихъ собратьевъ. Успѣхъ колоніи Ruskin, основанной, однако, главнымъ образомъ на взносѣ въ 500 долларовъ, заставляетъ американскаго коммуниста смотрѣть на колонію, какъ на средство достиженія кооперативной національной организаціи, въ то время какъ европейскіе собратья ихъ уже давнымъ давно бросили всякія надежды на кооперативныя затѣи и никогда не упускаютъ случая высказаться противъ нихъ. Однако, братство далеко ушло впередъ отъ фурьеристовъ, экспериментировавшихъ въ Америкѣ съ кооперативными колоніями лѣтъ 50 тому назадъ. Оно не считаетъ учрежденія колоній панацеей, а признаетъ и другіе элементы борьбы. Сторонники этого движенія смотрятъ на колонизацію, какъ на средство пропаганды и агитаціи, въ силу чего братство требуетъ отъ кандидатовъ клятвы, что они сдѣлаютъ все, что могутъ, чтобы помочь учрежденію національной соціалистической системы производства и распредѣленія богатства.

Другая отличительная черта братства—это желаніе концентрировать колонизаціонные элементы въ одномъ какомъ-нибудь западномъ штатѣ. Въ этомъ желаніи просвѣчиваетъ пониманіе необходимости политической борьбы въ связи съ кооперативными опытами. По предначертанному плану избирается одинъ какой-нибудь западный штатъ, населеніе котораго считается десятками или немногими сотнями тысячъ. Тамъ устраивается колонія за колоніей, каждая въ 500 человѣкъ. Организаторы, очевидно, выступали съ полной надеждой на быстрый и огромный успѣхъ; въ одинъ или два года они надѣялись имѣть на мѣстѣ 100,000 переселенцевъ, кромѣ 200,000 сочувствующихъ въ другихъ штатахъ. Такое огромное количество голосовъ въ мало населенномъ штатѣ конечно дастъ имъ возможность захватить при помощи баллотировочнаго ящика политическую власть этого штата въ свои руки; а такъ какъ американскій штатъ—самостоятельное государство, то они думали, что имъ ничего не будетъ стоить произвести въ этомъ штатѣ политическій и соціальный переворотъ и преобразовать его въ кооперативную организацію. За первымъ штатомъ уже съ меньшими затрудненіями пойдетъ и другой, и такимъ образомъ шагъ за шагомъ произойдетъ соціальный переворотъ.

Организованное въ декабрѣ прошлаго года, «братство» это стало рости не особенно медленно, такъ что по истеченіи полугода у нихъ имѣется уже больше 2,000 членовъ (хотя къ самой колонизаціи разумѣется еще не приступлено). Но ростъ этотъ, конечно, не могъ удовлетворить организаторовъ, которые разсчитывали на такой блестящій успѣхъ сразу. О братствѣ мало знали, какъ мало знали и о существованіи колоніи Ruskin.

Дебсъ, организаторъ братства, человѣкъ 23 года проведшій въ рабочемъ движеніи, всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ командовавшій стотысячной арміей, рѣшилъ воспользоваться своимъ вліяніемъ въ мірѣ американскихъ рабочихъ чтобы создать въ Америкѣ рабочее движеніе на началахъ «кооперативнаго братства».

13 іюня была созвана въ Чикаго Дебсомъ, какъ президентомъ, чрезвычайная конвенція представителей американскаго желѣзнодорожнаго союза (American Railroad Union). На этой конвенціи присутствовали делегаты братства и были приглашены представители всѣхъ кооперативныхъ организацій, всякихъ прогрессивныхъ и радикальныхъ рабочихъ и другихъ союзовъ. Цѣлью конференціи была реорганизація союза съ тѣмъ, чтобы улучшить положеніе членовъ союза, долгое время сидѣвшихъ безъ работы, и отчаявшихся найти работу благодаря существованію въ Америкѣ «чернаго листа», на который попали протестанты чикагской стачки 1894 г. Дебсъ сдѣлалъ также предложеніе, чтобы союзъ реорганизовался для колонизаціи на кооперативныхъ началахъ

Кромѣ самого Дебса, на конвенціи говорили, главнымъ образомъ, представители братства, описывавшіе выработанный имъ планъ, а также и частичное осуществленіе его въ колоніи Ruskin.

Огромное вліяніе Дебса, годами накоплявшееся неудовольствіе членовъ American Railroad Union'а и носящіяся въ воздухѣ въ послѣдніе годы кооперативныя идеи—все это повліяло на то, что рѣчи Дебса и его союзниковъ и предполагаемые ими планы кооперативной колонизаціи были встрѣчены всеобщимъ восторгомъ. Но, принявъ идеи братства, конвенція прибавила къ нимъ одинъ очень важный элементъ.

Когда Дебсъ работалъ и агитировалъ въ пользу братства, то онъ однако-же сознавалъ, что колонизація не можетъ быть единственнымъ путемъ введенія кооперативнаго строя, и потому включалъ въ свою программу не только захватъ политической власти въ колонизаціонномъ штатѣ, но и во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ. Но Дебсъ не бралъ ни на себя, ни на братство обязанности вести эту борьбу. «Наша цѣль не прибавить еще одно политическое общество къ многимъ существующимъ, а соединить всѣ кооперативныя организаціи для колонизаціоннаго дѣла», писало братство въ своей программѣ. Дебсъ открыто высказывался, что политическая борьба 1900 года будетъ происходить подъ знаменемъ существующей Socialist Labor Party.

Но послѣдняя, придерживаясь строгихъ доктринъ нѣмецкаго марксизма, не откликнулась на зовъ Дебса къ удивленію послѣдняго. Съ ногъ до головы практикъ, организаторъ, Дебсъ не могъ понять, какимъ образомъ, во имя абстрактной теоріи можно оттолкнуть отъ себя такое огромное движеніе.

На конвенціи политическій элементъ еще больше выдвинулся впередъ.

Въ результатѣ на конвенціи American Railroad Union въ Чикаго былъ выработанъ не только планъ колонизаціи, но и возникла новая политическая партія. На конвенціи Railroad Union былъ распущенъ, и на его мѣсто явилась американская соціалъ-демократическая партія: The Social Democracy of America.

«Декларація принциповъ» новой партіи является почти что точнымъ слѣпкомъ съ платформы существующей Socialist Labor Party — главное различіе именно въ колонизаціонномъ планѣ, который имѣетъ весьма разностороннее назначеніе: партія считаетъ его, съ одной стороны, средствомъ къ частичному введенію коопераціоннаго начала и съ другой стороны, способъ дать «занятіе для неимѣющихъ заработка» (Employment for the unemployed).

Вторая часть этого плана весьма характерна для личности Дебса; Дебсъ не теоретикъ, но онъ человѣкъ! Вѣря въ будущность кооперативныхъ идеаловъ, онъ, однако, чувствуетъ, что самое необходимое дѣло это избавить отъ опасности голодной смерти тотъ милліонъ или больше незанятыхъ, которыми обогатила Америку эволюція послѣдняго десятилѣтія. Въ этомъ-же сказывается характеръ американца рабочаго. Онъ не можетъ, какъ нѣмецъ, удовольствоваться сознаніемъ, что болѣе справедливый строй придетъ, потому что онъ долженъ придти, потому что такъ предсказала наука. Чтобы войти въ движеніе, ему нужно что-нибудь вещественное, «something for immediate relief», т.-е. нѣчто для немедленнаго облегченія его положенія», словомъ, что-нибудь, за что онъ могъ-бы ухватиться руками. И, положа руку на сердце, надо сознаться, что въ Америкѣ есть огромная народная масса, которой *немедленное* облегченіе дѣйствительно необходимо.

По послѣднимъ извѣстіямъ, вездѣ уже начали формироваться «вѣтви», которыхъ за двѣ недѣли насчитывается уже около 300. Органъ American Railway Union'а—«Railway Times», сдѣлался органомъ новой организаціи, и издается въ Чикаго подъ названіемъ «The Social Democrat».

III.

Въ предъидущихъ строкахъ сказано все, что можно сказать въ настоящій моментъ о новорожденной соціалъ-демократіи. Со дня оффиціальнаго ея зарожденія прошло еще такъ мало дней, что объ ея успѣхѣ или неуспѣхѣ, о быстротѣ ея роста, и, вообще, объ ея дальнѣйшей судьбѣ можно лишь догадываться. Для того же, чтобы съумѣть построить эти догадки съ возможной степенью вѣроятности, чрезвычайно важно узнать, какъ отнеслись къ новому плану различные классы населенія и представители этихъ классовъ—различные органы печати.

Надо замѣтить, что большая американская печать отличается грубымъ

незнаніемъ всякихъ кооперативныхъ движеній и теорій. Планъ Дебса, поэтому, съ самаго начала показался имъ какой-то весьма оригинальной идеей, особенно въ началѣ, когда планъ колонизаціи на основаніяхъ коопераціи составлялъ главное зерно новаго движенія Идея населить какой-нибудь западный штатъ, напр., Вашингтонъ или Уру, показалась всѣмъ такой фантазіей, что въ осуществленіи ея безъ всякихъ средствъ никто не вѣрилъ. Республиканская пресса (представляющая здѣсь консервативное крыло) никогда не обмолвливавшаяся добрымъ словомъ по адресу рабочихъ классовъ, отрицающая всякіе соціальные вопросы, единственной причиной безработицы считающая лѣнь рабочаго, утверждающая, что жизнь углекоповъ, напр., настоящій рай, въ то время, какъ эти углекопы устраиваютъ грандіозныя стачки, чтобы повысить ихъ «stawrâtion wages», эта пресса, конечно, только на смѣхъ поднимала планъ Дебса,, обзывая Дебса такими же именами, какими обзывала Брайта полгода тому назадъ. Больше всѣхъ изощрялъ свое остроуміе ветеранъ американской журналистики редакторъ New York Sun престарѣлый Чарльзъ Дана, когда-то въ 40-хъ годахъ самъ игравшій видную роль въ коммунистическихъ попыткахъ фурьеристовъ въ Америкѣ. Чарльзъ Дана уже давно

Сжегъ то, чему поклонялся,
Поклонился тому, что сжигалъ!

и не только надъ Дебсомъ, но и надъ самимъ собой смѣется, разсказывая про свой собственный коммунистическій опытъ. Пресса эта съ особеннымъ злорадствомъ указываетъ и на то, что и самъ Дебсъ и всѣ пять коллегъ его по комитету сидѣли въ тюрьмѣ, и, слѣдовательно, ничто иное, какъ преступники, арестанты. И такіе люди стоятъ во главѣ новаго движенія, восклицаютъ высоконравственные ея органы.

Иначе, конечно, отнеслась къ вопросу демократическая, болѣе радикальная печать, и въ особенности тѣ органы, которые радикализмъ свой почерпаютъ въ своей дешевой цѣнѣ (центъ за номеръ), дѣлающей ихъ любимыми органами рабочихъ классовъ и вообще бѣднаго люда. Напомнимъ также, что та демократическая печать, которая въ прошломъ году выступила за свободную чеканку серебра въ отношеніи 16:1 и такимъ образомъ приняла сильно популистическій характеръ, не могла не отнестись къ крупному популистическому дѣятелю Дебсу съ полнымъ уваженіемъ. Затѣмъ въ демократическую партію начали проникать сильныя симпатіи къ муниципальному и государственному соціализму. Эта пресса не могла поднять Дебса на смѣхъ; главный предводитель этой части печати New York Journal (съ циркуляціей въ полмилліона) отнеся съ большимъ интересомъ къ движенію Дебса, предоставилъ Дебсу столбцы своей газеты для различныхъ объясненій и т. д., и въ передовицахъ своихъ выражалъ свою симпатію плану Дебса, который, можетъ быть, и

дастъ средства къ существованію нѣсколькимъ тысячамъ людей и въ то-же время, вызвавъ усиленную эмиграцію изъ болѣе населенныхъ штатовъ въ менѣе населенные, вообще поправитъ положеніе дѣлъ и ускоритъ наступленіе «благоденствія» (prosperity) и при этомъ, прибавимъ мы, уменьшивъ количество безработной толпы, уменьшитъ и количество стачекъ и вообще рабочихъ безпорядковъ. Немало было пролито крокодиловыхъ слезъ объ испорченности человѣческой натуры, которая является непреодолимымъ препятствіемъ къ осуществленію такого идеальнаго строя, затѣмъ слѣдовали разсужденія на тему, что «конечно отъ извѣстнаго количества соціализма» не откажется ни одинъ американецъ, а это количество включаетъ экспропріацію желѣзныхъ дорогъ и тому подобныя мѣры.

Здѣсь ясно выразилось отношеніе мелкой буржуазіи, представителемъ которой является демократическая партія: «ей и хочется, и не можется». Съ одной стороны сочувствіе пролетаріату въ его борьбѣ противъ *крупнаго* капитала и монополіи, и въ то-же время боязнь за собственныя права и прерогативы.

Впрочемъ, это благодушествованіе буржуазной прессы продолжалось недолго. На конвенціи Дебсу былъ предложенъ вопросъ, что онъ будетъ дѣлать, если въ отвѣтъ на мирныя попытки новыхъ колонистовъ учредить въ штатѣ посредствомъ баллотировочнаго ящика кооперативную организацію, президентъ Соединенныхъ Штатовъ пошлетъ войска на ихъ штатъ, чтобы грубой силой подавить ихъ мирныя попытки. Дебсъ гордо отвѣтилъ на вопросъ: «Мы постараемся сдѣлать наше дѣло—peacefully if we can, forcibly if we must (мирно, если можно, насильно, если нужно)! Если президентъ вышлетъ армію, чтобы помѣшать нашимъ мирнымъ реформамъ, то онъ встрѣтитъ 300,000 вооруженныхъ людей на границѣ нашего штата!» Заявленіе это ужасомъ отозвалось во всей буржуазной прессѣ, которая огромными буквами заявила, что «Debs' plan cloaks anarchy»—«за планомъ Дебса скрывается анархія»,—и сразу пріостановила свои длинные отчеты о движеніи Дебса, хотя послѣдній объяснялъ, что онъ не ожидаетъ никакихъ столкновеній, и что это былъ лишь отвѣтъ на гипотетическій вопросъ.

Когда затѣмъ изъ чистой кооперативной колонизаціонной утопіи выросла новая рабочая политическая партія, которая при выборахъ будетъ отнимать голоса у всѣхъ старыхъ партій, то противъ нея было пущено самое сильное орудіе—молчаніе.

Выше я говорилъ о популистической партіи и различныхъ элементахъ, ее составлявшихъ. Болѣе радикальное крыло ея крайне симпатизируетъ новому движенію. Губернаторъ штата Вашингтона,—одного изъ тѣхъ штатовъ, которые имѣются въ виду для выбора мѣстъ колонизаціи—пригласилъ новыхъ колонистовъ открытымъ письмомъ къ себѣ въ штатъ,

указывая на естественныя богатства, и на то, что населеніе штата, находящагося въ рукахъ популистовъ, легче перейдетъ къ кооперативной организаціи.

Несомнѣнно поэтому, что изъ рядовъ старой популистической партіи Дебсъ получитъ значительныя подкрѣпленія.

Болѣе важно, однако, отношеніе рабочей прессы и рабочихъ классовъ.

Рабочая пресса въ Америкѣ весьма разнохарактерна по своему составу: тутъ есть и изданія доживающихъ свой вѣкъ упомянутыхъ выше организацій, рыцарей труда и американской федераціи труда. Организаціи эти уже давно потеряли все свое значеніе и служатъ лишь ареной для личныхъ самолюбій. Ни отъ нихъ, ни отъ ихъ органовъ нельзя ожидать сочувствія новому движенію. Такъ, напр., президентъ американской федераціи труда, извѣстный Самуилъ Голтерсъ рѣшаетъ, что все это фантазіи, и что у рабочаго есть лишь одно орудіе борьбы, это—стачки и забастовки. Консервативная рабочая печать, тащясь въ хвостѣ буржуазной прессы, отнеслась къ плану Дебса неодобрительно. Но болѣе независимая рабочая пресса относится къ Дебсу съ полнымъ сочувствіемъ. Многія газеты разныхъ рабочихъ союзовъ прямо заявили себя послѣдователями его движенія, другія болѣе осторожныя и менѣе знакомыя съ кооперативными ученіями, выражая ему свою симпатію, рѣшаютъ выжидать. Также симпатично относится къ движенію Дебса вся американская reform press—такъ называются существующіе въ Америкѣ многочисленные, хотя и небольшіе органы, безъ строго опредѣленнаго направленія, всѣ принадлежащіе къ партіи недовольныхъ, и сочувствующіе болѣе или менѣе кооперативнымъ идеаламъ. За Дебса, наконецъ, открыто высказались нѣкоторые чисто соціалъ-демократическіе органы, какъ напр., нѣмецкіе Vorwaerts и St Louis Tageblatt служившіе органами Socialist-Labor Party.

Съ нью-іоркской частью послѣдней новому движенію придется посчитаться. Вся Socialist Labor Party, въ особенности же нью-іоркская часть ея, находится подъ сильнымъ вліяніемъ редактора ея оффиціальнаго органа People, г. Даніеля Де Леона, фанатическаго послѣдователя марксизма, врага всякихъ компромиссовъ. Вліяніе его окажется, вѣроятно, достаточно сильнымъ, чтобы удержать свою партію отъ перехода къ движенію Дебса. Несомнѣнно, что здѣсь извѣстную роль играетъ личное начало: представители существующей партіи обижены тѣмъ, что Дебсъ, организуя рабочее движеніе, не высказался въ пользу уже существующей организаціи, а нашелъ нужнымъ основать новую партію, съ новымъ именемъ, новой организаціей. Однако, главная причина несогласія состоитъ не въ этомъ, а въ извѣстной «нечистотѣ» программы Дебса. Какъ ярые марксисты, члены существующей партіи не могутъ допустить, конечно, никакихъ колонизаціонныхъ попытокъ, которыя должны, по ихъ

мнѣнію окончиться неудачей. Затѣмъ, въ программѣ Дебса не видно яснаго пониманія принципа *классовой* борьбы. «Освобожденіе народа должно придти черезъ массы, а не черезъ классы» пишетъ The Social Democrat. Впрочемъ здѣсь различіе больше въ терминахъ, чѣмъ въ понятіяхъ. «Массами» американскіе радикалы называютъ низшіе слои населенія, включая и рабочій классъ и нѣкоторые другіе элементы. Антагонизма между бѣднымъ рабочимъ и не менѣе бѣдными фермерами новая партія не сознаетъ: для нея оба одинаково бѣдны, одинаково нуждаются въ помощи.

Однако, въ Нью-Іоркѣ отчасти изъ бывшихъ членовъ Socialist Labor Party, отчасти изъ людей, считающихъ себя соціалъ демократами, но стоявшихъ внѣ этой организаціи, образовалась уже вѣтвь новой партіи Дебса. «Socialist Labor Party», утверждаютъ эти отщепенцы, сыграла свою роль. Ея 25-лѣтнее существованіе съ такимъ малымъ успѣхомъ, что она никогда не получала больше 40,000 голосовъ, и то исключительно иностранцевъ (евреевъ и нѣмцевъ), доказало, что со своей чисто-нѣмецкой программой она не можетъ привиться въ Америкѣ, въ особенности если носителями этихъ идей являются иностранцы съ ломаннымъ языкомъ и отвратительнымъ англійскимъ произношеніемъ. Что же касается до колонизаціоннаго плана, то это есть заблужденіе, которое, однако, не мѣшаетъ успѣху дѣла, напротивъ можетъ служить великолѣпнымъ средствомъ пропаганды. Если же принципіальная часть программы новой соціалъ-демократіи въ нѣкоторыхъ деталяхъ неудовлетворительна, то отъ нихъ, соціалъ демократовъ прямолинейныхъ, зависитъ направить движеніе Дебса въ надлежащую колею.

Чѣмъ кончится эта борьба между сильной принципами и слабой приверженцами старой партіей, и только что зародившейся новой, надѣющейся на сотни тысячъ и даже милліоны голосовъ, зависитъ отъ того, насколько оправдаются надежды новой соціалъ-демократіи. Но во всякомъ случаѣ, эта новая соціалъ-демократія уже существуетъ.

Утопическіе планы ея объ устройствѣ колоніи и завладѣніи однимъ штатомъ, наврядъ-ли осуществятся: первый потому, что для устройства колоніи на 100,000 человѣкъ нужны будутъ десятки милліоновъ, которыхъ не имѣется у американскихъ рабочихъ. Второй планъ также имѣетъ мало шансовъ на удачу; конечно, искусственное заселеніе штата соціалистически настроенными людьми не представляетъ ничего невозможнаго; но даже при полномъ политическомъ господствѣ въ штатѣ введеніе кооперативной организаціи представляется дѣломъ прямо невозможнымъ. При современныхъ законахъ союза одинъ штатъ стоитъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ со всѣми другими и во всѣхъ западныхъ штатахъ вложено столько восточныхъ капиталовъ, что націонализація капиталовъ и вообще всѣхъ средствъ производства и попытка учредить кооперативную орга-

низацію, несомнѣнно, вызвала бы употребленіе вооруженной силы со стороны федеральнаго правительства.

Зачѣмъ, однако, понадобилась эта утопическая затѣя? Въ ней выразилась нѣкоторая недозрѣлость и утопичность соціалистическихъ идей Дебса. «Или теперь или никогда, поспѣшите съ соціальной революціей, или вы упустите удобный моментъ навсегда», это мысль всѣхъ соціалистовъ-утопистовъ, на какомъ бы то ни было полушаріи, въ какой бы то ни было странѣ. «Легче завладѣть штатомъ, чѣмъ всѣми Соединенными Штатами», говорилъ Дебсъ въ одной изъ своихъ рѣчей (The Social Democrat, Iuly 15, 1897). «Если мы будемъ дожидаться послѣдняго, родъ людской можетъ настолько испортиться, что онъ не съумѣетъ воспользоваться кооперативной организаціей, когда послѣдняя наступитъ».

Однако самъ же Дебсъ не признаетъ самодовлѣющаго значенія за колонизаціоннымъ планомъ. «Соціалъ-демократія не есть колонизаціонный планъ», пишетъ онъ въ отвѣтъ на разные запросы (The Social Democrat, тотъ же выпускъ). Это политическое движеніе. Если бы даже колонизаціонный планъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско, это не остановило бы движенія соціалъ-дермократіи». «Какъ я понимаю колонизаціонный планъ, онъ имѣетъ временную цѣль облегчить страданія кругомъ насъ, насколько возможно. Планъ этотъ не представляетъ насущной части движенія, но можетъ оказаться большой помощью для него». «Соціалъ демократія—партія, и партія политическая, подобно республиканской или демократической».

Какая же, спросятъ, однако, нужда въ новой соціалъ-демократіи, какое же значеніе можетъ имѣть ея созданіе, если уже 25 лѣтъ существуетъ Socialist Labor Party? Но я уже сказалъ, что до сихъ поръ послѣдняя состояла исключительно изъ иностранцевъ (нѣмцевъ, русскихъ, евреевъ и др.). Американцы настолько убѣждены въ своихъ исключительныхъ свойствахъ, что всѣ доводы адептовъ этой партіи отскакивали отъ нихъ, какъ отъ стѣны горохъ. Фактъ иностраннаго происхожденія оратора отгонялъ отъ него его слушателей, которые въ унисонъ говорили: все это хорошо для Германіи, но намъ это не нужно. Понятія американца о соціалъ-демократіи были самыя дикія: это, по его мнѣнію, желаніе раздѣлить поровну всѣ деньги, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Самое имя Socialist было ругательнымъ именемъ, надъ словомъ Socialism смѣялись.

Новая же соціалъ-демократія—партія чисто американская. Во главѣ ея стоитъ человѣкъ съ огромной популярностью, который сумѣетъ привлечь на свою сторону народныя массы. Въ этомъ и состоитъ, по нашему мнѣнію, смыслъ и значеніе новаго движенія.

И. Рубиновъ.

Варенька Олесова.

Разсказъ.

«Купидонъ, къ вящему земнородныхъ мученію, устрояетъ такъ, что не всегда любятъ ту особу, коею бываютъ любимы, а равно и наоборотъ».

Фенелонъ. Странствованіе Телемака, сына Улиссова, въ переводѣ Тредьяковскаго.

...Черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія привэтъ-доцентомъ въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ, Ипполитъ Сергѣевичъ Полкановъ получилъ телеграмму отъ сестры изъ ея имѣнія въ далекомъ лѣсномъ уѣздѣ, на Волгѣ.

Телеграмма кратко сообщала:

«Мужъ умеръ, ради Бога немедленно пріѣзжай помочь мнѣ. Елизавета».

Этотъ тревожный призывъ непріятно взволновалъ Ипполита Сергѣевича, нарушая его намѣренія и настроеніе. Онъ уже рѣшилъ уѣхать на лѣто въ деревню къ одному изъ товарищей и много работать тамъ, чтобы съ честью приготовиться къ лекціямъ, а теперь вотъ нужно ѣхать за тысячу слишкомъ верстъ отъ Петербурга и отъ мѣста назначенія, чтобъ утѣшать женщину, потерявшую мужа, съ которымъ, судя по ея-же письмамъ, ей жилось не сладко.

Послѣдній разъ онъ видѣлъ сестру года четыре тому назадъ, переписывался съ нею рѣдко и между ними давно уже установились тѣ чисто формальныя отношенія, которыя такъ обычны между двумя родственниками, разъединенными разстояніемъ и несходствомъ жизненныхъ интересовъ. Телеграмма вызвала у него воспоминаніе о мужѣ

сестры. Это былъ добродушный и полный человѣкъ, любившій выпить и покушать. Лицо у него было круглое, покрытое сѣтью красныхъ жилокъ, а глазки веселые и маленькіе; онъ плутовато прищуривалъ лѣвый глазъ и, сладко улыбаясь, пѣлъ на сквернѣйшемъ французскомъ языкѣ:

«Regarde par ci, regarde par là...»

И Ипполиту Сергѣевичу было какъ-то неловко вѣрить, что этотъ веселый малый умеръ, потому что люди пошлые обыкновенно долго живутъ.

Сестра относилась къ слабостямъ этого человѣка съ полупрезрительнымъ снисхожденіемъ; какъ женщина не глупая, она понимала, что въ камень стрѣлять—только стрѣлы терять. И едва-ли она сильно огорчена его смертью.

Но тѣмъ не менѣе отказать ей въ просьбѣ было бы неудобно. Работать можно и у нея не хуже, чѣмъ гдѣ нибудь...

Подумавъ еще въ этомъ направленіи, Ипполитъ Сергѣевичъ рѣшилъ ѣхать и недѣли черезъ двѣ, теплымъ іюньскимъ вечеромъ, утомленный сорокаверстнымъ путешествіемъ на лошадяхъ отъ пристани до деревни, онъ уже сидѣлъ за столомъ противъ сестры на террасѣ, выходившей въ паркъ, и пилъ вкусный чай.

У перилъ террасы пышно разрослись кусты сирени и акацій; косые лучи солнца, пробиваясь сквозь ихъ листву, дрожали въ воздухѣ тонкими золотыми лентами. Узорчатыя тѣни лежали на столѣ, тѣсно уставленномъ деревенскими яствами; воздухъ былъ полонъ запаха липы, сирени и влажной, согрѣтой солнцемъ земли. Въ паркѣ шумно щебетали птицы, иногда на террасу влетала пчела или оса и озабоченно жужжала, кружась надъ столомъ. Елизавета Сергѣевна брала въ руки салфетку и, досадливо размахивая ею въ воздухѣ, изгоняла пчелъ и осъ въ паркъ.

Ипполитъ Сергѣевичъ уже успѣлъ убѣдиться, что сестра не особенно поражена фактомъ смерти мужа, что она смотритъ на него,—брата, испытующе и, говоря съ нимъ, что-то скрываетъ отъ него. Онъ привыкъ думать о ней, какъ о женщинѣ, всецѣло поглощенной заботами о хозяйствѣ, разбитой неурядицами своей брачной жизни, и ожидалъ увидѣть ее нервной, блѣдной, утомленной. Но теперь, глядя на ея овальное лицо, покрытое здоровымъ загаромъ, спокойное, увѣренное и очень оживленное умнымъ блескомъ большихъ свѣтлыхъ глазъ, онъ чувствовалъ, что пріятно ошибся, и, слѣдя за ея рѣчами, старался подслушать и понять въ нихъ то, о чемъ она молчала.

— Я была подготовлена къ этому,—говорила она высокимъ и спокойнымъ контральто и ея голосъ красиво вибрировалъ на верхнихъ нотахъ.—Послѣ второго удара онъ почти каждый день жаловался на

колотья въ сердцѣ, перебой, безсонницу... но все таки, когда его привезли съ поля—я едва устояла на ногахъ... Говорятъ, онъ тамъ очень волновался, кричалъ... а наканунѣ онъ ѣздилъ въ гости къ Олесову—тутъ есть одинъ помѣщикъ, полковникъ въ отставкѣ, пьяница и циникъ, разбитый подагрой.. Кстати, у него есть дочь, вотъ сокровище, я тебѣ скажу!.. Ты познакомишься съ ней...

— Если нельзя избѣжать этого,—вставилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, съ улыбкой взглянувъ на сестру.

— Нельзя! Она часто бываетъ здѣсь... а теперь, конечно, будетъ еще чаще,—отвѣтила она ему улыбкой же.

— Ищетъ жениха? Я не гожусь для этой роли.

Сестра пристально посмотрѣла въ его лицо, овальное, худое, съ острой черной бородкой и высокимъ бѣлымъ лбомъ.

— Почему-же не годишься? Я, конечно, говорю вообще, безъ всякой мысли объ этой Олесовой—ты поймешь почему, когда увидишь ее... но вѣдь ты думаешь-же о женитьбѣ?..

— Пока еще нѣтъ,—кротко отвѣтилъ онъ, поднявъ отъ стакана свои глаза, свѣтло-сѣрые съ сухимъ блескомъ.

— Да,—задумчиво сказала Елизавета Сергѣевна,—въ тридцать лѣтъ дѣлать этотъ шагъ для мужчины и поздно, и рано.

Ему нравилось, что она перестала говорить о смерти мужа, но зачѣмъ-же, однако, она такъ громко и пугливо позвала его къ себѣ?

— Нужно жениться въ двадцать лѣтъ или въ сорокъ,—задумчиво говорила она,—такъ меньше риска обмануться самому и обмануть другого человѣка, а если и обманешь, то въ первомъ случаѣ платишь ему за это свѣжестью своего чувства, во второмъ же... хотя-бы внѣшнимъ положеніемъ, которое почти всегда солидно у мужчины въ сорокъ лѣтъ.

Ему казалось, что она говоритъ это больше для себя, чѣмъ для него, и онъ не перебивалъ ея, откинувшись въ кресло и глубоко вдыхая въ себя ароматный воздухъ. Въ его горлѣ еще сидѣла дорожная пыль и голова немножко побаливала.

— Такъ я говорила—наканунѣ онъ былъ у Олесова и, конечно, пилъ тамъ. Ну и вотъ...—Елизавета Сергѣевна печально тряхнула головой.—Теперь я... осталась одна... хотя я уже съ третьяго года жизни съ нимъ почувствовала себя внутренно одинокой. Но теперь такое странное положеніе! Мнѣ двадцать-восемь лѣтъ, я не жила, а состояла при мужѣ и дѣтяхъ... дѣти умерли... И я... что я теперь? Что мнѣ дѣлать и какъ жить? Я продала бы это имѣніе и поѣхала заграницу, но его братъ претендуетъ на наслѣдство, возможенъ процессъ. Я не хочу уступать своего безъ законныхъ къ тому основаній и не вижу ихъ въ претензіи его брата. Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Ты знаешь, я не юристъ,—усмѣхнулся Ипполитъ Сергѣевичъ.— Но... ты разскажи мнѣ все это... посмотримъ. Этотъ братъ... онъ писалъ тебѣ?

— Да... и довольно грубо. Онъ—жуиръ, разоренный, сильно опустившійся... мужъ не любилъ его, хотя въ нихъ много общаго. Теперь онъ ухаживаетъ за Варенькой Олесовой и я думаю, что отсюда именно возникаетъ его претензія къ имѣнію. Варенька не глупа въ смыслѣ практическомъ.

— Посмотримъ!—сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ и довольно потеръ руки. Ему было пріятно узнать, зачѣмъ онъ нуженъ сестрѣ, онъ не любилъ ничего неяснаго и неопредѣленнаго. Онъ заботился прежде всего о сохраненіи внутренняго равновѣсія и если нѣчто неясное нарушало это равновѣсіе—въ душѣ его поднималось смутное безпокойство и раздраженіе, тревожно побуждавшее его поскорѣе объяснить это непонятное, уложить его въ рамки своего міропониманія и—забыть о немъ.

— Говоря откровенно,—тихо и не глядя на брата объясняла Елизавета Сергѣевна,—меня испугала эта нелѣпая претензія. Я такъ утомлена, Ипполитъ, такъ хочу отдохнуть... а тутъ опять что то начинается.

Она тяжело вздохнула и, взявъ его стаканъ, продолжала унылымъ голосомъ, непріятно щекотавшимъ нервы ея брата.

— Восемь лѣтъ жизни съ такимъ человѣкомъ, какъ покойный мужъ, мнѣ кажется, даютъ право на отдыхъ. Другая на моемъ мѣстѣ, женщина съ менѣе развитымъ чувствомъ долга и порядочности, давно бы порвала эту тяжелую цѣпь, а я несла ее, хотя изнемогала подъ ея тяжестью. А смерть дѣтей... ахъ, Ипполитъ! если бы ты зналъ, что я переживала, теряя ихъ!

Онъ смотрѣлъ въ лицо ей съ выраженіемъ сочувствія, но ея жалобы не трогали его души. Ему не нравился ея языкъ, какой-то книжный, не свойственный человѣку глубоко чувствующему, а свѣтлые глаза ея странно бѣгали изъ стороны въ сторону, рѣдко останавливаясь на чемъ-либо. Жесты у нея были мягкіе, осторожные и отъ всей ея фигуры вѣяло не искренностью, а внутреннимъ холодомъ. И, наблюдая за ея лицомъ сквозь стекла своихъ очковъ, Ипполитъ Сергѣевичъ съ неудовольствіемъ думалъ, что для него было бы удобнѣе, если бы она сразу высказалась передъ нимъ и уже не заставляла бы его предполагать въ будущемъ возможность какой-то неожиданности.

На перила террассы сѣла какая-то веселая птичка, щебеча, попрыгала по нимъ и упорхнула. Братъ и сестра проводили ее глазами и нѣсколько секундъ помолчали.

— Бываетъ у тебя кто-нибудь? Читаешь ты? — спросилъ братъ, закуривая папиросу и думая о томъ, какъ хорошо было бы въ этотъ

славный вечеръ молчать, сидя въ покойномъ креслѣ тутъ на террассѣ, слушая шелестъ листвы, пѣсни птицъ и ожидая ночь, которая придетъ, погаситъ звуки и зажжетъ звѣзды.

— Бываетъ Варенька, потомъ изрѣдка заѣзжаетъ Баранцева... помнишь ее? Людмила Власьевна, она тоже плохо живетъ со своимъ супругомъ... но она умѣетъ не обижать себя. У мужа много бывало мужчинъ, но интересныхъ—ни одного! Положительно, не съ кѣмъ словомъ перекинуться... хозяйство, охота, земскія дрязги, сплетни—вотъ и все, о чемъ они говорятъ... Впрочемъ, одинъ есть... кандидатъ на судебныя должности Бенковскій... молодой и очень образованный. Ты помнишь Бенковскихъ? Подожди! Кажется, ѣдетъ.

— Кто ѣдетъ... этотъ Бенковскій?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Его вопросъ почему-то разсмѣшилъ сестру; смѣясь, она встала со стула и сказала какимъ-то новымъ голосомъ:

— Варенька!

— А!

— Посмотримъ, что ты о ней скажешь... Здѣсь она всѣхъ побѣдила. Но какой же это уродъ съ духовной стороны! А впрочемъ — вотъ самъ увидишь!

— Не хотѣлъ бы,—равнодушно заявилъ онъ, потягиваясь въ своемъ креслѣ.

— Я сейчасъ вернусь, — сказала Елизавета Сергѣевна, уходя изъ комнаты.

— А она безъ тебя явится,—обезпокоился онъ. — Не уходи, пожалуйста, лучше я уйду!

— Да я сейчасъ же!—крикнула ему сестра изъ комнатъ.

Онъ поморщился и остался въ своемъ креслѣ, глядя въ паркъ. Откуда-то доносился быстрый топотъ лошади и шорохъ колесъ о землю.

Передъ глазами Ипполита Сергѣевича стояли ряды старыхъ корявыхъ липъ, кленовъ и дубовъ, окутанные сумракомъ вечера. Ихъ узловатыя вѣтви переплетались другъ съ другомъ, образовавъ вверху густой навѣсъ пахучей зелени и всѣ они, дряхлые отъ времени, съ потрескавшейся корой, съ обломанными сучьями, казались живой и дружной семьей существъ, тѣсно сплоченныхъ стремленіемъ вверхъ, къ свѣту. Но кора ихъ стволовъ была сплошь покрыта желтымъ налетомъ плѣсени, у корней густо разросся молодятникъ и отъ этого на старыхъ мощныхъ деревьяхъ было много засохшихъ вѣтвей, висѣвшихъ въ воздухѣ безжизненными скелетами.

Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ на нихъ и чувствовалъ желаніе уснуть тутъ въ креслѣ, подъ дыханіемъ стараго парка.

Между стволовъ и вѣтвей просвѣчивали багровыя пятна горизонта и на его яркомъ фонѣ деревья казались еще болѣе мрачными, истощен-

ными. По аллеѣ, уходившей отъ террассы въ сумрачную даль, медленно двигались густыя тѣни и съ каждой минутой росла тишина, навѣвая какія-то смутныя фантазіи. Воображеніе Ипполита Сергѣевича, поддаваясь чарамъ вечера, рисовало изъ тѣней силуэтъ одной женщины и его самого рядомъ съ ней. Они молча шли вдоль по аллеѣ туда, въ даль, она прижалась къ нему и онъ чувствовалъ теплоту ея тѣла.

— Здравствуйте!—раздался густой грудной голосъ.

Онъ вскочилъ на ноги и оглянулся немного смущенный.

Предъ нимъ стояла дѣвушка средняго роста въ сѣромъ платьѣ, на головѣ у нея было накинуто что-то бѣлое и воздушное, какъ фата невѣсты—это все, что онъ замѣтилъ въ первое мгновенье.

Она протягивала ему руку, спрашивая:

— Ипполитъ Сергѣевичъ, да? Олесова... я уже знала, что вы пріѣдете сегодня, и явилась посмотрѣть, какой вы. Никогда не видала ученыхъ и... не знала, что они могутъ быть такіе.

Его руку крѣпко пожимала сильная и горячая маленькая ручка, а онъ, немного растерявшись подъ этимъ неожиданнымъ натискомъ, молча кланялся ей, сердился на себя за свое смущеніе и думалъ, что когда онъ взглянетъ ей въ лицо, то на немъ увидитъ откровенное и грубое кокетство.

Но, взглянувъ, онъ увидалъ большіе темные глаза, разсматривавшіе его съ такимъ простодушнымъ любопытствомъ, что его можно было бы признать глупымъ, если бы этому не мѣшало общее выраженіе красиваго лица дѣвушки. Ипполитъ Сергѣевичъ вспомнилъ, что такое же лицо, гордое здоровой красотой, онъ видѣлъ на одной старой итальянской картинѣ. Такой же маленькій ротъ съ пышными губками, такой же лобъ выпуклый и высокій и огромные наивные глаза подъ нимъ.

— Позвольте... я скажу, чтобъ дали огня... пожалуйста, садитесь,— попросилъ онъ ее.

— Да вы не безпокойтесь, я вѣдь здѣсь какъ дома...—сказала она, садясь въ его кресло.

Онъ всталъ у стола противъ нея и смотрѣлъ на нее, чувствуя, что это неловко и что ему нужно говорить. Но она, ни мало не смущаясь подъ его пристальнымъ взглядомъ, говорила сама. Она спрашивала его, какъ онъ доѣхалъ, нравится-ли ему деревня, долго-ли онъ тутъ проживетъ; — онъ односложно отвѣчалъ ей и въ головѣ его мелькали какія-то отрывочныя мысли. Онъ былъ точно оглушенъ ударомъ и умъ его, всегда ясный, теперь смутился предъ силой внезапно и хаотически взволнованныхъ чувствъ. Восхищеніе предъ ней боролось въ немъ съ раздраженіемъ на себя и любопытство—съ чѣмъ-то близкимъ къ боязни. А эта цвѣтущая здоровьемъ дѣвушка сидѣла противъ него, откинувшись на спинку кресла, плотно обтянутая матеріей своего ко-

стюма, позволявшаго видѣть пышныя формы ея плечъ, груди и торса,— и звучнымъ голосомъ, полнымъ властныхъ нотъ, говорила ему какіе-то пустяки, обычные при первой встрѣчѣ незнакомыхъ людей. Ея темно-каштановые волосы красиво вились, а глаза и брови были темнѣе волосъ. На ея смуглой щекѣ около розоваго и прозрачнаго уха трепетала кожа, обнаруживая быстрое движеніе крови въ ея жилахъ, на подбородкѣ являлась ямка всякій разъ, когда улыбка открывала ея бѣлые мелкіе зубы, и отъ каждой складки ея платья вѣяло раздражающимъ соблазномъ. Было нѣчто хищное въ изгибѣ ея носа и въ мелкихъ зубахъ, блестѣвшихъ изъ-за сочныхъ губъ, а ея поза, полная непринужденной прелести, напоминала о граціи сытыхъ и избалованныхъ кошекъ.

Ипполиту Сергѣевичу казалось, что онъ раздвоился; одна половина его существа поглощена этой чувственной красотой и рабски созерцаетъ ее,—другая механически отмѣчаетъ состояніе первой и чувствуетъ, что утратила власть надъ ней. Онъ отвѣчалъ на вопросы этой дѣвушки и самъ о чемъ-то спрашивалъ ее, не въ состояніи оторвать глазъ отъ ея соблазнительной фигуры. Онъ уже назвалъ ее про себя роскошной самкой и внутренно усмѣхнулся надъ собой, но это не уничтожило его раздвоенія.

Такъ продолжалось до той поры, пока на террассѣ не явилась его сестра съ возгласомъ:

— Скажите, какая ловкая! Я ее ищу тамъ, а она уже...

— Я обошла паркомъ...

— Познакомились?

— О, да! Я думала, что Ипполитъ Сергѣевичъ, по крайней мѣрѣ, лысый...

— Налить тебѣ чаю?

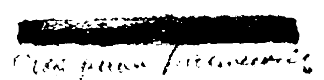
— Пожалуй, налей.

Ипполитъ Сергѣевичъ отошелъ въ сторону отъ нихъ и всталъ у лѣстницы, спускавшейся въ паркъ. Онъ провелъ рукой по лицу и потомъ пальцами по глазамъ, точно стиралъ пыль съ лица и глазъ. Ему стало стыдно передъ собой за то, что онъ поддался взрыву чувства, а этотъ стыдъ скоро уступилъ мѣсто раздраженію противъ дѣвушки. Онъ назвалъ про себя сцену съ ней казацкой аттакой на жениха и ему захотѣлось заявить ей о себѣ, какъ о человѣкѣ, вполнѣ равнодушномъ къ ея вызывающей красотѣ.

— Я ночую у тебя и завтра пробуду весь день...—говорила она его сестрѣ.

— А какъ-же Василій Степановичъ?—удивленно спросила сестра.

— У насъ гоститъ тетя Лучицкая, она съ нимъ и повозится... Ты знаешь, папа очень любитъ ее...



— Извините меня,—сухо сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ,—я очень утомленъ и пойду отдохну...

Онъ поклонился и пошелъ, а вслѣдъ ему раздалось одобрительное восклицаніе Вареньки:

— Вамъ давно слѣдовало это сдѣлать!

Въ тонѣ ея восклицанія онъ услыхалъ только добродушіе, но опредѣлилъ его какъ заискивающее, фальшивое.

Для него была приготовлена комната, служившая кабинетомъ мужу сестры. Среди нея стоялъ тяжелый и неуклюжій письменный столъ, предъ нимъ дубовое кресло, у одной изъ стѣнъ, почти во всю длину ея, развалился широкій и обтрепанный турецкій диванъ, у другой—фисгармонія и два шкафа съ книгами. Нѣсколько большихъ мягкихъ стульевъ, курительный столикъ у дивана и шахматный у окна дополняли меблировку комнаты. Потолокъ комнаты былъ низокъ и закопченъ, со стѣнъ смотрѣли темныя пятна какихъ-то картинъ и гравюръ въ грубыхъ золоченыхъ рамахъ—все было тяжело, старо и издавало непріятный запахъ. На столѣ стояла большая лампа подъ голубымъ колпакомъ и свѣтъ отъ нея падалъ на полъ.

Ипполитъ Сергѣевичъ остановился на границѣ этого свѣтлаго круга и, испытывая непріятное чувство смутной тревоги, смотрѣлъ на окна комнаты. Ихъ было два и за ними въ сумракѣ вечера рисовались темные силуэты деревьевъ. Онъ подошелъ и растворилъ оба окна. Тогда комната наполнилась запахомъ цвѣтущей липы и вмѣстѣ съ нимъ влетѣлъ веселый взрывъ здороваго, грудного смѣха.

На диванѣ ему приготовлена была постель, она занимала немного больше половины дивана. Онъ посмотрѣлъ на нее и сталъ развязывать галстухъ, но потомъ рѣзкимъ движеніемъ толкнулъ кресло къ окну и сѣлъ въ него, нахмурившись.

Ощущеніе этой непонятной тревоги смущало его умъ и раздражало его. Чувство недовольства собой рѣдко являлось въ немъ, но, и являясь, никогда не охватывало его сильно и надолго—онъ умѣлъ быстро справляться съ нимъ. Онъ былъ увѣренъ, что человѣкъ долженъ и можетъ знать себя, можетъ понимать свои эмоціи и развивать или уничтожать ихъ, и когда при немъ говорили о таинственной сложности психической жизни человѣка, онъ, иронически усмѣхаясь, называлъ такія сужденія метафизикой. Тѣмъ хуже было для него теперь чувствовать себя вступившимъ въ кругъ какихъ-то непонятныхъ волненій.

Онъ спрашивалъ себя: неужели встрѣча съ этой здоровой и красивой дѣвушкой,—должно быть, очень чувственной и глупой,—неужели эта встрѣча могла такъ странно повліять на него? И, тщательно про-

смотрѣвъ порядокъ впечатлѣній этого дня, онъ долженъ былъ отвѣтить себѣ утвердительно. Да, это такъ, потому что она застала врасплохъ его умъ, потому что онъ сильно утомленъ путешествіемъ и находился въ непривычномъ ему настроеніи мечтательности въ моментъ ея появленія предъ нимъ.

Его нѣсколько успокоило это размышленіе и тотчасъ же она явилась предъ его глазами въ своей пышной дѣвственной красотѣ. Онъ созерцалъ ее, закрывъ глаза и нервозно вдыхая дымъ своей папиросы, но, созерцая, критиковалъ.

Въ сущности она, — думалъ онъ,—вульгарна, слишкомъ много крови и мускуловъ въ ея здоровомъ стройномъ тѣлѣ и мало нервовъ. Ея наивное лицо неинтеллигентно, а гордость, сверкающая въ открытомъ взглядѣ ея глубокихъ темныхъ глазъ, — это гордость женщины, убѣжденной въ своей красотѣ и избалованной поклоненіемъ мужчинъ. Сестра говорила, что она, эта Варенька, всѣхъ побѣждаетъ... Конечно, она попытается побѣдить и его, настолько-то она навѣрное имѣетъ ума. Но онъ пріѣхалъ сюда работать, а не шалить, и она скоро пойметъ это.

— А не много-ли я думаю о ней для первой встрѣчи?—мелькнуло у него въ головѣ.

Дискъ луны, огромный и кроваво-красный, поднимался гдѣ-то далеко за деревьями парка; онъ смотрѣлъ изъ тьмы, какъ глазъ чудовища, рожденнаго ею. Неясные звуки носились въ воздухѣ, долетая со стороны деревни. Подъ окномъ въ травѣ порой раздавался шорохъ: должно быть, кротъ или ежъ шли на охоту. Гдѣ-то пѣлъ соловей. И луна такъ медленно поднималась на небо, точно роковая необходимость ея движенія была понятна ей и утомляла ее.

Выбросивъ за окно угасшую папиросу, Ипполитъ Сергѣевичъ всталъ, раздѣлся и погасилъ лампу. Тогда въ комнату изъ сада хлынула тьма, деревья подвинулись къ окнамъ, точно желая заглянуть въ нихъ, на полъ легли двѣ полосы луннаго свѣта, еще слабаго и мутнаго.

Пружины дивана пискливо скрипнули подъ тѣломъ Ипполита Сергѣевича и, охваченный пріятной свѣжестью полотнянаго бѣлья, онъ вытянулся и замеръ, лежа на спинѣ. Скоро онъ уже дремалъ и слышалъ подъ окномъ у себя чьи-то осторожные шаги и густой шопотъ:

— Ма-арья... Ты тутъ? а?

Улыбаясь, онъ заснулъ.

И утромъ, проснувшись въ яркомъ сіяніи солнца, наполнявшемъ комнату, онъ тоже улыбнулся при воспоминаніи о вчерашнемъ вечерѣ и о дѣвушкѣ. Къ чаю онъ явился тщательно одѣтый, сухой и серьезный, какъ и подобало ученому; но, когда онъ увидалъ, что за столомъ сидитъ одна сестра, у него невольно вырвалось:

— А гдѣ же...

Лукавая улыбка сестры остановила его раньше, чѣмъ онъ окончилъ свой вопросъ и онъ, замолчавъ, сѣлъ къ столу. Елизавета Сергѣевна подробно осмотрѣла его костюмъ, не переставая улыбаться и не обращая вниманія на его невольно сдвинутыя брови. Его злила эта многозначительная улыбка.

— Она давно уже встала, мы съ ней ходили купаться, а теперь она навѣрное въ паркѣ... и должна скоро явиться,—объяснила Елизавета Сергѣевна.

— Какъ ты подробно,—усмѣхнулся онъ.—Пожалуйста, вели сейчасъ же послѣ чая распаковать мои вещи.

— И вынуть ихъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не надо. Я самъ, а то все перепутаютъ... Тамъ я привезъ тебѣ конфекты и книги.

— Спасибо! Это мило... А вотъ и Варенька!

Она явилась въ дверяхъ въ легкомъ бѣломъ платьѣ, пышными складками падавшемъ съ ея плечъ къ ногамъ. Костюмъ ея былъ похожъ на дѣтскую блузу и сама она въ немъ смотрѣла ребенкомъ. Остановившись на секунду въ дверяхъ, она спросила:

— А развѣ вы ждали меня?—и безшумно, какъ облако, подошла къ столу.

Ипполитъ Сергѣевичъ молча поклонился ей и, пожимая ея руку, обнаженную до локтя, ощутилъ нѣжный ароматъ фіалокъ, исходившій отъ нея.

— Вотъ надушилась!—воскликнула Елизавета Сергѣевна.

— Развѣ больше, чѣмъ всегда? Вы любите духи, Ипполитъ Сергѣевичъ? Я—ужасно! Когда есть фіалки, я каждое утро послѣ купанья рву ихъ и растираю въ рукахъ, это я научилась еще въ прогимназіи... А вамъ нравятся фіалки?

Онъ пилъ чай и не смотрѣлъ на нее, но чувствовалъ ея глаза на своемъ лицѣ.

— Я, правда, никогда не думалъ надъ тѣмъ, нравятся онѣ мнѣ или нѣтъ,—пожавъ плечами, сухо сказалъ онъ, но взглянувъ на нее, невольно улыбнулся.

Оттѣненное снѣжно-бѣлой матеріей ея платья, лицо у нея горѣло пышнымъ румянцемъ и глубокіе глаза сверкали ясной радостью. Здоровьемъ, свѣжестью, безсознательнымъ счастьемъ вѣяло отъ нея. Она была хороша, какъ ясный майскій день на сѣверѣ.

— Не думали? — воскликнула она... — Но какъ-же, — вѣдь вы ботаникъ.

— А не цвѣтоводъ,—кратко пояснилъ онъ и, недовольно подумавъ, что, пожалуй, это грубо, отвелъ глаза свои въ сторону отъ ея лица.

— А ботаника и цвѣтоводство не одно и то-же?—спросила она, помолчавъ.

Его сестра, не стѣсняясь, засмѣялась. А онъ вдругъ почувствовалъ, что этотъ смѣхъ почему-то коробитъ его, и съ сожалѣніемъ воскликнулъ про себя:

— Да она глупа!

Но потомъ, поясняя ей разницу между ботаникой и цвѣтоводствомъ, онъ смягчилъ свой приговоръ, рѣшивъ, что она только невѣжда. Слушая его толковую и серьезную рѣчь, она смотрѣла на него глазами внимательной ученицы и это нравилось ему. Говоря, онъ часто переводилъ глаза съ ея лица на лицо сестры и во взглядѣ ея, неподвижно стоявшемъ на лицѣ Вареньки, видѣлъ жадную зависть. Это мѣшало ему говорить, вызывая у него чувство, родственное презрѣнію къ сестрѣ.

— Да-а,—протянула дѣвушка,—вотъ какъ это! А что, ботаника интересная наука?

— Гм! Видите-ли, на науки нужно смотрѣть съ точки зрѣнія той пользы, которую онѣ приносятъ людямъ,—объяснилъ онъ со вздохомъ. Ея неразвитость при ея красотѣ все усиливала въ немъ сожалѣніе къ ней. А она, задумчиво стуча ложкой по краю своей чашки, спрашивала его:

— Какая же можетъ быть польза отъ того, что вы узнаете, какъ ростетъ репей?

— Та же, которую мы извлекаемъ, изучая явленія жизни въ какомъ-нибудь одномъ человѣкѣ.

— Человѣкъ и репей...—улыбнулась она.—Развѣ одинъ человѣкъ живетъ, какъ всѣ?

Ему было странно, что этотъ неинтересный разговоръ не утомляетъ его.

— Ну, гдѣ-же?—серьезно сдвигая брови, продолжала она.—Развѣ я ѣмъ и пью такъ-же, какъ мужики? И развѣ многіе живутъ такъ, какъ я?

— Какъ вы живете?—спросилъ онъ, предчувствуя, что этотъ вопросъ измѣнитъ тему разговора. Ему хотѣлось этого, потому что къ зависти во взглядѣ сестры на Вареньку теперь прибавилось еще что-то злое и насмѣшливое.

— Какъ я живу?—вдругъ вспыхнула дѣвушка.—Хорошо!—и она даже закрыла глаза отъ удовольствія.—Знаете, я просыпаюсь утромъ и, если день ясный, мнѣ становится сразу-же ужасно весело! Точно мнѣ подарили что-то дорогое и красивое, такое, что я давно хотѣла имѣть... Бѣгу купаться—у насъ рѣка на ключахъ—вода холодная, такъ и щиплетъ тѣло! Есть очень глубокія мѣста и я туда прямо съ берега внизъ головой—бухъ! Такъ всю и обожжетъ... летишь въ воду, какъ въ пропасть, и въ головѣ шумитъ... что-то такое... немножко пугающее...

Вынырнешь, точно разобьешь темницу изъ стекла,—а солнце смотритъ на тебя и смѣется! Потомъ иду лѣсомъ домой, наберу цвѣтовъ, надышусь лѣснымъ воздухомъ до пьяна; приду—чай готовъ! Пью чай, а предо мной стоятъ цвѣты... и солнце на меня смотритъ... Ахъ, если-бы вы знали, какъ я люблю солнце! Потомъ наступаетъ день и начинаются хлопоты по хозяйству... у насъ всѣ меня любятъ, сразу понимаютъ, слушаются и все кружится колесомъ вплоть до вечера... потомъ солнце заходитъ, луна, звѣзды являются... до чего это все хорошо и какъ ново всегда! Вы понимаете? Я не умѣю понятно сказать... почему такъ хорошо жить... Но, можетъ быть, вы чувствуете это и сами, да? Вѣдь, вамъ понятно, почему жизнь такая хорошая, интересная?

— Да... конечно!—подтвердилъ онъ, готовый своей рукой стереть съ лица сестры ея ехидную улыбку.

Онъ смотрѣлъ на Вареньку и не мѣшалъ себѣ любоваться ею, трепещущей отъ желанія передать ему силу наполняющаго ея существо ликованія, но этотъ ея восторгъ повышалъ его жалость къ ней до степени ощущенія болѣзненно-остраго. Онъ видѣлъ предъ собой существо, упоенное прелестью растительной жизни, полное грубой поэзіи, ошеломляюще красивое, но необлагороженное умомъ.

— А зима? Любите вы зиму? Она вся бѣлая, здоровая, такая вызывающая на борьбу съ ней...

Рѣзкій звонокъ перебилъ ея рѣчь. Звонила Елизавета Сергѣевна и, когда въ комнату влетѣла высокая дѣвушка съ круглымъ добрымъ лицомъ и плутоватыми глазами, она сказала ей утомленнымъ голосомъ:

— Убирайте посуду, Маша.

Потомъ озабоченно начала ходить по комнатѣ, громко шаркая ногами.

Все это нѣсколько отрезвило увлеченную дѣвушку; она повела плечами, какъ бы стряхивая съ нихъ что-то и, немножко смущенная, спросила Ипполита Сергѣевича:

— Я надоѣла вамъ своими росказнями?

— Ну, что это вы!—протестовалъ онъ.

— Нѣтъ, серьезно,—я показалась вамъ глупой?—добивалась она.

— Но почему-же?!—воскликнулъ Ипполитъ Сергѣевичъ и удивился, что это у него вышло такъ горячо и искренно.

— Я дикая... т. е. необразованная...—извинялась она.—Но я очень рада говорить съ вами... потому что вы ученый и такой... не такой, какимъ я васъ себѣ представляла.

— А вы какъ представляли себѣ меня?—освѣдомился онъ, улыбаясь.

— Я думала, вы все будете говорить разныя мудрости... отчего, да какъ, да это не такъ, а вотъ этакъ, и всѣ глупы, а я одинъ умница... У папы гостилъ товарищъ, тоже полковникъ, какъ и папа, и

тоже ученый, какъ вы. Но онъ военный ученый... какъ это?.. генеральнаго штаба... и онъ былъ ужасно надутый... по моему, онъ даже ничего и не зналъ, а просто хвастался...

— Вы и меня такимъ же представляли?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Она сконфузилась, покраснѣла и, вскочивъ со стула, смѣшно забѣгала по комнатѣ, растерянно говоря:

— Ахъ, какъ вы... ну, развѣ я могла...

— Ну, вотъ что, милыя мои дѣти...—глядя на нихъ прищуренными глазами, заявила Елизавета Сергѣевна,—я пойду кое-чѣмъ заняться по хозяйству, а васъ ужъ... оставляю на волю Божію!

И, засмѣявшись, она исчезла, шумя юбками. Ипполитъ Сергѣевичъ укоризненно посмотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ, что нужно будетъ поговорить съ ней о ея манерѣ держаться по отношенію къ этой, въ сущности очень милой, только неразвитой дѣвушкѣ.

— Знаете что—хотите кататься въ лодкѣ? Доѣдемъ до лѣса, тамъ пойдемъ гулять и къ обѣду вернемся. Идетъ? Я ужасно рада, что сегодня такой ясный день и я не дома... А то у папы опять разыгралась подагра и мнѣ пришлось бы возиться съ нимъ. А папа капризный, когда боленъ...

Онъ, пораженный ея откровеннымъ эгоизмомъ, не сразу отвѣтилъ ей согласіемъ, а когда отвѣтилъ, то вспомнилъ то намѣреніе, которое возникло у него вчера, съ которымъ онъ вышелъ сегодня по утру изъ своей комнаты. Но пока, вѣдь, она не даетъ основаній для того, чтобъ заподозрить ее въ желаніи побѣдить его сердце. Въ ея рѣчахъ можно видѣть все, кромѣ кокетства. И, наконецъ, почему-же не провести одинъ день съ такой несомнѣнно оригинальной дѣвушкой?

— А вы умѣете грести? Плохо... это ничего, я буду сама, я сильная. А лодка легкая такая. Идемте!

Они вышли на террассу и спустились въ паркъ. Рядомъ съ его длинной и худой фигурой она казалась ниже ростомъ и полнѣе. Онъ предложилъ было ей руку, но она отказалась.

— Зачѣмъ? Это хорошо, когда устанешь, а такъ только мѣшаетъ идти...

Онъ улыбался, глядя на нее черезъ свои очки, и шелъ, соразмѣряя свои шаги съ ея шагами, что ему очень нравилось. У нея походка была легкая и плавная,—ея бѣлое платье плыло вокругъ ея стана, не колыхаясь ни одной складкой. Въ одной рукѣ она держала зонтъ, другой свободно и красиво жестикулировала, разсказывая ему о красотѣ окрестностей деревни, и эта рука, по локоть обнаженная, сильная и смуглая, покрытая золотистымъ пухомъ, двигаясь въ воздухѣ, водила за собой его глаза, слѣдившіе за ней серьезно и съ вниманіемъ. И опять

у него въ темной глубинѣ души трепетала непонятная, смутная тревога предъ чѣмъ-то. Онъ старался уничтожить ее, спрашивая себя—что побуждаетъ его идти за ней? и отвѣчалъ себѣ:—любопытство, спокойное желаніе созерцать ея красоту.

— Вотъ и рѣка! Идите и садитесь въ лодку, а я сейчасъ достану весла...

И она исчезла среди деревьевъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ попросить ее указать ему, гдѣ можно найти весла.

Въ неподвижной, холодной водѣ рѣки отражались деревья внизъ вершинами — онъ сѣлъ въ лодку и смотрѣлъ на нихъ. Эти призраки были пышнѣе и красивѣе живыхъ деревьевъ, стоявшихъ на берегу, осѣняя воду своими изогнутыми и корявыми вѣтвями; отраженіе облагораживало ихъ, стушевывая уродливое и создавая въ водѣ яркую и гармоничную фантазію на мотивъ убогой, изуродованной временемъ дѣйствительности.

Любуясь этой призрачной картиной, окруженный тишиной и блескомъ еще не жаркаго солнца, вдыхая вмѣстѣ съ воздухомъ пѣсни жаворонковъ, полныя счастья жить, Ипполитъ Сергѣевичъ ощущалъ въ себѣ возникновеніе новаго для него и пріятнаго чувства покоя, ласкавшаго умъ, усыпляя его постоянное и мятежное стремленіе понимать и объяснять. Тихій миръ царилъ вокругъ, листъ не трепеталъ на деревѣ— и въ этомъ мірѣ неустанно совершалось безмолвное творчество природы, беззвучно созидалась жизнь, всегда поражаемая смертью, но непобѣдимая, и тихо работала смерть, все поражая, но не одерживая побѣды. А безконечно голубое небо сіяло торжественной красотой.

На фонѣ фантастической картины въ водѣ рѣки явилась бѣлая красавица съ ласковой улыбкой на лицѣ. Она стояла тамъ съ веслами въ рукахъ, молчаливая и прекрасная, точно приглашая идти къ ней, и казалась отраженной съ неба.

Ипполитъ Сергѣевичъ зналъ, что это вышла изъ парка Варенька и что она смотритъ на него, но ему не хотѣлось разрушать свое очарованіе ни звукомъ, ни движеніемъ. Пусть все это продолжится, потому что оно прекрасно.

— Скажите, какой вы мечтатель!—раздалось въ воздухѣ удивленное восклицаніе.

Тогда онъ, съ сожалѣніемъ отвернувшись отъ воды, взглянулъ на дѣвушку, живую и плавно спускавшуюся къ берегу по крутой дорожкѣ изъ парка.

И его сожалѣніе исчезло при взглядѣ на нее, ибо эта дѣвушка и въ дѣйствительности была чарующе-хороша.

— Вотъ ужь нельзя подумать, что вы любите мечтать! У васъ лицо такое строгое, серьезное... Вы будете править — хорошо? Мы по-

ѣдемъ вверхъ по теченію... тамъ красивѣе... и вообще противъ теченія интереснѣе ѣхать, потому что гребешь, двигаешься, чувствуешь себя...

Оттолкнутая отъ берега лодка лѣниво закачалась на сонной водѣ, но сильный ударъ веселъ сразу поставилъ ее вдоль берега, и переваливши съ борта на бортъ подъ вторымъ ударомъ, она легко скользнула впередъ.

— Мы поѣдемъ подъ горнымъ берегомъ, потому что тутъ тѣнь...— говорила дѣвушка, разбивая воду ловкими ударами.—Только здѣсь слабое теченіе... а вотъ на Днѣпрѣ—у тети Лучицкой тамъ имѣніе—тамъ, я вамъ скажу, ужасъ! Такъ и рветъ весла изъ рукъ... Вы не видали пороги на Днѣпрѣ?..

— Только пороги дверей... — попытался съострить Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Я ѣздила черезъ нихъ, — смѣясь, говорила она. — Хорошо Однажды чуть не разбила лодку, непремѣнно утонула бы тогда...

— Ну, это ужъ было бы не хорошо,—серьезно сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ. !

— А что-же? Я нисколько не боюсь смерти... хотя и люблю жить. Можетъ быть и тамъ тоже интересно, какъ на землѣ...

— А можетъ быть тамъ ничего нѣтъ...—съ любопытствомъ взглянувъ на нее, сказалъ онъ.

— Ну, какъ-же нѣтъ!—убѣжденно воскликнула она.—Конечно, есть!

Онъ рѣшилъ не мѣшать ей — пускай философствуетъ, въ удобный моментъ онъ остановитъ ее и заставитъ ее развернуть предъ нимъ весь бѣдный мірокъ ея представленій. Она сидѣла противъ него, упираясь маленькими ножками въ перекладину, прибитую ко дну лодки, и съ каждымъ ударомъ веселъ отклоняла свой корпусъ назадъ. Тогда подъ легкой матеріей ея платья рельефно обрисовывалась дѣвичья грудь, высокая, упругая, вздрагивавшая отъ движеній.

— Она не носитъ корсета,—подумалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, опуская глаза внизъ. Но тамъ они остановились на ея ножкахъ. Упираясь въ дно лодки, онѣ напрягались и тогда были видны ихъ контуры до колѣнъ.

— Что она—нарочно что-ли надѣла это дурацкое платье? — съ раздраженіемъ подумалъ онъ и отвернулся, разсматривая высокій берегъ.

Паркъ миновали и теперь плыли подъ крутымъ обрывомъ, съ него свѣшивались кудрявые стебли гороха, плети тыквъ съ ихъ бархатными листьями, большіе желтые круги подсолнуховъ, стоя на краю обрыва, смотрѣли въ воду. Другой берегъ, низкій и ровный, тянулся куда-то въ даль, къ зеленымъ холмамъ лѣса и былъ густо покрытъ травой сочной, ярко-зеленой; изъ нея ласково смотрѣли на лодку милые, какъ дѣтскіе глазки, голубые и синіе цвѣты. А впереди стояла угрюмая темно-зеленая стѣна лѣса и рѣка вонзалась въ нее, какъ кусокъ холодной стали.

— Вамъ не жарко?—спросила Варенька.

Онъ взглянулъ на нее и почувствовалъ себя сконфуженнымъ;—на лбу у нея подъ короной вьющихся волосъ блестѣли капельки пота, а грудь поднималась такъ часто и высоко.

— Простите, пожалуйста! — съ раскаяніемъ воскликнулъ онъ.—Я засмотрѣлся... вы утомились... дайте-же мнѣ весла!

— Вотъ ужъ не дамъ! Вы думаете, я устала? Это даже обидно мнѣ! Мы и двухъ верстъ не проѣхали... Нѣтъ, ужъ вы сидите... сейчасъ пристанемъ и пойдемъ гулять.

По лицу ея было видно, что съ ней безполезно спорить, и онъ, досадливо пожавъ плечами, замолчалъ, съ неудовольствіемъ думая про себя:

— Очевидно, она меня считаетъ слабымъ.

— Видите,—вотъ это къ намъ дорога,—указала она ему на берегъ кивкомъ головы.—Здѣсь бродъ черезъ рѣку и до насъ отсюда четырнадцать верстъ. У насъ тоже хорошо—красивѣе, чѣмъ въ вашей Полкановкѣ.

— Вы и зиму живете въ деревнѣ?—спросилъ онъ.

— А какъ-же? Вѣдь я веду все хозяйство, папа не встаетъ съ кресла... Его возятъ по комнатамъ.

— Но, должно быть, скучно вамъ жить такъ?

— Почему же? У меня ужасно много дѣла... а помощникъ одинъ—Никонъ, деньщикъ папы. Онъ уже старикъ и тоже пьетъ, но страшный силачъ и знаетъ свое дѣло. Мужики его боятся... онъ бьетъ ихъ и они тоже разъ какъ-то сильно побили его... очень сильно! Онъ замѣчательно честенъ и преданъ намъ съ папой... любитъ насъ, какъ собака! Я тоже его люблю. Вы, можетъ быть, читали одинъ романъ, гдѣ есть герой, арабскій офицеръ, графъ Луи Граммонъ и у него тоже деньщикъ Сади-Коко?

— Не читалъ,—скромно сознался молодой ученый.

— Прочитайте, непремѣнно, это хорошій романъ,—увѣренно посовѣтовала она ему.—Я Никона, когда онъ угодитъ мнѣ, называю Сади-Коко. Сначала онъ сердился на меня за это, но я однажды прочитала ему этотъ романъ и теперь онъ знаетъ, что для него лестно быть похожимъ на Сади-Коко.

Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ на нее такъ, какъ европеецъ смотритъ на тонко выполненную, но фантастически уродливую статуэтку китайца—со смѣсью удивленія, сожалѣнія и любопытства. А она съ жаромъ разсказывала ему о подвигахъ Сади-Коко, полныхъ беззавѣтной преданности къ графу Луи Граммону.

— Простите, Варвара Васильевна,—перебилъ онъ ея рѣчь,—а романы русскихъ авторовъ вы читали?

— О, да! Но я не люблю ихъ, скучные они, прескучные! И пишутъ все такое, что я сама знаю не хуже ихъ. Они не умѣютъ выдумывать ничего интереснаго и у нихъ почти все правда.

— А развѣ вы не любите правды?—ласково спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Ахъ, да нѣтъ-же! Я всѣмъ говорю правду въ глаза и...

Она замолчала, подумала и спросила:

— А что-же тутъ любить? Это моя привычка, какъ-же ее любить?

Онъ ничего не успѣлъ сказать ей на это, потому что она быстро и громко командовала ему:

— Правьте налѣво... скорѣе! Вонъ къ этому дубу... Ай, какой вы неловкій!

Лодка не слушалась его руки и шла къ берегу бортомъ, хотя онъ съ напряженіемъ ворочалъ воду своимъ весломъ.

— Ничего, ничего, не трогайте, такъ!—говорила она и, вдругъ поднявшись на ноги, прыгнула черезъ бортъ.

Ипполитъ Сергѣевичъ глухо вскрикнулъ, бросивъ весло и простирая за ней руки, но она невредимо стояла на берегу, держа цѣпь лодки въ рукахъ и виновато спрашивая его:

— Я испугала васъ?

— Я думалъ, что вы упадете въ воду,—тихо сказалъ онъ.

— Да развѣ можно тутъ упасть? И къ тому-же тутъ не глубоко,—оправдывалась она, опустивъ глаза и подводя лодку къ берегу. А онъ, сидя на кормѣ, думалъ, что это нужно-бы сдѣлать ему.

— Видите, какой лѣсъ?—говорила она, когда онъ вышелъ на берегъ и всталъ рядомъ съ ней.—Хорошо вѣдь? Тамъ около Петербурга нѣтъ такихъ красивыхъ лѣсовъ?

Передъ ними лежала узкая дорога, огражденная съ обѣихъ сторонъ стволами разнородныхъ деревьевъ. Подъ ногами у нихъ простирались узловатые корни, избитые колесами телѣгъ, а надъ ними густой шатеръ изъ вѣтвей и гдѣ-то высоко голубые клочья неба. Лучи солнца, тонкіе, какъ струны, трепетали въ воздухѣ, пересѣкая наискось этотъ узкій, зеленый корридоръ. Запахъ перегнившихъ листьевъ, грибовъ и березы окружалъ ихъ. Мелькали птицы, нарушая важную тишину лѣса оживленными пѣснями и хлопотливымъ щебетаньемъ. Гдѣ-то стучалъ дятелъ, жужжала пчела и, какъ будто указывая имъ дорогу, въ воздухѣ, впереди ихъ, порхали два мотылька, преслѣдуя одинъ другого.

Они шли медленно. Ипполитъ Сергѣевичъ молчалъ, не мѣшая Варенькѣ искать слова для выраженія ея мыслей, а она горячо говорила ему, съузивъ глаза, пылавшіе негодованіемъ:

— Я не люблю читать о мужикахъ; что можетъ быть интереснаго въ ихъ жизни? Я знаю ихъ, живу съ ними и вижу, что о нихъ пи-

шутъ невѣрно, неправду. Они такими жалкими описываются, а они просто подлые и ихъ совсѣмъ не за что жалѣть. Они только одного и хотятъ—надуть васъ, украсть у васъ что нибудь. Клянчатъ всегда, ноютъ, гадкіе, грязные... какъ они мучаютъ меня иногда, если бъ вы знали! Противные до того, что я такъ-бы всѣхъ ихъ и прогнала куда нибудь...

Теперь она горячилась и на лицѣ ея выразилось гадливое отвращеніе. Очевидно, мужики занимали въ ея жизни много мѣста; она доходила до ненависти, рисуя ихъ. Ипполитъ Сергѣевичъ былъ изумленъ силой ея волненія, но не желая слушать эти барскія выходоки, перебилъ дѣвушку:

— Вы говорили о французскихъ писателяхъ...

— Ахъ, да! То-есть о русскихъ,—поправила она его, успокоиваясь.—Вы спрашиваете—почему русскіе пишутъ хуже,—это ясно! потому что они не выдумываютъ ничего интереснаго. У французовъ герои настоящіе, они и говорятъ не такъ, какъ всѣ люди, и поступаютъ иначе. Они всегда храбрые, влюбленные, веселые... а у насъ герои—простые человѣчки, безъ смѣлости, безъ пылкихъ чувствъ, какіе-то некрасивые, жалкенькіе—самые настоящіе люди и больше ничего! Почему они герои? Никогда въ русской книжкѣ не поймешь этого. Русскій герой какой-то глупый и мѣшковатый; всегда ему тошно, всегда онъ думаетъ о чемъ-то непонятномъ и всѣхъ жалѣетъ, а самъ-то жалкій прежалкій! Подумаетъ, поговоритъ, пойдетъ объясняться въ любви, потомъ опять думаетъ, пока не женится... а женится—наговоритъ женѣ кислыхъ глупостей и броситъ ее... Что въ этомъ интереснаго? Меня даже злитъ это, потому что похоже на обманъ—вмѣсто героя всегда какое-то чучело торчитъ въ романѣ! И никогда, читая русскую книжку, не забудешь о настоящей жизни—развѣ это хорошо? А читаешь сочиненіе француза—дрожишь за героевъ, жалѣешь ихъ, ненавидишь, хочешь драться, когда они дерутся, плачешь, когда погибаютъ... страстно ждешь когда кончится романъ, а когда прочтешь его—чуть не плачешь съ досады, что уже все. Тутъ живешь, а въ русскихъ книжкахъ совсѣмъ непонятно, зачѣмъ живутъ люди? Зачѣмъ писать книжки, если не можешь сказать того, что поднимаетъ надъ обыкновенной жизнью? Странно, право!

— На это многое можно возразить вамъ, Варвара Васильевна,—остановилъ онъ бурный потокъ ея рѣчей.

— Что-же, возражайте!—разрѣшила она съ улыбкой.—Вы, конечно, разнесете меня.

— Постараюсь. Прежде всего, какихъ вы русскихъ авторовъ читали?

— Разныхъ... впрочемъ, всѣ они одинаковые. Вотъ, напримѣръ, Тургенева читала... онъ, пожалуй, хорошо пишетъ о любви, но пе-

чально у него все. Читала Лѣскова, но ничего не помню... Маркова... забыла. Толстого... у него есть длинный-длинный романъ Анна... какъ ее? Ну, все равно, потому что скучно. Есть другой—«Война и миръ», это хорошо только тамъ, гдѣ описаны битвы и смерть. Достоевскій— противный и совершенно непонятный. Сальясъ подражаетъ французамъ, но плохо. Впрочемъ, и у него русскіе герои, а развѣ о нихъ можно писать интересно? Боборыкина пробовала читать—это просто срамъ что такое! даже и двухъ страницъ не прочла. Еще многихъ читала—Мордовцева, Маркевича, Печерскаго, Пазухина, кажется—вы смотрите, даже по одной фамиліи уже видно, что онъ не можетъ хорошо писать! Вы его не читали? А читали-ли вы Фортюнэ-де-Буагабля? Понсонъ-де-Терайля? Арсена Гуссэ? Пьера Законнэ? Дюма, Габоріо, Борна? Какъ хорошо, Боже мой! Подождите... знаете что? мнѣ въ романахъ больше всего нравятся злодѣи, тѣ, которые такъ ловко плетутъ разныя ехидныя сѣти, убиваютъ, отравляютъ... умные они, сильные и когда, наконецъ, ихъ ловятъ—меня зло беретъ, даже до слезъ дохожу. Всѣ ненавидятъ злодѣя, всѣ идутъ противъ него—онъ одинъ противъ всѣхъ! Вотъ—герой! А тѣ, другіе, добродѣтельные, становятся гадки, когда они побѣждаютъ... И вообще, знаете, мнѣ люди до той поры нравятся, пока они сильно хотятъ чего-нибудь, куда-нибудь идутъ, ищутъ чего-то, мучаются... но, если они дошли до цѣли своей и остановились, тутъ они уже не интересны и даже пошлы!

Возбужденная и, должно быть, гордая тѣмъ, что сказала ему, она медленно шла рядомъ съ нимъ, красиво поднявъ голову и сверкая глазами.

Онъ смотрѣлъ ей въ лицо, скашивая свои глаза и нервозно покручивая бородку, искалъ такихъ возраженій, которыя сразу сорвали-бы съ ея ума эту грубую пелену пыли, покрывавшую его. Но, чувствуя себя обязаннымъ возразить ей, онъ хотѣлъ еще слушать ея наивную и своеобразную болтовню, еще видѣть ее увлеченной своими сужденіями и искренно раскрывающей предъ нимъ свою душу. Онъ никогда не слыхалъ такихъ рѣчей, онѣ были уродливы и невозможны въ его глазахъ, но въ то-же время все, что говорила она, какъ нельзя болѣе гармонировало съ ея немного хищной красотой. Предъ нимъ былъ умъ не отшлифованный культурой, оскорблявшій его своею грубостью, и женщина соблазнительно прекрасная, раздражавшая его чувственность. Эти двѣ силы давили на него всей энергіей своей непосредственности и нужно было что-нибудь противопоставить имъ, иначе онѣ могли-бы выбить его изъ привычной ему колеи тѣхъ взглядовъ и настроеній, съ которыми онъ спокойно жилъ до встрѣчи съ ней. У него была ясная логика и онъ хорошо спорилъ съ людьми равнаго интеллекта. Но какъ говорить съ ней и что нужно сказать ей для того, чтобъ вызвать умъ

ея на правильный путь и облагородить ея душу, изуродованную глупыми романами и обществомъ мужиковъ, этого солдата, пьяницы отца!

— Ухъ, какъ я заговорилась!—воскликнула она, вздыхая.—Надоѣла вамъ, да?

— Нѣтъ, но...

— Я, видите-ли, рада очень вамъ. Мнѣ до васъ не съ кѣмъ было поговорить. Ваша сестра, я знаю, не любитъ меня и все сердится на меня... должно быть, за мужиковъ, за то что я даю водки отцу и за то что побила Никона...

— Вы?! Побили! Э... какъ это вы?—изумился Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Очень просто, отхлестала его папашиной нагайкой, вотъ и все! Понимаете, молотьба, страшная горячка, а онъ, скотъ, пьянъ! Я разсердилась! Развѣ онъ смѣетъ напиваться, когда кипитъ работа и вездѣ нуженъ его глазъ? Эти мужики, они...

— Но, послушайте-же, Варвара Васильевна,—убѣдительно и какъ только могъ мягче заговорилъ онъ.—Развѣ это хорошо, бить слугу? Благородно-ли это? подумайте! Развѣ тѣ герои, предъ которыми вы преклоняетесь, бьютъ своихъ преданныхъ... Сади-Коко?

— О, еще какъ! Графъ Луи однажды такую пощечину влѣпилъ Коко, что мнѣ даже жалко стало бѣднаго солдатика. И что же я могу дѣлать съ ними, какъ не бить? Хорошо еще что могу... я вѣдь сильная! Пощупайте, какіе у меня мускулы!

Согнувъ свою руку въ локтѣ, она гордо протянула ее къ нему. Онъ положилъ ладонь на ея тѣло выше локтя и крѣпко сжалъ пальцы, но тотчасъ же опомнился и смущенный, съ краской на лицѣ, оглянулся вокругъ. Всюду безмолвно стояли деревья и только.

Онъ вообще не былъ скроменъ съ женщинами, но эта своей простотой и довѣрчивостью дѣлала его такимъ, хотя и разжигала въ немъ опасное для нея чувство.

— У васъ завидное здоровье,—сказалъ онъ, пристально и задумчиво разсматривая маленькую загорѣлую кисть ея руки, перебиравшей складки платья на груди.—И я думаю, что у васъ очень хорошее сердце,—неожиданно для себя вырвалось у него.

— Не знаю!—отозвалась она, качнувъ головой.—Едва-ли, у меня нѣтъ характера: иногда я жалѣю людей, даже тѣхъ, которыхъ не люблю.

— Иногда только?—усмѣхнулся онъ.—Но вѣдь они всегда достойны сожалѣнія и состраданія.

— За что?—спросила она, тоже улыбаясь.

— Развѣ вы не видите, какъ они несчастны? Хотя-бы эти ваши мужики. Какъ тяжело имъ живется и сколько несправедливости, горя, мученій въ ихъ жизни?

Это вырвалось у него горячо и она внимательно взглянула въ лицо ему, говоря:

— Вы, должно быть, очень добрый, если такъ говорите. Но вѣдь вы не знаете мужиковъ, не жили въ деревнѣ. Они несчастны—это вѣрно, но кто-же въ этомъ виноватъ? Они вѣдь хитрые и никто имъ не мѣшаетъ сдѣлаться счастливыми.

— Но вѣдь у нихъ даже хлѣба нѣтъ на столько, чтобъ быть сытыми!

— Еще-бы! Ихъ вонъ какъ много...

— Да, ихъ много! Но и земли много... ибо есть люди, которые имѣютъ десятки тысячъ десятинъ. У васъ, напримѣръ, сколько?

— Пятьсотъ-семьдесятъ-три... Ну, такъ что-же? Неужели... ну, слушайте! Неужели имъ отдать?

Она смотрѣла на него взглядомъ взрослаго на ребенка и тихо смѣялась. Его смущалъ и злилъ этотъ смѣхъ. Въ немъ разгоралось желаніе убѣдить ее въ заблужденіяхъ ея ума.

И раздѣльно, даже рѣзко произнося слова, онъ началъ говорить ей, стараясь быть понятнымъ во всемъ, что сложилось въ его умѣ въ простую и строгую систему пониманія жизни, утвержденную на принципѣ общей пользы. Онъ говорилъ о несправедливомъ распредѣленіи богатствъ, о безправіи большинства людей, о роковой борьбѣ за мѣсто въ жизни и за кусокъ хлѣба, о силѣ богатыхъ и безсиліи бѣдныхъ и объ умѣ,—руководителѣ жизни, подавленнымъ вѣковой неправдой и тьмой предразсудковъ, выгодныхъ сильному меньшинству людей, все порабощающихъ.

Идя рядомъ съ нимъ, она молча, съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣла на него. Быть можетъ ее удивляло то, что его рѣчь льется такъ гладко и легко, и что онъ можетъ, не переставая, такъ долго говорить.

Вокругъ нихъ царила сумрачная тишина лѣса, тишина, по которой звуки какъ-бы скользятъ, не нарушая ея меланхоличной гармоніи. Листья осинъ нервно трепетали, точно дерево нетерпѣливо ожидало чего-то страстно желаемаго.

— Обязанность каждаго честнаго человѣка—убѣдительно говорилъ Ипполитъ Сергѣевичъ,—внести въ борьбу за порабощенныхъ, за ихъ право жить, весь свой умъ и все сердце, стараясь или сокращать мученія борьбы, или ускорять ея ходъ. Вотъ на что нуженъ истинный героизмъ и именно въ этой борьбѣ вы должны искать его. Внѣ ея— нѣтъ героизма. Герои этой борьбы одни достойны удивленія и подражанія и вамъ, Варвара Васильевна, нужно именно сюда обратить ваше вниманіе, здѣсь искать героевъ, сюда отдать ваши силы... изъ васъ, мнѣ кажется, вышла-бы замѣчательно стойкая защитница правды! Но

прежде всего вамъ нужно много читать, учиться понимать жизнь въ ея неприкрашенномъ фантазіями видѣ... нужно бросить всѣ эти глупые романы въ печку...

Онъ замолчалъ, и, вытирая потъ со лба, утомленный своей длинной лекціей,—ждалъ что она скажетъ.

Она смотрѣла въ даль предъ собой, съузивъ свои глаза, и по лицу ея бѣгали какія-то тѣни. Минутъ пять молчанія разрѣшились ея тихимъ возгласомъ:

— Какъ вы хорошо говорите!.. Неужели въ университетѣ всѣ могутъ такъ говорить?

Молодой ученый безнадежно вздохнулъ и ожиданіе ея отвѣта смѣнилось у него глухимъ раздраженіемъ противъ нея и жалостью къ самому себѣ. Почему она не воспринимаетъ того, что такъ логически ясно для всякаго хоть немного мыслящаго существа? Чего именно не хватаетъ въ его рѣчахъ, почему ея чувство не задѣваютъ онѣ?

— Очень хорошо говорите вы!—вздохнула она, не дожидаясь его отвѣта и въ глазахъ ея онъ читалъ истинное удовольствіе.

— Но вѣрно-ли я говорю?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ!—не задумываясь, отвѣтила дѣвушка, ясно улыбаясь.— Вы хотя и ученый, но я съ вами поспорю. Вы говорите такъ, что выходитъ... какъ будто люди строятъ домъ и всѣ они въ этой работѣ равны. И даже не они, а все:—и кирпичи, и плотники, и деревья, и хозяинъ дома—все это у васъ равно одно другому. Но развѣ это можно? Мужикъ—онъ долженъ работать, вы должны учить, а губернаторъ смотрѣть—всѣ-ли дѣлаютъ то, что нужно. А потомъ, вы говорите, я обязана помогать другимъ жить—почему-же я обязана? Если всѣ равны, то всѣ обязаны помогать другъ другу. Но почему-же непремѣнно—обязанность? Я хочу и буду, а не захочу — развѣ можно меня заставить быть доброй? Это ужъ какъ родится человѣкъ—одинъ добрымъ, другой злымъ... И потомъ вы сказали, что жизнь есть борьба.... ну, гдѣ-же это? Напротивъ, люди очень мирно живутъ. А если ужъ жизнь всегда борьба, такъ значитъ всегда въ ней побѣжденные. Вы говорите—это несправедливо... но они сами знаютъ—справедливо или нѣтъ и привыкли жить такъ, какъ живутъ, значитъ не нужно учить ихъ понимать справедливость и говорить имъ, что они равны со всѣми другими людьми... Вотъ и все! Вѣдь вамъ хорошо жить? И мнѣ тоже хорошо... пусть и всѣ другіе сами устраиваютъ свою жизнь такъ, чтобъ имъ было хорошо. А общая польза—этого я совсѣмъ не понимаю. Т. е. я понимаю, что вотъ солнце всѣмъ полезно и нужно... А вы говорите, что общая польза въ равенствѣ всѣхъ людей. Но это-же не вѣрно! Мой папа полковникъ—какъ-же онъ равенъ Никону или мужику? И вы—вы ученый, но развѣ вы ровня нашему учителю

русскаго языка, который пилъ водку... рыжій, глупый и сморкался громко, какъ мѣдная труба? Ага?

Считая свои доводы неотразимыми, она ликовала, а онъ любовался ея радостнымъ волненіемъ и былъ доволенъ собой за то, что далъ ей эту радость.

Но умъ его старался разрѣшить — почему нетронутая анализомъ, цѣльная мысль, разбуженная имъ, работала въ направленіи прямо противоположномъ тому, на которое онъ ее толкалъ?

— Вы нравитесь мнѣ, а другой не нравится... гдѣ-же равенство?

— Я вамъ нравлюсь?—какъ-то вдругъ и не желая этого, спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Да... очень!—утвердительно кивнула она головой и тотчасъ-же спросила:

— А что?

Онъ испугался за себя предъ бездной наивности, смотрѣвшей на него яснымъ взглядомъ.

— Неужели-же это ея манера кокетничать?—подумалъ онъ.—Она кажется достаточно начиталась романовъ для того, чтобы понимать себя какъ женщину.

Онъ былъ почти не знакомъ съ бульварной литературой и не зналъ, что изъ нея невозможно выучиться понимать что-либо и что развратъ рисуетъ не она, а литература высшаго типа.

— Почему вы спрашиваете объ этомъ?—допытывалась она, глядя въ его лицо любопытными глазами.

Его разжигалъ этотъ взглядъ, пріятно щекоча ему нервы.

— Почему?—пожалъ онъ плечами.—Это, я думаю, естественно. Вы женщина... я мужчина...—какъ могъ спокойно объяснилъ онъ.

— Ну, такъ что-же? Все-таки не зачѣмъ вамъ это знать. Вѣдь вы не собираетесь жениться на мнѣ!

Она такъ просто выпалила это, что онъ даже и не смутился. Ему только показалось, что нѣкая сила, съ которой, пожалуй, безполезно бороться въ виду ея слѣпой стихійности, перемѣщаетъ его мозгъ съ одного направленія на другое. И онъ съ оттѣнкомъ игривости сказалъ ей:

— Кто знаетъ?.. И потомъ, желаніе нравиться и желаніе жениться или выйти замужъ—не одно и тоже... какъ вы, навѣрное, знаете.

Она вдругъ громко расхохоталась, а онъ сразу охладѣлъ подъ ея смѣхомъ и безмолвно проклялъ и себя и ее. Ея грудь трепетала отъ сочнаго искренняго смѣха, весело сотрясавшаго воздухъ, а онъ молчалъ, виновато ожидая отповѣди за свою игривость.

— Охъ! ну какая... какая-же я... была-бы жена вамъ! Вотъ смѣшно... какъ страусъ и пчела! Ха, ха, ха!

И онъ засмѣялся, не надъ ея курьезнымъ сравненіемъ, а надъ своимъ непониманіемъ тѣхъ пружинъ, которыя управляли движеніемъ ея души.

— Милая вы дѣвушка!—искренно вырвалось у него.

— Дайте-ка мнѣ руку... вы очень медленно идете, я потащу васъ! Намъ пора назадъ... очень пора! Мы уже часа четыре гуляемъ... и Елизавета-Сергѣевна будетъ нами недовольна, потому что къ обѣду мы опоздали...

Они пошли назадъ. Ипполитъ Сергѣевичъ сознавалъ себя обязаннымъ возвратиться къ выясненію ея заблужденій, не позволявшихъ ему чувствовать себя рядомъ съ ней такъ свободно, какъ хотѣлось-бы. Но прежде этого нужно было подавить въ себѣ то неясное безпокойство, которое глухо бродило въ немъ, стѣсняя его намѣреніе спокойно слушать и рѣшительно опровергать ея доводы. Ему было бы такъ легко срѣзать уродливый наростъ съ ея мозга холодной логикой своего ума, еслибъ не мѣшало это странное обезсиливающее ощущеніе, не имѣющее имени. Что это? Оно похоже на нежеланіе вводить въ душевный міръ этой дѣвушки понятія, чуждыя ей, но такое уклоненіе отъ своей обязанности было бы постыдно для человѣка, стойкаго въ своихъ принципахъ. А онъ считалъ себя такимъ и былъ глубоко увѣренъ въ силѣ ума и въ главенствѣ его надъ чувствомъ въ развитой личности.

— Сегодня вторникъ?—говорила она.—Ну, конечно! Значитъ черезъ три дня пріѣдетъ черненькій господинчикъ.

— Кто и куда пріѣдетъ, сказали вы?

— Черненькій господинчикъ, Бенковскій, пріѣдетъ къ вамъ въ субботу.

— Зачѣмъ же?

Она разсмѣялась, пытливо глядя на него.

— Развѣ вы не знаете? Онъ—чиновникъ.

— А! Да, сестра говорила мнѣ.

— Говорила? — оживилась Варенька. — Ну и что же... скажите, скоро они обвѣнчаются?

— Т. е. это какъ? Почему же они должны обвѣнчаться?—растерянно спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Почему? — изумилась Варенька, сильно краснѣя. — Да я не знаю. Такъ принято! Но, Господи! Развѣ же вы этого не знали?

— Ничего я не знаю!—рѣшительно произнесъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— А я вамъ сказала!—съ отчаяніемъ воскликнула она. — Какъ это хорошо! Пожалуйста, миленькій Ипполитъ Сергѣевичъ, пусть вы и теперь не знаете этого... будто бы я не говорила ничего!

— Очень хорошо! Но, позвольте; вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ ничего не знаю. Я понялъ одно—сестра выходитъ замужъ за господина Бенковскаго... да?

— Ну, да! Т. е. если она сама вамъ этого не говорила... то можетъ быть этого и не будетъ. Вы не скажете ей про это?

— Не скажу, конечно!—пообѣщалъ онъ.—Я ѣхалъ сюда на похороны, а попалъ, кажется, на свадьбу? Это пріятно!

— Пожалуйста, ни слова о свадьбѣ!—умоляла она его.—Вы ничего не знаете.

— Совершенно вѣрно! Но что такое г. Бенковскій? Можно спросить?

— О немъ можно. Онъ—черненькій, сладенькій и тихонькій. У него есть глазки, усики, губки, ручки и скрипочка. Онъ любитъ нѣжныя пѣсенки и вареньице. Мнѣ всегда хочется потрепать его по мордочкѣ.

— Однако, вы его не любите!—воскликнулъ Ипполитъ Сергѣевичъ, ощущая жалость къ г. Бенковскому при такой унизительной характеристикѣ его наружности.

— И онъ меня не любитъ! Я... я терпѣть не могу мужчинъ маленькихъ, сладкихъ, скромныхъ. Мужчина долженъ быть высокъ, силенъ; онъ говоритъ громко, глаза у него большіе, огненные, а чувства смѣлыя, не знающія никакихъ препятствій. Пожелалъ и сдѣлалъ, — вотъ мужчина!

— Кажется, такихъ больше нѣтъ,—сухо усмѣхаясь, сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, чувствуя, что ея идеалъ мужчины противенъ ему и раздражаетъ его.

— Должны быть!—увѣренно воскликнула она.

— Да вѣдь вы же, Варвара Васильевна, какого-то звѣря изобразили! Что привлекательнаго въ такомъ чудищѣ?

— И совсѣмъ не звѣря, а сильнаго мужчину! Сила—вотъ и привлекательное. Теперешніе мужчины и родятся съ ревматизмомъ, съ кашлемъ, съ разными болѣзнями—это хорошо? Интересно мнѣ, напримѣръ, имѣть мужемъ какого-нибудь сударя съ прыщами на лицѣ, какъ земскій начальникъ Коковичъ? Или красивенькаго господинчика, какъ Бенковскій? Или сутулую и худую дылду, какъ судебный приставъ Мухинъ? Или Гришу Чернонебова, купеческаго сына, большого, жирнаго, съ лысиной и краснымъ носомъ? Онъ хвастаетъ, что его лысина блестѣла и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Римѣ и вездѣ, а носъ былъ въ разныхъ университетахъ—что мнѣ до этого?

Она была груба въ своемъ негодованіи и ему было непріятно видѣть въ ней это.

— Надо что-нибудь дѣлать, если не хочешь жить скучно... а они—что они могутъ? Никуда они не годятся и я... я била бы мужа, еслибы вышла замужъ за котораго-нибудь изъ этихъ.

Ипполитъ Сергѣевичъ остановилъ ее, доказывая, что ея сужденіе о мужчинѣ вообще не правильно, потому что она слишкомъ мало ви-

дѣла людей. И названные ею люди не должны быть разсматриваемы только съ внѣшней стороны — это несправедливо. У человѣка можетъ быть скверный носъ, но хорошая душа, прыщи на лицѣ, но свѣтлый умъ. Ему скучно и трудно было говорить эти азбучныя истины; до встрѣчи съ ней онъ такъ рѣдко вспоминалъ о ихъ существованіи, что теперь всѣ онѣ и самому ему казались затхлыми и изношенными. И онъ чувствовалъ, что все это не идетъ къ ней и не будетъ воспринято ею, ея красота не допускала такой морали къ ней въ душу.

— Вотъ и рѣка!—воскликнула она съ радостью.

А Ипполитъ Сергѣевичъ подумалъ:

«Она радуется тому, что я замолчалъ».

И снова они поплыли по рѣкѣ, сидя другъ противъ друга. Варенька завладѣла веслами и гребла торопливо, сильно; вода подъ лодкой невольно журчала, маленькія волны бѣжали къ берегамъ. Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ, какъ навстрѣчу лодкѣ двигаются берега, и чувствовалъ себя утомленнымъ всѣмъ, что онъ говорилъ и слышалъ за время этой прогулки.

— Смотрите, какъ быстро идетъ лодка!—сказала ему Варенька.

— Да, — кратко отвѣтилъ онъ, не обращая на нее глазъ. Все равно—и не видя ея онъ представлялъ себѣ, какъ соблазнительно изгибается ея корпусъ и колышется грудь.

Показался паркъ. И скоро они шли по его аллеѣ, а навстрѣчу имъ, многозначительно улыбаясь, двигалась стройная фигура Елизаветы Сергѣевны. Она держала въ рукахъ какія-то бумаги и говорила.

— Однако, вы загулялись!

— Долго? За то у меня такой аппетитъ, что я—у! съѣмъ васъ!

И Варенька, обнявъ талію Елизаветы Сергѣевны, легко завертѣла ее вокругъ себя, смѣясь надъ ея криками.

Обѣдъ былъ невкусный и скучный, потому что Варенька была увлечена процессомъ насыщенія и молчала, а Елизавета Сергѣевна сердила брата, то и дѣло ловившаго на своемъ лицѣ ея пытливые взгляды. Вскорѣ послѣ обѣда Варенька уѣхала домой, а Ипполитъ Сергѣевичъ пошелъ въ свою комнату, легъ тамъ на диванъ и задумался, подводя итогъ впечатлѣніямъ дня. Онъ вспоминалъ мельчайшія подробности прогулки и чувствовалъ, какъ изъ нихъ образуется мутный осадокъ, разъѣдавшій привычное ему устойчивое равновѣсіе чувства и ума. Онъ даже и физически ощущалъ новизну своего настроенія въ формѣ странной тяжести, сжимавшей ему сердце—точно кровь его сгустилась за это время и обращалась въ немъ медленнѣе чѣмъ всегда. Это походило на утомленіе, располагало къ мечтательности и было какъ бы предисловіемъ къ какому-то еще не образовавшемуся желанію. И это было непріятно

только потому, что оставалось безымяннымъ ощущеніемъ, несмотря на усилія Ипполита Сергѣевича дать ему имя.

— Нужно подождать съ анализомъ до поры, пока броженіе уляжется...—рѣшилъ онъ.

Но явилось чувство остраго недовольства собой и онъ одновременно упрекнулъ себя въ утратѣ силы управлять своими эмоціями и въ томъ, что онъ велъ себя сегодня недостойно для серьезнаго человѣка. Наединѣ самъ съ собой онъ всегда былъ стоекъ и строгъ къ себѣ болѣе, чѣмъ при людяхъ. И вотъ онъ сосредоточенно началъ разсматривать себя.

Безспорно, что эта дѣвушка ошеломляюще красива, но увидать ее и сразу-же войти въ темный кругъ какихъ-то смутныхъ ощущеній—это уже слишкомъ много для нея и постыдно для него, ибо это распущенность, недостатокъ выдержки. Она сильно волнуетъ чувственность—это такъ, но съ этимъ нужно бороться.

— Нужно-ли?—вдругъ вспыхнулъ въ его головѣ краткій, уколовшій его вопросъ.

Онъ поморщился, относясь къ этому вопросу такъ, какъ будто онъ былъ поставленъ кѣмъ-то внѣ его.

Во всякомъ случаѣ то, что творится съ нимъ и въ немъ, не есть начало увлеченія женщиной, скорѣе это протестъ ума, оскорбленнаго столкновеніемъ, изъ котораго онъ не вышелъ побѣдителемъ, хотя его противникъ и былъ по-дѣтски слабъ. Нужно было говорить съ этой дѣвушкой образами, ибо очевидно, что она не понимаетъ логическаго довода. Его обязанность—уничтожить ея дикія понятія, разрушить всѣ эти грубыя и глупыя фантазіи, впитанныя ея мозгомъ. Нужно обнажить ея умъ отъ всѣхъ этихъ заблужденій, опустошить ея душу и тогда она будетъ способна воспринять и вмѣстить въ себя истину.

— А зачѣмъ?—снова вспыхнулъ въ немъ посторонній вопросъ.— Этого требуютъ интересы разума и самолюбіе мужчины. Какова она будетъ тогда, когда восприметъ въ себя нѣчто новое и противоположное тому, что въ ней есть? И ему казалось, что, когда ея душа, очищенная имъ отъ хлама засоряющаго ее, проникнется стройнымъ ученіемъ, чуждымъ всего неяснаго, омрачающаго,—эта дѣвушка будетъ вдвойнѣ прекрасна.

Когда его позвали пить чай, онъ уже твердо рѣшилъ перестроить ея міръ, вмѣняя это себѣ въ прямую обязанность. Теперь онъ встрѣтитъ ее холодно и спокойно, и придастъ своему отношенію къ ней характеръ строгой критики всего, что она скажетъ.

— Ну, что, какъ тебѣ нравится Варенька?—спросила его сестра, когда онъ вышелъ на террассу.

— Очень милая дѣвушка,—сказалъ онъ, поднявъ брови.

— Да? Вотъ какъ... Я думала, что тебя поразитъ ея неразвитость.

— Пожалуй, я немного удивленъ этой стороной въ ней,—согласился онъ.—Но, откровенно говоря, она во многомъ лучше дѣвушекъ развитыхъ и рисующихся этимъ.

— Да, она красива... И выгодная невѣста... пятьсотъ десятинъ прекрасной земли, около сотни—строевой лѣсъ. Да еще наслѣдуетъ послѣ тетки солидное имѣніе. И оба не заложены.

Онъ видѣлъ, что сестра намѣренно не поняла его, но не хотѣлъ объяснять себѣ, зачѣмъ это ей нужно.

— Съ этой стороны я не смотрю на нее,—сказалъ онъ.

— Такъ посмотри... я серьезно совѣтую.

— Благодарю.

— Ты немного не въ духѣ, кажется?

— Напротивъ. А что?

— Такъ. Хочу знать это, какъ заботливая сестра.

Она мило и немножко заискивающе улыбнулась. Эта улыбка напомнила ему о господинѣ Бенковскомъ и онъ тоже улыбнулся ей.

— Ты что смѣешься?—спросила она.

— А ты?

— Мнѣ весело.

— Мнѣ тоже весело, хотя я и не схоронилъ жены двѣ недѣли тому назадъ,—сказалъ онъ, смѣясь.

А она сдѣлала серьезное лицо и, вздохнувъ, заговорила.

— Можетъ быть, ты въ душѣ осуждаешь меня за недостатокъ чувства къ покойному, думаешь, что я эгоистична. Но, Ипполитъ, ты знаешь что такое мой мужъ, я писала тебѣ какъ мнѣ жилось. И я часто думала—Боже мой! Неужели я создана затѣмъ только, чтобъ услаждать грубыя вожделѣнія Николая Степановича Варыпаева, когда онъ напивается пьянъ настолько, что уже не можетъ различить жену отъ простой деревенской бабы или уличной женщины?

— Но неужели?..—съ недовѣріемъ воскликнулъ Ипполитъ Сергѣевичъ, вспоминая ея письма, въ которыхъ она много говорила о безхарактерности мужа, о его страсти къ вину, о лѣни, о всѣхъ порокахъ, кромѣ разврата. Онъ помнилъ, что, несмотря на откровенность ея писемъ, въ нихъ она ни слова не говорила, чтобъ мужъ измѣнялъ ей.

— Ты сомнѣваешься?—съ укоромъ спросила она и вздохнула.—А, между тѣмъ, это фактъ; онъ часто бывалъ въ такомъ состояніи... я не утверждаю, что онъ измѣнялъ мнѣ, но допускаю это. Развѣ онъ могъ сознавать—я предъ нимъ, или другая, если онъ окна принималъ за двери? Да, и такъ я жила годы.

Она долго и скучно говорила ему о своей печальной жизни, а онъ слушалъ и ждалъ, когда она скажетъ ему то, что хочетъ сказать. И

невольно ему думалось, что Варенька едва-ли когда-нибудь будетъ жаловаться на свою жизнь, какъ-бы она ни сложилась у нея.

— Мнѣ кажется, что судьба должна вознаградить меня за эти годы униженія... Можетъ быть, оно близко — это вознагражденіе.

Елизавета Сергѣевна замолчала и, вопросительно взглянувъ на брата, немножко покраснѣла.

— Что ты хочешь сказать?—спросилъ онъ, ласково наклоняясь къ ней.

— Видишь-ли... я быть можетъ снова... выйду замужъ!

— И прекрасно сдѣлаешь! Поздравляю... Но почему ты такъ смущаешься?

— Право не знаю!

— Кто-же онъ?

— Я кажется говорила тебѣ о немъ... Бенковскій... будущій прокуроръ... а пока поэтъ и томный мечтатель... Можетъ быть, ты встрѣчалъ его стихи? Онъ печатается...

— Стиховъ не читаю. Хорошій человѣкъ? Впрочемъ, конечно, хорошій.

— Я настолько умна, что не скажу утвердительно—да, но, кажется, могу не самообольщаясь сказать, что онъ способенъ будетъ вознаградить меня за прошлое... Онъ любитъ меня... У меня сложилась маленькая философія... можетъ быть она покажется тебѣ нѣсколько жесткой.

— Философствуй безбоязненно, это теперь въ модѣ...—шутилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Мужчины и женщины—два племени, вѣчно враждующія... Довѣріе, дружба и прочія чувства этого порядка едва-ли возможны между мной и мужчиной. Но возможна любовь... а любовь—это побѣда того, кто любитъ меньше, надъ тѣмъ, кто любитъ больше... Я была однажды побѣждена и поплатилась за это... теперь я побѣдила и воспользуюсь плодами побѣды...

— А это довольно свирѣпая философія...—прервалъ ее Ипполитъ Сергѣевичъ, съ удовольствіемъ чувствуя, что Варенька не можетъ такъ философствовать.

— Ее жизнь подсказала мнѣ... Видишь-ли... онъ на четыре года моложе меня... только что кончилъ университетъ. Я знаю, что это опасно для меня... и какъ это сказать?.. Я хотѣла-бы устроить дѣло съ нимъ такъ, чтобъ мои имущественныя права не подвергались никакому риску.

— Да... и что-же?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, становясь внимательнымъ.

— Такъ вотъ ты мнѣ посовѣтуй, какъ все это устроить. Я не хочу давать ему никакихъ юридическихъ правъ на мое имущество... и не дала бы права на личность, если бы это было можно.

— Это, мнѣ кажется, достижимо въ гражданскомъ бракѣ. Впрочемъ...

— Нѣтъ, гражданскій бракъ я отрицаю.

Онъ смотрѣлъ на нее и думалъ съ чувствомъ брезгливости:

«Однако она умная! Если Богъ и создалъ людей, то жизнь такъ легко пересоздаетъ ихъ, что они навѣрное давно стали Ему противны».

А сестра вновь убѣдительно выяснила свою точку зрѣнія на бракъ.

— Бракъ долженъ быть разумной сдѣлкой, исключающей всякій рискъ. Именно такъ и думаю я поставить съ Бенковскимъ. Но прежде чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, я хотѣла бы выяснить законность претензіи этого досаднаго брата. Пожалуйста, пересмотри все.

— Ты позволишь мнѣ заняться этимъ дѣломъ завтра?—спросилъ онъ.

— Конечно, когда хочешь.

Она еще долго развивала предъ нимъ свои идеи, потомъ много разсказывала ему о Бенковскомъ. О немъ она говорила снисходительно, съ улыбкой, блуждавшей на ея губахъ, и зачѣмъ-то прищуривая глаза. Ипполитъ слушалъ ее и самъ удивлялся отсутствію въ немъ всякаго участія къ ея судьбѣ, интереса къ рѣчамъ.

Уже солнце сѣло, когда они разошлись: онъ, усталый отъ нея, въ свою комнату; она, оживленная бесѣдой, съ увѣреннымъ блескомъ въ глазахъ,—хлопотать по хозяйству.

Придя къ себѣ, Ипполитъ Сергѣевичъ зажегъ лампу, досталъ книгу и хотѣлъ читать; но съ первой же страницы онъ понялъ, что ему будетъ не менѣе пріятно, если онъ и закроетъ книгу. Сладко потянувшись, онъ закрылъ ее и повозился въ креслѣ, ища удобной позы; но кресло было жесткое, тогда онъ перебрался на диванъ и легъ на немъ. Сначала ему ни о чемъ не думалось, потомъ онъ съ досадой вспомнилъ, что скоро придется познакомиться съ г. Бенковскимъ, и сейчасъ же улыбнулся, припоминая характеристику, данную Варенькой этому господину.

И скоро одна она занимала его мысль и воображеніе. Между прочимъ онъ подумалъ:

— А что если-бы жениться на такомъ миломъ чудовищѣ? Пожалуй, это была-бы очень интересная жена... хотя бы уже по одному тому, что изъ ея устъ не услышишь копѣечной мудрости популярныхъ книжекъ...

Но, разсмотрѣвъ всесторонне свое положеніе въ роли мужа Вареньки, онъ засмѣялся и категорически отвѣтилъ себѣ:

— Никогда!

И вслѣдъ за тѣмъ ему стало грустно.

М. Горькій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гдѣ и какъ ютится петербургская бѣднота?

(*Окончаніе*).

Разъ мы уже заговорили объ артельныхъ помѣщеніяхъ, то коснемся ихъ подробнѣе:

Многочисленныя артели, находящіяся въ Петербургѣ, можно раздѣлить на двѣ категоріи: самостоятельныя артели, имѣющія общую квартиру, гдѣ каждый артельщикъ платитъ отдѣльно хозяйкѣ за мѣсто на нарахъ, по одному рублю въ мѣсяцъ. Такія артели состоятъ преимущественно изъ плотниковъ, столяровъ, иногда каменьщиковъ, маляровъ и штукатуровъ. Для артели второго рода квартиры нанимаются подрядчикомъ. Эти артели, въ свою очередь, бываютъ трехъ родовъ: 1) рабочіе живутъ у хозяина на полномъ содержаніи, т. е. получаютъ пищу, помѣщеніе и плату помѣсячно или въ лѣто, смотря по условію; 2) рабочіе получаютъ только помѣщеніе и плату по условію; 3) рабочіе получаютъ помѣщеніе, плату по условію и за извѣстное вознагражденіе пищу отъ самого же хозяина. По словамъ врачей Нарвской части, къ первой группѣ такихъ артелей принадлежатъ преимущественно дрягили и катали (см. ниже); другіе состоятъ изъ кровельщиковъ, маляровъ, штукатуровъ, каменьщиковъ, мостовщиковъ, печниковъ и фонарщиковъ. Число артельныхъ квартиръ въ общемъ громадно. Въ одной Нарвской части ихъ 268. Болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ о нихъ врачи Александро-Невской части. По ихъ словамъ, артели въ Петербургѣ бываютъ временныя и постоянныя. Онѣ, какъ, напр., артели плотниковъ, каменьщиковъ, штукатуровъ, судорабочихъ, каталей, т. е. рабочихъ, выгружающихъ съ барокъ бревна, дрова и уголь, организуются весной и заканчиваютъ свою дѣятельность въ концѣ октября. Составляются онѣ, въ числѣ 12—15—80 чел. (только одна артель имѣетъ 300 рабочихъ) изъ пріѣзжихъ рабочихъ, передъ началомъ ремонтныхъ работъ въ столицѣ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ артельныя помѣщенія крайне не

удовлетворительны, какъ это будетъ видно ниже. Артели первой категоріи содержатъ свои помѣщенія удовлетворительно, такъ какъ въ нихъ, кромѣ голыхъ наръ, ничего не имѣется. Ихъ жильцы проводятъ время дома только по праздникамъ; въ будни лишь при отсутствіи работы. Въ остальное время артельщики ночуютъ тамъ же, гдѣ и работаютъ.

Что же касается помѣщеній, нанимаемыхъ хозяевами для своихъ рабочихъ артелей, то въ нихъ проглядываетъ тотъ характеръ жестокой эксплоатаціи послѣднихъ, та же скаредность, мелочность и жадность, которыя составляютъ типичную черту громадной части русскихъ нанимателей. Стремленіе выгадать гроши цѣною лишенія самыхъ примитивныхъ удобствъ и потребностей рабочихъ, абсолютное непониманіе послѣдними своихъ собственныхъ интересовъ здоровья и благополучія, полное отсутствіе брезгливости, позволяющее довольствоваться самыми ограниченными требованіями, особенно рѣзко отражается и въ дѣлѣ выбора наемныхъ помѣщеній для артели. Было бы тепло и сыто—и работникъ вполнѣ доволенъ своей судьбой. Какимъ ущербамъ для здоровья, для дальнѣйшей работоспособности пріобрѣтается это пребываніе въ тепломъ, влажномъ воздухѣ, насыщенномъ парами воды, углекислотой, всевозможными испареніями организма и предметовъ, находящихся въ помѣщеніи, пылью и грязью—все это не важно, лишь бы было достаточно для заглушенія чувства голода и жажды. «Человѣкъ—не скотина: все выпить можетъ»—это всего лучше отражаетъ воззрѣніе крестьянъ на выборъ ими помѣщенія, пищи и питья. Не даромъ врачи Александро-Невской части говорятъ, что безъ административнаго воздѣйствія нѣтъ возможности сколько нибудь улучшить условія артельныхъ помѣщеній, такъ какъ при этомъ приходится натолкнуться на два камня преткновенія къ улучшенію: съ одной стороны, алчность предпринимателей, старающихся извлечь какъ можно болѣе для себя пользы при самой минимальной затратѣ; поэтому, они, нанимая людей и покупая лошадей, стараются какъ можно болѣе выжать дохода изъ тѣхъ и другихъ и какъ можно скорѣе, не заботясь о послѣдствіяхъ. Что рабочій заболѣетъ, это ихъ мало безпокоитъ,—его отправятъ въ больницу или на родину; лошадь надорвется, ей путь—на конную. Приливъ рабочихъ даетъ полную возможность дѣлать выборъ. «Въ отношеніи людей мы видимъ чрезмѣрную заболѣваемость инфекціонными болѣзнями вообще во всѣхъ артеляхъ рабочихъ». «Другой факторъ неустройства, это—пассивность самихъ рабочихъ и большее предложеніе, чѣмъ спросъ».

Неудивительно при этомъ, что подрядчикамъ на руку такая малотребовательность рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ они, въ видахъ экономіи, какъ сообщаютъ врачи Нарвской части, помѣщаютъ своихъ рабочихъ столь тѣсно, что воздухъ, несмотря на открытыя окна, бы-

ваетъ душный и зловонный. Зловоніе происходитъ отъ того, что рабочіе сушатъ тутъ же, въ квартирѣ, свою измокшую одежду, какъ, напр., катали, имѣющіе дѣло съ мокрыми бревнами, или дрягили, зачастую подъ дождемъ работающіе подъ открытымъ небомъ. Полы въ квартирахъ грязны; на нихъ и въ особенности подъ нарами валяются кучи мусора и стараго хлама. Постелью для рабочихъ служатъ мѣшки съ съ соломой и верхняя одежда, никогда, слѣдовательно, не провѣтривающаяся.

Еще болѣе тяжелое впечатлѣніе оставляетъ знакомство съ условіями жизни—мимоходомъ сказать, и обстановкой труда—нѣсколькихъ тысячъ тряпичниковъ, главный контингентъ которыхъ составляютъ женщины и дѣти, группирующихся въ артели, содержимыя особыми промышленниками. Тряпье, являющееся однимъ изъ самыхъ частыхъ и опасныхъ источниковъ распространенія заразныхъ болѣзней, собирается въ небольшомъ количествѣ по домамъ, а всего болѣе въ мусорныхъ ящикахъ и на свалкахъ. Въ нихъ вмѣстѣ съ тряпьемъ забирается бумага, бутылки, битое стекло, куски желѣза, щетина, старые башмаки, кости и проч. Одни изъ нихъ занимаются скупкой тряпокъ, костей, бутылокъ, банокъ и пр. и все это перепродаютъ, другіе же — исключительно разыскиваютъ всякіе отбросы на улицахъ, во дворахъ, въ мусорныхъ ящикахъ, на свалочныхъ пунктахъ и т. д. и несутъ все это скупщику или хозяину, если состоятъ у него на службѣ [1]).

Тряпичники-хозяева пользуются обыкновенно услугами подростковъ, набираемыхъ ими въ деревняхъ ближайшихъ губерній, причемъ будущій хозяинъ уплачиваетъ въ семью подростка нѣкоторую весьма ничтожную сумму и заключаетъ контрактъ на нѣсколько лѣтъ, причемъ онъ или держитъ рабочихъ на полномъ содержаніи, ничего не платя мальчикамъ, а взрослымъ и закончившимъ контрактъ—ничтожное жалованье, или онъ имъ платитъ съ фунта тряпья по $^1/_2$ коп., съ пуда костей 6—8 коп. и изъ означенной суммы вычитаетъ за квартиру и за содержаніе.

Роясь цѣлый день въ мусорныхъ ямахъ, на свалкахъ, тряпичники, по возвращеніи домой, приступаютъ къ тщательной сортировкѣ и очисткѣ тряпья, отдѣляя льняныя тряпки отъ бумажныхъ, суконныхъ и шерстяныхъ и сортируя ихъ по величинѣ и прочности. Такимъ же путемъ отдѣляется и битое стекло, цѣльныя бутылки, куски желѣза, жести и пр. Тряпье развѣшивается для просушки на дворѣ, въ сараяхъ и даже жилыхъ

[1]) Интересно, что нѣкоторые свалочные пункты находятся въ арендѣ, причемъ даже городское управленіе сдаетъ въ аренду свои свалочныя мѣста. Одинъ изъ такихъ арендаторовъ, тряпичникъ Григорьевъ, не только самъ эксплоатируетъ эти своеобразныя руды, но сдаетъ также свалки въ аренду мелкимъ промышленникамъ-одиночкамъ, взимая съ нихъ по 22 р. 50 коп. въ мѣсяцъ.

помѣщеніяхъ; годное для мытья подвергается стиркѣ и все складывается въ сараи до ближайшаго воскресенья, когда тряпки увозятъ на писчебумажныя фабрики, кости на клееваренные и костеобжигательные заводы, старыя изношенныя части платья въ Александровскій рынокъ, гдѣ въ рукахъ спеціалистовъ онѣ превращаются въ дешевое платье, фуражки и другіе предметы одежды.

Тряпичные склады находятся часто въ густо обитаемыхъ домахъ. Такъ, напр., на Боровой улицѣ находится громадный домъ, обширный дворъ котораго занятъ построенными въ 3 ряда сараями, съ 24-мя отворами, изъ которыхъ 11 заняты тряпьемъ, одинъ мелочной лавкой, а остальные бутылками, костями и пр. Кромѣ этихъ сараевъ, имѣются временные сарайчики и загородки. Пространство между сараями завалено разнымъ хламомъ, мусоромъ, отбросами. Въ 31 квартирѣ этого дома живетъ 217 чел., но зимою число ихъ удваивается—почти все тряпичники. «Всѣ квартиры тряпичниковъ грязны и темны, со спертымъ воздухомъ. На одного человѣка приходится кубическаго содержанія его отъ 0.831 до 0.293 куб. сажени». Другими словами, если мы представимъ себѣ ящикъ, длиною, вышиною и шириною въ сажень, то тряпичники умудряются поселить въ немъ свыше 3-хъ человѣкъ. Дурно питаясь, работая въ крайне спертомъ, удушливомъ воздухѣ, имѣя непрерывное общеніе съ наивозможно грязными предметами, рабочіе очень скоро подрываютъ свое здововье, часто заболѣваютъ чахоткой, упорнѣйшими страданіями глазъ, кожными сыпями и малокровіемъ. Сами часто подвергаясь заболѣваніямъ, тряпичники вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣдко служатъ причиной дальнѣйшаго распространенія заразы. Особенно въ этой печальной роли приходится фигурировать женщинамъ, приходящимъ для сортировки тряпья. И въ томъ-же платьѣ, въ какомъ онѣ работали, безъ всякой дезинфекціи, и даже мытья рукъ, онѣ уходятъ домой. Наконецъ, нѣкоторое тряпье, въ видѣ стараго платья, поступаетъ на толкучку въ продажу, цѣлыя бутылки въ квасныя, пивные и водочные заводы. Само собою разумѣется, что все это не мало можетъ содѣйствовать распространенію заразы.

Мы переходимъ теперь къ описанію угловыхъ квартиръ, представляющихъ одну изъ типичныхъ особенностей столицы и, вѣроятно, громаднаго большинства крупныхъ городовъ. Число ихъ громадно; а населеніе ихъ въ общемъ, вѣроятно, превышаетъ сотню тысячъ человѣкъ. Такъ, напр., въ Спасской части числилось 504 угловыхъ квартиры съ 10,358 жильцами, въ Нарвской 1391 съ 15,647 жильцами и т. д. Разбросаны онѣ по всему Петербургу, даже въ богатой Адмиралтейской части имѣется 70 угловыхъ квартиръ съ 550 жильцами. Онѣ обыкновенно помѣщаются въ худшихъ домахъ и самыя худшія квартиры въ этихъ домахъ (подвалы и чердаки) отдаются подъ углы; состоятъ такія квартиры

изъ 2—3 комнатъ, рѣдко 5 и болѣе. На квартиру въ 1—3 комнаты нерѣдко приходится до 24 жильцовъ, а на комнату отъ 2 до 10 чел. Содержатся онѣ большею частью женщинами, которымъ этотъ промыслъ даетъ источникъ безбѣднаго существованія. Платя за квартиру въ 2 комнаты и кухню 25—30 рубл. въ мѣсяцъ, отапливая ее на свой счетъ, хозяйка помѣщаетъ въ квартирѣ человѣкъ 15, и сдаетъ углы для одного-двухъ жильцовъ даже въ кухнѣ. Кухня отапливается въ складчину лицами, имѣющими въ ней надобность для варки пищи и стирки бѣлья. Квартирныя хозяйки иногда помѣщаются въ одной комнатѣ съ жильцами, чаще же на кухнѣ. Контингентъ жильцовъ крайне разнообразенъ; среди нихъ нерѣдки люди семейные, но они помѣщаются въ общихъ комнатахъ съ одинокими; разница лишь въ томъ, что у семейныхъ кровать пошире и ограждена со всѣхъ сторонъ ситцевой занавѣской, укрѣпленной на палочкахъ и веревкахъ; кровати же одинокихъ открыты. Нерѣдко, въ одномъ семейномъ углу помѣщаются цѣлыя семьи: мужъ, жена и нѣсколько дѣтей. Кровати ставятся вдоль стѣнъ и разстоянія между ними не полагается, такъ что ноги одного жильца упираются въ ноги или голову другого. Всѣ свои пожитки жильцы хранятъ подъ кроватью, за неимѣніемъ какого-либо другого помѣщенія. Иногда попадаются лучше содержимыя помѣщенія, въ которыхъ живутъ болѣе обезпеченныя лица, служащія на желѣзныхъ дорогахъ и въ разныхъ учрежденіяхъ. Въ нихъ полы чисты, моются каждую недѣлю и застилаются; въ каждой комнатѣ помѣщается не болѣе 2—3 большихъ кроватей, съ трехъ сторонъ завѣшанныхъ опрятными ситцевыми цвѣтными занавѣсками, одинъ-два стола, нѣсколько табуретокъ, стулья, одинъ-два комода. Плата, какъ, напр., въ Нарвской части, за уголъ у окна 5 рублей, далѣе отъ окна—4; у стѣны, противоположной окнамъ,—1 р. 20 коп. въ мѣсяцъ. Но на ряду съ такими, удовлетворительно содержимыми помѣщеніями, имѣется, преимущественно въ подвалахъ и чердакахъ, много другихъ, производящихъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Окна въ нихъ запотѣвшія и грязныя отъ насѣвшей пыли и копоти; подоконники постоянно мокры отъ стекающей съ оконъ воды; на полу и подоконникахъ валяется всякій хламъ и остатки пищи, стѣны обиты въ большинствѣ случаевъ изодранными обоями, испещренными узорами отъ раздавленныхъ насѣкомыхъ. Гдѣ только возможно, поставлены кровати, иногда до 6 и болѣе въ одной комнатѣ.

Постельныя принадлежности семейныхъ жильцовъ состоятъ обыкновенно изъ большой деревянной или желѣзной кровати, соломеннаго или мочальнаго матраца, изрѣдка перины, ситцеваго изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ одѣяла, двухъ-трехъ подушекъ и цвѣтныхъ занавѣсей. У холостыхъ, если вообще имѣются какія-либо постельныя принадлежности, то такія, какъ у семейныхъ, но безъ ситцевыхъ занавѣсокъ. На столахъ, на

окнахъ, въ маленькихъ стѣнныхъ шкапикахъ, вездѣ помѣщается жалкая, убогая посуда: никогда не чистящійся самоваръ, чайникъ, нѣсколько чашекъ или кружекъ, тарелки и миски съ остатками пищи и т. п. Нерѣдко можно видѣть цѣлые ряды просушиваемыхъ портянокъ, пеленокъ, мокрой одежды и т. п. Очень часто сама одежда и постельныя принадлежности жильцовъ поражаютъ своимъ зловоніемъ. Воздухъ въ такихъ помѣщеніяхъ тяжелый, удушливый, такъ какъ квартиры не только никогда не вентилируются изъ боязни сильнѣе охладить комнату, или изъ за того, что у окна помѣщается семья съ малыми, даже грудными дѣтьми, но даже вентиляторъ и всѣ щели самымъ тщательнымъ образомъ затыкаются тряпками; такимъ образомъ чистый воздухъ можетъ проникать только черезъ дверь, но она сплошь и рядомъ выходитъ или въ душную кухню, или въ корридоръ, нерѣдко тоже занятый кроватями угловыхъ жильцовъ, или-же на площадку лѣстницы, гдѣ устроены ретирады.

Въ такихъ квартирахъ грязь неизбѣжна потому, что соблюденіе опрятности не составляетъ чьей-либо обязанности; изрѣдка хозяйка подмететъ ее и выброситъ часть въ избыткѣ накопившихся отбросовъ. Уборка-же угловъ лежитъ на обязанности самихъ жильцовъ. Большинство изъ нихъ народъ безсемейный; даже у женатыхъ семьи остались въ деревнѣ. Они почти все время проводятъ на работѣ съ ранняго утра, домой-же забѣгаютъ пообѣдать, да поздно вечеромъ переночевать, такъ что въ будни имъ даже некогда подумать объ очисткѣ своего помѣщенія, а въ праздникъ, не до того.

Жизнь въ углахъ при разнообразіи контингента ихъ жильцовъ, часто мѣняющихся, сложилась довольно своеобразно: утромъ угловая квартира пустѣетъ, остаются только хозяйки, маленькія дѣти и всякая прислуга, мужская и женская, чающая мѣста. Вечеромъ, часамъ къ 9—10, жильцы возвращаются, за исключеніемъ загулявшихъ. Вскорѣ въ помѣщеніи дѣлается душно, столь любимое русскимъ человѣкомъ «парно», окна покрываются росой, въ воздухѣ носится запахъ онучей, промокшей одежды, просушиваемыхъ пеленокъ, махорки и т. под. Однимъ словомъ, «жильемъ пахнетъ!» Если жильцы народъ спокойный, то послѣ дружескихъ совмѣстныхъ бесѣдъ всѣ мирно укладываются ко сну, не обращая никакого вниманія другъ на друга. Если-же въ компаніи попадутся пьяные или забіяки, то сплошь и рядомъ начинаются ссоры, кончающіяся драками, увѣчьями и даже убійствами. Многочисленные и разнообразные драматическіе случаи, почти ежедневно перечисляемые полицейской хроникой, въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣютъ мѣсто именно въ угловыхъ квартирахъ. Врачи Московской части совершенно справедливо указываютъ еще на одну особенность угловыхъ жильцовъ, представляющую большую опасность въ санитарномъ отношеніи: угловые жильцы не любятъ лечиться: заболѣвъ, такой жилецъ лежитъ на своей койкѣ по нѣсколько дней, пока,

помимо его желанія, не будетъ отправленъ въ больницу или, что также нерѣдко бываетъ, не умереть «скоропостижно». При вскрытіи почти всегда оказывается, что умершій страдалъ чахоткой, этимъ злѣйшимъ бичемъ нашей столицы, или какой-либо заразительной болѣзнью, успѣвъ распространить заразу среди своихъ сожителей. Вотъ почему, несмотря на тщательную дезинфекцію, всегда въ такихъ квартирахъ весьма упорно держится та или другая эпидемическая болѣзнь.

Особенно печальную картину представляютъ квартиры, занятыя такъ наз. ремесленниками-штучниками, работающими для крупныхъ магазиновъ. Такъ, напр., въ сапожныхъ мастерскихъ, безъ магазиновъ, хозяинъ рѣдко всецѣло пользуется ею, занимая для своей мастерской кухню или одну комнату; остальныя онъ сдаетъ въ наемъ или людямъ постороннихъ профессій, или сапожникамъ, а также мелкимъ хозяевамъ. Такіе ремесленники обыкновенно обходятся безъ разрѣшенія на устройства мастерскихъ, ссылаясь на то, что работаютъ «на себя», хотя у каждаго изъ нихъ есть подмастерье и ученикъ. Хозяева съ семьями спятъ на двухспальныхъ кроватяхъ, а подмастерья и ученики — на грязномъ полу и на такихъ-же койкахъ. Содержатся всѣ эти квартиры чрезвычайно грязно: верстаки ставятся гдѣ только возможно. Моются и выметаются, и то только ничѣмъ не заставленныя части комнатъ, лишь по субботамъ. Подъ койками, сундуками, въ нихъ и на полкахъ пыль, грязныя тряпки, разные обрѣзки и всякій хламъ. На полу и подоконникахъ валяются грязныя опорки, калоши, грязная и ветхая обувь. Стѣны, потолки, откосы также очень грязны и запылены. Стремленіе сократить расходъ на квартиру побуждаетъ хозяина ея извлекать доходъ изъ каждаго свободнаго уголка, такъ что въ наемъ отдаются для ночлега и темные корридоры. Въ Спасской части сплошь и рядомъ какой-нибудь ремесленникъ-сапожникъ или кустарь снимаетъ квартиру изъ 3—4 небольшихъ комнаты въ верхнихъ этажахъ дома; въ одной онъ устраиваетъ свою мастерскую, а остальныя отдаетъ, въ большинствѣ случаевъ, такимъ-же кустарямъ, такъ что квартира получаетъ видъ громадной сапожной мастерской, въ которой работаетъ 25—30 человѣкъ. Угловые жильцы-сапожники, а также и рабочіе, рѣдко имѣютъ кровати, а чаще спятъ на полу на соломенникахъ или-же на раскидныхъ кроватяхъ, вносимыхъ въ мастерскую на ночь, а днемъ хранимыхъ гдѣ-нибудь въ кухнѣ.

Приблизительно въ такихъ-же условіяхъ находятся и портные-штучники, которые имѣютъ свои излюбленные дома. Такъ, напр., въ одномъ изъ домовъ Демидова переулка изъ 73 жилыхъ квартиръ 17 заняты портными-штучниками, ихъ семьями и жильцами. Всего въ нихъ живетъ до 164 портныхъ и 80 женщинъ. Каждое помѣщеніе состоитъ изъ 2—3 комнатъ, съ корридоромъ и кухней, съ 4—5 окнами на дворъ, которые занимаетъ какой-либо портной и отъ себя уже отдаетъ комнаты другимъ штучникамъ. Популярность этихъ мелкихъ квартиръ среди портныхъ

основана на томъ, что они сдаются съ хозяйскими дровами и голландскимъ углемъ для отопленія кухонныхъ плитъ. Штучники, снимающіе уголъ въ квартирѣ хозяина, устраиваютъ въ углу около окна верстакъ для работы; остальная часть комнаты занята его койкой или двухспальной кроватью, — если онъ человѣкъ семейный. Штучники, работающіе для рынка, передѣлывающіе и чинящіе старое платье, держатъ учениковъ или подмастерьевъ, проживающихъ въ одной комнатѣ съ ними. Для согрѣванія утюговъ портные топятъ съ утра до вечера свои очаги; отъ топки множества печей получается такая масса дыма и сажи, что послѣдняя проникаетъ черезъ окна во всѣ надворныя квартиры. Излишне распространяться, что содержатся всѣ портняжныя квартиры очень неудовлетворительно. Грязь въ квартирѣ, нищета жильцовъ, пьянство и неопрятность даютъ крайне неприглядную картину этихъ помѣщеній. Каждый работаетъ за себя и, по словамъ врачей, все свое собственное пропиваетъ, такъ что весь скарбъ такого штучника заключается лишь въ томъ, что на немъ надѣто; часть-же верстака составляетъ его дневное и ночное помѣщеніе.

Мы переходимъ теперь къ описанію помѣщеній, гдѣ ютится самая бѣдная, истинно-бездомная часть петербургскаго населенія, которая не требуетъ для себя даже жилищъ, а только пріюта на ночь. Мы имѣемъ въ виду ночлежные дома и постоялые дворы. Гдѣ днемъ обитаютъ ихъ посѣтители, часто они сами не въ состояніи отвѣтить. Нужно дойти до послѣдней ступени разоренія и паденія, чтобы искать пристанища въ этихъ ночныхъ пріютахъ нищеты.

Ранѣе чѣмъ перейти къ описанію ночлежныхъ домовъ и постоялыхъ дворовъ, мы считаемъ не лишнимъ остановиться немного подробнѣе на ихъ обитателяхъ или, вѣрнѣе, посѣтителяхъ, такъ какъ одна изъ характернѣйшихъ особенностей этихъ пріютовъ, что ихъ жильцы являются сюда исключительно для ночлега. Войдя въ гостепріимныя двери пріюта въ 6, 7, 8, 10 часовъ вечера, ночлежникъ къ 8 часамъ покидаетъ его.

Каждый постоялый дворъ, каждый ночлежный домъ успѣлъ подобрать свой контингентъ обитателей: временныхъ и постоянныхъ. Такъ, напр., въ иныхъ преобладаютъ извозчики, лишившіеся мѣста за какую-нибудь оплошность или провинность передъ хозяиномъ. Въ нихъ извозчикъ остается до времени, пока хозяинъ не смилостивится и вновь не приметъ пропившаго выручку, загнавшаго не въ мѣру лошадь или сломавшаго пролетку. За такіе проступки содержатели извозовъ, послѣ внушительной кулачной расправы, прогоняютъ провинившагося работника, не давая ему ни разсчета, ни паспорта. Традиціи выработали обычай, что такой рабочій никогда не идетъ жаловаться, а предпочитаетъ являться на поклонъ хозяину; послѣдній долго «куражится», но въ концѣ-концовъ проститъ провинившагося. До того изгнанники проводятъ время въ постоялыхъ дворахъ.

Другіе постоялые дворы посѣщаются преимущественно лицами темныхъ и подозрительныхъ профессій. Одинъ такой дворъ почему-то чрезвычайно популяренъ среди прогнанныхъ хозяиномъ трактирныхъ слугъ—половыхъ низшаго разбора трактировъ, такъ называемыхъ «шестерокъ». Другой излюбленъ темными «аблакатами»—составителями жалобъ. Здѣсь они проводятъ цѣлые дни въ закусочныхъ при постоялыхъ дворахъ въ ожиданіи кліентовъ.

Благодаря труду петербургскаго санитарнаго врача В. И. Бинштока, мы имѣемъ возможность подробнѣе сообщить о ночлежныхъ домахъ, хотя и ему удалось собрать свѣдѣнія только о тѣхъ изъ нихъ, которые зарегистрированы оффиціально. По его словамъ, во всѣхъ частяхъ города, за исключеніемъ богатѣйшихъ Адмиралтейской и Казанской, находится 14 ночлежныхъ пріютовъ и 87 постоялыхъ дворовъ, всего 101 съ общей суммой 3,466 мѣстъ для ночлега. Въ 14 ночлежныхъ пріютахъ имѣется 1,741 мужскихъ мѣстъ, 202 женскихъ и 144 дворянскихъ. Этимъ громкимъ названіемъ пользуются тѣ отдѣленія, въ которыхъ посѣтителямъ, за плату 10 копѣекъ за ночлегъ, предоставляются отдѣльныя кровати. Въ среднемъ каждый пріютъ разсчитанъ на 150 ночлежниковъ. Въ постоялыхъ дворахъ имѣется 1,378 мѣстъ, исключительно мужскихъ, въ томъ числѣ 22 дворянскихъ. Фактически, даже въ упомянутыхъ пріютахъ число ночлежниковъ многократно выше числа мѣстъ, въ нихъ имѣющихся. Неоффиціальныхъ пріютовъ, вѣроятно, значительно больше; цѣлыя квартиры въ улицахъ, окружающихъ Сѣнную площадь, Малковъ переулокъ, Апраксинъ пер. и т. д. представляетъ изъ себя ночлежные пріюты самаго низшаго разбора, въ которыхъ ютятся всевозможные подонки столицы, всѣ, которыхъ изломала и лишила всего шумная, не знающая жалости, ломающая всѣхъ слабыхъ и выбрасывающая на улицы столичная жизнь. Оффиціальные ночлежные пріюты и постоялые дворы подлежатъ извѣстнымъ обязательнымъ постановленіямъ, нужно признаться, крайне скромнымъ съ точки зрѣнія гигіены. Такъ, напр., нары для спанья должны имѣть 18 вершковъ ширины на человѣка, отдѣляться одна отъ другой перегородкой въ 4 вершка и не должны устраиваться въ 2 яруса: на каждаго ночлежника полагается пространства $^{3}/_{4}$ кубич. сажени.

Посмотримъ, насколько существующіе ночлежные дома и постоялые дворы удовлетворяютъ означеннымъ требованіямъ.

По описанію г. Бинштока, изъ 14 пріютовъ—4, съ общимъ числомъ 825 мужскихъ мѣстъ и 42 женскихъ, принадлежатъ благотворительному обществу ночлежныхъ пріютовъ; одинъ, на 80 мѣстъ, комитету о призрѣніи нищихъ и одинъ, на 170 мѣстъ, обществу костеобжигательнаго завода. Остальные 8 пріютовъ и всѣ постоялые дворы принадлежатъ частнымъ лицамъ и составляютъ одну изъ чрезвычайно доходныхъ ста-

тей для ихъ владѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ они связаны съ трактирами, чайными, съѣстными, закусочными, содержимымп ихъ хозяевами.

Въ общемъ, размѣры пріютовъ очень разнообразны и колеблятся въ весьма широкихъ предѣлахъ: отъ 44 до 300 мѣстъ. Благоустройство громаднаго большинства изъ нихъ ниже всякой критики, несмотря на то, что крупный доходъ, ими доставляемый, позволяетъ предъявить хозяевамъ нѣкоторыя, болѣе строгія требованія. Во всѣхъ оффиціально зарегистрированныхъ ночлежныхъ домахъ имѣется всего 64 комнаты, т. е. въ среднемъ на каждую приходится 32 мѣста; въ постоялыхъ дворахъ на каждую комнату приходится свыше 10 мѣстъ. При этомъ величина комнатъ далеко не соотвѣтствуетъ числу мѣстъ. Переполненіе въ нихъ столь сильно, что невысокому требованію обязательнаго постановленія относительно $^3/_4$ куб. сажени на человѣка отвѣчаютъ только 48 комнатъ, а въ остальныхъ 120 комнатахъ оно гораздо меньше, доходя до 7—8 кубич. аршинъ, т. е. немного болѣе большого платяного шкафа. При этомъ вентиляція почти отсутствуетъ. Вотъ почему при осмотрѣ пріютовъ и домовъ только въ видѣ исключенія встрѣчался такой, который не поражалъ бы своимъ дурнымъ воздухомъ. Тутъ портятъ воздухъ и малый объемъ его, и чрезмѣрное скопленіе грязно-одѣтыхъ и грязныхъ людей на небольшомъ пространствѣ, и близость неопрятно содержимыхъ ретирадовъ, и проникающій изъ никогда не провѣтриваемой закусочной скверный, удушливый воздухъ. Лучшимъ подтвержденіемъ ужаснаго санитарнаго состоянія ночлежныхъ домовъ, это — громадное число выходящихъ оттуда больныхъ съ самыми разнообразными заразными болѣзнями. Такъ, напр., въ одномъ 1895 г. изъ зарегистрированныхъ городской статистикой 1,606 больныхъ возвратнымъ тифомъ было обитателей ночлежныхъ пріютовъ и постоялыхъ дворовъ 600 чел —37%. Но къ этому числу нужно прибавить еще 308 заболѣвшихъ возвратнымъ тифомъ, фигурирующихъ въ статистическихъ таблицахъ, какъ неимѣющіе опредѣленнаго мѣста жительства, съ которыми процентъ заболѣваній повышается до 56 изъ всей суммы больныхъ возвратнымъ тифомъ.

Почти всѣ пріюты и дома размѣщены въ частныхъ домахъ, вмѣстѣ съ частными квартирами и торговыми заведеніями. Большинство домовъ неудовлетворительно построены и дурно содержимы. Почти при всѣхъ нихъ имѣются трактиры, закусочныя и чайныя лавки, предназначенныя главнымъ образомъ для прокормленія рабочихъ. Устроены и содержатся онѣ въ большинствѣ случаевъ крайне неопрятно, расположены въ подвальныхъ помѣщеніяхъ съ малымъ количествомъ свѣта и воздуха, всегда тяжелаго и спертаго.

Пребываніе ночлежниковъ въ ночлежныхъ домахъ и постоялыхъ дворахъ обставлено очень плачевно. Отсутствуютъ самыя элементарныя

удобства. Только въ 8 помѣщеніяхъ изъ 101 устроены комнаты для сушки бѣлья; въ 33 помѣщеніяхъ негдѣ помыться. Почти вездѣ несчастнымъ ночлежникамъ приходится укладываться въ мокромъ платьѣ, которое на нихъ-же должно высохнуть, что даже не всегда удается изъ-за чрезвычайной сырости помѣщенія.

При такомъ страшномъ переполненіи ночлежные пріюты и постоялые дворы лишены даже достаточнаго дневнаго свѣта; изъ 200 комнатъ въ 4 вовсе нѣтъ оконъ; только въ 49 комнатахъ окна выходятъ на улицу; въ 132 во дворъ, въ 15 комнатахъ въ крытый корридоръ. Окна, выходящія во дворъ, очень часто имѣютъ передъ собой по близости стѣну другой постройки, помойную или мусорную яму, или отвратительно содержимое общее отхожее мѣсто.

Главное, страшное и притомъ въ настоящее время почти ничѣмъ непреодолимое печальное явленіе въ ночлежныхъ пріютахъ и постоялыхъ дворахъ, это—ихъ необычайное переполненіе. Какъ правило, въ нихъ размѣщается тройное количество противъ оффиціально предназначеннаго. Обязательныя постановленія, требующія, чтобы ширина наръ для одного человѣка составляла не менѣе 18 вершковъ, существуютъ въ большинствѣ случаевъ только на бумагѣ, такъ какъ были найдены въ 18 изъ 101 всѣхъ ночлежныхъ помѣщеній; большей ширины нары найдены въ 14 помѣщеніяхъ, а въ остальныхъ, т.-е. въ 69, ширина наръ значительно меньше. Есть помѣщенія, въ которыхъ ширина наръ для одного человѣка не болѣе 7—8 вершковъ. Другими словами, на нихъ нельзя спать на спинѣ, а только на боку. Но ночлежники спятъ не только на такихъ нарахъ, но и подъ ними, что уже совершенно запрещено обязательными постановленіями; спятъ вповалку на полу, спятъ на подоконникахъ, даже на ступенькахъ лѣстницы, ведущей въ ночлежное помѣщеніе. Естественно, что хотя втеченіе всего дня оно было пусто и, слѣдовательно, могло достаточно провѣтриться, п. ч. ночлежниковъ впускаютъ только съ 6 часовъ, но уже въ 9 часовъ воздухъ въ нихъ дѣлается удушливымъ, пропитаннымъ запахомъ водки, табака, пота, мокрой, грязной одежды. Даже полиція и санитарный надзоръ не рѣшаются бороться противъ такого переполненія, такъ какъ ни у кого не хватитъ духу въ морозную ночь разогнать эту толпу.

Мы уже говорили, что такими помѣщеніями пользуется самая бѣдная часть петербургскаго населенія, которымъ приходится не «спать», а «маяться», по справедливому выраженію д-ра Бинштока. Большинство ночлежныхъ посѣтителей—люди безъ опредѣленнаго заработка, не знающіе будетъ-ли у нихъ сегодня хлѣбъ, будетъ-ли у нихъ возможность заплатить 5 коп. за входъ въ помѣщеніе. Многіе изъ нихъ питаются милостыней; огромное большинство изъ нихъ одѣто въ рваные опорки, другіе являются почти безъ всякой одежды; въ рваныхъ до колѣнъ штанахъ, въ изодранной рубашкѣ и т. д.

Нечего и говорить, что ночлежные пріюты, содержимые благотворительными обществами, обставлены болѣе удовлетворительно, такъ какъ преслѣдуютъ филантропическія, а не коммерческія цѣли. Но они доступны небольшому числу счастливцевъ, едва двѣнадцатой части всего числа нуждающихся въ удовлетворительномъ ночномъ помѣщеніи. Ниже мы, руководствуясь книгой г. Еремѣева, приводимъ нѣсколько болѣе детальныхъ описаній различныхъ ночлежныхъ домовъ и постоялыхъ дворовъ.

Ночлежные пріюты открываются обыкновенно въ 6 часовъ вечера. Въ это время передъ дверьми заведеній, содержимыхъ благотворительными обществами, всегда стоитъ большая толпа ожидающихъ очереди, но, несмотря на то, не всѣ могутъ попасть туда. Такъ, напр., у входа ночлежнаго пріюта въ Демидовомъ переулкѣ, устроенномъ на 150 чел., всегда тѣснится толпа въ 200—250 чел. Не попавшіе бѣгутъ къ другому пріюту того-же общества на Фонтанкѣ; если и тамъ для нихъ не находится мѣста, тогда они направляются въ Измайловскій полкъ и, наконецъ, не принятые и тамъ, расходятся ночевать по разнымъ угловымъ квартирамъ. Та-же картина наблюдается и въ ниже описываемомъ пріютѣ имени Императора Александра II. Главная приманка благотворительныхъ ночлежныхъ домовъ заключается въ томъ, что за плату въ 5 коп., одинаково взимаемую и въ другихъ пріютахъ, ночлежникъ получаетъ ужинъ и завтракъ, что обходится самому обществу въ 6 к. на человѣка въ день. Уплативъ за входъ и получивъ билетъ, ночлежникъ предъявляетъ этотъ билетъ въ кухню, гдѣ ему выдается вечеромъ ½ фунта чернаго хлѣба и полпорціи щей или супа съ мясомъ. Закусивши и отогрѣвшись, онъ спѣшитъ занять свое мѣсто на нарахъ. Утромъ ему выдается ½ фунта чернаго хлѣба, кружка чая и кусокъ сахара. Любопытно, что мясо обществу ничего не стоитъ. Обыкновенно каждое утро по одному служителю изъ каждаго пріюта отправляется на Сѣнную площадь въ мясные лавки за подаяніемъ, гдѣ торговцы имъ набрасываютъ въ корзину всякіе остатки, обрѣзки и т. п. Набирается въ среднемъ отъ пуда до пуда 10 фун. Въ пріютѣ имени Императора Александра II каждый входящій занимаетъ отдѣльное мѣсто на нарахъ, для чего достаточно положить на него какую-нибудь вещь, а затѣмъ онъ можетъ уже свободно ходить по всему пріюту. Въ 8 часовъ, когда наберется безъ малаго полный комплектъ ночлежниковъ, ихъ приглашаютъ въ столовую, гдѣ выдаютъ по ½ фунту чернаго хлѣба и полпорціи съ разрѣзанной въ мелкія кусочки говядиной скоромныхъ щей, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни. Ужинаютъ въ двѣ и больше смѣны, по мѣрѣ прихода ночлежниковъ. Въ 10 часовъ все успокаивается и только запоздавшіе ночлежники своимъ приходомъ нарушаютъ тишину. Въ морозы впускаютъ каждаго приходящаго, хотя бы и свыше нормы. Такимъ сверхштатнымъ посѣтителямъ приходится располагаться на полу

и ужина имъ не выдается. Утромъ всѣ получаютъ кружку чая, $^{1}/_{2}$ ф. чернаго хлѣба и кусокъ сахара, послѣ чего въ 8 часовъ расходятся. Но работающіе на фабрикахъ и нищенствующіе у церквей расходятся раньше, не дожидаясь чая. Такъ какъ трудно себѣ представить болѣе неотлагательную общественную потребность, какъ открытіе достаточнаго числа ночлежныхъ пріютовъ въ Петербургѣ, требующее самыхъ незначительныхъ расходовъ, то мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ представить бюджетъ Демидовскаго ночлежнаго дома, дающаго ежедневно пріютъ 150 лицамъ. Несмотря на громадный расходъ на наемъ квартиры, составляющій 5 р. 55 к. въ день (2000 рубл. въ годъ), пріютъ требуетъ весьма незначительныхъ пожертвованій для своихъ гуманныхъ цѣлей. Съ ночлежниковъ пріютъ выручаетъ 7 р. 50 к. въ день тратя въ день, считая въ томъ числѣ и продовольствіе (безъ жертвуемаго мяса) 11 р. 54 к. т. е., въ общемъ около 1,500 рубл. въ годъ, или 10 рублей въ годъ на одного ночлежника. Если-бы городское управленіе нашло-бы возможнымъ предоставить тысячамъ нуждающихся въ ночномъ пріютѣ болѣе или менѣе недорогія помѣщенія, то оно не только облегчило-бы много страданій, но и выгадало-бы громадныя средства, нынѣ жертвуемыя на безплодную борьбу съ эпидемическими болѣзнями. Что помѣщеніе можно найти, что ихъ легко приспособить подъ ночлежные пріюты, всего лучше видно изъ примѣра ночлежнаго дома имени Императора Александра II, устроеннаго въ одномъ изъ многочисленныхъ хлѣбныхъ амбаровъ, принадлежащихъ Лаврѣ. Послѣдняя такъ богата, милосердіе и состраданіе къ бѣднымъ и неимущимъ на столько должны быть ея долгомъ, что нельзя сомнѣваться въ возможности получить тамъ еще одинъ, два пустующихъ амбара подъ благую цѣль. Въ упомянутомъ амбарѣ ночлежный пріютъ помѣщается въ двухъ этажахъ и состоитъ, кромѣ помѣщенія для ночлежниковъ, изъ кухни, сушильни (она-же умывальня), столовой и квартиры смотрителя. Четыре послѣднія помѣщенія занимаютъ половину всего перваго этажа; другая половина занята комнатами для 42 мужчинъ и 42 женщинъ. Въ верхнемъ этажѣ спятъ 168 мужчинъ. Комнаты высоки, свѣтлы, въ нихъ много воздуха, особенно по сравненію съ другими помѣщеніями для петербургскаго рабочаго люда. Чистота—образцовая. Въ громадной столовой, длиною 14 аршинъ и шириною въ $7^{1}/_{2}$, равно какъ во всѣхъ помѣщеніяхъ, висятъ на стѣнахъ печатныя на картонахъ наставленія слѣдующаго содержанія: «Непрестанно молитесь. Соблюдайте чистоту и порядокъ. Не курите на нарахъ. Не сквернословьте». Въ громадной сушильнѣ, длиною въ $7^{1}/_{2}$ аршинъ и шириною въ 7 аршинъ, ночлежники могутъ высушить свое носильное бѣлье и платье. Но даже въ этомъ прекрасномъ ночлежномъ пріютѣ есть одинъ крупный недостатокъ; это—устройство наръ. Нары деревянныя, досчатыя, устроены во всю длину каждаго отдѣленія, по срединѣ его, такимъ

образомъ, что ночлежники спятъ головами другъ къ другу. Каждое мѣсто занумеровано и отдѣлено досчатою перегородкою, 3 вершка вышиною, причемъ изголовье слегка приподнято; съ боковъ нары обшиты досками и подъ каждымъ отдѣльнымъ спаньемъ устроенъ ящикъ для помѣщенія вещей ночлежника; эти приспособленія затрудняютъ доступъ воздуха и свѣта въ поднарное пространство, препятствуетъ очисткѣ и дезинфекціи ихъ въ случаѣ надобности.

Врачи Нарвской части относительно довольны состояніемъ пріютовъ, въ нихъ находящихся, но самыми мрачными красками описываютъ контингентъ ночлежниковъ: «посѣтителями ночлежныхъ домовъ являются преимущественно люди, совершенно обѣднѣвшіе, благодаря пьянству. Лѣтомъ эти люди достаютъ себѣ заработокъ гдѣ-нибудь на судахъ, а зимой остаются безъ дѣла». «Если не всѣ, то огромное большинство ночлежниковъ страдаетъ алкоголизмомъ, благодаря чему они и потеряли занятія, вышли, такъ сказать, изъ своей колеи и стали посѣтителями ночлежныхъ домовъ». Облегчая своимъ посѣтителямъ возможность поддерживать жалкое существованіе легкою и случайною добычею, ночлежные дома являются главнымъ притономъ всевозможныхъ «стрѣлковъ», т. е. нищихъ, «спиридонъ—поворотовъ», т. е. высланныхъ административнымъ путемъ изъ Петербурга и самовольно въ него возвратившихся. Всѣ ночлежники одѣты въ рубище (добытая одежда тотчасъ мѣняется на одежду, потерявшую всякую цѣнность съ приплатою, которая идетъ на пьянство), носящее названіе «смѣнка». Смѣнки эти кишатъ паразитами; вся поверхность тѣла такихъ ночлежниковъ и ночлежницъ отъ расчесовъ покрыта ссадинами и струпьями. Значительное число ночлежниковъ страдаетъ хроническими болѣзнями: чахоткою легкихъ, водянкою, язвами конечностей, эмфиземой, застарѣлыми катаррами, ревматизмомъ и т. д., но въ больницы они поступаютъ въ случаѣ крайней необходимости (невозможности двигаться), такъ какъ въ больницахъ «не могутъ получить водки».

Еще болѣе рѣзкій отзывъ даютъ о ночлежникахъ врачи Александро-Невской части. По ихъ словамъ, населеніе пріютовъ, нигдѣ не прописывающееся и никѣмъ не регистрируемое, принадлежитъ къ самому бѣднѣйшему классу столичнаго населенія, къ «отбросамъ его», а частью, пожалуй и къ «преступному». Главное ядро пріютскаго населенія, это—люди, не имѣющіе опредѣленнаго заработка, поденщики, чернорабочіе на фабрикахъ и заводахъ, лишившіеся почему-либо занятія. Далѣе, здѣсь ищутъ пристанища просрочившіе паспорты и потому не могущіе проживать осѣдло на постоянныхъ квартирахъ. Получивъ паспортъ, они покидаютъ пріютъ. Далѣе, среди ночлежниковъ, имѣется громадный контингентъ нищихъ. «Большинство лицъ этого сорта—люди совсѣмъ погибшіе; все, что удается заработать за день—обязательно пропивается

вечеромъ и вся забота такого субъекта—не пропить послѣдняго пятака, за который онъ себѣ покупаетъ мѣсто въ ночлежномъ пріютѣ».

Столь же печальное впечатлѣніе производятъ и женщины-ночлежницы, находящія себѣ пріютъ исключительно въ большихъ ночлежныхъ домахъ и одномъ постояломъ дворѣ, имѣющихъ женскія отдѣленія. Переполненіе женскихъ отдѣленій въ ночлежныхъ пріютахъ, какъ напр. въ Кобызевскомъ, превосходитъ всякую мѣру вѣроятія. По словамъ врачей, въ нихъ происходитъ прямо давка. Пройти зимой ночью по женскому отдѣленію Кобызевскаго пріюта «часто бываетъ затруднительно за множествомъ спящихъ прямо на полу ночлежницъ». Ни у кого, конечно, не хватаетъ духу требовать ограниченія впуска посѣтителей и особенно посѣтительницъ при взглядѣ, въ какія рубища они одѣты, особенно въ зимнюю стужу, такъ какъ имъ рѣшительно некуда дѣваться. Среди ночлежницъ не мало и такихъ, которыя дошли до такого положенія случайно: поденщицы, безъ опредѣленнаго заработка, прислуга въ ожиданіи присылки новыхъ паспортовъ взамѣнъ просроченныхъ и другія. Едва-лишь явилась возможность, онѣ немедленно покидаютъ пріютъ. Эти временныя обитательницы составляютъ меньшую часть контингента ночлежницъ; большая часть комплектуется изъ неисправимыхъ алкоголистокъ,—устарѣвшихъ жрицъ любви, снискивающихъ себѣ пропитаніе нищенствомъ и продажей своего тѣла. «При видѣ ночлежницы проститутки, оборванной, грязной до послѣдней степени, со всклокоченными, хотя и стриженными волосами, съ опухшимъ отъ пьянства, изукрашеннымъ синяками лицомъ и охрипшимъ отъ водки голосомъ, кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы и эти жрицы Венеры, почти утратившія всякій человѣческій образъ, могли находить себѣ — если не поклонниковъ, то потребителей. А между тѣмъ это—такъ! Конечно, подобное явленіе можно объяснить только единственно вліяніемъ алкоголя. Вотъ почему, между прочимъ, такія женщины не выходятъ изъ кабаковъ и самыхъ грязныхъ трактировъ».

Эти несчастныя отребья столичнаго населенія ютятся преимущественно въ Кобызевскомъ пріютѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ котораго имѣется масса кабаковъ и трактировъ.

При такомъ состояніи своего здоровья, ночлежники даютъ главный матеріалъ для судебно-медицинскаго и медико-полицейскаго надзора. Нерѣдко они умираютъ въ самыхъ ночлежныхъ домахъ или направляются изъ нихъ въ больницы въ такомъ состояніи, что смерть ихъ застигаетъ въ пути или въ первые 24 часа по поступленіи.

Врачи, давшіе свѣдѣнія о ниже-описываемомъ «Кобызевскомъ» пріютѣ, сообщаютъ, что, несмотря на то, что послѣдній прекрасно вентилировался, на прекрасное устройство въ немъ наръ, позволявшее самую тщательную дезинфекцію послѣ каждаго случая найденнаго въ немъ

инфекціонаго больного, онъ все же давалъ наибольшее число заболѣваній заразными страданіями. Пришлось прибѣгнуть къ ежедневному поголовнему осмотру ночлежниковъ при самомъ входѣ ихъ въ помѣщеніе. Оказалось, что многіе являлись въ пріютъ съ повышенною температурою и другими признаками заболѣваній. Только систематически введенной отправкой такихъ лицъ въ больницы удалось справиться съ упорной эпидеміей.

Чрезвычайно интересно возникновеніе этого громаднаго ночлежнаго пріюта, устроеннаго вначалѣ въ филантропическихъ видахъ, но въ настоящее время почти потерявшаго свой первоначальный характеръ. Помѣщается онъ на Лиговкѣ, въ надворномъ каменномъ пятиэтажномъ флигелѣ, съ мужскимъ отдѣленіемъ на 163 человѣка и женскимъ на 58. На каждаго ночлежника приходится около $^2/_5$ кубич. сажени; на ночлежницу 0,47. Устроенный 15 лѣтъ тому назадъ домовладѣльцемъ Кобызевымъ, пріютъ допускалъ много совершенно безплатныхъ ночлежниковъ; ночлежники часто безплатно пользовались баней. Въ морозы, въ дни большихъ праздниковъ, въ первые дни Рождества и Пасхи, въ дни семейныхъ торжествъ: именинъ и рожденія хозяина, жены, дѣтей и пр.. впускъ былъ безплатный. Кромѣ того, отъ содержателя пріюта ночлежникамъ иногда раздавалась и пища: въ Пасху, Рождество; они здѣсь разговлялись, въ дни имянинъ хозяина ихъ кормили безплатными обѣдами. Въ настоящее время пріютъ сданъ въ аренду и безплатный впускъ существуетъ только въ день годовщины смерти основателя пріюта и его имянинной памяти. Изрѣдка иные благотворители, въ дни похоронъ близкихъ родственниковъ, вносятъ плату по числу ночлежныхъ мѣстъ.

На постоялыхъ дворахъ по временамъ бываетъ свое болѣе или менѣе осѣдлое населеніе. Такъ, напр., въ нихъ поселяются артели ледоколовъ, являющіеся на зиму; лѣтомъ артели разгрузчиковъ барокъ, носильщики теса, угольщики, поденщики, пригонщики гуртовъ скота, чухонцы-вейки во время Масляной и др.

Лѣтомъ ночлежные пріюты и постоялые дворы пустуютъ. Все населеніе ихъ переходитъ на дачи, избирая себѣ пристанища на Волковомъ, «Горячемъ» поляхъ, на большія свалки мусора по Шлиссельбургскому и Петергофскому тракту и въ др. мѣстахъ, выгадывая пятачки, которые пришлось бы платить въ пріютахъ. Начинаютъ постепенно пополняться послѣдніе съ августа, когда ночи дѣлаются холоднѣе и длиннѣе и достигаютъ своего высшаго переполненія осенью и зимою.

Этимъ мы закончимъ извлеченія изъ оффиціальныхъ описаній петербургскихъ жилищъ для недостаточной части населенія. Мы видѣли, что общее свойство всѣхъ квартиръ, въ которыхъ ютится петербургская бѣднота, это—тѣснота, невозможное переполненіе ихъ, грязь, отсутствіе свѣта, крайне анти-санитарное устройство. Далѣе, мы видѣли, что ни

само населеніе, ни опекающее его интересы городское управленіе не доросли до сознанія необходимости устранить столь вопіющія безурядицы. Въ результатѣ является чрезмѣрная заболѣваемость и постоянное господство всевозможныхъ тяжкихъ эпидемій. Описаніе ихъ, равно какъ очеркъ господствущихъ среди петербургскаго населенія болѣзней составитъ предметъ одной изъ ближайшихъ нашихъ статей.

Д-ръ мед. Г. **Герценштейнъ**.

ВЕСЕННІЙ ДЕНЬ.

Приди, приди,
Весенній день!
Въ моей груди
Расторгни тѣнь.
Ужъ таетъ снѣгъ,
Ужъ ломокъ ледъ,
И слышенъ бѣгъ
Свободныхъ водъ.

Съ волной волна
Журчитъ, звеня,
Поетъ она
Про царство дня.
Блесни-же намъ,
Весенній день,
Дай жизнь лучамъ,
Лѣса одѣнь.

О, посмотри,
Какъ я блѣдна!
Я до зари
Не знаю сна.
Боюсь вздохнуть,
Томлюсь въ слезахъ,
И давитъ грудь
Неясный страхъ.

Взгляни, взгляни,
Какъ стражду я!
Замри, усни,
Тоска моя.
Пробившій часъ
Вернешь ли чѣмъ?
Въ комъ свѣтъ угасъ —
Тотъ глухъ и нѣмъ.

М. Лохвицкая.

Современныя писательницы.

Лу Андреасъ Саломе.

(Переводъ съ рукописи С. Шпильбергъ.)

Германскія романистки.

Приблизительно 15 лѣтъ назадъ молодая писательница, призванная, быть можетъ, стоять во главѣ всѣхъ современныхъ пишущихъ женщинъ Германіи, умерла въ Берлинѣ, при попыткѣ спасти мальчика, провалившагося на каткѣ въ прорубь. Едва достигнувъ 24 лѣтъ, она пала жертвой своей самоотверженности, и художественный талантъ ея, такимъ образомъ, отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть. Маргариту фонъ-Бюловъ нельзя поэтому разсматривать параллельно съ тѣми ея сверстницами, которыя за это время достигли зенита своего духовнаго развитія.

Въ нашей прошлой статьѣ объ австрійскихъ писательницахъ мы въ введеніи лишь нѣсколькими словами коснулись самой выдающейся изъ нихъ—Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ, которая хотя все еще отличается свѣжестью таланта, но по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, по существу, не можетъ быть включена въ ряды юнаго поколѣнія. О Маргаритѣ фонъ-Бюловъ точно также можно сказать, что она лишь дала тонъ современному направленію женской германской литературы, но не успѣла стать характерной для новѣйшей эпохи. А между тѣмъ, у нея были всѣ задатки для того, чтобы какъ никто другой, со всѣмъ пыломъ своей художественной, богатоодаренной натуры, увѣренно и проникновенно изучать и изображать современную жизнь.

Дѣтство Маргарита фонъ-Бюловъ провела отчасти въ Смирнѣ, гдѣ ея отецъ былъ германскимъ консуломъ, частью въ Тюрингенѣ, постоянномъ мѣстопребываніи ея родителей, принадлежавшихъ къ старинному

нѣмецкому дворянству. Свои произведенія она написала быстро, одно за другимъ, но въ свѣтъ они появились лишь послѣ ея безвременной смерти. Это—романъ изъ жизни протестантскаго духовенства «Ionas Briccius», и два тома весьма значительныхъ по содержанію новеллъ. Въ послѣднихъ очень замѣтно вліяніе И. Тургенева, любимаго писателя Маргариты фонъ-Бюловъ, вообще проявлявшей большой интересъ къ русской литературѣ. У сестры ея, писательницы Фриды фонъ-Бюловъ, имѣются еще неизданныя рукописи, которыя, быть можетъ, въ близкомъ будущемъ составятъ третій томъ новеллъ, а также цѣлый рядъ удивительно законченныхъ и изящныхъ стихотвореній.

Уже послѣ смерти Маргариты фонъ-Бюловъ, болѣе пожилая писательница, романы которой до того оставались незамѣченными, вдругъ выступила съ двумя-тремя произведеніями, поставившими ее сразу въ ряду лучшихъ нѣмецкихъ писательницъ. Іоганна Ниманъ (Niemann), уроженка Данцига, хотя не обладаетъ ни мягкой лирикой для воспроизведенія тонкихъ настроеній, ни импульсивной живостью созерцанія, представляется, однако, очень крупнымъ талантомъ и вполнѣ развитою индивидуальностью, достигшею полной зрѣлости и нашедшею себѣ исчерпывающее выраженіе. Произведенія ея напоминаютъ рисунокъ тушью или карандашомъ, красоту котораго составляютъ умныя, полныя юмора очертанія и сосредоточенная проникновенность взгляда. Здѣсь нѣтъ ни рѣзкихъ чертъ, ни красоты пестрыхъ красокъ, кричащихъ словъ,—короче, это картина, которая не остановитъ на себѣ взора равнодушнаго, поверхностнаго зрителя. А такъ какъ такихъ зрителей еще слишкомъ много, то и понятно, что Іоганна Ниманъ до сихъ поръ не оцѣнена во всемъ своемъ значеніи. Однако, она является собою типъ истинно современнаго писателя, стоящаго въ самомъ центрѣ нашей дѣйствительности и ея литературныхъ злобъ. Въ выборѣ своихъ темъ Іоганна Ниманъ примыкаетъ къ психологической школѣ, а по манерѣ художественнаго изображенія она принадлежитъ реалистическому направленію въ романѣ. Но реализмъ ея изображеній нигдѣ не является самоцѣлью, а служитъ исключительно для воплощенія психологическихъ проблемъ въ живую дѣйствительность. Подчасъ этотъ реализмъ смѣло, съ исчерпывающей глубиной, вникаетъ въ самыя прозаическія отношенія между людьми, но и здѣсь опять-таки лишь для того, чтобы лучше оттѣнить ихъ духовную сторону. Человѣческую психику Іоганна Ниманъ возсоздаетъ въ самыхъ тонкихъ, скрытыхъ, таинственныхъ ея проявленіяхъ. Кульминаціонной высоты она достигла въ двухъ романахъ: «Rübezahl» и «Henriette».

Центральной фигурой перваго романа является мужчина, надъ которымъ тяготѣетъ проступокъ, совершенный имъ въ ранней юности. Борьба героя съ окружающимъ обществомъ, презрѣніе къ нему общества, не

желающаго простить ему грѣха молодости, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ *настолько* нравственно развился, что цѣлой головой переросъ это общество—таково содержаніе романа. Натура пылкая и дикая, онъ, въ неустанной борьбѣ съ самимъ собой, научился обуздывать свои страсти до полнаго подавленія своего внутренняго *я*, до самотреченія. Но вотъ онъ встрѣчаетъ на своемъ пути чудную дѣвушку, скромную, робкую, полную самоотверженія, и изстрадавшая душа его снова возрождается къ счастью. Леонора—это одна изъ тѣхъ истинно нѣмецкихъ женщинъ, жизнь которыхъ вся безъ остатка въ ихъ возлюбленномъ; беззавѣтная вѣра въ него имъ такъ-же необходима, какъ воздухъ, но въ то-же время въ нихъ живетъ сознаніе, что они призваны наполнить жизнь любимаго человѣка и поддержать его своей любовью. Для такихъ женщинъ предметъ ихъ любви въ одно и то-же время и божество, которому онѣ молятся, и міръ, въ которомъ онѣ живутъ и дѣйствуютъ; съ потерей возлюбленнаго или послѣ разочарованія въ немъ божество развѣнчано и весь міръ перестаетъ для нихъ существовать. Въ романѣ «Генріетта» выведена такая-же женская фигура, но только при совершенно другихъ обстоятельствахъ и коллизіяхъ. Сначала мы встрѣчаемъ Генріетту, невѣсту бѣднаго офицера, свѣжую, жизнерадостную и веселую, среди родной семьи. Ея личное счастье настолько велико, что она вся преисполнена нѣжной заботливости о другихъ и съ расточительной самоотверженностью изливаетъ свою доброту на все окружающее. Но при этомъ мы живо чувствуемъ, что вся сила Генріетты сосредоточена въ одномъ пунктѣ—въ ея любви, и чтобы сохранить свое душевное равновѣсіе, преодолѣть всѣ невзгоды и тяжелую борьбу повседневной жизни, она должна оставаться неуязвленной именно въ этомъ главномъ, центральномъ пунктѣ ея жизни. Но вотъ на сцену выступаютъ обстоятельства, заставляющія ее отказать жениху и выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, чтобы тѣмъ самымъ спасти семью отъ нищеты. Тутъ-то раскрывается психологическая красота всего произведенія: съ неподражаемымъ мастерствомъ изображенъ весь этотъ длинный печальный процессъ внутренней ломки героини. Ни благородство мотива, ни сознаніе высокой жертвы, которую она принесла, не въ состояніи прекратить или измѣнить процессъ разрушенія, начавшійся въ ея душевной жизни. Безвозвратно нарушена въ ней внутренняя гармонія, и какъ-бы благородно отнынѣ ни поступала ея самоотверженная душа, не спастись ей отъ мучительнаго самобичеванія. А между тѣмъ именно ея богатая, всеобъемлющая любовь къ ея возлюбленному, которую она перенесла и на окружающихъ, — эта любовь была единственною причиной той жертвы, которую она, въ минутномъ ослѣпленіи, приноситъ въ угоду своимъ роднымъ. И въ результатѣ всей ея печальной жизни, полной безъисходной тоски, является неизбѣжная болѣзнь разъѣдающаго духа, погруженіе больной души въ фантастическій міръ призраковъ и, наконецъ, сумасшествіе.

Если мы сравнимъ «Генріетту» и героя «Rübezahl», насъ невольно поразитъ, что въ обоихъ этихъ произведеніяхъ мужчина и женщина характерно противопоставлены другъ другу. Они представляютъ почти типическія картины безсознательнаго стремленія мужчины въ высь и наивной законченности женщины; это какъ бы проведенная вверхъ линія и замкнутый кругъ, вѣрнѣе—это противопоставленіе культуры непосредственной природѣ. Нравственная высота Rübezahl'a не въ томъ, какимъ онъ былъ по своей натурѣ, а въ томъ, какой изъ него характеръ выработался. Величіе-же Генріетты, напротивъ, не въ неустанномъ подавленіи ея природнаго чувства, а въ безотчетномъ подчиненіи ему. Только постояннымъ, неутомимымъ обуздываніемъ св нхъ страстей удается Rübezahl'у восторжествовать надъ своею природною дикостью, тогда какъ Генріеттѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало допускать конфликта между ея поступками и чувствами; она не должна была подавлять въ себѣ свои чувства, такъ какъ это въ корнѣ подрываетъ всю ея нравственную красоту и силу и въ концѣ концовъ доводитъ ее до гибели. Съ момента ея самоотреченія для нея наступаетъ медленная смерть, тогда какъ для Rübezahl'a, напротивъ, этотъ самый моментъ знаменуетъ начало новой просвѣтленной жизни. Генріетта кончаетъ самоубійствомъ, и это нисколько насъ не поражаетъ, настолько она уже была близка къ смерти, настолько этотъ конецъ является естественнымъ результатомъ разрушительнаго внутренняго процесса, художественно доведеннаго до своего конца. Большая трудность, представляемая такого рода изображеніемъ, ставитъ романъ «Генріетту» нѣсколько выше «Rübezahl». Въ послѣднемъ процессъ превращенія героя находитъ свое отраженіе въ его борьбѣ съ окружающимъ обществомъ; въ «Генріеттѣ»-же, напротивъ, все внѣшнее совершенно несущественно, самая фабула, ситуація уходятъ на задній планъ передъ разрѣшеніемъ глубокой внутренней проблемы: живая дѣйствительность лишь слегка прикрываетъ психологическія переживанія, и подъ этой прозрачной тканью мы ясно воспринимаемъ малѣйшее движеніе обнаженной души.

Въ выборѣ характеровъ, которые наиболѣе интересуютъ Іоганну Ниманъ, и проявляется ея особенность, какъ истинно современной писательницы. Ее никогда не занимаютъ средніе люди, у которыхъ грубое внѣшнее почти всегда беретъ верхъ надъ духовной стороной жизни, почему и для обрисовки ихъ фабула играетъ главную роль; но въ то-же время ея герои не тѣ, у которыхъ страсти выступаютъ наружу съ силой взрыва и разрѣшаются катастрофами, а изображеніе ихъ непремѣнно должно достигать драматизма; нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ ея вниманіе привлекаетъ тихая впечатлительная душа, горящая *внутреннимъ* пламенемъ и неспособная въ силу этого высказываться и обнаруживаться. Въ ея произведеніяхъ всегда чувствуется

нѣчто недосказанное, какая-то недомолвка, таинственность; но это *нѣчто* не затемняетъ ея образовъ, а наоборотъ, придаетъ имъ высшую жизненную правдивость. Это и есть самое большое преимущество таланта Іоганны Ниманъ, но въ то-же время здѣсь, безъ сомнѣнія, слабыя, стороны и границы его. Не даромъ такъ трудна задача истолковывать скрытыя движенія души. И вездѣ, гдѣ автору не удается справиться съ этой задачей, вмѣсто конкретнаго изображенія получается абстракція, взамѣнъ характеристики—субъективизмъ, а необходимый подъемъ настроенія замѣняется рефлексіей. И тогда вмѣсто тонкихъ и изящныхъ психологическихъ элементовъ выступаетъ нѣчто угловатое и убогое; чувствуется, что автору недостаетъ живой, страстной лирики, что онъ лишенъ легко выбрирующихъ нервовъ современныхъ авторовъ, способныхъ художественно воспроизводить самыя глубокія душевныя движенія именно потому, что они сами почти до болѣзненности ясно ощущаютъ всѣ эти тончайшія душевныя колебанія. Но Іоганна Ниманъ не больна, она здорова, почти черезчуръ здорова, чтобы быть въ состояніи разрѣшить психологическія проблемы, которыя она себѣ поставила. Темпераментъ, отъ котораго вѣетъ холодомъ ея сѣверо-германской родины, слегка юмористическая жилка и душевная уравновѣшенность создаютъ часто противорѣчія между ея стремленіями и силами. Даже въ лучшемъ изъ ея позднѣйшихъ романовъ «Gustav Randersland», въ которомъ изображено постепенное развитіе свободомыслящей дѣвушки и полная внутренняя эмансипація ея въ духѣ современности, недостатки таланта Іоганны Ниманъ выступаютъ довольно отчетливо.

Другая тоже сѣверо-германская молодая писательница Рикарда Гухъ (Huch), свободная отъ недостатковъ таланта Іоганна Ниманъ, какъ бы прекрасно дополняетъ ее. Рикарда Гухъ выпустила сборникъ своихъ стихотвореній и одинъ довольно значительный романъ, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ она пользуется если не громкою, то довольно почтенною извѣстностью. Болѣе всего она напоминаетъ Іоганну Ниманъ ясностью и свободой пониманія и развитымъ интеллектомъ, вообще отличающимъ германскихъ писательницъ и придающимъ имъ особый интересъ для современной жизни. Затѣмъ Рикарду Гухъ, также какъ и Іоганну Ниманъ, привлекаетъ все скрытое и загадочное въ человѣческой психикѣ. Она также чутко слѣдитъ за самыми незначительными душевными вибраціями, чтобы затѣмъ, съ свойственной ея таланту благородной сдержанностью, художественно ихъ изобразить. Но въ отличіе отъ Іоганны Ниманъ дарованіе Рикарды Гукъ совершенно свободно отъ разсудочности и обладаетъ гораздо большей нервной впечатлительностью, почему самыя тонкія движенія души воспроизводятся этой писательницей непосредственно и съ большой пластической силой. Какъ и у Іоганны Ниманъ, легкій юморъ проникаетъ и самыя серьезныя произведенія Р. Гухъ, предо-

храняя ее отъ сентиментализма даже въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ. Ея романъ, съ нѣсколько страннымъ и сухимъ заглавіемъ: «Erinnerungen von Ludolf Ursleu dem Jüngern», какъ одно изъ крупнѣйшихъ произведеній послѣдняго десятилѣтія, заслуживаетъ, чтобы на немъ подробно остановиться, да иначе его трудно было-бы и охарактеризовать. Судя по заглавію, можно думать, что передъ нами разсказъ изъ семейной хроники. И въ самомъ дѣлѣ форма, въ которую Р. Гухъ облекла свой романъ, напоминаетъ хронику. Одинокій монахъ Ludolf Ursleu раскрываетъ передъ нами потрясающую исторію своей семьи, приведшую его въ тихую монастырскую обитель. Но форма эта не только не дѣлаетъ книгу скучной, но наоборотъ придаетъ ей особенный художественный интересъ; испытываешь такое чувство, словно съ высокой горы смотришь внизъ на разстилающійся далеко подъ ногами ландшафтъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ. Въ разсказѣ на первомъ планѣ стоятъ члены семьи Ursleu. Они нарисованы такими крупными и яркими штрихами, что напоминаютъ фамильные портреты предковъ какого-нибудь древняго и славнаго рода, развѣшенные въ золоченыхъ рамахъ по всѣмъ стѣнамъ родового замка. Какъ образы, уже очищенные отъ всего земного, окруженные ореоломъ въ благоговѣйной памяти цѣлаго ряда поколѣній, стоятъ передъ нами идеализированные члены семьи Ursleu, и самыя ихъ историческія имена вызываютъ представленіе, словно они принадлежатъ далекому прошлому. На самомъ дѣлѣ это только художественный пріемъ, къ которому прибѣгаетъ авторъ, чтобы заставить читателя проникнуться мягкимъ настроеніемъ, сопровождающимъ воспоминанія объ отдаленномъ прошломъ.

Послѣ ознакомленія съ членами семьи Ursleu въ ихъ домашней обстановкѣ, они осторожно отодвигаются авторомъ на задній планъ, чтобы дать мѣсто основному содержанію романа—исторіи страстной любви. И тутъ, какъ на сценѣ, безшумно раздвигаются кулиссы, сцена незамѣтно мѣняется и, вмѣсто многочисленныхъ членовъ семьи, мы видимъ предъ собою лишь двѣ фигуры: молодого Ezard'а и его кузину Galeid'у. Съ ихъ появленіемъ все остальное сразу низводится на степень рамки, вступленія, второстепеннаго аксессуара; весь интересъ отнынѣ сосредоточивается на ихъ взаимной страсти и остромъ столкновеніи кузины съ прежней мирной семейной обстановкой. Въ концѣ концовъ, побѣждаетъ любовь, страшная, какъ звѣрь, и невинная какъ дитя. Въ сценахъ такого рода авторъ возвышается до необычайной мощи и пластичности изображенія. И что въ высшей степени замѣчательно—этотъ бурный и страстный романъ, въ цѣломъ, ведется въ самомъ спокойномъ и мягкомъ тонѣ. Мы ни на минуту не забываемъ, что разсказъ доносится къ намъ издалека, изъ тихой монастырской кельи, что передаетъ его намъ отрывками монахъ, въ смутной тревогѣ и молчаніи не разъ уже переживавшій все

то, что онъ теперь разсказываетъ. Отсюда то сдерживающее, умѣряющее настроеніе, которое проникаетъ отдѣльныя сцены, такъ что весь романъ производитъ впечатлѣніе художественно-исполненной нѣжной и мягкой пастели. Послѣ смерти жены Ezard'а происходитъ еще одинъ эпизодъ, о которомъ мы даже не сразу догадываемся, что это не простой эпизодъ, но что именно въ немъ скрытъ самый смыслъ всего произведенія. Galeida знакомится съ очень юнымъ молодымъ человѣкомъ, Гаспаромъ, братомъ ея умершей соперницы; онъ влюбляется въ нее и начинаетъ ухаживать за ней съ видомъ дерзкаго и невоспитаннаго мальчика. Сначала это ее забавляетъ и она съ нимъ слегка заигрываетъ. Но вдругъ, словно неожиданно обрушившееся на нее несчастіе, ее охватываетъ безумная страсть къ этому юнцу. И вотъ, почти на порогѣ отвоеваннаго, наконецъ, счастья, Galeida, въ порывѣ чисто демонической страсти, безъ сопротивленія отдается этому странному мальчику. Она, конечно, еще *сознаетъ* и умомъ и сердцемъ, что Ezard неизмѣримо превосходитъ его по уму, красотѣ и добротѣ, но она уже не *чувствуетъ* этого всѣми фибрами своей души, закружившейся въ вихрѣ новой, незнакомой ей страсти. И вмѣстѣ съ тѣмъ съ ужасающей силой охватываетъ ее сознаніе, что, несмотря на всѣ страданія и всѣ жертвы, сопровождающія ея первую глубокую любовь, и тамъ очевидно были элементы случайнаго и безумнаго. «Но зачѣмъ же тогда понадобилось судьбѣ послать намъ столько испытаній? И вотъ теперь все, все, все потеряно!—жалуется она.—Жизнь не имѣетъ для меня никакихъ прелестей и я ничего не жду больше отъ нея. Я не довѣряю моему сердцу и не могу слушаться голоса его». Такимъ образомъ и этимъ вторымъ эпизодомъ еще не заканчивается романъ. Здѣсь повторяется лишь то, что мы уже видѣли вначалѣ, при переходѣ отъ простой семейной хроники къ исторіи любви Ezard'а и Galeid'ы. Сцена постепенно мѣняется и все то, что раньше играло первостепенную роль, незамѣтно и тихо отступаетъ на задній планъ, а вмѣсто него выдвигается новое обстоятельство, едва замѣтное вначалѣ. И чѣмъ ближе мы подвигаемся къ концу, тѣмъ большее значеніе оно пріобрѣтаетъ. Galeida, истерзанная въ борьбѣ съ неопреоборимой страстью, кончаетъ самоубійствомъ, чтобы такимъ образомъ убѣжать отъ Гаспара и хотя бы послѣ смерти остаться вѣрной Ezard'у, которому она измѣнила при жизни. Такъ трагически кончаетъ эта пылкая, сложная натура; она гибнетъ жертвой собственнаго убѣжденія, что она не имѣетъ права насиловать жизненныя обстоятельства въ свою пользу, и разъ она сама является игрушкой случая, глупости, пошлости, тѣмъ менѣе она можетъ себѣ позволить играть чужой жизнью. Этотъ психологическій матеріалъ затронутъ и разработанъ съ самой современной точки зрѣнія. Умиротворенное настроеніе конца его удивительно красиво сливается въ одинъ аккордъ съ спокойнымъ

тономъ воспоминанія, въ которомъ одинокій монахъ Лудольфъ разсказываетъ намъ о жизни и гибели своей сестры. Чѣмъ ближе мы подвигаемся къ концу, тѣмъ художественнѣе и совершеннѣе затушевывается контрастъ между разсказчикомъ и его жизнерадостной сестрой, пока, наконецъ, нами какъ будто снова овладѣваетъ настроеніе, которое мы испытывали вначалѣ,—настроеніе душевнаго просвѣтленія при взглядѣ съ высоты тихой горы на далекій ландшафтъ, гдѣ вечерняя заря окутываетъ все въ легкій розовый туманъ и придаетъ окраску даже самымъ незначительнымъ подробностямъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось прочесть первое произведеніе тогда еще мало извѣстной, но теперь уже знаменитой нѣмецкой писательницы, которая идетъ почти діаметрально противоположной дорогой, чѣмъ Гухъ. Любовь молодой дѣвушки къ женатому человѣку изображена въ этомъ произведеніи чрезвычайно талантливо и красиво; въ самомъ началѣ мы видимъ, какъ здоровая и сильная страсть стихаетъ и смѣняется нѣмой тоской и безропотнымъ страданіемъ. Но вслѣдъ затѣмъ романъ, взятый изъ ранней юности самого автора, принимаетъ вдругъ совершенно неожиданный оборотъ, какъ это и случилось въ дѣйствительности. Молодой человѣкъ, слишкомъ мягкій и добрый, чтобы заставить жену согласиться на разводъ, уѣзжаетъ въ Турцію, принимаетъ магометанство и турецкое подданство, и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ право взять еще одну жену. Авторъ этого романа подъ заглавіемъ «Reines Herzens schuldig» и одно изъ дѣйствующихъ лицъ живой дѣйствительности, выведенной въ немъ, есть Елена Böhlau, нынѣшняя г-жа Al Rachid Bey. Съ тѣхъ поръ она написала еще много прекрасныхъ вещей, но мнѣ лично не приходилось у нея читать ничего, что было-бы проникнуто такой теплотой, какъ эта любовная исторія, хотя въ самой формѣ ея изложенія еще сильно чувствуется начинающій писатель. Романъ этотъ дышетъ нѣжной страстностью; въ дальнѣйшихъ-же ея произведеніяхъ эта черта выступаетъ менѣе ярко и подъ конецъ даже какъ-будто совершенно пропадаетъ. Только въ первомъ ея произведеніи счастливо слились истинно-поэтическая проникновенность съ повышенной впечатлительностью, что придавало ему ту свѣжесть, которая отличаетъ скоропреходящую юную дѣвичью красоту. Позже эту юношескую свѣжесть смѣнилъ болѣе зрѣлый, всесторонне развитой талантъ; но для меня лично этотъ талантъ потерялъ свое очарованіе, тотъ charme, который былъ присущъ ему. Helena Böhlau, уроженка Веймара, родины Гете, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ Іоганну Ниманъ и Рикарду Гухъ. Подобно тѣмъ, она отличается здоровьемъ и ясностью своихъ душевныхъ настроеній, чуждыхъ всякой слащавости и сентиментальности. Далѣе, въ большей степени, чѣмъ Ниманъ и Гухъ, она обладаетъ юмористическимъ талан-

томъ, благодаря которому отдѣльныя эпизодическія сцены нерѣдко являются лучшей частью ея произведеній. Наконецъ, еще одно крупное преимущество Елены Беллау,—это полное отсутствіе у нея предразсудковъ, что можно прослѣдить рѣшительно на всѣхъ темахъ, какія-бы она ни затрогивала. Нѣсколько уступаетъ она выше разобраннымъ писательницамъ въ отношеніи формы,—болѣе неряшливой и не лишенной погрѣшностей. Но, быть можетъ, именно этотъ недостатокъ въ связи съ легкостью изложенія и оригинальностью содержанія, составляющими огромное преимущество нашей писательницы, и составляетъ отличительную черту истинно талантливаго разсказчика. Пусть Іоганнѣ Ниманъ не посчастливилось изобразить тонкость какого-нибудь душевнаго воспріятія— и весь романъ ея теряетъ интересъ и читается съ трудомъ; стоитъ Ricard'ѣ Huch погрѣшить противъ формы и выдержанности тона—и все ея произведеніе теряетъ свою красоту и наводитъ скуку. Романы-же Helen'ы Böhlau могутъ грѣшить и противъ формы, и противъ содержанія, и все-таки они будутъ возбуждать въ читателѣ интересъ. И интересъ этотъ поддерживается не пошлымъ разсчетомъ на сенсаціонные эффекты, но исключительно благодаря живости и неутомимости таланта автора, какъ разсказчика; для него не существуетъ «пустыхъ мѣстъ» (todten Stellen). По моему мнѣнію, въ этомъ кроется главная причина того, что произведенія Helen'ы Böhlau нашли не въ примѣръ прежнимъ писательницамъ, гораздо большее распространеніе и что она попала въ избранные любимцы большой публики, хотя въ то-же время она несомнѣнно стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ тѣхъ писателей мужского и женскаго рода, которыхъ публика чтитъ за ихъ банальную болтовню. Незначительная антихудожественная черточка оказываетъ ей въ данномъ случаѣ, быть можетъ, не меньшую услугу, нежели богатый поэтическій темпераментъ, проникающій ея произведенія. Но какъ-бы тамъ ни было, ея романы, начиная съ самаго перваго, за которымъ сейчасъ-же послѣдовалъ томъ эскизовъ, подъ заглавіемъ «Rathsmädelgeschichten», ясно свидѣтельствуютъ о быстромъ ростѣ ея популярности. Болѣе извѣстны ея романы: «Im frischen Wasser», «der Rangierbahnhof», «das Recht der Mutter»; кромѣ того, ей принадлежитъ еще цѣлый рядъ другихъ, менѣе значительныхъ произведеній. Въ послѣднихъ двухъ изъ названныхъ произведеній Hel. Böhlau становится замѣтнымъ болѣе живой интересъ ея къ современному женскому движенію, который она трактуетъ какъ истинный художникъ, но отнюдь не въ формѣ тенденціозной публицистики. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ направленіи она шагнула дальше и Іог. Ниманъ, и Рикарды Гухъ, не взирая на то, что первая въ своемъ романѣ «Gustav Randersland» открыто подымаетъ вопросъ женской эмансипаціи, а вторая въ романѣ «Ursleu» дѣлаетъ скрытое допущеніе, что мужчины и женщины въ духовномъ отношеніи совершенно равны. Отношеніе Hel. Böhlau къ во-

просамъ женской эмансипаціи носитъ болѣе принципіальный и обдуманный характеръ. И хотя на ея міросозерцаніи лежитъ почать нѣкоторой безпорядочности и легкомыслія, да и вообще оно далеко не такъ логически стройно, какъ у тѣхъ двухъ, тѣмъ не менѣе, именно она направила всю силу своего таланта на то, чтобы стать, наконецъ, въ рядахъ истинно-передовыхъ борцовъ за права женщинъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы ея художественная аргументація была особенно убѣдительна; лучшая часть ея романа «Rangierbahnhof» ровно ничего не потеряла-бы, если бы тамъ совсѣмъ не было тирадъ въ пользу женскихъ правъ; а ея произведеніе «Recht der Mutter» прямо-таки страдаетъ въ художественномъ отношеніи—отчасти оттого, что всѣ разсужденія въ немъ принимаютъ почти абстрактный характеръ, частью-же оттого, что въ угоду защищаемымъ принципамъ она допускаетъ весьма рѣзкія преувеличенія и невѣроятности. По нашему мнѣнію, только одинъ ея романъ, почерпнутый изъ глубокихъ личныхъ переживаній автора «Reines Herzens schuldig», и въ этомъ отношеніи стоитъ неизмѣримо высоко. Онъ заставляетъ насъ непосредственно переживать душевное состояніе, полное одиночество молодой дѣвушки, только потому не умѣющей справиться, несмотря на самую отчаянную борьбу, съ своей беззавѣтной любовью и душевной тоской, что ее не научили плодотворно жить и наполнить эту жизнь настоящимъ духовнымъ или практическимъ содержаніемъ. Идти рука объ руку со своимъ возлюбленнымъ,—вотъ въ концѣ концовъ все то жизненное содержаніе, котораго она такъ страстно жаждетъ.

Helene Böhlau живетъ въ Мюнхенѣ, въ кругу женщинъ, которыя всецѣло отдались борьбѣ за женское дѣло. Съ нѣкоторыхъ поръ тамъ поселилась еще одна писательница, также жительница Веймара—Габріела Рейтеръ. Въ произведеніяхъ ея вопросъ женскаго эмансипаціоннаго движенія, столь живо интересующій всю Германію, нашелъ самое яркое и популярное выраженіе. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ она помѣщала романы и новеллы въ журналахъ для семейнаго чтенія, не добившись никакой извѣстности. При этомъ она уже давно носилась съ мыслью, которая до извѣстной степени висѣла въ воздухѣ, и должна была выразить то, что горѣло на устахъ многихъ сотенъ нѣмецкихъ женщинъ. Года два назадъ она обработала этотъ матеріалъ въ формѣ романа подъ заглавіемъ «Aus guter Familie», и огромный успѣхъ его не замедлилъ обнаружиться. Въ короткое время книга получила самое широкое распространеніе и выдержала такую массу изданій, какая даже въ нѣмецкой книжной торговлѣ является необычайной. Слава ея распространилась далеко за предѣлами страны и теперь это чуть-ли не самая популярная писательница въ Германіи.

Что-же такое представляетъ эта книга по содержанію и своему значенію? Въ ней разсказывается исторія страданій молодой дѣвушки изъ

хорошей семьи. Вся эта исторія такъ типична для буржуазіи, высшаго чиновничества, офицерства современной Германіи, а также для того тѣснаго круга, въ которомъ обречены жить ихъ жены и дочери, что книга положительно производитъ впечатлѣніе удачно исполненнаго портрета. Молодая дѣвушка Агата, вращающаяся въ этой обстановкѣ, настолько сама по себѣ средняя, ничѣмъ рѣшительно не выдающаяся натура, что уже по этому одному ея страданія и судьба напоминаютъ намъ о страданіяхъ многихъ и многихъ другихъ, такихъ-же, какъ она. Съ поразительной силой и правдивостью обрисовано ея воспитаніе, ея первая любовь безъ взаимности, какъ она хоронитъ свои дѣвичьи мечты, какъ постепенно рушится и самая надежда выйти замужъ; наступающая послѣ этого отчаянная борьба, чтобы хоть какимъ-нибудь, даже призрачнымъ духовнымъ содержаніемъ наполнить свою опустошенную душу, какъ, наконецъ, и эти старанія разбиваются отъ столкновенія съ непониманіемъ, условными предразсудками и привычками окружающей среды. Раздраженная и до чрезвычайности изнуренная Агата заболѣваетъ эротической истеріей, которая парализуетъ ея волю, доводитъ ее до паденія и жалкой приниженности и временами выражется въ припадкахъ безумія. Излеченная, однако, отъ этого ужаснаго нервнаго разстройства, она возвращается къ своему тѣмъ временемъ овдовѣвшему отцу, чтобы уже старой дѣвой, обездоленной и раздраженной, прожить жизнь и наполнить вязаніемъ свой безконечный, печальный досугъ. Читая эту книгу, нельзя не оцѣнить въ ней ту безпощадную правдивость и откровенность, лишенную всякихъ прикрасъ, съ какой авторъ, почти въ тонѣ исповѣди, изображаетъ интимнѣйшія переживанія одинокой нѣмецкой дѣвушки извѣстнаго круга. Но въ то же время при чтеніи чувствуешь себя совершенно разбитымъ и больнымъ; кромѣ того, сюда еще примѣшивается сильнѣйшее возмущеніе противъ слишкомъ широкаго обобщенія этой психической аномаліи. Вѣдь какою-бы правдой въ концѣ концовъ ни дышало все, здѣсь изображенное, но одного не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Агата не только средній человѣкъ, но еще слабохарактерный, совершенно лишенный темперамента человѣкъ, а такими вѣдь не всегда бываютъ средніе люди. Гдѣ есть темпераментъ, сила воли, тамъ возможно кое-какъ урегулировать свои желанія и влеченія сообразно съ окружающей средой и собственными силами, а тогда все уже не будетъ совершаться непремѣнно такъ, какъ старается показать авторъ; другими словами—это не будетъ настолько типично. Но даже и тамъ, гдѣ темпераментъ и воля совершенно отсутствуютъ, какъ у Агаты, также еще не обязательны всѣ эти ужасные порывы, эротическія влеченія. Жизнь большей частью гораздо легче приспособляется и къ окружающей обстановкѣ, и къ волѣ судьбы. Но въ стремленіи Агаты къ солнцу и въ высь,—во всемъ этомъ просто естественномъ и сильномъ стремленіи къ жизни и

любви, какъ-то невольно ищешь еще другихъ болѣе общихъ мотивовъ, благодаря чему и самая проблема мѣняетъ нѣсколько свою физіономію и принимаетъ характеръ общественной задачи. И когда читаешь другія лучшія произведенія Габр. Рейтеръ,—съ тѣхъ поръ она написала нѣсколько небольшихъ чудныхъ новеллъ,—такъ и кажется, будто снова видишь передъ собой слабовольную, лишенную темперамента дѣвушку, съ ея претензіями на тѣ радости жизни, которыя являются удѣломъ исключительно сильныхъ натуръ.

Обездоленная дѣвушка, покинутая, несчастная жена, которая въ сущности даже еще и не женщина—вотъ типъ, надъ которымъ почти постоянно работаетъ г-жа Рейтеръ и который единственно ей одной удается обрисовать съ полнотой и задушевностью. Весьма естественно, что благодаря этому она очень близко подходитъ къ женскому вопросу, и собственно этотъ злободневный интересъ въ значительной степени болѣе, чѣмъ художественная цѣнность ея сочиненія, сдѣлали его настольной книгой современныхъ женщинъ. На мой взглядъ только двѣ сцены въ ея романѣ весьма сильны въ художественномъ отношеніи, главнымъ образомъ по той манерѣ, съ какой она ихъ изображаетъ. Первая сцена, въ которой молодая невинная и неопытная дѣвушка вдругъ узнаетъ, что ея братъ, элегантный офицеръ, находится въ связи съ горничной ея родителей, послѣ чего она, переступая порогъ грязной спальни этой-же самой горничной, при видѣ грязной умывальной чашки и сломаннаго гребешка, съ содроганіемъ и ужасомъ впервые задумывается надъ тѣмъ, что такое, въ сущности, представляетъ собой чувственная любовь. Вторая сцена,—почти въ самомъ концѣ романа,—между героиней и ея кузеномъ. Онъ предлагаетъ уже не молодой дѣвушкѣ послѣдовать за нимъ въ Америку, чтобы зажить тамъ болѣе производительной и свободной жизнью. Она уже почти согласна принять это родственное предложеніе еще и потому, что начинаетъ любить его,—какъ вдругъ она замѣчаетъ, что онъ, чуждый очевидно какого-либо иного отношенія къ ней, кромѣ чисто родственнаго, начинаетъ заигрывать съ кельнершей ресторана, въ которомъ они обѣдаютъ.

Возможно, конечно, что узкое, но въ высшей степени современное поприще, на которомъ работаетъ Габр. Рейтеръ, а также затронутые ею вопросы, послужившіе къ ея славѣ, будутъ и впредь содѣйствовать ея дальнѣйшему художественному развитію и вдохновятъ ее на созданіе истинно прекрасныхъ вещей. И дѣйствительно, если мы прослѣдимъ только за произведеніями немногихъ писательницъ, разобранныхъ въ настоящей статьѣ, то мы замѣтимъ, какъ съ переходомъ отъ І. Ниманъ, Рик. Гухъ, Ел. Böhlau къ Габр. Рейтеръ вопросы современнаго женскаго движенія и общественной дѣятельности женщинъ выдвигаются въ ихъ сочиненіяхъ все больше впередъ, а самый взглядъ на эти вопросы

и расширяется, и обостряется. Через всѣ любовные сюжеты упомянутых романов, рядом ли с любовью, вопреки ей, или как эквивалент ея, ярко проходят вопросы женскаго развитія, получающіе здѣсь болѣе глубокое обоснованіе и истолкованіе. Наконец, в романѣ Г. Рейтер уже совершенно явственно, без прикрас, слышится вопль души, ищущей выхода из неудовлетворяющей ее болѣе односторонности личной любви, и это наболѣвшій крик многих чувствующих себя слишком угнетенными и требующих от искусства помощи и просвѣтлѣнія.

Германская женская литература, вѣроятно, еще надолго сохранит нынѣшній характер свой. И этот интерес к жгучим злобам дня, без сомнѣнія, будет приносить ей и пользу и вред в одно и то-же время. Вред постольку, поскольку ей остаются чужды истинно-художественныя цѣли и направленія; пользу же потому, что она тѣм временем будет развиваться и обогащаться новыми сильными импульсами. Но живое участіе женщин писательниц в том, что вообще волнует в настоящую минуту всѣх женщин, имѣет еще другое значеніе: оно пріучает их болѣе смѣло и серьезно относиться к своему призванію; отнынѣ их интимная, личная жизнь тѣсно связана с их призваніем и в него онѣ беззавѣтно вкладывают свои собственныя испытанія и жизненный опыт. Таким образом, народился новый тип пишущей женщины, и всего рѣзче и яснѣе он вырисовывается, повидимому, в Германіи. А чтобы видѣть, что это дѣйствительно так, стоит лишь сравнить германскую G. Reuter, наиболѣе яркую выразительницу этого типа, с баронессой ф. Суттнер. Хотя и послѣдняя также является почти единственной выразительницей этих животрепещущих вопросов в Австріи, но она едва-ли может заинтересовать какого нибудь психолога. Сію минуту мы, конечно, не можем еще знать, во что выльется это теченіе; но мы можем лишь надѣяться, что от полемики и борьбы переходнаго времени, ознаменовавшагося в большей мѣрѣ характерными, нежели истинно-прекрасными произведеніями, — теченіе это постепенно войдет в прекрасное, спокойное и ясное русло, и вмѣсто бурнаго потока мы снова увидим зеркальную поверхность моря, в котором будут молчаливо отражаться и небо, и земля.

Крестоносцы.

Историческая повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго Нат. Арабажиной.

За день до отъѣзда князя во дворъ пріѣхали братья Готфридъ и Ротгеръ, которые раньше были въ Цѣхановѣ, а съ ними вмѣстѣ пріѣхалъ нѣкій рыцарь де-Фурси, съ непріятною вѣстью для крестоносцевъ. Случилось такъ, что заграничные гости, гостившіе у старосты крестоносцевъ въ Любовѣ—де-Фурси, де-Берговъ и Майнегеръ, оба изъ родовъ, оказывавшихъ Ордену не мало услугъ, наслушавшись разсказовъ о Юрандѣ изъ Спыхова, не только не испугались, но порѣшили убѣдиться, дѣйствительно ли онъ такой страшный, какъ о немъ говорятъ. Правда, староста не соглашался на это, указывая на миръ, который существовалъ между Орденомъ и княжествомъ Мазовецкимъ, но въ концѣ-концовъ, можетъ быть, надѣясь на то, что онъ освободится отъ грознаго сосѣда, не только рѣшилъ смотрѣть на все это дѣло сквозь пальцы, но и позволилъ имъ взять съ собой вооруженныхъ кнехтовъ. Рыцари послали вызовъ Юранду, который немедленно принялъ его съ тѣмъ условіемъ, что они отправятъ людей и будутъ драться втроемъ съ нимъ и съ его тремя товарищами на самой границѣ между Пруссіей и Спыховымъ. Но такъ какъ они не соглашались ни отправить кнехтовъ, ни сойти со спыховскихъ земель, то онъ напалъ на нихъ, кнехтовъ убилъ, Майнегера пронзилъ копьемъ, а де-Бергова взялъ въ плѣнъ и бросилъ въ спыховскія подземелья. Одинъ только де-Фурси спасся и послѣ трехдневнаго скитанія по мазовецкимъ лѣсамъ, узнавъ отъ смолокуровъ, что въ Цѣхановѣ пребываютъ братья Ордена,—онъ пробрался къ нимъ, чтобы вмѣстѣ съ ними подать жалобу князю, просить о наказаніи и объ освобожденіи де-Бергова.

Эти вѣсти совершенно испортили добрыя отношенія между княземъ и гостями, потому что не только вновь прибывшіе братья, но и Гуго де Дансфельдъ и Зигфридъ де-Леве стали требовать отъ князя, чтобы онъ хоть разъ вступился за право Ордена, освободилъ границу отъ разбойника и учинилъ достойное наказаніе за всѣ его вины. Въ особенности же Гуго де-Дансфельдъ, имѣвшій давнишніе счеты съ Юрандомъ, воспоминаніе о которыхъ причиняло ему страданіе и вызывало краску стыда—тоже грозилъ мщеніемъ.

— Жалоба пойдетъ къ великому магистру,—говорилъ онъ,—и если мы не найдемъ суда у вашей княжеской милости, онъ самъ разсудитъ насъ, хотя бы за этихъ разбойниковъ стояла вся Мазовія.

Но князь, хотя отъ природы миролюбивый, теперь разсердился и сказалъ:

— Какого суда добиваетесь вы? Если бы Юрандъ первый напалъ на васъ, сжегъ деревни, загналъ стада и людей перебилъ, я, конечно, вызвалъ бы его на судъ и наказалъ бы его. Но вѣдь ваши рыцари первые напали на него. Вашъ староста разрѣшилъ взять кнехтовъ на бой, а что же сдѣлалъ Юрандъ? Вызовъ принялъ и только желалъ, чтобы люди отошли. Какъ же мнѣ наказывать его за это или на судъ вызывать? Задѣли за живое страшнаго человѣка, котораго всѣ боятся, и добровольно на свои головы накликали бѣду,—такъ что же вамъ теперь нужно? Неужели я долженъ ему приказать, чтобы онъ не защищался, если вамъ нравится нападать на него?

— На него нападалъ не Орденъ, а гости, чужіе рыцари,—отвѣчалъ Гуго.

— За гостей отвѣчаетъ Орденъ, а кромѣ того съ ними были кнехты изъ Любова.

— Неужели староста долженъ былъ отдать гостей на вѣрную гибель?

Въ отвѣтъ на это князь обратился къ Зигфриду и сказалъ:

— Взгляните, во что обращается въ вашихъ устахъ справедливость и не оскорбляютъ-ли Господа ваши извороты!

Но суровый Зигфридъ отвѣчалъ:

— Рыцарь де-Берговъ долженъ быть выпущенъ изъ тюрьмы, потому что мужи изъ его семьи бывали старшими въ Орденѣ и большіе услуги оказывали кресту.

— И смерть Майнегера должна быть отомщена,—прибавилъ Гуго де-Дансфельдъ.

Князь, услыхавъ это, расправилъ волосы на обѣ стороны, и вставъ со скамьи, направился къ нѣмцамъ съ зловѣщимъ лицомъ. Однако, черезъ минуту онъ вспомнилъ, что это были его гости, а потому онъ еще разъ сдержался, положилъ руку на плечо Зигфрида и сказалъ:

— Послушайте, староста: вы носите крестъ на плащѣ, а потому

отвѣчайте искренно,—во имя этого креста!—правъ ли былъ Юрандъ, или виноватъ?

— Рыцарь де-Берговъ долженъ быть выпущенъ на свободу,—отвѣчалъ Зигфридъ де-Леве.

Настала минута молчанія, наконецъ князь заговорилъ:

— Пошли мнѣ Господь терпѣніе!

А Зигфридъ продолжалъ своимъ рѣзкимъ, какъ удары меча, голосомъ:

— Это оскорбленіе, нанесенное намъ въ лицѣ нашихъ гостей, только лишній поводъ къ жалобѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Орденъ, никогда, ни въ Палестинѣ, ни въ Семиградѣ, ни въ до сихъ поръ языческой Литвѣ, ни одинъ человѣкъ не причинилъ намъ столько зла, сколько этотъ разбойникъ изъ Спыхова. Ваша княжеская милость! Мы требуемъ суда и наказанія не за одно это оскорбленіе, но за тысячи, не за одну битву, а за пятьдесятъ, не за однажды пролитую кровь, но за цѣлые года подобныхъ поступковъ, за которые небесный огонь долженъ былъ бы сжечь его безбожное гнѣздо злобы и преступленія. Чьи стоны взываютъ о мщеніи къ Богу?—Наши! Чьи слезы?—наши! Напрасно приносили мы жалобы, напрасно умоляли о правосудіи! — Намъ ни разу не отдали справедливости.

Услышавъ это, князь Янушъ покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Эхъ! въ прежнія времена крестоносцы не разъ гостили въ Спыховѣ, и Юрандъ не былъ вашимъ врагомъ до тѣхъ поръ, пока любимая имъ женщина не умерла на вашей веревкѣ. Но сколько разъ вы задѣвали его сами, желая его уничтожить, стереть съ лица земли, за то, что онъ вызывалъ и побѣждалъ вашихъ рыцарей? Сколько разъ подсылали къ нему разбойниковъ или мѣтили въ него въ лѣсу изъ луковъ? Правда, и онъ нападалъ на васъ, потому что его сжигала жажда мщенія,— но развѣ вы, или рыцари, которые поселились на вашихъ земляхъ, не нападали на мирныхъ людей въ Мазовіи, не загоняли стадъ, не жгли селъ, не убивали мужчинъ, женщинъ и дѣтей? А когда я жаловался магистру, такъ онъ изъ Мальборга отвѣчалъ мнѣ: «Обыкновенная пограничная неурядица!» Оставьте меня въ покоѣ!.. Не вамъ жаловаться, когда вы и меня самого схватили, невооруженнаго, въ мирное время, на моей собственной землѣ,—и если бы не страхъ передъ гнѣвомъ короля, такъ, можетъ быть, я бы и до сей поры томился въ подземельяхъ вашихъ. Такъ-то отплатили вы мнѣ, потомку вашихъ благодѣтелей. Оставьте меня въ покоѣ, потому что не вамъ говорить о справедливости!

Услыхавъ это, крестоносцы переглянулись, потому что имъ было непріятно и неловко, что князь вспомнилъ о событіи подъ Златоріей, въ присутствіи де-Фурси, а потому Гуго де-Дансфельдъ, желая положить конецъ дальнѣйшей бесѣдѣ, сказалъ:

— Относительно особы вашего высочества произошла ошибка, которую мы исправили не изъ страха передъ королемъ краковскимъ, но изъ чувства справедливости, а за пограничныя неурядицы магистръ нашъ отвѣчать не можетъ, потому что нѣтъ на свѣтѣ королевства, гдѣ-бы на границахъ онѣ не происходили.

— Ты самъ это говоришь, а требуешь суда надъ Юрандомъ. Чего-же вы хотите?

— Правосудія и наказанія.

Князь сжалъ свои костлявые кулаки и повторилъ:

— Пошли мнѣ Господи терпѣніе!

— Пусть ваше княжеское высочество вспомнитъ также и то,—продолжалъ Данефельдъ,—что наши нападаютъ только на свѣтскихъ людей и не принадлежащихъ къ нѣмецкому племени, а ваши подымаютъ руку противъ нѣмецкаго Ордена, чѣмъ оскорбляютъ самого Спасителя. А какихъ-же мукъ и каръ не достоинъ тотъ, кто оскорбилъ крестъ?

— Слушай!—сказалъ князь: ты Бога оставь, потому что Его тебѣ не обмануть.

И, взявъ крестоносца за плечи, онъ сильно встряхнулъ его, а тотъ оторопѣлъ и заговорилъ уже болѣе мягкимъ голосомъ:

— Если это правда, что наши гости первые напали на Юранда, и что они не отослали людей—я не хвалю ихъ за это, но правда-ли, что Юрандъ принялъ вызовъ?

Сказавъ это, онъ взглянулъ на де-Фурси, незамѣтно подмигивая ему, какъ-бы желая дать ему понять, чтобы онъ это опровергъ,—но де-Фурси, не желая или не имѣя возможности сдѣлать это, отвѣчалъ:

— Онъ желалъ, чтобы мы, отославъ людей, дрались съ нимъ втроемъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Честью своей клянусь! Я и де-Берговъ соглашались на это, но Майнегеръ отказался.

Тутъ князь снова вмѣшался въ разговоръ:

— Староста изъ Щитна! Вы знаете лучше другихъ, что Юрандъ отъ вызова не отказывается.—И, обратившись ко всѣмъ, онъ продолжалъ:

— Если кто-нибудь изъ васъ захотѣлъ-бы вызвать его на конный или пѣшій бой, то я разрѣшаю вамъ это. И если-бы Юрандъ былъ убитъ или взятъ въ неволю, рыцарь Берговъ выйдетъ на волю безъ выкупа. Большаго отъ меня не требуйте, потому что не получите.

Но послѣ этихъ словъ наступила полнѣйшая тишина. И Гуго де-Данефельдъ, и Зигфридъ де-Леве, и братъ Ротгеръ, и братъ Готфридъ, хотя и были мужественны, но слишкомъ хорошо знали страшнаго владѣльца Спыхова, чтобы кто-нибудь изъ нихъ рѣшился вступить въ борьбу на жизнь и смерть. Это могъ-бы сдѣлать только чужеземецъ,

вродѣ де-Лорхе или де-Фурси, но де-Лорхе не присутствовалъ при бесѣдѣ, а де-Фурси еще слишкомъ полонъ былъ всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ.

— Я видѣлъ его разъ и больше видѣть не желаю,—пробормоталъ онъ вполголоса.

— Монахи не имѣютъ права вступать на поединокъ, — сказалъ Зигфридъ де-Леве,—развѣ только съ особаго разрѣшенія магистра и великаго маршала, но мы здѣсь добиваемся не разрѣшенія на поединокъ, а только того, чтобы де-Берговъ былъ выпущенъ на свободу, а Юрандъ казненъ.

— Не вы тутъ законы устанавливаете.

— До сихъ поръ мы терпѣливо выносили тяжелое сосѣдство. Но магистръ нашъ съумѣетъ добиться правосудія.

— Далеко вамъ и вашему магистру до Мазовіи!

— За магистромъ стоятъ нѣмцы и римскій цезарь.

— А за мной—король польскій, которому подвластно больше земель и народовъ.

— Развѣ ваше княжеское высочество желаетъ войны съ орденомъ?

— Если-бы я желалъ войны, я не сталъ-бы ждать васъ въ Мазовіи, а пошелъ-бы на васъ. Но ты мнѣ не грози, потому что я не боюсь.

— Что-же мнѣ донести магистру?

— Вашъ магистръ ни о чемъ не спрашивалъ. Что хочешь, то и скажи.

— Тогда мы сами отомстимъ и накажемъ.

Въ отвѣтъ на это князь вытянулъ руку и сталъ грозить пальцемъ у самаго лица крестоносца.

— Берегись!—сказалъ онъ сдавленнымъ отъ гнѣва голосомъ,—берегись! Я позволилъ тебѣ вызвать Юранда, но если-бы ты вздумалъ ворваться ко мнѣ въ страну съ войскомъ Ордена, тогда и я ударю на тебя, и плѣнникомъ, а не гостемъ будешь ты сидѣть здѣсь.

Очевидно, терпѣніе его истощилось, потому что онъ съ силой ударилъ шапкой о столъ и вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ за собою дверью. Крестоносцы поблѣднѣли отъ бѣшенства, а рыцарь де-Фурси глядѣлъ на нихъ какъ-бы ошеломленный.

— Что теперь будетъ?—спросилъ первый братъ Ротгеръ.

А Гуго де-Данефельдъ чуть-ли не съ кулаками подскочилъ къ де-Фурси.

— Зачѣмъ ты сказалъ, что вы первые напали на Юранда?

— Потому что это правда!

— Надо было солгать.

— Я пріѣхалъ сюда драться, а не лгать.

— Хорошо ты дрался—нечего сказать!

— А ты развѣ не бѣжалъ до самаго Щитна отъ Юранда?

— Рах!—сказалъ де-Леве,—этотъ рыцарь—гость Ордена.

— И не все-ли равно, что онъ сказалъ,—вмѣшался братъ Готфридъ.—Безъ суда Юранда все равно не наказали-бы, а на судѣ его дѣло должно было бы выясниться.

— Что теперь будетъ?—повторилъ братъ Ротгеръ.

Наступила минута молчанія, но вотъ послышался суровый и рѣзкій голосъ Зигфрида де-Леве:

— Надо разъ навсегда покончить съ этимъ кровожаднымъ псомъ!—сказалъ онъ.—Де-Берговъ долженъ быть выпущенъ на свободу. Соберемъ гарнизоны изъ Щитна, Инспрука, Любова, возьмемъ хелминскую шляхту и нападемъ на Юранда... Пора съ нимъ покончить.

Но хитрый Данефельдъ, который умѣлъ всякое дѣло разсматривать съ двухъ сторонъ, заложилъ обѣ руки на голову, нахмурилъ брови и подумавъ сказалъ:

— Безъ разрѣшенія магистра нельзя...

— Если это удастся, то магистръ похвалитъ!—сказалъ братъ Готфридъ.

— А если не удастся? Если князь двинетъ копейщиковъ и ударитъ на насъ.

— Между нимъ и Орденомъ миръ: не ударитъ!

— Да, положимъ, миръ, но мы первые нарушимъ его. Наши гарнизоны не выдержатъ противъ Мазуръ.

— Тогда магистръ вступится за насъ и будетъ война.

Данефельдъ снова нахмурилъ брови и задумался.

— Нѣтъ, нѣтъ!—заговорилъ онъ потомъ.—Если удастся, магистръ въ душѣ будетъ радъ. Къ князю будутъ отправлены послы, войдутъ съ нимъ въ соглашеніе и намъ это пройдетъ безнаказанно. Но, въ случаѣ бѣды, орденъ не вступится за насъ и не объявитъ князю войны. Для этого нужно было-бы имѣть не такого магистра. За княземъ стоитъ польскій король, а съ нимъ магистръ не захочетъ ссориться.

— Во всякомъ случаѣ, мы взяли землю Добржинскую—значитъ—намъ не страшенъ Краковъ.

— Потому что была надежда... Опольчикъ... Мы взяли какъ-бы въ видѣ залога... да и то...

Тутъ онъ оглядѣлся вокругъ и, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Я слышалъ въ Мальборгѣ, что если-бы намъ пригрозили войной, то лишь-бы намъ отдали залогъ—мы и ее бы отдали.

— Ахъ!—сказалъ братъ Ротгеръ,—если-бы среди насъ былъ Марквартъ Зальцбахъ, или Шомбергъ, который задушилъ Витольдовыхъ щенятъ—такъ эти съумѣли-бы справиться съ Юрандомъ. Что Витольдъ? намѣстникъ Ягеллы! Великій князь, а тѣмъ не менѣе Шомбергу ни-

чего не досталось... Передушилъ дѣтей Витольда—и ничего!.. Дѣйствительно у насъ не достаетъ людей, которые всегда съумѣютъ найти средство.

Услыхавъ это, Гуго де-Данефельдъ оперся локтями на столъ и, подперевъ голову руками, задумался. Глаза его заблестѣли, онъ вытеръ рукой свои толстыя, влажныя губы и сказалъ:

— Благословенна будетъ та минута, въ которую вы, благочестивый братъ, вспомнили имя мужественнаго брата Шомберга.

— Отчего? Развѣ вы что-нибудь измыслили?—спросилъ Зигфридъ де-Леве.

— Говорите скорѣе!—закричали братья Ротгеръ и Готфридъ.

— Слушайте!—сказалъ Гуго.—Здѣсь у Юранда есть дочь, единственный ребенокъ, которую онъ любитъ и бережетъ какъ зеницу ока.

— Да! мы знаемъ ее! Ее любитъ также и княгиня Анна Данута.

— Да! Такъ слушайте, если-бы мы похитили эту дѣвушку, Юрандъ отдалъ-бы за нее не только Бергова, но и всѣхъ заключенныхъ, и себя самого и Спыхово въ придатокъ.

— Клянусь кровью святого Бонифація, пролитой въ Дохумѣ!—закричалъ братъ Готфридъ,—если-бы все было такъ, какъ вы говорите.

Они смолкли, какъ-бы испуганные смѣлостью и трудностями предпріятія. Только черезъ минуту братъ Ротгеръ обратился къ Зигфриду де-Леве.

— Вашъ умъ и опытность равняются вашему мужеству,—сказалъ онъ.—Что вы объ этомъ думаете?

— Думаю, что дѣло стоитъ того, чтобы объ немъ подумать.

— Потому что,—продолжалъ Ротгеръ,—дѣвушка—приближенная княгини—и любима ею, какъ дочь родная.

А Гуго де-Данефельдъ началъ смѣяться.

— Вы сами говорили,—сказалъ онъ,—что Шомбергъ убилъ или передушилъ щенятъ Витольда и что же ему за это было? Шумъ-то они поднимаютъ изъ за всякихъ пустяковъ, но если бы мы магистру послали Юранда на цѣпи, то насъ навѣрное ждала бы награда, а не наказаніе.

— Да,—заговорилъ де-Леве,—возможность сдѣлать нападеніе есть. Князь уѣзжаетъ, Анна Данута остается здѣсь только съ однѣми придворными дѣвушками. Однако, нападеніе на княжескій дворъ въ мирное время дѣло не важное. Княжескій дворъ не Спыхово. Это все равно, какъ въ Злотаріи! Снова во всѣ королевства и къ папѣ пойдутъ жалобы на насилія Ордена; снова откликнется съ угрозой проклятый Ягелло, а магистръ—да вѣдь вы знаете его—онъ радъ схватить все то, что дастъ себя схватить, но войны съ Ягеллой не хочетъ... Да! крикъ подымется по всѣмъ польскимъ и мазовецкимъ странамъ!

— А тѣмъ временемъ трупъ Юранда успѣетъ высохнуть на крюкѣ—

возразилъ братъ Гуго.—Да, наконецъ, кто вамъ говоритъ, что ее надо похитить отсюда, изъ подъ бока княгини?

— Да не изъ Цѣханова же, гдѣ кромѣ придворныхъ имѣется триста стрѣльцовъ.

— Нѣтъ. Но развѣ Юрандъ не можетъ заболѣть и прислать людей за дѣвочкой? Тогда княгиня не запретитъ ей ѣхать, а если дѣвушка по дорогѣ пропадетъ, такъ кто же скажетъ вамъ или мнѣ: ты похитилъ ее!

— Эхъ!—съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ де-Леве,—устройте-ка, чтобы Юрандъ заболѣлъ и прислалъ за дочерью!—Гуго торжествующе усмѣхнулся и отвѣчалъ:

— Есть у меня позолотчикъ, который изгнанъ изъ Мальборга за злодѣяніе и поселился въ Щитнѣ. Этотъ человѣкъ съумѣетъ вырѣзать какую угодно печать; есть у меня и люди, которые хотя и наши подданные, но мазуры по происхожденію... Развѣ вы меня еще не понимаете?..

— Понимаемъ!—воскликнулъ съ жаромъ братъ Готфридъ.

А Ротгеръ поднялъ руки кверху и сказалъ:

— Да пошлетъ тебѣ Господь счастье, благочестивый братъ, потому что ни Маркwартъ Зальцбахъ, ни Шомбергъ не съумѣли бы найти лучшаго способа.—Онъ прищурилъ глаза, какъ бы всматриваясь во что-то отдаленное, и сказалъ:

— Я вижу Юранда, какъ онъ съ веревкой на шеѣ стоитъ у гданскихъ воротъ въ Мальборгѣ и какъ толкаютъ его ногами наши солдаты...

— А дѣвушка останется служанкой Ордена,—прибавилъ Гуго.

Услыхавъ это, де-Леве бросилъ суровый взглядъ на Данефельда, а тотъ ударилъ себя рукой по губамъ и сказалъ:

— А теперь въ Щитно, какъ можно скорѣе!

VI.

Однако же, передъ отъѣздомъ въ Щитно, всѣ четыре брата и де-Фурси пошли прощаться съ княземъ и княгиней. Это прощаніе было, конечно, не очень дружеское; однако, князь, не желая по старому польскому обычаю выпускать гостей съ пустыми руками изъ своего дома, подарилъ каждому изъ братьевъ по красивой куньей шкурѣ и по гривнѣ серебра, а они, какъ монахи, которые обречены на нищенство, обѣщали не оставлять этихъ денегъ себѣ, но раздать бѣднымъ, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ велятъ молиться за здоровье, славу и будущее спасеніе души князя. Мазуры только улыбались втихомолку, слушая эти увѣренія, потому имъ хорошо была извѣстна алчность монашеская и еще лучше—лжи-

вость крестоносцевъ. Въ Мазовіи вошло въ поговорку: «какъ трусъ дышетъ, такъ крестоносецъ лжетъ». Князь тоже махнулъ рукой на подобную благодарность, а послѣ ихъ ухода сказалъ, что отъ такихъ молитвъ ему бы развѣ только на четвереньках добраться до неба.

Но еще раньше, при прощаніи съ княгиней, въ ту минуту, когда Зигфридъ де-Леве цѣловалъ ей руку, Гуго де-Данефельдъ подошелъ къ Данусѣ, положилъ руку на ея голову и, погладивъ ее, сказалъ:

— Намъ приказано платить добромъ за зло и любить даже враговъ нашихъ, а поэтому сюда пріѣдетъ монахиня и привезетъ вамъ цѣлебный герцинскій бальзамъ.

— Какъ же мнѣ отблагодарить васъ?—отвѣчала Дануся.

— Будьте другомъ Ордена и его монаховъ.

Услыхавъ эту бесѣду, де Фурси обратилъ вниманіе на красоту дѣвушки, а поэтому, когда всѣ они были уже на пути къ Щитну, онъ спросилъ:

— Что это за красивая придворная, съ которой вы разговаривали передъ отъѣздомъ!

— Это дочь Юранда!—отвѣчалъ крестоносецъ.

Де-Фурси изумился.

— Та, которую мы должны похитить?

— Да! а когда мы похитимъ ее, Юрандъ будетъ нашъ.

— Видно, не все дурно, что происходитъ отъ Юранда. Стоитъ быть сторожемъ такого плѣнника.

— Вы думаете, что съ ней было бы легче воевать, чѣмъ съ Юрандомъ?

— Я думаю то же, что и вы. Отецъ—врагъ Ордена, а передъ дочерью вы расточали медовыя рѣчи и вдобавокъ обѣщали ей бальзамъ.

Гуго де-Данефельдъ очевидно почувствовалъ потребность оправдать себя хоть нѣсколькими словами передъ Зигфридомъ де-Леве, который хотя не былъ лучше другихъ, однако, придерживался строгихъ правилъ и не разъ по этому поводу нападалъ на другихъ братьевъ.

— Я обѣщалъ ей бальзамъ,— отвѣчалъ Гуго де-Данефельдъ,— для этого молодого рыцаря, который былъ помятъ буйволомъ и съ которымъ она помолвлена. Если поднимется крикъ послѣ ея похищенія, такъ мы скажемъ, что мы не только не хотѣли вредить ей, но и посылали лекарство изъ чувства христіанскаго милосердія.

— Хорошо,—сказалъ де Леве.—Надо только послать какого-нибудь вѣрнаго человѣка.

— Я пошлю одну благочестивую женщину, которая вполнѣ предана Ордену. Я прикажу ей слушать и глядѣть. А когда наши люди прибудутъ, какъ бы отъ Юранда, они найдутъ уже все готовымъ...

— Такихъ людей трудно будетъ подобрать.

— Нѣтъ. У насъ народъ говоритъ на томъ же языкѣ, да и въ городѣ, даже среди кнехтовъ, и въ гарнизонѣ есть люди, которые бѣжали изъ Мазовіи,—правда, это разбойники, злодѣи, но зато они ничего не боятся и на все готовы. Я имъ обѣщаю въ случаѣ удачи большія награды, въ случаѣ неудачи—висѣлицу.

— А если они измѣнятъ намъ?

— Не измѣнятъ, потому что всѣ они заслужили себѣ въ Мазовіи колесованіе, и надъ каждымъ изъ нихъ виситъ смертный приговоръ. Имъ надо будетъ только дать приличную одежду, чтобы ихъ дѣйствительно приняли за истинныхъ людей Юранда, а главное письмо съ печатью Юранда.

— Надо все предусмотрѣть,—сказалъ братъ Ротгеръ,—можетъ быть, Юрандъ послѣ послѣдней битвы захочетъ повидаться съ княземъ, чтобы пожаловаться на насъ и оправдать себя. И будучи въ Цѣхановѣ, онъ зайдетъ къ дочери, въ маленькій замокъ. Тогда можетъ случиться, что наши люди, посланные къ дочери, найдутъ отца.

— Люди, которыхъ я выберу — это все шельмы, которыхъ не проведешь. Они будутъ знать, что если они нападутъ на Юранда, такъ всѣмъ приготовленъ крюкъ. Имъ самимъ важно, чтобы не наткнуться на Юранда.

— Однако, вѣдь можетъ же быть, что они всѣхъ схватятъ.

— Тогда мы откажемся и отъ нихъ, и отъ тѣхъ, кто докажетъ, что мы ихъ подослали! Наконецъ, если не будетъ похищенія, не будетъ и крика, а если нѣсколько десятковъ мазуровъ будутъ четвертованы, такъ Орденъ отъ этого нисколько не пострадаетъ.

А братъ Готфридъ, самый молодой изъ монаховъ, сказалъ:

— Я не понимаю ни вашей политики, ни вашего страха, чтобы не оказалось, что дѣвушка похищена по нашему приказанію. Вѣдь разъ она будетъ въ нашихъ рукахъ, надо же послать кого-нибудь къ Юранду сказать: «Твоя дочь у насъ, желаешь ли ты, чтобы она получила свободу, отдай за нее де-Бергова и самого себя...» Какъ же иначе?.. Но тогда станетъ извѣстнымъ, что мы приказали похитить дѣвушку.

— Правда!—сказалъ де-Фурси, которому не очень по вкусу приходилось все это дѣло:—зачѣмъ скрывать то, что все равно должно выясниться?

А Гуго де-Данефельдъ началъ смѣяться и, обратившись къ брату Готфриду, спросилъ:

— Какъ давно носите вы бѣлый плащъ?

— На первой недѣлѣ послѣ святой Троицы окончится шесть лѣтъ.

— Когда вы проносите его еще столько-же, тогда вы навѣрное лучше будете понимать дѣла Ордена. Юрандъ знаетъ насъ лучше, чѣмъ

вы. Ему такъ скажутъ: «За твоей дочерью смотритъ братъ Шомбергъ, и если ты хоть слово пикнешь, такъ вспомни дѣтей Витольда»...

— А потомъ?..

— Потомъ, де-Берговъ будетъ освобожденъ, а Орденъ будетъ тоже освобожденъ отъ Юранда.

— Нѣтъ! — воскликнулъ братъ Ротгеръ, — все такъ умно задумано, что Господь долженъ благословить наше предпріятіе.

— Господь благословляетъ всѣ дѣла, которыя имѣютъ цѣлью пользу Ордена,—сказалъ мрачный Зигфридъ де-Леве.

И они продолжали путь въ молчаніи, а передъ ними, на разстояніи двухъ-трехъ выстрѣловъ изъ лука, ѣхали ихъ свиты и расчищали дорогу, которая засыпана была снѣгомъ, выпавшимъ за ночь. На деревьяхъ лежалъ густой иней, день былъ хмурый, но теплый, такъ что отъ лошадей шелъ паръ. Изъ лѣсовъ къ людскимъ жилищамъ летѣли цѣлыя стаи воронъ, наполняя воздухъ зловѣщимъ карканьемъ.

Де-Фурси отсталъ нѣсколько отъ крестоносцевъ и ѣхалъ погруженный въ глубокія думы. Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ гостемъ Ордена, принималъ участіе въ набѣгахъ на Жмудь, гдѣ отличался большимъ мужествомъ, и принятый крестоносцами такъ, какъ только они умѣютъ принимать рыцарей изъ далекихъ странъ, онъ сильно привязался къ нимъ и, не имѣя собственнаго состоянія, собирался вступить въ ихъ ряды. А тѣмъ временемъ онъ то жилъ въ Мальборгѣ, то навѣщалъ знакомыя командоріи, ища въ этихъ путешествіяхъ приключеній и развлеченій. Пріѣхавъ недавно въ Любово, вмѣстѣ съ богатымъ де-Берговымъ и услыхавъ о Юрандѣ, онъ началъ пламенѣть жаждой сразиться съ человѣкомъ, о которомъ всюду носились такіе грозные слухи. Прибытіе Майнегера, который изъ всѣхъ состязаній выходилъ побѣдителемъ, ускорило дѣло. Комтуръ изъ Любова далъ людей: однако, онъ такъ много наговорилъ тремъ рыцарямъ не только о жестокости, но и о хитрости и вѣроломствѣ Юранда, что когда этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы они отправили людей, они не хотѣли согласиться на это, боясь, что если они это сдѣлаютъ, онъ окружитъ ихъ, убьетъ или броситъ въ спыховскіе подвалы. Тогда Юрандъ, думая, что рѣчь идетъ не только о рыцарскомъ поединкѣ, но и о грабежѣ, ударилъ на нихъ внезапно и нанесъ имъ страшное пораженіе. Де-Фурси видѣлъ де-Бергова на землѣ вмѣстѣ съ лошадью, видѣлъ Майнегера съ обломкомъ копья въ животѣ, видѣлъ людей, напрасно молящихъ о жалости, ему самому едва удалось пробиться, и нѣсколько дней онъ скитался по дорогамъ и лѣсамъ, и навѣрное сдѣлался-бы жертвой голодной смерти, или дикихъ звѣрей, если-бы случайно не попалъ въ Цѣханово, въ которомъ встрѣтился съ братьями Готфридомъ и Ротгеромъ. Изъ всего этого приключенія онъ вынесъ чувство униженія, стыда, ненависти, жажду мщенія и глубокое

сожалѣніе о де-Берговѣ, который былъ его близкимъ другомъ. Поэтому онъ отъ всей души присоединился къ жалобѣ рыцарей ордена, когда они добивались наказанія виновнаго и свободы несчастнаго товарища, а когда эта жалоба была отвергнута—онъ въ первую минуту готовъ былъ согласиться на всякія средства, которыми можно было-бы отомстить Юранду. Однако, теперь въ немъ заговорила совѣсть. Прислушиваясь къ разговорамъ монаховъ, а въ особенности къ тому, что говорилъ Гуго де-Данефельдъ, имъ неоднократно овладѣвало чувство глубокаго изумленія. Познакомившись въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ крестоносцами, онъ, правда, зналъ уже, что они совсѣмъ не такіе, какими ихъ представляютъ себѣ на западѣ и у нѣмцевъ. Однако, въ Мальборгѣ онъ познакомился съ нѣсколькими справедливыми и благородными рыцарями, которые сами нерѣдко жаловались на испорченность братьевъ, на ихъ развратность, на безнаказанность, и де Фурси чувствовалъ, что они правы, но, будучи самъ развратнымъ, не слишкомъ строго относился къ этимъ недостаткамъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно всѣ крестоносцы искупали свои недостатки мужествомъ. Онъ видѣлъ ихъ подъ Вильно, грудь съ грудью съ польскими рыцарями, при завоеваніи замковъ, защищаемыхъ съ нечеловѣческой настойчивостью польскими гарнизонами, онъ видѣлъ ихъ падающими подъ ударами топоровъ и мечей, въ общихъ штурмахъ или въ поединкахъ. Они были безпощадны и жестоки для литовцевъ, но въ то-же время были храбры какъ львы и лучи славы окружали ихъ, какъ солнце. Но теперь де-Фурси показалось, что Гуго де-Данефельдъ говоритъ такія вещи и предлагаетъ такіе способы, отъ которыхъ въ каждомъ рыцарѣ должна содрогнуться душа, а другіе братья нетолько не возстаютъ противъ него, но поддакиваютъ каждому его слову. Поэтому изумленіе еще больше охватило его и, наконецъ, онъ глубоко задумался, прилично-ли ему прикладывать руку къ такимъ дѣламъ.

Если-бы рѣчь шла только о похищеніи дѣвушки или о замѣнѣ ея де-Берговымъ, онъ еще, можетъ быть, согласился-бы на это, хотя его и тронула красота Дануси. Если-бы ему пришлось сторожить ее, онъ-бы ничего не имѣлъ противъ этого и даже не былъ увѣренъ, вышла-ли-бы она изъ его рукъ такою, какою она попала въ нихъ. Но крестоносцамъ важно было, очевидно, не это. Они съ помощью ея хотѣли получить вмѣстѣ съ Берговымъ и Юранда, обѣщать ему, что они выпустятъ ее, если онъ отдастъ себя за нее, а потомъ умертвить его, а вмѣстѣ съ нимъ, для скрытія обмана и преступленія, и дѣвушку. Вѣдь грозили-же ей судьбой дѣтей Витольда въ томъ случаѣ, еслибы Юрандъ отважился жаловаться. «Ничего они не хотятъ сдержать, а обоихъ обмануть, обоихъ уничтожать,—говорилъ себѣ де-Фурси;—а между тѣмъ они крестъ носятъ и больше чѣмъ кто другой должны быть уважаемы»—

и душа его съ каждымъ мгновеніемъ возмущалась все больше при видѣ такого безстыдства. Но онъ рѣшилъ раньше провѣрить, насколько основательны его подозрѣнія, а потому снова подъѣхалъ къ Данефельду и спросилъ:

— А если Юрандъ отдастся вамъ въ руки, выпустите-ли вы дѣвушку?

— Если-бы мы выпустили ее, то весь свѣтъ увидѣлъ-бы, что это мы схватили обоихъ,—отвѣчалъ Данефельдъ.

— Такъ, что-же вы съ нею сдѣлаете?

Въ отвѣтъ на это Данефельдъ наклонился къ говорившему и усмѣхнулся, показавъ при этомъ свои испорченные зубы.

— О чемъ вы спрашиваете? О томъ-ли, что мы сдѣлаемъ съ ней *передъ тѣмъ* или *послѣ того*?

Но де Фурси, узнавъ уже то, что желалъ знать, смолкъ, и еще нѣкоторое время, казалось, боролся съ собой, а потомъ приподнялся нѣсколько на стременахъ и заговорилъ такъ громко, чтобы его могли услышать всѣ четыре монаха:

— Благочестивый братъ Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ, который есть образецъ и украшеніе рыцарства, такъ однажды сказалъ мнѣ: «Еще между стариками въ Мальборгѣ можно найти рыцаря, достойнаго креста, но тѣ, которые сидятъ по пограничнымъ командоріямъ, только срамятъ Орденъ».

— Всѣ мы грѣшны, но служимъ Спасителю,—отвѣчалъ Гуго.

— Гдѣ ваша рыцарская честь? Спасителю служатъ не безчестными поступками. Знайте-же, что я не только ни къ чему рукъ не приложу, но и васъ не допущу.

— Чего не допустите?

— Не допущу предательства, обмана и позора.

— А какъ-же вы можете намъ запретить? Въ битвѣ съ Юрандомъ пострадала свита и повозки. Вы живете только по милости Ордена и умрете съ голоду, если мы не бросимъ вамъ куска хлѣба. А кромѣ того—вы одинъ, а насъ четверо—какъ-же вы можете не допустить?

— Какъ я могу не допустить?—повторилъ де-Фурси,—я могу возвратиться назадъ и предупредить князя, я могу предъ цѣлымъ свѣтомъ разгласить о вашемъ намѣреніи.

Переглянулись между собой братья и лица у нихъ исказились въ одно мгновеніе. Въ особенности Гуго де-Данефельдъ долго и пытливо всматривался въ лицо Зигфрида де-Леве, а потомъ обратился къ де-Фурси:

— Ваши предки уже служили Ордену,—сказалъ онъ,—и вы хотѣли въ него вступить, но мы предателей не принимаемъ.

— А я не хочу съ предателями служить.

— Эхъ! Вы не исполните вашей угрозы! Вы знаете, что Орденъ умѣетъ наказывать не только монаховъ...

А де-Фурси, котораго слова эти разсердили, вытащилъ мечъ, лѣвой рукой взялся за остріе, а правой рукой за рукоятку и сказалъ:

— Этой рукояткой, изображающей крестъ, головой святого Діонисія, моего патрона, и моей рыцарской честью клянусь, что я предостерегу князя мазовецкаго и магистра.

Гуго де-Данефельдъ снова пытливо взглянулъ на Зигфрида де-Леве, а тотъ опустилъ вѣки, какъ-бы соглашаясь на что-то.

Тогда Данефельдъ заговорилъ какимъ-то странно измѣнившимся и глухимъ голосомъ:

— Святой Діонисій могъ самъ нести свою отрубленную голову, но если ваша голова упадетъ...

— Вы мнѣ угрожаете?—прервалъ его де-Фурси.

— Нѣтъ, только убиваемъ!—отвѣчалъ Данефельдъ и съ такой силой ударилъ его ножомъ въ бокъ, что все остріе скрылось въ тѣлѣ по самую рукоятку. Де-Фурси закричалъ страшнымъ голосомъ, нѣсколько мгновеній старался правой рукой схватиться за мечъ, который онъ держалъ въ лѣвой, но опустилъ его на землю, и въ ту-же минуту всѣ три брата остановились и безпощадно начали колоть его ножами въ шею, грудь, животъ, пока онъ не упалъ съ лошади.

Послѣ этого наступила минута молчанія. Де-Фурси, истекая кровью изъ нѣсколькихъ десятковъ ранъ, бился на снѣгу и въ судорогахъ царапалъ его руками. А съ свинцоваго неба долетало только карканье воронъ, летящихъ изъ глухихъ лѣсовъ къ людскимъ жилищамъ.

И вотъ начался поспѣшный разговоръ между убійцами:

— Люди не видали!—сказалъ прерывающимся голосомъ Данефельдъ.

— Нѣтъ. Свиты всѣ впереди, ихъ и не видно,—возразилъ Леве.

— Слушайте: это будетъ поводомъ для новой жалобы. Разнесемъ, что мазовецкіе рыцари напали на насъ и убили нашего товарища. Мы подымемъ такой крикъ, и его услышатъ даже въ Мальборгѣ, что на княжескихъ гостей нападаютъ убійцы. Слушайте, надо говорить, что князь не только не хотѣлъ выслушать наши жалобы на Юранда, но велѣлъ убить жалобщика.

Въ эту минуту де-Фурси перевернулся навзничь въ послѣдней конвульсіи и теперь лежалъ неподвижно, съ кровавой пѣной на губахъ и съ ужасомъ въ мертвыхъ, уже широко открытыхъ глазахъ. Братъ Ротгеръ взглянулъ на него и сказалъ:

— Взгляните, благочестивые братья, какъ Богъ караетъ одно лишь намѣреніе измѣны.

— То, что мы сдѣлали, мы сдѣлали ради пользы Ордена,—отвѣчалъ Готфридъ.—Слава тѣмъ...

Но онъ прервалъ свою рѣчь, такъ-какъ въ эту самую минуту сзади

нихъ, на поворотѣ дороги, показался какой-то всадникъ, который летѣлъ во всю прыть. Увидѣвъ его, Гуго де-Данефельдъ быстро воскликнулъ:

— Кто-бы онъ ни былъ—онъ долженъ умереть.

А де-Леве, который, хотя и былъ самый старшій изъ нихъ, но имѣлъ очень острое зрѣніе, сказалъ:

— Я узнаю его: это тотъ оруженосецъ, который убилъ тура топоромъ. Да, такъ и есть, это онъ!

— Возьмитесь за ножи, чтобы онъ не испугался,—снова заговорилъ Данефельдъ.—Я снова ударю первый, а вы за мной.

Тѣмъ временемъ чехъ подъѣхалъ и, будучи не далѣе, какъ на разстояніи восьми-десяти шаговъ, остановилъ лошадь. Онъ видѣлъ трупъ въ лужѣ крови, лошадь безъ сѣдока, и изумленіе отразилось на его лицѣ, но продолжалось только одно мгновеніе ока. Черезъ мгновеніе онъ обратился къ братьямъ такъ, какъ будто онъ ничего не видѣлъ, и сказалъ:

— Бью вамъ челомъ, могучіе рыцари!

— Мы тебя узнали, — отвѣчалъ Данефельдъ, медленно приближаясь.—Нужно тебѣ что-нибудь отъ насъ?

— Меня послалъ рыцарь Збышко изъ Богданца, за которымъ я ношу оружіе и который помятъ туромъ на охотѣ, самъ онъ не могъ ѣхать къ вамъ.

— Что нужно твоему господину отъ насъ?

— За то, что вы несправедливо осудили Юранда изъ Спыхова, вредя его рыцарской чести, мой господинъ велитъ сказать вамъ, что вы поступили не какъ настоящіе рыцари, но какъ псы, а кому изъ васъ не нравятся эти слова, того онъ вызываетъ на поединокъ, пѣшій или конный, до послѣдняго издыханія, и на этотъ поединокъ онъ явится тогда, когда съ помощью Господа выздоровѣетъ.

— Скажи своему господину, что рыцари ордена терпѣливо выносятъ оскорбленія ради имени Спасителя, а на поединки безъ особаго разрѣшенія магистра или великаго маршала выходить не могутъ, но за этимъ разрѣшеніемъ мы пошлемъ въ Мальборгъ.

Чехъ снова взглянулъ на трупъ де-Фурси, потому что онъ былъ посланъ главнымъ образомъ къ нему. Збышко зналъ, что монахи не выходятъ на поединокъ, но услыхавъ, что среди нихъ былъ свѣтскій рыцарь, онъ хотѣлъ вызвать его, думая, что этимъ онъ успокоитъ Юранда и привлечетъ къ себѣ. А между тѣмъ этотъ рыцарь лежалъ зарѣзанный, какъ волъ, среди четырехъ крестоносцевъ.

Правда, чехъ не понималъ, что произошло, но такъ-какъ съ дѣтскихъ лѣтъ освоился со всякими опасностями, то теперь онъ почуялъ ее. Его изумило также и то, что Данефельдъ, разговаривая съ нимъ, все ближе подходилъ къ нему, что всѣ остальные стали подъѣзжать съ

боковъ, какъ-бы желая незамѣтно окружить его, поэтому онъ сталъ на сторожѣ, въ особенности потому, что при немъ не было вооруженія, которое онъ впопыхахъ забылъ взять. А Данефельдъ все приближался и приближался:

— Я обѣщалъ твоему господину цѣлительный бальзамъ, а онъ дурно платитъ мнѣ за мое доброе дѣло. Впрочемъ, это обыкновенно такъ у поляковъ... Но такъ-какъ онъ тяжело раненъ и можетъ быть скоро предстанетъ передъ Богомъ, то ты скажи ему...

Тутъ онъ лѣвой рукой оперся на плечо чеха.

— ...Ты скажи ему, что я вотъ какъ отвѣчаю!..

И въ ту-же минуту въ его рукѣ блеснулъ ножъ у самаго горла оруженосца, но ему не удалось всадить его, потому что чехъ, который уже давно слѣдилъ за его движеніями, схватилъ его правую руку своими желѣзными руками, выгнулъ ее, повернулъ такъ, что кости и суставы хрустнули,— и только услыхавъ страшный крикъ страданья, онъ дернулъ лошадь и полетѣлъ какъ стрѣла, прежде чѣмъ другіе успѣли загородить ему путь.

Братья Ротгеръ и Готфридъ погнались-было за нимъ, но скоро возвратились, испуганные страшнымъ крикомъ Данефельда. Де-Леве поддерживалъ его подъ руки, а онъ, съ блѣднымъ, посинѣвшимъ лицомъ, кричалъ такъ, что даже люди изъ свиты, ѣдущіе съ повозками значительно впереди, остановили лошадей.

— Что съ вами?—спросили братья.

Но де-Леве приказалъ имъ ѣхать какъ можно скорѣе и прислать повозку, потому что, очевидно, Данефельдъ не могъ усидѣть на лошади. Черезъ минуту холодный потъ покрылъ его лобъ и онъ лишился чувствъ.

Когда подъѣхала повозка, его уложили на соломѣ и всѣ двинулись къ границѣ. Де-Леве спѣшилъ, такъ-какъ понималъ, что послѣ всего того, что произошло, время терять нельзя, даже ради Данефельда. Сѣвъ съ нимъ на повозку, онъ отъ времени до времени вытиралъ снѣгомъ его лицо, но возвратить его въ чувство онъ не могъ. Только уже по близости отъ границы Данефельдъ открылъ глаза и сталъ осматриваться вокругъ, какъ-бы съ изумленіемъ.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ Леве.

— Я не чувствую боли, но не чувствую и руки, — отвѣчалъ Данефельдъ.

— Потому что она онѣмѣла. Оттого и боль прошла. А въ теплой комнатѣ снова заболитъ. А тѣмъ временемъ поблагодарите Господа и за минутное облегченіе.

Ротгеръ и Готфридъ тотчасъ приблизились къ повозкѣ:

— Произошло несчастіе,—сказалъ первый,—что-же теперь будетъ?

— Мы скажемъ, — слабымъ голосомъ заговорилъ Данефельдъ, что оруженосецъ убилъ де Фурси.

— Новое ихъ преступленіе и виновникъ извѣстенъ! — прибавилъ Ротгеръ.

VII.

Тѣмъ временемъ Чехъ однимъ духомъ прилетѣлъ къ лѣсному замку и еще засталъ тамъ князя и первому ему разсказалъ, что произошло. Къ счастью, тутъ находились придворные, которые видѣли, что оруженосецъ выѣхалъ безъ вооруженія. Одинъ изъ нихъ даже полушутя крикнулъ ему вслѣдъ, чтобы онъ взялъ хоть какое-нибудь оружіе на дорогу, потому что иначе нѣмцы поколотятъ его, но Чехъ, боясь, чтобы они не успѣли переѣхать черезъ границу, вскочилъ на коня такъ какъ былъ, только въ кожухѣ, и полетѣлъ за ними. Эти свидѣтельства разсѣяли всѣ подозрѣнія князя о томъ, кто могъ быть убійцей де-Фурси, но зато наполнили его такимъ безпокойствомъ и такимъ гнѣвомъ, что въ первую минуту онъ хотѣлъ выслать погоню за крестоносцами, чтобы потомъ въ цѣпяхъ отослать ихъ къ великому магистру, для наказанія. Но черезъ мгновеніе онъ самъ понялъ, что ему не удалось бы нагнать ихъ до границы, и сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, я пошлю письмо къ магистру, чтобы онъ зналъ, что они тутъ творятъ. Плохія дѣла дѣлаются въ Орденѣ, раньше послушаніе было большое, а теперь всякій комтуръ своей властью начинаетъ. Воля Господня, но за тѣмъ слѣдуетъ наказаніе.

Онъ задумался, но черезъ минуту снова заговорилъ съ придворными:

— Я только одного не могу никакъ понять: зачѣмъ они убили гостя — и если бы не то, что этотъ оруженосецъ поѣхалъ безъ вооруженія, такъ я бы подозрѣвалъ, что это онъ.

— Эхъ, — сказалъ ксендзъ Вышонекъ, — а зачѣмъ же этому слугѣ было убивать его, вѣдь онъ его никогда раньше не видѣлъ, а кромѣ того, если бы у него и было оружіе, какъ же бы могъ онъ броситься на пятерыхъ — и на ихъ вооруженныя свиты?

— Это дѣйствительно правда, — сказалъ князь. — Этотъ гость, должно быть, не согласился съ ними въ чемъ-нибудь, или, можетъ быть, онъ не хотѣлъ такъ лгать, какъ имъ было надо, я ужъ тутъ видѣлъ, какъ они моргали ему, чтобы онъ сказалъ, что Юрандъ первый началъ.

А Мрокота изъ Моцаржева сказалъ:

— Это здоровый молодецъ, если онъ этой собакѣ Данефельду руку вывернулъ.

— Онъ говоритъ, что самъ слышалъ, какъ у нѣмца кости хрустнули, — отвѣчалъ князь, — и вспоминая то, что онъ сдѣлалъ въ лѣсу, — этому можно повѣрить. Очевидно, и съ господиномъ, и со слугой шутки

плохи. Если бы не Збышко — туръ бросился бы на лошадей. И де Лорхе, и ему, обоимъ имъ княгиня обязана своимъ спасеніемъ...

— Да, съ ними шутки плохи,—повторилъ ксендзъ Вышонекъ.— Вотъ и теперь Збышко еще едва дышетъ, а уже заступился за Юранда и вызвалъ нѣмцевъ... Именно такого зятя надо Юранду.

— Въ Краковѣ Юрандъ говорилъ что-то другое, но теперь я думаю, что онъ не воспротивится—сказалъ князь.

— Христосъ устроилъ это,—отозвалась княгиня, которая вошла въ эту минуту и услыхала конецъ бесѣды.—Теперь Юрандъ не можетъ воспротивиться, лишь бы Господь послалъ здоровье Збышко. Но и съ нашей стороны ему должна быть награда.

— Лучшая для него награда будетъ Дануся, и я тоже думаю, что онъ ее получитъ, и это потому, что если бабы чего-нибудь захотятъ и за что-нибудь возьмутся, такъ противъ нихъ и Юранду ничего не подѣлать.

— Но развѣ я не по всей справедливости взялась за это?—спросила княгиня.—Если бы Збышко былъ плохой, тогда нечего было бы говорить. Но лучшаго на всемъ свѣтѣ не найти. И дѣвушка тоже. Она теперь ни на шагъ отъ него не отходитъ и по щекѣ его гладитъ, а онъ даже, не смотря на свои страданія, улыбается ей. У меня у самой иногда слезы изъ глазъ льются! Я правду говорю. Такой любви стоитъ придти на помощь, потому что и Божья Матерь охотно видитъ счастье человѣческое.

— Лишь бы была воля Божья,—сказалъ князь,—такъ и счастье будетъ. Но это правда: первый разъ ему едва изъ-за этой дѣвушки голову не отсѣкли, а теперь туръ его помялъ.

— Не говори, что это «изъ-за нея!»—живо воскликнула княгиня,—потому что въ Краковѣ его спасла Дануся, а не кто другой.

— Это правда. Но если бы не она, такъ онъ не бросился бы на Лихтенштейна для того, чтобы сорвать у него павлиньи перья, и за де-Лорхе онъ такъ охотно не подставилъ бы спину. Но что касается награды, то они оба достойны ея и я въ Цѣхановѣ обдумаю, какую имъ дать.

— Для Збышко ничего не могло бы быть пріятнѣе рыцарскаго пояса и золотыхъ шпоръ.

А князь, услыхавъ это, добродушно усмѣхнулся и отвѣчалъ:

— Такъ пусть дѣвушка сама отнесетъ ихъ ему, а когда его болѣзнь пройдетъ, такъ мы позаботимся о томъ, чтобы все произошло согласно обычаю. Пусть она ихъ ему сейчасъ же отнесетъ, потому что ничего нѣтъ лучше неожиданной радости.

Услыхавъ это, княгиня обняла князя въ присутствіи придворныхъ, потомъ нѣсколько разъ поцѣловала его руку, а онъ, не переставая улыбаться, сказалъ:

— Видишь!.. Да! тебѣ въ голову пришла хорошая мысль. Святой Духъ и женщинамъ не поскупился на разумъ. Позови же дѣвушку.

— Дануся, Дануся!—закричала княгиня.

Черезъ минуту въ боковыхъ дверяхъ появилась Дануся съ покраснѣвшими отъ безсонницы глазами и съ миской, полной домящейся каши, которою ксендзъ Вышонекъ обкладывалъ помятыя кости Збышко и которую старая придворная только что передала ей.

— Подойди ко мнѣ, сиротинка!—сказалъ князь Янушъ.—Поставь миску и приди сюда.

И когда она несмѣло приблизилась къ нему, потому что князь всегда возбуждалъ въ ней чувство страха, онъ прижалъ ее къ себѣ, сталъ гладить ея щеки и сказалъ:

— Ну, что, пришло и къ тебѣ горе, дитя мое? да?

— Да!—отвѣчала Дануся.

И такъ какъ на сердцѣ ея было тяжело, а слезы близки, она тотчасъ же заплакала, но тихонько, чтобы не обидѣть князя; но онъ снова спросилъ:

— Объ чемъ ты плачешь?

— Объ томъ, что Збышко боленъ,—отвѣчала она, закрывая глаза руками.

— Не бойся, онъ выздоровѣетъ. Правда, отецъ Вышонекъ.

— Эхъ! Слава Богу, ему ближе къ свадьбѣ, чѣмъ къ могилѣ,—отвѣчалъ добрый ксендзъ Вышонекъ.

А князь продолжалъ:

— Подожди, а пока что, я дамъ тебѣ для него лекарство, отъ котораго ему станетъ легче, а можетъ быть онъ и совсѣмъ выздоровѣетъ.

— Крестоносцы прислали бальзамъ?—воскликнула съ живостью Дануся, отымая руки отъ глазъ.

— Тѣмъ, что тебѣ крестоносцы пришлютъ, ты лучше собаку вымажи, а не рыцаря, котораго любишь. Нѣтъ, я дамъ тебѣ что-то другое.

Потомъ онъ обратился къ придворнымъ и сказалъ:

— Пусть кто-нибудь изъ васъ пойдетъ въ комору за шпорами и поясомъ.—И когда ему принесли ихъ, онъ обратился къ Данусѣ:—Возьми и отнеси Збышко и скажи ему, что съ этой минуты онъ опоясанъ. Если онъ умретъ, то предстанетъ передъ Богомъ, какъ miles cinctus, а если нѣтъ, то остальное мы дополнимъ въ Варшавѣ или Цѣхановѣ.

Услыхавъ это, Дануся прежде всего упала передъ княземъ на колѣни, а потомъ, схвативъ одной рукой знаки рыцарскаго достоинства, а другой миску съ кашей побѣжала въ комнату, въ которой лежалъ Збышко. Княгиня, желая увидѣть ихъ радость, пошла за ней.

Збышко былъ тяжело боленъ, но увидавъ Данусю, обратилъ къ ней поблѣднѣвшее отъ страданій лицо и спросилъ:

— Возвратился-ли чехъ, моя ягодка?

— Что чехъ!—отвѣчала дѣвушка.—Я тебѣ принесла лучшую новость. Господинъ опоясалъ тебя и вотъ что посылаетъ тебѣ черезъ меня.

Сказавъ это, она положила ему поясъ и золотыя шпоры. Блѣдное лицо Збышко озарилось радостью и изумленіемъ, потомъ онъ взглянулъ на Данусю, потомъ на поясъ и шпоры, и закрывъ глаза сталъ повторять:

— Какъ же онъ могъ опоясать меня?

Когда въ эту минуту въ комнату вошла княгиня, онъ нѣсколько приподнялся на рукахъ и сталъ благодарить всемилостивѣйшую государыню, и просить прощенія за то, что не могъ упасть къ ея ногамъ, потому что онъ сразу отгадалъ, что этимъ счастьемъ обязанъ ей. Но она приказала ему успокоиться и собственными руками помогла Данусѣ уложить его голову на изголовьѣ. А тѣмъ временемъ пришелъ князь, а съ нимъ вмѣстѣ и ксендзъ Вышонекъ, Мрокота и нѣсколько другихъ придворныхъ. Князь Янушъ издали еще подалъ знакъ рукой, чтобы Збышко не двигался, а потомъ, сѣвъ у постели его, сказалъ слѣдующее:

— Знаете! Нечего удивляться, что за мужественныя дѣла бываетъ расплата. Потому что, если бы добродѣтель должна была остаться безъ награды, тогда и несправедливости человѣческія оставались бы безнаказанными. А за то, что ты не щадилъ живота и не боясь потерять здоровье защищалъ насъ отъ страшной опасности, я позволяю тебѣ опоясаться рыцарскимъ поясомъ и съ этой минуты въ почести и славѣ пребывать.

— Всемилостивѣйшій господинъ!—отвѣчалъ Збышко,—я бы охотно и десять разъ не щадилъ живота...

Но онъ не могъ ничего больше сказать изъ-за волненія, а также и потому, что княгиня положила ему руку на ротъ, потому что ксендзъ Вышонекъ не позволялъ ему говорить. А князь продолжалъ:

— Да! я думаю, что ты знаешь рыцарскія обязанности и что ты будешь достоинъ носить эти украшенія. Ты долженъ служить нашему Спасителю и воевать съ владыкой преисподней. Ты долженъ вѣрно служить земному помазаннику, избѣгать несправедливыхъ битвъ, долженъ защищать невинность, въ чемъ да поможетъ тебѣ Господь и его святыя муки!

— Аминь!—сказалъ ксендзъ Вышонекъ.

А князь всталъ, перекрестилъ Збышко и уходя сказалъ:

— А когда выздоровѣешь, поѣзжай прямо въ Цѣханово, куда я пошлю и Юранда.

VIII.

Черезъ три дня пріѣхала женщина съ обѣщаннымъ бальзамомъ, а съ ней вмѣстѣ прибылъ и капитанъ стрѣльцовъ изъ Щитна, съ письмомъ, подписаннымъ братьями и снабженнымъ печатью Данефельда, въ которомъ крестоносцы призывали небо и землю свидѣтелями тѣхъ обидъ, которыя имъ были нанесены въ Мазовіи, и подъ угрозой мщенія Господа Бога требовали наказанія за убійство «дорогого товарища и гостя». Данефельдъ продиктовалъ письмо и жалобу отъ себя въ почтительныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грозныхъ словахъ за то, что тяжело искалѣченъ и требовалъ смертнаго приговора чеху. Князь разорвалъ письмо въ присутствіи капитана, бросилъ его ему подъ ноги и сказалъ:

— Магистръ прислалъ ихъ сюда для того, чтобы они со мной согласились, а они только меня въ гнѣвъ ввели. Скажи имъ отъ меня, что они сами убили гостя и слугу хотѣли тоже убить, о чемъ я напишу магистру и еще прибавлю, чтобы онъ выбиралъ другихъ пословъ, если онъ хочетъ, что-бы я въ случаѣ войны съ королемъ краковскимъ не стоялъ съ нимъ на одной сторонѣ.

— Милостивый государь! — возразилъ капитанъ, — долженъ ли я отвести могущественнымъ и благочестивымъ братьямъ только этотъ отвѣтъ?

— Если этого мало, то скажи имъ, что я считаю ихъ песьимъ отродьемъ, а не рыцарями! — и на этомъ кончилась бесѣда. Капитанъ уѣхалъ, потому что и князь уѣхалъ въ тотъ же день въ Цѣханово. Осталась только «сестра» съ бальзамомъ, котораго, однако, недовѣрчивый ксендзъ Вышонекъ не позволилъ употребить, тѣмъ болѣе, что послѣднюю ночь больной спалъ хорошо и на другой день проснулся, правда сильно ослабѣвшій, но безъ лихорадки. Послѣ отъѣзда князя, сестра сейчасъ же выслала одного изъ своихъ слугъ за новымъ лекарствомъ, — за «базилисковыми яйцами», которыя, увѣряла она, возвращаютъ силы даже умирающимъ, а сама она ходила по всему дому покорная, не владѣя одной рукой, одѣтая, правда, въ свѣтскую одежду, но очень похожую на монашескую съ четками у пояса. Она хорошо говорила по польски, съ большой заботливостью разспрашивала прислугу и о Збышко, и о Данусѣ, которой она при случаѣ подарила іерихонскую розу, а на другой день, въ то время когда Збышко спалъ и дѣвушка сидѣла въ трапезной, она придвинулась къ ней и сказала:

— Да благославитъ васъ Господь! Сегодня ночью, послѣ молитвы, мнѣ снилось, что сквозь падающій снѣгъ къ вамъ шло двое рыцарей, но одинъ изъ нихъ раньше дошелъ до васъ и обвилъ васъ бѣлымъ плащемъ, а другой сказалъ: «я вижу только снѣгъ, а ея не вижу» и возвратился обратно.

А Дануся, которой хотѣлось спать, сейчасъ же съ любопытствомъ открыла свои голубые глаза и спросила:

— Что же это означаетъ?

— То значитъ, что получитъ васъ тотъ, кто любитъ васъ сильнѣе другихъ.

— Это Збышко!—отвѣчала дѣвушка.

— Не знаю, потому что лица его не видѣла, я видѣла только плащъ, а потомъ я сейчасъ же проснулась, потому что Господь нашъ Іисусъ Христосъ каждую ночь посылаетъ мнѣ боль въ ногахъ, а руку совсѣмъ отнялъ у меня.

— А развѣ вамъ бальзамъ не помогъ?

— Не поможетъ мнѣ и бальзамъ, потому что я наказана за тяжкій грѣхъ, а если вы хотите знать за какой, то я разскажу.

Дануся кивнула головой, въ знакъ того, что она согласна, а сестра продолжала:

— Въ Орденѣ есть и женщины слуги, которыя хотя и не даютъ обѣтовъ, потому что онѣ даже могутъ быть замужемъ, но, тѣмъ не менѣе, должны исполнять обязанности, на которыя имъ укажутъ братья˙ А та, которая удостоится такой милости и чести, та получаетъ благочестивый поцѣлуй отъ брата-рыцаря въ знакъ того, что съ этой минуты она должна служить Ордену словомъ и дѣломъ. Ахъ! и я должна была удостоиться этой великой чести, но я въ своей грѣховной затвердѣлости, вмѣсто того, чтобы съ благодарностью принять ее, тяжко согрѣшила и навлекла на себя наказаніе.

— Что же вы такое сдѣлали?

— Братъ Данефельдъ пришелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня, а я думая, что онъ дѣлаетъ это своевольно, подняла на него руку.

Тутъ она стала ударять себя въ грудь и нѣсколько разъ повторяла:

— Господи, буди милостивъ мнѣ грѣшной!

— И что же случилось?—спросила Дануся.

— У меня сейчасъ же отнялась рука и съ тѣхъ поръ я калѣка. Я была молода и глупа, не знала, а все-таки наказаніе не минуло меня. Потому что, даже если бы женщинѣ показалось, что братъ Ордена хочетъ сдѣлать что-нибудь не хорошее, она должна предоставить Богу судить, а сама она не должна противиться, потому что если кто-нибудь воспротивится Ордену или брату по кресту, того гнѣвъ Господень поразитъ.

Дануся слушала все это съ грустью и страхомъ, а сестра принялась вздыхать и продолжала расказывать:

— Я и теперь еще не старая,—сказала она: мнѣ едва тридцать лѣтъ, но Господь вмѣстѣ съ рукой моей отнялъ и мою молодость, и красоту.

— Если бы не рука,—отвѣчала Дануся,—такъ вамъ нечего было бы жаловаться...

Настало молчаніе. Вдругъ сестра, какъ бы вспомнивъ что-то, сказала:

— Вѣдь мнѣ снилось, что васъ какой-то рыцарь обвивалъ въ бѣлый плащъ, можетъ быть это былъ крестоносецъ. Вѣдь они тоже носятъ бѣлые плащи!

— Не хочу я ни крестоносцевъ, ни ихъ плащей!—отвѣчала дѣвушка.

Но дальнѣйшая бесѣда была прервана ксендзомъ Вышонкомъ, который войдя въ комнату кивнулъ Данусѣ и сказалъ:

— Поблагодари Бога и иди къ Збышко! Онъ проснулся и хочетъ ѣсть. Ему значительно лучше.

Такъ и было въ дѣйствительности. Збышко чувствовалъ себя гораздо лучше и ксендзъ Вышонекъ былъ уже увѣренъ, что онъ будетъ здоровъ, когда вдругъ неожиданное событіе спутало всѣ разсчеты и надежды. Отъ Юранда прибыли люди съ письмомъ къ княгинѣ, въ которомъ сообщалось самое страшное и тяжелое извѣстіе. Въ Спыховѣ сгорѣла часть замка Юранда, а онъ самъ былъ помятъ горящей балкой, которая упала на него, когда онъ помогалъ спасать. Ксендзъ Калебъ, который писалъ отъ его имени, правда, прибавлялъ, что Юрандъ еще можетъ выздоровѣть, но что искры и головни такъ сильно обожгли единственный его глазъ, что онъ почти не видитъ и что ему грозитъ полная слѣпота.

Поэтому Юрандъ вызывалъ дочь, чтобы она поспѣшила пріѣхать въ Спыхово, потому что онъ хочетъ еще разъ увидѣть ее, до тѣхъ поръ, пока темнота окончательно не окружитъ его. Онъ говорилъ также, что съ этой минуты она должна остаться при немъ, потому что если даже всѣ слѣпые, которые принуждены вымаливать у людей кусокъ хлѣба, всегда имѣютъ при себѣ какого-нибудь мальчика, который ведетъ ихъ по дорогамъ, за что же ему не имѣть этого утѣшенія и умирать среди чужихъ? Въ письмѣ онъ благодарилъ княгиню, которая воспитала дѣвочку, какъ родная мать, а въ концѣ концовъ Юрандъ, хоть и слѣпымъ, но обѣщалъ еще пріѣхать въ Варшаву, чтобы пасть къ ногамъ княгини и просить ее быть милостивой къ Данусѣ въ послѣдующее время.

Когда ксендзъ Вышонекъ прочиталъ это письмо, княгиня нѣкоторое время не въ силахъ была выговорить ни единаго слова. Она надѣялась на то, что Юрандъ, который пять - шесть разъ въ году пріѣзжалъ навѣстить дочку, пріѣдетъ на ближайшіе праздники, она собственными уговорами и черезъ князя Януша примиритъ его съ Збышко и возьметъ отъ него согласіе на свадьбу ихъ. А между тѣмъ, это письмо не только препятствовало исполненію ея намѣреній, но и лишало ее Дануси, которую она любила также, какъ собственныхъ дѣтей. Ей пришло

въ голову, что Юрандъ, можетъ быть, сейчасъ же выдаетъ дочь за кого-нибудь изъ сосѣдей, чтобы остатокъ своихъ дней провести среди своихъ. Нечего было и думать, чтобы Збышко могъ ѣхать въ Спыхово, потому что ребра у него едва только начали сростаться и наконецъ, кто могъ знать, какъ его примутъ въ Спыховѣ. Вѣдь, княгиня знала, что раньше Юрандъ отказалъ ему въ рукѣ Дануси и ей самой сказалъ, что по таинственной причинѣ онъ никогда не согласится на ихъ соединеніе. Въ тяжеломъ размышленіи, она велѣла позвать къ себѣ старшаго изъ присланныхъ Юрандомъ людей, чтобы разспросить его о несчастьѣ въ Спыховѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ разузнать кое-что о намѣреніяхъ Юранда.

Она изумилась, когда на ея вызовъ вошелъ человѣкъ совершенно незнакомый, а не старый Толима, который всегда носилъ щитъ за Юрандомъ, и обыкновенно пріѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ, но этотъ человѣкъ сказалъ ей, что Толима въ послѣдней битвѣ съ нѣмцами тяжело раненъ и борется со смертью въ Спыховѣ, а что Юрандъ, совершенно больной, проситъ о томъ, чтобы дочь его поскорѣе возвратилась къ нему, потому что онъ все меньше и меньше видитъ, а дня черезъ два, можетъ быть, и совершенно ослѣпнетъ. Посланный усиленно просилъ даже о томъ, чтобы какъ только отдохнутъ лошади, имъ позволили-бы взять дѣвушку, но такъ какъ часъ былъ уже поздній, то княгиня воспротивилась этому, а главнымъ образомъ для того, чтобы и Збышко, и Данусѣ, и себѣ не разрывать сердца быстрой разлукой. А Збышко уже зналъ обо всемъ и лежалъ въ своей комнатѣ, какъ будто его ударили обухомъ по головѣ, когда къ нему вошла княгиня и, ломая руки, еще съ порога обратилась къ нему со словами: «Ничего нельзя сдѣлать, потому что это отецъ!»—онъ какъ эхо повторилъ за ней: «Ничего нельзя сдѣлать», и закрылъ глаза, какъ человѣкъ, который чувствуетъ свою близкую смерть.

Но онъ не умеръ, хотя грудь его давила все большая тоска, а въ головѣ мелькали все болѣе мрачныя мысли, — какъ тучи, которыя, гонимыя вѣтромъ одна за другой, заслоняютъ яркій солнечный блескъ и гасятъ всякую радость на свѣтѣ. Збышко, какъ и княгиня, понималъ, что разъ Дануся выѣдетъ въ Спыхово, она будетъ для него потеряна. Здѣсь всѣ дружески относились къ нему, а тамъ, можетъ быть, Юрандъ не захочетъ ни принять его, ни выслушать, въ особенности если его связываетъ клятва, или какая-нибудь другая неизвѣстная причина, столь-же важная, какъ и церковная клятва. А кромѣ того, какъ онъ можетъ ѣхать въ Спыхово, если онъ лежитъ больной и едва можетъ на постели повернуться? Нѣсколько дней тому назадъ, когда, по милости князя, ему даны были золотыя шпоры и рыцарскій поясъ, онъ думалъ, что радость пересилитъ въ немъ болѣзнь, и отъ всей души

молился, чтобы быть въ состояніи встать и помѣряться силами съ крестоносцами но теперь онъ снова утратилъ всякую надежду, потому что чувствовалъ, что когда у ложа его не будетъ Дануся, вмѣстѣ съ ней исчезнетъ въ немъ и охота жить, исчезнутъ силы для борьбы со смертью. Вотъ наступитъ завтра и послѣ-завтра, приблизятся праздники, а кости его также будутъ болѣть и также будетъ онъ терять сознаніе, и не будетъ при немъ того свѣта, который теперь наполняетъ всю комнату, благодаря Данусѣ, не будетъ утѣхи для глазъ его. Какое счастье, какая радость была нѣсколько разъ въ день спрашивать ее: «любишь ты меня?» и видѣть какъ она закрываетъ рукой свои смѣющіеся и смущенные глаза, или наклоняется и говоритъ: «А кого какъ не Збышко?» А теперь останется только болѣзнь и страданья, и тоска, а счастье уйдетъ и не возвратится.

Слезы заблестѣли на глазахъ Збышко и медленно покатились по щекамъ. Онъ обратился къ княгинѣ и сказалъ:

— Милостивая государыня, я думаю, что ужъ больше никогда въ жизни не увижу Данусю.

А княгиня, сама опечаленная, отвѣчала:

— Да, и ничего не было-бы удивительнаго, еслибы ты умеръ съ тоски. Но Господь Іисусъ Христосъ милостивъ.

Но потомъ, желая хоть немного подкрѣпить его, она прибавила:

— Хотя, если-бы Юрандъ умеръ раньше тебя, опекунство перешло-бы на князя и меня, а мы сейчасъ-же отдали-бы ее тебѣ.

— Когда онъ еще умретъ!—отвѣчалъ Збышко.

Но вдругъ, какая-то, очевидно, новая мысль мелькнула въ его головѣ, потому что онъ приподнялся, сѣлъ на постели и измѣнившимся голосомъ сказалъ:

— Милостивая государыня!..

Но его слова были прерваны Данусей, которая, вбѣжавъ со слезами, еще съ порога воскликнула:

— Такъ ты уже знаешь, Збышко? Охъ, жаль мнѣ татуся! но и тебя мнѣ жаль!

Когда она приблизилась къ Збышко, онъ здоровой рукой обнялъ свою возлюбленную и заговорилъ:

— Какъ-же мнѣ жить безъ тебя, дѣвушка? Не затѣмъ я ѣхалъ чрезъ поля и лѣса, не затѣмъ клялся и служилъ тебѣ, чтобы тебя потерять. Эхъ! не поможетъ ни горе, ни слезы, даже и смерть не поможетъ, потому что хоть-бы и трава поросла на мнѣ, но душа моя не забудетъ тебя, гдѣ-бы ни была она: у Господа-ли нашего Іисуса Христа, или у самого Бога Отца... И помочь этому нельзя, а помочь надо, иначе невозможно! Я чувствую боль въ костяхъ, но хоть ты упади въ ноги княгинѣ, потому что я не могу, и проси ее смиловаться надъ нами.

Услыхавъ это, Дануся быстро подскочила къ княгинѣ и, охвативъ ноги ея руками, спрятала лицо въ складкахъ ея тяжелаго платья, а княгиня обратила къ Збышко свои полныя жалости и изумленія глаза.

— Какъ-же я могу смиловаться надъ вами?—спросила она.—Если я не пущу ребенка къ больному отцу, такъ я гнѣвъ Господень заслужу.

Збышко, который приподнялся было на своей постели, теперь снова опустился на нее и нѣкоторое время молчалъ, потому что ему не доставало воздуха. Но вотъ онъ медленно сложилъ обѣ руки на груди, какъ-бы для молитвы.

— Отдохни сначала—сказала княгиня, а потомъ объясни, чего тебѣ надо, а ты, Дануся, встань.

— Не вставай и проси вмѣстѣ со мной—сказалъ Збышко и слабымъ прерывающимся голосомъ продолжалъ:

— Милостивая государыня... Юрандъ былъ противъ меня въ Краковѣ... онъ и теперь будетъ противъ, но если бы ксендзъ Вышонокъ обвѣнчалъ меня съ Данусей—пусть-бы она потомъ ѣхала въ Спыхово, потому что тогда никакія силы человѣческія не отнимутъ ея у меня.

Эти слова были такъ неожиданны для княгини Анны, что она даже вскочила со скамьи, потомъ снова сѣла и какъ-бы не понимая въ чемъ дѣло сказала:

— Клянусь ранами Господа нашего Іисуса Христа!.. Ксендзъ Вышонекъ?..

— Смилуйтесь... смилуйтесь!—просилъ Збышко.

— Смилуйтесь!—воскликнула за нимъ Дануся, снова обнимая колѣни княгини.

— Какъ-же это можно безъ родительскаго позволенія?

— Законъ Господень сильнѣе!—отвѣчалъ Збышко.

— Побойтесь Бога!

— Кто ей отецъ, какъ не князь?.. кто мать, если не вы, милостивая государыня!

— Смилуйся, матуся!

— Это правда, что я была и есть мать ей,—сказала княгиня—и что и Юрандъ изъ моихъ рукъ получилъ жену. Это правда! И если-бы вы были обвѣнчаны, то всему былъ-бы конецъ. Можетъ быть, Юрандъ и посердился-бы, но вѣдь онъ долженъ покориться князю, какъ своему господину. Да, наконецъ, ему можно не говорить до тѣхъ поръ, пока онъ не захочетъ выдать дѣвушку за кого-нибудь другого, или сдѣлать монахиней... Если онъ далъ какіе-нибудь обѣты, такъ это не его вина будетъ, противъ воли Божьей никто ничего сдѣлать не можетъ. Можетъ, это и есть Божья воля.

— Иначе быть не можетъ!—воскликнулъ Збышко.

Но княгиня, еще совершенно взволнованная, сказала:

— Подождите, дайте мнѣ опомниться! Если-бы князь былъ тутъ, я сейчасъ-же пошла-бы къ нему и спросила: можно-ли мнѣ Данусю выдать замужъ, или нѣтъ?.. Но безъ него я боюсь... Я просто задыхаюсь, а тутъ еще у меня нѣтъ ни на что времени, потому что завтра она должна ѣхать!.. О Господи!.. хорошо было-бы, если-бы она выѣхала отсюда замужней — нечего было-бы безпокоиться! Но я не могу опомниться—мнѣ чего-то страшно. А тебѣ, Дануся, не страшно?—говори-же!

— Если этого не будетъ, я умру!—прервалъ ее Збышко.

А Дануся поднялась, и такъ какъ она была не только допущена ко двору доброй княгиней, но и любима ею, она схватила ее за шею и начала сжимать ее со всей силы.

Но княгиня сказала:

— Безъ отца Вышонека я ничего вамъ не отвѣчу, побѣги за нимъ поскорѣй.

Дануся побѣжала за отцомъ Вышонекомъ, а Збышко повернулъ свое блѣдное лицо къ княгинѣ и сказалъ:

— Будетъ то, что предназначилъ Господь Іисусъ Христосъ, но да наградитъ васъ Господь Богъ за то утѣшеніе, которое вы даете мнѣ.

— Не благословляй меня,—отвѣчала княгиня,—потому что неизвѣстно, что будетъ. И кромѣ того, ты долженъ мнѣ честью поклясться, что если вы обвѣнчаетесь, ты не запретишь дѣвушкѣ сейчасъ-же ѣхать къ больному отцу, чтобы не навлечь на нее и на себя проклятія послѣдняго.

— Клянусь своею честью!—сказалъ Збышко.

— Такъ и помни! А Юранду пусть она ничего сначала не говоритъ. Лучше будетъ, чтобы эта новость не поразила его. Мы изъ Цѣханова пошлемъ за нимъ, чтобы онъ ѣхалъ съ Данусей и тогда я сама ему скажу или попрошу князя. А когда онъ увидитъ, что ничего сдѣлать нельзя, онъ согласится. Вѣдь онъ не былъ сердитъ на тебя?

— Нѣтъ—отвѣчалъ Збышко,—онъ не былъ сердитъ на меня, а потому онъ, можетъ быть, въ душѣ будетъ радъ, что Дануся моя. Потому что вѣдь онъ не будетъ виноватъ, что не сдержалъ своего обѣта.

Прибытіе ксендза Вышонека и Дануси прервало дальнѣйшій разговоръ. Княгиня позвала его, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, и съ большимъ жаромъ стала разсказывать ему о намѣреніяхъ Збышко, но какъ только ксендзъ услышалъ въ чемъ дѣло, перекрестился отъ изумленія и сказалъ:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Какъ же я могу это сдѣлать? Вѣдь теперь постъ!

— Господи! вѣдь это правда!—воскликнула княгиня.

И водворилось молчаніе: только по опечаленнымъ лицамъ можно было видѣть, какъ подѣйствовали слова отца Вышонека.

— Если бы было разрѣшеніе,—заговорилъ онъ черезъ минуту,—я не противился бы, потому что мнѣ жаль васъ. Позволенія Юранда я не требовалъ бы, такъ какъ, коль скоро всемилостивая государыня разрѣшаетъ и ручается за согласіе князя, ну!—такъ что же дѣлать! вѣдь они—отецъ и мать всей Мазовіи! Но безъ епископскаго разрѣшенія—я не могу! Ахъ! еслибы среди насъ былъ ксендзъ епископъ Яковъ изъ Курдванова, можетъ быть онъ не отказался бы дать разрѣшеніе, хотя онъ очень строгъ, не такой, какъ его предшественникъ, епископъ Мамфоліусъ, который на все отвѣчалъ: «хорошо! хорошо!»

— Епископъ Яковъ изъ Курдванова очень любитъ и меня, и князя,—высказалась княгиня.

— Вотъ поэтому я и говорю, что онъ не отказался бы дать разрѣшеніе: вѣдь на это есть причины. Дѣвушка должна ѣхать, а этотъ юноша боленъ и можетъ умереть... Гм! in articulo mortis!... Но безъ разрѣшенія никакъ невозможно...

— Я бы потомъ упросила епископа Якова дать его,—какъ бы онъ ни былъ строгъ, онъ не откажетъ мнѣ въ этой милости... Я ручаюсь, что не откажетъ.

Въ отвѣтъ на это ксендзъ Вышонекъ, который былъ добрый и мягкій человѣкъ, сказалъ:

— Слово помазанника Господа—великое слово... Боюсь я ксендза-епископа, но это великое слово!.. Этотъ юноша могъ бы тоже обѣщать что-нибудь плоцкому каѳедральному собору... Не знаю... Все-же это—пока не придетъ разрѣшеніе—будетъ грѣхъ и ни чей иной, а только мой... Гм! правда, что Іисусъ Христосъ милосердъ и если кто-нибудь согрѣшитъ не для своей пользы, а только изъ сожалѣнія къ чужой бѣдѣ, такъ Онъ тѣмъ легче проститъ!.. Но грѣхъ будетъ,—вдругъ епископъ заупрямится! Кто мнѣ тогда дастъ отпущеніе?

— Епископъ не заупрямится!—воскликнула княгиня.

— Этотъ Сандерусъ, который пріѣхалъ со мной, — сказалъ Збышко,—имѣетъ пробныя отпущенія.

Можетъ быть, ксендзъ Вышонекъ и не вполнѣ вѣрилъ въ отпущенія Сандеруса, но онъ радъ былъ имѣть хоть какой-нибудь поводъ, лишь бы придти на помощь Збышко и Данусѣ, потому что онъ очень любилъ дѣвушку, которую зналъ съ малыхъ лѣтъ. Поэтому онъ подумалъ, что въ самомъ худшемъ случаѣ его ждетъ церковное покаяніе, а поэтому обратился къ княгинѣ и сказалъ:

— Я ксендзъ, но и княжескій слуга. Что вы, милостивая государыня, прикажете мнѣ?

— Я не хочу приказывать, я только прошу,—отвѣчала княгиня.— Но если у этого Сандеруса есть отпущенія...

— У Сандеруса есть. Только дѣло въ епископѣ. Онъ тамъ въ Плоцкѣ вмѣстѣ съ канониками строгіе синоды постановляетъ.

— Епископа не бойтесь, онъ запретилъ ксендзамъ, какъ я слышала, носить мечи, луки, но не запрещалъ хорошихъ дѣлъ.

Ксендзъ Вышонекъ поднялъ руки къ небу:

— Такъ пусть будетъ согласно вашей волѣ.

При этихъ словахъ радость охватила всѣ сердца. Збышко снова иѣлъ на постели, а княгиня, Дануся и отецъ Вышонекъ сѣли рядомъ с стали совѣтоваться, какъ все это нужно сдѣлать. Они порѣшили сохранить тайну такъ, чтобы ни одна душа въ домѣ не знала объ этомъ; они порѣшили также, что и Юрандъ не долженъ ничего знать, пока сама княгиня не разскажетъ ему обо всемъ въ Цѣхановѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ксендзъ Вышонекъ долженъ былъ написать письмо отъ княгини къ Юранду, чтобы онъ тотчасъ же пріѣзжалъ въ Цѣханово, гдѣ можно найти лучшія лекарства для его болѣзней и гдѣ онъ будетъ меньше тосковать, чѣмъ въ своемъ одиночествѣ. Порѣшили, наконецъ, что и Збышко, и Дануся приступятъ къ исповѣди, а вѣнчаніе произойдетъ ночью, когда всѣ улягутся спать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Современная наука.

Критическій очеркъ **Эдуарда Карпентера.**

Переводъ съ англійскаго подъ редакціей гр. Л. Н. Толстого.

παντί λόγῳ λόγος
ἴσος ἀντικεῖται.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я думаю, что предлагаемая статья Карпентера о современной наукѣ можетъ быть особенно полезна въ нашемъ русскомъ обществѣ, въ которомъ болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ европейскомъ обществѣ распространено и укоренилось суевѣріе, по которому считается, что для блага человѣчества совсѣмъ не нужно распространеніе истинныхъ религіозныхъ и нравственныхъ знаній, а нужно только изученіе опытныхъ наукъ, и что знаніе этихъ наукъ удовлетворяетъ всѣмъ духовнымъ запросамъ человѣчества.

Понятно, какое зловредное вліяніе (совершенно такое-же, какое имѣютъ религіозныя суевѣрія) должно имѣть на нравственную жизнь людей такое грубое суевѣріе. И потому распространеніе мыслей писателей, критически относящихся къ опытной наукѣ и ея методу, особенно желательно для нашего общества.

Карпентеръ доказываетъ, что ни астрономія, ни физика, ни химія, ни біологія, ни соціологія не даютъ намъ истиннаго знанія дѣйствительности, что всѣ законы, открываемые этими науками, суть только обобщенія, имѣющія приблизительное, и то только при незнаніи или игнорированіи другихъ условій, значеніе законовъ, и что даже и законы эти кажутся намъ законами только потому, что мы открываемъ ихъ въ той области, которая такъ удалена отъ насъ по времени или пространству, что мы не можемъ видѣть несоотвѣтствія этихъ законовъ съ дѣйствительностью.

Кромѣ того, Карпентеръ указываетъ и на то, что методъ науки, состоящій въ объясненіи близкихъ намъ и важныхъ для насъ явленій болѣе отдаленными и безразличными для насъ явленіями, есть методъ ложный, никогда не могущій привести къ желаемымъ результатамъ.

«Каждая наука, говоритъ онъ, объясняетъ явленія, ею изслѣдованныя, по возможности, понятіями низшаго порядка. Такъ—этика сведена на вопросы полезности и унаслѣдованныхъ привычекъ; изъ политической экономіи изъяты всѣ понятія о справедливости между людьми: о состраданіи, о привязанности, о стремленіяхъ къ солидарности, и она основана на принципѣ самаго низшаго порядка, какой только можно было въ ней найти, а именно: на принципѣ личнаго интереса. Изъ біологіи исключено значеніе личности, какъ въ растеніяхъ и животныхъ, такъ и въ людяхъ; вопросъ о сознаніи личности здѣсь устраненъ и сдѣлана попытка свести вопросы біологіи къ взаимодѣйствію клѣтокъ и къ химическому сродству—къ протоплазмѣ и къ явленіямъ осмоса. Затѣмъ химическое сродство и всѣ удивительныя явленія физики сведены къ движеніямъ атомовъ, а движеніе атомовъ, такъ-же какъ и движенія небесныхъ тѣлъ, сведены къ законамъ механики».

Предполагается, что сведеніе вопросовъ высшаго порядка къ вопросамъ низшаго разъяснитъ вопросы высшаго порядка. Но разъясненіе это никогда не получается, а дѣлается только то, что, спускаясь въ своихъ изслѣдованіяхъ все ниже и ниже отъ самыхъ существенныхъ вопросовъ къ менѣе существеннымъ, наука приходитъ, наконецъ, къ области совершенно чуждой человѣку, только соприкасающейся съ нимъ, и на этой-то области и останавливаетъ свое вниманіе, оставляя всѣ самые важные для человѣка вопросы безъ всякаго разрѣшенія.

Происходитъ нѣчто подобное тому, что сдѣлалъ бы человѣкъ, который, желая понять значеніе находящагося передъ нимъ предмета, вмѣсто того, чтобы ближе подойти къ нему и со всѣхъ сторонъ осмотрѣть и ощупать его, сталъ-бы все болѣе и болѣе удаляться отъ предмета и, наконецъ, удалился-бы на такое разстояніе, при которомъ уничтожились-бы всѣ особенности цвѣта, неровности рельефа и остались бы однѣ черты, отдѣляющія предметъ отъ горизонта. И тутъ-то человѣкъ этотъ сталъ бы съ подробностью описывать этотъ предметъ, полагая, что теперь-то онъ и имѣетъ ясное понятіе о немъ, и что это, на такомъ разстояніи составленное, понятіе будетъ содѣйствовать полному пониманію предмета. Вотъ этотъ-то самообманъ и разоблачается отчасти критицизмомъ Карпентера, показывающимъ, во первыхъ, то, что знанія, какія намъ даетъ наука въ области естественныхъ наукъ, суть только удобные пріемы обобщенія, но никакъ не изображеніе дѣйствительности, а, во-вторыхъ, то, что тотъ методъ науки, при которомъ явленія высшаго порядка сводятся къ явленіямъ низшаго, никогда не приведетъ насъ къ объясненію явленій высшаго порядка.

Но и не предрѣшая вопроса о томъ, приведетъ или не приведетъ опытная наука когда-либо своимъ методомъ къ рѣшенію важнѣйшихъ для человѣчества задачъ жизни, самая дѣятельность опытной науки по отношенію къ вѣчнымъ и самымъ законнымъ требованіямъ человѣчества поражаетъ своею неправильностью.

Людямъ надо жить. А для того, чтобы жить, имъ надо знать, какъ жить. И всѣ люди всегда—плохо ли, хорошо ли,—узнавали это, и, сообразно съ этимъ знаніемъ, жили, двигались впередъ; и это знаніе того, какъ должно жить людямъ, со временъ Моисея, Соломона, Конфуція, считалось всегда наукой, самой наукой наукъ. И только въ наше время стало считаться, что наука о томъ, какъ жить, есть вовсе не наука, а что настоящая наука есть только наука опытная, начинающаяся математикой и кончающаяся соціологіей.

И выходитъ странное недоразумѣніе.

Простой и разумный рабочій человѣкъ, по старому, да кромѣ того и по здравому смыслу, предполагаетъ, что если есть люди, которые всю жизнь учатся, и за то, что онъ ихъ кормитъ и содержитъ, думаютъ за него, то, вѣроятно, люди эти заняты тѣмъ, чтобы изучать то, что нужно людямъ, и онъ ждетъ отъ науки, что она разрѣшитъ для него тѣ вопросы, отъ которыхъ зависитъ благо его и всѣхъ людей. Ожидаетъ онъ, что наука научитъ его, какъ надо жить, какъ обходиться съ семейными, какъ съ ближними, какъ съ иноплеменниками, какъ бороться съ своими страстями, во что надо, во что не надо вѣрить, и многое другое. И что же ему говоритъ на всѣ эти вопросы наша наука?

Она съ торжествомъ объявляетъ ему, сколько милліоновъ миль отъ солнца до земли, сколько милліоновъ колебаній эфира въ секунду для свѣта и сколько колебаній воздуха для звука; разсказываетъ о химическомъ составѣ млечнаго пути, новомъ элементѣ геліи, о микроорганизмахъ и ихъ испражненіяхъ, о тѣхъ точкахъ руки, въ которыхъ сосредоточивается электричество, объ иксъ-лучахъ и тому подобномъ.

— Но мнѣ этого ничего не нужно,—говоритъ простой разумный человѣкъ,—мнѣ нужно знать, какъ жить?

— Мало ли что тебѣ нужно знать,—отвѣчаетъ на это наука.—То, о чемъ ты спрашиваешь, относится къ соціологіи. Прежде-же, чѣмъ отвѣчать на вопросы соціологическіе, мы должны еще разрѣшить вопросы зоологическіе, ботаническіе, физіологическіе, вообще—біологическіе; для разрѣшенія же этихъ вопросовъ нужно прежде еще разрѣшить вопросы физическіе, потомъ химическіе, нужно еще согласиться, какой формы безконечно малые атомы и какимъ образомъ невѣсомый и неупругій эфиръ передаетъ движеніе.

И люди, преимущественно тѣ, которые сидятъ на шеѣ другихъ и которымъ поэтому удобно ожидать, удовлетворяются такими отвѣтами и

сидятъ, хлопая глазами, ожидая обѣщаннаго; но простой и разумный рабочій человѣкъ, тотъ, на чьей шеѣ сидятъ люди, занимающіеся наукой, вся огромная масса людей, все человѣчество не можетъ удовлетвориться такими отвѣтами и, естественно, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ:—Да когда же это будетъ? Намъ ждать некогда. Вы сами говорите, что все это вы узнаете черезъ нѣсколько поколѣній. А мы живемъ теперь; сегодня живы, а завтра умремъ, и потому намъ надо знать, какъ намъ прожить ту жизнь, въ которой мы теперь. Научите же насъ.

— Глупый и необразованный человѣкъ,—отвѣчаетъ на это наука,—онъ не понимаетъ того, что наука служитъ не пользѣ, а наукѣ. Наука изучаетъ то, что подлежитъ изученію, и не можетъ избирать предметовъ для изученія. Наука изучаетъ *все*. Таково свойство науки.

И люди науки, дѣйствительно, увѣрены, что свойство заниматься пустяками, пренебрегая болѣе существеннымъ и важнымъ, не ихъ свойство, а свойство науки; но простой разумный человѣкъ начинаетъ подозрѣвать, что свойство это принадлежитъ не наукѣ, но людямъ, склоннымъ заниматься пустяками, придавая этимъ пустякамъ важное значеніе.

Наука изучаетъ *все*, говорятъ люди науки. Но вѣдь *всего* слишкомъ много. *Все*—это безконечное количество предметовъ, нельзя сразу изучать все. Какъ фонарь не можетъ сразу освѣщать всего и освѣщаетъ только то мѣсто, на которое онъ направленъ, такъ и наука не можетъ изучать всего, а неизбѣжно изучаетъ только то, на что направлено ея вниманіе. И какъ фонарь освѣщаетъ сильнѣе всего ближайшее отъ него мѣсто и все слабѣе и слабѣе предметы болѣе и болѣе отдаленные отъ него, и вовсе не освѣщаетъ тѣ, до которыхъ не доходитъ его свѣтъ, такъ и наука человѣческая, какая-бы она ни была, всегда изучала и изучаетъ самымъ подробнымъ образомъ то, что изучающимъ людямъ представляется самымъ важнымъ, менѣе подробно изучаетъ то, что представляется имъ менѣе важнымъ и совсѣмъ не изучаетъ всего остальнаго безконечнаго количества предметовъ.

Опредѣляло же и опредѣляетъ для людей то, что очень важно, что менѣе важно и что совсѣмъ не важно—общее пониманіе людьми смысла и цѣли жизни, т. е. религія.

Люди-же науки нашего времени, не признавая никакой религіи и потому не имѣя никакого основанія, по которому они могли бы отбирать, по степени ихъ важности, предметы изученія и отдѣлять ихъ отъ предметовъ менѣе важныхъ и, наконецъ, отъ того безконечнаго количества предметовъ, которые всегда останутся, по ограниченности человѣческаго ума и по безконечности количества этихъ предметовъ, не изучаемыми, составили себѣ теорію—«наука для науки», по которой наука изучаетъ не то, что нужно людямъ, а *все*.

И дѣйствительно, опытная наука изучаетъ все, но не въ смыслѣ со-

вокупности всѣхъ предметовъ, а въ смыслѣ безпорядочности, хаоса въ распредѣленіи изучаемыхъ предметовъ, т.-е., что наука изучаетъ не то, преимущественно, что болѣе нужно людямъ, и менѣе то, что менѣе нужно, и совсѣмъ не изучаетъ того, что совсѣмъ не нужно, а изучаетъ все что попало. Хотя и существуетъ Контовская и другія классификаціи наукъ,—классификаціи эти не руководятъ выборомъ предметовъ изученія; выборомъ-же руководятъ слабости человѣческія, свойственныя, какъ и всѣмъ, людямъ науки. Такъ что въ дѣйствительности люди опытной науки изучаютъ не *все*, какъ они воображаютъ и утверждаютъ, а то, что болѣе выгодно и легко изучать. Болѣе-же выгодно изучать то, что можетъ содѣйствовать благосостоянію тѣхъ высшихъ классовъ, къ которымъ принадлежатъ люди, занимающіеся наукой; болѣе-же легко изучать—все неживое. Такъ и поступаютъ люди опытной науки: они изучаютъ книги, памятники, мертвыя тѣла; и это-то изученіе и считаютъ самой настоящей наукой.

Такъ что самой настоящей «наукой», единственной (какъ «библіей» называлась единственная книга, достойная этого имени) въ наше время считаются не изслѣдованія о томъ, какимъ образомъ сдѣлать жизнь людей болѣе доброй и счастливой, а собираніе и списываніе изъ многихъ книгъ въ одну всего того, что писано было прежними людьми объ извѣстномъ предметѣ или переливаніе жидкостей изъ скляночки въ скляночку, искусное разщепленіе микроскопическихъ препаратовъ, культивированіе бактерій, рѣзаніе лягушекъ и собакъ, изслѣдованіе иксъ-лучей, химическаго состава звѣздъ и т. п...

Всѣ-же тѣ науки, которыя имѣютъ цѣлью сдѣлать жизнь человѣческую болѣе доброй и счастливой, науки религіозныя, нравственныя, общественныя, считаются царствующей наукой не науками и предоставлены богословамъ, философамъ, юристамъ, историкамъ, политико-экономамъ, которые заняты только тѣмъ, чтобы, подъ видомъ научныхъ изслѣдованій, доказывать, что существующій строй жизни, выгодами котораго они пользуются, есть тотъ самый, который долженъ существовать и потому не только не долженъ быть измѣненъ, но долженъ быть всѣми силами поддерживаемъ.

Не говоря уже о богословіи, философіи и юриспруденціи, поразительна въ этомъ отношеніи самая модная изъ этого рода наукъ—политическая экономія. Политическая экономія наиболѣе распространенная (Марксъ), признавая существующій строй жизни такимъ, какимъ онъ долженъ быть, не только не требуетъ отъ людей перемѣны этого строя, т.-е. не указываетъ имъ на то, какъ они должны жить, чтобы ихъ положеніе улучшилось, но, напротивъ, требуетъ продолженія жестокости существующаго порядка для того, чтобы совершились тѣ—болѣе, чѣмъ сомнительныя—предсказанія о томъ, что должно случиться, если люди будутъ продолжать жить такъ-же дурно, какъ они живутъ теперь.

И какъ это всегда бываетъ, чѣмъ ниже спускается дѣятельность человѣческая, чѣмъ больше она отдаляется отъ того, чѣмъ она должна быть, тѣмъ больше ростетъ ея самоувѣренность. Это самое случилось и съ наукой въ наше время. Истинная наука никогда не бывала оцѣняема современниками, но напротивъ большею частью была гонима. Оно и не могло быть иначе. Истинная наука указываетъ людямъ ихъ заблужденія и новые непривычные пути жизни. И то, и другое непріятно властвующей части общества. Теперешняя-же наука не только не противорѣчитъ вкусамъ и требованіямъ властвующей части общества, но совершенно соотвѣтствуетъ имъ: удовлетворяетъ праздной любознательности, удивляетъ людей и обѣщаетъ имъ увеличеніе наслажденій. И потому, между тѣмъ, какъ все истинно великое—тихо, скромно, незамѣтно, наука нашего времени не знаетъ предѣловъ самовосхваленія.

— Всѣ прежніе методы были ошибочны и потому все то, что прежде считалось наукой, есть обманъ, заблужденія, пустяки; единственный нашъ методъ—истинный и единственная истинная наука есть только наша. Успѣхи нашей науки таковы, что тысячелѣтія не сдѣлали того, что мы сдѣлали въ послѣднее столѣтіе. Въ будущемъ-же, идя по тому-же пути, наука наша разрѣшитъ всѣ вопросы и осчастливитъ все человѣчество. Наша наука есть самая важная дѣятельность въ мірѣ и мы, люди науки, самые важные, нужные люди въ мірѣ.

Такъ думаютъ и говорятъ, а за ними и толпа, люди науки нашего времени, а между тѣмъ ни въ какое время и ни въ какомъ народѣ наука, вся наука во всемъ ея значеніи, не стояла на такой низкой степени, на какой стоитъ теперешняя. Одна часть ея, та, которая должна-бы изучать то, что дѣлаетъ жизнь человѣческую доброй и счастливой, занята оправдываніемъ существующаго дурного строя жизни, другая-же занимается разрѣшеніемъ вопросовъ празднаго любопытства.

— Какъ празднаго любопытства?—слышу я негодующіе на такое кощунство голоса. А паръ, а электричество, а телефоны и всѣ усовершенствованія техники? Не говоря уже о научномъ ихъ значеніи, посмотрите, какіе они принесли практическіе результаты. Человѣкъ побѣдилъ природу, подчинилъ себѣ ея силы и т. п.

— Но вѣдь всѣ практическіе результаты побѣды надъ природой до сихъ поръ—и уже довольно давно—прилагаются только къ губительнымъ для народа фабрикамъ, къ орудіямъ истребленія людей, къ увеличенію роскоши, разврата,—отвѣчаетъ простой и разумный человѣкъ, и потому побѣда человѣка надъ природой не только не увеличила благо людей, но, напротивъ, ухудшила ихъ положеніе.

Если устройство общества дурное, такое какъ наше, гдѣ малое число людей властвуетъ надъ большинствомъ и угнетаетъ его, всякая побѣда надъ природой неизбѣжно послужитъ только къ увеличенію этой власти и этого угнетенія. Такъ оно и совершается.

При наукѣ, полагающей свой предметъ не въ изученіи того, какъ должны жить люди, а въ изученіи того, что есть, и потому преимущественно занятой изслѣдованіемъ мертвыхъ тѣлъ и оставляющей устройство человѣческаго общества такимъ, какое оно есть, никакія усовершенствованія, никакія побѣды надъ природой не могутъ улучшить положеніе людей.

— А медицина? вы забываете благодѣтельные успѣхи медицины? А прививка бактерій? А теперешнія операціи,—восклицаютъ, какъ обыкновенно, защитники науки въ послѣдней инстанціи, въ доказательство плодотворности всей науки выставляя успѣхи медицины.

— Мы можемъ прививкой предохранять отъ болѣзней и излѣчивать, можемъ безболѣзненно дѣлать операціи—разрѣзать внутренности, очищать ихъ, можемъ вправлять горбы,—говорятъ обыкновенно защитники науки, почему-то полагая, что вылѣченное отъ дифтерита одно дитя изъ тѣхъ дѣтей, которыя безъ дифтерита нормально мрутъ въ Россіи въ количествѣ 50%, и въ количествѣ 80% въ воспитательныхъ домахъ, должно убѣдить людей въ благотворности науки вообще.

Строй нашей жизни таковъ, что нетолько дѣти, но большинство людей отъ дурной пищи, непосильной вредной работы, дурныхъ жилищъ, одежды, отъ нужды не доживаютъ половины тѣхъ лѣтъ, которые они должны-бы жить, строй жизни таковъ, что дѣтскія болѣзни, сифилисъ, чахотка, алкоголизмъ захватываютъ все больше и больше людей, что большая доля трудовъ отбирается отъ нихъ на приготовленіе къ войнѣ, что каждые десять-двадцать лѣтъ милліоны людей истребляются войною, и все это происходитъ отъ того, что наука, вмѣсто того, чтобы распространять между людьми правильныя религіозныя, нравственныя и общественныя понятія, вслѣдствіе которыхъ сами собой уничтожились-бы всѣ эти бѣдствія, занимается, съ одной стороны, оправдываніемъ существующаго порядка, съ другой—игрушками, и намъ въ доказательство плодотворности науки указываютъ на то, что она исцѣляетъ одну тысячную тѣхъ больныхъ, которые и заболѣваютъ-то только отъ того, что наука не исполняетъ свойственнаго ей дѣла.

Да если-бы хоть малая доля тѣхъ усилій, того вниманія и труда, которые кладетъ наука на тѣ пустяки, какими она занимается, она направила на установленіе среди людей правильныхъ религіозныхъ, нравственныхъ, общественныхъ, даже гигіеническихъ понятій, не было-бы сотой доли тѣхъ дифтеритовъ, маточныхъ болѣзней, горбовъ, исцѣленіемъ которыхъ такъ гордится наука, производя эти исцѣленія въ своихъ клиникахъ, роскошь устройства которыхъ не можетъ быть распространена на всѣхъ.

Вѣдь это все равно, какъ если бы люди, дурно вспахавшіе, дурно посѣявшіе дурными сѣменами пашню, стали-бы ходить по этой пашнѣ

и залѣчивать поломанные въ хлѣбѣ колосья, которые выросли около больныхъ, при этомъ затаптывая остальные, и это свое искусство въ вылѣчиваніи больныхъ колосьевъ выставляли-бы въ доказательство своего знанія земледѣлія.

Наша наука для того, чтобы сдѣлаться наукой и дѣйствительно быть полезной, а не вредной человѣчеству, должна прежде всего отречься отъ своего опытнаго метода, по которому она считаетъ своимъ дѣломъ только изученіе того, что есть, а вернуться къ тому единственному разумному и плодотворному пониманію науки, по которому предметъ ея есть изученіе того, какъ должны жить люди. Въ этомъ цѣль и смыслъ науки; изученіе-же того, что есть, можетъ быть предметомъ науки только въ той мѣрѣ, въ какой это изученіе содѣйствуетъ познанію того, какъ должны жить люди.

Вотъ это-то признаніе несостоятельности опытной науки и необходимости усвоенія другого метода и показываетъ предлагаемая статья Карпентера.

Л. Толстой.

I.

Писатель, утверждающій, что современная наука не вполнѣ удовлетворительна, неизбѣжно встрѣчаетъ, между прочимъ, то затрудненіе, что его немедленно заподозрѣваютъ въ косвенной защитѣ того, что Ингерзоль называетъ «басней о ребрѣ Адама». Но оставимъ въ сторонѣ разногласія въ религіозныхъ вопросахъ и согласимся, что Наука сдѣлала очень много, очистивъ отъ хлама суевѣрій путь къ болѣе ясному и здравому міровоззрѣнію; развѣ тѣмъ не менѣе нельзя допустить,—а это чувствуется все болѣе и болѣе —что за послѣднее время положительныя пріобрѣтенія науки въ смыслѣ нашего пониманія устройства міра приводятъ къ разочарованію и что даже методы Науки не непогрѣшимы и должны приводить къ неудачѣ? Надо признаться, что теперь, послѣ блестящаго пятидесятилѣтняго разцвѣта Науки, несмотря на поклоненія, ею вызываемыя, и на упованіе, что наконецъ-то старый коварный міръ попадется въ ея тщательно разставленныя сѣти,—что именно теперь наука почти во всѣхъ своихъ отрасляхъ заблудилась въ безвыходномъ лабиринтѣ. Причина этой неудачи очевидна. Она, какъ мы это указали раньше [1],

---

[1] Примѣчаніе къ статьѣ «о цивилизаціи». Для цивилизаціоннаго періода человѣчества характерно чрезмѣрное развитіе въ человѣкѣ отвлеченнаго интеллекта сравнительно съ развитіемъ его физіологическихъ ощущеній съ одной стороны, и съ развитіемъ его нравственнаго чувства—съ другой. Это можно было предвидѣть, зная, что отвлеченіе отъ дѣйствительности есть могучее средство для достиженія той ложной индивидуальности или обособленности, которая является

сопряжена съ извѣстнымъ недостаткомъ человѣческаго ума, свойственнымъ цивилизаціонному періоду человѣчества, а именно съ склонностью человѣка раздѣлять въ себѣ область логики и разсудка съ одной стороны отъ области эмоціи и инстинкта съ другой, и придавать логическому и разсудочному мышленію свой locus standi. Наука потерпѣла неудачу потому, что она пыталась все изслѣдованіе природы обосновать исключительно на почвѣ разсудка, пренебрегая остальными составными задачи, необходимо входящими въ нее. Она потерпѣла неудачу потому, что она предприняла невозможную задачу; ибо найти и прочно обосновать разсудочное изображеніе мірозданія просто невозможно. Такое изображеніе не можетъ существовать.

Различные теоріи и взгляды на природу, которыхъ мы держимся, являются лишь временными указателями послѣдовательныхъ стадій развитія человѣчества; при этомъ каждый рядъ такихъ теорій и взглядовъ органически связанъ съ той нравственной и эмоціональной стадіей развитія, на которой человѣчество въ данное время находится, и которая въ извѣстномъ смыслѣ выражается въ этихъ теоріяхъ и взглядахъ. Такимъ образомъ попытка дать феноменальному міру объясненіе само по себѣ достовѣрное, безотносительно къ состоянію умовъ людей, его предложившихъ, по необходимости должна окончиться неудачей. Смутное и полное противорѣчій состояніе науки въ настоящее время является лишь результатомъ такой попытки.

Конечно, таковое ограниченіе достовѣрности науки признано большинствомъ мыслителей, занимавшихся этимъ вопросомъ; но обыкновенно оно такъ часто упускается изъ виду, и за послѣднее время настолько окрѣпло убѣжденіе, что «законы» науки суть непреложные факты и вѣчныя истины, что на этомъ вопросѣ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Методъ науки есть методъ всякаго возможнаго дознанія вселенной человѣкомъ: это есть методъ *умышленнаго ограниченія* или *вынужденнаго невѣдѣнія*. Видя передъ собою великое всеобъемлющее

цѣлью цивилизація. Во время этого періода человѣкъ строитъ себѣ интеллектуальный міръ отдѣльно отъ окружающаго его великаго міра дѣйствительности. Въ книгахъ изучаются лишь «призраки явленій». Изслѣдователи живутъ въ своихъ кабинетахъ, не соприкасаясь непосредственно съ природой. Ихъ теоріи хорошо доказываютъ за письменнымъ столомъ, но не доказательны «подъ широкими облаками, на просторѣ полей, предъ ревущими потоками». Дѣти «воспитываются» вдали отъ дѣйствительной жизни, философіей и наукой воздвигаются на самыхъ шаткихъ основаніяхъ огромные призрачные храмы: и тамъ человѣкъ живетъ, защищенный отъ дѣйствительности. Такъ же, какъ капля воды, приведенная въ соприкосновеніе съ раскаленнымъ желѣзомъ; окружается облакомъ пара и тѣмъ предохраняетъ себя отъ распаденія,—такъ человѣкъ, для того чтобы не соприкоснуться съ жгучей правдой Бога и природы, испаряетъ въ каждой точкѣ соприкосновенія съ нею облако призрачной и несостоятельной мысли, позволяющей ему временно существовать самостоятельно и лелѣять это свое самосознаніе.

единство Природы, мы можемъ мысленно разбираться въ ней, лишь выбирая нѣкоторыя подробности и (умышленно или безсознательно) изолируя ихъ отъ остальнаго. Поступая такимъ образомъ, мы поступаемъ довольно правильно. Но, изолируя тѣ или другія подробности, на дѣлѣ мы предрѣшаемъ тотъ вопросъ, который мы себѣ поставили; мало того, допуская такое изолированіе, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ нѣчто ложное и тѣмъ заранѣе извращаемъ свое заключеніе. И этихъ двухъ коренныхъ недостатковъ всякаго разсудочнаго изслѣдованія нельзя избѣжать. Научные взгляды подобны видамъ съ вершины горы; каждый такой видъ возможенъ только тогда, когда наблюдатель ограничивается одной опредѣленной точкой наблюденія: онъ измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ положенія наблюдателя.

Слово «видъ» (въ зоологіи) пожалуй лучше всякаго другого выраженія пояснитъ наше мнѣніе; въ нѣкоторомъ смыслѣ это слово типично для общаго метода науки. Положимъ, я впервые увидѣлъ собаку—гончую собаку; потомъ, положимъ, я увидѣлъ вторую, третью и четвертую гончую собаку; изъ этихъ немногихъ представленій я составляю себѣ общее понятіе о «собакѣ». Но со временемъ я встрѣчаюсь съ борзой собакой, съ таксой и съ мопсомъ, и вотъ мое прежнее понятіе о собакѣ разрушено, и мнѣ приходится составлять себѣ все новыя и новыя понятія. Такимъ образомъ, положимъ, я познакомился со всей породой культурныхъ собакъ, и мнѣ кажется, что наконецъ мое познаніе собачьей породы удовлетворительно; но затѣмъ я встрѣчаю дикую собаку, изучаю нравы лисицы и волка, геологія знакомитъ меня съ нѣкоторыми промежуточными формами, и вотъ мое понятіе о собакѣ растаяло, какъ кусокъ льда въ окружающей его водѣ. Мои виды не существуютъ болѣе. Пока я былъ знакомъ съ немногими явленіями, я могъ очень умно о нихъ разсуждать; или, пока я умышленно ограничивалъ себя изученіемъ, положимъ, только животныхъ, въ настоящее время живущихъ въ Англіи, я могъ ихъ классифицировать; но, какъ только предѣлы моего знанія и область моихъ наблюденій расширилась, мнѣ приходится вновь передѣлывать весь мой трудъ. Мои виды не есть явленіе, дѣйствительно существующее, а есть лишь фикція, возникшая изъ моего незнанія, или изъ произвольнаго изолированія (или отвлеченія) наблюдаемыхъ мною предметовъ.

Теперь возьмемъ примѣръ—изъ астрономіи. Мы привыкли говорить, что путь луны есть эллипсисъ. Однако, это утвержденіе оказывается очень шатко и неточно. Болѣе подробное изслѣдованіе показываетъ намъ, что въ зависимости отъ пертурбацій, производимыхъ, какъ предполагаютъ, солнцемъ, путь луны значительно уклоняется отъ эллипсиса. На дѣлѣ, при строгихъ вычисленіяхъ, путь луны принимается за нѣкоторый эллипсисъ только на мгновеніе,—въ слѣдующее мгновеніе предполагается,

что онъ представляетъ часть другого эллипсиса. Итакъ, мы могли-бы назвать путь луны неправильной кривой, нѣсколько похожей на эллипсисъ. Можетъ быть, насъ удовлетворитъ такой взглядъ на путь луны. Но при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказывается, что пока луна вертится вокругъ земли, земля, въ свою очередь, несется въ пространствѣ вокругъ солнца, вслѣдствіе чего въ дѣйствительности путь луны совсѣмъ не подобенъ эллипсису! Наконецъ, само солнце находится въ движеніи по отношенію къ неподвижнымъ звѣздамъ, и сами эти звѣзды не неподвижны. Въ такомъ случаѣ, чтоже такое путь луны? Никто не знаетъ. Мы не имѣемъ объ этомъ даже слабаго представленія, и само это слово перестаетъ что-нибудь значить. Правда, если мы согласимся игнорировать пертурбаціи, производимыя солнцемъ, (а въ дѣйствительности мы не знаемъ пертурбацій, производимыхъ на луну планетами и др. тѣлами), если мы еще согласимся игнорировать движенія земли, движенія солнечной системы въ пространствѣ и движенія того центра, вокругъ котораго, какъ предполагается, движется солнечная система,—тогда мы можемъ утверждать, что луна движется по эллипсису. Однако, такое утвержденіе очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью Луна *не движется* по эллипсису даже «по отношенію къ землѣ», никогда по эллипсису не двигалась и никогда не будетъ двигаться. Утвержденіе, что она при такихъ-то обстоятельствахъ такъ-то двигалась бы, можно признать удобнымъ взглядомъ или удобной фикціей, но все-таки это будетъ фикція, и не болѣе. Стараться изолировать (или отвлечь) небольшую область явленій отъ всего міра, котораго *единство* есть одно изъ излюбленныхъ вѣрованій науки, очевидно безполезно и только ведетъ къ самообману.

Но мнѣ скажутъ: митематически можно доказать, что при такихъ-то условіяхъ эллипсисъ былъ бы путемъ луны. На это я отвѣчу: математическое доказательство, хотя несомнѣнно обязательное для человѣческаго ума, однако подлежитъ тому же возраженію, которое я уже приводилъ, а именно что оно основывается не на явленіяхъ, происходящихъ въ дѣйствительности, а лишь на отвлеченномъ предположеніи. Въ данномъ случаѣ предполагается, что только два тѣла дѣйствуютъ другъ на друга, т. е. предполагается случай, никогда не имѣвшій и не могущій имѣть мѣсто. Только исходя изъ такого предположенія и принимая какъ данный законъ тяготѣнія (т. е. принимая какъ данное именно то, что требуется доказать) математическое доказательство, наконецъ, приходитъ къ отвлеченной формулѣ—къ эллипсису. Заключать же изъ этого, что эллипсисъ есть нѣчто дѣйствительно существующее въ природѣ, и что небесныя тѣла движутся или даже только стремятся къ движенію по эллипсисамъ, значитъ опрометчиво перескочить къ неосновательному заключенію. Наконецъ, мнѣ возразятъ, что это заключеніе оправдывается предсказаніемъ нѣкоторыхъ явленій, какъ напр. затмѣній, возможными

только благодаря предположенію о движеніи луны и планетъ по эллипсисамъ; на это я могу отвѣтить только то, что Тихо Браге, утверждая, что небесныя тѣла движутся по эпицикламъ, предсказывалъ затмѣнія такъ же хорошо, какъ и современные астрономы, которые до сихъ поръ прилагаютъ теорію эпицикловъ къ своимъ математическимъ формуламъ. Эпициклъ былъ гипотезой, служившей извѣстнымъ цѣлямъ, а эллипсисъ есть гипотеза, служащая тѣмъ же цѣлямъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи эллипсисъ есть болѣе удобная фикція, чѣмъ эпициклъ, но всетаки онъ есть фикція и не болѣе того.

Другими словами, наше знаніе пути луны (такъ же, какъ наше знаніе всякаго явленія природы) должно быть либо абсолютно, либо относительно. Но абсолютнаго пути луны мы знать не можемъ, а все, что мы можемъ сказать про относительный путь луны, это то, что таковой не существуетъ (такъ же, какъ не существуютъ *виды* живыхъ существъ). Не можемъ же мы насиловать природу: то, что мы знаемъ о пути луны, есть нѣчто, существующее не въ природѣ, а лишь въ нашемъ умѣ; это есть лишь извѣстный взглядъ или извѣстная фикція.

Возьмемъ еще примѣръ—изъ физики. Законъ Бойля (Маріотта) о сжимаемости газовъ гласитъ, что при постоянной температурѣ объемъ даннаго количества газа обратно пропорціоналенъ давленію на него. Этотъ законъ, которому приписывали большое значеніе, и одно время его признавали вѣрнымъ, т. е. думали, что онъ въ точности соотвѣтствуетъ фактамъ. Однако, болѣе обширныя и тщательныя изслѣдованія показали, что законъ Бойля вѣренъ при стольких ограниченіяхъ, что такъ-же, какъ теорію эллипсисовъ въ астрономіи, его слѣдуетъ признавать только какъ удобную фикцію. Оказывается, что воздухъ довольно хорошо подчиняется этому предполагаемому закону, но далеко не вполнѣ точно, а лишь въ очень тѣсныхъ предѣлахъ давленія, другіе же газы, какъ напр. водородъ и углекислота, значительно отступаютъ отъ него,—одни болѣе, другіе менѣе, причемъ одни газы отступаютъ въ одну сторону, другіе—въ другую. Ученые, между прочимъ, нашли, что чѣмъ ближе газъ къ переходу въ жидкое состояніе, тѣмъ болѣе онъ отступаетъ отъ нашего предполагаемаго закона, и поэтому они перескочили къ поспѣшному заключенію, что законъ Бойля вѣренъ только для *совершенныхъ* газовъ. Это понятіе о совершенныхъ газахъ конечно повлекло за собой предположеніе, что газы по мѣрѣ удаленія ихъ отъ своей точки кипѣнія достигаютъ наконецъ постояннаго и устойчиваго состоянія, когда ихъ свойства уже не измѣняются по крайней мѣрѣ на очень долгое время; предполагалось, что въ такомъ состояніи газы должны точно подчиняться закону Бойля. Однако, съ тѣхъ поръ было открыто ультра-газообразное состояніе вещества, и теперь во всѣхъ отношеніяхъ выяснилось, что вещество отъ жидкаго состоянія до ультра-газообразнаго измѣняется непрерывно, по-

степенно переходя отъ различныхъ видоизмѣненій уплотненности и жидкаго состоянія черезъ различныя ступени совершенной и несовершенной газообразности до послѣдней степени разряженности четвертаго состоянія тѣлъ. Но тогда къ какой же ступени газообразнаго состоянія приложимъ законъ Бойля? Очевидно, *что во всей своей точности* онъ приложимъ только къ одной ступени всей этой длинной восходящей лѣстницы—къ одной предполагаемой метафизической точкѣ ея, и онъ не точенъ въ приложеніи ко всякой другой ступени. Но въ природѣ ни одинъ газъ не можетъ оставаться и не можетъ быть удержанъ какъ разъ на одной ступени этой лѣстницы безчисленныхъ его измѣненій; слѣдовательно, все, что мы можемъ сказать о законѣ Бойля, это то, что изъ безчисленныхъ различныхъ состояній, въ которыхъ могутъ находиться газы, и изъ всѣхъ безчисленныхъ различныхъ законовъ давленія, которымъ они слѣдовательно подчиняются, мы теоретически можемъ найти только одно состояніе газовъ, которому соотвѣтствуетъ законъ сжимаемости газовъ, называемый закономъ Бойля; и что, если бы даже мы могли удержать газъ въ этомъ состояніи (чего мы не можемъ), законъ Бойля *былъ бы* дѣйствительно вѣренъ только для этого состоянія. Другими словами, законъ Бойля есть метафизическій законъ, не имѣющій реальнаго существованія. Это есть удобный взглядъ на нѣкоторыя явленія или нѣкоторая фикція, возникающая прежде всего изъ нашего невѣдѣнія и допустимая только въ той мѣрѣ, въ какой мы умышленно или по необходимости ограничены въ нашихъ изслѣдованіяхъ.

Итакъ, вотъ что такое методъ науки. Онъ состоитъ въ выводѣ извѣстнаго закона или извѣстнаго положенія изъ небольшого ряда явленій; а какъ только наука узнаетъ другія явленія, относящіяся къ разсматриваемому ею вопросу, этотъ законъ или положеніе постепенно падаютъ. Конрадъ Гесснеръ и др. древніе зоологи начинали классифицировать животныхъ по числу ихъ роговъ! Политическая экономія начинаетъ съ классифицированія соціальныхъ явленій по закону спроса и предложенія. Когда люди вѣрили, что земля есть плоскость, они обобщали явленія, связанныя съ паденіемъ вѣсомыхъ тѣлъ, въ понятіе о «верхѣ и низѣ»—двухъ противоположныхъ направленіяхъ въ пространствѣ; говорили, что тяжелыя тѣла направляются «къ низу», такъ какъ такова ихъ природа. Однако, со временемъ, по мѣрѣ накопленія новыхъ фактовъ, сдѣлалось невозможнымъ распредѣлять животныхъ по ихъ рогамъ; понятіе «о верхѣ и низѣ» потеряло свое значеніе, когда узнали, что земля шарообразна. Тогда пришлось составлять новые законы и положенія. Въ послѣднемъ случаѣ, когда думали, что земля есть центръ вселенной, новый законъ предполагалъ, что всѣ вѣсомыя тѣла стремятся къ центру земли. Такой взглядъ временно казался правильнымъ и удовлетворительнымъ; но затѣмъ оказалось, что земля не есть центръ вселенной, и что нѣкоторыя вѣсомыя

тѣла, какъ напр. спутники Юпитера, вовсе не стремятся къ центру земли. То невѣдѣніе, которое позволяло существовать прежнему обобщенію, было устранено, и образовалось новое обобщеніе—законъ всемірнаго тяготѣнія. Но и этотъ законъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, признается вѣрнымъ только вслѣдствіе нашего невѣдѣнія; мало того, уже теперь вѣра въ его истинность представляетъ величайшія затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ,—здѣсь мы приходимъ къ важному вопросу. Иногда говорятъ, что можно согласиться съ вышеизложенными возраженіями противъ законовъ науки, съ ихъ односторонностью и недостаточностью, но что всетаки законы науки суть приближенія къ истинѣ; и что по мѣрѣ того, какъ все новыя и новыя явленія подвергаются изслѣдованію, соотвѣтственныя измѣненія прежнихъ законовъ все болѣе и болѣе приближаютъ насъ къ предѣлу строгой точности, которой мы въ концѣ-концовъ достигнемъ, если у насъ на это хватитъ терпѣнія. Но развѣ это такъ? Какого рода строгихъ законовъ могли бы мы достигнуть, если-бы подчинили имъ всю совокупность явленій? Зная, что природа есть нѣчто цѣлое, (какъ напр. теорію луны) и тѣмъ не менѣе изолируя отдѣльные ряды явленій для установленія точныхъ законовъ для каждаго ряда въ отдѣльности,—чѣмъ мы заранѣе обрекаемъ себя на ложное заключеніе,—развѣ мы можемъ когда-нибудь достигнуть предѣла нашихъ знаній, который очевидно всегда безконечно удаленъ отъ насъ? Если, производя какое-нибудь изслѣдованіе, мы знаемъ всѣ относящіеся къ нему факты, кромѣ двухъ или трехъ, мы имѣемъ основаніе предположить, что мы близки къ предѣлу точнаго знанія; но если, изслѣдуя природу, мы видимъ, что такъ сказать изъ милліона фактовъ намъ извѣстны только два или три, то новый законъ, возникшій вслѣдствіе расширенія области нашихъ наблюденій, очевидно, во всякое время можетъ совершенно опрокинуть наши прежніе выводы. Есть разница между приближеніемъ къ стѣнѣ и приближеніемъ къ полярной звѣздѣ. Въ первомъ случаѣ мы близимся къ скорому окончанію нашего труда, во второмъ—мы только подвигаемся въ извѣстномъ направленіи. Научныя теоріи вообще можно отнести къ этой послѣдней категоріи: онѣ обозначаютъ направленія человѣческой мысли въ данный моментъ, но предѣла ей не ставятъ. Въ каждой точкѣ этого пути вводится какъ-бы призракъ предѣла; этотъ призракъ, подобно миражу въ пустынѣ, становится желанной цѣлью новыхъ исканій, но на самомъ дѣлѣ предѣла тамъ нѣтъ, и все оказывается не чѣмъ инымъ, какъ оптическимъ обманомъ, зависящимъ отъ положенія наблюдателя и со временемъ исчезающимъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ этого положенія. Такъ, напр., законъ, по которому сила тяготѣнія обратно пропорціональна квадратамъ разстояній, кажется намъ на первый взглядъ окончательнымъ, однако это, вѣроятно, кажется намъ только потому, что законъ этотъ выведенъ изъ весьма ограниченной области наблюденій, а именно только на осно-

ваніи движеній нѣсколькихъ небесныхъ тѣлъ (находящихся на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга) [1]).

Кавендишскіе и шегалліанскіе опыты показываютъ только то, что законъ тяготѣнія на поверхности земли, для среднихъ разстояній, колеблется незначительно, но существованіе такъ называемыхъ молекулярныхъ силъ принуждаетъ насъ признать, что для малыхъ разстояній этотъ законъ измѣняется весьма значительно (если только мы не хотимъ прибѣгнуть къ тому весьма искусственному предположенію, что на ряду съ силой тяготѣнія, но вполнѣ независимо отъ нея, на вещество дѣйствуетъ цѣлый рядъ другихъ притягательныхъ и отталкивательныхъ силъ). Словомъ, такъ же, какъ законъ Бойля, законъ Ньютона есть по всей вѣроятности законъ метафизическій, вѣрный лишь подъ извѣстными ограничительными условіями. Кажущаяся окончательность его проистекаетъ отъ ограниченности тѣхъ условій, въ которыхъ произведены наши наблюденія; какъ только наши изслѣдованія распространяются на новыя области пространства, мы видимъ, что законъ обратныхъ квадратовъ перестаетъ казаться даже приближеніемъ къ истинѣ: такъ напр., предположеніе, что для самыхъ малыхъ молекулярныхъ разстояній сила притяженія обратно пропорціональна пятой степени разстояній, признается болѣе точнымъ.

Великія научныя теоріи нашего времени всѣ находятся въ одинаковомъ положеніи. Полное противорѣчій состояніе современной атомистической теоріи въ физикѣ; безнадежная недостаточность Дарвиновой теоріи выживанія наиболѣе приспособленныхъ особей; паденіе одной изъ основныхъ теорій астрономіи—теоріи постоянства орбитъ луны и планетъ; перевороты, претерпѣваемые именно теперь геологіей; вопіющія и непреодолимыя трудности, связанныя съ теоріей волнообразнаго движенія свѣта; окончательное паденіе основной теоріи политической экономіи—теоріи цѣнности,—все это, кажется, не очень то приближаетъ насъ къ предѣлу строгаго и точнаго знанія, которую намъ обѣщаютъ! Несокрушимая теорія или теорія, близкая къ предѣлу несокрушимости, въ сущности есть такая же нелѣпость какъ и несокрушимая броня. Противъ данныхъ ядръ всегда

---

[1]) Мы обыкновенно не представляемъ себѣ, насколько слаба сила тяготѣнія. Вычислено, что между двумя массами, вѣсящими каждая 415,000 тоннъ и находящимися на разстояніи одной мили одна отъ другой, сила притяженія будетъ равна вѣсу всего одного фунта; такъ что, если такія два тѣла отстояли-бы другъ отъ друга на разстояніе, равное разстоянію между землей и луной, то сила притяженія между ними была-бы равна лишь $^1/_{67\cdot600\cdot000\cdot000}$ фунта. Вотъ какъ незначительна сила, управляющая движеніемъ тѣла въ 415,000 тоннъ. Легко видѣть, что малѣйшее измѣненіе въ законѣ, управляющимъ этой силой, могло бы долгое время остаться незамѣченнымъ, а между тѣмъ такое измѣненіе въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ вѣковъ можетъ имѣть огромное значеніе.

можно найти достаточную броню; но противъ данной брони всегда можно найти такія ядра, которыя ее сокрушатъ.

Методъ науки, какъ методъ умышленнаго ограниченія или вынужденнаго невѣдѣнія, весьма занимательно поясняется разсмотрѣніемъ различныхъ отраслей науки. Я бралъ примѣры изъ астрономіи, которая считается самой точной наукой о природѣ. Не странно-ли то, что астрономія, изучающая небесныя тѣла, болѣе другихъ отъ насъ удаленныя и труднѣе всего наблюдаемыя, есть самая совершенная изъ всѣхъ наукъ? Однако, причина этому очевидна. Астрономія самая совершенная наука потому, что мы *меньше всего знаемъ о ней*, потому что наше невѣдѣніе относительно нея особенно глубоко. Прикрѣпленные къ песчинкѣ въ пространствѣ, ограниченные въ своихъ наблюденіяхъ такими періодами времени, которые по отношенію къ величавымъ движеніямъ свѣтилъ являются лишь безконечно-малыми мгновеніями, мы находимся такъ сказать въ положеніи крота, наблюдающаго движеніе поѣздовъ по желѣзнодорожному пути. Такъ-же, какъ видящій малую дугу очень большаго круга ошибочно принимаетъ ее за прямую, такъ и мы довольствуемся дешевыми астрономическими выводами и рѣшеніями, которыя дальнѣйшія изслѣдованія заставятъ насъ признать ложными. Такъ, принявшій малую дугу за прямую долженъ долго идти по своей предполагаемой прямой прежде чѣмъ узнаетъ, что она кривая; и еще дальше долженъ итти по ней, чтобы узнать, что она не есть окружность; и еще дальше, чтобы узнать, что его линія есть эллипсисъ, или спираль, или парабола, или что либо другое, а между тѣмъ вопросъ о томъ, къ какой кривой отнести предполагаемую линію, есть самый существенный вопросъ для идущаго по линіи человѣка. Это самое происходитъ въ астрономіи, а всетаки астрономія признается за точную науку! [1])

---

[1]) Для поясненія того же самаго въ другой области я приведу отрывокъ изъ «Теоріи тепла» Максвелля (курсивъ мой). «Описывая отношенія тѣлъ къ тепловой энергіи, мы начали съ твердыхъ тѣлъ, такъ какъ съ ними *легче всего обращаться*. Затѣмъ мы перешли къ жидкостямъ, которыя могутъ содержаться въ открытыхъ сосудахъ, а потомъ переходимъ къ газамъ, которые не держатся въ открытыхъ сосудахъ и которые вообще *невидимы*. Такой порядокъ естественъ для первоначальнаго знакомства съ различными состояніями тѣлъ. Но разъ мы уже познакомились съ наиболѣе выдающимися чертами различныхъ состояній тѣлъ, слѣдуетъ признать обратный порядокъ въ нашемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи болѣе *научнымъ* пріемомъ: намъ слѣдуетъ начать съ газовъ, вслѣдствіе большей простоты законовъ, которые ими управляютъ; затѣмъ мы должны перейти къ жидкостямъ, сложные законы которыхъ намъ менѣе извѣстны, и наконецъ закончить тѣми немногими данными, которыя пока намъ извѣстны о строеніи твердыхъ тѣлъ». Значитъ, Наука находитъ, что легче работать надъ газами, которые невидимы и о которыхъ мы знаемъ мало, чѣмъ надъ твердыми тѣлами, которыя намъ болѣе доступны и съ которыми намъ легче обращаться! Это заключеніе кажется намъ страннымъ, однако оно представляетъ обычный пріемъ Науки; въ дѣйствительности законы газовъ по всѣмъ вѣроятіямъ ни-

Дѣйствительно,—мы имѣемъ въ астрономіи «точную науку», но это только потому, что астрономическія явленія требуютъ такого громаднаго масштаба, что мы видимъ только самую малую часть ихъ, только такъ сказать немногія подробности. Только наше невѣдѣніе позволяетъ намъ *догматизировать* въ этой области,—такъ-же, какъ въ противоположной области явленій—въ физикѣ и химіи—мы имѣемъ якобы точныя науки только потому, что явленія, къ нимъ относящіяся, представляются въ столь *минимальномъ* масштабѣ, что мы просматриваемъ *всѣ подробности* явленій и видимъ только кое-гдѣ нѣкоторые общіе результаты ихъ. При дѣйствіи аммiака на растворъ мѣднаго купороса образуется студенистый зеленый осадокъ. Никто не имѣетъ даже слабаго представленія о различныхъ движеніяхъ и комбинаціяхъ частицъ этихъ двухъ жидкостей, сопровождающихъ образованіе зеленаго осадка. Безъ сомнѣнія, онѣ очень сложны; но изъ всѣхъ происшедшихъ въ данномъ случаѣ измѣненій въ веществѣ—только одно измѣненіе видимо глазу, и поэтому химикъ отмѣчаетъ его, какъ существенное. Такъ химія вообще состоитъ изъ немногихъ, весьма немногихъ фактовъ, взятыхъ изъ всего громаднаго количества явленій, къ ней относящихся, либо произвольно, либо потому, что только эти факты поддаются изслѣдованію. Только вслѣдствіе этой немногочисленности извѣстныхъ имъ явленій, химики могутъ располагать ихъ въ желаемомъ для нихъ порядкѣ и выводить общія заключенія. Несомнѣнно, что всѣ эти обобщенія должны пасть, какъ только кругъ явленій, подлежащихъ химіи, расширится и способы ихъ изслѣдованія усилятся. То-же можно сказать про магнетизмъ, свѣтъ, тепло и другіе физическіе отдѣлы; но, кажется, не стоитъ подробно доказывать то, что и такъ достаточно очевидно.

Но есть еще (выражаясь не строго и въ общихъ чертахъ) третья область человѣческихъ познаній. Эта область не такъ, какъ въ астрономіи, удалена отъ насъ; явленія, къ ней относящіяся, не настолько громадны сравнительно съ нами самими, чтобы мы могли знать только малую долю ихъ; эта область также не имѣетъ дѣла съ столь минимальными величинами во времени и въ пространствѣ, чтобы мы могли улавливать только общіе результаты ихъ взаимодѣйствій, какъ мы это видѣли въ физикѣ и химіи; эта область, такъ сказать, ближе подходитъ къ уровню самого человѣка; это область изученія такъ называемаго органическаго міра, область изученія самого человѣка, его исторіи, исторіи его развитія, изученіе животныхъ, даже растеній и вообще законовъ жизни. Сюда относятся всѣ біологическія, соціальныя, историческія, психо-

сколько не проще законовъ жидкости и твердыхъ тѣлъ, но именно потому, что мы знаемъ много меньше о газахъ, чѣмъ о твердыхъ тѣлахъ, намъ легче удовольствоваться для нихъ подобіемъ законовъ и труднѣе быть уличенными въ нашихъ заблужденіяхъ.

логическія и прочія науки. Эту область человѣкъ, очевидно, знаетъ лучше всего. Я не хочу этимъ сказать, что человѣкъ больше всего дѣлаетъ обобщеній въ этой области; я только утверждаю, что явленія, сюда относящіяся, онъ знаетъ лучше, чѣмъ всякія другія. На одно наблюденіе человѣка надъ привычками и поведеніями небесныхъ свѣтилъ или химическихъ растворовъ, на одно наблюденіе въ отдаленныхъ областяхъ астрономіи и химіи приходятся тысячи и милліоны наблюденій человѣка надъ привычками и поведеніемъ его ближнихъ и сотни и тысячи наблюденій надъ привычками и поведеніями животныхъ и растеній. Не странно-ли то, что въ этой области человѣкъ менѣе всего увѣренъ и догматиченъ, что здѣсь онъ болѣе всего сомнѣвается въ существованіи точныхъ законовъ? Или скорѣе, не согласно-ли это съ нашимъ утвержденіемъ, что Наука, какъ несвѣдущій мальчикъ, всего болѣе опредѣленно и догматично выражается именно тамъ, гдѣ она обладаетъ наименьшимъ знаніемъ?

Однако, мнѣ возразятъ, что явленія, происходящія въ живыхъ существахъ, много сложнѣе, чѣмъ астрономическія и физическія явленія и что поэтому точная наука къ нимъ мало приложима; что хотя человѣкъ знаетъ во много милліоновъ разъ больше о привычкахъ людей, чѣмъ о привычкахъ звѣздъ, но первый предметъ во столько-же милліоновъ разъ сложнѣе послѣдняго, и что весь избытокъ нашихъ знаній по первому предмету не искупаетъ его сложности. Таково обыкновенное мнѣніе; однако, оно не выдерживаетъ критики. Что астрономическія явленія менѣе сложны, чѣмъ явленія органической жизни, есть не болѣе какъ предположеніе; минутное размышленіе покажетъ намъ, что въ дѣйствительности астрономическія явленія безконечно сложны. Возьмемъ для примѣра движенія луны: мы уже изъ теперешняго знакомства съ этимъ явленіемъ знаемъ, что движенія луны находятся въ нѣкоторой зависимости отъ положенія и массы земли (вліяя, напр., на приливы и отливы океана), отъ положенія и массы солнца, отъ положенія и массы каждой планеты, отъ движенія многочисленныхъ, но мало извѣстныхъ кометъ, отъ колецъ аэролитовъ и наконецъ—отъ неподвижныхъ звѣздъ! Всякій знаетъ, что эта задача совершенно неразрѣшима даже для короткаго періода времени, тогда какъ для мало-мальски удовлетворительнаго рѣшенія ея въ астрономическомъ смыслѣ нуженъ періодъ времени не меньшій милліона лѣтъ, а за это время и земля, и солнце, и всѣ тѣла, вліяющія на движенія луны, сами перемѣнятъ свое положеніе. Такимъ образомъ, разъ въ рѣшеніе нашей задачи еще вносится элементъ времени, она очевидно дѣлается безконечно сложной; а она представляетъ только самый небольшой отрывокъ изъ всей области астрономическихъ знаній! Поэтому споръ о томъ, что сложнѣе,—безпредѣльная-ли сложность движеній небесныхъ тѣлъ или бепредѣльная сложность явле-

ній жизни,—подобенъ спору о первенствѣ того или другого лица Св. Троицы или о темъ, исходитъ-ли Св. Духъ или пресуществуетъ: мы говоримъ о вещахъ, которыхъ мы не понимаемъ.

Природа есть нѣчто цѣлое, и мы должны вѣрить, что она одинаково глубоко-таинственна и чудесна во всѣхъ своихъ частяхъ; но такъ-какъ мы живемъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ ограниченіяхъ, то мы видимъ глубже всего въ той области, которая, такъ сказать, находится на одномъ уровнѣ съ нами. Изучая человѣчество, мы видимъ природу лицомъ къ лицу; здѣсь нашъ взглядъ проникаетъ въ глубь вещей, и мы видимъ, что природа чудеснѣе и таинственнѣе всего того, что мы только можемъ себѣ вообразить о ней. То, что мы узнаемъ въ этой области, есть самое цѣнное наше знаніе; тогда какъ въ тѣхъ областяхъ, куда наука любитъ переноситься, мы видимъ такъ сказать только края ея одежды, и, хотя мы ихъ измѣряемъ какъ нельзя болѣе точно, мы однако видимъ только ихъ и больше ничего.

Часто въ доказательство существенной точности научныхъ законовъ и обобщеній приводится еще тотъ доводъ, что эти законы и обобщенія даютъ намъ возможность *предсказывать* явленія; но на этомъ мы не должны останавливаться. Дж. Ст. Милль въ своей логикѣ замѣтилъ,—и это дѣлается очевиднымъ послѣ небольшого размышленія,—что успѣхъ извѣстнаго предсказанія не доказываетъ истинности теоріи, на которой оно основано, а доказываетъ только то, что данная теорія годилась для этого предсказанія.

Было-же время, когда солнце было богомъ, каждое утро выѣзжающимъ на своей колесницѣ; и было время, когда земля была центромъ вселенной, а солнце огненнымъ шаромъ, вращающимся вокругъ нея. И въ тѣ времена люди могли съ увѣренностью предсказывать, что солнце на утро взойдетъ, и даже могли называть часъ его появленія; однако, мы поэтому не признаемъ ихъ теоріи вѣрными. Когда Адамсъ и Леверрье предсказали появленіе Нептуна на извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ неба, они вывели свое краткое предсказаніе о появленіи новой планеты изъ наблюденій надъ движеніями уже извѣстныхъ планетъ, но этимъ далеко еще не была доказана правильность того широкаго обобщенія этихъ движеній, которое называется закономъ тяготѣнія. Этимъ было только показано, что это обобщеніе годилось для того краткаго періода, который разсматривался и который дѣйствительно весьма кратокъ сравнительно съ настоящими задачами астрономіи, для рѣшенія которыхъ законъ тяготѣнія окажется вѣроятно несоотвѣтствующимъ.

Тихо Браге, будучи превосходнымъ астрономомъ, держался, какъ мы видѣли, теоріи эпицикловъ. Онъ воображалъ, что путь луны вокругъ земли есть фиксированная комбинація цикла съ эпицикломъ. Кеплеръ ввелъ представленіе объ эллипсисѣ. Затѣмъ движеніе перигея и другія

уклоненія заставили покинуть предположеніе объ эллипсисѣ и остановиться на предположеніи о безконечной кривой, подобной эллипсису въ каждой своей точкѣ; предполагалось, что такая кривая находится на нѣкоторомъ опредѣленномъ среднемъ разстояніи отъ земли, никогда не возвращается опять на себя и не образуетъ никакой замкнутой фигуры. Наконецъ, изслѣдованія Георга Дарвина разрушили представленіе объ опредѣленномъ среднемъ разстояніи и ввели представленіе о постоянно расширяющейся спирали. Конечно, трудно себѣ представить четыре теоріи, болѣе рѣзко отличающіяся одна отъ другой, чѣмъ вышеизложенныя; однако, затмѣнія будущаго года можно вычислить почти одинаково хорошо, прибѣгнувъ къ любой изъ нихъ. Дѣло въ томъ, что настоящая задача такъ обширна, что наши предсказанія на нѣсколько лѣтъ захватываютъ только такъ сказать маленькій краешекъ ея. Если-же въ каждомъ данномъ случаѣ мы отнесемся къ предсказанію, какъ къ доказательству теоріи, на которомъ оно основано, то очевидно мы въ концѣ-концовъ придемъ къ безнадежно противорѣчивымъ результатамъ.

II.

Итакъ, успѣхъ всякаго предсказанія показываетъ только то, что теорія, на которой оно основано, имѣла нѣкоторое практическое значеніе, какъ полезная гипотеза. Научныя теоріи весьма цѣнны, какъ полезныя гипотезы, но лишь по стольку, по скольку онѣ не переступаютъ тѣхъ тѣсныхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ *онѣ легко могутъ быть провѣрены*. Дѣйствительно, мы не могли-бы обойтись безъ нихъ; но, когда мы ихъ принимаемъ за объективные факты,—когда, напримѣръ, такому закону, какъ законъ тяготѣнія, выведенному изъ изслѣдованія тѣхъ немногихъ явленій, которыя намъ извѣстны о небесныхъ тѣлахъ, приписывается значеніе всемірной истины; когда такой законъ прилагается для объясненія явленій за милліоны лѣтъ и когда на вѣрѣ въ него основываются не поддающіяся провѣркѣ пророчества о планетныхъ орбитахъ, или заключенія о возрастѣ земли и продолжительности солнечной системы, тогда все, что можно сказать,—это то, что такъ разсуждать значитъ устремляться прочь отъ дѣйствительности *по касательной*. Ибо такъ же, какъ касательная къ кривой обозначаетъ приблизительное ея направленіе лишь на разстояніи весьма малой дуги, такъ научныя теоріи довольно хорошо истолковываютъ значеніе явленій въ узкихъ предѣлахъ нашихъ наблюденій; но такъ-же, какъ направляясь по касательной, мы скоро теряемъ кривую, такъ, слѣдуя этимъ теоріямъ за предѣлы дѣйствительнаго изслѣдованія, мы тотчасъ же перестаемъ имѣть дѣло съ фактами [1]).

[1]) Всѣ наши мысли, теоріи, «законы» и проч. о природѣ только соприкасаются съ ней такъ-же, какъ касательная соприкасается съ кривой,—только въ одной точкѣ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ общемъ методѣ Науки. Наука переходитъ отъ явленій къ законамъ, отъ видимыхъ и осязаемыхъ индивидуальныхъ особенностей къ обширнымъ обобщеніямъ неосязаемаго и призрачнаго характера. То есть мы классифицируемъ объекты для того, чтобы удобнѣе мыслить о нихъ. Какъ-же производится эта классификація? Она производится чрезъ усматриваніе тожества въ разнообразіи. Найдя въ какомъ-нибудь количествѣ предметовъ нѣкоторыя общія свойства ихъ, мы употребляемъ эту группу общихъ свойствъ для того, чтобы такъ сказать связать ими всѣ взятые нами предметы въ одно, для того, чтобы удобнѣе мыслить о нихъ. Затѣмъ, мы даемъ названіе этимъ общимъ свойствамъ и это даетъ намъ возможность обозначать каждый предметъ изъ всего взятаго нами количества отдѣльно. Возвратимся къ взятому уже нами примѣру: усматривая въ извѣстномъ количествѣ собакъ нѣкоторыя свойства, общія имъ всѣмъ, я обозначаю группу этихъ общихъ свойствъ названіемъ «гончей собаки», послѣ чего я уже постоянно употребляю слово «гончая собака», мысленно соотнося между собой эти видѣнные мною предметы. Точно такъ-же, усмотрѣвъ нѣкоторые общія свойства между другими подобными-же предметами, я придумываю для нихъ другое слово: я называю ихъ «борзыми собаками». Понятіе «гончая собака» тѣмъ отличается отъ тѣхъ предметовъ, которые оно обозначаетъ, что послѣдніе суть настоящія собаки, съ тысячами и тысячами свойствъ каждая; такъ у одной одинъ зубъ сломанъ, другая почти вся бѣлая, третья отзывается на кличку «Салли» и т. д.; тогда какъ понятіе есть лишь вымышленная форма моего ума, заключающая въ себѣ нѣкоторыя немногія свойства предметовъ и лишенная всякихъ индивидуальныхъ особенностей ихъ; это нѣчто вродѣ очень простого наибольшаго общаго дѣлителя, выведеннаго изъ даннаго ряда большихъ чиселъ.

Составивъ же себѣ понятія «гончая собака», «борзая собака» и еще множество другихъ таковыхъ-же, я нахожу, что эти понятія въ свою очередь имѣютъ нѣкоторыя немногія общія свойства и такимъ образомъ позволяютъ возникнуть новому понятію — понятію о «собакѣ» вообще. Конечно, такое понятіе о собакѣ есть еще большее отвлеченіе, чѣмъ первое; это—понятіе отъ понятія. Особенность всего этого мысленнаго процесса состоитъ въ томъ, что (какъ это признается нѣкоторыми мыслителями), чѣмъ шире дѣлается обобщеніе, тѣмъ оно больше теряетъ въ глубину;

Они даютъ извѣстное направленіе и они вѣрны только въ этой точкѣ; но малѣйшее движеніе—и мы должны проводить новую касательную. Кривая—одна, а число касательныхъ къ ней безконечно. Это сравненіе можетъ пояснить не только отношеніе науки къ природѣ, но также и отношеніе искусства къ тому матеріалу, изъ котораго оно творитъ. Поэтъ создаетъ образы, но не въ нихъ главный смыслъ его произведенія, онъ знаетъ, что сами по себѣ образы его не истинны, но что они соприкасаются съ истиной. Его линіи—это оболочка кривой; сама кривая, это—сущность его поэмы.

или, другими словами, очевидно, что чѣмъ больше предметовъ берется для сравненія, тѣмъ самымъ количество свойствъ, общихъ имъ всѣмъ, уменьшается. Наконецъ, какъ мы это видѣли въ началѣ, если мы возьмемъ достаточное для этого количество предметовъ, наше понятіе (о «собакѣ» или о чемъ другомъ) все болѣе и болѣе блѣднѣетъ и перестаетъ имѣть какое-либо значеніе. Такимъ образомъ дилемма Науки и въ то-же время всего человѣческаго знанія состоитъ въ томъ, что, продолжая слѣдовать свойственному этому знанію процессу, мы по необходимости оставляемъ твердую почву дѣйствительности и переходимъ въ воздушныя области отвлеченій, которыя, чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ дѣлаются все неуловимѣй и безсодержательнѣй, пока, наконецъ, не превращаются въ совершенные призраки. Тѣмъ не менѣе такой процессъ есть совершенная необходимость, такъ-какъ только такимъ путемъ нашъ умъ можетъ разбираться во всемъ разнообразіи вещей.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ. Ясно, что всякій предметъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе ко всякому другому предмету и, въ дѣйствительности, существуетъ только въ силу своего отношенія къ другимъ предметамъ. Слѣдовательно всякій предметъ имѣетъ безчисленное множество свойствъ; и потому нашъ умъ совершенно безсиленъ имѣть дѣло съ такимъ объектомъ; онъ для него немыслимъ. Поэтому для того, чтобы разобраться, нашъ умъ принужденъ изолировать нѣкоторыя *немногія* свойства предметовъ, т.-е. немногія отношенія ихъ между собою, и сперва мыслить только ихъ (этимъ самымъ уже примѣняя къ дѣлу *методъ невѣдѣнія или отвлеченія*); о другихъ свойствахъ предметовъ, говоримъ мы себѣ, мы будемъ думать послѣ. Такимъ образомъ, отбрасывая или отвлекая отъ нашего объекта все множество его свойствъ и оставляя только немногія для сочетанія ихъ въ понятіе, на дѣлѣ нашъ умъ покидаетъ настоящій предметъ и имѣетъ дѣло только съ его тѣнью. За то получается нѣчто, съ чѣмъ можно легко обращаться и что, какъ бумажныя деньги, *на время и при извѣстныхъ условіяхъ* имѣетъ настоящую цѣнность. Опасность здѣсь заключается только въ томъ, что наша мысль, увлеченная широкой приложимостью составленнаго такимъ образомъ частнаго понятія, легко можетъ придать ему дѣйствительную цѣнность, проектируя таковое на фонѣ видимаго міра и приписывая понятію реальность, принадлежащую исключительно объектамъ, т.-е. предметамъ, воплощающимъ въ себѣ *безконечный* рядъ свойствъ.

Теперь свойственный Наукѣ методъ для насъ ясенъ и можетъ быть обильно иллюстрированъ современными выводами ея. Нашъ опытъ состоитъ въ ощущеніяхъ: мы ощущаемъ тяжесть вѣсомыхъ тѣлъ, мы видимъ, какъ они падаютъ, когда не поддержаны; тепло, холодъ, свѣтъ, темноту и пр. мы знаемъ только по нашимъ ощущеніямъ. Но такъ какъ эти ощущенія видоизмѣняются въ зависимости отъ мѣста и человѣка, воспринимающаго ихъ, мы

естественно пытаемся найти какое нибудь общее мѣрило для нихъ, чтобы говорить о нихъ и описывать ихъ *точно* и независимо отъ индивидуальныхъ особенностей наблюдателей. Такимъ образомъ, мы пытаемся найти такое общее явленіе, которое *обусловливаетъ* (какъ мы выражаемся) ощущенія тепла и холода, свѣта и темноты, или найти нѣчто, *объясняющее* паденіе тѣлъ (т. е. нѣчто, всегда сопутствующее явленіямъ паденія тѣлъ). Для этого мы прибѣгаемъ къ вышеописанному методу обобщенія, т. е. мы наблюдаемъ большое число индивидуальныхъ случаевъ и потомъ смотримъ, какіе признаки или какія свойства общи всѣмъ этимъ случаямъ До сихъ поръ мы поступаемъ совершенно правильно; но какъ разъ здѣсь то и вкрадывается заблужденіе принятаго научнаго способа: когда мы, забывая, что наши обобщенныя свойства суть только отвлеченія отъ дѣйствительныхъ явленій, вѣримъ ихъ реальному существованію, а на дѣйствительныя явленія смотримъ, какъ на второстепенные результаты, какъ на «послѣдствія» этихъ «причинъ». Разсуждать такъ значитъ, ставить телѣгу передъ лошадью или, лучше сказать, обращать больше вниманія на тѣнь человѣка, чѣмъ на него самого. Такъ напримѣръ, находя, что большое количество разнообразныхъ по формѣ и цвѣту тѣлъ стремятся падать на землю, мы возводимъ это общее свойство тѣлъ—падать—въ нѣчто самостоятельно существующее, называя его «притяженіемъ» или «тяготѣніемъ», и въ концѣ концовъ провозглашаемъ положеніе о всемірномъ тяготѣніи, *дѣйствующемъ* на всѣ тѣла въ природѣ. Или, найдя, что нѣкоторыя вещества, какъ напр. вода, воздухъ, дерево и др. даютъ намъ въ извѣстныхъ случаяхъ извѣстное ощущеніе, называемое звукомъ, и что элементъ, общій всѣмъ этимъ случаямъ, есть колебаніе, мы отдѣляемъ отъ этихъ тѣлъ ихъ свойство—колебаться, придаемъ этому свойству отдѣльное существованіе и называемъ его *причиной* звука. Но хотя мы можемъ такимъ образомъ *мыслить* о тѣни человѣка отдѣльно отъ него самого, однако тѣнь человѣка не можетъ существовать отдѣльно отъ него; и хотя мы можемъ стараться мыслить о паденіи или о колебаніи дерева или камня отдѣльно отъ самихъ этихъ тѣлъ, однако само паденіе или само колебаніе отдѣльно отъ нихъ существовать не могутъ. И попытка говорить о такихъ отдѣльныхъ существованіяхъ только приводитъ къ безсмыслицѣ. Еще страннѣе это самообольщеніе Науки, когда, какъ напр. въ теоріи волнообразнаго эфира или въ теоріи атомовъ, сами понятія, возведенныя въ реальности, якобы существующія въ дѣйствительности, состоятъ изъ свойствъ, вполнѣ воображаемыхъ,—изъ волнообразнаго эфира въ первомъ случаѣ и изъ идеально твердаго и упругаго атома во второмъ. Разумѣется, въ результатѣ всего этого наука, какъ мы это теперь видимъ, приходитъ во всѣхъ направленіяхъ къ нелѣпостямъ. Она начинаетъ съ того, что отдѣляетъ отъ падающихъ тѣлъ одно изъ ихъ свойствъ,—а именно свойство ихъ падать, т. е. она исхо-

дитъ изъ отвлеченія, — которое само по себѣ есть нѣчто ложное, — затѣмъ она обобщаетъ и обобщаетъ это отвлеченіе и наконецъ приходитъ къ идеально-обобщенной нелѣпости, къ чему-то лишенному всякаго значенія, а именно къ закону тяготѣнія. Положеніе, что «всякая частица вселенной притягиваетъ всякую другую частицу съ силой, пропорціональной массѣ притягивающей частицы и обратно пропорціональной квадрату разстоянія между ними», лишено всякаго смысла и значенія: человѣческій умъ не можетъ дать какое-нибудь опредѣленное значеніе словамъ — «масса», «притяженіе», «сила»; эти понятія взаимно уничтожаютъ другъ друга. Разумъ отказывается понимать этотъ законъ. Ньютонъ, изобрѣвшій его, объявилъ, что ни одинъ философскій умъ не можетъ допустить, чтобы тѣла могли дѣйствовать такъ другъ на друга безъ посредства чего-нибудь такого, *чѣмъ и черезъ что* ихъ дѣйствіе могло бы быть передаваемо; современные же ученые склонны утверждать, что матеріальная среда такого рода сдѣлала бы законъ тяготѣнія еще болѣе непонятнымъ. Съ другой стороны, предположеніе о средѣ не матеріальной или о средѣ четвертаго измѣренія, какъ предлагается нѣкоторыми учеными, просто вывело бы вопросъ изъ предѣловъ научнаго анализа. Далѣе—формула закона Ньютона есть формула обратныхъ квадратовъ; если это такъ, то зная, что законъ обратныхъ квадратовъ есть законъ совершеннаго лучеобразнаго дѣйствія всякой силы, вытекающій изъ самой природы пространства, мы необходимо должны допустить, что въ данномъ случаѣ извѣстная сила (какова бы ни была ея природа) дѣйствуетъ лучеобразно въ пространствѣ безъ всякой потери или разсѣянія, и такимъ образомъ сила тяготѣнія явилась бы единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ. Мало того,—предполагается, что тяготѣніе дѣйствуетъ на самыя громадныя разстоянія мгновенно, безпрепятственно и ничѣмъ не задерживаясь на своемъ пути, каковы бы ни были количества и качества межъ-лежащихъ тѣлъ! Развѣ не очевидно, что законъ тяготѣнія есть законъ чисто метафизическій, что все это есть возведеніе въ область чудовищныхъ обобщеній и отвлеченій частичнаго пониманія міра явленій, выведеннаго изъ ограниченной области наблюденій?

Перейдемъ теперь къ теоріи волнообразнаго эфира. Изучая явленія, относящіяся къ большому числу свѣтящихся и окрашенныхъ тѣлъ, наука находитъ удобнѣе всего мыслить о нихъ, т. е. обобщать и связывать ихъ въ отдѣльныя группы, предполагая, что всѣ эти тѣла находятся въ колебаніи (не похожемъ на звуковое колебаніе), но происходящемъ въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что оно непосредственно замѣчено быть не можетъ. До сихъ поръ разсужденіе правильно. Нѣтъ никакой бѣды въ предположеніи о волнообразномъ движеніи, пока оно понимается просто какъ предположеніе, удобное для мышленія. Но Наука идетъ далѣе: она не только предполагаетъ, что вибрація есть свойство, общее всѣмъ ви-

димымъ тѣламъ, но она придаетъ этому общему свойству тѣлъ реальное существованіе, независимое отъ тѣхъ тѣлъ, которымъ, какъ предполагается, оно присуще, и называетъ вибрацію *причиной* видимости тѣлъ! Очевидно, что для этой предполагаемой общей всемірной вибраціи потребовалась общая всемірная среда, совершенно такъ-же, какъ Ньютону потребовалась среда для его всемірнаго «паденія»; и вотъ появляется волнообразный эфиръ. Но, получивъ таковой, оказывается, что для исполненія тѣхъ требованій, которыя мы къ нему предъявляемъ, эфиръ долженъ на квадратный дюймъ оказывать давленіе въ 17 милліоновъ фунтовъ и всетаки быть настолько тонкимъ и рѣдкимъ, чтобы не препятствовать малѣйшему движенію воздуха; долженъ быть таковъ, чтобы несмотря на такую рѣдкость и тонкость его, не поддающіяся самому тщательному прямому опыту, вибраціи его могли бы производить очень сильныя дѣйствія на самыя твердыя тѣла и разрушать ихъ; и таковъ, чтобы волны его могли свободно проходить черезъ нѣкоторыя плотныя и сплошныя тѣла, какъ напр. стекло, и не могли пропускаться даже такими легкими и пористыми тѣлами, какъ пробка, и т. д. и т. д.! Въ сущности оказывается, что эфиръ немыслимъ. Наука безсильно и безполезно бьется своей преданной головой о непреодолимыя препятствія, представляемыя для нея какъ неосязаемымъ и невидимымъ эфиромъ, такъ и мгновенно дѣйствующимъ и передающимся безъ среды тяготѣніемъ. Сама сотворивъ эти нелѣпости по методу «олицетворенія отвлеченностей» [1]) или «воплощенія понятій» [2]), Наука серьезно и совершенно искренно старается понять ихъ; воздвигнувъ своего собственнаго фетиша (за что она когда-то осмѣяла религію), она благочестиво закрываетъ передъ нимъ глаза и старается вѣрить въ него.

Атомистическая теорія [3]) даетъ прекрасный примѣръ для поясненія «метода невѣдѣнія». Когда мы хотимъ мыслить вообще о вещественныхъ предметахъ, хотимъ обобщать ихъ, т. е. найти въ нихъ одно или нѣсколько свойствъ, общихъ имъ всѣмъ, мы сначала останавливаемся въ недоумѣніи передъ ихъ громаднымъ разнообразіемъ. Но понемногу путемъ отбрасыванія или отвлеченія всѣхъ тѣхъ свойствъ или признаковъ, которые мы замѣчаемъ въ одномъ какомъ-нибудь предметѣ и не замѣчаемъ въ другомъ, напр. такихъ свойствъ, какъ красный или синій цвѣтъ предметовъ, какъ теплота ихъ, соленость, жизненность, разумность и пр. и пр., мы наконецъ находимъ, что одно свойство вещественныхъ тѣлъ, а именно нѣкоторое сопротивленіе нашему прикосновенію, обще имъ всѣмъ. Это свойство тѣлъ мы называемъ ихъ «массой», а такъ какъ

[1]) Дж. Ст. Милль.

[2]) Сталло.

[3]) См. превосходную книгу Сталло «Современныя воззрѣнія физики». См. также Страхова о методѣ естественныхъ наукъ и «Міръ какъ цѣлое». *Прим. переводчика.*

оно познается только черезъ движеніе, то «масса» и «движеніе» являются двумя соотносительными понятіями, посредствомъ которыхъ мы находимъ полезнымъ классифицировать всѣ тѣла; однако, мы не потому находимъ это полезнымъ, что эти два понятія даютъ намъ хорошее изображеніе разныхъ предметовъ, а только потому, что мы находимъ, что они свойственны всѣмъ тѣламъ! Совершенно такъ же мы могли бы классифицировать людей по ихъ обуви не потому, что обувь есть цѣнный принципъ классификаціи, а просто потому, что всѣ люди носятъ ту или другую обувь. Пока еще особаго вреда въ этомъ нѣтъ. Но затѣмъ, *мысленно исключивъ* по методу невѣдѣнія всѣ свойства тѣлъ, кромѣ помянутыхъ двухъ соотносительныхъ между собою свойствъ массы и движенія, мы предпринимаемъ общее объясненіе природы этими двумя оставшимися свойствами. Мы вѣримъ въ самостоятельное существованіе этихъ двухъ понятій (массы и движенія) и изъ нихъ беремся вывести всѣ остальныя явленія. Конечно, такой процессъ есть нелѣпость, и конечно онъ приводитъ къ тому, что эта нелѣпость обнаруживается. Мысли о массѣ и о движеніи, какъ существующихъ въ разныхъ тѣлахъ *отдѣльно* отъ цвѣта, запаха и прочихъ свойствъ этихъ тѣлъ, чего на самомъ дѣлѣ не можетъ быть, мы комбинируемъ эти два свойства тѣлъ въ одно понятіе *атома*, который по нашему предположенію существуетъ во всѣхъ тѣлахъ. Атомъ лишенъ цвѣта, запаха, вкуса, теплоты, жизни и разумности; такъ какъ методъ его полученія состоитъ въ отбрасываніи всего, кромѣ массы и движенія, то онъ обладаетъ только массой и движеніемъ. Это есть лишь проэкція одной человѣческой «мысли» на общемъ фонѣ природы и—это есть безсмыслица. Во всей безпредѣльной вселенной не существуетъ такой вещи, какъ масса и движеніе, лишенныя цвѣта, запаха, теплоты, жизни, разума и пр. Атомъ нельзя мыслить. Онъ абсолютно твердъ и абсолютно упругъ; это все равно, что сказать, атомъ сжимаемъ и въ то же время несжимаемъ. Онъ имѣетъ форму и не имѣетъ ея; онъ имѣетъ сродство и тѣмъ не менѣе совершенно индифферентенъ. Поклонники атома много потрудились для того, чтобы оправдать передъ людьми поведеніе этого ихъ фетиша. Одинъ говоритъ, что атомъ состоитъ исключительно изъ вещества—изъ совершенно пассивнаго вещества, не обладающаго никакой силой, кромѣ силы сопротивленія; другой говоритъ, что атомъ не есть вещество, а есть лишь точка приложенія силы; третій увѣряетъ, что атомъ не есть самъ по себѣ вещество, а что это вихрь въ другомъ веществѣ! И всѣ соглашаются на томъ, что атомъ не есть объектъ органовъ нашихъ чувствъ, и остается только заключить, что атомъ не только не мыслимъ, но и безсмысленъ *) [1]).

*) Непереводимая игра словъ: the atom is not an object of sense, but... it is nonsense. *Прим. переводчика.*

[1]) См. для примѣра послѣднюю новость въ этомъ родѣ — молекулу Гельмгольца,

Во всѣхъ отрасляхъ науки мы видимъ то же самое. Человѣческая мысль, направляясь по касательной и тѣмъ самымъ удаляясь отъ природы, останавливается, наконецъ, на безконечно удаленныхъ отъ нея ничтожествахъ, на бѣдныхъ призрачныхъ остовахъ природы,—на отвлеченіяхъ отъ нея, и—иначе оно не можетъ и быть, потому что человѣческая мысль до сихъ поръ можетъ улавливать только призраки вещей, а не реальности. Не надо только ошибаться и смѣшивать двѣ несовмѣстимыя между собою вещи, — призраки не надо принимать за нѣчто реальное. Атомъ, годящійся физику, не годится химику. Эфиръ, годный для передачи свѣта, не годится для передачи силы тяготѣнія, а среда, которая подходила бы для объясненія дѣйствія на разстояніе электричества, не могла бы служить для первыхъ двухъ цѣлей.

Едва ли стоило бы вдаваться во всю эту критику научныхъ положеній и пріемовъ, если бы не было очевидно, что за послѣднее время наука намѣренно или безсознательно пытается устанавливать явленія, какъ существующія независимо отъ самого наблюдателя, т. е. человѣка, о чемъ я уже говорилъ въ началѣ настоящаго очерка. Видя, что наши сужденія въ обыденной жизни очевидно неточны и находятся въ зависимости отъ наблюдателя,—и въ самомъ дѣлѣ они неразрывно связаны съ чувствованіями самого человѣка,—наука естественно старалась произвести нѣчто точное и независимое отъ чувствованій человѣка. Этимъ, однако, она напередъ обрекла себя на неудачу, ибо съ одной стороны наши сужденія объ отдѣльныхъ явленіяхъ или о группахъ отдѣльныхъ явленій могутъ быть точны только тогда, когда они добыты по извѣстному уже намъ методу невѣдѣнія, а съ другой стороны, очевидно, ни одно наше сужденіе не можетъ быть совершенно независимо отъ человѣческаго чувствованія. Когда кто-нибудь говоритъ: «холодно», его сужденіе, надо сознаться, человѣчно до плачевности и весьма неопредѣленно. Что̀ холодно? Хотите ли вы сказать, что *что-то* холодно, или что *кажется* или *чувствуется*, что холодно? *Холодно* въ какомъ смыслѣ? Холодно *вамъ*, или *еще кому*, или полярнымъ медвѣдямъ, или по термометру холодно? и т. д. и т. д. Но здѣсь наука авторитетно вмѣшивается и поправляетъ насъ. Она говоритъ: температура равняется 30° Фаренгейта, и этимъ какъ будто уясняетъ все дѣло. Но развѣ на самомъ дѣлѣ она уясняетъ дѣло? Температура,—но кто знаетъ, что это такое? Въ чемъ

усовершенствованную Вильямомъ Томсономъ. Она описывается такъ: «Это есть вѣсомая масса, связанная невѣсомыми пружинами съ невѣсомой оболочкой; или, же она состоитъ изъ центральной массы, болѣе плотной, чѣмъ эфиръ, и изъ нѣсколькихъ оболочекъ, заключающихся одна въ другой и соединенныхъ между собой пружинами. Конечно, не предполагается, что такое безсмысленное созданіе существуетъ, но предполагается, что если бы оно существовало, то оно хорошо подходило бы къ объясненію нѣкоторыхъ необъяснимыхъ явленій разсѣянья свѣта и пр.

остоитъ ея научное опредѣленіе? Справляюсь (теорія тепла Клеркъ-Максвелли, стр. 2). «Температура извѣстнаго тѣла есть нѣкоторая величина, показывающая, насколько это тѣло тепло или холодно». Это все равно, что сказать: «цвѣтъ тѣла есть нѣкоторая величина, показывающая, на сколько это тѣло красно, сине или желто». Это насъ мало подвигаетъ въ рѣшеніи нашего вопроса. Но въ слѣдующемъ параграфѣ Максвелль указываетъ на объектъ этого своего, конечно, лишь предварительнаго опредѣленія, говоря: «Итакъ, съ помощью этого слова, температура, мы убѣждаемся въ томъ, что не только возможно чувствовать, но также и измѣрять, на сколько данное тѣло тепло или холодно». Значитъ Максвелль ясно утверждаетъ, что можно найти абсолютное мѣрило тепла или холода или, лучше сказать, мѣрило того неизвѣстнаго, которое называется температурой и которое существуетъ внѣ насъ и не зависитъ отъ человѣческаго ощущенія. Когда кто-нибудь говоритъ, что ему холодно, онъ по всѣмъ вѣроятіямъ описываетъ только то, что онъ чувствуетъ; наука же здѣсь указываетъ на возможность найти нѣчто, имѣющее свое независимое существованіе, нѣчто такое, что, разъ найденное, легко можетъ поддаваться точному измѣренію. Но что же это такое, эта неизвѣстная вещь? Скажите, наконецъ, *что такое* температура?

Мы напрасно напрягаемъ свой мозгъ, ища отвѣта. Однако, можетъ быть остальная часть нашего предложенія—«температура равняется 30 градусамъ Фаренгейта» поможетъ намъ. То неизвѣстное, которое мы ищемъ, есть «30 градусовъ». Но тогда возникаетъ новый вопросъ: что такое градусъ? Послѣ того, какъ теорія тепла, хотя и возникшая изъ ощущеній человѣка, покинула изученіе ихъ, какъ ненужное, одно изъ первыхъ пристанищъ ея было въ явленіяхъ расширенія жидкостей, происходящихъ въ термометрическихъ трубкахъ. Временно думали, что здѣсь имѣется удовлетворительный показатель «температуры». Но скоро выяснилось, что градусъ—Фаренгейта, Реомюра или кого бы то ни было есть нѣчто вполнѣ произвольное, а также что градусъ не есть одно и то-же въ началѣ и въ концѣ лѣстницы температуръ [1]) и наконецъ, что сама эта лѣстница не имѣетъ никакой исходной точки! Это было неудобно, и поэтому ученые стали склоняться въ пользу воздушнаго термометра, явились толки объ абсолютномъ нулѣ и абсолютной температурѣ; думали, что искомое неизвѣстное проще и явственнѣе проявляетъ себя въ расширеніи воздуха и другихъ газовъ и что «градусъ» можно измѣрять посредствомъ этого расширенія. Но вскорѣ и этотъ родъ термометра, абсолютный нуль и все прочее, пало,—главнымъ образомъ потому, что ни одинъ газъ не оказался «теоретически совершеннымъ»,—и наука повер-

[1]) Уже одно то, что градусы термометра суть *равныя* пространственныя дѣленія показываетъ, что отношеніе ихъ ко всему объему жидкости, расширяющейся отъ одного конца трубки до другого, *не можетъ* оставаться *постояннымъ*.

нула въ другую сторону—въ сторону динамической теорiи. Было объявлено, что искомое неизвѣстное можетъ измѣряться формулами механической энергiи, и Джоуль въ Манчестерѣ провозгласилъ, что работа, производимая какимъ бы то ни было количествомъ воды, падающей съ высоты 772 футъ, можетъ поднять температуру этого-же количества воды на 1° Фаренгейта [1]).

Здѣсь, казалось, получилось нѣчто опредѣленное. Измѣренiе температуры посредствомъ массы и скорости, измѣренiе градуса посредствомъ паденiя камня (или теплоты человѣческаго тѣла посредствомъ паденiя фабричной трубы), несмотря на такой окольный путь для рѣшенiя задачи и на уклоненiе отъ самой сути ея, казалось, во всякомъ случаѣ обѣщало точные результаты. Къ несчастiю, трудность здѣсь состояла въ томъ, чтобы отъ теорiи перейти къ ея приложенiю. Сложность задачи, вытекающая изъ самой природы ея, несовершенство «газовъ» и другихъ сюда относящихся тѣлъ, необходимость допущенiя скрытаго состоянiя тепла и другихъ спецiальныхъ состоянiй его, трудность поставить опыты такъ, чтобы тепло не разсѣивалось, измѣнчивость значенiя градуса при разныхъ температурахъ,—все это заставляетъ думать, что окончательное заключенiе по этому вопросу было-бы преждевременно. Общiя уравненiя, показывающiя соотношенiя температуры по Фаренгейту и по другимъ термометрамъ съ температурой по термодинамической скалѣ во всякомъ случаѣ только приблизительны, а на практикѣ безполезны по своей неуклюжести.

Наконецъ, чтобы дать послѣднюю формулу механической теорiи тепла, было введено представленiе о движущихся атомахъ или молекулахъ, и изъ динамическихъ соображенiй выведенъ рядъ обобщенiй. Конечно, разъ исходя изъ механической теорiи, мы по необходимости должны были рано или поздно придти къ этому и (какъ это слѣдуетъ изъ предыдущаго) мы неизбѣжно должны были придти къ неудовлетворительнымъ результатамъ. Достаточно сказать, что молекулярная теорiя тепла *не* согласуется съ фактами. Такъ напр. законъ Шарля или Бойля, которые согласно этой теорiи должны-бы быть строго точны и общепримѣнимы, на самомъ дѣлѣ вѣрны только при извѣстныхъ весьма ограниченныхъ условiяхъ. Можно было-бы сказать, что эти неудачи происходятъ отъ приложенiя къ теорiи тепла статистическаго метода; но если мы съ другой стороны будемъ изслѣдовать и выслѣживать отдѣльныя движенiя каждой молекулы, намъ представится такая задача, передъ которой блѣднѣютъ самые смѣлые полеты мысли въ области астрономiи, и мы промѣняли-бы первоначальную трудность опредѣленiя «температуры» на трудности еще большiя.

[1]) Какъ это слѣдуетъ изъ вышеизложеннаго, это положенiе приложимо только къ одной ступени всей лѣстницы температуръ.

Въ результатѣ всего этого оказывается, что, несмотря на всѣ рѣчи объ атомахъ и энергіи, наука должна съ грустью сознаться, что она до сихъ поръ не можетъ дать настоящій смыслъ слову «температура»; искомое неизвѣстное остается неизвѣстнымъ; самостоятельное существованіе ея гдѣ-то до сихъ поръ ускользаетъ отъ насъ. Тѣмъ самымъ, что наука тщилась придти къ чему-то независимому отъ ощущеній самого человѣка, она окольнымъ путемъ пришла къ нелѣпости. Когда человѣкъ говоритъ «холодно», его сужденіе, несмотря на всю плачевную неопредѣленность его, имѣетъ нѣкоторое значеніе; человѣкъ описываетъ то, что онъ чувствуетъ, или, можетъ быть, онъ видѣлъ снѣгъ или ледъ на дорогѣ; но когда Наука, пренебрегая всѣмъ человѣческимъ и стараясь изрѣчь нѣчто абсолютное, объявляетъ, что температура равна 30°, она обрекаетъ себя на сужденіе, которое можетъ быть формально вѣрно, но которому она не придаетъ и никогда не можетъ придать никакого значенія [1]).

По отношенію къ другимъ общимъ выводамъ науки,—къ закону сохраненія энергіи, закону выживанія наилучше приспособленныхъ особей, мы точно также увидимъ, что чѣмъ больше мы о нихъ думаемъ, тѣмъ менѣе возможно придать имъ какой-либо дѣйствительно понятный смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ,—само это слово «наилучше приспособленная особь» предрѣшаетъ поставленный вопросъ; законъ же о сохраненіи энергіи есть лишь упрощеніе и такъ уже сильно упрощеннаго закона тяготѣнія. Химическіе элементы сами по себѣ представляютъ не что иное, какъ приложеніе къ внѣшнему міру понятій, образовавшихся чрезъ отвлеченіе двухъ или трехъ свойствъ тѣлъ; они не болѣе, а гораздо менѣе реальны, чѣмъ тѣ индивидуальные предметы, которые, какъ предполагается, они объясняютъ, а ихъ элементарный характеръ есть не болѣе, какъ фикція. По всѣмъ вѣроятіямъ окажется, что такъ же нелѣпо говорить о чистомъ золотѣ или о чистомъ углеродѣ, какъ о чистой собакѣ или обезьянѣ. Такихъ вещей не существуетъ, и до нихъ можно дойти развѣ только по методу невѣдѣнія и путемъ произвольныхъ опредѣленій.

Въ поискахъ за точностью наукѣ постоянно приходилось отбрасывать въ явленіяхъ элементы человѣчности и индивидуальности, въ надеждѣ найти внѣ ихъ такое пристанище, гдѣ-бы не было ничего человѣческаго и индивидуальнаго, и гдѣ можно было-бы найти нѣчто абсолютное и неизмѣнное. Отсюда явилось во всѣхъ наукахъ стремленіе избавиться отъ

---

[1]) Я, конечно, этимъ не возстаю противъ употребленія термометровъ и др. инструментовъ для практическихъ цѣлей. Это законная область Науки (можетъ быть, единственная законная ея область). Но такъ же, какъ мы это видѣли въ вопросѣ о *предсказаніяхъ*, точность нѣкоторыхъ практическихъ результатовъ еще не доказываетъ истинности тѣхъ общихъ выводовъ, которые, какъ предполагается, являются причиной этихъ результатовъ. При употребленіи термометра намъ даже незачѣмъ упоминать слово «температура».

такихъ выраженій, какъ синій, красный, тяжелый, горячій, согласный, несогласный, здоровый, жизненный, правый, неправый и пр., и основываться въ каждомъ данномъ случаѣ на не столь человѣческихъ понятіяхъ. Такъ напр. при изученіи звука, наука старается какъ можно менѣе имѣть дѣло съ тѣмъ, что ухо ощущаетъ и познаетъ непосредственно, и основывается все болѣе и болѣе на измѣреніяхъ длины струнъ, на числѣ колебаній и пр.

Каждая наука объясняетъ явленія, ею изслѣдуемыя, по возможности понятіями низшаго порядка. Такъ этика сведена на вопросы полезности и унаслѣдованныхъ привычекъ, изъ политической экономіи изъяты всѣ понятія о справедливости между людьми, о состраданіи, о привязанностяхъ, о стремленіяхъ къ солидарности, и она основана на принципѣ самаго низшаго порядка, какой только можно было въ ней найти, а именно на принципѣ личнаго интереса. Изъ біологіи исключено значеніе личности какъ въ растеніяхъ и животныхъ, такъ и въ людяхъ; вопросъ о личности здѣсь устраненъ и сдѣлана попытка свести вопросы біологіи къ взаимодѣйствію клѣтокъ и къ химическому сродству, къ протоплазмѣ и къ явленіямъ осмоса. Затѣмъ химическое сродство и всѣ удивительныя явленія физики сведены къ движеніямъ атомовъ, а движенія атомовъ также, какъ и движенія небесныхъ тѣлъ, сведены къ законамъ механики, которые изслѣдователь можетъ, сидя у себя въ комнатѣ, всѣ списать на клочкѣ бумаги. Такимъ образомъ, идея, формулированная Контомъ, о великой лѣстницѣ наукъ, восходящей отъ самой простой и доходящей до самой сложной, безсознательно руководила современными научными трудами. Наука пыталась объяснить каждую ступень этой лѣстницы низшей ступенью ея: цвѣтъ — вибраціями, вибрацію—движеніями молекулъ, все человѣческое всегда чѣмъ-нибудь низшаго порядка, чѣмъ самъ человѣкъ. Исходя тѣмъ не менѣе изъ человѣка, она неудовлетворенная блуждаетъ черезъ растительное и животное царства, черезъ области химіи и физики, пока, наконецъ, не приходитъ къ механикѣ. Здѣсь, въ механикѣ, говоритъ она, есть наконецъ нѣчто, существующее внѣ человѣка, есть нѣчто само по себѣ точное и существенное. «Давайте вновь строиться на этомъ основаніи и современемъ мы узнаемъ, что такое человѣчество». Въ этомъ заключается вся мечта современной Науки. Однако, ложность ея очевидна. Мы не вышли изъ человѣческаго, а только дошли до возможно крайняго предѣла его. Масса и движеніе, которыя принимаются въ этомъ процессѣ, какъ реальныя сущности и какъ родоначальники всѣхъ явленій, являются просто послѣдними отвлеченіями нашего чувственнаго опыта и самыми безсодержательными нашими понятіями. Матерьяльное (или механическое) объясненіе вселенной есть просто попытка судить о явленіяхъ по такимъ свойствамъ ихъ, которыя общи имъ всѣмъ; а это, какъ мы видѣли, есть то-же самое, что судить о людяхъ

по ихъ обуви. Этимъ путемъ можно, конечно, найти очень точныя формулы, но содержаніе ихъ будетъ очень мало или совсѣмъ ничего не значить.

Весь этотъ процессъ Науки и вся Контовская классификація ея отраслей, какъ попытка объяснить человѣка посредствомъ механики, является огромнымъ ложнымъ кругомъ. Этотъ процессъ долженъ-бы имѣть своимъ исходнымъ пунктомъ нѣчто простое, точное и непреложное и затѣмъ постепенно восходить по ступенямъ до самого человѣка; на самомъ дѣлѣ же исходнымъ пунктомъ его является всетаки самъ человѣкъ; только научное міровоззрѣніе основывается на ощущеніяхъ низшаго порядка (массы, движенія и пр.) и посредствомъ ихъ однихъ пытается объяснить чувствованія высшаго порядка. Грубо говоря, это напоминаетъ намъ того человѣка, который влѣзалъ послѣдній на лѣстницу для того, чтобы причесать себѣ голову. Въ сущности наука никогда не оставляла великій міръ или космосъ человѣка, и въ дѣйствительности никогда не могла найти locus standi внѣ его; но, въ продолженіи двухъ или трехъ столѣтій, она постоянно двигалась въ этомъ направленіи, стараясь изъ него выйти. Оставивъ это свое центральное основаніе и пренебрегая явленіями, происходящими въ человѣчествѣ, какъ явленіями слишкомъ сложными, неудобоизучаемыми, слишкомъ измѣнчивыми отъ человѣка къ человѣку и поэтому не дающими устойчиваго критерія для точнаго изслѣдованія, Наука все болѣе и болѣе блуждала внѣ этихъ явленій, ища нѣчто болѣе опредѣленное, нѣчто имѣющее всеобъемлющее значеніе. Постепенно отбрасывая субъективныя чувствованія внутренняго міра человѣка, какъ напр. чувства родства людей между собой, чувства справедливости и долга, сознаніе цѣлесообразности въ явленіяхъ и пр. и пр. (такъ какъ эти чувствованія неустойчивы или неодинаково что-ли развиты у людей, являясь зачаточными у однихъ и развитыми у др.), пробѣгая мимо изученія болѣе спеціализированныхъ тѣлесныхъ ощущеній—цвѣта, звука, запаха и пр., какъ неподходящихъ для нея по тѣмъ-же причинамъ, Наука, наконецъ, останавливается на первобытномъ ощущеніи мускульнаго сокращенія и на получаемыхъ отсюда понятіяхъ «массы или матеріи». Здѣсь, въ этомъ низшемъ ощущеніи, общемъ по всѣмъ вѣроятіямъ какъ человѣку, такъ и низшимъ животнымъ, въ этой предѣльной области, болѣе всего отдаленной отъ центра—человѣка, Наука находитъ обширное, универсальное поле дѣятельности. Здѣсь она достигаетъ самой наружной оболочки великаго космоса человѣка; но и эта оболочка частью еще человѣчна и не совсѣмъ мертвенна; и, насколько она человѣчна и жизненна, настолько наука еще не достигла полной точности и непреложности. Однако, дальше она идти уже не можетъ,—пусть-же она на этомъ и остановится.

Можетъ быть, въ одинъ прекрасный день, когда будутъ завершены

тѣ яркія облаченія, въ которыя драпируется современная научная теорія (имѣющія ту особенность, что только ученые могутъ ихъ видѣть), и когда, какъ ожидается, человѣчество будетъ торжественно шествовать въ этомъ новомъ облаченіи на удивленіе всей вселенной, какой-нибудь ребенокъ, какъ въ Андерсеновской сказкѣ о новомъ царскомъ платьѣ, вдругъ, съ порога своего дома, закричитъ: «да на немъ нѣтъ ничего», и среди нѣкотораго общаго смущенія всѣ увидятъ, что ребенокъ былъ правъ.

ПРИМѢЧАНІЕ:

«Я боюсь, что я далеко не успѣлъ выразить мое твердое убѣжденіе въ томъ, что предъ судомъ строгаго логическаго мышленія царство законовъ Науки окажется лишь непровѣренной гипотезой, единообразіе природы двусмысленнымъ выраженіемъ, и достовѣрность нашихъ научныхъ выводовъ въ большой мѣрѣ лишь заблужденіемъ». (Стэнлей Джевонсъ, Principles of Science, стр. IX).

Леонардо-да-Винчи,

его жизнь и научно-философскіе труды.

СТАТЬЯ III.

(Манускрипты).

Личность Леонардо-да-Винчи, сложная и глубокомысленная, отразившаяся въ его художественныхъ работахъ и многочисленныхъ рукописныхъ замѣткахъ, имѣетъ свою запутанную, интересную исторію и послѣ его смерти. То, что осталось отъ него на бумагѣ, какъ выраженіе его научныхъ идей, долго представляло такую-же загадку, какъ и его живописныя произведенія. Написанныя въ большинствѣ случаевъ слѣва направо, на семитическій манеръ, alla roverscia, наоборотъ, какъ говоритъ Маццента, эти рукописи должны были возбуждать всеобщее удивленіе. На отдѣльныхъ листкахъ пестрѣли рисунки и отрывочныя замѣчанія, относящіяся къ самымъ различнымъ областямъ знанія, сверкали ослѣпительныя мысли и научныя отгадки, недоступныя даже образованнѣйшимъ людямъ того времени. Самая манера писать по слуховому методу, соединяя между собою отдѣльныя слова, которыя естественно сливаются въ быстромъ говорѣ живой итальянской толпы, не могли не придать этимъ листкамъ особенной оригинальности: загадочныя идеи и смѣлыя научныя обобщенія выступали въ неожиданной простонародной оболочкѣ. Легко понять, что такое странное правописаніе могло создавать затрудненія при обслѣдованіи манускриптовъ, но въ этомъ капризѣ великаго человѣка таилась плодотворная мысль, еще недостаточно оцѣненная до сихъ поръ. Леонардо-да-Винчи презиралъ условности литературной рѣчи съ ея грамматическимъ этикетомъ и стилистическою накрахмаленностью, которая отнимаетъ у мысли ея стихійную первобытность и слитность, а у чувства его цѣльность и яркость. Его свободное обращеніе съ

письменнымъ словомъ, полное отсутствіе риторическихъ красотъ являлось, нужно думать, отраженіемъ его легкой, хотя всегда содержательной устной бесѣды и его способности приходить въ общеніе съ уличною толпою. Онъ былъ загадоченъ въ цѣломъ, но приближаясь къ человѣку даже самаго низкаго умственнаго развитія, онъ умѣлъ немногими простыми словами, звучнымъ и пѣвучимъ оборотомъ рѣчи дать ему почувствовать свою мысль, какъ нѣчто наглядное и осязаемое. Его разсужденія создавали передъ глазами живые предметы, подвижные и образующіе между собою непрерывную безконечную цѣпь. Но все это придавало его манускриптамъ еще болѣе оригинальный, мудреный характеръ. Чтобы читать его записи, гдѣ каждая буква имѣла начертаніе, обратное своему обычному виду, надо было либо обернуть бумагу и держать ее противъ свѣта, либо смотрѣть на нее въ зеркало. Онъ какъ бы хотѣлъ, чтобы мысли его изучались съ напряженнымъ любопытствомъ при особенно яркомъ свѣтѣ или въ холодномъ отраженіи, на большемъ разстояніи противъ обычнаго, при помощи извѣстнаго эксперимента. Этотъ магъ во всемъ оставался вѣренъ своей натурѣ.

Первоначальная исторія рукописей Леонардо-да-Винчи можетъ быть возстановлена по двумъ важнымъ документамъ, которые уже были предметомъ обсужденія разныхъ ученыхъ изслѣдователей: это разсказъ Мацценты и дарственный актъ Аркoнати. Извѣстно, что Леонардо-да-Винчи оставилъ по духовному завѣщанію всѣ бумаги, книги и инструменты своему лучшему другу Франческо Мельци. Этотъ послѣдній перевезъ ихъ изъ Амбуаза въ Ваприо, гдѣ провелъ, повидимому, остававшіеся ему годы жизни въ тишинѣ своего аристократическаго кабинета. Онъ работалъ мало, потому что былъ богатъ—разсказываетъ Маццента. Когда въ 1566 г. Вазари, передъ выходомъ второго изданія своихъ «Жизнеописаній», посѣтилъ Ломбардію, онъ побывалъ у Франческо Мельци, который показалъ ему драгоцѣннѣйшее свое сокровище—«священныя реликвіи» своего духовнаго отца Леонардо-да-Винчи. Онъ былъ тогда уже старикомъ, красивой и внушительной наружности. Воспоминанія о Леонардо-да-Винчи, связанныя съ давно пережитыми, свѣтлыми впечатлѣніями его юности, не переставали волновать его благородную мягкую душу. Но Леонардо-да-Винчи жилъ для него только въ прошедшемъ, какъ яркій, всесильный образъ, потому что, при скромности образованія, онъ, какъ указываетъ Доціо, не могъ разобраться въ безбрежномъ океанѣ оставленныхъ ему манускриптовъ учителя. Это была для него мертвая сила, какой-то заколдованный кладъ, который только впослѣдствіе открылся для настоящихъ цѣнителей. Эти бумаги, рисунки, безчисленныя математическія и физическія формулы, проекты военныхъ орудій и архитектурныхъ сооруженій, изъ которыхъ только ничтожная часть была использована Леонардо-да-Винчи за всю его жизнь, разсужденія объ

искусствѣ, тончайшія наблюденія надъ животными, аллегоріи и загадки—покоились глубокимъ мертвымъ сномъ.

Все это маленькое мѣстечко—Вапріо, съ его свѣтлой и быстро текущей Аддой, узкими переулками и дорогою, ведущею черезъ Треццо въ горы,—пріобрѣтаетъ, въ исторической перспективѣ, какую-то особенную значительность: отсюда, какъ бы подхваченные горнымъ вѣтромъ, разнеслись эти тысячи разрозненныхъ листковъ, испещренныхъ мелкими каракулями, которыя таили въ себѣ зерна великихъ научныхъ открытій. Но пока былъ живъ Мельци, вѣрный, хотя и непосвященный хранитель этихъ сокровищъ, рукописи Леонардо-да-Винчи могли быть только предмотомъ молвы. Въ 1570 г. Франченко Мельци умеръ, и все его имущество перешло къ его наслѣдникамъ. Манускрипты, которые любовно оберегалъ ученикъ и другъ Леонардо-да-Винчи, были небрежно свалены на чердакъ, предоставлены забвенію и разрушенію. Но вотъ пронесся надъ ними свѣжій вѣтерокъ, который развѣялъ пыльный прахъ, покрывавшій этотъ кладъ, привелъ въ движеніе скрытыя въ немъ силы. Въ домѣ потомковъ Мельци жилъ, въ качествѣ преподавателя гуманитарныхъ наукъ (maestro d'humanita), нѣкто Леліо Гаварди. Разобравшись въ манускриптахъ, онъ извлекъ изъ нихъ—безпрепятственно со стороны владѣльцевъ—тринадцать томовъ или кодексовъ, съ которыми пустился въ 1587 г. во Флоренцію, надѣясь выгодно продать ихъ флорентинскому герцогу. Продажа, однако, не состоялась вслѣдствіе болѣзни и смерти герцога, и, потерпѣвъ неудачу, Гаварди уѣхалъ съ рукописями въ Пизу, для продолженія своихъ научныхъ занятій. Тутъ онъ познакомился съ миланскимъ юношей Амброджіо Маццента, который изучалъ юридическія науки. При первыхъ разсказахъ Гаварди объ имѣющихся у него въ рукахъ документахъ, Маццента обрушилъ на товарища свой пылкій протестъ. Взять у Мельци такое богатство, тринадцать томовъ оригинальныхъ рукописей Леонардо-да-Винчи, не объяснивъ владѣльцу ихъ настоящей цѣнности, и безплодно для ученаго міра держать ихъ у себя подъ ключемъ—значило поступить опрометчиво и неделикатно по отношенію къ памяти великаго человѣка. Эти тринадцать томовъ, какъ часть огромнаго цѣлаго, должны быть возвращены въ Вапріо и соединены съ оставшимися тамъ драгоцѣнными бумагами. Гаварди почувствовалъ справедливость этихъ упрековъ и когда Маццента, покончивъ занятія въ Пизѣ, собрался въ Миланъ, онъ передалъ ему всѣ рукописи съ просьбою вернуть ихъ собственнику, Горацію Мельци. Маццента бережно повезъ ихъ въ Миланъ и явился съ ними въ Вапріо, къ великому изумленію несвѣдущаго обладателя клада. Тронутый Мельци тутъ же рѣшилъ подарить всѣ эти тринадцать томовъ неожиданному заступнику его правъ. Это произошло въ 1588 г. Обрадованный Маццента поспѣшилъ съ рукописями въ Миланъ, гдѣ ознакомилъ съ ними своего брата, Гвидо, человѣка просвѣ-

щеннаго и специально образованнаго въ области гидравлики. Два года братья совмѣстно владѣли этими важными документами, а когда въ 1590 году Амброджіо Маццента поступилъ въ монастырь Барнабитовъ, Гвидо остался ихъ фактическимъ собственникомъ. Повидимому, братья Маццента различались по характеру: Амброджіо, судя по его обличительнымъ упрекамъ Гаварди, по его жизненной судьбѣ и, наконецъ, по благочестиво эпическому тону его позднѣйшаго лѣтописнаго разсказа—«Нѣкоторыя воспоминанія о дѣлахъ Леонардо-да-Винчи въ Миланѣ и о его книгахъ»,—былъ человѣкъ тихаго нравственнаго склада. Онъ не любилъ никакихъ выставокъ и предпочиталъ неслышно и скромно владѣть доставшимися ему сокровищами. Гвидо Маццента былъ, напротивъ, человѣкъ, не лишенный житейской пылкости и тщеславія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одна характерная фраза въ разсказѣ Амброджіо: когда рукописи остались на рукахъ Гвидо, онъ устроилъ изъ нихъ какую-то «слишкомъ помпезную выставку», разсказывая при этомъ, какъ легко они были пріобрѣтены и какъ, вообще, легко выманить у несвѣдущаго Мельци другіе, столь-же интересные и цѣнные, документы. Недалеко отъ Милана, въ Ваприо, они лежатъ безъ всякаго употребленія. Выслушавъ эти разсказы, жадные любители рѣдкостныхъ предметовъ бросились ловить добычу. Самъ Амброджіо Маццента называетъ ихъ «рыболовами», pescatori. Можно себѣ представить, какому расхищенію подверглись эти реликвіи, сколько рисунковъ, замѣтокъ, анатомическихъ и другихъ научныхъ иллюстрацій было вывезено изъ тихаго убѣжища въ Ваприо. Съ этого именно момента неподражаемые рисунки Леонардо-да-Винчи, извѣстные прежде только его ближайшимъ ученикамъ, стали достояніемъ толпы, сдѣлались предметомъ поверхностнаго подражанія, а иногда и художественныхъ плагіатовъ. Вѣтеръ разнесъ ихъ по всей Италіи. Каждый отдѣльный листокъ и набросокъ пріобрѣлъ теперь цѣнность многозначительнаго автографа.

Между «рыболовами», кинувшимися въ Ваприо, разсказываетъ далѣе Маццента, былъ нѣкто Помпео Аретино, сынъ Леони, бывшій ученикъ Микель-Анджело. Этотъ Помпео Аретино, узнавъ о судьбѣ манускриптовъ Леонардо-да-Винчи и заполучивъ не мало отдѣльныхъ листковъ, сталъ горячо убѣждать Мельци вернуть себѣ тринадцать кодексовъ, подаренныхъ Маццента. Онъ брался передать ихъ испанскому королю Филиппу, большому любителю подобныхъ рѣдкостей, который, въ благодарность за это, навѣрное, устроитъ Мельци высокое оффиціальное положеніе въ Миланѣ и даже мѣсто въ миланскомъ сенатѣ. Взволнованный этими обѣщаніями, Мельци бросился къ Маццента и на колѣняхъ сталъ умолять его возвратить подаренные ему тринадцать кодексовъ. Маццента, удивленный и разстроенный такой неожиданной перемѣной обстоятельствъ, рѣшилъ однако удовлетворить, хотя отчасти, просьбу Мельци: онъ воз-

вратилъ ему семь томовъ, оставивъ шесть у себя. Но и эти шесть томовъ скоро подверглись разъединенію: три изъ нихъ онъ раздарилъ— кардиналу Федерико Борромео, художнику Амброджіо Фиджини и герцогу Савойскому Карлу Эммануилу. Такимъ образомъ, онъ остался владѣтелемъ только трехъ манускриптовъ, которые, съ его смертью, въ 1612 г., перешли къ вышеупомянутому Помпео Аретино—неизвѣстно, какимъ способомъ. Подарокъ, сдѣланный кардиналу Борромео, былъ, можно сказать, первымъ камнемъ, на которомъ позднѣе возникла вся огромная коллекція рукописей Леонардо-да-Винчи въ Амброзіанской библіотекѣ, въ Миланѣ. Это трактатъ, почти цѣльный по своему содержанію — о тѣни и свѣтѣ, который въ настоящее время образуетъ одну изъ частей манускриптовъ, находящихся въ библіотекѣ парижскаго Института и изданныхъ Равессономъ - Молльеномъ. Онъ проникнутъ философскимъ духомъ и представляетъ огромное значеніе для живописцевъ, говоритъ Амброджіо Мацчента. Рукопись, подаренная художнику Фиджини, перешла, по его смерти, къ Эрколе Біанки, его наслѣднику, который продалъ ее одному англичанину. Трактатъ, находившійся въ рукахъ герцога Савойскаго, можетъ считаться, по словамъ Уціелли, погибшимъ. Драгоцѣнные кодексы Леонардо-да-Винчи, не существующіе болѣе въ томъ цѣломъ видѣ, въ какомъ ими владѣлъ Гаварди, переходятъ изъ рукъ въ руки, выходятъ даже за предѣлы Италіи и, вообще, становятся предметомъ оживленнаго торга. Но ихъ еще не изучаютъ, не классифицируютъ, не собираютъ въ надежныхъ публичныхъ книгохранилищахъ. Только у Помпео Аретино скапливаются мало по малу почти всѣ обломки бывшей собственности Гаварди. Кромѣ отдѣльныхъ, быть можетъ, довольно многочисленныхъ листковъ, полученныхъ имъ при первыхъ же переговорахъ съ Гораціо Мельци, онъ теперь имѣетъ въ своемъ полномъ обладаніи цѣлыхъ десять томовъ—три отъ Мацченты и семь томовъ отъ Мельци, предназначенныхъ сначала, будто-бы, для испанскаго короля,—десять томовъ, образующихъ одну изъ важнѣйшихъ частей всего наслѣдства Леонардо-да-Винчи. Соединивъ эти десять книгъ съ нѣкоторыми другими отдѣльными листками, Помпео Аретино образовалъ изъ нихъ огромный сводъ, подъ общимъ названіемъ «Атлантическій Кодексъ». Отнынѣ онъ, Помпео Аретино, является главнымъ коллекціонеромъ рукописей Леонардо-да-Винчи, соперничающимъ только съ Мельци. «Атлантическій кодексъ»—это собраніе изумительно разнообразныхъ знаній, впервые оправдавшее демоническую гордыню великаго инженера и архитектора въ его письмѣ къ Миланскому герцогу Людовико Моро,—составленъ. Вотъ моментъ высокой важности въ посмертной судьбѣ Леонардо-да-Винчи. То, что не вошло въ этотъ безмѣрный океанъ записей и рисунковъ, все, оставшееся у Помпео Аретино неприобщеннымъ къ Атлантическому кодексу, продавалось въ разныя руки

и частью попало въ Англію. По смерти Аретино, «Атлантическій кодексъ» перешелъ къ его наслѣднику, Клеодору Кальки, который продалъ его за 300 скуди знаменитому въ то время меценату графу Арконати. Это было въ 1625 г.

У Арконати, которому удалось пріобрѣсти еще одинадцать другихъ манускриптовъ Леонардо-да-Винчи, повидимому, изъ рукъ самого Мельци, вдругъ оказался, такимъ образомъ, весь тотъ кладъ, который лежалъ нѣкогда подъ пыльнымъ прахомъ на чердакѣ въ Вапріо, среди разныхъ маловажныхъ вещей. У него сосредоточилось почти все умственное богатство великаго ученаго и художника, потому что въ «Атлантическомъ кодексѣ» заключались почти всѣ прикладныя знанія Леонардо-да-Винчи, въ ихъ колоссальномъ объемѣ и разносторонности, а въ одинадцати другихъ томахъ была заключена, по словамъ Равессона-Молльена, которыя я заимствую изъ одного его частнаго письма, вся душа Леонардо-да-Винчи, его философія, какъ художника-артиста, его пониманіе людей, его тонкое чутье природы, наконецъ, многочисленныя отмѣтки, въ словахъ и рисункахъ, передающія отдѣльные моменты его жизненной судьбы и его странствій. Арконати чувствовалъ безмѣрную значительность пріобрѣтенныхъ имъ сокровищъ. Онъ рѣшительно отказывался продать «Атлантическій кодексъ» даже англійскому королю, который предлагалъ ему за него, черезъ лорда Арунделя, сумму въ 60.000 франковъ на современныя деньги. Онъ дорожилъ этими документами и не продалъ изъ нихъ ни одного листка. Въ 1637 г. онъ самъ принесъ ихъ въ даръ Амброзіанской библіотекѣ, гдѣ скопилось теперь, вмѣстѣ съ томомъ Федерико Борромео, тринадцать кодексовъ, — цѣлая умственная стихія, которая заключала въ себѣ множество научныхъ открытій, но почти до нашихъ дней оставалась недоступной даже для ученаго міра.

Это было великимъ подаркомъ богатаго и щедраго мецената, удостовѣреннымъ оффиціально дарственною записью. Во второмъ томѣ изслѣдованій Уціелли мы находимъ этотъ замѣчательный документъ, написанный частью по латински, частью по итальянски и дающій первое подробное описаніе манускриптовъ Леонардо-да-Винчи, находившихся до 1796 г. въ Амброзіанской библіотекѣ. Краткими словами описанъ «Атлантическій кодексъ» и затѣмъ всѣ остальные двѣнадцать томовъ по порядку. Нужно замѣтить, что одинъ изъ томовъ, означенныхъ въ дарственной записи подъ № 2, заключалъ въ себѣ только рисунки Леонардо-да-Винчи къ тексту, представляющему сочиненіе Лука Пачіоли — «Divina proportione», а томъ № 5 перешелъ впослѣдствіи въ миланскую библіотеку Тривульціо, гдѣ находится и теперь. Но оба эти №№ были пополнены другими манускриптами Леонардо-да-Винчи, изъ которыхъ одинъ былъ подаренъ библіотекѣ неизвѣстнымъ лицомъ (томъ этотъ, въ изданіи Равессона-Молльена, помѣченъ буквою Д), а другой — гра-

фомъ Аркинти, въ 1674 г., и названъ библіотекаремъ Ольтрокки «Codex Archintianus» (въ изданіи Равессона-Молльена—подъ буквою K). Вотъ когда великій кладъ Леонардо-да-Винчи началъ раскрываться во всемъ своемъ значеніи для истинно любознательныхъ и образованныхъ людей. Манускрипты стали изучаться. Исполняя просьбу одного современнаго литератора, который собирался написать біографію Леонардо-да-Винчи, Ольтрокки съ величайшимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ дѣлалъ выписки изъ «Атлантическаго кодекса» и другихъ трактатовъ, и передъ нимъ впервые должно было обрисоваться истинное значеніе этой «неисчерпаемой мины замысловъ и идей», какъ выражается Доціо. Жизнь Леонардо-да-Винчи, отдѣльныя важныя подробности ея, его разнообразныя практическія занятія въ Миланѣ, наброски неосуществленныхъ плановъ и предпріятій, все это вдругъ ожило и заговорило простонароднымъ пѣвучимъ языкомъ манускриптовъ. Задуманная біографія не была напечатана, но тонко-кропотливыми замѣтками Ольтрокки широко и превосходно воспользовался Аморетти, преемникъ Ольтрокки по Амброзіанской библіотекѣ и авторъ знаменитаго, до сихъ поръ единственнаго въ своемъ родѣ, по выдержанности критическаго тона, сочиненія о Леонардо-да-Винчи. Здѣсь шагъ за шагомъ прослѣжена, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, вся жизнь Леонардо-да-Винчи, его первые успѣхи, его шумная дѣятельность при разныхъ, смѣнявшихъ другъ друга правительствахъ Ломбардіи, его путешествіе по Романьѣ, его инженерныя и архитектурныя работы, однимъ словомъ—здѣсь показаны въ сжатомъ, но истинно системномъ изложеніи всѣ переходы его внутренней и внѣшней исторіи. Послѣ Аморетти уже не трудно было обозрѣть весь этотъ океанъ рукописей, потому что Аморетти первый и разъ на всегда установилъ твердыя отправныя точки для ихъ изученія.

Но когда Аморетти писалъ свою біографію, рукописи Леонардо-да-Винчи находились уже въ Парижѣ. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи замѣтки и выписки Ольтрокки, сдѣланныя по «Атлантическому кодексу» и другимъ оригинальнымъ манускриптамъ великаго художника. Надъ произведеніями Леонардо-да-Винчи повѣяла новая судьба, которая какъ-бы воспроизводитъ его личную судьбу: всѣ манускрипты, находившіеся въ Амброзіанской библіотекѣ, были отправлены во Францію. Это была, по истинѣ, богатая добыча французскаго правительства, Директоріи, которая послала въ Италію своихъ солдатъ для освобожденія Ломбардіи отъ австрійскаго владычества. 15 Мая 1796 года французскія войска, при кликахъ народнаго ликованія, вошли въ Миланъ. Жители Милана, почти офранцуженные подъ вліяніемъ постоянныхъ вторженій Франціи въ предѣлы Ломбардіи, шумно привѣтствовали своихъ освободителей. Но освобождая дружественную націю отъ гнета ненавистныхъ ей австрійцевъ, Директорія не упускала изъ виду и своихъ цѣлей. Ломбардія могла достойно вознаградить усилія

французскихъ войскъ, могла помочь Директоріи въ ея стремленіи превратить Парижъ, какъ выражается Равессонъ-Молльенъ, въ «центръ свѣточей, въ мѣсто свиданія для ученыхъ и артистовъ» разныхъ странъ. Необходимо было, по соображеніямъ Директоріи, извлечь изъ Ломбардіи драгоцѣннѣйшіе монументы итальянскаго искусства, картины величайшихъ мастеровъ, чтобы украсить ими музеи Парижа. Въ письмахъ къ своему коммиссару Салисети французское правительство поощряло его обращать особенное вниманіе на предметы итальянскаго искусства и науки, входить въ дружеское общеніе съ миланскими учеными и художниками, склоняя ихъ, поскольку это возможно, принять французское подданство. 24 мая 1796 г. самъ Бонапартъ писалъ знаменитому итальянскому астроному Оріани, между прочимъ, слѣдующее: «науки, которыя прославляютъ человѣческій умъ, искусства, которыя украшаютъ жизнь и передаютъ потомству великія дѣянія, должны быть въ особенномъ почетѣ въ свободныхъ государствахъ. Всѣ люди, одаренные талантомъ, всѣ люди, достигшіе выдающагося положенія въ литературной республикѣ,—суть французы, къ какой бы странѣ они ни принадлежали по рожденію... Я приглашаю ученыхъ собраться и высказать мнѣ свои воззрѣнія на имѣющіяся у нихъ надобности и на тѣ средства, которыми можно дать новую жизнь и новое существованіе наукамъ и искусствамъ. Всѣ тѣ, которые пожелаютъ отправиться въ Францію, будутъ приняты правительствомъ съ особымъ почетомъ. Французскій народъ придаетъ бо́льшую цѣну пріобрѣтенію одного ученаго математика, одного славнаго живописца, одного выдающагося человѣка, какова бы ни была его профессія, чѣмъ пріобрѣтенію богатѣйшаго и роскошнѣйшаго города. Будьте же вы, гражданинъ, выразителемъ этихъ чувствъ передъ видными учеными Милана». Такими пышными словами — въ духѣ банальнаго краснорѣчія французскихъ генераловъ, — Бонапартъ вкрадывался въ довѣріе высшей миланской интеллигенціи, быть можетъ, уже потерявшей вкусъ къ созданіямъ своихъ историческихъ геніевъ. Вскорѣ была образована цѣлая коммисія для выбора и отсылки въ Парижъ достойнѣйшихъ итальянскихъ произведеній. Манускрипты Леонардо-да-Винчи, уже шевелившіе умы ученыхъ архиваріусовъ Амброзіанской библіотеки, были сразу отмѣчены вниманіемъ коммисіи, какъ славнѣйшая добыча для этого утонченнаго хищничества. Если нѣкогда Франциску I не удалось перевести въ Парижъ «Тайную вечерю», для чего нужно было бы вырѣзать всю стѣну трапезной въ монастырѣ Santa Maria delle Grazie, то теперь Бонапарту не трудно было переслать во Францію эти несмѣтныя сокровища ума и вдохновенія—рукописи Леонардо-да-Винчи, упаковавъ ихъ въ глухіе ящики, предназначенные для двухъ книгохранилищъ Парижа. Это было, по истинѣ, неслыханное завоеваніе, купленное цѣною австрійской крови. Бонапартъ, не съумѣвшій охранить «Тайную вечерю» отъ вандализма

своихъ солдатъ, несмотря на приказъ, который онъ написалъ почти на ходу, но не безъ военнаго эффекта—на приподнятомъ колѣнѣ, этотъ Бонапартъ безъ всякихъ колебаній похищалъ у Милана его величайшій кладъ, въ которомъ таились элементы будущихъ знаній и открытій на цѣлые вѣка. Небольшое зданіе Амброзіанской библіотеки вдругъ словно опустѣло, утративъ этотъ запечатанный секретъ итальянскаго генія. Даръ графа Арконати, который благородно отвергъ щедрыя предложенія англійскаго короля, безпрепятственно увозился во Францію, какъ часть военной контрибуціи. Весь Миланъ на время какъ бы потускнѣлъ.

Въ Парижѣ рукописей Леонардо-да-Винчи, вмѣстѣ съ другими произведеніями искусства и науки, ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Ящики задержались гдѣ-то по дорогѣ на нѣсколько мѣсяцевъ и французское правительство, волнуемое жаждой обладанія, отправляло письма и запросы въ Миланъ, торопя присылкою и требуя объясненій. Наконецъ, 25 ноября 1796 г., желанные ящики прибыли въ Парижъ, о чемъ было немедленно оповѣщено въ «Journal officiel», и рукописи Леонардо-да-Винчи были размѣщены въ двухъ библіотекахъ—Національной Библіотекѣ и библіотекѣ Института. Нужно сказать, что Франція съумѣла сразу воспользоваться этимъ громаднымъ научнымъ капиталомъ. Ея ученые заинтересовались содержаніемъ манускриптовъ, и уже въ 1797 г. въ Парижѣ появилось великолѣпное сочиненіе члена Института, Вентури, подъ названіемъ «Essai sur les ouvrages phisico-mathématiques de Léonard de Vinci», положившее основаніе серьезной разработкѣ вопроса о научной дѣятельности Леонардо-да-Винчи.

Однако, не всѣмъ манускриптамъ Леонардо-да-Винчи суждено было остаться въ Парижѣ. Въ 1815 г., послѣ вступленія въ Парижъ союзныхъ войскъ, австрійскій коммиссаръ, представлявшій интересы Италіи, потребовалъ отъ Національной Библіотеки возврата, вмѣстѣ съ другими учеными и литературными трудами, и рукописей Леонардо-да-Винчи. Въ своей запискѣ онъ представилъ точное перечисленіе требуемыхъ документовъ, изъ котораго, между прочимъ, видно, что комиссаръ считалъ Національную Библіотеку обладательницей не только «Атлантическаго кодекса», но и другихъ двѣнадцати манускриптовъ. Благодаря этой ошибкѣ, двѣнадцать манускриптовъ Леонардо-да-Винчи остались во Франціи, въ Институтѣ, и, какъ утверждаетъ Равессонъ-Молльенъ, всѣ—въ подлинникахъ, а «Атлантическій кодексъ»,—эти 399 листовъ большого формата (65×44 сант.), содержащихъ въ себѣ, кромѣ обширнаго текста, 1750 рисунковъ—былъ возвращенъ Италіи и водворенъ на свое прежнее мѣсто въ Амброзіанской библіотекѣ. Въ настоящее время Кодексъ издается на счетъ итальянскаго правительства отдѣльными роскошными выпусками, но оригиналъ его не доступенъ публикѣ, которой показываютъ только одинъ листъ его, лежащій подъ стекломъ. Нужно замѣтить, что печата-

ніе Кодекса подвигается, къ сожалѣнію, крайне медленно, чѣмъ задерживается научное обслѣдованіе его не только для иностранцевъ, но и для постоянныхъ жителей Милана. До сихъ поръ вышло въ свѣтъ всего шесть выпусковъ и нельзя предвидѣть, когда изданіе это закончится.

Что касается манускриптовъ, оставшихся во французскомъ Институтѣ, то они въ настоящее время уже изданы цѣликомъ и потому доступны всему міру. Какъ мы уже сказали, девять изъ этихъ манускриптовъ составляли нѣкогда, вмѣстѣ съ двумя другими, коллекцію графа Арконати, а 3 манускрипта (С, Д, и К) являются подаркомъ, принесеннымъ Амброзіанской библіотекѣ кардиналомъ Федерико Борромео, однимъ невѣдомымъ лицомъ и графомъ Аркинти. Всѣ эти манускрипты отпечатаны въ шести огромныхъ томахъ, подъ редакціей и съ французскимъ переводомъ по истинѣ вдохновеннаго почитателя Леонардо-да-Винчи, Равессона-Молльена. Этотъ ученый, втеченіе всего десяти лѣтъ, дешифрировалъ, точнѣйшимъ образомъ перевелъ, снабдилъ обширными библіографическими примѣчаніями, обнимающими всю литературу предмета, и издалъ съ безподобными факсимиле каждаго отдѣльнаго листка всѣ рукописи французскаго Института. Нельзя представить себѣ болѣе изъисканнаго отношенія къ этому великому памятнику. Передъ колоссальною работою Равессона-Молльена, которую имѣлъ намѣреніе исполнить еще его отецъ, работою, выдержанною въ строгомъ и изящномъ стилѣ, можно сказать, блѣднѣютъ компилятивные, хотя и весьма основательные труды флорентинскаго біографа Леонардо-да-Винчи, Густаво Уціелли. Оригинальные листки манускриптовъ воспроизведены въ изданіи Равессона съ тою благоговѣйною заботливостью, съ какою оберегается неприкосновенная святыня: сохраненъ размѣръ листковъ, цвѣтъ бумаги, съ прозрачной дымной копотью времени, каждое случайное пятнышко, каждый росчеркъ руки, колоритъ полинявшихъ чернилъ,—и всѣ эти безчисленныя факсимиле, какъ законченное художественное произведеніе, наклеены на великолѣпную дорогую бумагу длинныхъ томовъ изданія, на которой они выступаютъ, какъ на бѣломъ полѣ. Многочисленные рисунки и чертежи сфотографированы такъ тонко и точно, что кажется, будто эти безукоризненныя линіи только что проведены магическою рукою художника. Въ переводѣ удержаны, съ поправкою въ квадратныхъ скобкахъ, даже незначительныя ошибки и описки Леонардо-да-Винчи. Все сохранено въ томъ самомъ видѣ, какъ было въ оригиналѣ. Переворачивая листъ за листомъ эти монументальные тома и даже еще не вчитываясь въ печатный текстъ, сопровождающій факсимиле и сохраняющій всѣ особенности слитнаго правописанія Леонардо-да-Винчи по слуховому методу, невольно вовлекаешься въ какую-то мечтательную игру линій, фигуръ, сложныхъ и безукоризненно правильныхъ рисунковъ всевозможныхъ родовъ и типовъ. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, раскрывается душа Леонардо-да-Винчи,

какъ выражается Равессонъ въ упомянутомъ выше частномъ письмѣ,— душа въ ея отвлеченныхъ пареніяхъ и прозрачныхъ кристаллахъ научнаго творчества. Передъ нами безшумно скользятъ широкія полосы умственнаго свѣта, раскрывая тайны природы и выражая ихъ въ холодныхъ, незыблемо правильныхъ формулахъ математики и механики. Чтобы постигнуть художественныя произведенія Леонардо-да-Винчи, съ ихъ сложнымъ содержаніемъ и тонко-научными разсчетами, которые создаютъ волнующіе эффекты, надо пройти трудную школу его научно-философскаго мышленія, какъ оно отразилось именно въ этихъ манускриптахъ французскаго Института.

Первый томъ изданія Равессона-Молльена вышелъ въ 1881 г. и заключаетъ въ себѣ ту рукопись, которую Вентури отмѣтилъ буквою А. Буква эта соотвѣтствуетъ № 4 въ дарственной записи Арконати. Арконати въ слѣдующихъ немногихъ словахъ описываетъ содержаніе и объемъ этой части своего дара Амброзіанской библіотекѣ: она состоитъ изъ рисунковъ, снабженныхъ объяснительными замѣтками — на 114 листкахъ. При этомъ Арконати опредѣляетъ первый и послѣдній рисунокъ настоящей рукописи. Въ предисловіи къ первому тому своего изданія Равессонъ-Молльенъ даетъ болѣе подробное описаніе, чѣмъ описаніе Арконати. Эта рукопись, пишетъ онъ, состоитъ изъ тетрадей по 16 листковъ каждая, переплетенныхъ въ тонкій бѣлый пергаментъ, въ формѣ портфелей съ маленькой застежкой, тоже изъ бѣлаго пергамента. На переплетѣ съ внѣшней стороны начерчено рукою Вентури прописное А, повторенное съ внутренней стороны на бѣлой бумажкѣ, приклеенной къ переплету. Въ концѣ манускрипта осталась одна неисписанная страница и другая чистая страница, склеенная съ внутренней стороной переплета. Этотъ четвертый томъ изъ дара Арконати, пишетъ Равессонъ-Молльенъ, заключалъ въ себѣ прежде 114 листковъ, но теперь изъ нихъ не хватаетъ 51. Такъ, листокъ 54 былъ, очевидно, вырванъ и притомъ крайне неловко, съ большою поспѣшностью. Фотографія воспроизводитъ обрывокъ внутренняго поля этого листка съ нѣкоторыми прилежащими къ нему буквами. Каждый листокъ имѣетъ свою нумерацію, на правой сторонѣ. Что похищеніе 51 листка произошло во Франціи, удостовѣряется тѣмъ обстоятельствомъ, что Либри, работавшій надъ манускриптами въ первой половинѣ столѣтія для своего сочиненія «Исторія математическихъ наукъ въ Италіи», цитируетъ, между прочимъ, листки 71, 81 и 114, которыхъ въ изданіи Равессона-Молльена уже не существуетъ. Въ настоящее время рукописи содержатся въ шкафахъ и выдаются на просмотръ только очень извѣстнымъ лицамъ во избѣжаніе новыхъ расхищеній. Замѣтимъ мимоходомъ, что при печатаніи этой части рукописей Леонардо-да-Винчи въ нумерацію листковъ вкралась ошибка: листокъ 55, имѣющій эту отчетливую рукописную цифру на

факсимиле, помѣченъ цифрою 54, т. е. номеромъ пропавшаго листка. Французскій переводъ занумерованъ согласно съ оригиналомъ. Указываемъ на эту опечатку, которая въ первую минуту сбиваетъ читателя съ толку, только потому, что она не отмѣчена самимъ Равессономъ-Молльеномъ среди errata, найденныхъ разными любителями и знатоками Леонардо-да-Винчи въ этомъ исключительномъ по своему великолѣпію изданіи.

При ознакомленіи съ текстомъ этого тома читателя поражаетъ невѣроятное богатство научнаго содержанія, при скупости фразъ и словъ, которое открывается на каждомъ изъ небольшихъ листковъ. Геометрія, механика, законы водныхъ движеній — матеріалъ, послужившій для отдѣльнаго изданія Кардинали въ 1828 г. подъ названіемъ «Trattato del moto e misura dell'acqua», физика съ самыми различными ея отдѣлами—все это иногда намѣчено въ немногихъ строкахъ очень мелкаго, убористаго и слитнаго почерка. Намеки вмѣсто длинныхъ объясненій и тутъ же, сбоку или посрединѣ, рисунокъ, который волшебно завершаетъ умственный процессъ художника, не развернутый въ текстѣ. Попадаются страницы съ однимъ только текстомъ, безъ рисунковъ, но есть и листки, содержащіе только рисунки, безъ какихъ-бы то ни было словесныхъ объясненій. Научную мысль художника надо отгадывать по нѣмымъ, но живымъ линіямъ чертежа. Ученіе о перспективѣ разработано здѣсь же въ массѣ отдѣльныхъ замѣтокъ, но образа человѣка, созерцающаго міръ въ его внѣшней перспективѣ, почти нѣтъ въ этомъ томѣ. Иногда попадаются человѣческія головы въ профиль, а въ одномъ мѣстѣ и лежащая фигура, но эти рисунки имѣютъ исключительно научное значеніе, такъ какъ служатъ иллюстраціей къ изслѣдованію пропорцій человѣческаго тѣла. Философію въ собственномъ смыслѣ слова, отвлеченно отъ частныхъ явленій, мы встрѣчаемъ здѣсь очень рѣдко, и при томъ иногда въ выраженіяхъ, не передающихъ остраго генія Леонардо-да-Винчи, съ его тонко научными пріемами экспериментальнаго мышленія. Нѣкоторыя обобщенія его кажутся намъ теперь наивно-схоластическими. Таково, напр., тщательно проведенное сравненіе между человѣкомъ и міромъ, при чемъ тѣло уподобляется землѣ, кости горнымъ хребтамъ, кровеносные сосуды рѣкамъ, расширенія и сокращенія легкихъ движеніямъ океана съ его приливами и отливами. Только для нервовъ онъ не находитъ въ мірѣ никакого соотвѣтствія,—потому что нервы предназначены для движенія, а міръ, говоритъ онъ, пребывающій въ непрерывной устойчивости, не подвергается никакому движенію и не воспринимаетъ никакого движенія извнѣ. Во всемъ прочемъ Леонардо-да-Винчи находитъ большое сходство между міромъ и человѣкомъ. Иногда мы наталкиваемся на замѣчанія, обнаруживающія основы его міросозерцанія—математическія формулы, въ ихъ высшемъ соприкосновеніи съ ме-

ханикою, которая является, по его характернымъ словамъ, «раемъ математическихъ наукъ». Законы механики, какъ самое отвлеченное обобщеніе математики и физики, составляютъ какъ-бы философское освѣщеніе этого удивительнаго манускрипта Леонардо-да-Винчи. Онъ даетъ имъ выраженіе на множествѣ различныхъ примѣровъ, иногда ударяясь даже въ утонченное краснорѣчіе, такъ мало свойственное его сухому и первобытному стилю. Вотъ знаменитое мѣсто, которое должно быть признано символомъ его научной вѣры. Оно находится на правой сторонѣ 24-го листка, какъ-бы служа поясненіемъ къ закону о сохраненіи силъ. «Какъ удивительна твоя справедливость, о ты, перводвигатель (primo motore),—пишетъ Леонардо-да-Винчи. Ты не захотѣлъ отказать ни одной силѣ въ распорядкѣ и опредѣленныхъ свойствахъ производимыхъ ею дѣйствій, ибо ты устроилъ такъ, что если какая-нибудь сила должна оттолкнуть на 100 локтей пораженную ею вещь, то послѣдняя, подчиняясь ей, испытываетъ толчокъ, причемъ ударъ производитъ новое движеніе. Это движеніе, со всѣми его скачками, измѣряется длиною пройденнаго пути, и если ты измѣришь этотъ путь, совершенный означенными скачками, то окажется, что длина его—если-бы вещь была свободна—была-бы равна пути, пройденному ею по воздуху». Эта мысль о Богѣ, какъ о перводвигателѣ, высказанная здѣсь съ такою твердою силою на почвѣ механики, повторяется у Леонардо-да-Винчи и въ другихъ его манускриптахъ, иногда даже въ еще болѣе рѣшительной формѣ. Въ манускриптѣ H, на правой сторонѣ 141 листка, имѣется, послѣ упражненій въ латинскихъ глаголахъ, небольшая, уже совершенно поблѣднѣвшая, карандашная строка: «Движеніе есть причина всякой жизни».

Таковъ характеръ манускрипта A, вошедшаго въ первый томъ изданія Равессона-Молльена. Въ приложеніи къ послѣднему, VI тому, мы находимъ воспроизведеніе 34 листковъ изъ числа 51, похищенныхъ изъ манускрипта A—какъ это оказывается—ученымъ Либри, проданныхъ этимъ послѣднимъ лорду Ашбэрнгаму и пріобрѣтенныхъ, сравнительно недавно, парижской Національной библіотекой. Первоначальная нумерація, сдѣланная рукою Леонардо-да-Винчи, почти стерта и замѣнена новою, начиная съ 1, поставленной подъ старою. На первомъ листкѣ имѣются прозаическіе слѣды похищенія: внизу справа овальная печать самого Либри, наверху, съ лѣвой стороны, круглый штемпель Національной библіотеки. Остальныя страницы напоминаютъ о непріятныхъ перипетіяхъ только своей свѣжею нумераціей—новѣйшаго начертанія. Надо сказать, что постыдное хищеніе Либри оторвало отъ манускрипта A его лучшую, наиболѣе философскую часть. Эти 34 листка, приложенные къ VI тому, заключаютъ въ себѣ глубокомысленныя разсужденія Леонардо-да-Винчи объ искусствѣ, знаменитое описаніе битвы и бури, разсужденія о превосходствѣ живописи надъ всѣми прочими искусствами—надъ

скульптурой и поэзіей, рядъ геніальныхъ мыслей о живописи, какъ о наглядно-чувственномъ выраженіи философіи природы, ея смысла, ея духа, безподобное по оригинальности опредѣленіе этого изобразительнаго искусства, какъ «внучки природы»: «живопись есть наука и законная дочь природы, ибо она порождена природою. Но говоря точнѣе, нужно назвать ее внучкою природы, потому что всѣ видимыя вещи рождены природою, а отъ нихъ родилась живопись. Итакъ, мы будемъ именовать ее внучкою природы и родственницей бога». Однимъ словомъ, на этихъ немногихъ листкахъ, составляющихъ въ настоящее время истинное украшеніе Національной библіотеки, мы можемъ прочесть лучшія изъ разсужденій Леонардо-да-Винчи, вошедшихъ составною частью въ Trattato della pittura, который является сводомъ различныхъ выписокъ изъ манускриптовъ, сдѣланныхъ отчасти самимъ Леонардо-да-Винчи, отчасти наиболѣе интеллигентными изъ его учениковъ, какъ, напр., Бельтраффіо, послѣ смерти художника. Въ болѣе позднее время эти разсужденія полностью перепечатаны въ превосходныхъ изданіяхъ Манци, Людвига и Рихтера. На этихъ-же страницахъ мы постоянно встрѣчаемся съ настоящими перлами тонкихъ художественныхъ наблюденій и совѣтовъ: какъ надо изображать стариковъ, дѣтей, оратора въ толпѣ, какъ надо дѣлать бѣглые наброски—«bozare»—бытовыхъ сюжетовъ, и много отдѣльныхъ замѣчаній объ отношеніи художника къ своимъ занятіямъ и къ участію въ нихъ толпы, которой, по его мнѣнію, не слѣдуетъ сторониться. Послѣдній изъ 34 листковъ, купленныхъ Національной библіотекой, а именно 114 листокъ манускрипта А, по счету Арконати, совершенно соотвѣтствуетъ по своему содержанію описанію его дарственнаго акта. На немъ имѣется непонятный сложный рисунокъ изъ сцѣпленныхъ между собою круговъ, съ цифрами внутри. На этомъ листкѣ Національная библіотека тоже поставила свою печать, какъ бы скрѣпляя цѣльность рукописи.

Второй томъ изданія Равессона-Молльена состоитъ изъ двухъ манускриптовъ—подъ буквами В и Д. Манускриптъ В есть та рукопись, которая описана въ дарственномъ актѣ Арконати подъ № 3. Арконати говоритъ, что этотъ манускриптъ заключалъ въ себѣ 100 листковъ, но уже въ его время, т. е. при переходѣ рукописи въ Амброзіанскую библіотеку, въ 1637 г., первый листокъ былъ утраченъ. Къ 49 листку приложено 5 отдѣльныхъ рисунковъ, по преимуществу военнаго оружія. Къ концу манускрипта пришита небольшая тетрадь, изъ 18 листковъ, съ математическими разсчетами и разсужденіями о полетѣ птицъ. Теперь манускриптъ этотъ, какъ и манускриптъ А, является неполнымъ: изъ 123 (100+5+18) листковъ его въ библіотекѣ Института имѣется только 84. Первые два листка, равно какъ листки 84, 85, 86, 87 и листки отъ 91 до 100 основной рукописи, вмѣстѣ со всѣми прикладными и пришитыми,

тоже подверглись похищенію. Но впослѣдствіи листки отъ 91 до 100 и 4 листка, повидимому изъ 5 прикладныхъ къ 49-му, пріобрѣтены парижской Національной библіотекою, такъ что въ настоящее время манускриптъ В, въ изданіи Равессона-Молльена, можетъ считаться почти возстановленнымъ. Это одна изъ самыхъ важныхъ частей рукописнаго наслѣдства Леонардо-да-Винчи, въ которой, какъ, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ «Атлантическаго кодекса», проявился военно-инженерный и архитектурный геній Леонардо-да-Винчи. Это, такъ сказать, знаменитое письмо его къ Людовико Моро въ удивительныхъ набросках карандашомъ и перомъ, цѣлый музей старинныхъ и новѣйшихъ военныхъ орудій, множество гражданскихъ и церковныхъ архитектурныхъ проектовъ, исполненныхъ съ необыкновенною тщательностью. Тутъ же мелькаютъ краткія замѣтки, относящіяся къ дѣятельности Леонардо-да-Винчи въ Миланѣ, и летучія научно-философскія обобщенія, возникшія изъ одухотвореннаго отношенія его къ природѣ. Множество разсужденій о полетѣ птицъ и даже о возможномъ полетѣ человѣка, рисунки, показывающіе средства спасенія во время бури на водѣ, а также орудія для ловли жемчуга, наконецъ, изрѣченія моральныя и разныя попутныя математическія выкладки—таково содержаніе этого объемистаго манускрипта. Но больше всего текстовъ и рисунковъ съ изображеніемъ вредоносныхъ орудій. Цѣлая страница манускрипта исписана военною номенклатурою, обнаруживающею удивительное знаніе военнаго дѣла въ его историческихъ превращеніяхъ. Рисунки дѣлаютъ наглядным рукописный текстъ и, въ своемъ множествѣ и разнообразіи, наводятъ какой-то холодный ужасъ при одномъ перелистыванія этого тома. Зажигательныя стрѣлы, метательныя машины, цѣлый лѣсъ копій и пикъ всевозможныхъ видовъ и наименованій, со ссылками на Цезаря, Плинія и Виргилія, подвергнуты строго-научному изученію и краткому, но выразительному описанію. Вотъ передъ нами небрежный, но полный воинственной стремительности набросокъ колесницы (carro falcato), снабженной торчащими во всѣ стороны острыми косами, которыя на своемъ бѣгу срѣзываютъ людей, какъ траву. Лошади съ заостренными намордниками, съ косами въ упряжи, несутся въ безумной ярости, а воины, съ длинными, острыми крючьями въ рукахъ, зацѣпляютъ на пути близь стоящихъ непріятелей. Рисунокъ живетъ, полный хищной, жестокой силы, а десять рукописныхъ строкъ безмятежно разъясняютъ преимущества и неудобства такого рода военнаго снаряда. Въ другомъ мѣстѣ передъ нами всадникъ, стрѣляющій изъ ружья, на лошади, которая взвилась на дыбы. Слѣдуя тонко-художественному правилу, что въ первомъ наброскѣ (bozo) долженъ быть захваченъ весь сюжетъ въ его главныхъ характерныхъ чертахъ, а детали могутъ быть обработаны съ доступнымъ совершенствомъ позднѣе, по мѣрѣ надобности, Леонардо-да-Винчи и здѣсь, въ этомъ смутномъ эскизѣ, обнаружилъ всю силу своего

изобразительнаго таланта. Всадникъ, лошадь, вскинувшая голову въ судорожномъ прыжкѣ, выстрѣлъ ружья—все есть, все ощущается, хотя ничто въ частности не вырисовано. Вотъ передъ нами еще образчикъ военнаго генія Леонардо-да-Винчи: зубчатая крѣпостная стѣна, окруженная рвомъ, а за этимъ рвомъ осаждающіе укрѣпили въ землѣ основаніе веревочной лѣстницы, перекинутой черезъ ровъ и зацѣпившейся за стѣну, между зубцами, привѣшенною къ ней тяжестью. Маневръ удался и храбрый воинъ уже взбирается по перекладинамъ лѣстницы къ непріятелю, перебирая руками и ногами. На ближайшемъ листкѣ солдаты что-то роютъ и копаютъ. Въ другомъ мѣстѣ представлена отвѣсная стѣна, на которую взбирается воинъ, втыкая въ щели, въ видѣ ступеней, широкія желѣзныя скобы. Дальше показано, какимъ образомъ кавалерія и инфантерія должны переходить вбродъ черезъ рѣку. Есть рисунокъ, объясняющій, какъ египтяне, эфіопы и арабы перевозятъ черезъ Нилъ кладь на бокахъ верблюдовъ. Несмотря на разъединенность всѣхъ этихъ безчисленныхъ рисунковъ, они даютъ впечатлѣніе одной обширной батальной картины въ духѣ «Битвы при Ангіари» и такъ же, какъ въ этой картинѣ, здѣсь воплотился злой и холодный геній Леонардо-да-Винчи. Напечатанное въ VI томѣ прибавленіе къ манускрипту B, т. е. похищенные и вновь пріобрѣтенные Франціей листки, нисколько не видоизмѣняютъ его общаго характера, а то немногое, что есть въ этомъ манускриптѣ чисто философскаго, не противорѣчитъ философіи войны. Леонардо-да-Винчи съ удивительной ясностью выражаетъ свое понятіе о духѣ, можетъ быть, не безъ полемики противъ грубаго спиритуализма нѣкоторыхъ его современниковъ. Безтѣлесный духъ, не имѣя никакихъ органовъ для воздѣйствія на міръ, не можетъ никоимъ образомъ быть ощутимымъ или видимымъ для этого міра, говоритъ Леонардо-да-Винчи на лѣвой сторонѣ 4 листка. На одной изъ послѣднихъ страницъ онъ даетъ опредѣленіе того, что онъ разумѣетъ подъ силою. Вотъ его слова: «Сила,—говорю я,—есть мощь духовная, безтѣлесная, невидимая, которая, при краткости своей жизни, возбуждается въ тѣлахъ, вышедшихъ отъ случайнаго воздѣйствія изъ своего естественнаго состоянія и спокойствія. Я сказалъ—духовная мощь, потому что въ ней есть дѣятельная, безтѣлесная жизнь. Я говорю—невидимая, потому что тѣло, въ которомъ она возбуждена, не увеличивается ни въ вѣсѣ, ни въ объемѣ. Я сказалъ—при краткости жизни, потому что она постоянно стремится побѣдить свою причину и, побѣдивъ ее, сама себя убиваетъ». Въ этой теоремѣ изъ области тонкаго натуралистическаго міросозерцанія всякая энергія приравнена къ духовной силѣ, а эта послѣдняя представлена, какъ кратковременное возбужденіе матеріальныхъ тѣлъ. Въ книгѣ о войнѣ, написанной геніальнымъ военнымъ инженеромъ, такое пониманіе духа и человѣческой жизни является достойнымъ завершеніемъ великолѣпныхъ батальныхъ рисунковъ.

Въ заключеніе можно отмѣтить, что листки манускрипта В перенумерованы большими цифрами не рукою Леонардо-да-Винчи и что на многихъ изъ нихъ имѣются слова и цѣлыя строки на итальянскомъ и испанскомъ языкѣ, вписанныя посторонними людьми и представляющія отчетливое воспроизведеніе, съ обычнымъ начертаніемъ, отдѣльныхъ мѣстъ оригинальнаго текста.

Въ концѣ второго тома, вышедшаго въ 1883 г., помѣщенъ манускриптъ Д—цѣльный маленькій трактатъ изъ 10 листковъ. Одинъ изъ знатоковъ Леонардо-да-Винчи, Піо, такъ опредѣляетъ содержаніе этого чистонаучнаго кодекса: «Въ немъ разсматривается исключительно вопросъ о зрѣніи и построеніи глаза, въ совершенно законченной редакціи, которая, повидимому, выражаетъ вполнѣ опредѣленныя понятія художника объ этомъ предметѣ. Въ манускриптѣ находится и описаніе камеры-обскуры почти въ томъ видѣ, какъ мы ее употребляемъ въ настоящее время для фотографическихъ цѣлей». Въ самомъ дѣлѣ, и текстъ, и рисунки этого манускрипта, имѣющаго высокія научныя достоинства, представляютъ удивительно цѣльную и чистую работу, словно предназначенную самимъ Леонардо-да-Винчи для печати. Страницы перенумерованы маленькими цифрами, его рукою, на правой сторонѣ листковъ, и довольно длинныя разсужденія снабжены оглавленіемъ въ такомъ родѣ: «О глазѣ»—«Dellochio», «О человѣческомъ глазѣ»—«Dellochio umano», «Глазъ человѣческій»—«Ochio umano», «О глазѣ человѣка»—«Dellochio dellomo». Съ внѣшней стороны трактатъ превосходно сохранился: строки выступаютъ очень ясно, ровными неполинявшими рядами.

Третій томъ изданія Равессона-Моллььена, вышедшій въ 1888 г., заключаетъ въ себѣ три манускрипта Леонардо-да-Винчи—подъ буквами C, E и K. Манускриптъ C, бывшій нѣкогда собственностью кардинала Федерико Борромео и подаренный имъ въ 1609 г. Амброзіанской библіотекѣ, состоитъ изъ 28 листовъ большого формата и трактуетъ о свѣтѣ и тѣни. Надо замѣтить, что листы эти помѣчены двойною нумераціей—справа чужою рукою, крупными цифрами, иногда съ запятыми, въ полномъ порядкѣ отъ начала до конца, и слѣва—рукою Леонардо-да-Винчи, начиная съ 15 и съ пропусками въ дальнѣйшемъ счетѣ листковъ. Кромѣ вопроса о свѣтѣ и тѣни, въ манускриптѣ этомъ имѣются разсужденія о водѣ и математическія выкладки—матеріалъ, который въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ использованъ въ изданіяхъ «Трактата о живописи» и въ изданіи Кардинали «Trattato del moto e misura dell'acqua». Въ двухъ мѣстахъ мы наталкиваемся на характерныя мелочи изъ интимной жизни Леонардо-да-Винчи. На лѣвой сторонѣ 15-го листка находится короткая запись, относящаяся къ 23 апрѣля 1490 г. и гласящая, что въ этотъ день онъ началъ настоящую книгу и вторично принялся за Колосса, т.-е. за конную статую Франческо Сфорца. Затѣмъ, на той-

же страницѣ находится рядъ мелкихъ эпизодовъ, представляющихъ цѣлую характеристику десятилѣтняго мальчика Джіакомо Андре, который поселился у него, вѣроятно, въ качествѣ ученика, 22 іюля 1490 г. Назвавъ этого мальчика по имени, онъ позднѣе мелко приписываетъ на поляхъ четыре ругательныхъ словца: «Воришка, лгунишка, упрямецъ, обжора». Затѣмъ идутъ перечисленія его разнообразныхъ безчинствъ, иногда въ добродушномъ тонѣ: на второй-же день послѣ своего прибытія Джіакомо укралъ деньги, предназначенныя къ уплатѣ за рубашки, чулки и куртку, для него-же заказанные, и ни за что не хотѣлъ въ этомъ сознаться. Черезъ день, ужиная вмѣстѣ со своимъ маэстро, Джіакомо «ѣлъ за двухъ и пакостилъ за четырехъ». Черезъ нѣкоторое время онъ укралъ у Марка (Оджіоне) серебряный гравировальный карандашъ, найденный потомъ въ его ящикѣ. 26-го января 1491 г., когда Леонардо-да-Винчи устраивалъ праздничный турниръ въ домѣ Галеаццо Санъ-Северино, Джіакомо укралъ деньги изъ мошны одного конюха. Затѣмъ Джіакомо укралъ у своего маэстро турецкую кожу, которую ему подарили, и на вырученныя деньги купилъ себѣ анисовыхъ конфектъ. Наконецъ, онъ похитилъ серебряный гравировальный карандашъ у Джіанъ Антоніо (Бельтраффіо). Заключительныя строки этихъ біографическихъ эпизодовъ представляютъ сводъ всѣхъ кражъ, совершенныхъ Джіакомо за цѣлый годъ, съ указаніемъ стоимости украденнаго,—сводъ, предназначенный, какъ полагаетъ Рихтеръ, для предъявленія лицу, отвѣтственному за мальчика. Эти невинныя жизненныя строки свѣтятся какою-то юмористическою улыбкой среди ученыхъ разсужденій, которыя тянутся сплошными страницами и вдругъ на мгновеніе опять обрываются,—чтобы дать мѣсто циническому анекдоту въ духѣ игривыхъ «свинствъ» Поджіо Браччіолини. Въ подстрочномъ примѣчаніи Равессонъ-Молльенъ какъ-бы извиняетъ Леонардо-да-Винчи за этотъ грязный эпизодъ, подобно маркизу д'Адда по поводу Манганелло, духомъ его эпохи, но мы уже знаемъ, что великій художникъ вообще имѣлъ къ этой болѣзненно-мутной струѣ ренессанса какую-то странную склонность. Среди методическаго изслѣдованія по свѣтлымъ законамъ математики и физики, Леонардо-да-Винчи самъ неожиданно является соперникомъ разнузданныхъ сочинителей, которыхъ онъ держалъ среди лучшихъ книгъ своей небольшой, но характерной библіотеки.

Манускриптъ E, который въ дарственномъ актѣ Арконати записанъ подъ № 6, первоначально состоялъ изъ 96 листковъ, а въ настоящее время имѣетъ всего 80: шестнадцать похищены. По содержанію, онъ во многомъ повторяетъ темы, которыя мы отмѣчали при обзорѣ предъидущихъ манускриптовъ. Здѣсь мы находимъ разсужденія о живописи, о свѣтѣ и тѣни, о перспективѣ, о томъ, какъ долженъ быть изображенъ двигающійся человѣкъ и вѣтеръ, разсужденія о взаимномъ отношеніи

между живописью и анатоміей, затѣмъ теоремы изъ области механики, геометріи и гидравлики и огромное количество листковъ о полетѣ вообще и о полетѣ птицъ и человѣка въ частности. Законы полета никогда не переставали занимать Леонардо-да-Винчи, и мы еще не однажды встрѣтимся съ этимъ вопросомъ при обзорѣ его рукописей. Въ этомъ небольшомъ кодексѣ мы наталкиваемся въ разныхъ мѣстахъ на свѣдѣнія біографическія и библіографическія, представляющія интересъ собственныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ показаній художника о самомъ себѣ. Такъ, на правой сторонѣ перваго листка отмѣченъ въ одной фразѣ отъѣздъ его изъ Милана въ Римъ: «partii da milano perroma addi 24 disecten-bre 1513 congiovan franciesscho demelsi salai lorenzo eilfanfoia». На правой сторонѣ 3 листка Леонардо-да-Винчи, въ маленькой замѣткѣ о живописи, отсылаетъ читателя къ своему сочиненію по анотоміи, изъ чего явствуетъ, что сочиненіе это представляло изъ себя уже въ то время нѣчто цѣльное и законченное. Наконецъ, на правой сторонѣ 80 листка онъ отмѣчаетъ свое пребываніе въ Пармѣ, что относится къ 25 сентября 1514 года.

Послѣдній кодексъ третьяго тома изданія Равессона-Молльена представляетъ манускриптъ подъ буквою К,—такъ называемый «Codex Archintianus», содержащій въ себѣ 128 крошечныхъ листковъ съ запутанною пагинаціей. Содержаніе его касается вопросовъ математики, гидравлики, алгебры, геометріи, тригонометріи, сравнительной анатоміи человѣка и животныхъ, анатоміи лошади, структуры и анатоміи глаза, оптики и зрительныхъ иллюзій, плаванія и—опять-таки—вопроса о полетѣ птицъ. Повсюду мелькаютъ геометрическія и тригонометрическія фигуры, въ томъ числѣ геометрическое построеніе теоремы Пиѳагора, секансы и тангенсы, различныя математическія пропорціи, и все это въ тончайшихъ линіяхъ и изящныхъ обозначеніяхъ. Это цѣлый маленькій задачникъ, разработанный съ величайшей любовью къ идеальнымъ измѣреніямъ и вычисленіямъ—прозрачная схема чувственнаго міра, въ которой была скрыта вся его философія. Интимныхъ подробностей изъ жизни Леонардо-да-Винчи въ этомъ карманномъ кодексѣ совсѣмъ не попадается, если не считать одного случайнаго упоминанія о Джіакомо Андре въ какомъ-то неясномъ сочетаніи съ другимъ неизвѣстнымъ именемъ. Одна запись Леонардо-да Винчи передаетъ въ высшей степени поэтическую жизненную деталь, наблюденную имъ у пастуховъ Романьи: пастухи эти, пишетъ онъ, у подножія Апениновъ дѣлаютъ въ горѣ углубленіе, въ формѣ рога, куда вкладываютъ рогъ, вростающій въ это углубленіе и производящій сильнѣйшій звукъ. Воздухъ, который неслышно движется въ трещинахъ горъ, начинаетъ громко говорить о себѣ въ этотъ первобытный рупоръ, и Леонардо-да-Винчи, который любилъ и понималъ жизнь природы больше, чѣмъ жизнь людей, путешествуя по

Романьѣ въ качествѣ военнаго инженера Цезаря Борджіа, съ наслажденіемъ ловилъ трубный голосъ скалъ, извлеченный немудренымъ, но геніальнымъ искусствомъ полудикихъ пастуховъ. Среди безмолвныхъ чертежей великаго математика, эти нѣсколько строкъ сами какъ-бы звучатъ свѣжимъ и мощнымъ звукомъ.

Въ четвертый томъ, который напечатанъ въ 1889 г., вошли манускрипты, отмѣченные Вентури буквами F и I. По дарственному акту Аркопати это—томы, описанные подъ №№ 7 и 10. Въ манускриптѣ F—96 листковъ, кромѣ обложки съ текстомъ на внутреннихъ ея сторонахъ. Откидывая обложку, мы сейчасъ-же наталкиваемся на рядъ именъ старинныхъ авторовъ, цитатъ и на грубый циническій анекдотъ въ вышеуказанномъ стилѣ. Среди сонетовъ Пистойа и Беллинчіони такія откровенности попадаются на каждомъ шагу и даже совсѣмъ почти не удивляютъ читателя, но въ научныхъ кодексахъ Леонардо-да-Винчи они настолько поражаютъ вниманіе, что производятъ впечатлѣніе, не соотвѣтствующее ихъ объему и количеству. Равессонъ-Мольенъ, съ изысканной галантностью французскаго ученаго, и здѣсь старается смягчить значеніе этихъ циническихъ проявленій, называя ихъ шутками, plaisanteries, но мы думаемъ, что это невинное слово не подходитъ къ такого рода записямъ, которыя дѣлались въ полномъ одиночествѣ, въ промежуткахъ между глубокомысленными научными занятіями, очевидно ради собственнаго подозрительнаго удовольствія. Что касается дальнѣйшаго содержанія этого въ высшей степени интереснаго кодекса, то оно, какъ и содержаніе предъидущихъ манускриптовъ, обнимаетъ самые различные вопросы научнаго знанія. Геологія, гидравлика, съ подробно разработаннымъ ученіемъ о водоворотѣ, оптика, геометрія, ученіе о свѣтѣ и теплотѣ, о волнахъ, о токѣ воды по каналамъ различныхъ сгибовъ, разсужденія о солнцѣ, звѣздахъ и землѣ съ полемикой противъ старыхъ авторовъ—всѣ эти темы безпорядочно смѣняютъ другъ друга, оставляя на каждой страницѣ лучъ свѣтлой мысли. Въ одномъ мѣстѣ Леонардо-да-Винчи поетъ настоящую хвалу солнцу, какъ источнику всякой жизни, «всѣхъ душъ», и хвала эта, не въ примѣръ другимъ его разсужденіямъ, проникнута нѣкоторымъ паѳосомъ, но паѳосомъ раздраженія—противъ древнихъ мыслителей, въ томъ числѣ Сократа, предпочитавшихъ боготворить людей. Онъ, Леонардо-да-Винчи, самъ человѣкъ, въ своей смертной оболочкѣ, о которой онъ говоритъ съ величайшимъ презрѣніемъ, былъ-бы готовъ спалить всѣ эти маленькіе кумиры крохотныхъ существъ въ огнѣ небеснаго свѣтила. Несмотря на подкупающее величіе этого разрушительнаго подъема, за строками хвалебнаго гимна солнцу чувствуется душа, извѣрившаяся—быть можетъ, на собственныхъ настроеніяхъ—въ нематеріальную теплоту и въ сверхсолнечный, духовный свѣтъ. На лѣвой сторонѣ 96 листка имѣется краткое сравненіе между человѣкомъ и животнымъ, тоже передающее презрительное отношеніе великаго человѣка ренессанса къ человѣку вообще:

«Человѣкъ, пишетъ онъ, имѣетъ обширный даръ слова, но большая часть его словъ суетна и лжива. Языкъ животныхъ незначителенъ, но полезенъ и исполненъ здраваго смысла. Маленькая достовѣрность лучше большой лжи». Тутъ-же, нѣсколькими строками выше, находится злое изрѣченіе о медикахъ, этихъ разрушителяхъ жизни, на потребу которымъ люди накапливаютъ свои капиталы. Всѣ эти искры демоническаго генія сверкаютъ между новыми неисчерпаемыми разсужденіями—о воздушной перспективѣ, о зеркалахъ, о Гибралтарѣ, Донѣ, Каспійскомъ морѣ, о бѣломъ цвѣтѣ, о Мартезанскомъ каналѣ, объ одномъ изъ гигантовъ ренесанса, Л. Баттиста Альберти. И вдругъ мелькаетъ непринужденное соображеніе о томъ, почему собаки обнюхиваютъ другъ-друга подъ хвостами, при чемъ оказывается, что собаки, подобно людямъ, ищутъ себѣ знакомыхъ среди богатыхъ, получающихъ хорошую пищу, и отвращаются отъ бѣдныхъ, захудалыхъ. Въ заключеніе, на внутренней правой сторонѣ обертки—нѣсколько интимныхъ сообщеній художника о его денежныхъ дѣлахъ, освѣщенныхъ подходящими латинскими пословицами. 30-го октября 1508 г. онъ, Леонардо-да-Винчи, получилъ 30 скуди, изъ которыхъ 13 одолжилъ Салаи, чтобы дополнить приданое его сестры, а 17 оставилъ для себя. За этимъ сообщеніемъ слѣдуютъ пословицы:

Non prestavis—bis (abebis)
Siprestavis non abebis
Siabebis non tan cito
Sitancito nontan bona
Esitan bonum perdas amicum.

Не одолжишь, будешь имѣть.
Если одолжишь, не будешь имѣть.
Если будешь имѣть (получишь), то не такъ скоро,
Если скоро, то не такъ-то хорошо,
А если хорошо, то потеряешь друга.

Леонардо-да-Винчи, который самъ всегда нуждался въ деньгахъ и, можетъ быть, не однажды прибѣгалъ къ займамъ, хорошо зналъ странную механику денежныхъ одолженій, приводящихъ ко враждѣ. Этой житейской мудростью завершается манускриптъ F, начавшійся скабрезнымъ анекдотомъ и вспыхнувшій жгучимъ свѣтомъ въ хвалѣ солнцу.

Послѣдній манускриптъ IV тома, обозначенный Вентури буквою I, заключалъ въ себѣ, по дарственному акту Аркопати, 91 листокъ, а въ настоящее время, въ изданіи французскаго Института, дополненъ вновь добытыми листками, такъ что всего ихъ 139. Помимо обширнаго научнаго содержанія, манускриптъ заключаетъ въ себѣ много интересныхъ замѣтокъ изъ личной жизни Леонардо-да-Винчи. По этой записной книжкѣ можно прослѣдить, какъ подвигалось у него изученіе латинской грамматики, потому что цѣлые листки исписаны спряженіями латинскихъ глаголовъ и двойными колоннами изъ латинскихъ и итальянскихъ словъ.

Повидимому, въ этой области Леонардо-да-Винчи никогда не достигалъ особеннаго совершенства. Даже самыя обыкновенныя латинскія выраженія и примитивные грамматическіе обороты занесены въ этотъ карманный кодексъ съ точнымъ переложеніемъ на итальянскій языкъ: videlicet-cioe, cras—domane, preter—ecetto, aliquid—alcuna cosa. На другомъ листкѣ онъ производитъ спряженія въ разныхъ временахъ глаголовъ amare, docere, legere. Само собою ясно, что такого рода упражненія, почти трогательныя при энциклопедической геніальности Леонардо-да-Винчи, сдѣланныя притомъ въ зрѣлые годы его жизни, показываютъ всю безмѣрность его умственнаго трудолюбія. А рядомъ съ этими занятіями латинской грамматикой разливается цѣлый океанъ самыхъ разнообразныхъ познаній и производятся сложныя работы по архитектурѣ, гидравликѣ, мало кому доступныя изъ его современниковъ. Его знанія держатся почти исключительно на собственныхъ опытахъ, освѣщенныхъ личнымъ разумѣніемъ, хотя въ параллель своимъ взглядамъ онъ иногда ссылается на древнихъ и средне-вѣковыхъ авторовъ, каковы Аристотель, Альбертъ Великій, Ѳома Аквинскій и др. Природа полна нераскрытыхъ идей, еще не бывшихъ предметомъ изученія, говоритъ Леонардо-да-Винчи. Она полна жизни и внутреннихъ тайнъ, которыя надо разгадывать при помощи строгаго анализа, и эта жизнь есть сама себѣ цѣль. Кто не любитъ жизни, тотъ не достоинъ ея,—читаемъ мы въ манускриптѣ. Въ этой жизни, какъ и въ природѣ, скрыта неотвратимая истина, которую не можетъ заслонить никакая ложь: «Всѣ предметы, которые скрыты и находятся подъ снѣгомъ зимою, откроются и выйдутъ на свѣтъ лѣтомъ. Это сказано относительно лжи, которая не можетъ остаться неразоблаченною». Проповѣдуя опытъ, Леонардо-да-Винчи тутъ же, въ этомъ удивительномъ кодексѣ, на правой сторонѣ 130 листка, провозглашаетъ необходимость, при всякомъ изученіи природы, руководствоваться опредѣленною наукою, свѣтомъ разумѣнія, который идетъ впереди, прокладывая дорогу для эксперимента. Вотъ мысль, обошедшая весь міръ и никѣмъ до Леонардо-да-Винчи не выраженная съ такою образною простотой. Наука,—говоритъ онъ,—капитанъ, а практика—солдаты: Lascientia eilcapitano ella pratica sono i soldati. Смѣло пренебрегая грамматическими правилами, онъ ставитъ при подлежащемъ въ единственномъ числѣ сказуемое во множественномъ—la pratica *sono:* практика есть, по содержанію, сложное множество разнообразныхъ человѣческихъ опытовъ и дѣйствій, и этотъ оттѣнокъ выраженнаго понятія хорошо улавливается въ коротенькой фразѣ, нарушающей мертвыя правила грамматики. При такой глубокомысленной философіи въ кодексѣ разбросано много отдѣльныхъ великолѣпныхъ изрѣченій, какъ, напримѣръ, изрѣченіе о снѣ—это то желанное состояніе, которое, будучи достигнуто, пропадаетъ для сознанія,—краткое назиданіе о пользѣ хорошихъ книгъ, выраженное не безъ легкой риторики: «Блаженны тѣ, которые откроютъ уши для словъ умершихъ. Надо читать хо-

рошія книги и принимать ихъ въ разсчетъ». Это слова, имѣющія особенно изысканный смыслъ въ устахъ человѣка, который никогда не заслонялся книгами отъ природы, а на нѣкоторыя изъ нихъ смотрѣлъ, какъ на живыя созданія человѣческаго духа. Къ этой же категоріи изрѣченій относится цѣлый рядъ загадокъ, которыхъ довольно много и въ другихъ, не парижскихъ манускриптахъ Леонардо-да-Винчи и которыя Равессонъ-Молльенъ почему-то называетъ аллегорическими предвѣщаніями. Это, можно сказать, блистательныя уподобленія и сближенія, съ глаголами въ будущемъ времени ради нѣкоторой игривой таинственности, которая немедленно разсѣивается при чтеніи помѣщенной рядомъ коротенькой разгадки. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «Вода моря поднимется на высочайшія вершины горъ, къ небу, и низвергнется на жилища людей.—Т. е. посредствомъ облаковъ». Когда читаешь первую часть такого «аллегорическаго предвѣщанія», съ его нарочито-приподнятымъ стилемъ, оно производитъ какое-то апокалипсическое впечатлѣніе, но разгадка, тутъ же стоящая, бросаетъ веселый солнечный свѣтъ на привычное чудо природы. Другая загадка таитъ въ себѣ злую, острую критику одного изъ любимыхъ «учрежденій» человѣческаго общества: «Будутъ отцы, которые отдадутъ своихъ дочерей на растлѣніе мужчинамъ и будутъ платить имъ за это, отрѣшаясь отъ своего прежняго попеченія о дочеряхъ.—Это бываетъ, когда дѣвушки выходятъ замужъ». Нѣсколько загадокъ относится къ земледѣлію: «Многочисленны будутъ тѣ, которые, расцарапывая свою мать, возвратятъ ей кожу.—Это земледѣльцы». «Люди будутъ жестоко бить то, что есть источникъ ихъ жизни. Это—когда молотятъ зерно». Тонкимъ зрѣніемъ натуралиста Леонардо-да-Винчи подмѣчаетъ побѣги новой жизни среди борьбы стихій и разрушенія. Есть загадки, построенныя на любимомъ имъ образѣ птичьяго полета: «Перья поднимутъ людей, какъ птицъ, къ небу.—Т. е. посредствомъ письменъ, выведенныхъ этими перьями». Хвала литературѣ воздана здѣсь въ изящной легкой формѣ. «Разъединенное соединится и получитъ такую силу, что воскреситъ у людей память объ утраченномъ. Это—папирусъ, состоящій изъ разъединенныхъ волоконъ и сохраняющій память о вещахъ и человѣческихъ дѣяніяхъ». Вотъ, наконецъ, еще двѣ загадки, которыя разгадываются самымъ ихъ заглавіемъ: «О, что я вижу! Новое распятіе Христа». Въ заглавіи сказано: «о скульптурѣ». «Я вижу опять проданнаго и распятаго Христа и мученія его святыхъ». Заглавіе указываетъ на то, что рѣчь идетъ о продаваемыхъ распятіяхъ. Здѣсь чувствуется легкая игра насмѣшливаго художника по отношенію къ произведеніямъ современнаго ему религіознаго искусства—къ художникамъ-ремесленникамъ, разсчитывающимъ на прибыльный сбытъ, которыхъ онъ, въ другомъ мѣстѣ, въ манускриптѣ G, называетъ «guadagnatori»—искателями выгодъ. Повидимому, Равессонъ-Молльенъ, принимая всѣ эти загадки за аллегорическія пророчества, былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что первыя изъ

нихъ, написанныя въ томъ же апокалипсическомъ стилѣ, не снабжены соотвѣтствующими разгадками, хотя, зная натуру Леонардо-да-Винчи, нужно думать, что именно подъ особенно мрачными словами, оставленными безъ разъясненія, скрываются самыя невинныя жизненныя явленія. Вотъ примѣръ одной такой неразъясненной загадки: «люди увидятъ растенія лишенными листьевъ и рѣки остановившими бѣгъ свой». Естественно освѣтить эту пугающую картину простыми словами: это бываетъ зимой. Несмотря на то, что въ этихъ аллегоріяхъ нѣтъ прямыхъ научныхъ разсужденій, онѣ придаютъ кодексу характеръ глубокаго знанія, претворившагося въ поэзію природы. И кодексъ, освѣщенный смѣлыми научными идеями, живетъ легкою, непринужденною жизнью, вмѣщая въ себѣ цѣлый океанъ математическихъ и механическихъ выкладокъ. А тутъ же—мудрый совѣтъ о томъ, какъ нужно нарядиться для карнавала, услужливыя работы надъ проектомъ купальнаго павильона для миланской дукессы, словесный набросокъ двухъ предполагаемыхъ картинъ для прославленія Людовико Моро: на одной изъ нихъ Моро, олицетворяющій Счастье, вмѣстѣ съ почтительно припадающимъ къ нему Гвалтьери, а на другой—Бѣдность, въ образѣ ужаснаго чудовища, гонится за молодымъ человѣкомъ, котораго Моро прикрываетъ краемъ своей одежды, угрожая чудовищу золотымъ жезломъ. Среди текста, въ которомъ разсматриваются пропорціи движеній, пересѣкая строки, мелькаетъ, точно всплывая, какой-то рѣзкій профиль, въ которомъ Эженъ Мюнтцъ видитъ черты самого Леонардо-да-Винчи. Въ другомъ мѣстѣ выступаетъ удивительно нарисованная собачья морда, раздѣленная тонкими линіями на пропорціональныя части. На послѣднемъ листкѣ, согласно описанію Арконати, имѣется небольшая геометрическая фигура изъ полукруговъ, съ буквами посрединѣ, и выступающій изъ тумана карандашный профиль. Таковъ кодексъ I, заключающій собою IV томъ изданія Равессона-Молльена.

Пятый томъ манускриптовъ, вышедшій въ 1890 г., заключаетъ въ себѣ кодексы G, L и M, описанные у Арконати подъ №№ 8, 11 и 12. Кодексъ G состоялъ первоначально изъ 96 листковъ, но уже при переходѣ въ Амброзіанскую библіотеку, какъ сообщаетъ Арконати, изъ нихъ не хватало листковъ 7, 18 и 31. Такимъ образомъ, кодексъ заключаетъ въ себѣ 93 листка. На лѣвой внутренней сторонѣ обложки находится замѣтка объ отъѣздѣ изъ Рима Джуліано Медичи въ Савойю, а затѣмъ манускриптъ развертываетъ научныя темы въ знакомыхъ уже для насъ направленіяхъ: живопись, ботаника, описаніе потопа, перешедшее во всѣ лучшія изданія «Trattato della pittura», свѣтъ и тѣни, движенія воздуха и воды, перспектива, акустика, неизбѣжное въ трактатахъ Леонардо-да-Винчи ученіе о полетѣ птицъ, летучихъ мышей, насѣкомыхъ, человѣка—этими вопросами, въ постоянномъ ихъ чередованіи, переполненъ данный кодексъ. Кромѣ того, имѣются многочисленныя разсужденія съ иллюстраціями объ устройствѣ инструмента «sagoma», употребляющагося для вы-

равниванія и полировки поверхностей, замѣчанія объ архитектурѣ и соображенія на разныя случайныя темы. Въ одномъ мѣстѣ Леонардо-да-Винчи говоритъ о томъ, почему морская вода—соленая, въ другомъ—онъ высказываетъ, въ формѣ прозрачныхъ метафоръ, разныя общеизвѣстныя житейскія истины, сравнивая, напр., талантливыхъ людей, подвергающихся зависти, съ орѣшникомъ, который обиваютъ какъ разъ тогда, когда онъ далъ зрѣлый плодъ, или уподобляя людей, развившихъ въ себѣ какія-нибудь качества благодаря внѣшнимъ добрымъ вліяніямъ, съ терновникомъ, къ которому привили плодоносныя вѣтки хорошихъ сортовъ. Онъ разсуждаетъ объ искусствѣ хорошо говорить—въ немногихъ строкахъ, изъ которыхъ каждая обличаетъ обширный опытъ въ обращеніи съ людьми. Надо умѣть во время оборвать рѣчь, какъ только замѣчаешь, что слушатель склоненъ зѣвнуть. Если желаешь угадать, какая тема можетъ увлечь твоего собесѣдника, мѣняй характеръ разговора и, если увидишь, что онъ слушаетъ, не зѣвая, не хмуря бровей,—то, значитъ, ты набрелъ на вопросъ, занимающій его. Затѣмъ, такъ же, какъ въ одномъ изъ предъидущихъ кодексовъ, Леонардо-да-Винчи указываетъ на необходимость опытнаго изученія природы по опредѣленной научной теоріи, не ограничиваясь внѣшней законченностью наблюденій. Тѣ, которые философствуютъ о мірѣ вещей, должны проникнуть въ законы и цѣли явленій, не довольствуясь созерцаніемъ поверхностнаго сцѣпленія событій и фактовъ. Несмотря на разъединенность листковъ, на которыхъ говорится о значеніи теоріи для всякаго практическаго опыта и о необходимости изученія строгихъ законовъ явленій, краткое изрѣченіе, на послѣднемъ листкѣ, о важности математики, какъ центра всякихъ знаній, производитъ впечатлѣніе естественнаго синтеза всѣхъ пріемовъ его научнаго мышленія. Для Леонардо-да-Винчи не можетъ быть достовѣрности въ томъ, что не опирается такъ или иначе на математическую науку, что не имѣетъ къ ней того или другого отношенія. Это заявленіе, сила котораго засвидѣтельствована всею его умственною работою, освѣщаетъ весь трактатъ G мыслью о величественномъ значеніи математики, которая имѣла своихъ могучихъ приверженцевъ среди философовъ древняго и новаго міра. Кодексъ, изобилующій разными удивительными рисунками, между прочимъ—головы лошади, напряженно приподнятой при плаваніи въ водѣ,—заканчивается нѣкоторыми интимными свѣдѣніями и совѣтами—на правой сторонѣ обложки, съ обозначеніемъ 1510 года.

Манускриптъ L состоитъ изъ 94 листковъ, не считая исписанныхъ внутреннихъ сторонъ обложекъ, но, по словамъ Піо, есть слѣды одного оторваннаго листка, между 4 и 5. На правой внутренней сторонѣ обложки имѣется нѣсколько свѣдѣній, относящихся, повидимому, ко времени крушенія политическаго могущества Людовико Моро, свѣдѣній, которыя старался разъяснить Аморетти. Упоминается о сооруженіяхъ Бра-

манте,—безъ указанія на то, что они остались незаконченными. Кастеллянъ заключенъ въ тюрьму—пишетъ Леонардо-да-Винчи, при чемъ Аморетти объясняетъ, что рѣчь идетъ о кастеллянѣ-французѣ, который уступилъ на время крѣпость герцогу Людовико Моро и былъ за то наказанъ возвратившимися французами. Какой-то Висконти увезенъ,—надо думать, во Францію. Джіанъ делла Роза, — вѣроятно, рѣчь идетъ о медикѣ и астрологѣ при герцогскомъ дворѣ,—лишенъ средствъ. Герцогскому казначею тоже измѣнила судьба, а самъ герцогъ, равнодушно замѣчаетъ Леонардо-да-Винчи, потерялъ власть, имущество, свободу и ни одно изъ его предпріятій не приводится къ концу. Дальнѣйшее содержаніе этого кодекса указываетъ на то, что онъ писался во время путешествія по Романьѣ. Это собраніе летучихъ набросковъ, словесныхъ и живописныхъ, отразившихъ въ себѣ Романью, — страну «всяческой грубости», съ неприступными крѣпостями и поэтической природой. По данному кодексу легко прослѣдить дѣятельность и планы Леонардо-да-Винчи въ качествѣ военнаго инженера, состоящаго на службѣ у Цезаря Борджіа. Безконечные ряды математическихъ выкладокъ для постройки военныхъ укрѣпленій и орудій, изслѣдованіе пріемовъ осады, и рядомъ съ этимъ невинныя замѣчанія и проекты, рисующіе безпредѣльный интересъ Леонардо-да-Винчи къ стихійнымъ силамъ и стихійной красотѣ. Въ Римини онъ вслушивается въ гармоничный шумъ городского фонтана, въ Піомбино онъ наблюдаетъ прибой пѣнящихся волнъ, а въ Урбино, на родинѣ Рафаэля, работаетъ надъ проэктомъ голубятни. Полетъ птицъ и мысль о возможномъ полетѣ человѣка не перестаетъ занимать его воображеніе. Онъ изучаетъ этотъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ: крылья и хвостъ птицы, сила ея мускуловъ, полетъ въ высоту, внизъ, косой полетъ, съ вѣтромъ и противъ вѣтра, наконецъ, приложеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній къ полету искусственной птицы — все это разсматривается по строго-научному методу, причемъ тончайшія наблюденія чередуются съ общими мыслями на ту-же тему. Надо сказать, что именно въ этомъ кодексѣ, писанномъ въ смутную и безотрадную эпоху жизни художника, вѣчный трепетъ птичьяго полета постоянно чувствуется за сухими, безплодными военно-инженерными изысканіями. Леонардо-да-Винчи безсознательно запечатлѣлъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ серафическое небо Романьи, съ ея воздушными жителями, плескомъ волнъ и шумомъ городскихъ фонтановъ. Холодные крѣпостные бастіоны вырисовываются здѣсь на первобытно-мечтательномъ фонѣ. Въ бѣглыхъ замѣткахъ карманной книжки отразилась необъятная душа великаго мага, который, обдумывая смертоносныя орудія для Цезаря Борджіа, любознательно смотрѣлъ вокругъ себя, записывалъ черты мѣстнаго быта, вслушивался въ трубный голосъ скалъ, извлекаемый первобытнымъ инструментомъ романьольскихъ пастуховъ. Кодексъ заканчивается нѣкоторыми частными свѣдѣніями, относящимися къ 1502 г., и меланхолическими изрѣченіями на латинскомъ языкѣ.

Кодексъ М, сохранившійся въ томъ видѣ, какъ его описалъ Арконати, заключаетъ въ себѣ тоже 94 листка съ двумя исписанными страницами обложки, такого-же, какъ и въ предъидущемъ кодексѣ, маленькаго формата. Преобладающимъ его содержаніемъ является геометрія — параллельныя линіи, ромбы, треугольники, круги мелькаютъ почти на каждой страницѣ. Кромѣ того, довольно много разсужденій по физикѣ— о воздушныхъ и водныхъ волнахъ, о рычагахъ, о равновѣсіи, о паденіи тѣлъ, о движеніи воды и песку, и нѣсколько замѣчаній, относящихся къ вопросу о плаваніи рыбы. Иллюстрація этого текста представляетъ рыбу съ изогнутымъ хвостомъ и нѣсколько линейныхъ схемъ ея движеній въ водѣ. Попадаются отдѣльныя отрывочныя фразы съ какими-то жизненными намеками, какъ, напримѣръ, фраза о «нѣжномъ братѣ-монахѣ», который самъ былъ одержимъ какимъ-то очарованіемъ и увлекъ за собою философовъ. Попадаются также шутки, facetie, — одна невинная и даже мало смѣшная, другая остроумная, до нѣкоторой степени пикантная и, можетъ быть, навѣянная чтеніемъ «Facezie» знаменитаго Поджіо Браччіолини.

Таковъ этотъ V томъ изданія Равессона-Молльена.

Шестой томъ въ изданіи Равессона-Молльена, кромѣ прибавленій къ манускриптамъ А и В, о которыхъ мы уже говорили, заключаетъ въ себѣ кодексъ Н, описанный у Арконати, довольно расплывчатыми чертами, подъ № 9. Пагинація этого манускрипта сложная и запутанная, но считая страницу за страницей, можно сказать, что въ немъ 142 листка. По научному содержанію и по количеству свѣдѣній, относящихся къ личной жизни Леонардо-да-Винчи, этотъ манускриптъ не представляетъ столь выдающагося интереса, какъ нѣкоторые другіе изъ разсмотрѣнныхъ нами выше. По этому кодексу можно видѣть характеръ нѣкоторыхъ работъ Леонардо-да-Винчи въ Миланскій періодъ его жизни. Виджевано, Сфорцеска, лѣтнее мѣстопребываніе Людовико Моро, упоминаются не однажды, иногда съ обозначеніемъ года. Попадаются частныя замѣтки съ краткимъ обозначеніемъ именъ и предстоящихъ работъ по заказамъ, слѣды занятій канализаціей и въ частности Мартезанскимъ каналомъ, упоминаніе о новомъ ученикѣ, Галеаццо, поступившемъ къ Леонардо-да-Винчи 14 марта 1494 г. на опредѣленныхъ денежныхъ условіяхъ, наконецъ, встрѣчаются замѣтки, относящіяся къ оптикѣ, гидравликѣ, и неустанныя упражненія въ латинской грамматикѣ—цѣлыя страницы спряженій примитивныхъ глаголовъ, которые здѣсь, какъ и въ другихъ манускриптахъ Леонардо-да-Винчи, производятъ неожиданное впечатлѣніе, придавая ему на минуту характеръ невиннаго и прилежнаго школьника. Точно многознающій учитель сошелъ съ кафедры и сѣлъ на дѣтскую парту. Одинъ летучій штрихъ вводитъ насъ въ интимную обстановку его жизни: Джуліо началъ дѣлать замокъ для моей студіи, пишетъ Леонардо-да-Винчи 15 сентября 1494 г. Никакихъ другихъ сообщеній этого рода, но студія художника, откуда исходили замысловатыя

произведенія искусства и гдѣ производились безчисленныя научныя изслѣдованія въ самыхъ различныхъ областяхъ, невольно оживаетъ въ воображеніи при этомъ случайномъ напоминаніи кодекса. Есть какой-то неясный планъ аллегорическаго изображенія Людовико Моро въ обществѣ съ безславной Завистью и Правосудіемъ. На листкѣ съ дробными цифрами и рисункомъ обжигательной печи вдругъ бросается въ глаза маленькій профиль, полный напряженной сатиры. Въ другомъ мѣстѣ передъ нами блѣдный абрисъ человѣка, поднимающагося по лѣстницѣ, и четыре строки текста, которыя гласятъ: «когда ты поднимаешься по лѣстницѣ, опираясь руками о колѣни, вся усталость переходитъ изъ подколѣнныхъ нервовъ въ руки». Имѣется также свѣдѣніе, въ видѣ какого-то денежнаго счета, о Салаино, имя котораго, какъ мы видѣли, упоминается и въ другихъ манускриптахъ (L, E и F), Этотъ «фактотумъ» Леонардо-да-Винчи, какъ называетъ его Миллеръ-Вальде, постоянно сопровождаетъ художника въ его практическихъ заботахъ, отразившихся въ записныхъ книжкахъ. Нѣсколько листковъ представляютъ рисунки различныхъ повозокъ, иногда—съ математическими вычисленіями. Одинъ изъ этихъ рисунковъ изображаетъ крытую повозку съ двумя лошадьми, запряженными цугомъ, съ возницею на передней изъ нихъ. Лошади, какъ живыя, двигаются шагомъ, передняя съ наклоненною, задняя съ поднятой головою. Видно движеніе ихъ ногъ, мѣрно и бодро приподнимаемыхъ. Три листка заняты рисунками конской упряжи, въ частяхъ и въ полномъ сборѣ. Хомутъ, черезсѣдельникъ, уздечка—вся сбруя вырисована съ необычайной отчетливостью. На одномъ рисункѣ—лошадь въ сбруѣ, повидимому, только что выпряженная и разгоряченная ѣздой, стоитъ въ нетерпѣливой позѣ. На другомъ рисункѣ — лошадиная голова въ уздечкѣ. Кромѣ того въ этомъ кодексѣ разбросано, какъ мы сказали выше, довольно много изрѣченій на нравственныя и философскія темы: о лжи, которую онъ сравниваетъ съ кротомъ, боящимся свѣта, о зависти, дѣйствующей посредствомъ подлой клеветы, о доброй славѣ, которая возносится къ небу, и дурной славѣ, которая тяготѣетъ къ аду. Встрѣчаются цѣлыя группы житейскихъ изрѣченій, какъ напр.: «кто не наказываетъ зла, тотъ приказываетъ, чтобы оно совершалось», или: «кто беретъ ужа за хвостъ, тотъ будетъ имъ укушенъ», или еще: «нельзя проявить ни болѣе великой, ни болѣе ничтожной власти, какъ власть надъ самимъ собою», «кто мало думаетъ, тотъ много ошибается», «отъ маленькой причины происходитъ большое разрушеніе», «чистота золота узнается при испытаніи», «какова форма, таковъ и предметъ, въ ней вылитый». Каждое страданіе говоритъ далѣе Леонардо-да-Винчи, оставляетъ въ памяти нѣкоторое неудовольствіе, кромѣ высшаго страданія, т.-е. смерти, которая убиваетъ память одновременно съ жизнью. Сентенція эта напоминаетъ вышеприведенную сентенцію его о снѣ. Есть изрѣченія, бросающія натуралистическій свѣтъ на жизнь: «мы живемъ на счетъ смерти другихъ»—изрѣченіе, заключающее въ себѣ зерно новѣйшей идеи борьбы за существованіе. Въ томъ-же натурали-

стическомъ духѣ Леонардо-да-Винчи указываетъ на сладострастіе, на страсть къ ѣдѣ, на чувство страха, какъ на инстинкты, поддерживающіе жизнь. Повсюду онъ остается вѣренъ своей философіи, основанной на опытѣ и экспериментахъ, а разсужденія его на нравственныя темы съ прославленіемъ всяческихъ добродѣтелей поражаютъ своей блѣдностью и худосочіемъ. Что всего замѣчательнѣе въ его моральныхъ сужденіяхъ, безукоризненныхъ по формѣ и смыслу съ точки зрѣнія обыденныхъ ходячихъ понятій, это то, что въ нихъ совсѣмъ не видно игры его тонкаго и оригинальнаго остроумія. На нихъ не видно даже самаго блѣднаго отпечатка тайной жизни его души, съ ея пристрастіями во вкусѣ ренессанса, съ многослойными настроеніями и ѣдкой отравой нравственнаго скептицизма. Все это наглухо скрыто подъ мертвымъ покровомъ общепринятыхъ взглядовъ, которые онъ даже не трудится заново пересмотрѣть и изслѣдовать согласно со своими эстетическими и художественными вкусами. Въ этой области Леонардо-да-Винчи, глубокомысленный созерцатель природы и непревзойденный изобрѣтатель разныхъ механическихъ снарядовъ, остается совершенно безплодной и мертвой силой. Магъ и кудесникъ на почвѣ науки, загадочный геній на почвѣ искусства, онъ становится почти банальнымъ, когда касается этихъ тончайшихъ нервовъ жизни.

Но вотъ онъ опять переходитъ къ предмету, который раскрываетъ всю его тонкую воспріимчивость, его необычайную впечатлительность къ животной красотѣ. Передъ нами одинъ за другимъ мелькаютъ листки, полные наблюденій въ царствѣ живой природы. Отдѣльныя замѣчанія, образы, сравненія переливаются яркими художественными красками. Кажется, будто Леонардо-да-Винчи всю жизнь занимался зоологіей—во всѣхъ ея отдѣлахъ: безчисленные листки кодекса исписаны замѣтками о нравахъ животныхъ, замѣтками, которыя поражаютъ богатствомъ знаній. Онъ перебираетъ, съ явнымъ восхищеніемъ, животныхъ различныхъ породъ, птицъ, пресмыкающихся, насѣкомыхъ, и повсюду отмѣчаетъ черты ихъ нравовъ. Говоря о горномъ жаворонкѣ, онъ указываетъ на распространенное повѣріе, по которому эта птица, принесенная къ больному, даетъ чувствовать своимъ поведеніемъ, какой ходъ приметъ болѣзнь: она отворачиваетъ головку отъ тѣхъ, которымъ предстоитъ смерть, и не отводитъ глазъ отъ выздоравливающихъ. Коршунъ, пѣтухъ и ворона являются для него типичными воплощеніями зависти, подвижной веселости и мрачной печали: коршунъ клюетъ въ бока своихъ птенцовъ, если они кажутся ему слишкомъ жирными, пѣтухъ поетъ, хлопая крыльями, по поводу всякой мелочи, ворона тревожится и кричитъ при видѣ своихъ птенцовъ, рождающихся бѣлыми, и успокаивается только тогда, когда увидитъ первыя черныя перышки. Художникъ отмѣчаетъ великодушіе орла, бросающаго часть добычи другимъ птицамъ, которыя, вслѣдствіе этого, какъ бы составляютъ его свиту,—вѣрность журавлей и свободолюбіе щеглятъ, которые убиваютъ своихъ птенцовъ, попавшихъ въ клѣтку,

принося имъ молочай. Говоря о соколѣ, онъ отмѣчаетъ его пренебреженіе къ мелкой добычѣ и брезгливость ко всему, имѣющему дурной запахъ. Въ павлинѣ онъ усматриваетъ типичныя проявленія тщеславія. Съ особеннымъ сочувствіемъ онъ описываетъ въ царствѣ звѣрей благородную неустрашимость льва, который бросается въ бой съ цѣлымъ множествомъ охотниковъ, нападая на того, который первымъ выступилъ противъ него. Онъ восхищается красотою пантеры и нѣсколько разъ возвращается къ характеристикѣ слона. Слоны вызываютъ его особенное сочувствіе: они отличаются свойствами, которыя рѣдко встрѣчаются у людей—честностью, осторожностью, прямодушіемъ и религіозностью. Въ новолуніе слоны отправляются къ рѣкамъ и, торжественно омывшись въ нихъ, возвращаются въ лѣса, выразивъ такимъ образомъ привѣтствіе появленію свѣтила. Заболѣвъ, они опрокидываются навзничь и бросаютъ къ небу траву, какъ если бы хотѣли совершить жертвоприношеніе. Теряя въ старости свои клыки, они предаютъ ихъ погребенію. Загнанные охотниками, они сами ломаютъ себѣ клыки и, оставляя ихъ въ добычу людямъ, этимъ какъ бы выкупаютъ свою свободу. Цѣлый рядъ животныхъ проходитъ въ подобныхъ характеристикахъ: медвѣдь, волкъ, дикій оселъ, гипопотамъ, лисица, быкъ, единорогъ, летучая мышь и другія. Такія же характеристики посвящаются многимъ насѣкомымъ, амфибіямъ и пресмыкающимся, какъ пчела, паукъ, муравей, гусеница, скорпіонъ, саламандра, ящерица, хамелеонъ, змѣя, которыхъ Леонардо-да-Винчи зналъ въ совершенствѣ. Весь живой міръ, населяющій воду, землю и воздухъ, является предметомъ его неустаннаго изученія то посредствомъ книгъ, то посредствомъ личныхъ наблюденій. Что особенно замѣчательно—это его умѣнье сливать въ своихъ опредѣленіяхъ черты хищной и доброй натуры, разсматривать ихъ въ неразрывномъ, органическомъ единствѣ Проявленіе нравственнаго инстинкта у животныхъ внушаетъ ему даже нѣкоторый паѳосъ—именно то, чего никогда не возбуждало въ немъ наблюденіе надъ людьми. Читая страницы кодекса, относящіяся къ животнымъ, получаешь богатыя впечатлѣнія—эстетическія и, можно сказать, человѣчныя, хотя рѣчь идетъ о безсловесныхъ тваряхъ. Вотъ гдѣ Леонардо-да-Винчи обнаруживаетъ все свое магическое обаяніе: выходя изъ міра людей, онъ до глубины постигаетъ великолѣпіе природы въ ея разнообразныхъ созданіяхъ.

Этимъ манускриптомъ H кончается все изданіе Равессона-Молльена, послѣдній, VI, томъ котораго вышелъ въ 1891 г. Изъ необъятнаго множества разнообразныхъ научныхъ матеріаловъ, вошедшихъ въ это удивительное изданіе, изъ всего этого движущагося хаоса знаній выступаетъ фигура самого Леонардо-да-Винчи, образъ человѣка, который одновременно подавлялъ и очаровывалъ окружающихъ его людей. Тутъ онъ стоитъ передъ глазами такой же могучій и волнующе-загадочный, какъ и въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Отвлекаясь отъ ихъ содержанія, сложнаго, разбросаннаго и перепутаннаго, видишь эти манускрипты въ ка-

кой-то одной цѣльной картинѣ, столь же притягательной и мучительно-раздражающей, какъ его Джіоконда. Тутъ все на лицо: знанія всѣхъ вѣковъ, самые рискованные эксперименты, жестокій и хищный взглядъ на жизнь, въ которой Богъ является первымъ механическимъ двигателемъ, а духовныя силы имѣютъ только случайно возбужденное бытіе, наконецъ, демоническая улыбка холоднаго сладострастія, которая чувствуется за скверными анекдотами и шутками собственнаго сочиненія—все это шевелится и стелется, какъ туманъ надъ горной громадой. Тутъ проявилась та самая душа, которая воплотилась въ Джіокондѣ: сложная, старая и при несомнѣнности своего безбрежнаго величія—незаконченная, неоформленная и потому некрасивая. Два начала, изъ которыхъ образуется всякое живое существо—начало личное и безличное, конечное и безконечное,—выступаютъ въ Леонардо-да-Винчи съ наглядною ясностью. Вы видите человѣка, т. е. нѣчто по самой своей природѣ ограниченное, и при этомъ невольно замѣчаете, какъ его личное начало расплывается, затеривается въ безграничности. Эта безграничность, это хаотическое начало жизни, которое обыкновенно, въ законченныхъ характерахъ, скрыто отъ глазъ въ душевныхъ глубинахъ, у Леонардо-да-Винчи какъ бы стерло отчетливыя границы его индивидуальности. Все, что исходитъ отъ него опредѣленнаго, жизненнаго и человѣчнаго, поражаетъ какой-то неожиданностью, подобно трубному голосу, исходящему изъ темныхъ нѣдръ романьольскихъ скалъ. Что-бы онъ ни дѣлалъ, холодный свѣтъ ложится на каждое его твореніе, лишая его земныхъ тѣней, земного рельефа, — и живыя, законченныя проявленія міроваго хаоса мертвѣютъ на нашихъ глазахъ. Онъ не можетъ создать ничего индивидуальнаго, совершеннаго и нравственно-красиваго, потому что нравственная красота, этотъ высшій законъ междучеловѣческихъ отношеній, служитъ именно охраною и защитою міра индивидуальныхъ формъ, для сочувствія которымъ душа Леонардо-да-Винчи, душа холоднаго мага, не имѣла въ себѣ пѣвучихъ струнъ. Къ чему бы онъ ни прикоснулся, все для него сейчасъ же превращалось въ какой-то отвлеченный научный законъ, въ формулу механики. Въ каждомъ его словѣ чувствуется бездна и движеніе хаоса, и никакая его фраза, самая мѣткая и точная, не даетъ удовлетворенія духу, не успокаиваетъ и не радуетъ сердца, какъ рѣчь настоящаго художника. Онъ только удивляетъ, поражаетъ и затѣмъ какъ-то невольно пугаетъ холодомъ своей умственной атмосферы. Съ нимъ нельзя жить одною жизнью, нельзя проникнуть въ его душу, потому что голосъ его кажется обыкновеннымъ маленькимъ людямъ чуждымъ и жуткимъ, какъ голосъ скалъ. Въ этомъ вся загадочность Леонардо-да-Винчи, природная загадочность, безъ всякой искусственной таинственности, которую придаютъ ему нѣкоторые его біографы.

Эти біографы указываютъ на странную манеру его письма лѣвой рукой справа налѣво, a rovescio, на загадочное начертаніе отдѣльныхъ

словъ и на нѣкоторыя фразы, до сихъ поръ никѣмъ не прочтенныя, какъ на доказательство того, что Леонардо-да-Винчи скрывалъ и долженъ былъ скрывать отъ современнаго ему общества нѣкоторыя свои идеи и замыслы. Онъ писалъ справа налѣво, на семитическій манеръ, чтобы никто не могъ разобрать его манускриптовъ. Рукописи эти, съ ихъ глубокимъ содержаніемъ, недоступнымъ образованнѣйшимъ людямъ того времени, должны были остаться его личнымъ секретомъ, чтобы не навлечь на него какихъ либо бѣдъ. Но, во-первыхъ, Леонардо-да-Винчи былъ не единственнымъ человѣкомъ въ то время, который писалъ справа налѣво. Самъ Равессонъ-Молльенъ, который слегка поддерживаетъ гипотезу умышленной таинственности со стороны Леонардо-да-Винчи, указываетъ на то, что современникъ Леонардо-да-Винчи, знаменитый Сабба-Кастиліоне, тоже прибѣгалъ къ этой манерѣ письма. Надо думать поэтому, что она была тогда, вообще, въ ходу, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ кругахъ общества, какъ нѣкоторое утонченное щегольство и оригинальная отчужденность отъ обычной манеры. Во-вторыхъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что если бы рукописи Леонардо-да-Винчи были на время предоставлены какимъ-нибудь интеллигентнымъ читателямъ, онѣ были бы очень легко разобраны, тѣмъ болѣе, что способъ чтенія такихъ рукописей—на свѣтъ и въ зеркало—былъ тогда общеизвѣстенъ. Уже въ 1509 году, т. е. при жизни Леонардо-да-Винчи, ученый другъ и поклонникъ его, Лука Пачіоли, печатно указывалъ на то, какъ надо обходиться съ его манускриптами. Слѣдовательно, въ его способѣ письма нельзя усматривать никакой тайны. Всѣ его кодексы могли быть легко переписаны и отданы въ печать, если бы только онъ захотѣлъ привести ихъ въ порядокъ. Но кромѣ того, нужно сказать, что и содержаніе манускриптовъ Леонардо-да-Винчи, по крайней мѣрѣ, на сколько о немъ можно судить по ихъ обнародованнымъ частямъ, не давало никакого основанія для сознательнаго укрыванія чего бы то ни было—ни отъ толпы, ни отъ политическихъ властей Ломбардіи или Тосканы. По духу своему, его безконечныя научныя изслѣдованія, эксперименты и разсужденія не угрожали ничьимъ интересамъ, не вносили никакихъ революціонныхъ струй въ гражданскій строй общества, не касались догматовъ католической церкви. Онъ былъ слишкомъ равнодушенъ къ историческому укладу вещей, чтобы выходить на борьбу съ преданіями и жизненными силами, которыя ему самому могли казаться мертвыми,—даже въ интимныхъ замѣткахъ своихъ кодексовъ. Недаромъ онъ былъ въ постоянномъ фаворѣ у всѣхъ правительствъ Ломбардіи, которымъ онъ устраивалъ пышныя праздничныя встрѣчи. Притомъ же духъ экспериментальнаго изслѣдованія, проникающій его научныя сочиненія, былъ естественнымъ выраженіемъ всей эпохи ренессанса, съ ея оживленнымъ интересомъ къ природѣ, къ древней культурѣ, который давалъ себя чувствовать на всѣхъ поприщахъ человѣческаго творчества. Несмотря на остатки схоластическаго спиритуализма и алхиміи при герцогскихъ дворахъ,

умственное направленіе такихъ людей, какъ Леонардо-да-Винчи, должно было имѣть своихъ убѣжденныхъ сторонниковъ во всѣхъ слояхъ общества. Онъ былъ одинокъ, замкнутъ и непонятенъ по своей натурѣ, но предметы его изученія не могли возбуждать къ нему ничьей вражды. Біографы указываютъ также на то, что въ рукописяхъ его встрѣчаются отдѣльныя слова, которыя при чтеніи, въ естественномъ порядкѣ буквъ, не имѣютъ никакого смысла. Что значитъ слово ortev? Какъ понять странныя наименованія erenev, oirucrem или obnoip? Слова эти попадаются въ разсужденіяхъ, которыя сами по себѣ не представляютъ никакой таинственности, и скоро удалось понять, что ихъ нужно читать просто наоборотъ, отъ послѣдней буквы къ первой. Obnoip—это piombo, свинецъ, ortev—vetro, стекло, erenev—venere и т. д. Все это—либо малозначущіе секреты ученаго изобрѣтателя, либо безсознательныя, полуболѣзненныя описки пера, но никакъ не ухищренія реформатора, охраняющаго свою безопасность. Такой именно смыслъ, и никакого другого, должны имѣть эти невинные секреты, такъ-же какъ и упомянутыя выше цѣлыя фразы съ неразгаданнымъ до сихъ поръ шифромъ. Истинная таинственность Леонардо-да-Винчи — только въ подавляющей громадности его умственныхъ богатствъ, въ колоссальности его мірового генія, которая дѣлаетъ неуловимою его человѣческую личность.

Источники:

Les Manuscrits de Léonard de Vinci:

Vol. I.

Le Manuscrit A. de la Bibliothèque de l'Institut, publié en fac-similés avec transcription littérale, traduction française, préface et table méthodique par M. *Charles Ravaisson-Mollien.* Paris. 1881.

Vol. II.

Manuscrits B, D. Paris, 1883.

Vol. III.

Manuscrits C, E, K. Paris 1888.

Vol. IV.

Manuscrits F, I. Paris. 1889.

Vol. V.

Manuscrits G, L, M. Paris, 1890.

Vol. VI.

Manuscrits H de la Bibliothèque de l'Institut. Ash. 2038 et 2037 de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1891.

Gustavo Uzielli. Ricerche intorno a Leonardo-da-Vinci. Serie Seconda 1884. (Relazione di A. Mazzenta, 1635, Atto della donazione fatta da Galeazzo Arconati, 1637. стр. 217—256).

Giovanni Dozio, Degli scritti e disegni di Leonardo-da-Vinci. Milano. 1871.

А. Волынскій.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Письмо съ Урала.

По статьѣ 55 полож. о казенныхъ горныхъ заводахъ, на заводахъ этихъ, «въ видахъ упроченія связи между заводами и работающими въ оныхъ людьми, учреждаются горнозаводскія товарищества, кои имѣютъ цѣлью попеченіе о рабочихъ въ болѣзни, старости и домашнихъ несчастіяхъ, призрѣніе вдовъ и сиротъ, распространеніе нравственности между горнорабочимъ населеніемъ, успѣшнѣйшій разборъ возникающихъ по работамъ несогласій и вообще мѣры, для благосостоянія его (населенія) полезныя». По ст. 57 «въ члены горнозаводскаго товарищества поступаютъ всѣ постоянно служащіе и работающіе на заводѣ или руднинѣ служители, мастеровые и рабочіе, которые заключаютъ договоры не менѣе, какъ на годъ; поденщики-же и вообще работники временные къ товариществу не принадлежатъ и преимуществами его не пользуются».

Такое горнозаводское товарищество учреждено, между прочимъ, и въ извѣстномъ Златоустовскомъ заводѣ; въ товариществѣ числится до 1,600 человѣкъ членовъ.

10-го февраля минувшаго года общее собраніе членовъ этого товарищества послало телеграмму слѣдующаго содержанія: «Екатеринбургъ. Срочная. Его Превосходительству господину главному начальнику.

Общее собраніе членовъ Златоустовскаго товарищества проситъ Ваше Превосходительство разъяснить, могутъ-ли они пользоваться правами, предоставленными статьями положенія 8 марта 1861 года».

Слѣдуютъ подписи выборныхъ.

Эту телеграмму рабочіе послали уже тогда, когда попытки добиться признанія этихъ правъ отъ ближайшаго начальства оказались безуспѣшными.

Прослѣдимъ, что предпринимали рабочіе ранѣе для достиженія этой цѣли, а затѣмъ посмотримъ, что отвѣтилъ имъ главный начальникъ Уральскихъ горныхъ заводовъ, г. Боклевскій.

Въ началѣ лѣта прошлаго 1896 г., пишетъ корреспондентъ «Степного Урала», [1]), заводоуправленіе (г. Евглевскій, оставшійся за управителя) сдѣлало распоряженіе, что работы на заводѣ будутъ начинаться въ 6 часовъ утра, время обѣда съ 11 час. до 12½ вмѣсто существовавшаго съ 12 до 1½ час. дня, кончаться же должны вмѣсто 6 час. вечера въ 7 часовъ.

Не успѣли еще это распоряженіе объявить по всему заводу, какъ рабочіе механическаго цеха обступили г. Евглевскаго и объявили ему, что они не согласны работать до 7 часовъ.

Такимъ образомъ, попытка заводоуправленія удлиннить рабочій день осталась только на бумагѣ, причемъ горный начальникъ на обращеніе къ нему рабочихъ заявилъ, что въ данномъ случаѣ вышла ошибка и что они не хотѣли удлиннить рабочій день. Тѣмъ не менѣе время обѣда осталось согласно новому росписанію, т. е. съ 11 до 12½ часовъ дня. Но этому новому росписанію не суждено было долго существовать. Вскорѣ послѣ окончанія страды въ концѣ августа или началѣ сентября рабочіе заявили заводской администраціи, что для нихъ удобнѣе, если обѣдъ будетъ начинаться съ 12 часовъ, какъ прежде. Администрація должна была согласиться и правило было отмѣнено.

Но вмѣсто «новаго росписанія» въ томъ-же мѣсяцѣ на сцену выступилъ другой новый вопросъ: заводоуправленіе объявило, чтобы рабочіе получали разсчетныя книжки съ платой по 10 коп. за штуку. Нужно замѣтить, что до сентября прошлаго года, хотя разсчетныя книжки и имѣлись у рабочихъ, но далеко не у всѣхъ, а главнымъ образомъ только у членовъ горнозаводскаго товарищества и въ цѣляхъ спеціально этого товарищества. Книжки эти выдавались правленіемъ товарищества по 7 коп. за штуку.

Условія найма, напечатанныя въ старыхъ книжкахъ и новыхъ, довольно сильно разнились между собою. Эта разница между условіями и притомъ не въ пользу новыхъ книжекъ заставила рабочихъ разобраться. И вотъ, на сентябрскомъ же общемъ собраніи членовъ горнозаводскаго товарищества былъ поднятъ вопросъ о новыхъ разсчетныхъ книжкахъ. Особенное недовольство рабочихъ было вызвано тѣмъ, что имъ даже не предложили обсудить условія найма и, не спрашивая ихъ согласія, прямо принуждаютъ ихъ принимать новыя книжки. Рабочіе указывали, что въ новыхъ разсчетныхъ книжкахъ пропущенъ пунктъ о томъ, что неявившійся пользуется всѣми правами, предоставленными по положенію 8-го марта 1861 г., и что всѣ недоразумѣнія и жалобы, какъ наемщиковъ, такъ и заводоуправленія, разбираются совѣтомъ товарищества, «приказомъ» (По закону, приказъ этотъ состоитъ изъ предсѣдателя, назначаемаго заводомъ, и 4 членовъ, избираемыхъ членами горнозаводскаго товарищества на 3 года).

---

[1]) №№ 42 и 43.

По пункту объ артельной отвѣтственности за продажу казеннаго имущества изъ цеховъ или кладовыхъ рабочіе высказались, что они отвѣчать за это не могутъ, такъ какъ кражи могутъ быть совершены мастерами или надзирателями, на что были уже примѣры.

Рабочіе заявили далѣе, что быть «дневальнымъ» по цеху, или дежурнымъ по заводу, или поднимать и опускать запоры у плотины при разныхъ случаяхъ, и все это дѣлать даромъ, какъ требуется новыми разсчетными книжками, они не имѣютъ никакой возможности, такъ какъ заработковъ имъ и теперь не хватаетъ; кромѣ этого, рабочіе желали внести въ книжки правило, что если рабочій не пожелаетъ вновь заключить условіе съ заводомъ, или если не будетъ работы, то чтобы онъ не могъ лишиться взносовъ, сдѣланныхъ въ кассу товарищества. Указано было еще и на то, что на заводѣ не существуетъ никакихъ цеховыхъ правилъ, и просили, чтобы эти правила и коренныя условія были вывѣшены въ каждомъ цехѣ на видныхъ мѣстахъ. Въ виду всего вышеуказаннаго, рабочіе порѣшили новыхъ книжекъ въ ихъ настоящемъ видѣ не брать, а для выработки условій избрать депутатовъ, которымъ и поручить составить, совмѣстно съ представителями отъ заводоуправленія, проектъ новыхъ условій и представить его на общее собраніе членовъ горнозаводскаго товарищества.

Послѣ этого предсѣдатель собранія г. Гертумъ прочелъ только что составленныя заводской администраціей новыя цеховыя правила, на которыя со стороны рабочихъ были сдѣланы возраженія въ томъ смыслѣ, что если заводъ требуетъ аккуратности отъ рабочихъ, то и сама заводская администрація должна относиться аккуратнѣе. А на слова предсѣдателя «нельзя же, ребята, совсѣмъ безъ правилъ, какъ сейчасъ, а какія-нибудь правила все-таки должны быть, даже за границей въ Германіи, Франціи, Англіи и Америкѣ, вездѣ на заводахъ порядокъ», рабочіе отвѣтили: «вотъ вы и сдѣлайте такъ, какъ за границей и въ Америкѣ, тамъ вѣдь и работаютъ то по 8 часовъ, да все-таки зарабатываютъ больше нашего».

На этомъ собраніе и было закрыто.

Были избраны депутаты отъ всѣхъ цеховъ; они собирались и обсуждали условія; заводомъ былъ также представленъ проектъ другихъ уже условій. Въ числѣ другихъ пунктовъ этого послѣдняго проекта былъ слѣдующій: «въ случаѣ командировокъ куда-либо, рабочему выдается кормовыхъ по 15 коп. въ день и плата на проѣздъ по желѣзной дорогѣ въ 4 классѣ.»

— Это, значитъ, съ быками вмѣстѣ, хорошо, нечего сказать,—говорили рабочіе и предложили этотъ пунктъ замѣнить такимъ: въ случаѣ командировокъ, рабочій получаетъ двойную поденщину и плату на проѣздъ въ 3 классѣ.

Затѣмъ рабочіе просили показать имъ коренныя условія.

Нашли только проектъ ихъ, составленный болѣе 30 лѣтъ тому на-

задъ, и, какъ оказывается, эти коренныя условія должны были, по возможности, свести къ нулю всѣ права, предоставленныя рабочимъ положеніемъ 8 марта 1861 г.

Все шло своимъ порядкомъ, чинно, тихо: условія обсуждали и депутаты и заводоуправленіе, но, вѣроятно, послѣднему надоѣло тянуть канитель и оно рѣшило дѣйствовать наступательно и энергично. И вотъ, въ первыхъ числахъ октября по заводу объявлено было, что выдача жалованья рабочимъ за сентябрь будетъ производиться не иначе, какъ по новымъ разсчетнымъ книжкамъ. Получаются списки на полученіе жалованья; рабочіе подходятъ и просятъ о выдачѣ, имъ отвѣчаютъ: «несите по 10 коп. и берите новыя разсчетныя книжки, а потомъ получите жалованье». Рабочіе заявляютъ, что они книжекъ не возьмутъ и что объ этомъ заводоуправленіе прекрасно знаетъ. Нѣкоторые изъ цеховыхъ надзирателей доносятъ рапортами управителю завода объ отказѣ рабочихъ брать книжки, управитель на тѣхъ же рапортахъ накладываетъ слѣдующую знаменитую резолюцію: «дѣло рабочихъ не разсуждать, а исполнять то, что велитъ начальство». Однако это ни къ чему не привело и рабочіе книжекъ все-таки не взяли.

Какой-то мудрецъ и практикъ придумалъ было выдать книжки сначала малолѣтнимъ, въ надеждѣ, что за ними, дескать, возьмутъ и взрослые. Но и это не помогло. Даже разсыльные при конторѣ и прислуга въ домахъ управителя и начальника,—и та отказалась отъ книжекъ.

Одинъ изъ сторожей, взявшій книжку, послѣ прочтенія условій найма, пришелъ къ надзирателю и отдалъ ее обратно.

Наступаетъ 14-е октября,—говоритъ корреспондентъ.—Жалованье все еще не выдаютъ. Среди рабочихъ распространяется все большее и большее недовольство. Десятка два депутатовъ рѣшаются послать телеграмму слѣдующаго содержанія: «Петербургъ. Срочная. Его высокопревосходительству г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Ваше высокопревосходительство! Помощникъ начальника г. Евглевскій задерживаетъ наше жалованье за сентябрь, вынуждая насъ взять новыя разсчетныя книжки, условія найма въ которыхъ не согласны съ прежними и нарушаютъ наши права, предоставленныя намъ положеніемъ 8-го марта 1861 года. Всѣ рабочіе Златоустовскаго завода крайне недовольны такимъ насиліемъ, почему покорнѣйше просимъ васъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ намъ жалованья по прежнему, а для разбора дѣла командировать кого-либо».

Слѣдуютъ подписи депутатовъ.

Проходятъ сутки, отвѣта нѣтъ. Даютъ свистокъ въ 12 часовъ на обѣдъ. Всѣ рабочіе, человѣкъ до 1,000, идутъ къ заводской конторѣ на площадь и вызываютъ управителя Ботышева и помощника горнаго начальника Евглевскаго, заявляя, что они пришли за жалованьемъ. Ботышевъ и Евглевскій отвѣчаютъ: «возьмите книжки и получите жалованье».

Рабочіе снова заявляютъ, что книжекъ не возьмутъ.

Тогда Ботышеву и Евглевскому пришло почему-то въ голову крикнуть рабочимъ: «вы воры».

Брань и крики продолжались нѣсколько времени.

Ботышевъ, замѣтивъ одного изъ кричавшихъ, спрашиваетъ: «ты чей?»

— Романовъ,—отвѣчаетъ ему рабочій.

— Всѣ Романовы,—раздается громкій возгласъ тысячной толпы.

Наконецъ, послѣ часа пререканій и брани, Евглевскій говоритъ: «Ну, хорошо, мы вычеркнемъ тѣ параграфы, которые вамъ не нравятся».

Ему отвѣчаютъ: «давайте сначала жалованье, а о книжкахъ было постановлено на собраніи».

Наконецъ, около двухъ часовъ дня, пріѣзжаетъ жандармскій офицеръ. Былъ слухъ,—говоритъ корреспондентъ,—что Евглевскій обращался къ воинскому начальнику и просилъ у него солдатъ на помощь, но тотъ благоразумно отказалъ. По пріѣздѣ жандармскаго офицера, выходитъ изъ конторы Евглевскій и объявляетъ: «Ну, братцы, можете успокоиться: жалованье вамъ будутъ выдавать сегодня-же попрежнему». Рабочіе тотчасъ-же разошлись по работамъ.

Въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Златоустъ чиновникъ особыхъ порученій г. Коноваловъ для разбора дѣла. Сначала были вызваны лица, подписавшія телеграмму министру, а затѣмъ были собраны всѣ цеховые депутаты, около 60 человѣкъ, которые и представили свои требованія. Г. Коноваловъ объявилъ рабочимъ, что книжки должны дѣйствительно заготовляться насчетъ завода, а не насчетъ приказа, какъ было сдѣлано теперь, но выдаваться рабочимъ безплатно, что вычитать за кражу, какъ сказано въ новыхъ книжкахъ, незаконно, и что, вообще, тамъ, гдѣ есть какое нибудь преступленіе, дѣло нужно вести судомъ; что старыя книжки, дѣйствительно, лучше, чѣмъ новыя. Въ заключеніе г. Коноваловъ выразилъ сожалѣніе обо всемъ случившемся и совѣтовалъ въ слѣдующій разъ обращаться по инстанціямъ, а не прямо къ министру. «А то, говоритъ, бывшій главный начальникъ уральскихъ горныхъ заводовъ И. П. Ивановъ служилъ 50 лѣтъ и вдругъ получаетъ отъ министра запросъ вслѣдствіе вашей телеграммы: «что у васъ тутъ дѣлается»— и не знаетъ, что отвѣтить. Все заявленное мнѣ я долженъ буду доставить г. министру».

Послѣ этого наступило затишье. Прошли ноябрь, декабрь 1896 г. и январь 1897 г. 8-го февраля было назначено общее собраніе членовъ горнозаводскаго товарищества. На собраніе явилось болѣе 1,000 человѣкъ членовъ, пришли также горный начальникъ Писаревъ, его помощникъ Россинскій, управитель Евглевскій и нѣсколько человѣкъ горныхъ инженеровъ.

Собраніе заранѣе обѣщало быть бурнымъ, такъ-какъ помощникъ горнаго начальника, назначенный съ января 1897 г. предсѣдателемъ прав-

ленія товарищества, позволялъ себѣ неоднократно рѣзкое обращеніе съ рабочими и старался дѣйствовать въ дѣлахъ приказа единолично, безъ участія въ дѣлахъ правленія остальныхъ выборныхъ членовъ. Одинъ случай былъ таковъ: рабочими было заявлено письменно нѣсколько вопросовъ, которые они просили передать для обсужденія на общее собраніе, но предсѣдатель г. Россинскій ихъ вычеркнулъ. Другой случай: при удержаніи изъ заработка рабочихъ денегъ на уплату взятой изъ кассы товарищества ссуды, въ случаѣ уважительныхъ причинъ, по усмотрѣнію правленія, разрѣшалось удерживать и менѣе положеннаго ежемѣсячнаго удержанія. Такъ было и теперь. Рабочіе нѣкоторыхъ цеховъ заявили, чтобы у нихъ вычитали за ссуду меньше, въ виду малыхъ заработковъ. Предсѣдатель своею единоличною властью, безъ согласія другихъ членовъ правленія, рѣшилъ, что вычеты должны производиться полностью. Рабочіе обратились съ жалобой къ горному начальнику, и хотя просьба ихъ была уважена, но недовольство противъ предсѣдателя правленія, конечно, осталось.

Собранію предложено выслушать отчетъ за прошлый 1896 годъ. Но члены товарищества заявили, что, прежде чѣмъ выслушивать отчетъ, они просятъ записать тѣ вопросы, которые нужно обсудить на собраніи и которые были вычеркнуты предсѣдателемъ. Горный начальникъ Писаревъ читаетъ статью закона, которая гласитъ, что «никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона...»

— Вотъ, вотъ и хорошо, мы объ этомъ и хлопочемъ,—раздаются голоса изъ среды собравшихся.—Вы говорите, что заблаговременно нужно заявлять вопросы для собранія, мы такъ и сдѣлали, заявили письменно, но предсѣдатель вычеркнулъ, поэтому мы и просимъ теперь ихъ записать.

Горный начальникъ отвѣчаетъ: «Да не могу-же я, ребята, поставить эти вопросы,—это незаконно. Вы уже заявляли Коновалову объ этомъ, теперь нужно ждать, что будетъ».

Тогда со стороны членовъ раздается: «заявлено г. Коновалову было только депутатами, а, можетъ быть, все собраніе пожелаетъ еще что измѣнить или добавить, а если вы, г. предсѣдатель, эти вопросы не запишете, то мы не будемъ и обсуждать отчета».

Кто-то еще изъ членовъ высказался, что «незаконно отказывать обществу, если вопросы касаются его нуждъ».

— Кто это сказалъ?!—раздраженно спрашиваетъ г. Писаревъ.—Иди-ка сюда. Запишите его. Я потомъ съ тобой поговорю.

На эти слова предсѣдателя собранія раздались дружные возгласы: «всѣ сказали, всѣхъ записывайте и со всѣми говорите».

Предсѣдатель, видимо, не ожидавшій такого дружнаго отпора на свои грозные окрики и возгласы, поспѣшно заявляетъ: «я вѣдь это такъ, ребята, неловко-же со всѣми говорить. Ну, ужъ если хотите, такъ мы запишемъ ваши вопросы».

И вопросы были записаны.

Послѣ этого раздаются жалобы на г. Россинскаго,—что онъ совсѣмъ недавно изъ Кусинскаго завода, не знаетъ здѣшнихъ порядковъ, возбуждаетъ общество; высказывается, что «здѣсь народъ не кусинскій и такъ обращаться съ собой не позволитъ». Словомъ, по адресу Россинскаго высказано было не мало горькаго и, въ концѣ-концовъ, рабочіе прямо потребовали, чтобы его убрали изъ предсѣдателей. Вслѣдъ за этимъ было приступлено къ обсужденію годового отчета. Самыя бурныя и продолжительныя пренія вызвали слѣдующія двѣ статьи расхода: 1) расходъ около 300 руб. для завода на отпечатаніе разсчетныхъ книжетъ, тѣхъ самыхъ книжекъ, которыя не приняты были рабочими, и 2) расходъ около 1,120 руб. на содержаніе членовъ товарищества. Относительно перваго расхода спрашиваютъ правленіе, на какомъ основаніи произведенъ этотъ расходъ; имѣло-ли право правленіе расходовать на это общественныя деньги безъ согласія общаго собранія? Правленіе ссылается на предписаніе горнаго начальника и говоритъ, что оно, съ своей стороны, разъ обращалось къ горному начальнику еще до напечатанія книжекъ и указывало, что печатать книжки для завода не лежитъ на обязанности правленія, но горный начальникъ категорически потребовалъ, чтобы правленіе книжки отпечатало. Тогда спрашиваютъ горнаго начальника, на какомъ основаніи сдѣлано такое распоряженіе и, какъ оказалось, распоряженіе подписано не самимъ горнымъ начальникомъ, а замѣнявшимъ его въ то время управителемъ Евглевскимъ.

Послѣдній встаетъ и простодушно заявляетъ, что «онъ не зналъ, что такъ дѣлать нельзя»...

Переходятъ къ обсужденію второй статьи расхода въ 1.120 руб., причемъ справляются о расходѣ на этотъ предметъ за прошлые годы. Оказывается, что въ 1890 г. расхода не было совсѣмъ, въ 1891 г. тоже, въ 1892 г. израсходовано 3 руб., въ 1893 г.—130 руб., въ 1894 г.—420 руб., въ 1895 г.—620 руб., въ 1896 г.—1.120 руб.

Члены спрашиваютъ, почему такая разница въ расходахъ, и просятъ прочесть списокъ лицъ, которымъ было выдано на содержаніе. Находится нѣсколько человѣкъ, которые получили или болѣзнь, или увѣчье на заводѣ и по прошествіи 2-хъ мѣсяцевъ жалованье имъ выдавалось насчетъ кассы товарищества. Члены просятъ прочесть ст. 65 полож. 8 марта 1861 г.

Читаютъ: «Въ устраиваемыхъ на счетъ заводовъ больницахъ, работающіе при заводѣ или рудникѣ члены товарищества получаютъ пособія на слѣдующемъ основаніи: заболѣвшій содержится въ больницѣ на счетъ завода первые два мѣсяца, и въ это время холостымъ безсемейнымъ прекращается денежное содержаніе; но холостымъ, имѣющимъ на своемъ попеченіи родителей или ближайшихъ родственниковъ, выдается треть жалованья или задѣльной платы; женатымъ бездѣтнымъ — половина, а женатымъ съ дѣтьми—двѣ трети оклада. Пользованіе въ больницѣ долѣе

2-хъ мѣсяцевъ производится на счетъ завода лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ; *но если болѣзнь была послѣдствіемъ заводскихъ занятій, то заболѣвшій содержится въ больницѣ на счетъ завода до совершеннаго выздоровленія»*.

Примѣчаніе. Рабочіе при заводѣ или рудникѣ, не принадлежащіе къ мѣстному горнозаводскому товариществу, въ случаѣ болѣзни, содержатся въ больницѣ на счетъ завода въ теченіе 1 мѣс. Пользованіе въ больницѣ долѣе 1 мѣс. производится на счетъ завода лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ, но если болѣзнь была послѣдствіемъ заводскихъ занятій, то болѣвшій содержится въ больницѣ на счетъ завода до совершеннаго выздоровленія.

Руководясь этой статьей, собраніе настаиваетъ, что разъ ст. 65 не отмѣнена, то оно не можетъ принять всѣ расходы въ 1.120 руб. на счетъ кассы товарищества и постановляетъ: «отчетъ кассы за прошлый годъ не утверждаемъ до тѣхъ поръ, пока заводоуправленіемъ не будутъ внесены деньги, потраченныя на заготовленіе разсчетныхъ книжекъ рабочимъ и деньги, пошедшія на жалованіе членамъ товарищества, получившимъ болѣзнь или увѣчье на заводскихъ работахъ».

Слѣдующее собраніе было 10 февраля. Утромъ въ этотъ день въ точильномъ цехѣ произошелъ слѣдующій случай: одному изъ рабочихъ, сказавшему на собраніи про своего мастера, что онъ потакаетъ своимъ родственникамъ въ воровствѣ, было отказано этимъ мастеромъ отъ работы. Рабочіе тотчасъ-же собрались и потребовали у мастера объясненія, за что онъ уволилъ одного: «если увольнять, такъ всѣхъ увольняй!» Мастеръ далъ знать полиціи. Явился исправникъ, полицейскій надзиратель съ десяткомъ городовыхъ; попросили управителя завода. Разобравши, въ чемъ дѣло, управитель уволилъ мастера, а рабочимъ предложилъ выбрать изъ своей среды новаго.

На собраніе явилось еще болѣе народа, много уже не членовъ товарищества. Предсѣдателемъ правленія, вмѣсто Россинскаго, былъ уже горный инженеръ Авраменко; предсѣдателемъ собранія вмѣсто вдругъ заболѣвшаго Писарева былъ Евглевскій.

Собраніе посвящено обсужденію вопросовъ, заявленныхъ Коновалову. Почти на всѣ вопросы, предлагаемые членами, Евглевскій отвѣчалъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать. Тогда ему говорятъ, что вѣдь это есть-же въ положеніи 8 марта 1861 г., и задаютъ вопросы, могутъ-ли они пользоваться всѣми правами, предоставленными этимъ положеніемъ, а если не могутъ, то почему?—предсѣдатель снова отвѣчаетъ, что онъ ничего не знаетъ.

— Кто-же знаетъ?—спрашиваютъ его.

И снова тотъ-же отвѣтъ о незнаніи.

Наконецъ, собраніе, ничего не добившись отъ своего предсѣдателя, рѣшаетъ спросить телеграммой главнаго начальника Уральскихъ горныхъ заводовъ и посылаетъ приведенную въ началѣ письма телеграмму.

Послѣ этого нѣсколько человѣкъ заявляютъ претензіи на доктора въ заводскомъ госпиталѣ. Докторъ этотъ, г. Назаровъ, оказывается, зять горнаго начальника Писарева. Рабочіе заявляютъ, что онъ мало бываетъ въ госпиталѣ, что онъ небрежно относится къ больнымъ, указываютъ нѣсколько примѣровъ, и въ заключеніе просятъ перемѣнить его.

Председатель заявляетъ, что сдѣлать этого никоимъ образомъ нельзя, такъ какъ онъ занимаетъ мѣсто по Высочайшему утвержденію. Пораженные столь страннымъ, чтобы не сказать болѣе, мотивомъ, рабочіе просятъ прочесть ст. 125 горнаго устава.

Читаютъ: «Медицинскіе чины состоятъ въ вѣдѣніи горнаго начальника на томъ-же основаніи, какъ и прочіе, и горный начальникъ имѣетъ за ними смотрѣніе, чтобы они должность свою рачительно исполняли. Вообще-же по заводамъ отдаленнымъ отъ главнаго завода они зависятъ отъ управителей заводскихъ. Горный начальникъ обязанъ, въ случаѣ недостатка медицинскихъ чиновниковъ, представлять объ истребованіи ихъ по начальству. Впрочемъ, если онъ найдетъ медицинскаго чиновника вольнаго, то, съ разрѣшенія начальства, можно принять и помѣстить его на штатное мѣсто.

«Если случится надобность перевести одного медицинскаго чиновника въ другое мѣсто, то горному начальнику предоставляется и сіе право».

Тогда председатель встаетъ и говоритъ: «виноватъ, господа, я ошибся. Я поговорю объ этомъ съ горнымъ начальникомъ».

Съ собранія всѣ разошлись въ ожиданіи отвѣта отъ главнаго начальника уральскихъ заводовъ.

Проходитъ день, ничего не слышно. Наконецъ, 12 числа вызываютъ человѣкъ 50 депутатовъ въ контору для объявленія отвѣта главнаго начальника (на имя горнаго начальника).

Отвѣтъ заключается въ слѣдующемъ: «Получена депеша выборныхъ горнозаводскаго товарищества. Поручаю вамъ объявить имъ: такіе вопросы неумѣстны, противозаконны; если выходки продолжатся, закрою товарищество. Скажите имъ, что самъ пріѣду въ концѣ поста, тогда разберу ихъ ходатайства; заслуживающія уваженія удовлетворю». Подлинную подписалъ Боклевскій. Въ конторѣ при этомъ присутствовали, кромѣ заводской администраціи, жандармскій офицеръ и уѣздный исправникъ. Телеграмму прочли, а послѣ обѣда было роздано по заводу нѣсколько копій съ нея, подписанныхъ исправникомъ.

Рабочіе читаютъ и... удивляются, что имъ отвѣчаютъ совсѣмъ не на то, о чемъ они спрашивали. Но все же рѣшаютъ подождать.

Наконецъ, въ концѣ марта пріѣхалъ главный начальникъ. Были вызваны депутаты отъ цеховъ въ числѣ 60 человѣкъ. При открытіи засѣданія главный начальникъ заявилъ, что депутатовъ онъ вызвалъ только потому, что не можетъ вести разговоровъ съ толпой въ 1,600 человѣкъ, а между тѣмъ онъ долженъ передать членамъ товарищества свои рѣшенія по ихъ ходатайствамъ, представленнымъ черезъ командированнаго

на заводъ чиновника особыхъ порученій, горнаго инженера Коновалова. Затѣмъ главный начальникъ спросилъ депутатовъ, не желаютъ-ли они еще что-нибудь заявить, кромѣ того, что уже было заявлено Коновалову. Депутаты просятъ ограничиться разсмотрѣніемъ тѣхъ ихъ заявленій, которыя ими сдѣланы черезъ Коновалова, и лишь добавили, что члены товарищества просятъ о назначеніи общаго собранія. На это главный начальникъ заявилъ, что на собраніе онъ не пойдетъ и что сюда онъ пріѣхалъ не торговаться, а лишь объявить свои рѣшенія.

1) По ст. 39 полож. 8 марта «Заводоуправленіе исполняетъ за всѣхъ своихъ мастеровыхъ, на свой счетъ, натуральныя земскія повинности». Рабочіе просили примѣнять эту статью по отношенію къ земской дорожной повинности. Главный начальникъ рѣшилъ: заводъ будетъ уплачивать до 24 коп. въ годъ за каждаго рабочаго.

2) Требованіе о лѣченіи семействъ членовъ товарищества на заводскій счетъ отклонено г. Боклевскимъ, такъ какъ въ законѣ нѣтъ на это указаній, совѣтами же врача семейства членовъ могутъ пользоваться безплатно, а лѣкарства могутъ быть отпускаемы за счетъ кассы т—ва.

3) Рабочіе просили, чтобы въ случаѣ болѣзни, полученной членомъ товарищества на заводской работѣ, кромѣ безплатнаго лѣченія, ему выдавалось бы содержаніе отъ завода въ размѣрѣ указанномъ въ ст. 65 положенія 8 марта 1861 г. (отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ жалованья или задѣльной платы). Съ такимъ ходатайствомъ главный начальникъ согласился и обѣщалъ представить его министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

4) На основаніи статей 59 и 66 положенія, члены т—ва просятъ открыть на счетъ завода школы для безплатнаго обученія дѣтей.

По этому вопросу главный начальникъ выразилъ свое сочувствіе, но разъяснилъ, что заводоуправленіе не можетъ удовлетворить эту просьбу, такъ какъ по Высочайшему повелѣнію 22 мая 1879 г. всѣ горнозаводскія школы съ ихъ капиталами переданы въ министерство народнаго просвѣщенія. Затѣмъ, златоустовскій заводъ платитъ около 14 тысячъ рублей налоговъ въ мѣстное земство, которое и должно содержать безплатныя народныя школы; а потому горнозаводскій приказъ долженъ передъ началомъ каждаго учебнаго года обращаться къ училищному начальству съ ходатайствомъ о предоставленіи преимуществъ въ пріемѣ въ школы дѣтямъ горнозаводскихъ рабочихъ.

5) За неимѣніемъ у завода земель, главный начальникъ отклонилъ просьбу рабочихъ объ отводѣ имъ покоевъ; о поземельномъ же устройствѣ мастеровыхъ сказалъ, что вопросомъ этимъ озабочено и министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

6) Отклонена также просьба рабочихъ о повышеніи заработной платы.

7) Рабочіе просили, чтобы въ случаѣ уменьшенія платы заводоуправленіе предупреждало объ этомъ за три мѣсяца, ссылаясь на ст. 41 положенія.

Главный начальникъ съ этимъ согласился.

8) Рабочіе просили, чтобы въ случаѣ остановки работъ за мелководьемъ, неимѣніемъ нарядовъ и т. д. ихъ предупреждали также за 3 мѣсяца.

Главный начальникъ нашелъ, что въ такихъ случаяхъ дать предупрежденіе невозможно.

9) Рабочіе просили, чтобы плата поденная и задѣльная въ праздничные дни увеличивались въ $1^1/_2$ раза.

Главный начальникъ рѣшилъ: если работа требуется заводоуправленіемъ, то плата должна быть въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ будни, если же работы производятся по желанію рабочихъ, то плата обыкновенная.

10) Время увольненія на страду и продолжительность ея рѣшено, согласно просьбѣ рабочихъ, опредѣлять по обоюдному соглашенію заводоуправленія съ рабочими.

11) По ст. 61 полож. 8 марта 1861 г. на обязанности горнозаводскаго попечительнаго приказа (правленія товарищества) лежитъ: «разсмотрѣніе и обсужденіе недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть между заводоуправленіемъ и работающими въономъ людьми относительно исполненія работъ, удовлетворенія за оныя жалованіемъ или задѣльною платою, слѣдующихъ на основаніи договора вычетовъ и штрафовъ и соблюденія общеустановленнаго по закону порядка».

Тотъ же приказъ постановляетъ приговоры о вычетахъ и штрафахъ съ рабочихъ.

Рабочіе просили, чтобы и на златоустовскомъ заводѣ примѣнялся этотъ порядокъ, указанный закономъ.

Главный начальникъ со всѣмъ этимъ не пожелалъ согласиться, замѣтивъ, что хотя въ положеніи и сказано, что недоразумѣнія между заводоуправленіемъ и рабочими разбираются въ горнозаводскомъ приказѣ, но что это слѣдуетъ примѣнять *лишь тогда, когда заводоуправленіе, по какимъ-либо соображеніямъ, предложитъ приказу разсмотрѣть какой-нибудь отдѣльный частный случай.*

Подобное толкованіе закона, конечно, совершенно произвольное и совершенно неправильное, такъ какъ въ законѣ нигдѣ не говорится, что приказъ начинаетъ свои дѣйствія лишь по предложенію заводоуправленія. Въ тѣхъ же разсчетныхъ книжкахъ рабочихъ стараго образца сказано: «*Всѣ* недоразумѣнія и жалобы, какъ наемщика, такъ и заводоуправленія, разбираются *исключительно* горнозаводскимъ приказомъ».

Если бы на разсмотрѣніе приказа поступали лишь тѣ вопросы, которые найдетъ нужнымъ передать заводское начальство, то вся дѣятельность приказа въ этомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, свелась бы къ нулю, потому что въ каждомъ почти вопросѣ, подлежащемъ вѣдѣнію приказа, заводоуправленіе является заинтересованною стороною. Законъ и безъ того даетъ заводскому начальству очень большое преимущество: «недовольный постановленіемъ приказа имѣетъ право приносить о семъ жалобу, въ теченіе мѣсяца, горному начальнику, который окончательно ее

разрѣшаетъ». Этого одного пункта, казалось бы, болѣе чѣмъ достаточно для огражденія интересовъ завода, такъ какъ рѣшеніе споровъ и недоразумѣній этимъ, въ концѣ концовъ, все же вполнѣ отдается въ руки горнаго начальства.

Но что всего удивительнѣе—такъ это то, что со времени изданія закона прошло болѣе 36 лѣтъ, а законъ этотъ, очевидно, только еще начинаетъ примѣняться, только теперь еще начинаютъ его «толковать». Впрочемъ, на Уралѣ совершаются еще и не такія событія.

12) Рабочіе просили назначить плату за дежурство по заводу или цеху.

Рѣшено: если дежурные или дневальные необходимы, имъ назначается плата, какъ чернорабочимъ, а гдѣ не нужны, тамъ дежурство отмѣнить.

13) На ходатайство рабочихъ выдавать плату за помощь при несчастныхъ случаяхъ: пожарахъ, наводненіяхъ и т. п., главный начальникъ отвѣтилъ, что плата будетъ выдаваться лишь тогда, когда помощь потребуется *при послѣдствіяхъ* пожара и наводненія, когда бѣдствіе уже миновало.

14) Плату за командировки рабочимъ рѣшено опредѣлять каждый разъ по обоюдному соглашенію. Рабочіе, какъ уже было сказано, просили выдавать за командировку двойную поденную плату и на проѣздъ въ 3 классѣ.

15) Если заводоуправленіе не пожелаетъ съ нанявшимся возобновить условіе, то рабочіе просили въ такихъ случаяхъ: во-первыхъ, соблюдать ст. 41 полож. 8 марта 1861 г. (предупреждать за 3 мѣсяца до окончанія условія) и, во 2-хъ, возвращать такому лицу его 2% взносы въ кассу товарищества съ процентами.

Главный начальникъ заявилъ, что порядокъ увольненія рабочихъ предусмотрѣнъ закономъ и что вычеты, сдѣланные въ кассу товарищества, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются, и потому самое ходатайство объ этомъ не подлежитъ даже обсужденію.

16) Условія о наймѣ постановлено заключать съ 1 января, какъ начала операціоннаго года, а не съ 1 мая, какъ просили рабочіе.

17) Рабочіе просили, чтобы были выработаны, съ обоюднаго согласія, коренныя условія найма и цеховыя правила, которыя и должны быть вывѣшены на видныхъ мѣстахъ въ заводѣ. (По закону, предварительныя условія и коренныя правила, опредѣляющія обязанности горнозаводскихъ рабочихъ, должны быть составлены и утверждены не позже года со дня обнародованія полож. 8 марта 1861 г., но прошло 35 лѣтъ, а правилъ и коренныхъ условій на Златоустовскомъ заводѣ все-таки не было составлено).

Главный начальникъ рѣшилъ, что по ст. 43 положенія (которая, какъ сказано, не исполнялась 35 лѣтъ) *коренныя условія вырабатываетъ заводоуправленіе, а потому никакого «обоюднаго соглашенія» здѣсь быть*

не должно, и всякій рабочій обязанъ подчиняться этимъ правиламъ Заводоуправленію поручено безотлагательно выработать коренныя условія и по утвержденіи вывѣсить ихъ съ установленными при работахъ платами на видныхъ мѣстахъ въ цехахъ.

18) Удовлетворено требованіе рабочихъ, чтобы разсчетныя книжки заготовлялись на счетъ завода и выдавались безплатно рабочимъ заводомъ, а не приказомъ, какъ было до сихъ поръ. Въ случаѣ потери книжки рабочій уплачиваетъ въ видѣ штрафа 15 коп. въ пользу кассы товарищества.

19) Рабочіе просили вычеркнуть изъ рабочихъ книжекъ статью объ артельной отвѣтственности за продажу казеннаго имущества «въ помѣщеніи цеха и кладовыхъ онаго».

Главный начальникъ приказалъ вычеркнуть слова «въ кладовыхъ онаго», а остальное оставить, несмотря на заявленіе рабочихъ, что они не могутъ отвѣчать за кражи и потери, если само заводоуправленіе принимаетъ въ заводъ и держитъ такихъ лицъ, которыя были замѣчены въ большихъ продѣлкахъ и были наказаны судомъ.

По рѣшеніи этихъ вопросовъ главный начальникъ запретилъ рабочимъ обращаться со своими жалобами скопомъ или толпой, и указалъ, что нужно сначала жаловаться своему ближайшему начальству, а потомъ уже къ нему, какъ главному начальнику; «если-же, прибавилъ онъ, недовольны моимъ рѣшеніемъ, то можете жаловаться министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а на министра можно жаловаться въ сенатъ». На этомъ и закончилось засѣданіе. Депутаты разошлись и объявили рѣшеніе начальника по своимъ цехамъ.

Какъ видно изъ подробнаго перечня рѣшеній главнаго начальника, всѣ наиболѣе существенныя и самыя главныя требованія рабочихъ (о повышеніи заработной платы, о разборѣ споровъ и недоразумѣній между заводомъ и рабочими въ приказѣ, о выработкѣ коренныхъ условій, объ отвѣтственности за пропажу вещей и друг.) не удовлетворены и, можно ожидать, какъ говорятъ, что рабочіе не удовлетворятся рѣшеніями главнаго начальника и обратятся къ министру. Роль главнаго начальника въ этой исторіи заключалась лишь въ возстановленіи порядка и устраненіи тѣхъ нарушеній закона, которыя практиковались много лѣтъ. Мы не будемъ комментировать приведенныхъ выше фактовъ изъ «исторіи», разыгравшейся въ Златоустовскомъ заводѣ, остановились-же мы такъ долго и такъ подробно на ней потому, что «исторія» эта представляетъ все-же не очень ужъ обычное явленіедля Урала, для того Урала, гдѣ «рабочіе слоняются, какъ тѣни, не зная куда имъ дѣваться», гдѣ нынѣшніе рабочіе, въ отличіе отъ прежнихъ, только вздыхаютъ «хлипко», какъ говоритъ Вас-Немировичъ-Данченко, да работаютъ, не разгибая спины.

В. Весповскій.

Страничка изъ земской жизни.

(Письмо изъ Торжка, Тверской губ.).

Всякій, кто когда-нибудь заглядывалъ въ земское положеніе, знаетъ, что губернаторамъ предоставлены по отношенію къ дѣятельности земствъ весьма обширныя полномочія, дающія имъ возможность опротестовать всякое мѣропріятіе земства, которое губернаторъ считаетъ по той или другой причинѣ противозаконнымъ или несогласнымъ съ общенародными интересами. Казалось-бы, что именно обширность губернаторскихъ полномочій должна была устранить всякій поводъ форсировать законъ и выходить изъ его рамокъ. Законъ даетъ губернатору такъ много средствъ для контроля земской дѣятельности, что у него, повидимому, нѣтъ надобности стремиться къ усиленію предоставленнаго ему закономъ вліянія и пользоваться этимъ вліяніемъ для непосредственной репрессіи. Едва-ли нужно доказывать, что такое вмѣшательство извнѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ благотворно отразиться на земской дѣятельности. Очевидно, что дѣятельность эта можетъ идти сколько-нибудь нормальнымъ порядкомъ лишь при томъ условіи, если наблюдательная власть будетъ смотрѣть на земство не какъ на подлежащее искорененію зло, а какъ на необходимое звено государственнаго механизма.

Но не то мы видимъ на дѣлѣ. Нижеслѣдующіе эпизоды изъ жизни новоторжскаго земства показываютъ, какъ ненормально складываются иногда отношенія между земствомъ и губернаторской властью и какъ тяжело отражаются такія ненормальныя отношенія на ходѣ земской дѣятельности. Эпизоды эти говорятъ сами за себя. Они служили на послѣднемъ земскомъ собраніи предметомъ оживленнаго обсужденія, и въ виду высокаго общественнаго значенія ихъ мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними читателей «Сѣвернаго Вѣстника».

I.

Очередное новоторжское земское собраніе 1896 года, имѣя въ виду насколько возможно скорѣе поставить Новоторжскій уѣздъ въ условія, при которыхъ возможно было-бы ввести обученіе всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, постановило: открыть въ 1897 г. въ Новоторжскомъ уѣздѣ еще 44 школы, ассигновавъ для этого, по смѣтѣ на 1897 г. 11,900 рублей. Приэтомъ было опредѣлено, что изъ 44-хъ училищъ 19 должны быть перваго разряда, т.-е. обыкновенными нормальными народными училищами, съ трехгодичнымъ курсомъ ученія и съ учителями, обладающими образовательнымъ цензомъ, установленнымъ для народныхъ учителей; 12 школъ

второго разряда, въ которыхъ можетъ быть и двухгодичный курсъ обученія, и 13 школъ третьяго разряда, съ однолѣтнимъ курсомъ ученія. Преподавателями въ школы двухъ послѣднихъ разрядовъ земство рѣшило, въ случаѣ невозможности имѣть полноправныхъ учителей (жалованье отъ 50 до 162 рублей въ годъ), приглашать и лицъ съ меньшимъ образовательнымъ цензомъ, какъ это допускается и правилами и школьной практикой.

Копіи протоколовъ новоторжскаго земскаго собранія 1896 г., въ которыхъ находилось и постановленіе объ открытіи 44 школъ, были доставлены тверскому губернатору 2 ноября 1896 года, а 15 ноября того-же года губернаторъ предложилъ новоторжской управѣ сообщить ему нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія относительно того-же постановленія, какія свѣдѣнія управа и представила губернатору 27 ноября 1896 года. Послѣ этого, управа 5 декабря того же года получила отъ губернатора предложеніе остановиться исполненіемъ постановленія земскаго собранія о школахъ II и III разрядовъ (25 школъ) и смѣты на ихъ содержаніе до новаго по этому дѣлу его, губернатора, предложенія, такъ какъ вопросъ о правѣ земства открывать школы такого типа губернаторъ представилъ на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. А 5 февраля 1897 г. управой было получено и новое предложеніе губернатора, сообщившаго управѣ, что онъ, признавая неправильнымъ внесеніе въ смѣту кредита на школы II и III разрядовъ, предложилъ тверской губернской земской управѣ внести его замѣчаніе по этому вопросу въ предстоящее губернское земское собраніе. Считаетъ же онъ неправильнымъ внесеніе указаннаго кредита въ смѣту, вслѣдствіе признанія министромъ народнаго просвѣщенія постановленія новоторжскаго земскаго собранія о новыхъ школахъ «неправильнымъ и неподлежащимъ исполненію».

Тверское губернское земское собраніе, согласно заключенію избранной имъ коммиссіи, не согласилось съ протестомъ губернатора. Тогда губернаторъ передалъ это постановленіе губернскаго собранія на обсужденіе тверского губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, которое отмѣнило 14 марта этого года постановленіе губернскаго собранія и обязало новоторжское земство представить внесенные въ смѣту 1897 г. 4,300 рублей на 25 школъ II и III разрядовъ къ зачету по смѣтѣ 1898 года.

Новоторжская земская управа, въ докладѣ собранію, высказалась за необходимость обжалованія въ правительствующій сенатъ постановленія тверского присутствія 14 марта этого года, постановленія, нарушившаго, по мнѣнію управы, законъ и законныя права новоторжскаго земства. Свое мнѣніе управа основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Тверское губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе должно было признать постановленіе новоторжскаго земскаго собранія объ открытіи 44-хъ школъ вошедшимъ въ законную силу, какъ

своевременно не опротестованное мѣстнымъ губернаторомъ. Запросъ же губернатора отъ 15-го ноября 1896 года нельзя считать протестомъ, а статья 86-я земскаго положенія не предоставляетъ губернаторамъ права удлиннять, путемъ запросовъ, двухнедѣльный срокъ, назначенный положеніемъ для опротестованія постановленій земскихъ собраній. Что-же касается объясненія губернатора, что указанное постановленіе новоторжскаго земскаго собранія и безъ протеста не можетъ считаться вошедшимъ въ законную силу до разрѣшенія, такъ какъ по смыслу 81-й статьи земскаго положенія, учрежденія помянутыхъ школъ подлежащими органами правительственной власти, въ данномъ случаѣ мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ, съ согласія мѣстнаго предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта,—то присутствіе должно было признать такое толкованіе 81-й статьи неправильнымъ, такъ какъ въ подробномъ перечисленіи, въ 82-й и 83-й статьяхъ земскаго положенія, постановленій земскихъ собраній, подлежащихъ особому утвержденію губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ, нѣтъ постановленій объ открытіи новыхъ школъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ такого закона, который предоставлялъ бы право такого утвержденія инспекторамъ народныхъ училищъ, съ согласія мѣстныхъ предсѣдателей уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Самый фактъ ходатайства земской управы передъ инспекторомъ о разрѣшеніи открытія новыхъ школъ есть одинъ изъ актовъ исполненія *уже вошедшаго въ законную силу* постановленія мѣстнаго земскаго собранія.

2) Тверское губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе должно было признать неправильнымъ самое предложеніе губернатора отъ 3 декабря 1896 г., пріостановившее приведеніе въ исполненіе постановленія новоторжскаго земскаго собранія объ открытіи новыхъ школъ, такъ какъ этимъ предложеніемъ губернаторъ принялъ на себя разсмотрѣніе вопроса, подлежащаго компетенціи дирекціи народныхъ училищъ, и своимъ представленіемъ вопроса на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія далъ неправильное направленіе всему дѣлу объ открытіи новыхъ училищъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ.

3) То же присутствіе должно бы признать неправильной и самую передачу тверскимъ губернаторомъ указаннаго постановленія на обсужденіе тверского губернскаго земскаго собранія, такъ какъ, въ силу 90-й статьи земскаго положенія, губернскія земскія собранія уполномочены разсматривать, по существу, только тѣ постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній, которыя не соотвѣтствуютъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ и явно нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія. Что же касается постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній, исполненіе которыхъ можетъ быть остановлено губернаторомъ, какъ несогласныхъ съ закономъ или состоявшихся съ нарушеніемъ круга вѣдомства, предѣловъ власти или порядка дѣйствій земскихъ учрежденій, то такія постановленія, въ силу 88-й статьи земскаго положенія, должны быть передаваемы губернаторами на разсмотрѣніе губернскихъ по земскимъ

и городскимъ дѣламъ присутствій. Въ данномъ случаѣ губернаторъ оспариваетъ законность постановленія новоторжскаго земства объ открытіи школъ, слѣдовательно—и долженъ былъ передать это дѣло непосредственно на разсмотрѣніе тверскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, а не тверскаго губернскаго земскаго собранія, не уполномоченнаго закономъ рѣшать вопросъ о законности постановленія уѣзднаго земскаго собранія.

На основаніи всѣхъ этихъ доводовъ, новоторжская земская управа считаетъ неправильнымъ какъ принятіе присутствіемъ къ разсмотрѣнію дѣла объ открытіи въ Новоторжскомъ уѣздѣ 44-хъ новыхъ школъ, такъ и самое опредѣленіе присутствія, основанное на неправильной точкѣ зрѣнія на дѣло тверского губернатора.

Но, какъ-бы тамъ ни было, а управа, скрѣпя сердце, должна была доложить собранію, что изъ денегъ, ассигнованныхъ прошлогоднимъ собраніемъ на новыя школы, она вынуждена была, по постановленію губернскаго присутствія, 4,300 рублей представить къ зачету по смѣтѣ на 1898 годъ и, тѣмъ-же постановленіемъ, лишена была возможности исполнить во всей полнотѣ постановленіе собранія объ открытіи 44-хъ новыхъ школъ.

«Такимъ образомъ,—докладывала управа собранію,—по разъясненію г. министра народнаго просвѣщенія и вопреки мнѣнію г. попечителя петербургскаго учебнаго округа,—земству не разрѣшается открывать школъ упрощеннаго типа, а утвержденіе г. попечителя, что министерство народнаго просвѣщенія всегда заботилось и продолжаетъ заботиться о предоставленіи бѣднѣйшему населенію Имперіи возможности обученія дѣтей, оказывается неосновательнымъ, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ способовъ, которыми новоторжское земство пыталось осуществить всеобщее обученіе въ своемъ уѣздѣ. Теперь приходится изыскивать другіе пути къ удовлетворенію насущнѣйшей потребности населенія, а пути эти медленны и дороги».

Во всякомъ случаѣ, управа, что могла, то сдѣлала. Она исходатайствовала открытіе въ октябрѣ и ноябрѣ 1896 года 19-ти школъ нормальнаго типа, а въ октябрѣ этого года подготовила открытіе еще пяти такихъ-же земскихъ школъ и рѣшила выдавать, попрежнему, пособіе учителямъ грамоты, гдѣ они начали уже обученіе, чтобы не лишить 543 учащихся дѣтей возможности продолжать учиться. На это пособіе израсходовано 1,008 р. 75 к. Въ смѣту на 1898 г. управа вноситъ 1,000 руб. на пособіе школамъ грамоты, такъ какъ безъ этого пособія онѣ перестанутъ существовать, а въ будущемъ этотъ расходъ будетъ сокращаться, такъ какъ, съ ежегоднымъ увеличеніемъ сѣти нормальныхъ земскихъ школъ, потребность въ школахъ грамоты уменьшится и ихъ число будетъ постепенно сокращаться. Считая возможнымъ черезъ четыре года осуществить проектированную въ 1896-мъ году новоторжскимъ земствомъ школьную сѣть, управа находитъ желательнымъ для этого ежегодно открывать по пяти школъ нормальнаго типа, чтобы всѣ

44 проектированныя школы оказались существующими въ Новоторжскомъ уѣздѣ».

Стоимость содержанія своихъ школъ, пособій другимъ учебнымъ заведеніямъ и прочихъ расходовъ новоторжскаго земства по народному образованію составляетъ теперь, при 81-ой школѣ, сумму въ 76,500 рублей, а съ открытіемъ еще 20-ти школъ дойдетъ до 70,000 рублей. Въ виду обременительности для новоторжскаго земства такой большой ассигновки, при необходимости удовлетворенія и другихъ, хотя и менѣе важныхъ, но, все-же, весьма существенныхъ потребностей населенія,—новоторжская управа рекомендовала собранію ходатайствовать, по примѣру олонецкаго губернскаго земскаго собранія—по слухамъ, имѣющаго основаніе разсчитывать на успѣхъ своего ходатайства,—о помощи правительства въ размѣрѣ ежегодной субсидіи новоторжскому земству въ 6,600 рублей на содержаніе 22-хъ школъ, считая по 300 рублей на каждую. Земское собраніе вполнѣ присоединилось къ мнѣнію управы о неправильности дѣйствій губернатора и приняло ея предложенія.

Не посчастливилось новоторжской земской управѣ и въ исполненія постановленія прошлогодняго новоторжскаго земскаго собранія объ открытіи воскресной школы въ селѣ Пречистой-Каменкѣ на основаніяхъ, изложенныхъ въ запискѣ учителя Малыгина, т. е. чтобы преподавателями въ воскресной школѣ были учителя пречисто-каменской и сосѣднихъ школъ, всего въ количествѣ восьми лицъ. Мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ находилъ возможнымъ допустить къ преподаванію только преподавателей пречисто-каменской школы (двухъ лицъ). Но ни эти преподаватели не согласились принять на себя все преподаваніе въ воскресной школѣ, ни управа не могла открыть воскресной школы при такихъ условіяхъ и докладываетъ собранію, что «возъ и нынѣ тамъ», т. е.—что въ Пречистой-Каменкѣ и теперь нѣтъ воскресной школы.

«Старая исторія», но отъ этого не легче населенію Пречистой Каменки, нуждающемуся въ воскресной школѣ!..

II.

Не менѣе характеренъ другой случай столкновенія земства съ губернаторской властью, о которомъ была рѣчь на земскомъ собраніи. Губернаторъ, пользуясь своей цензорской властью, не разрѣшилъ къ печатанію значительной части протоколовъ предыдущаго земскаго собранія, вслѣдствіе чего управа предпочла совершенно отказаться отъ напечатанія ихъ.

Изъ доклада члена управы видно, что помимо нѣкоторыхъ рѣчей и заявленій гласныхъ, исключены изъ протоколовъ, предназначенныхъ для печати, цѣлые доклады управы и ревизіонной комиссіи, а именно: 1) докладъ ревизіонной комиссіи о двухъ постановленіяхъ губернскаго

земскаго присутствія по отзыву земства о судебной реформѣ и по вопросу о сокращеніи рабочаго дня на фабрикахъ; 2) доклады управы и комиссіи объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія; 3) докладъ комиссіи о неутвержденіи г-жи Розановой (врача) завѣдывающею народной читальней и 4) предисловіе къ докладу по медицинской части. Сверхъ того, исключены и нѣкоторыя постановленія земскаго собранія, уже вошедшія въ законную силу и подлежащія исполненію. Въ виду такого сокращенія протоколовъ для печати, управа просила губернатора разрѣшить ей напечатать хоть 34 экземпляра протоколовъ безъ пропусковъ, для раздачи новоторжскимъ гласнымъ, а въ случаѣ отказа и въ этой просьбѣ— передать дѣло на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, но въ обоихъ этихъ ходатайствахъ губернаторомъ было отказано управѣ, рѣшившей вовсе не печатать протоколовъ въ такомъ видѣ, который лишилъ-бы ихъ возможности служить гласнымъ и другимъ лицамъ для справокъ и руководства. Объ этомъ своемъ рѣшеніи управа и докладываетъ собранію.

По прочтеніи доклада, *гласный де-Роберти* (брюссельскій профессоръ) высказался въ томъ смыслѣ, что недопущеніе губернаторомъ къ печати значительной части протоколовъ прошлогодняго новоторжскаго земскаго собранія, и въ томъ числѣ даже постановленій, вошедшихъ въ законную силу, есть несомнѣнное злоупотребленіе предоставленной губернаторамъ цензорской властью по отношенію къ печатанію земскихъ матеріаловъ. Г. де-Роберти полагаетъ, что неограниченность составляетъ въ Россіи признакъ только одной власти—Верховной; всѣ же остальныя власти у насъ ограничены въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, и сообразно со здравымъ смысломъ примѣненія власти. Возьмемъ, напримѣръ, самую широкую власть, власть главнокомандующаго арміей въ военное время. Несомнѣнно, ему предоставлена власть разстрѣливать служащихъ въ командуемой имъ арміи; но, что-бы мы сказали о главнокомандующемъ, который разстрѣлялъ-бы всю свою армію? Несообразность съ обще-человѣческими здравыми понятіями и дѣйствіями такого поведенія главнокомандующаго, конечно, была-бы злоупотребленіемъ власти. Въ разбираемомъ нами отношеніи губернатора къ земскимъ протоколамъ иные размѣры злоупотребленія властью, большая количественная, такъ сказать, разница, но не качественная: сущность злоупотребленія властью несомнѣнна и здѣсь. Поэтому г. де-Роберти предложилъ собранію принести закономъ указаннымъ порядкомъ жалобу на неправильныя дѣйствія губернатора. На замѣчаніе одного изъ гласныхъ, что, не-разрѣшивъ напечатать полнаго текста протоколовъ даже въ количествѣ, соотвѣтствующемъ числу гласныхъ, губернаторъ поставилъ гласныхъ въ большое затрудненіе при справкахъ съ протоколами прошлогодняго собранія, гласный де-Роберти, признавая существованіе указаннаго затрудненія, призналъ его уступающимъ, по значенію, тому вреду, который причиненъ губернаторомъ его противодѣйствіемъ обнародованію

вошедшихъ въ законную силу постановленій земскаго собранія. Аналогія такого постановленія съ закономъ очевидна: оно является, въ извѣстномъ районѣ, руководящимъ правиломъ, обязательнымъ для всѣхъ лицъ, такъ или иначе соприкасающихся съ мѣстнымъ земствомъ. Но, вѣдь, законъ обязателенъ только въ томъ случаѣ, если онъ обнародованъ. Не въ правѣ-ли мы заключить изъ этого, что препятствіе оглашенію, путемъ отпечатанія протоколовъ и земскихъ постановленій, вошедшихъ *въ законную силу*, какъ-бы ослабляетъ эту силу, въ ея примѣненіи въ дѣйствительности, т.-е. противодѣйствуетъ законному ходу земскаго дѣла, иначе самому закону? Вотъ въ чемъ самая важная сторона разсматриваемаго дѣйствія губернатора и что должно обязательно вызвать жалобу земства, изъ чувства гражданскаго долга и уваженія къ закону и законному ходу земскаго дѣла.

На вопросы нѣкоторыхъ изъ гласныхъ, что еще вычеркнуто губернаторомъ изъ протоколовъ, одинъ изъ членовъ управы указалъ на выраженіе благодарности за дѣятельность по народному образованію, на рѣчь священника о любви къ отечеству и народной гордости, на все, что касалось протеста губернатора, и на кое-что изъ утвержденнаго постановленіями губернскаго земскаго собранія. Послѣ этого одинъ изъ гласныхъ, поддерживая предложеніе гласнаго де-Роберти, указалъ и на тотъ фактъ, что губернаторъ опротестовалъ постановленіе губернскаго земскаго собранія, а не пріостанавливалъ печатанія протокола засѣданія, въ которомъ состоялось это постановленіе. Къ этому гласный М. И. Петрункевичъ прибавилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ печатаніе протоколовъ, даже съ приложеніемъ всеподданнѣйшаго адреса земства Тверской губерніи, Высочайше осужденнаго. А новоторжскому земству не разрѣшается печатаніе протоколовъ постановленій земскаго собранія, не опротестованныхъ даже мѣстной властью и вошедшихъ въ законную силу.

Другой гласный обратилъ вниманіе собранія на то, что разсматриваемое распоряженіе губернатора лишаетъ новоторжское земство возможности сообщить протоколы земскихъ собраній другимъ земствамъ и правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ, съ которыми оно обыкновенно обмѣнивается печатными матеріалами, а это не можетъ не отозваться очень неблагопріятно на полнотѣ матеріаловъ, необходимой для успѣшнаго хода земскаго дѣла. Многіе гласные высказались за необходимость передать вопросъ о жалобѣ въ коммиссію. Предложеніе это поддержалъ и гласный Линдъ, указывая на сложность вопроса и необходимость тщательной редакціи жалобы, на основаніи сдѣланныхъ гласными въ собраніи замѣчаній. Далѣе, г. Линдъ обратилъ вниманіе собранія на сходство и различіе цензорской власти, по отношенію къ печатанію авторскихъ произведеній вообще, и губернаторской цензорской власти, по отношенію къ печатанію земскихъ матеріаловъ. И сходство, и различіе одинаково указываютъ на неправильность исключенія губернаторомъ

разныхъ частей протоколовъ. Общая цензура примѣняется только въ случаѣ опубликованія авторами ихъ произведеній. Печатаніе-же для себя, при помощи, напримѣръ, печатныхъ машинъ, не подлежитъ вѣдѣнію цензуры. Слѣдовательно, и губернаторская цензорская власть не должна распространяться на печатаніе земствомъ протоколовъ своихъ засѣданій для себя, т. е. для своихъ гласныхъ, какъ это было въ данномъ случаѣ въ просьбѣ мѣстной земской управы разрѣшить ей напечатать протоколы въ количествѣ только 34-хъ экземпляровъ. Что касается различія, то цензура, руководствуясь опредѣленными правилами, знаетъ, что ей запрещать, и что разрѣшать, а губернаторъ руководствуется собственнымъ усмотрѣніемъ, слѣдовательно—здѣсь скорѣе возможна неправильность отношенія, ошибочность усмотрѣнія, ничѣмъ не мотивированнаго, какъ и было въ данномъ случаѣ. Далѣе, авторъ литературнаго произведенія можетъ входить въ соглашеніе съ цензоромъ и исключать изъ своего произведенія непропущенныя цензоромъ мѣста, а земская управа не уполномочена дѣлать то-же въ протоколахъ земскихъ собраній и подлежала-бы отвѣтственности за напечатаніе протоколовъ въ искаженномъ видѣ, и новоторжская управа поступила въ данномъ случаѣ совершенно правильно, вовсе не напечатавъ сокращенныхъ протоколовъ.

Выслушавъ всѣ эти объясненія, земское собраніе согласилось съ мнѣніемъ управы о невозможности печатать протоколы въ такомъ видѣ, какой они пріобрѣли послѣ цензуры губернатора, уполномочило управу на принесеніе жалобы на неправильныя дѣйствія губернатора и поручило коммиссіи, совмѣстно съ управой, составить проектъ этой жалобы, на основаніи замѣчаній гласныхъ, и представить этотъ проектъ на разсмотрѣніе собранія.

По поводу этого постановленія и преній въ земскомъ собраніи, я могу прибавить отъ себя, что неимѣніе каждымъ изъ гласныхъ подъ рукой печатнаго экземпляра протоколовъ прошлогодняго земскаго собранія и пользованіе, въ случаѣ надобности, единственнымъ черновымъ экземпляромъ этихъ протоколовъ не рѣдко приводило собраніе къ недоразумѣніямъ и ошибкамъ. Такъ, напримѣръ, въ докладѣ управы о протестѣ губернатора противъ прошлогодняго постановленія земскаго собранія объ открытіи 25 школъ 2-го и 3-го разрядовъ утверждается, что такое постановленіе собранія существовало, а многіе гласные, въ засѣданіи 14 октября, отрицали существованіе такого постановленія и утверждали, что собраніе постановило, чтобы всѣ 44 вновь открываемыя школы были перворазрядными, и противъ такихъ утвержденій никто изъ членовъ управы не возражалъ. А если правы гласные въ такомъ своемъ утвержденіи, такъ тогда изъ-за чего-же весь сыръ-боръ загорѣлся? Какое-же основаніе протеста губернатора, ничего не имѣвшаго противъ перворазрядныхъ школъ и остановившаго только исполненіе постановленія земскаго собранія относительно школъ 2-го и 3-го разрядовъ?—Что-то здѣсь не ясно, и причиной этой неясности, конечно, слѣдуетъ считать неимѣ-

ніе гласными печатныхъ протоколовъ. Впрочемъ, въ сущности, если даже и было постановленіе о школахъ 2-го и 3-го разрядовъ, то къ новоторжскому населенію можно только примѣнить выраженіе Скалозуба о Москвѣ, что «пожаръ способствовалъ ей много къ украшенію»: протестъ губернатора противъ открытія 25 школъ 2-го и 3 го разрядовъ повелъ къ тому, что это населеніе будетъ имѣть теперь, вмѣсто 19-ти, не менѣе 44-хъ новыхъ перворазрядныхъ земскихъ школъ. Такъ что и жалоба новоторжскаго земства на неправильныя дѣйствія тверского губератора можетъ теперь имѣть только формальный интересъ. Не станетъ же, въ самомъ дѣлѣ, новоторжское земство, въ случаѣ рѣшенія дѣла въ его пользу, замѣнять свои перворазрядныя школы второразрядными и третьеразрядными!

С. Н. К.

„Подъ прессомъ".

Письмо изъ Пензы.

Въ концѣ іюля въ какой-то провинціальной газетѣ помѣщена была корреспонденція объ одномъ характерномъ дѣлѣ въ Борисоглѣбскѣ. Достопочтенное общество юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, загоняя экономію, уволило одного изъ рабочихъ въ борисоглѣбскихъ мастерскихъ, позабывъ о законѣ на счетъ срочныхъ двухъ недѣль—безъ всякаго предупрежденья. Къ обществу былъ предъявленъ искъ объ уплатѣ денегъ за эти срочныя недѣли, и судъ призналъ искъ правильнымъ, а претензію подлежащей удовлетворенію. Вся эта исторія, конечно, шуму не надѣлала никакого, хотя разыгралась на очень благодарной для этого почвѣ. Дѣло въ томъ, что, какъ намъ извѣстно, въ припадкѣ «загона экономіи», общество уволило не одного этого рабочаго, а около *пятисотъ* человѣкъ и почти всѣхъ—такимъ же образомъ. Но производилась эта операція такъ тихо и безшумно, что никто о ней и не слышалъ. Увольняется какой-нибудь десятокъ рабочихъ, кому до этого какое дѣло! И только подъ конецъ нашелся субъектъ съ нѣкоторымъ сознаніемъ не только своихъ обязанностей, но и своихъ правъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ именно «одинъ», и взысканіе въ десять-пятнадцать рублей для общества, конечно, ничего не значило. Иное дѣло, если бы иски предъявлены были всѣми. Гг. желѣзно-дорожниковъ лучше всего «бить» именно «рублемъ», и около десяти тысячъ рублей взысканія лучше всего-бы показали, что безгрѣшные доходы не всегда даютъ барыши. Но общество знало, что дѣлало. Выброшенному за бортъ рабочему не до претензій, лишь бы найти мѣсто. Въ Борисоглѣбскѣ рабочихъ не было. Единственно крупное мукомольное производство было уже переполнено до превышенія

спроса. Пришлось разъѣзжаться по другимъ городамъ. И рабочія деньги благополучно остались въ карманахъ желѣзнодорожниковъ, хотя не были даже «прибавочной стоимостью». Даже чѣмъ кончилась исторія съ тѣмъ единственнымъ искомъ—неизвѣстно. Мы знаемъ, что тотъ рабочій въ установленный срокъ пошелъ за исполнительнымъ листомъ, но оказалось, что изъ правленія общества въ Воронежѣ не было получено еще надлежащаго отзыва (разбирательство было заочное); затѣмъ онъ еще два раза ходилъ съ тѣмъ же успѣхомъ, а затѣмъ... затѣмъ мы потеряли его изъ вида.

Мѣсяцъ спустя, намъ пришлось попасть уже не въ частныя, а въ казенныя желѣзно-дорожныя мастерскія. И вотъ тутъ почему-то борисоглѣбская исторія невольно вспомнилась намъ. Не потому, конечно, чтобы тамъ повторялось что-либо подобное. А просто именно «поневолѣ»...

Это были желѣзнодорожныя мастерскія въ Пензѣ. Въ нихъ было около восьмисотъ человѣкъ, да около трехсотъ человѣкъ въ депо, всего свыше тысячи человѣкъ. Отборъ ихъ, согласно особымъ правиламъ, конечно,—«фильтрованный». И нужно бы полагать, что положеніе ихъ будетъ безусловно лучше, чѣмъ на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, особенно съ изданіемъ новыхъ правилъ, о которыхъ съ такимъ азартомъ толковали всѣ газеты. Восемь часовъ работы предъ праздниками—нѣкоторыхъ доводили до такой ажитаціи, что они были увѣрены въ водвореніи у насъ чуть не тѣхъ общихъ трехъ «восьмерокъ», за которыя на западѣ рабочіе борются до сихъ поръ. Даже сами рабочіе были нѣсколько очарованы этимъ. Мы помнимъ то общее свѣтлое настроеніе, которое царило, напр.. въ одесскихъ мастерскихъ, когда тамъ служили по этому поводу даже оффиціальный молебенъ.

Но было бы недурно, чтобы гг. ораторы теперь на практикѣ извѣдали эту нашу отечественную «восьмерку». Суть въ томъ, что по правиламъ, дѣйствительно, рабочему полагается работать по буднямъ двѣнадцать часовъ, а предъ праздниками даже и восемь. Но въ той же инструкціи есть одинъ коварный пунктъ о томъ, что рабочіе обязаны являться и на «дополнительныя» работы, когда дѣло потребуетъ этого. Ну, и каждый почти день регулярно дѣло этого «требуетъ». Вмѣсто шестисеми часовъ вечера, хорошо, если рабочій уйдетъ въ десять-одиннадцать часовъ ночи. Пока доберется до дому,—будетъ около двѣнадцати часовъ (это объясняется страшной дороговизной рабочихъ квартиръ и необходимостью нанимать ихъ поэтому, что называется, у чертей на куличкахъ). А на утро – въ пять часовъ рабочій уже долженъ быть на ногахъ, чтобы къ шести попасть на работу. Пять часовъ для сна и ни одной больше минуты свободной на что-либо иное для себя! Подвигъ юго-восточныхъ желѣзнодорожниковъ, конечно, возмутителенъ, но и въ пензенскихъ казенныхъ мастерскихъ такое выжиманіе «прибавочной стоимости» не представляетъ ничего отраднаго. Положимъ, что за эту работу даютъ полуторное вознагражденіе, но она, подъ угрозой штрафа, обязательна, и какъ

всякая сверхштатная работа—особенно изнурительна. Всего же интереснѣе то, что и терзаютъ то рабочихъ совершенно напрасно. Почти вся дополнительная работа съ успѣхомъ могла бы быть выполнена и въ нормальное время, если бы только за это нормальное время давали нормальное жалованье. А норма его—какъ разъ сумма того, что получаетъ рабочій за нормальную и дополнительную работу. И это не личныя соображенія, а фактъ, констатируемый самими рабочими. Таковъ результатъ мнимой экономіи!

Но это далеко не все. По инструкціи, праздники признаются, но о работѣ во время ихъ инструкція молчитъ. Въ пензенской практикѣ мастерскія въ праздники, повидимому, тоже молчатъ. Но войдите въ нихъ и вы натолкнетесь на работу въ полномъ разгарѣ. Что-нибудь одно—или намъ полагается праздничный отдыхъ, но тогда зачѣмъ и по чьему приказу у насъ отнимаютъ зачастую единственный въ недѣлѣ день, не щадя даже самыхъ крупныхъ праздниковъ, или работа въ праздники обязательна,—но тогда зачѣмъ она идетъ, словно крадучись, словно какое преступленье, такъ что даже гудка не открываютъ тогда, а лишь съ вечера монтеры приказываютъ являться на работу?

Мы не знаемъ, вездѣ ли такой порядокъ, но у насъ онъ—фактъ. Юго-восточники, конечно, беззастѣнчивы, но они хоть откровенны. У нихъ и гудки—такого свойства, гдѣ орутъ словно морскія сирены, на зависть инымъ фабрикантамъ, не останавливающимся даже предъ затратами въ сотни рублей и предъ названьемъ «свистуновъ»—лишь бы и себѣ завести такіе. У насъ-же все тихо.

Такъ получается въ Пензѣ «прибавочная стоимость». У насъ здѣсь нѣтъ, конечно, такихъ химическихъ воздѣйствій на рабочаго, какъ на спичечныхъ фабрикахъ, напр. въ Ново-Зыбковскомъ уѣздѣ, исторія о которыхъ была такъ позорно замята даже въ газетахъ. Но страшный гаршиновскій «глухарь» подъ молотами молотобойцевъ съ успѣхомъ можетъ быть списываемъ и у насъ съ нашихъ котельщиковъ, да и во всѣхъ нашихъ цехахъ отъ слесарнаго до вагоннаго немногимъ слаще... Въ мастерскихъ можно утѣшиться лишь тѣмъ, что и, вообще, никому на желѣзной дорогѣ изъ низшей братіи отъ стрѣлочниковъ до кондукторовъ и телеграфистовъ не сладко. Мы знаемъ, что когда нѣкоторые бѣлоручки студенты-спеціалисты пріѣзжаютъ съ своей лѣтней quasi-практики, они заявляютъ, напр., что машинистамъ нечего дѣлать, что тормазные получаютъ сверхъ нормы и т. д. А вылупившіеся инженеры даже на всяческихъ своихъ съѣздахъ въ катастрофахъ на дорогахъ только и винятъ рабочую братію, вѣроятно, за то, что на студенческой практикѣ тѣ исполняли за нихъ почти всю работу. Но пусть-бы эти господа попробовали не для практики уже постоять изъ мѣсяца въ мѣсяцъ—по 30 часовъ на открытой паровозной площадкѣ, на 30—40 градусной жарѣ, на 20 градусномъ морозѣ, на пронизывающемъ дождѣ, на леденящемъ вѣтрѣ, и затѣмъ, вмѣсто требуемаго 10-часового отдыха, черезъ 3—4 часа, даже

не уснувъ порядкомъ, снова ѣхать на 20—30 часовъ... Пусть присмотрѣлись бы только къ безсоннымъ смазчикамъ, съ ихъ двойной службой еще въ качествѣ тормазныхъ, засыпаемыхъ пылью, не имѣющихъ отдыха, не имѣющихъ часто даже тормазныхъ скамеекъ, обреченныхъ сутками стоять на ногахъ и черезъ 5—6 часовъ по пріѣздѣ снова посылаемыхъ въ дорогу. Администраціи словно жаль нанять добавочный штатъ кондукторовъ, жаль нанять хоть нѣсколько человѣкъ, чтобы чистить прибывающіе паровозы, которые всецѣло на рукахъ помощниковъ машиниста, и отнимаютъ у измученныхъ людей даже послѣднее время для отдыха. Пусть, наконецъ, вспомнили бы «безотдышную» работу телеграфистовъ или замученныхъ, и днемъ и ночью прикованныхъ къ стрѣлкамъ, стрѣлочниковъ. И все это за несчастные 10—15 руб. въ мѣсяцъ. Смазчики получаютъ 20 р. и лишь съ поверстными добиваютъ до 35—40 руб. Машинисты за свою каторгу имѣютъ лишь 50—60 р. При безобразно высокой цѣнѣ квартиръ, на нихъ уходитъ чуть не половина жалованья. И эти жилища доходятъ до красоты «Жилищъ петербургскихъ рабочихъ», описанныхъ въ «Русск. Богатствѣ», хотя въ нихъ живутъ не босяки-кустари, а люди чуть не на казенной службѣ, выносящіе каторжный трудъ. Подумать о снабженіи ихъ болѣе приличнымъ помѣщеніемъ, конечно, никому и въ голову не приходитъ.

Можно было бы надѣяться, что хоть для ребятишекъ рабочихъ сдѣлаютъ что-нибудь. Вѣдь, это будущая «смѣна». Мы знаемъ, что даже частное общество юго-западныхъ дорогъ давало пособія нѣкоторымъ школамъ, напр., въ Кишиневѣ, разъ туда бѣгала желѣзно-дорожная дѣтвора. Отъ казенной дороги можно требовать учрежденія и цѣлой школы. А въ Пензѣ мы не видимъ не только фабричныхъ школъ, но даже пособій городскимъ школамъ. Между тѣмъ для 1000 человѣкъ она положительно необходима. Потребность въ ней громадная, и главное—сознанная даже самими рабочими. Доходитъ до того, что иные готовы дать извѣстный процентъ изъ своего несчастнаго заработка, лишь бы получить школу. Но «опытъ и практика» научили ихъ, что массовымъ заявленіямъ даже такихъ невинныхъ желаній придаютъ совсѣмъ иной характеръ, а отдѣльныя—не получаютъ значенія. И что тутъ дѣлать—одинъ Аллахъ вѣдаетъ!

А. Недолинъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Кое-что о дворянскомъ вопросѣ и земскихъ начальникахъ. — Къ характеристикѣ взглядовъ нашихъ помѣщиковъ на народное образованіе.—Нѣкоторыя данныя о положеніи послѣдняго.—«Несчастные и прискорбные случаи».

Ходъ исторіи безжалостно толкаетъ къ «пропасти забвенья» наше передовое сословіе. Со времени паденія крѣпостного права родовыя имѣнія дворянства въ возростающей прогрессіи уплываютъ въ руки буржуазіи, а вмѣстѣ съ ними ускользаютъ изъ подъ его ногъ послѣдніе клочки той нѣкогда твердой почвы, на которой держалось соціальное значеніе сословія. Переживаемый сельско-хозяйственный кризисъ еще ускорилъ этотъ процессъ и передъ дворянами во-очію всталъ грозный гамлетовскій вопросъ: быть или не быть. Утопающему естественно искать соломинки; поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что наше дворянство, вообще очень тяжелое на подъемъ, проявляетъ совершенно несвойственную ему энергію въ борьбѣ за собственное существованіе. Нежданно-негаданно осложнившійся дворянскій вопросъ задалъ много работы дворянскимъ собраніямъ и разомъ разогналъ царившую въ нихъ атмосферу благодушія и беззаботнаго оживленія, которыя дѣлали ихъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ событій монотонной провинціальной жизни. Началось дѣятельное изысканіе мѣръ къ поддержанію падающаго значенія сословія; пошли въ ходъ всевозможные проекты и коммиссіи, отодвинувшіе на задній планъ выборъ должностныхъ лицъ, которому еще не очень давно посвящалась большая часть сессій. «Донская Рѣчь» съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что послѣднее собраніе донского дворянства, длившееся цѣлыхъ шесть дней, только два изъ нихъ употребило на выборъ должностныхъ лицъ; фактъ дѣйствительно знаменательный, но далеко не единственный въ своемъ родѣ. Обостренное состояніе дворянскаго вопроса сказывается въ цѣломъ рядѣ другихъ событій и въ столицахъ, и въ провинціи. Такъ, по Высочайшему повелѣнію, учреждается особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Дурново для изысканія способовъ къ поддержанію дворянъ; въ Москву съѣзжается около двадцати губернскихъ предводителей для совѣщанія о выдающихся нуждахъ дворянства. Соби-

раются также свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дворянъ. Изъ Юго-Западнаго края сообщаютъ, напр., что тамошніе потомственные дворяне получили отъ своихъ предводителей предложеніе доставить свѣдѣнія о владѣльцахъ недвижимыхъ имуществъ, о служебныхъ занятіяхъ ихъ, о численномъ составѣ дворянскаго юношества, воспитывающагося и не воспитывающагося въ учебныхъ заведеніяхъ, о распредѣленіи, происхожденіи и устойчивости дворянскаго землевладѣнія, о платимыхъ ими налогахъ и о ихъ задолженности. Донскіе дворяне ставятъ вопросъ о поднятіи образовательнаго уровня дворянъ и высказываютъ даже желаніе съ этой цѣлью обложить свои земли.

Какъ мы видимъ, движеніе проникаетъ во всѣ углы земли русской, гдѣ только есть дворяне. Въ рѣшительный моментъ борьбы они болѣе чѣмъ когда-либо сознаютъ свою солидарность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе чѣмъ когда либо обнаруживаютъ ту неспособность къ сплоченію, къ дѣйствію сообща, которая, если можно такъ выразиться, лежитъ въ самой природѣ нашего дворянства, какъ сословія. Составленное изъ самыхъ разнохарактерныхъ элементовъ, оно отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ однородности и не можетъ столковаться даже въ основныхъ вопросахъ. Не говоря уже о разномысліи по вопросу, слѣдуетъ-ли помогать дворянамъ, какъ сословію или какъ сельскимъ хозяевамъ, выступаетъ тенденція включить въ дворянскую массу болѣе состоятельныхъ лицъ, не получившихъ сословныхъ правъ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ порядкомъ. Неодинаковы и размѣры требованія. Въ уѣздахъ Полтавской губерніи, напримѣръ, дворянами настойчиво пропагандируется идея кастовой обособленности сословій и возстановленія старыхъ порядковъ съ рѣшительнымъ преобладаніемъ дворянства въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи. Наряду съ этимъ слышатся либеральныя разсужденія о просвѣтительной миссіи дворянства и о временномъ значеніи этой миссіи. Послѣднія разсужденія заходятъ иногда очень далеко—до яснаго представленія естественнаго хода вещей, но—любопытная вещь—до какой степени противорѣчива и сбивчива психологія современнаго либеральнаго дворянина! Возьмемъ хотя-бы то-же донское дворянство, которое на послѣднемъ собраніи, по словамъ «Донской Рѣчи», «посильно выполнило лежащій на немъ чисто нравственный долгъ — заботу о благосостояніи всего населенія вообще». Послѣ долгихъ разсужденій о необходимости выясненія причинъ, разстраивающихъ экономическое положеніе донского казачьяго войска, послѣ рѣшенія ходатайствовать объ облегченіи условій займа изъ крестьянскаго поземельнаго банка и пр.—собраніе, по предложенію «какого-то путешественника», въ 10—15 минутъ совсѣмъ было порѣшило съ вопросомъ о введеніи въ краѣ института земскихъ начальниковъ и лишь по настоянію нѣкоторыхъ наименѣе увлекающихся членовъ согласилось отложить ходатайство до предварительнаго разсмотрѣнія его особой коммиссіей. Какъ тутъ не вспомнить классическаго изреченія: Timeo Danaos et dona ferentes?

Коснувшись вопроса о земскихъ начальникахъ, мы считаемъ умѣстнымъ остановить здѣсь вниманіе читателя на циркулирующихъ слухахъ о скоромъ введеніи этого института въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи. Подтвержденіе слуховъ, между прочимъ, видятъ и въ томъ, что въ мѣстномъ съѣздѣ мировыхъ судей смѣта получена только на полгода, тогда какъ раньше она всегда высылалась на цѣлый годъ, и вслѣдствіе этого личный составъ мирового съѣзда находится въ ожиданія близкаго и коренного преобразованія. Передавая сенсаціонное извѣстіе, взбудоражившее все тамошнее общество, усть-сысольскій корреспондентъ «Вятскаго края» указываетъ на крупную культурную роль, которую выборный мировой судъ сыгралъ въ усть-сысольскомъ уѣздѣ. Почти сплошь заселенный зырянами, этотъ уѣздъ совершенно пересоздался подъ вліяніемъ земской, городской и судебной реформы и въ настоящій моментъ зыряне далеко уже не походятъ на тѣхъ дикарей, какими они были раньше. Мировые судьи введены тамъ сравнительно недавно, съ 1882 года, но и за такой короткій періодъ времени они успѣли уже значительно повліять на уменьшеніе числа уголовныхъ дѣлъ и заручиться симпатіями населенія. Находясь до нѣкоторой степени подъ его контролемъ, какъ выборные земства, которое здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо является представителемъ всего населенія, мировые судьи близко стоятъ къ нему и сильно содѣйствуютъ пріученію его къ правильной гражданской жизни. Населеніе, безъ сомнѣнія, много проиграетъ отъ предстоящаго судебнаго преобразованія, если оно осуществится; зато выиграютъ отъ него мѣстные кандидаты на должность земскихъ начальниковъ. Говорятъ, что вмѣсто нынѣшнихъ пяти мировыхъ судей будетъ назначено девять земскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ, составъ судей почти удвоится и, если приходящіяся теперь на каждаго мирового судью въ среднемъ около 200 дѣлъ въ годъ распредѣлить между двумя земскими начальниками, то должность послѣднихъ по мѣстнымъ условіямъ будетъ близка къ синекурѣ. И это при 3,000 рубляхъ жалованья въ годъ; кусокъ, какъ хотите, лакомый!

Какъ бы то ни было, однако, для усть-сысольскихъ кандидатовъ этотъ лакомый кусокъ пока еще то-же, что виноградъ для крыловской лисы: хоть видитъ око, да зубъ неймётъ. Другое дѣло вотъ кіевскіе — имъ стоитъ только захотѣть, и они хотятъ и стремятся, успѣшно преодолѣвая на своемъ пути препятствія, воздвигаемыя закономъ. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу корреспондентъ одной изъ кіевскихъ газетъ. Есть у нихъ въ уѣздѣ—къ сожалѣнію, онъ не обозначаетъ уѣзда—лица съ высшимъ образованіемъ и съ требуемымъ имущественнымъ цензомъ; есть и такія среди этихъ лицъ, которыя высказывали желаніе быть представленными для замѣщенія должности земскаго начальника по начальству. Но результаты получаются совершенно неожиданные. Мѣстный предводитель дворянства представляетъ на вакантную должность земскаго начальника своего крестника, человѣка, можетъ быть, вполнѣ

почтеннаго, но окончившаго лишь среднее учебное заведеніе и не имѣющаго соотвѣтственнаго имущественнаго ценза, ни необходимаго при среднемъ образованіи чина. Представляемый кандидатъ въ виду этихъ обстоятельствъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ не утверждается. Тогда представляютъ другого кандидата, представителя сильнѣйшей партіи въ уѣздѣ, опять-таки обходя молчаніемъ лицъ съ высшимъ образованіемъ. Послѣдній былъ утвержденъ, такъ какъ г. министръ о существованіи другихъ кандидатовъ не зналъ. Инцидентъ закончился. Но, спрашиваетъ корреспондентъ, хорошо-ли чувствуютъ себя не попавшія въ списки, хотя и желавшія этого, лица съ высшимъ образованіемъ, ибо по закону отъ должности земскаго начальника устраняются только лица, совершившія преступленія или крайне безнравственныя? Не лучше, думаемъ мы, чувствуютъ себя лица, подвластныя такому сильному земскому начальнику.

Но довольно о земскихъ начальникахъ. Передъ нами крайне любобопытный документъ — письмо о народномъ образованіи бессарабскаго дворянина-землевладѣльца, разсуждающаго съ точки зрѣнія... хозяина, отвѣтственнаго за свое хозяйство (Бес. № 29). «Нельзя вести дѣло безъ надзора,—мудрствуетъ онъ,—я охотно плачу деньги служащимъ по земству; необходимо придти на помощь благимъ начинаніямъ, исходящимъ отъ высшаго правительства—я считаю себя обязаннымъ идти навстрѣчу такимъ требованіямъ. Совсѣмъ иное дѣло народное образованіе. Если бы сказали «обученіе грамотѣ», то я съ удовольствіемъ ассигновалъ бы потребную сумму на доброе дѣло. Неграмотность губитъ (sic!) нашъ народъ. (Вниманіе, читатель!) Говорю это искренно, какъ практикъ: «Иванъ, подай календарь!»—приноситъ словарь. Спрашивается, какой онъ слуга? А между тѣмъ онъ проситъ еще прибавки жалованья. Матрена ежедневно портитъ пирожное, потому что не можетъ усвоить простого рецепта изъ поваренной книги, а между тѣмъ считается кухаркой «за повара» и по праздникамъ надѣваетъ корсетъ. Немудрено (?!), что эти несчастные «меньшіе братья» гибнутъ отъ пьянства и пороковъ, не имѣя возможности приложить свои силы къ дѣлу (?!)... Но земледѣльцу образованіе пока совсѣмъ не нужно. Сельскіе грамотеи или бросаютъ хозяйство, или ведутъ его хищнически. Будемъ откровенны. Сила всякаго государства держится на темной, трудящейся (sic!) массѣ простого народа, руководимой и направляемой къ труду и добру благонамѣренной интеллигенціей. Гдѣ же эта интеллигенція? Безъ сомнѣнія—это дворянство,—дворянство, обладающее землей и свободно-преданное задачѣ руководительства земскимъ хозяйствомъ». Hier liegt der Hund begraben! Кому, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ нашихъ землевладѣльцевъ-дворянъ, вскормленныхъ на даровомъ крѣпостномъ трудѣ и до сихъ поръ хозяйствующихъ «по старинѣ», выгодна темная народная масса, поставляющая неискусныя, но дешевыя рабочія руки?

Авторъ письма боится свѣта; но если бы онъ самъ былъ немного

болѣе просвѣщенъ или просто внимательнѣе всматривался въ окружающее, онъ увидѣлъ бы, что нашъ крестьянинъ бросаетъ землю не отъ избытка просвѣщенія, а хищнически ведетъ хозяйство отчасти именно отъ недостатка его, въ связи, конечно, съ другими болѣе реальными и глубокими причинами, обусловливаемыми общимъ экономическимъ уровнемъ страны. Темноты у насъ еще за-глаза довольно и не въ одномъ только крестьянствѣ. Возьмите на выборъ десять номеровъ новой провинціальной газеты и вы навѣрное встрѣтите нѣсколько извѣстій о новоявленныхъ колдунахъ, гадалкахъ, «аѳонскихъ» монахахъ и «кронштадтскихъ» сестрахъ, разными способами эксплоатирующихъ простодушнаго обывателя. Недавно, напр., одна такая пророчица объявилась не болѣе-не менѣе, какъ въ Тулѣ—губернскомъ городѣ, который, какъ оказывается, не уступаетъ деревнѣ въ легковѣріи и суевѣріи. Ворожея дѣлаетъ прекрасные обороты и беззастѣнчиво дурачитъ тульскую публику, отбирая у нея по полтиннику за сеансъ. Впрочемъ, здѣсь и примѣровъ не нужно: провинціальный читатель легко подберетъ ихъ изъ своей собственной жизненной практики и согласится съ нами, что власть тьмы сильна не только въ деревнѣ. Но тѣмъ болѣе она должна быть сильна тамъ. Просвѣтительное движеніе замѣтно усилилось въ русскомъ обществѣ за послѣдніе годы. Въ немъ принимаютъ дѣятельное участіе земства, разныя общества, комитеты и коммиссіи, преслѣдующіе тѣ или другія образовательныя цѣли, наконецъ городскія думы. Несмотря на это, однако, оно—отчасти по недостатку средствъ, отчасти по новизнѣ дѣла и тормазящимъ его требованіямъ закона—еще не успѣло заявить о себѣ сколько нибудь значительными результатами. Приходится съ горечью признать, что въ школьномъ дѣлѣ насъ опередили даже башкиры и татары. Въ отчетѣ осинскаго училищнаго совѣта, представленномъ XXVII пермскому земскому собранію, указывается, что у нихъ одна школа приходится на 1000 жителей, тогда какъ у русскихъ въ томъ же уѣздѣ одно начальное училище приходится на 4,398 человѣкъ; у татаръ и башкиръ обучается 79% дѣтей школьнаго возраста мужского пола и 51% дѣтей школьнаго возраста женскаго пола; у русскихъ же обучается только 36,4% мальчиковъ и 9,2% дѣвочекъ. Въ связи съ этимъ и культурный уровень татаръ нашихъ сѣверо-восточныхъ губерній стоитъ выше уровня русскаго простонародья этого края. Въ послѣднемъ засѣданіи комитета казанскаго общества трезвости П. Б. Панфиловъ въ своемъ докладѣ обращалъ вниманіе присутствовавшихъ на тотъ фактъ, что казанское народное гулянье передъ Троицынымъ днемъ почти ни одинъ годъ не проходитъ безъ того, чтобы не было нѣсколькихъ человѣкъ умершихъ отъ пьянства и что оно особенно поражаетъ царящею на немъ распущенностью нравовъ при сравненіи съ татарскимъ народнымъ гуляньемъ, происходящимъ около того же времени. На послѣднемъ, по словамъ докладчика, ругани не слышно, пьяныхъ нѣтъ, но народъ находитъ себѣ удовольствіе и проводитъ время весело; особыя лица, выбранныя съ

этой цѣлью, заботятся о порядкѣ и изыскиваютъ средства къ развлеченію публики. Почему бы и намъ въ данномъ случаѣ не взять примѣръ съ мусульманъ?—совершенно справедливо замѣчаетъ докладчикъ. За образцами для подражанія, вообще, дѣло не станетъ; къ сожалѣнію, только подражаніе въ этой области-то у насъ такъ обставлено, что даже вопросъ о чтеніи *вслухъ* народу книги, прошедшей черезъ двѣ цензуры, не можетъ быть разрѣшенъ мѣстными властями и требуетъ санкціи особой коммиссіи, засѣдающей въ Петербургѣ. Вполнѣ понятно, что средства къ массовому распространенію просвѣщенія являются у насъ и ничтожными по своему количеству, и несовершенными по своей организаціи.

Тьма невѣжества до сихъ поръ окутываетъ низы русскаго общества, но это еще не значитъ, чтобы со стороны самого народа не замѣчалось усилій выбиться изъ нея; если средства къ этому, какъ мы сейчасъ сказали, очень туго подвигаются впередъ, то спросъ на нихъ ростетъ съ каждымъ днемъ и сказывается широкимъ успѣхомъ всякихъ просвѣтительныхъ начинаній. Всего три мѣсяца, напр., существуетъ въ Воронежѣ библіотека имени И. С. Никитина, но уже 700 подписчиковъ состоятъ ея кліентами. Три мѣсяца существуетъ библіотека-читальня въ Калугѣ и имѣетъ въ настоящее время болѣе тысячи подписчиковъ. Она имѣла бы ихъ и болѣе, если бы не приходилось отказывать читателю за недостаткомъ книгъ. 25-го января въ с. Балаковѣ открыты двѣ воскресныхъ школы, въ которыя въ первый же день явилось 70 слишкомъ человѣкъ желающихъ учиться. Во вновь открытую церковно-приходскую школу с. Кузнецова Ельнинскаго уѣзда сразу собралось до 80 человѣкъ дѣтей; жажда знанія посреди нихъ такъ велика, что вызываетъ настоящіе подвиги. Одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ школы, на долю котораго не хватило учебника, четыре дня ходилъ изъ деревни въ деревню, собирая кусочки, чтобы, продавъ ихъ, получить сумму, нужную для покупки книги. Фактъ говоритъ самъ за себя и не нуждается въ комментаріяхъ.

Провинціальная жизнь невсегда потчуетъ насъ одними безотрадными явленіями—взять хотя бы послѣднее, о чемъ мы говорили; но между тѣмъ, какъ въ ней замѣтно пробиваются живые ключи, ея внѣшнія условія часто поражаютъ своею первобытной неразвитостью. Читая провинціальныя газеты, постоянно наталкиваешься на всяческіе «прискорбные случаи» и «несчастные случаи», которые положительно ничѣмъ не объясняются, кромѣ непозволительной халатности въ отношеніи къ чужой жизни и личности. Печать добросовѣстно ихъ отмѣчаетъ, публика съ интересомъ читаетъ и порой даже возмущается, начальство караетъ ближайшихъ виновныхъ. Все идетъ какъ слѣдуетъ; къ сожалѣнію, только оставляется безъ вниманія не новая истина: cessante causa, cessat et effectus, объ устраненіи коренныхъ причинъ, вызывающихъ явленія, обыкновенно не думаютъ. Присмотримся поближе къ этимъ случаямъ.

«Сѣв. Кавк.» сообщаетъ, напр., одну «обыкновенную исторію» въ железнодорожныхъ мастерскихъ Новороссійска. Рабочій дядя Макаровъ подавалъ на площадку, въ ростъ человѣка отъ земли, куски чугуна вѣсомъ отъ одного до двухъ пудовъ каждый. Одинъ кусокъ чугуна, второпяхъ нехорошо положенный на площадку, сорвался и упалъ на ногу Макарова. Ударъ двухпудовымъ кускомъ былъ такъ силенъ, что бѣдный рабочій и черезъ мѣсяцъ еще не ступалъ свободно на ногу. Начальникъ въ этомъ «случаѣ» увидѣлъ коварство со стороны Макарова и циркулярно объявилъ во всеуслышаніе, что Макаровъ за непредусмотрительность при опасной работѣ штрафуется однодневнымъ окладомъ жалованья въ 65 коп. Рабочіе по этому поводу иронизировали, говоря: «хорошо, что двухпудовый кусокъ не задѣлъ Макарова по «шивороту»; тогда непремѣнно начальникъ оштрафовалъ бы его двухдневнымъ окладомъ». Ну, а вамъ какъ нравится такая постановка дѣла, читатель?

Служащіе той-же дороги—смазчики, сортировщики и подавальные при элеваторѣ, работающіе почти ежедневно по двадцати часовъ, какъ-то возымѣли грѣшную мысль улучшить свое положеніе и подали своему начальству докладную записку, въ которой просили дать имъ квартиру или квартирныя деньги. Основаній для просьбы у нихъ было три. Во-первыхъ, что другіе служащіе при элеваторѣ пользуются желѣзнодорожной квартирой; во-вторыхъ, что ихъ окладъ жалованья состоитъ изъ ничтожной суммы въ 23 рубля въ мѣсяцъ; наконецъ, въ третьихъ, квартиру имъ обѣщали. Первая записка осталась безъ послѣдствій; они подали вторую, прося опять квартиръ или квартирныхъ денегъ. Отвѣтомъ на эту былъ строжайшій нагоняй съ угрозами Сибирью и каторжными работами, въ результатѣ каковыхъ виновные подписали отреченіе отъ заявленныхъ ими претензій.

Еще несчастный случай—столкновеніе поѣздовъ у ст. Ряжскъ; пять человѣкъ ранены тяжело, четырнадцать—легко. Виноватъ, конечно, стрѣлочникъ, который, видите ли, отсутствовалъ. Однако, ближайшее разслѣдованіе показало, что виновато, пожалуй, отчасти и начальство, не позаботившееся прекратить маневры поѣздовъ, согласно правиламъ движенія, за 15 минутъ до прибытія пассажирскаго поѣзда. Весьма естественно, что при такихъ обстоятельствахъ стрѣлочникъ, вмѣсто того, чтобы встрѣчать поѣздъ, бѣгалъ по путямъ для перевода другихъ стрѣлокъ.

На дняхъ закончена первая часть слѣдствія по дѣлу о взрывѣ гремучаго газа на Макѣевской копи русско-донецкаго общества. Всего добыты въ шахтѣ 65 труповъ, кромѣ того умерло уже 6 раненыхъ. Эксперты заявили, что для дачи заключенія о причинахъ взрыва необходимо наблюдать шахту во время полнаго хода работы. Не знаемъ, къ какимъ заключеніямъ придутъ они, но слухи, циркулирующіе кругомъ, упорно указываютъ, какъ на причину несчастія, на недостаточность надзора за поступленіемъ свѣжаго воздуха и выдѣленіемъ газа въ шахтѣ. Вентиляторы не давали потребнаго количества воздуха, а распредѣленіе

его по ходамъ, благодаря измѣненной французами разработкѣ угля, ради удешевленія, было крайне затруднительно.

Читатель, можетъ быть, удивляется, для чего мы утомляемъ его вниманіе этими обыденными и пріѣвшимися событіями; но, задавшись цѣлью обозрѣнія провинціальной жизни, мы не сочли себя вправѣ пройти молчаніемъ фактовъ, встрѣчающихся чуть ли ни въ каждомъ номерѣ провинціальныхъ газетъ. Въ томъ-то и горе, что они сдѣлались обыденными,—ихъ отмѣчаютъ лишь мимоходомъ, совершенно игнорируя лежащую въ ихъ основѣ безпощадную эксплоатацію служащаго люда и заботливое оберeганіе предпринимательскаго кармана въ ущербъ интересамъ всего населенія.

Прежде чѣмъ кончить, намъ бы хотѣлось сказать еще нѣсколько словъ объ одной разновидности «прискорбныхъ случаевъ», не дѣлающихъ чести гуманнымъ чувствамъ нашего общества; мы разумѣемъ положеніе у насъ дѣла призрѣнія душевно-больныхъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно остановиться на этомъ по истинѣ вопіющемъ вопросѣ и заставляетъ ограничиться лишь указаніемъ нѣкоторыхъ новыхъ случаевъ, лишній разъ подтверждающихъ, что буйныхъ психическихъ больныхъ нельзя оставлять безъ призора и что ихъ, тѣмъ не менѣе, оставляютъ, такъ какъ и мѣста въ больницахъ мало, и заботиться объ этомъ некому.

Въ с. Слободкѣ, Медынскаго уѣзда, крестьянинъ, страдавшій уже не одинъ годъ эпилепсіей съ припадками остраго умопомѣшательства, во время которыхъ онъ обыкновенно бѣгалъ раздѣтый по деревнѣ и билъ направо и налѣво, что попадетъ подъ руку,—28-го января схватилъ желѣзную кочергу и исковеркалъ ее о свою старуху-мать. Та, полумертвая, выползла на улицу искать защиты у сосѣдей, оставивъ больного одного. Онъ началъ бить стекла у сосѣдей и, когда его хотѣли схватить и связать, онъ, вооружившись вилами, убѣжалъ въ поле. Къ вечеру все-таки его удалось поймать и тутъ началась сцена, о которой одинъ очевидецъ разсказываетъ слѣдующее: часовъ около десяти вечера, проходя мимо волостного правленія, онъ увидѣлъ толпу, которая вела или скорѣе тащила связаннаго человѣка, награждая его пинками, ударами палокъ и желѣзной лопатки. У дверей правленія къ толпѣ присоединился десятскій, который со словами: «вы не умѣете бить, вотъ, какъ надо!», схватилъ приведеннаго за волосы одной рукой, а другой сталъ его бить поваливъ на снѣгъ. На окрикъ очевидца: «что вы дѣлаете? Вы его убьете», ему отвѣчали: «онъ намъ надоѣлъ». Врачъ, освидѣтельствовавъ избитаго, нашелъ у него переломъ лопатки и массу ссадинъ и кровоподтековъ на всемъ тѣлѣ. Его, наконецъ, отправили въ больницу.

Въ Кременчугѣ въ ночь на 21-го января одинъ психически-больной перебилъ дубиной слишкомъ 400 стеколъ въ домахъ и если онъ не положилъ на мѣстѣ никого изъ своихъ ближнихъ, то только потому, что никто ему не встрѣтился.

Пора бы въ самомъ дѣлѣ отнестись посерьезнѣе къ «несчастнымъ» и «прискорбнымъ случаямъ».

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Казенная водка и ея чудодѣйственная сила.—Скептики и оптимисты.—Что помогаетъ въ борьбѣ съ пьянствомъ?—19-ое февраля.—Нѣтъ людей!—Петербургскіе городскіе выборы.—Реформа юридическаго образованія.—Съѣздъ профессоровъ, читающихъ лекціи на юридическихъ факультетахъ.—Географическое расширеніе компетенціи суда присяжныхъ.—Народники «Сына Отечества».

Въ данное время водочная монополія введена въ большей половинѣ губерній. Вводилась она оффиціально въ интересахъ борьбы съ пьянствомъ и его печальными послѣдствіями. Дѣйствительныя же мотивы питейной реформы до сихъ поръ остаются неизвѣстными. Большинство газетъ, усердствуя не по разуму, не находятъ достаточнаго запаса словъ для восхваленія благихъ послѣдствій водочной монополіи. Онѣ всячески восхваляютъ казенную водку и приписываютъ ей по истинѣ чудодѣйственную силу. У нихъ появляются своеобразные корреспонденты, сообщающіе, что въ такомъ-то уѣздѣ, городѣ или волости въ самый моментъ замѣны частной водки казенной водкой пьянство вдругъ прекратилось. Фантазія «мѣстныхъ корреспондентовъ» и авторовъ газетныхъ статей не знаетъ границъ. Пожалуй, можно утверждать, что большая часть мѣстныхъ корреспонденцій присылаются мѣстными чиновниками, прямо или косвенно причастными къ дѣлу казенныхъ питей. По крайней мѣрѣ, содержаніе этихъ корреспонденцій представляетъ собою буквально повтореніе тѣхъ рѣчей, которыя держатъ въ торжественныхъ случаяхъ мѣстные чиновники, прямо или косвенно причастные къ водочной монополіи

Конечно, приподнятое настроеніе оффиціальныхъ ораторовъ точно передаетъ ихъ личное отношеніе къ дѣлу и ничего не говоритъ о дѣйствительномъ настроеніи мѣстныхъ провинціальныхъ дѣятелей. На самомъ же дѣлѣ въ провинціи не только пьютъ съ усердіемъ, но и о пьянствѣ спорятъ съ увлеченіемъ. Одни выражаютъ глубокую вѣру въ отрезвленіе Россіи, другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что Россія пьяная страна и навсегда сохранитъ за собою такую репутацію. Оптимисты прямо не сдаются, но скептики, повидимому, берутъ верхъ. На-дняхъ мы получили письмо изъ г. К., въ которомъ передаются характерныя подроб-

ности полемическихъ схватокъ между скептиками и оптимистами. Члены к-ого общества трезвости собрались на торжественное засѣданіе. Секретарь-чиновникъ читаетъ записку о чудодѣйственной силѣ казенной водки. Поголовное и безобразное пьянство чиновникъ сдаетъ въ область исторіи. Казенную водку пьютъ благопристойно и не упиваются. Мужики поголовно возвращаются къ трезвости и превращаются въ надежныя податныя силы Казна обогащается и всюду довольство проявляется.—Чиновникъ кончилъ. Оптимисты апплодируютъ, скептики хранятъ гробовое молчаніе. Изъ ихъ среды подымается извѣстный мѣстный общественный дѣятель. Онъ хвалитъ казенную водку и описываетъ всю химическую мерзость прежней кабацкой водки. Казенная водка—хорошая водка и ее пьютъ не только безъ отвращенія, но и съ наслажденіемъ. О кабакѣ онъ не сожалѣетъ, но и не сваливаетъ на него всю вину. Вѣдь, не потому же мы пьянствовали, что у насъ былъ кабакъ. Наоборотъ, кабакъ появился именно потому, что мы пьянствовали. Кабакъ исчезъ,—можетъ изчезнуть и кабацкое пьянство, но не пьянство вообще. Казенная водка хотя и хорошая водка, но магической чудодѣйственной силой не обладаетъ. Мы пьянствуемъ потому, что мы бѣдны, а бѣдны потому, что мы пьянствуемъ! Такъ закончилъ свою рѣчь представитель партіи скептиковъ. Заключительныя слова его рѣчи произвели сильное впечатлѣніе. Всѣ прекрасно понимаютъ, что пьянство самый навязчивый спутникъ бѣдности, и бѣдность есть неизбѣжный спутникъ пьянства. Очевидно, изъ такого положенія трудно найти выходъ при помощи казенной водки, и Россія—«пьяная страна», какъ говорятъ скептики,—таковой и останется.

Правда, скептики не утверждаютъ, что Россія приговорена судьбой быть пьяной страной. Наоборотъ, они утверждаютъ, что Россія отрезвѣетъ, когда для населенія настанутъ иные дни въ жизни моральной и матеріальной. Замѣна частной водки водкой казенной—событіе настолько безразличное для общественной жизни, что оно не можетъ содѣйствовать надлежащему подъему моральныхъ силъ. Возьмемъ для примѣра одну простую справку. Населеніе Москвы и въ первой половинѣ текущаго столѣтія пьянствовало на славу и пьянство происходило въ самыхъ безобразныхъ формахъ. Наступилъ моментъ объявленія воли. Манифестъ 19-го февраля объявляли 5-го марта которое въ 1861 г. совпало съ прощенымъ воскресеніемъ. Несмотря на такое совпаденіе, 5-го марта, въ день объявленія воли, въ Москвѣ было выпито на 1,660 р. меньше, чѣмъ въ предъидущее прощеное воскресеніе. На большой фабрикѣ Алексѣевыхъ, гдѣ обыкновенно въ этотъ день было штрафованныхъ за опозданіе 80 человѣкъ, въ день объявленія воли не нашлось ни одного. Въ чистый понедѣльникъ въ 4-хъ большихъ типографіяхъ былъ отмѣченъ небывалый случай: всѣ наборщики были на своихъ мѣстахъ! Поддержать въ народѣ такое антипьянственное расположеніе можно мѣрами, аналогичными 19 февраля. Наши читатели вспомнятъ недавно помѣщенное во внутреннемъ обозрѣніи нашего журнала

письмо курскаго помѣщика, который доказываетъ, что настоящее 19 февраля и теперь еще предстоитъ. Крестьянское положеніе, какъ справедливо говоритъ курскій помѣщикъ,—представляетъ собою формальную отмѣну крѣпостного права и крѣпостныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Фактически же крестьяне оказались по землѣ въ такой зависимости отъ помѣщиковъ, которая въ сущности ничѣмъ не отличается отъ настоящихъ крѣпостныхъ отношеній. «Воля» осталась фактически однимъ лишь понятіемъ. На практикѣ благія послѣдствія отмѣны крѣпостного права выражались въ утратѣ помѣщиками права своей опекунской власти въ формѣ дикой «тѣлесной расправы». Фактъ несомнѣнно громадной важности. Стоитъ только вспомнить, что до отмѣны крѣпостного права съ разныхъ угловъ Россіи разносился стонъ многихъ милліоновъ народа, ежедневно истязавшихся помѣщиками въ разныхъ вотчинахъ со всевозможными ухищреніями. Трудно обрисовать весь ужасъ одного дня въ жизни крѣпостной Россіи. Въ этомъ отношеніи 19 февр. навсегда останется самымъ историческимъ днемъ въ жизни массъ населенія. Къ сожалѣнію, онъ до сихъ поръ у насъ не возведенъ на степень народнаго праздника. Кажется, только столичное петербургское духовенство признало его, по собственной иниціативѣ, великимъ днемъ. Въ петербургскихъ соборахъ было совершено 19 февраля торжественное богослуженіе высшими представителями православнаго духовенства съ митрополитомъ во главѣ. Это громадный шагъ впередъ, принимая во вниманіе, что въ провинціи полиція прямо запрещаетъ праздновать 19 февраля, а въ деревнѣ рѣдкій священникъ рискнетъ напомнить своимъ прихожанамъ про 19 февраля, опасаясь тяжелыхъ непріятностей.

У насъ теперь какъ-то все приспособлено къ обнаруженію того, будто бы, очевиднаго факта, что среди нашего общества нѣтъ людей. Покойный И. С. Аксаковъ утверждалъ, что этотъ фактъ необходимъ «средостѣнію» и изобрѣтенъ имъ въ интересахъ самосохраненія. Мы не будемъ говорить о томъ, насколько терминъ «средостѣніе» придуманъ Аксаковымъ удачно для передачи на русскій языкъ иностраннаго термина «кастовая бюрократія», но, думаемъ, что онъ вообще не впалъ въ крупную ошибку, пытаясь разрѣшить нѣсколько странную загадку о томъ, какимъ это образомъ въ Россіи люди перевелись и почему въ рядахъ русскаго общества людей не оказывается.

Ближайшимъ подтвержденіемъ его мысли могутъ служить наше земское и городовое положеніе, представляющіе собою продуктъ творческой дѣятельности «средостѣнія». На основаніи этихъ положеній, высшая власть считаетъ общество допущеннымъ до самоуправленія, но въ то же самое время эти положенія отрѣзываютъ тѣхъ людей, которыхъ мыслящая часть готова была бы признать своими представителями, отъ всякаго участія въ дѣлахъ самоуправленія. Въ результатѣ получается тотъ,

будто бы, очевидный фактъ, что въ Россіи нѣтъ людей внѣ рядовъ самаго «средостѣнія». На этой почвѣ разыгралась вся прошлая и настоящая выборная кампанія въ Петербургѣ. На прошлыхъ выборахъ мыслящіе люди старались всѣми силами протянуть въ гласные лучшихъ людей чрезъ всѣ препоны и преграды разныхъ параграфовъ городового положенія. Само собою понятно, что параграфы—сила, и проводить въ гласные людей на основаніи параграфовъ, построенныхъ въ подтвержденіе той будто бы очевидной истины, что въ обществѣ людей не имѣется, весьма трудно. Выборная агитація, конечно, не могла удерживаться въ предѣлахъ пунктовъ и статей, а потому столичное населеніе и было признано неспособнымъ, съ соблюденіемъ требованій закона, пополнить весь составъ гласныхъ путемъ избранія. Въ исторіи даже и нашего самоуправленія былъ допущенъ небывалый инцидентъ: половина гласныхъ была назначена административнымъ порядкомъ. Вслѣдъ за назначеніемъ гласныхъ послѣдовало и назначеніе городского головы.

Такая странная, по своему составу, дума не могла вести городскія дѣла съ успѣхомъ. Одна половина гласныхъ не переставала указывать другой—назначенной, что она не имѣетъ права рѣшать городскія дѣла, такъ какъ городское населеніе не давало имъ никакого на то права; гласные назначенные явились въ думу не по довѣрію мѣстнаго населенія, а потому должны стушеваться. Разъ они не признали для себя неподходящимъ явиться въ роли представителей столичнаго общества, не имѣя на то никакого порученія со стороны самого общества, то имъ остается открыто выступить въ роли самозванцевъ. Само собою понятно, что такая квалификація назначенныхъ гласныхъ относилась и къ назначенному городскому головѣ. Но г. Ратьковъ-Рожновъ если и не мужественно, то съ явною твердостью оставался на своемъ посту не по избранію, и ходили слухи, что онъ вновь добивался быть назначеннымъ въ городскіе головы. Все это содѣйствовало тому, что на закончившихся выборахъ онъ даже и въ гласные не попалъ. Новая выборная кампанія, впрочемъ, не была доведена до конца, и дума оффиціально объявлена сформировавшейся при значительномъ недоборѣ гласныхъ. Благодаря такому административному пріостановленію выборовъ, въ думу не попали многія изъ тѣхъ лицъ, которыя навѣрно прошли бы въ гласные, если бы выборы продолжались до пополненія всего того числа гласныхъ, которое полагается для петербургткой думы по закону. Въ результатѣ оказалось, что когда новые гласные собрались для выбора кандидатовъ въ городскіе головы, то въ ихъ средѣ не оказалось подходящихъ для того людей.

Кандидатами оказались гр. Мусинъ-Пушкинъ и Комаровъ. Трудно повѣрить, чтобы издатель газеты «Свѣтъ» могъ явиться серьезнымъ кандидатомъ на мѣсто столичнаго городского головы. Это обстоятельство служитъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, что черезъ параграфы городового положенія общество такъ искусно фильтруется, что потомъ въ

рядахъ его мнимыхъ «излюбленныхъ людей» людей дѣйствительно не оказывается. Однако, если бы общество могло посылать въ думу людей морального и образовательнаго ценза, тогда въ его рядахъ оказались бы люди энергіи, ума и способностей, и притомъ люди, преданные интересамъ культуры.

Управленіе министерства народнаго просвѣщенія поручено въ настоящее время, какъ извѣстно, г. Боголѣпову. г. Боголѣповъ—бывшій профессоръ, — ученый юристъ и притомъ спеціалистъ римскаго права. «Новое Время» остановилось на этомъ обстоятельствѣ и помѣстило достойную вниманія справку о необходимой у насъ реформѣ юридическаго образованія. «Нашъ новый министръ народнаго просвѣщенія, говоритъ газета, вышелъ изъ среды профессоровъ юристовъ и по опыту знаетъ всѣ слабыя стороны нашего юридическаго образованія. Реформа этого образованія въ данное время является безусловно необходимой».

Въ постановкѣ нашего юридическаго образованія мы всегда рабски подражали нѣмцамъ и теперь удерживаемъ такіе порядки, которые въ самой Германіи признаны неудобными и уже сданы въ область исторіи. Такая отсталость для насъ въ данное время является особенно невыгодной въ виду того, что въ Россіи юридическое образованіе пріобрѣтаетъ доминирующее значеніе въ ряду другихъ видовъ университетскаго образованія. Наши «зрѣлые» молодые люди теперь отдаютъ предпочтеніе юридическому факультету передъ всѣми другими факультетами. По послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ, изъ общаго числа молодыхъ людей, получающихъ аттестаты зрѣлости, на медицинскіе факультеты, считавшіеся до сихъ поръ самыми многолюдными, идетъ только 31 проц., а на юридическіе факультеты—33,7 проц. Съ открытіемъ юридическаго факультета въ томскомъ университетѣ эти 33,7 процента доростутъ до 50 и, навѣрно, половина нашей университетской молодежи будетъ проходить курсъ юридическаго образованія. Быть можетъ, такое положеніе дѣла и не долго просуществуетъ, но для общества къ высшей степени важно позаботиться о томъ, чтобы половина нашей университетской молодежи получила надлежащую подготовку и не губила своихъ силъ на то, чтобы въ юные годы состариться въ рутинѣ преданій старины глубокой. Вѣдь, наши юридическіе факультеты теперь не приспособлены къ формированію молодыхъ юристовъ съ широкими этическими и правовыми воззрѣніями, а, за рѣдкими исключеніями, даютъ намъ юношей съ умомъ и сердцемъ, притупившимися за изученіемъ схоластически мертвящей римской юриспруденціи.

Эта римская юриспруденція и до изданія новаго устава 1884 г. занимала слишкомъ много мѣста, а послѣ введенія этого устава римское право оттѣснило на задній планъ всѣ другія науки, читающіяся на юридическихъ факультетахъ. Въ «Экзаменаціонныхъ требованіяхъ, коимъ должны удовлетворять испытуемые въ «коммиссіи юридической», приве-

дены тѣ соображенія, которыя побудили отвести римскому праву «обширное мѣсто въ факультетскомъ преподаваніи». Въ требованіяхъ сказано: «римское право, дѣйствовавшее какъ всемірный законъ, остается, какъ всеобщая теорія права, и служитъ школой высшаго образованія для посвящающихъ себя не только судебному поприщу, но и, вообще, служенію государству въ правительственномъ дѣлѣ».

Тутъ каждое слово (конечно, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ) представляетъ подстрочный переводъ съ нѣмецкаго. Именно, такими соображеніями до послѣдняго времени оправдывалось доминирующее значеніе римскаго права на юридическихъ факультетахъ Германіи. И тамъ оно являлось до извѣстной степени понятнымъ. Значеніе римскаго права въ общей системѣ юридическаго образованія росло въ связи съ его значеніемъ для жизни. Со времени «рецепціи» и до нашихъ дней римское право въ Германіи имѣло не только громадное историческое, но и практическое значеніе. Правда, практическое значеніе Corpus juris постепенно отходило на задній планъ въ пользу его историческаго значенія для дѣйствующихъ правовыхъ нормъ. Въ качествѣ же дисциплины, формирующей юристовъ, положеніе римскаго права представлялось навѣки непоколебимымъ. Вся современная нѣмецкая школа юристовъ выросла на почвѣ римскаго права. Всякое поползновеніе на доминирующую роль этого права, по традиціи и рутинѣ, отождествлялось съ посягательствомъ на судьбу самой науки права.

Но вотъ на горизонтѣ появилась зловѣщая туча въ видѣ проекта общеимперскаго гражданскаго уложенія. Это уложеніе должно бы устранить какое бы то ни было практическое значеніе римскаго права. Съ утратой римскимъ правомъ всякаго практическаго значенія, не могло удержаться и его значеніе въ качествѣ «дисциплины для формированія юристовъ». Когда принятіе общеимперскаго гражданскаго уложенія стало несомнѣннымъ, ученые цивилисты пришли въ крайнее замѣшательство. Извѣстный проф. Рюмелинъ выступилъ съ особой брошюрой въ защиту римскаго права въ которой говоритъ: «Мы не можемъ устранить изученіе римскаго права; спорить противъ этого можно развѣ во имя туманнаго нѣмецкаго патріотизма, а не въ силу какихъ-либо основательныхъ соображеній...Должно требовать не только того, чтобы юристъ усвоилъ основныя понятія и правила пандекта, но также и того, чтобы юристъ и впредь былъ въ состояніи читать Corpus juris. Если мы откажемся отъ римскихъ источниковъ, какъ образовательнаго средства для нашихъ юристовъ, если цитаты изъ римскихъ источниковъ, которыя и впредь будутъ часто встрѣчаться въ литературѣ и въ гражданскомъ уложеніи, перестанутъ быть понятными,—то уровень нашего сословія юристовъ и нашей судебной практики, безъ сомнѣнія, долженъ значительно понизиться».

Такія заявленія перепугавшихся рутинеровъ, какъ справедливо замѣчаетъ «Новое Время», являются лучшей критикой высказанныхъ ими опасеній за судьбу всей науки права. Рисуя мрачными красками бу-

душность этой науки, ортодоксальные юристы рѣшили общими силами отстоять римское право. 23-го марта 1896 г. въ Эйзенахѣ съѣхалось 65 ординарныхъ профессоровъ-цивилистовъ для обсужденія вопроса о реформѣ юридическаго образованія въ Германіи, въ виду принятія рейхстагомъ общеимперскаго гражданскаго уложенія. Само собою понятно, что резолюціи, принятыя на эйзенахской конференціи профессоровъ-цивилистовъ, клонились въ пользу сохраненія за римскимъ правомъ того значенія и мѣста, какое оно завоевало себѣ въ системѣ наукъ, читаемыхъ на юридическихъ факультетахъ. Мѣсто-же, занятое римскимъ правомъ, разрослось до чудовищныхъ размѣровъ. На всѣ обязательные курсы римскаго права уходило около 279 часовъ!

Совѣщанія съ профессорами не могли сломить ихъ упорное желаніе отстоять за римскимъ правомъ прежнее мѣсто и правительства разныхъ государствъ принудительно сократили число часовъ, уходившихъ на римское право. Въ Пруссіи министры народнаго просвѣщенія и юстиціи, по взаимному соглашенію, ограничили число часовъ для римскаго права до 10 номинальныхъ или $7^1/_2$ полныхъ. Въ виду этого, весь курсъ римскаго права въ зимній (болѣе длинный) семестръ будетъ прочитываться въ 135 ч., а въ лѣтній (болѣе короткій)—даже въ $97^1/_2$ часовъ.

Ортодоксальные юристы пріуныли послѣ такой реформы. Они пророчатъ гибель всей наукѣ права. Однако, и среди нихъ находятся еретики, питающіе надежды на лучшее будущее именно въ виду того, что римское право сбито съ занятой имъ позиціи. «Свѣжимъ духомъ,—говоритъ Штаубе,—вѣетъ отъ новаго плана преподаванія. Неужели только толкованіе пандектныхъ текстовъ можетъ образовать юриста? Гражданское и торговое уложенія заключаютъ въ себѣ массу юридическаго матеріала, изученіе котораго имѣетъ такое-же педагогическое значеніе, какъ и анализированіе изреченій Папиніана и Павла».

Къ голосу «еретиковъ» и намъ не мѣшаетъ прислушаться. Если при редактированіи университетскаго устава 1884 г. мы увлекались примѣромъ Германіи, то и теперь не мѣшаетъ намъ продолжать свое подражаніе до конца. Въ Германіи число часовъ, уходившихъ на обязательные курсы римскаго права, до появленія общеимперскаго гражданскаго уложенія, какъ мы видѣли, равнялось 279, а теперь сокращено болѣе, чѣмъ на половину. У насъ на обязательные курсы римскаго права уходитъ отъ 42 до 28 часовъ въ недѣлю. Если мы примемъ въ разсчетъ минимальную норму, т. е. 28 часовъ, то на весь обязательный курсъ римскаго права потребуется 376 номинальныхъ или 282 полныхъ часа. При 42 часахъ въ недѣлю, полный курсъ всего римскаго права поглощаетъ 564 номинальныхъ или 523 полныхъ часа! Значитъ, у насъ на римское право отводится теперь гораздо большее число часовъ, чѣмъ посвящалось ему въ Германіи даже въ дни его полнаго господства, т. е. до недавняго сокращенія. Мало того, справки показываютъ, что ни въ одной странѣ римскому праву не отводится такое громадное число ча-

совъ, какое ему посвящается у насъ въ данное время. «Въ Россіи римское право не имѣло того историческаго и практическаго значенія, какое ему принадлежало въ Германіи. Подстрочный переводъ нѣмецкихъ изреченій въ «экзаменаціонныхъ требованіяхъ» о значеніи римскаго права для нашего юридическаго образованія является неумѣстнымъ подражаніемъ той рутинѣ, которая и въ самой Германіи отошла въ область преданій. Если въ Германіи на курсъ римскаго права теперь отведено 10 номинальныхъ или 7½ полныхъ часовъ, то намъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ сократить число часовъ на то-же римское право до той-же нормы и обновить программы преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Тѣ часы, которые освободятся отъ римскаго права, съ пользою могутъ быть затрачены на чтенія по другимъ наукамъ.

Такихъ другихъ наукъ, ищущихъ мѣста въ программѣ нашихъ юридическихъ факультетовъ, не мало. Достаточно указать хотя-бы на тотъ фактъ, что у насъ государственное право читается по первому тому свода законовъ, дабы слушатели не имѣли понятія объ иностранныхъ порядкахъ. У насъ до сихъ поръ остается уголовное право во вкусѣ г. Сергѣевскаго и отсутствуетъ соціальная криминологія. У насъ нѣтъ ни кафедры сельскохозяйственнаго законодательства, ни кафедры сельскохозяйственной экономіи, хотя наши юристы призваны отправлять правосудіе въ странѣ, гдѣ главная масса юридическихъ отношеній возникаетъ на почвѣ сельскаго хозяйства. Можно думать, что и министерство юстиціи признаетъ наше юридическое образованіе требующимъ большой реформы въ смыслѣ его приспособленія къ современнымъ требованіямъ. Вопросъ о реформѣ этого образованія не можетъ обойти и работающая теперь при министерствѣ юстиціи коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ. Коммиссія можетъ проектировать наилучшія нормы матеріальнаго и формальнаго права, но онѣ не достигнутъ своей цѣли, если наши молодые люди будутъ питаться на университетской скамьѣ болѣе всего архивной пылью римскаго права.

Въ виду того, что теперь вопросъ о реформѣ нашего юридическаго образованія является положительно неотложнымъ, и обсужденіе его необходимо передать людямъ, освѣдомленнымъ теоретически и практически съ постановской высшаго университетскаго образованія. Такими людьми являются профессора юридическихъ факультетовъ. Съѣздъ профессоровъ, читающихъ лекціи на нашихъ юридическихъ факультетахъ, можно созвать ближайшимъ лѣтомъ по окончаніи лекцій въ университетахъ. Важно, чтобы на этомъ съѣздѣ присутствовали не одни цивилисты, всегда склонные отстаивать римское право, а профессора всѣхъ наукъ, читаемыхъ на юридическихъ факультетахъ. На съѣздѣ могутъ быть выработаны новыя программы для нашихъ юридическихъ факультетовъ, болѣе отвѣчающія современнымъ требованіямъ.

Конечно, кромѣ профессорскихъ съѣздовъ, намъ вообще нужны съѣзды юристовъ для разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ въ области судоустрой-

ства и судопроизводства. Въ такомъ случаѣ мы, навѣрно, двигались-бы быстрѣе по пути упорядоченія нашихъ судебныхъ порядковъ. Напр., трудно понять, почему у насъ до сихъ поръ судъ присяжныхъ не считается единственной и наиболѣе подходящей формой суда. Только надняхъ опубликованъ законъ о введеніи суда присяжныхъ въ Архангельской, Олонецкой, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ съ іюля 1898 г. 20 лѣтъ этотъ вопросъ стоялъ на очереди и находилъ себѣ подходящее мѣсто въ канцеляріяхъ министерства юстиціи. Конечно, законъ о географическомъ распространеніи компетенціи суда присяжныхъ на цѣлыхъ 4 губерніи, до сихъ поръ не пользующихся благами суда общественной совѣсти, имѣетъ громадное значеніе. Но не слѣдуетъ забывать, что нашъ судъ присяжныхъ нуждается и въ иномъ расширеніи своей компетенціи. У насъ компетенція суда присяжныхъ *по роду подвѣдомственныхъ ему дѣлъ* такъ ограничена, что онъ съ трудомъ можетъ быть названъ судомъ общественной совѣсти. Изъ вѣдѣнія нашего суда присяжныхъ изъяты именно тѣ дѣла, гдѣ голосъ общественной совѣсти является единственной гарантіей правосудія, а теперь этотъ «голосъ» допускается только въ такихъ дѣлахъ, гдѣ его считаютъ безразличнымъ и немогущимъ колебать «виды и намѣренія».

Читатели помнятъ, конечно, что въ январьскомъ обозрѣніи мы обратили вниманіе на напечатанную въ «С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ» статью г. Чичерина, въ которой авторъ вновь изложилъ свою теорію фискальнаго происхожденія общины. Само собою разумѣется, что указывая на эту статью, мы вовсе не имѣли въ виду подписываться подъ мнѣніями г. Чичерина, а отмѣтили только, что вопросъ о происхожденіи общины, до сихъ поръ еще недостаточно выясненный, гораздо важнѣе общихъ разсужденій «за» или «противъ» общины, которыми пробавляются г. народники. Попутно мы указали, что теперь приходится считаться не съ философскими предубѣжденіями противъ общины, а съ народническими предубѣжденіями въ пользу нея. Мы позволили себѣ высказать, наконецъ, еретическую мысль, что общину нужно брать такой, какова она есть, а не такой, какъ она рисовалась людямъ, впервые выступившимъ ея защитниками.

И что же? Слова наши не остались безъ отзвука. «Сынъ Отечества» не преминулъ причислить Сѣв. В. къ особой литературной группѣ, о представителяхъ которой почтенная газета огуломъ высказываетъ сужденіе, не оставляющее ничего желать по своей рѣшительности: «они не задумываются утверждать то, чего не было, и не стѣсняются говорить о томъ, чего не знаютъ». Повидимому, автору этихъ строкъ («С. О.» № 34 «На модную тему») не пришло въ голову, что слова его обрушиваются прежде всего на голову самихъ публицистовъ «Сына Отечества», которыхъ уже столько разъ уличали въ самомъ изумительномъ невѣжествѣ. Стоитъ вспомнить только хотя-бы знаменитую статью г. Абрамова о новомъ фабричномъ законѣ и статьи этого же автора по вопросамъ «Жизни

Запада», чтобы оцѣнить по достоинству эти слова. Насъ изумляетъ, какъ у «С. О.» хватило духу взвести подобное обвиненіе на голову не только «Сѣв. Вѣстника», но и всѣхъ «новыхъ» направленій. «По существу вопроса имъ сказать нечего, говоритъ онъ, а потому они стараются набросить тѣнь на общину какими то недосказами, намеками и установленіемъ небывалой связи между общиной и порядками крестьянскаго управленія». Мы не знаемъ, что разумѣетъ нашъ авторъ подъ существомъ вопроса, но смѣемъ думать, что въ нашихъ словахъ нѣтъ никакихъ недосказовъ и никакихъ темныхъ намековъ. Вѣдь нельзя же считать недосказомъ наши слова «община выродилась до неузнаваемости». Для характеристики критическихъ пріемовъ его отмѣтимъ, кстати, что онъ приписываетъ намъ слова, которыхъ въ нашемъ обозрѣніи нѣтъ, да и не могло быть. Онъ утверждаетъ, будто мы говоримъ, что община, «быть можетъ, измѣнилась».—Нѣтъ, не «быть можетъ», а несомнѣнно, и всякій, кто читалъ нашу статью, согласится, что на этотъ счетъ нами не было выражено никакого сомнѣнія и словъ, приписываемыхъ намъ публицистомъ «Сына Отечества», у насъ вовсе нѣтъ.

А вотъ образчикъ полемическихъ отповѣдей нашего оппонента. «Какое имъ дѣло до того—продолжаетъ онъ, имѣя въ виду, конечно, все тѣ же «новыя» направленія—что послѣ «Критики философскихъ предубѣжденій, вышелъ цѣлый рядъ капитальныхъ изслѣдованій объ общинѣ, что послѣдняя изучалась земскими статистиками, что появились и продолжаютъ появляться крупные труды объ общинѣ на Кавказѣ, на Уралѣ, въ Сибири и т. д., что въ самое послѣднее время община изслѣдовалась податными инспекторами и др. лицами. Имъ нѣтъ дѣла, что всѣ эти новыя работы, сообщая о новыхъ явленіяхъ, подтверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и старыя».—Позвольте васъ прервать, г. народникъ, смѣемъ васъ увѣрить, что намъ очень, и очень много дѣла до всего этого. Только не говорите намъ о томъ, что всѣ эти работы, сообщая о новыхъ явленіяхъ, подтверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и старые доводы. Мы рѣшительно заявляемъ, что новыя данныя не подтверждаютъ старыхъ доводовъ, а устраняютъ ихъ, что каково бы ни было народническое представленіе объ общинѣ, печальная дѣйствительность убѣждаетъ насъ, что современной общинѣ съ ея мнимымъ равенствомъ и мнимымъ земельнымъ обезпеченіемъ недостаетъ именно того, чего мы можемъ отъ нея требовать,—гарантій свободы и права, т. е. вѣроятности прогресса и благосостоянія.

«Сынъ Отечества» обѣщаетъ «въ самомъ непродолжительномъ времени» собрать во-едино всѣ зачатки мысли «противниковъ общины и разбить по существу всѣ ихъ доводы». Привѣтствуемъ это намѣреніе, хотя такая постановка вопроса намъ не кажется правильной. Въ критикѣ современные народники вообще не сильны и было бы, пожалуй, лучше, если бы вмѣсто того, чтобы блистать красотами полемическаго стиля, они постарались связать такъ или иначе свой идеалъ съ непосредственной дѣйствительностью, указать, какъ они смотрятъ на нее и чего отъ нея ожидаютъ.

Положеніе дѣлъ въ Австріи.

Австрійскіе нѣмцы въ свое время живо привѣтствовали отставку кабинета Бадени, и многіе изъ нихъ серьезно думали, что съ устраненіемъ «польскаго» режима исчезнутъ всѣ невзгоды и Австрія мигомъ превратится въ нѣмецкую Аркадію.

Преемникомъ графа Бадени явился баронъ Гаучъ, который вотъ уже три мѣсяца держитъ бразды правленія въ своихъ рукахъ, а общее положеніе дѣлъ нисколько, однако, пока не измѣнилось. Вся разница заключается въ томъ, что графъ Бадени не хотѣлъ или не былъ уполномоченъ управлять Австріею безъ помощи парламента, между тѣмъ какъ система правленія барона Гауча до сихъ поръ основана была на примѣненіи пресловутаго параграфа *четырнадцатаго* основныхъ государственныхъ законовъ. Въ силу этого эластичнаго параграфа корона и отвѣтственное министерство могутъ во время закрытія рейхсрата въ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, прибѣгать къ административнымъ распоряженіямъ, сохраняющимъ законную силу до открытія рейхстата и до принятія ихъ обѣими законодательными палатами.

Четырнадцатый параграфъ называютъ въ Австріи Noth-Paragraph'омъ, потому что правительство можетъ примѣнять его лишь въ случаѣ крайней нужды. Законодатели имѣли, главнымъ образомъ, въ виду стихійныя катастрофы, которыя могутъ, конечно, происходить и во время закрытія рейхсрата и жертвы которыхъ нуждаются въ быстрой государственной помощи. Въ параграфѣ, кромѣ того, сказано, что правительство можетъ прибѣгать къ административнымъ распоряженіямъ тогда когда рейхсратъ *еще* не собрался (noch nicht versammelt ist), а эти слова, вѣроятно, означаютъ: когда открытіе *новоизбраннаго* рейхсрата еще не состоялось.

Баронъ Гаучъ, въ силу упомянутаго параграфа, не только ассигновалъ крупныя суммы денегъ въ пользу пострадавшихъ отъ прошлогоднихъ наводненій, но также продлилъ финансовый договоръ съ Венгріею и вотировалъ государственный бюджетъ на шесть мѣсяцевъ. Съ строгой

точки зрѣнія можно было бы возразить, что подобныя мѣропріятія едва ли вполнѣ корректны, тѣмъ болѣе, что нынѣшній рейхсратъ давно уже собрался и только временно закрытъ. Правительственныя распоряженія о такихъ важныхъ дѣлахъ никого, однако, не поразили, потому что кабинетъ Гауча съ самаго начала прозванъ «кабинетомъ чиновниковъ», призванныхъ, такъ сказать, временно управлять Австріею административнымъ порядкомъ, а упомянутыя распоряженія явились притомъ, дѣйствительно, неотложными.

Нѣмцы во всякомъ случаѣ не имѣютъ основанія восторгаться управленіемъ Австріею безъ помощи парламента. Не слѣдуетъ забывать, что австрійскіе славяне гораздо легче могутъ помириться съ закрытіемъ рейхсрата, чѣмъ нѣмцы. Славяне, какъ автономисты, съ давнихъ поръ придаютъ главное значеніе засѣданіямъ ландтаговъ, или областныхъ сеймовъ, и идеалъ ихъ заключается въ расширеніи дѣятельности этихъ сеймовъ. Расширеніе земской автономіи и круга дѣятельности областныхъ сеймовъ входитъ въ програму каждой почти славянской народности. Поляки въ нѣмецкомъ сеймѣ на-дняхъ только выработали по случаю празднованія въ текущемъ году пятидесятилѣтняго юбилея царствованія императора Франца-Іосифа проектъ адреса императору. Въ адресѣ прямо говорится о цѣлесообразности расширенія земской автономіи и предоставленія областнымъ сеймамъ права выбирать депутатовъ рейхсрата. Этотъ адресъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что поляки до сихъ поръ тяготѣли къ рейхсрату. Польскій клубъ занималъ въ центральномъ парламентѣ очень видное положеніе, а Галиція, какъ бѣдная провинція, нуждается въ матеріальной помощи другихъ австрійскихъ земель и, слѣдовательно, во многихъ отношеніяхъ выигрываетъ отъ сосредоточенія обще-государственныхъ дѣлъ въ рейхсратѣ. Тѣмъ не менѣе, даже поляки начинаютъ хлопотать о расширеніи земской автономіи. Эта перемѣна объясняется послѣдними парламентскими событіями. Нѣмецкіе обструкціонисты подвергали «польскій» режимъ и польскихъ депутатовъ неимовѣрнымъ нападкамъ, такъ что поляки, подобно другимъ славянамъ, начинаютъ противодѣйствовать нѣмецкой гегемоніи.

Закрытіе рейхсрата, стало быть, нисколько не стѣсняетъ славянъ. Совершенно въ другомъ положеніи находятся нѣмцы, которые въ качествѣ централистовъ усматриваютъ въ вѣнскомъ парламентѣ вѣрнѣйшій оплотъ противъ расширенія земской автономіи и которыхъ закрытіе рейхсрата сильно тревожитъ. Нѣмцы такимъ образомъ не имѣли основанія ликовать по поводу замѣненія министерства Бадени «кабинетомъ чиновниковъ». Правда, въ нынѣшнемъ кабинетѣ засѣдаютъ почти одни только нѣмцы; но каждый членъ кабинета охотно называетъ себя императорско-королевскимъ чиновникомъ, призваннымъ исполнять одну только волю императора и стоящимъ выше партій. Напомнимъ, что министръ-президентъ баронъ Гаучъ состоялъ министромъ народнаго

просвѣщенія въ кабинетахъ покойнаго графа Таафе и графа Бадени, т. е. какъ разъ въ тѣхъ кабинетахъ, противъ которыхъ нѣмцы вели отчаянную борьбу.

Австрійскій императоръ, какъ конституціонный монархъ, искренно желаетъ скораго прекращенія нынѣшняго непарламентскаго режима, тѣмъ болѣе, что императоръ какъ разъ въ текущемъ году празднуетъ 50-лѣтній юбилей своего царствованія. Принятіе отставки графъ Бадени, къ которому императоръ питалъ большое довѣріе, и образованіе кабинета чиновниковъ послѣдовали безспорно съ цѣлью умиротворенія нѣмецкихъ обструкціонистовъ. Баронъ Гаучъ вслѣдъ за образованіемъ кабинета началъ переговоры съ вождями главныхъ парламентскихъ партій, преимущественно-же съ д-ромъ Функе, играющимъ видную роль среди богемскихъ нѣмцевъ и стоявшимъ во главѣ обструкціонистовъ. Переговоры остались безъ послѣдствій, потому что нѣмцы настаивали на отмѣнѣ апрѣльскихъ распоряженій о равноправности языковъ въ Чехіи и Моравіи, а чехи признали отмѣну при данныхъ условіяхъ невозможною. Баронъ Гаучъ, быть можетъ, рѣшился бы уступить нѣмцамъ, если-бы другіе австрійскіе славяне съ поляками во главѣ не заявили себя солидарными съ чехами, такъ что новый кабинетъ въ случаѣ немедленной отмѣны распоряженій объ языкахъ попалъ-бы изъ огня въ полымя.

Поляки въ былое время шли рука объ руку съ нѣмцами; но преобладаніе въ нѣмецкомъ лагерѣ нѣмецкихъ націоналовъ, считающихъ Австрію чѣмъ-то вродѣ германскаго штата, побуждаетъ поляковъ поддерживать стремленіе чеховъ, которые и безъ того значительно умѣрили въ послѣдніе годы свои національныя требованія. Поляки хорошо понимаютъ, что осуществленіе хотя-бы программы Шенерера равносильно прижатію всѣхъ австрійскихъ славянъ, въ томъ числѣ и поляковъ, къ стѣнѣ, а вліяніе шенереровцевъ какъ разъ теперь очень сильно въ австро-нѣмецкомъ лагерѣ. Нѣмецкія газеты напрасно издѣвались надъ польско-чешскими манифестаціями, происходившими въ декабрѣ минувшаго года въ Краковѣ и Преровѣ, и провозгласили польскихъ депутатовъ, отстаивавшихъ въ Краковѣ солидарность австрійскихъ славянъ, фиглярами. Не «панславизмъ» заставляетъ поляковъ соединиться съ чехами и другими австро-славянскими народностями, а «пангерманизмъ» нѣмецкихъ націоналовъ. Галицкіе поляки, наученные горькимъ опытомъ, не имѣютъ основанія желать водворенія въ Австріи прусскаго режима, а господа шенереровцы признаютъ своимъ національнымъ гимномъ «Wacht am Rhein» и были-бы счастливы, если-бы всѣ австрійскіе славяне испытали участь познанскихъ поляковъ. Простой политическій и національный разсчетъ побуждаетъ австрійскихъ поляковъ противодѣйствовать нѣмецко-національному движенію и позаботиться о пріобрѣтеніи въ этой борьбѣ надежныхъ союзниковъ, какими безспорно и являются чехи и южно-австрійскіе славяне.

Несомнѣнно, что управлять Австріею противъ воли нѣмецкой національности нельзя. Австрійскіе нѣмцы слишкомъ многочисленны въ Австріи,

слишкомъ развиты въ культурномъ отношенiи, слишкомъ благопрiятно обставлены въ матерiальномъ отношенiи и, наконецъ, слишкомъ влiятельны въ руководящихъ австрiйскихъ сферахъ, чтобы возможно было говорить о подавленiи этой народности. Ни одинъ серьезный славянскiй политикъ не думаетъ о возможности *анти-нѣмецкаго* режима въ Австрiи. Австрiйскимъ нѣмцамъ слѣдуетъ однако согласиться, что и *анти-славянскiй* режимъ немыслимъ въ наше время въ Австрiи. Славяне образуютъ большинство австрiйскаго населенiя и настолько проникнуты нацiональнымъ самосознанiемъ, что о подавленiи ихъ могутъ мечтать одни лишь нѣмецко-нацiональные фанатики. Нѣмцы, отстаивая существованiе центральнаго парламента, не хотятъ въ то-же время понять, что большинствомъ въ этомъ парламентѣ должны при болѣе или менѣе справедливой избирательной системѣ располагать славяне, составляющiе большинство населенiя. Нѣмцамъ путемъ обструкцiонизма удалось парализовать дѣятельность парламента; но обструкцiонизмъ—обоюдоострый мечъ, которымъ не сегодня-завтра могутъ пользоваться не только славяне, имѣющiе большинство въ парламентѣ, но, вообще, какая-бы то ни было парламентская группа, насчитывающая 50 депутатовъ, такъ какъ въ силу парламентскаго устава легко путемъ безчисленныхъ именныхъ голосованiй и безконечныхъ рѣчей препятствовать ходу парламентскаго механизма. Кичиться обструкцiонизмомъ нѣмцы, право, не имѣютъ основанiя; такая «государственная мудрость» доступна каждой партiи безъ различiя нацiональностей. Весь вопросъ въ томъ: кто выигрываетъ отъ обструкцiонизма? Ходъ событiй доказалъ, что обструкцiонизмъ повелъ къ закрытiю на неопредѣленное время того самаго рейхсрата, который нѣмецкiе обструкцiонисты считаютъ наилучшимъ учрежденiемъ!

Баронъ Гаучъ возлагалъ особыя надежды на засѣданiе богемскаго сейма, сессiя котораго открылась 10-го января н. с. Подъ влiянiемъ возмутительнаго пражскаго погрома, во время котораго люди-звѣри не щадили даже храмовъ науки и дѣтскихъ больницъ и который наглядно доказалъ всѣ опасности безумнаго нацiональнаго фанатизма, нѣмцы первоначально хотѣли было забастовать и отказаться отъ участiя въ засѣданiяхъ сейма. Однако, незадолго до открытiя сейма баронъ Гаучъ пригласилъ къ себѣ вождей богемскихъ нѣмцевъ, гарантировалъ имъ полную безопасность и уговорилъ ихъ отказаться отъ пассивной политики. Среди нѣмецкихъ депутатовъ богемскаго сейма находится пресловутый К. Г. Вольфъ, котораго одинъ нѣмецко-богемскiй избирательный округъ недавно только выбралъ депутатомъ. К. Г. Вольфъ, какъ членъ шенереровской фракцiи, нашелъ въ сеймѣ вѣрнаго единомышленника въ лицѣ депутата Иро, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вынужденъ былъ, по случаю столкновенiя съ однимъ вѣнскимъ депутатомъ люгеровской партiи, сложить парламентскiя полномочiя и котораго нѣмецкiе нацiоналы тоже недавно выбрали депутатомъ богемскаго сейма. Присутствiе шенереровцевъ не могло, конечно, поощрять дѣло примиренiя между нѣмцами и чехами.

Вождь богемскихъ консервативныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, графъ Карлъ Бюкуа, внесъ въ богемскій сеймъ предложеніе о назначеніи коммиссіи, которая имѣетъ состоять изъ 24 членовъ и задача которой заключалась-бы въ выработкѣ проекта рѣшенія вопроса о языкахъ въ Богеміи въ духѣ примиренія обѣихъ національностей. Само по себѣ предложеніе заслуживаетъ безспорно сочувствія; жаль только, что оно внесено крупными землевладѣльцами, которые, какъ показываетъ опытъ, являются плохими посредниками въ дѣлѣ примиренія обѣихъ національностей.

Не слѣдуетъ забывать, что серьезное нѣмецко-чешское соглашеніе можетъ состояться лишь тогда, когда представители обѣихъ національностей придутъ къ заключенію, что національная рознь приходится на руку однимъ реакціонерамъ, преслѣдующимъ ультро-клерикальныя цѣли и готовымъ всегда и вездѣ ловить рыбу въ мутной водѣ. Не сомнѣваясь въ лойяльности графа Бюкуа, нельзя, однако, отрицать, что въ рядахъ его партіи имѣются вліятельные политики, противъ которыхъ сами младочехи не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вели ожесточенную борьбу и которые наврядъ-ли искренно желаютъ примиренія нѣмецкой и чешской интеллигенціи. Нѣмцы-же питаютъ къ богемскимъ консервативнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ большое недовѣріе еще потому, что эти консервативные аристократы въ 1890 г. не сдержали слова насчетъ состоявшагося тогда въ Вѣнѣ нѣмецко-чешскаго соглашенія.

Нѣмцы, такимъ образомъ, не хотѣли и слышать о предложеніи графа Бюкуа, а шенереровскіе депутаты подняли шумъ и заявили, что вопросъ объ языкахъ долженъ, вообще, разбираться въ вѣнскомъ рейхстатѣ, а не въ богемскомъ сеймѣ. Предложеніе предоставлено на разсмотрѣніе коммиссіи; но оппозиція нѣмцевъ лишаетъ его всякаго значенія. Въ то-же время предсѣдатель клуба богемско-нѣмецкихъ депутатовъ, д-ръ Шлезингеръ, внесъ предложеніе объ отмѣнѣ распоряженій о равноправности языковъ, что опять-таки не говоритъ въ пользу примирительнаго настроенія нѣмцевъ.

Надежды, возлагавшіяся барономъ Гаучемъ на богемскій сеймъ, не оправдались. Нѣмецко-чешскія отношенія скорѣе даже обострились за это время, и представители обѣихъ народностей обвиняютъ другъ друга въ подстрекательствахъ. Нѣмецкіе студенты въ Прагѣ съ легкой руки нѣмецко-національныхъ агитаторовъ находили нужнымъ какъ разъ въ послѣднее время щеголять на пражскихъ улицахъ въ синихъ корпораціонныхъ шапочкахъ съ разноцвѣтными лентами, хотя имъ хорошо было извѣстно, что многіе чехи при нынѣшнемъ возбужденіи умовъ сочтутъ ношеніе этихъ чисто-нѣмецкихъ значковъ подстрекательствомъ. И дѣйствительно—между чехами и нѣмцами стали возникать столкновенія, побудившія правительство запретить на время ношеніе корпораціонныхъ значковъ и притомъ не только нѣмецкихъ, но даже и славянскихъ.

Это запрещеніе вызвало цѣлую бурю въ богемскомъ сеймѣ и повело къ тому, что весь академическій сенатъ нѣмецкаго университета въ Прагѣ съ ректоромъ во главѣ подалъ въ отставку, а профессора праж-

скаго нѣмецкаго технологическаго института забастовали, такъ что въ обоихъ нѣмецкихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ лекціи на время прекратились. Нѣмецкое студенчество, равно какъ профессора, увѣряютъ, что ношеніе корпоративныхъ значковъ составляетъ священное академическое право, а нѣмецкіе депутаты, въ свою очередь, утверждаютъ, что запрещеніе ободряетъ чешскихъ «подстрекателей» и можетъ опять вызвать анти-нѣмецкіе погромы.

Всѣ эти инциденты свидѣтельствуютъ какъ нельзя лучше о томъ, что о нѣмецко-чешскомъ примиреніи пока не можетъ быть и рѣчи.

Баронъ Гаучъ имѣетъ въ виду *замѣнить* распоряженіе графа Бадени о равноправности языковъ въ Богеміи и Моравіи новыми распоряженіями, въ силу которыхъ служебнымъ языкомъ въ нѣмецкихъ округахъ будетъ нѣмецкій языкъ, а въ чешскихъ—чешскій, между тѣмъ какъ въ смѣшанныхъ округахъ оба языка должны пользоваться равноправностью. Проектируемое измѣненіе должно имѣть силу до рѣшенія вопроса о языкахъ *законодательнымъ порядкомъ*. Министръ-президентъ надѣется, что новыя распоряженія удовлетворятъ нѣмцевъ и что они по открытіи рейхсрата въ мартѣ мѣсяцѣ откажутся отъ обструкціонизма. Вопросъ, однако, въ томъ: будутъ-ли нѣмцы удовлетворены и что скажутъ чехи?

Нѣмцы, между прочимъ, указываютъ на разложеніе прежняго парламентскаго большинства и ссылаются на резолюціи нѣмецко-клерикальныхъ областныхъ сеймовъ, въ которыхъ члены такъ называемой католической народной партіи, находившейся раньше въ союзѣ со славянами, начинаютъ протестовать противъ распоряженій о языкахъ, такъ что нѣмецкія газеты предвѣщаютъ *коалицію всѣхъ австрійскихъ нѣмцевъ* безъ различія партій и направленія противъ «напора» славянъ. Если такая коалиція, дѣйствительно, состоится и нѣмецкіе католики «отпадутъ» отъ славянъ, то положеніе дѣлъ, пожалуй, станетъ еще болѣе запутаннымъ, но славянамъ нечего будетъ оплакивать нѣмецко-католическихъ «отступниковъ». Союзъ младо-чеховъ съ нѣмецкими клерикалами явился и безъ того крайне ненормальнымъ: чехи—народъ свободомыслящій, дорожащій своими культурными пріобрѣтеніями и, главное, народнымъ просвѣщеніемъ, между тѣмъ, какъ нѣмецкіе клерикалы всецѣло находятся въ ультра-реакціонномъ лагерѣ и больше всего ненавидятъ такъ называемую новую школу, которой чехи обязаны своимъ высокимъ культурнымъ развитіемъ. Старо-чехи, подобно нѣмецкимъ либераламъ, сильно пострадали отъ коалиціи съ клерикалами.

З—дъ.

P. S. 22-го февраля министерство Гауча, которому не удалось примирить чеховъ съ нѣмцами, вышло неожиданно въ отставку. Сформированіе новаго кабинета поручено гр. Туну. Врядъ-ли, однако, новому министерству удастся достигнуть соглашенія народностей. Австрія требуетъ коренной государственной реформы. *Ред.*

КРИТИКА.

А. Фуллье. Критика новѣйшихъ системъ морали. Переводъ съ французскаго Е. Максимовой и О. Конради. Спб. 1898.

Имя Фуллье хорошо знакомо русскимъ читателямъ, и мнѣ нѣтъ надобности указывать на особенности его творчества, которыя въ этомъ трудѣ проявились такъ-же, какъ и во всѣхъ предыдущихъ. Достаточно сказать, что и здѣсь видна его способность въ немногихъ, но точныхъ выраженіяхъ схватывать характерныя черты излагаемыхъ ученій, слѣдить за постепеннымъ развитіемъ мысли и подвергать каждую теорію глубокой, если и не всегда безпристрастной, критикѣ; изложеніе, съ начала до конца, строго научное, не стремящееся къ излишней популярности, но всегда ясное настолько, насколько это дозволяетъ природа обсуждаемаго вопроса. Нельзя, однако, не сказать, что въ этомъ изслѣдованіи, можетъ быть, больше, чѣмъ въ другихъ, замѣтны и недостатки Фуллье: его самоувѣренная поспѣшность въ выводахъ и подчасъ небрежное отношеніе къ тексту разбираемыхъ сочиненій; въ одномъ мѣстѣ переводчицы рѣшились даже отъ себя привести тотъ текстъ, изъ котораго Фуллье сдѣлалъ пропуски, совершенно искажающіе его смыслъ (стр. 236). Но, несмотря на это, книга не теряетъ своего значенія, ее можно рекомендовать вполнѣ: въ ней много крупныхъ достоинствъ. И только въ виду несомнѣнности этихъ достоинствъ я позволю себѣ обратить вниманіе читателя на тѣ части изложенія, которыя представляются несовсѣмъ удовлетворительными.

Фуллье начинаетъ свою «Критику» съ морали эволюціонизма, и положеніе, которое онъ занимаетъ по отношенію къ этой теоріи, оказывается не совсѣмъ опредѣленнымъ. По его мнѣнію, въ наукѣ о нравственности нужно различать двѣ части: одна покоится на фактахъ и идеяхъ (т.-е. тоже фактахъ), другая носитъ вполнѣ метафизическій характеръ (стр. 26—27), и вотъ если анализировать теорію эволюціи, то окажется, что метафизическими вопросами о свободѣ, абсолютномъ благѣ и т. п. она вовсе не задается и съ этой стороны она заслуживаетъ упрека,—но съ точки зрѣнія фактовъ, говоритъ Фуллье, теорія эволюціи является вполнѣ вѣрной. Однако, затѣмъ, онъ съ той-же точки зрѣнія фактовъ вноситъ въ эту теорію цѣлый рядъ поправокъ, но эти поправки нисколько не улучшаютъ ея. Такъ, напримѣръ, онъ полемизируетъ противъ

того положенія, что всѣ наши стремленія насквозь эгоистичны, и указываетъ, что нѣтъ никакихъ *причинъ* предпочитать свое счастье счастью другихъ: «для моего счастья, какъ разумнаго существа, необходимо, чтобы всѣ существа были счастливы». Но очевидно, что такое возраженіе нисколько не подрываетъ эволюціонизма, ибо, что касается фактовъ, наука о нравственности должна изслѣдовать мотивы человѣческой дѣятельности, какъ они есть, не спрашивая о томъ, есть-ли разумныя причины для этихъ мотивовъ: если даже признать, что нѣтъ никакихъ причинъ, все-таки фактъ остается фактомъ; и если чужое счастье необходимо, чтобъ *я* былъ счастливъ,—значитъ-ли это, что чужое счастье становится стимуломъ моихъ поступковъ? Очевидно, что разъ принявъ посылки эволюціонизма, мы должны принять и всѣ его выводы. Но дѣло-то въ томъ, что самыя эти посылки ошибочны. Основываясь «исключительно на фактахъ», теорія эта упускаетъ изъ виду одинъ несомнѣнный фактъ: она забываетъ, что рядомъ съ человѣческой дѣятельностью всегда существовала и *оцѣнка* этой дѣятельности; и народная психологія, и антропологія, кромѣ того, единогласно свидѣтельствуютъ, что эта оцѣнивающая дѣятельность всегда требовала, чтобы поступки людей подчинялись общественному, религіозному—вообще не личному началу. Признавъ этотъ фактъ (а не признать его нѣтъ возможности), наука должна сопоставить его съ другими нравственными фактами и выяснить ихъ взаимоотношеніе. Если даже согласиться, что человѣкъ никогда не выходитъ за предѣлы эгоистическихъ мотивовъ, то фактъ оцѣнки и осужденія этихъ мотивовъ заставитъ насъ признать рядомъ съ ними существованіе какого-то идеала, съ которымъ сравниваются факты дѣйствительности, и чтобъ быть послѣдовательнымъ, эволюціонизмъ долженъ былъ-бы прослѣдить не только развитіе инстинктовъ и мотивовъ, но и развитіе идеаловъ. А это заставило-бы его выйти за предѣлы «чистыхъ фактовъ» и ввести въ науку изученіе не однихъ только причинъ поступковъ, но и ихъ цѣлей. Такимъ образомъ, первымъ обвиненіемъ эволюціонизма должно быть обвиненіе его въ неполной индукціи.

Въ очень схожую ошибку впадаетъ Фуллье и при разсмотрѣніи морали позитивизма. Онъ все время говоритъ только о теоріяхъ Литтрэ и Тэна и оцѣниваетъ ихъ, притомъ, лишь со стороны содержанія, вовсе не останавливаясь на позитивныхъ пріемахъ изслѣдованія. Между тѣмъ, только такая критика могла-бы оправдать его выборъ: вѣдь всѣ позитивныя ученія о нравственности различаются между собой именно по содержанію, а методъ-то у нихъ одинъ и тотъ-же. Кромѣ того, эта точка зрѣнія позволила-бы Фуллье гораздо рельефнѣе выставить слабыя мѣста этой школы, напримѣръ, ничѣмъ не оправдываемый выборъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ (стр. 60 и др.).

Но особенно неудовлетворительнымъ представляется его отношеніе къ Канту и къ кантіанцамъ. Прежде всего—совершенно непонятно, почему онъ счелъ возможнымъ, говоря о кантіанствѣ, говорить объ

одномъ только Ренувье, какъ будто онъ единственный послѣдователь Канта, написавшій свою этику, какъ будто совсѣмъ и не существуетъ системъ Вундта, Паульсена, Шуппе. Развѣ можно возразить на это, что Ренувье является самымъ типичнымъ представителемъ всего направленія? Но слѣдуетъ сказать еще, что Фуллье, вообще, недостаточно глубоко проникъ въ нравственное ученіе Канта; это видно уже изъ тѣхъ возраженій, которыя онъ дѣлаетъ «морали критизма» (книга III). Ошибка Фуллье начинается съ того, что онъ невѣрно понимаетъ цѣль «Критики практическаго разума»; онъ какъ будто думаетъ, что Кантъ даетъ новый принципъ нравственности, новый нравственный законъ долга, и потому требуетъ, чтобъ онъ доказалъ реальность этого закона (стр. 138). Между тѣмъ Кантъ совершенно опредѣленно говоритъ (напр. Kr. d. prakt. V., Vorrede, стр. 7 въ изд. Кирхмана), что онъ даетъ только новую формулу для стараго начала, извѣстнаго всему міру, и всѣ толкователи Канта, даже самые скептическіе, признаютъ, что онъ понималъ категорическій императивъ, какъ несомнѣнный и для всякаго очевидный психологическій *фактъ* (см., напр. Hegler, Die Psychologie in Kant's Ethik, стр. 90). Если-же это такъ, то нельзя и требовать, чтобъ «Критика» нравственнаго закона доказала условія его реальности, его происхожденіе, слѣдствія и т. п.; доказательство это или совсѣмъ невозможно, или оно возможно только для психологіи.

Далѣе, Фуллье обвиняетъ Канта въ логической ошибкѣ. Кантъ открываетъ свое «основоположеніе» утвержденіемъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего, что можно было-бы считать добрымъ безъ ограниченія (слѣд. абсолютно), кромѣ доброй воли, а Фуллье возражаетъ на это, «что сначала слѣдовало-бы доказать существованіе абсолютнаго блага, а потомъ уже утверждать, что это благо заключается въ волѣ» (стр. 148). Очевидно, онъ понялъ это мѣсто такъ, что воля, сама по себѣ,—просто, какъ воля, есть уже абсолютное благо; но сколько нибудь внимательное чтеніе показываетъ, что смыслъ этого мѣста совсѣмъ иной. Кантъ говоритъ, что всѣ блага міра могутъ стать зломъ, когда ихъ направляетъ злая воля, слѣдовательно ихъ не всегда можно назвать добромъ, между тѣмъ та воля, которую мы называемъ доброю, не можетъ уже стать зломъ, ибо ея доброта не зависитъ ни отъ какого обстоятельства; слѣдовательно, рѣчь идетъ не о томъ, что воля есть благо, но о томъ, что она можетъ быть благомъ, именно—когда она есть добрая воля: der gute Wille ist durch das Wollen gut (Grundlegung, стр. 11). Эта ошибка повторяется и далѣе во всей четвертой книгѣ, посвященной Канту. Напримѣръ, на стр. 153, онъ говоритъ: «это доказательство, приводимое Кантомъ для того, чтобы *возвести чистый разумъ въ абсолютное благо*, не выдерживаетъ критики»; на стр. 192: «мы должны были-бы быть богами, по меньшей мѣрѣ святыми, или, по крайней мѣрѣ, волей абсолютно доброй въ своемъ намѣреніи»; на стр. 205 Фуллье недоумѣваетъ, какимъ образомъ съ точки зрѣнія Канта «могутъ существовать бурные поступки»,

стр. 209: «Съ идеей абсолютнаго блага вводится понятіе, не имѣющее другого оправданія кромѣ метафизической вѣроятности, на основаніи которой предполагается, что законъ долженъ имѣть цѣлью реальное благо всѣхъ».

Почти то-же самое случилось и съ понятіемъ свободы. «Если, говоритъ Фуллье, мы можемъ составить себѣ о неизвѣстномъ и непознаваемомъ нуменѣ лишь абсолютно отрицательное представленіе, то есть-ли у насъ какое-либо основаніе *считать* его областью свободы?» «Кто поручится мнѣ, что нуменъ *не есть* необходимость еще болѣе роковая, болѣе основная, чѣмъ та, которая открывается въ настоящее время моему познанію?» (стр. 155). Всѣ эти вопросительные знаки были-бы, конечно, совершенно ненужны, еслибъ Фуллье понялъ, что Кантъ не утверждаетъ свободы, но постулируетъ ее: доказать существованіе свободы нельзя, но ее необходимо предположить, такъ-какъ иначе невозможно было-бы объяснить несомнѣнно существующій нравственный законъ. На этомъ недоразумѣніи основываются и всѣ схоластическія выкладки, которыми наполнены стр. 167—171, гдѣ говорится, что «человѣкъ-феноменъ не обязанъ, такъ-какъ онъ поставленъ въ необходимость», что «нравственная воля не можетъ быть безнравственной», что кантіанцы для доказательства своей теоріи должны «допустить первоначальный грѣхъ», что кантовскій законъ не можетъ быть нравственнымъ, потому что онъ—«законъ слѣпой» и т. п. Точно такъ-же не совсѣмъ отчетливо представляетъ себѣ Фуллье сущность формализма (стр. 209), значеніе всеобщности для содержанія нравственнаго закона (стр. 213—218) и многія другія, менѣе важныя стороны кантовской этики.

Къ этому нужно прибавить еще, что критическіе пріемы Фуллье, сами по себѣ, не всегда удовлетворительны и не всегда отличаются чистотой. Такъ на стр. 369, желая выдѣлить изъ философіи теологическіе элементы, онъ указываетъ, между прочимъ, на принужденіе, которое вполнѣ (по его мнѣнію) согласуется съ нравственностью, но которое церковь, вообще, не допускаетъ, а затѣмъ самъ-же (370) утверждаетъ, что принужденіе должно быть основано на внѣшнемъ авторитетѣ. На стр. 371 онъ осуждаетъ теологическую мораль на основаніи тѣхъ логическихъ и отчасти практическихъ выводовъ, которые изъ нея слѣдуютъ, хотя раньше, на стр. 25, онъ самъ совершенно справедливо осудилъ такой пріемъ оцѣнки теорій; на стр. 372 онъ говоритъ, что цѣли исправленія ставитъ себѣ не только церковь, но и государство, и «*даже*» само право является выразителемъ общихъ интересовъ: но выражать интересы совсѣмъ не значитъ исправлять того, кому эти интересы принадлежатъ, потому что исправленіе предполагаетъ не только идею бытія, но и идею долженствованія, и остается открытымъ вопросъ, откуда беретъ государство эту идею.

Что касается до собственныхъ воззрѣній Фуллье, которыя онъ излагаетъ отчасти въ «Заключеніи», отчасти мимоходомъ—при разсмотрѣніи чужихъ теорій (напр., стр. 46, 91, 374 и др.), то о нихъ трудно ска-

зать что-нибудь опредѣленное. Повидимому, онъ и здѣсь такъ-же пытается соединить несоединимое, какъ и въ «La science sociale contemporaine», гдѣ онъ договорную и органическую теоріи думаетъ примирить въ противорѣчивомъ понятіи «договорнаго организма». Поэтому нельзя не порадоваться тому, что Фуллье обѣщаетъ намъ впослѣдствіи свою теорію дать въ отдѣльномъ изложеніи, которое составитъ какъ-бы вторую, положительную часть этого труда. Во всякомъ случаѣ, эту книгу мы будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ.

Въ заключеніе два слова о русскомъ изданіи. Переводъ, въ общемъ довольно хорошій, почти всегда вѣрно передающій всѣ оттѣнки мысли; если и попадаются иногда ошибки стилистическія [1]), то онѣ все-таки не мѣшаютъ цѣльности впечатлѣнія. Зато нельзя пожаловаться и на недостатокъ опечатокъ; между ними встрѣчаются и такія, которыя способны, пожалуй, смутить неопытнаго или невнимательнаго читателя.

В. Вальденбергъ.

Т. Рибо. Эволюція общихъ идей. Переводъ Н. Спиридонова. Москва, 1898. Изданіе маг. «Книжное дѣло».

Въ этой небольшой интересно написанной книгѣ Рибо ставитъ себѣ задачей показать, какимъ образомъ развивалась и развивается способность отвлеченія и обобщенія, приводящая къ образованію общихъ представленій и общихъ понятій. Онъ почти не задается вопросомъ, откуда берется эта способность, составляетъ-ли она, въ послѣднемъ анализѣ, неотъемлемое свойство нашего ума, или она есть результатъ эволюціи; онъ одинаково равнодушно относится и къ теоріи наслѣдственности, и къ различнымъ метафизическимъ гипотезамъ. Для него важно установить только тотъ фактъ, что обобщающая способность несомнѣнно существуетъ, и онъ хочетъ прослѣдить процессъ ея развитія какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и во всемъ животномъ мірѣ.

Всѣ формы отвлеченія могутъ быть сведены къ тремъ разрядамъ. Низшія формы характеризуются тѣмъ, что въ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ слово. Отъ наблюденія многихъ схожихъ предметовъ остается нѣкоторый общій образъ (image générique), образующійся отъ сгущенія нѣкоторыхъ признаковъ, имѣющихъ, главнымъ образомъ, практическое значеніе; при помощи примѣровъ, которыхъ во множествѣ можно найти у Вундта, Тайлора, Морана, Леббока и др., онъ показываетъ, что животныя умѣютъ считать и умозаключать, что у дѣтей символы отдѣльныхъ предметовъ легко переходятъ въ символы, характеризующіе цѣлый родъ, что глухонѣмые и дикари звуками и жестами обозначаютъ не только простыя, но и довольно сложныя понятія и составляютъ изъ нихъ цѣлыя сужденія. Съ появленіемъ рѣчи образуются среднія формы отвлеченія, въ которыхъ слово лишь въ слабой степени замѣняетъ собой образъ, или

---

[1]) Вродѣ, на стр. 241: «онъ не *щадитъ* ни упрековъ, ни насмѣшекъ по адресу Канта»,—вмѣсто: онъ не жалѣетъ.

оно становится необходимымъ въ виду образованія отвлеченныхъ понятій; здѣсь Рибо, въ видѣ примѣра, указываетъ на зоологическія классификаціи, въ которыхъ единству принципа дѣленія очень долго мѣшали конкретные образы, соединявшіе въ одинъ классъ такихъ животныхъ, которыя имѣли только случайное сходство. Наконецъ, въ третьемъ періодѣ развитія человѣкъ мыслитъ понятіями; на основаніи произведенныхъ имъ опытовъ Рибо раздѣляетъ всѣхъ людей на три типа (зрительный, слуховой и типографическій), смотря по тому, вызываетъ-ли у нихъ извѣстное понятіе болѣе или менѣе ясный образъ, или слова только звучатъ въ ихъ ушахъ, или, наконецъ, слово, соотвѣтствующее понятію, они видятъ напечатаннымъ. Опыты произведены съ такой тщательностью и осторожностью, что не могутъ возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія. Дойдя до высшей формы отвлеченія—до отвлеченныхъ понятій, Рибо изслѣдуетъ затѣмъ эволюцію главныхъ понятій: число, пространство, время, причина, законъ и видъ. Говоря о числѣ, онъ разсматриваетъ любопытный вопросъ о происхожденіи идеи единицы, о ея относительности и объ образованіи большихъ чиселъ посредствомъ сложенія, вычитанія и умноженія; идеи пространства и времени онъ старается вывести изъ протяженности и длительности, причемъ, — нужно сказать—здѣсь строго-научный методъ ему нѣсколько измѣняетъ, такъ что метафизическія теоріи очень часто опредѣляютъ собой оцѣнку опытнаго матеріала.

Такимъ образомъ, вопросы, которые составляютъ содержаніе этой книги, далеко не являются новыми,—нельзя даже сказать, чтобы они получали у Рибо какую-нибудь особо-оригинальную постановку, ибо почти во всѣхъ курсахъ экспериментальной психологіи разсматриваются и ступени умственнаго развитія, соотвѣтствующаго развитію общихъ идей; но задача Рибо—разсмотрѣть эти вопросы отдѣльно не только отъ теоріи познанія, но и отъ другихъ вопросовъ психологіи, и съ этой стороны его попытка—несовсѣмъ удавшаяся—заслуживаетъ полнаго вниманія.

В. В.

Б. Чичеринъ. Курсъ государственной науки. Часть III. Политика. М. 1898.

Кромѣ этого тома, въ составъ «Курса» г. Чичерина вошло общее государственное право (ч. I) и ученіе объ обществѣ, такъ что все сочиненіе является очень объемистымъ: оно заключаетъ въ себѣ 1467 страницъ. Поэтому нельзя не согласиться съ авторомъ, что это — «первая попытка представить предметъ въ его полнотѣ» на русскомъ языкѣ, и уже, какъ первая попытка, этотъ трудъ заслуживалъ бы того, чтобъ на немъ остановиться подольше. Не отказываясь отъ этой задачи и надѣясь приступить къ ней въ ближайшемъ будущемъ, мы теперь скажемъ нѣсколько словъ только о послѣдней части книги г. Чичерина.

Эта часть раздѣляется на шесть отдѣловъ, въ которыхъ говорится о теоретическихъ основахъ политики, о созданіи государства, о поли-

тикѣ государственнаго устройства, законодательства и управленія и о политикѣ партій. Цѣли, которыя должно ставить себѣ государство, вырабатываются общественной жизнью и, потому, составляютъ предметъ соціологіи, какъ науки объ обществѣ; политика, какъ отдѣльная наука, должна была бы имѣть своей задачей только выясненіе и оцѣнку средствъ, ведущихъ къ достиженію государственныхъ цѣлей. Но такъ какъ при оцѣнкѣ средствъ нельзя обойтись безъ того, чтобъ не коснуться и достоинства самихъ цѣлей, то въ политикѣ каждый вопросъ разсматривается и съ той, и съ другой стороны. Вопросы же, затрогиваемые здѣсь г. Чичеринымъ, всегда очень интересные, большею частью иллюстрированы примѣрами изъ западной и русской исторіи и разработаны съ большей тщательностью. Рѣшенія вопросовъ, вѣроятно, находятся въ связи со всѣмъ его міросозерцаніемъ, но для читателя только этой книги мнѣнія автора—нужно сказать правду—не всегда могутъ казаться достаточно мотивированными. Съ ними можно спорить. И съ этой точки зрѣнія нельзя не замѣтить, что г. Чичерину едва-ли удалось построить науку политики: его книга представляетъ именно рядъ мнѣній, иногда въ высокой степени любопытныхъ и оригинальныхъ, съ которыми, однако, можно соглашаться и не соглашаться, нисколько не рискуя впасть въ противорѣчіе; въ книгѣ нѣтъ самаго главнаго: нѣтъ начала, опредѣляющаго направленіе мнѣній, нѣтъ основанія, фундамента науки. Для политики основными вопросами являются вопросы объ ея отношеніяхъ къ праву, къ нравственности и къ существующему, основанному на традиціяхъ, общественному строю. Г. Чичеринъ изслѣдуетъ эти вопросы, но результаты его изслѣдованія представляются колеблющимися и, во всякомъ случаѣ, мало опредѣленными. Въ уваженіи къ праву—вся сила политики, но есть *случаи*, когда можно и слѣдуетъ пожертвовать этимъ уваженіемъ ради высшихъ цѣлей и, можетъ быть, ради высшаго, «естественнаго» права; политика не должна пользоваться безнравственными средствами, однако не слѣдуетъ понимать нравственность слишкомъ узко, ибо *иногда* временное нарушеніе нравственности ведетъ къ торжеству высшихъ государственныхъ (а слѣдовательно) и нравственныхъ началъ; необходимо уважать преданія, но нельзя забывать и о прогрессѣ и жертвовать имъ для отпавшихъ и ненужныхъ установленій. Но когда можно и слѣдуетъ нарушить право? какъ опредѣлить отношеніе морали къ данной государственной задачѣ? какія преданія устарѣли, и каковы признаки ихъ устарѣлости? Въ жизни политическіе вопросы рѣшаются подъ вліяніемъ минутныхъ настроеній, но теоретическая политика должна была-бы указать прочныя начала, которымъ нужно подчинять эти настроенія. Г. Чичеринъ этихъ началъ не даетъ—именно потому, что онъ не даетъ науки.

Справедливость требуетъ, однако, прибавить, что политики, какъ отдѣльной и самостоятельной науки, не существуетъ и на Западѣ.

В. Вальденбергъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. (Бичеръ-Стоу). Біографическій очеркъ *Ив. Ив. Иванова.* Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Москва, 1898 г. Цѣна 30 к.

Недавно умершая американская писательница Гарріета Бичеръ-Стоу пользуется широкой и заслуженной извѣстностью; немного найдется книгъ, которыя при своемъ появленіи въ свѣтъ произвели такое сильное впечатлѣніе, какъ ея «Хижина дяди Тома», эта трогательная исторія негра невольника, одинаково интересная и для дѣтей и для взрослыхъ, какъ яркая иллюстрація жестокихъ временъ американскаго рабовладѣнія. Интересна и поучительна эта книга, но не менѣе интересна и поучительна и личность ея автора. Дочь небогатаго священника-кальвиниста, въ двѣнадцать лѣтъ разсуждающая на тему о безсмертіи души и сохраняющая горячій интересъ къ окружающему въ заботахъ и тревогахъ семейной жизни, Гарріета Бичеръ-Стоу является однимъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ женскихъ образовъ, которые, по выраженію поэта, «призваны оварять мрачную долину жизни». Очеркъ г. Иванова, обрисовывающій среду, въ которой выросла писательница, и ея богатую натуру, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ себѣ мѣсто въ нашей народной и дѣтской литературѣ.

О преподаваніи русской литературы. *В. Я. Стоюнина.* Спб. 1898 г.

Эта книга, вышедшая уже пятымъ изданіемъ, вполнѣ заслуживаетъ той широкой извѣстности, какою она пользуется въ педагогическомъ мірѣ. На нашъ взглядъ она можетъ служить весьма цѣннымъ пособіемъ при преподаваніи литературы, которое ведется, въ большинствѣ нашихъ школъ, на чисто формальной безжизненной почвѣ. Авторъ смотритъ на дѣло учебнаго преподаванія очень широко и видитъ его задачу не въ обученіи, а въ нравственномъ и умственномъ развитіи учениковъ. Преподаватель, по его справедливому замѣчанію, долженъ заботиться не о сообщеніи познаній ученикамъ въ возможно большемъ количествѣ, а объ усвоеніи ими этихъ познаній, о развитіи въ нихъ навыка къ самостоятельному труду и сознательности по отношенію къ окружающему. Правильно поставленное изученіе литературы можетъ содѣйствовать осуществленію этой главной воспитательной цѣли. Вести преподаваніе литературы, по мнѣнію автора, слѣдуетъ практическимъ путемъ, т.-е. читать съ учениками образцовыя произведенія преимущественно народной и изящной литературы и сопровождать эти чтенія критическимъ разборомъ содержанія прочитаннаго. Письменныя самостоятельныя работы учениковъ на дому, по его мнѣнію, являются весьма желательнымъ дополненіемъ къ классньмъ бесѣдамъ. Начинать изученіе литературы слѣдуетъ знакомствомъ съ новѣйшими произведеніями, такъ какъ вопросы современной жизни ближе и понятнѣе для учениковъ, чѣмъ вопросы отдаленнаго прошлаго: они охотнѣе и усерднѣе будутъ работать надъ предложеннымъ матерьяломъ и скорѣе уловятъ ту связь, какая всегда существуетъ между жизнью и литературой. Послѣ такой предварительной подготовки нужно перейти къ историческому изученію литературы. Подъ историческимъ изученіемъ авторъ разумѣетъ послѣдовательное разсмотрѣніе памятниковъ въ связи съ знакомствомъ съ окружающею средою и считаетъ его безусловно необходимымъ, вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ ученыхъ. Кромѣ общихъ разсужденій о преподаваніи литературы, мы находимъ еще въ книгѣ г. Стоюнина планы разбора художественныхъ образцовъ съ подробнымъ указаніемъ на вопросы, вытекающіе изъ разбора, и даже приблизительные отвѣты. Практическія указанія такого опытнаго педагога несомнѣнно очень цѣнны, въ особенности для неопытныхъ

преподавателей. Такія-же практическія указанія мы находимъ и относительно историческаго изученія предмета. Древнюю литературу онъ рекомендуетъ начинать съ времени проникновенія къ намъ христіанства и первыхъ зачатковъ письменности болгарской литературы; новый-же періодъ начинать не съ Ломоносова, какъ это принято большинствомъ ученыхъ, а съ эпохи преобразованія, т.-е. съ Кантемира. Трудъ г. Стоюнина дышетъ искренностью и любовью къ дѣлу, а потому чтеніе его оставляетъ по себѣ самое пріятное впечатлѣніе. Вездѣ онъ вѣренъ самому себѣ: всегда мысленно видитъ передъ собою живыя души учениковъ и свою ярко сознанную цѣль— воспитаніе изъ нихъ людей въ широкомъ смыслѣ слова, пригодныхъ для жизни и общественной дѣятельности.

II. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Путеводитель по небу. *К. Покровскаго.* Астронома-наблюдателя Императорскаго юрьевскаго университета. 2-е пересмотрѣнное и дополненное изданіе. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія первое изданіе *рекомендовано* для библіотекъ основныхъ и ученическихъ *всѣхъ* среднихъ учебныхъ заведеній, а также для *подарковъ* ученикамъ. Спб. А. Ф. Маркса.

Первое изданіе «Путеводителя по небу» г-на Покровскаго имѣло громадный успѣхъ и не подлежитъ сомнѣнію, что второму изданію предстоитъ еще большій. Внѣшность книги отличается изяществомъ, свойственнымъ всѣмъ изданіямъ г. Маркса. Число рисунковъ сравнительно съ первымъ изданіемъ значительно увеличено. Карта Марса по наблюденіямъ Скіапарелли и полное лунное затменіе отпечатаны цвѣтными красками и къ прежнимъ четыремъ картамъ звѣзднаго неба присоединено еще одно.

Въ предисловіи ко второму изданію авторъ обращаетъ вниманіе любителей астрономіи на необходимость и возможность систематическаго ряда наблюденій, предостерегая отъ безцѣльнаго общаго обзора неба, при которомъ вниманіе неизбѣжно ослабѣваетъ и интересъ охлаждается. Общій обзоръ неба долженъ только предшествовать систематическимъ наблюденіямъ, къ которымъ можно перейти, пользуясь инструкціями, находящимися въ книгѣ г. Покровскаго, и останавливая свое вниманіе на солнечныхъ пятнахъ, на падающихъ звѣздахъ, на мерцаніи звѣздъ и т. д.

Справочная книжка по географіи. I. Настольный словарь географическихъ названій. II. Географическо-статистическія таблицы. *В. Покровской.* Цѣна 1 рубль. Юрьевъ. 1898 годъ.

Настоящій трудъ г-жи Покровской представляетъ изъ себя попытку составить словарь наиболѣе употребительныхъ географическихъ названій, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ и въ связи съ географическо-статистическими таблицами, касающимися различныхъ сторонъ жизни каждаго изъ поименованныхъ государствъ: положенія, устройства поверхности, пространства, населенія, его раздѣленія, числа жителей, военнаго могущества, финансовъ, промышленности, торговли, судоходнаго, желѣзнодорожнаго, почтоваго, телеграфнаго и телефоннаго сообщеній, мѣръ, вѣсовъ, монетъ и пр. Словарь предназначается для широкой публики, въ виду чего авторъ считаетъ возможнымъ отступать иногда отъ строго научнаго изложенія. въ интересахъ чисто практическихъ удобствъ. Какъ настольная справочная книга онъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Тимофеевъ А. Г. **Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ.** Спб. 1897 г.

Трудъ г. Тимофеева состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ: въ 1-мъ авторъ говоритъ объ общихъ условіяхъ развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній въ Западной Европѣ, во 2-мъ приводитъ исторію ихъ по русскому праву и, наконецъ, въ 3 й разсматриваетъ виды тѣлесныхъ наказаній. Предпославъ опредѣленіе и подраздѣливъ тѣлесныя наказанія на виды, г. Тимофеевъ указываетъ, что опредѣленіе времени и условій появленія этихъ наказаній въ общей карательной системѣ—вопросъ большой трудности. Рѣшая этотъ вопросъ, авторъ склоняется къ теоріи Летурно и М. М. Ковалевскаго, которые полагаютъ, что тѣлесныя наказанія возникли въ семьѣ, въ родѣ. Затѣмъ, впослѣдствіи, когда возникаетъ королевская власть и король дѣлается хранителемъ земного и божественнаго порядка, къ нему переходитъ и право наказанія, замѣнившаго месть и выкупъ (Глассонъ). Разсмотрѣвъ условія возникновенія и развитія тѣлесныхъ наказаній и указавъ на тѣсную зависимость ихъ отъ хода общаго историческаго развитія, г. Тимофеевъ даетъ краткій очеркъ ихъ исторіи въ Германіи и Франціи. Членовредительныя наказанія получили въ VIII вѣкѣ большее развитіе, когда-же феодализмъ окончательно восторжествовалъ, то всѣ тѣлесныя наказанія стали примѣняться чаще, чѣмъ прежде. Въ XVII в. въ Германіи стало замѣчаться теченіе противъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній и особенно членовредительныхъ. Путемъ только судебной практики, безъ всякой законодательной отмѣны, примѣненіе наиболѣе жестокихъ тѣлесныхъ наказаній начало постепенно сокращаться. Во Франціи развитіе тѣлесныхъ наказаній шло тѣмъ-же путемъ. какъ и въ Германіи. Еще въ XVIII стол. они твердо стояли въ за-

конодательствѣ, поддерживались какъ практиками, такъ и нѣкоторыми изъ теоретиковъ, даже въ теоріи членовредительныя наказанія не отвергались. Желая устранить произволъ при исполненіи болѣзненныхъ наказаній, Бентамъ предложилъ построить особой формы машины, которыя приводили-бы въ движеніе эластичныя тѣла, на подобіе вѣтвей или китовыхъ усовъ. До такой самосѣкущей машины даже и мы, варвары, не додумались! Конецъ процвѣтанію тѣлесныхъ наказаній во Франціи положила революція и они были отмѣнены, съ провозглашеніемъ «правъ человѣка», республикой. Уголовный кодексъ Наполеона I восстановилъ нѣкоторыя тѣлесныя наказанія, но эта мѣра не встрѣтила особаго сочувствія въ обществѣ и въ 1832 г. имъ былъ нанесенъ окончательный ударъ. Въ Германіи вымираніе ихъ шло медленнѣе. Въ 1831 г. Миттермайеръ рѣшительно требовалъ отмѣны этихъ наказаній, какъ безполезныхъ и несотвѣтствующихъ строю конституціонныхъ государствъ, но голосъ знаменитаго криминалиста не пробудилъ общественнаго мнѣнія, и только въ 1871 г. обще-германскій кодексъ отмѣнилъ тѣлесныя наказанія. Любопытно, что даже послѣ этого раздавались голоса въ пользу возстановленія тѣлесныхъ наказаній. Поводомъ служило увеличеніе преступности. Такъ Миттельштедтъ дошелъ до того, что возстановленіе тѣлеснаго наказанія приписываетъ требованію самого народа. Переходя ко 2-му отдѣлу, рассматриваемаго нами труда, мы не можемъ не упомянуть, что онъ очень интересенъ. Къ сожалѣнію при ссылкахъ авторъ цитируетъ не первоисточники, и это отражается не совсѣмъ благопріятно на сочиненіи, какъ на трудѣ ученомъ. Благодаря такой системѣ, тексты древнихъ памятниковъ, въ отношеніи орѳографіи, искажены.

Мы не будемъ останавливаться на исторіи развитія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Разсматривая причины, содѣйствовавшія вымиранію тѣлесныхъ наказаній, г. Тимофеевъ указываетъ на слѣдующія изъ нихъ: 1) признаніе тѣлесныхъ наказаній позорными, 2) возникновеніе привилегій, вытекавшихъ изъ позорности наказаній и 3) смягченіе наказаній. Какъ въ первый періодъ существованія тѣлесныхъ наказаній не считалось позорнымъ подвергаться имъ, такъ при преемникахъ Петра I въ указахъ постоянно выдвигается позорность битья кнутомъ. При Павлѣ I (1798 г.) былъ отданъ приказъ: «прогнанныхъ сквозь строй, хотя-бы одинъ разъ, кирасиръ писать уже въ извощики, а не въ кирасиры», а при Николаѣ I тѣлесное наказаніе составляло непреодолимое препятствіе для производства въ офицеры. Здѣсь-же авторъ указываетъ, что въ царствованіе Петра III была издана грамота о вольностяхъ дворянства, въ которой освобожденіе дворянъ отъ тѣлесныхъ наказаній помѣщается наряду съ важнѣйшими преимуществами. Эта отмѣтка автора интересна для неспеціалистовъ уже потому одному, что, обыкновенно иниціативу этой грамоты приписываютъ Екатеринѣ II, а о грамотѣ Петра III очень мало кто знаетъ. Слѣдовательно, дворянство, по закону 1785 г., освобождалось отъ тѣлеснаго наказанія, духовенство-же не было включено въ число освобожденныхъ. На короткій срокъ, именно, въ началѣ 1797 г., тѣлесныя наказанія были возстановлены для всѣхъ сословій. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ довольно подробно рисуетъ картину постепеннаго вымиранія тѣлесныхъ наказаній и совершенно справедливо отмѣчаетъ, что законъ 12 іюля 1889 г. въ вопросѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ сдѣлалъ шагъ назадъ. Правда, по закону 1889 г., наказаніе розгами допускается только по приговору волостныхъ судовъ, утвержденныхъ земскими начальниками, и то если судъ признаетъ необходимымъ именно тѣлесное наказаніе. Несмотря на это ограниченіе, введеніе розогъ, какъ наказанія для одного только сословія, т. е. для крестьянъ, надо полагать, не долго удержится въ нашемъ законодательствѣ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ своего труда г. Тимофеевъ подробно останавливается на видахъ тѣлеснаго наказанія.

Г. А. Евреиновъ. **Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства.** Спб. 1898.

«Напомнить прошлое русскаго дворянства и опредѣлить его настоящее значеніе»—такова задача разсматриваемаго труда. Задача, какъ видимъ, широкая и въ высшей степени своевременная, но, къ сожалѣнію, выполненіе ея не стоитъ на высотѣ первоначальнаго замысла. Вполнѣ раздѣляя основную мысль автора, что здоровый ростъ русскаго общества требуетъ не возвращенія на путь сословныхъ привилегій, а спокойнаго завершенія процесса обращенія привиллегій въ общее право,—мы останавливаемся въ недоумѣніи передъ его отношеніемъ къ трактуемому вопросу. Начать съ того, что, вопреки своему обѣщанію опредѣлить настоящее значеніе дворянства, только напомнивъ его прошлое, онъ почти исключительно останавливается на этомъ прошломъ, не давая даже сырого матеріала для характеристики экономическаго и соціальнаго положенія современнаго дворянства. Нѣсколько общихъ фразъ никоимъ образомъ не могутъ быть признаны достаточными для разрѣшенія столь сложной задачи, а такія заявленія, какъ то, что «дворянство въ качествѣ составной части русскаго землевладѣнія (?) обладаетъ достаточной устойчивостью», что оно туго уступаетъ другимъ сословіямъ землю и является на рынкѣ главнымъ покупщикомъ ея—прямо указываютъ на недостаточное знакомство автора

съ предметомъ, — болѣе того, на невнимательное отношеніе даже къ тому фактическому матеріалу, которымъ онъ пользуется въ своей книгѣ. Онъ самъ говоритъ, наприм., что въ 1893 г. дворяне продали 2.091,412 дес. земли, а купили 1.104,411 дес., потерявъ такимъ образомъ за одинъ годъ (!) около 1% общей площади дворянскаго землевладѣнія. Если бы авторъ далъ себѣ трудъ сосчитать, сколько дворянство потеряло земли со времени освобожденія, онъ могъ бы убѣдиться во-очію, что 1893 г. не былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ. По даннымъ дворянскаго банка, мы знаемъ, что изъ 78 милл. десятинъ, которыми помѣщики дворяне располагали послѣ освобожденія, къ 1892 г у нихъ оставалось лишь 57 милл., причемъ въ послѣднее время какъ задолженность, такъ и продажа дворянскихъ имѣній за долги и по частнымъ сдѣлкамъ ежегодно увеличивается. О какой же устойчивости можно говорить послѣ этого? Евреиновъ рекомендуетъ дворянамъ отказаться отъ предлагаемыхъ имъ выгодъ, не выясняя ни исторической необходимости такого отказа, ни ихъ положенія среди другихъ сословій. Вторая часть труда, касающаяся современности, исчерпывается общими мѣстами и благими пожеланіями, первая же, чисто компилятивная и притомъ очень сбивчивая и плохо составленная, отнюдь не заставляетъ забыть недостатки второй.

Новое сельское общество. Разсказъ о томъ, какъ устроили свои общественныя дѣла крестьяне грамотныхъ деревень. *Н Дружининъ.* Изд. Читальни Народной Школы. 1898 г.

Цѣль книги—содѣйствовать росту народнаго правосознанія. Въ общедоступной формѣ разсказа авторъ знакомитъ читателя-крестьянина съ устройствомъ и компетенціей сельскаго схода, указывая попутно книги, въ которыхъ онъ можетъ подробно ознакомиться съ затрогиваемыми разсказомъ вопросами. Польза и своевременность этого труда не нуждаются въ особой аргументаціи, онъ является отвѣтомъ на назрѣвающее уже въ средѣ самихъ крестьянъ сознаніе ихъ юридической безпомощности и благодаря удачно выбранной формѣ можетъ служить хорошимъ введеніемъ къ болѣе серьезнымъ трудамъ одного съ нимъ рода. Но тѣмъ болѣе мы считаемъ себя вправѣ высказать нѣкоторыя замѣчанія и недоумѣнія, которыя вызвала въ насъ книга г. Дружинина. Упростивъ, насколько возможно, способъ изложенія, онъ не всегда заботится объ этомъ по отношенію къ языку и употребляетъ безъ объясненія такія, напр., слова, какъ простое большинство, баллотировать, формальный, юридическое знаніе, общій духъ законовъ и т. д. Насъ нѣсколько удивилъ и приложенный къ книгѣ перечень книгъ, которыя, по мнѣнію г. Дружинина, *необходимы* для народныхъ библіотекъ и грамотныхъ крестьянъ. Наряду съ общедоступными руководствами, онъ рекомендуетъ почти всѣ XVI томовъ св. законовъ, уставъ о воинской повинности Горяинова, положеніе о сельскомъ состояніи Данилова, 2-хъ томный капитальный трудъ Горемыкина и нѣкоторыя другія, которыя подъ силу хорошему юристу, но уже никакъ не грамотному крестьянину. Въ заключеніе нѣсколько словъ объ общемъ впечатлѣніи отъ книги. Желая заинтересовать крестьянина въ его собственныхъ правахъ, авторъ рисуетъ картину утопическаго сельскаго общества, въ которомъ крестьяне, исключительно благодаря близкому знакомству съ ними, своими силами искореняютъ разнообразное деревенское зло и насаждаютъ всяческое благополучіе, обнаруживая при этомъ невѣроятную для сельскаго общества солидарность его членовъ. Нѣтъ ни разложенія крестьянскихъ устоевъ, о которыхъ такъ много пишутъ и говорятъ въ послѣднее время, ни дефференціаціи крестьянскаго населенія, ни всевластной сельской буржуазіи, ни... земскихъ начальниковъ. Конечно, это своего рода дидактическій пріемъ, съ этой точки зрѣнія надо и судить о немъ, но вѣдь и грамотный и даже полуграмотный крестьянинъ можетъ замѣтить, что «гладко писано въ бумагѣ, да забыли про овраги, какъ по нимъ ходить?»

Трудовая помощь. Журналъ, издаваемый состоящимъ подъ августѣйшимъ покровительствомъ Е. В. Г. И. Александры Θеодоровны попечительствомъ о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ. Подъ ред. *В. Дерюжинскаго,* № 1, ноябрь 1897 г.

Новый журналъ является первымъ органомъ, посвященнымъ спеціально дѣлу общественнаго призрѣнія. Онъ ставитъ себѣ задачей главнымъ образомъ разработку вопросовъ трудовой помощи и сосредоточенія свѣдѣній объ ея развитіи, но въ то же время обѣщаетъ касаться и всѣхъ другихъ отраслей общественной благотворительности Въ первомъ нумерѣ «Трудовой помощи», кромѣ обзора законодательства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и нѣсколькихъ отчетовъ и обзоровъ, относящихся къ дѣятельности попечительства о домахъ трудолюбія, содержится цѣлый рядъ статей, имѣющихъ не только спеціальный, но и значительный общій интересъ. Такова, наприм., статья проф. В. И. Герье: «Что такое домъ трудолюбія». Интересна также блестяще написанная замѣтка о задачахъ трудовой помощи А. Θ. Кони, Очерки частной благотворительности въ Россіи Е. Максимова, и статья М. В. Духовского о городскихъ попечительствахъ въ Москвѣ. Сверхъ того, въ журналѣ имѣется хроника благотворительнаго дѣла въ Россіи и заграницей. Обѣщанъ также обзоръ литературы по вопросамъ благотворительности.

Очеркъ исторіи философіи. Пособіе для самообразованія и для студентовъ. *I. Ремке.* Переводъ съ нѣмецкаго Н. Лосскаго подъ редакціей Я. Колубовскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. Цѣна 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ не безъ основанія сравнивалъ общедоступныя изложенія философскихъ системъ съ кривыми зеркалами, въ которыхъ вмѣсто лица получается нѣчто ни на что непохожее. Изучать по нимъ философію—то-же, что изучать человѣка по его отраженію въ кривомъ зеркалѣ, мы сказали-бы—просто въ зеркалѣ, потому что лучшія изъ этихъ изложеній, не искажая системы, передаютъ лишь ея общій, если можно такъ выразиться, внѣшній обликъ, по которому такъ-же трудно опредѣлить глубину ея содержанія, какъ по отраженію въ самомъ лучшемъ зеркалѣ глубину смотрящаго въ него человѣка. Такой внѣшній обликъ философскихъ системъ отъ Ѳалеса до Лотце включительно мы находимъ въ книгѣ I. Ремке. Авторъ очень добросовѣстно передаетъ читателю основныя положенія различныхъ теорій, отмѣчая ихъ взаимную зависимость и придерживаясь строго объективнаго отношенія къ матерьялу. Какъ пособіе для студентовъ, уже стоящихъ въ курсѣ дѣла и умѣющихъ по намекамъ схватывать суть системы, разсматриваемая книга безусловно полезна; какъ пособіе для самообразованія, она слишкомъ сжата и конспективна и не вводитъ неподготовленнаго читателя ни въ кругъ философскихъ вопросовъ, ни въ духъ разбираемыхъ системъ. Имѣя въ виду между прочимъ и послѣднее, авторъ не позаботился предпослать изложенію сколько нибудь полное и цѣльное опредѣленіе самой науки философіи. Общими фразами, что предметъ современной философіи есть міръ вообще, что ея цѣль есть истинное воззрѣніе на міръ, а задача—установленіе общихъ опредѣленій всей дѣйствительности, онъ нисколько не выясняетъ характера этой науки и тѣхъ особенностей ея объекта и метода, на основаніи которыхъ ее выдѣляютъ, какъ особую науку. Помимо этого, претендуя на научное опредѣленіе философіи въ ея современномъ значеніи, непозволительно упускать изъ виду вопросъ о человѣческомъ познаніи—теорію познанія, съ которой она начинается и на которой основывается. I. Ремке не оговаривается объ этомъ ни словомъ. Не разъяснивъ какъ слѣдуетъ вопросовъ, которыми занимается философія, онъ заявляетъ, что они лежатъ въ крови у человѣка, но что тѣмъ не менѣе занятіе философіей доступно не каждому, хотя и необходимо для того, кто имѣетъ притязаніе считаться образованнымъ. Поистинѣ оригинальное предисловіе къ пособію для самообразованія! Если философомъ-творцомъ надо родиться, то просто образованнымъ человѣкомъ, пожалуй, можно и сдѣлаться.

Характеръ и нравственное воспитаніе. Составилъ *Фр. Кейра.* Переводъ съ французскаго подъ редакціей Р. И. Сементковскаго. Цѣна 40 коп. Изд. Павленкова. Спб. 1897.—**Воображеніе и память.** *Его же.* Переводъ съ франц. Е. Максимовой. 2-е исправленное изданіе. Изд. ред. журнала «Образованіе». Цѣна 40 коп. Спб. 1898 г.

Психологія есть основа педагогики и знакомство съ нею необходимо для воспитателя, чтобы не блуждать во тьмѣ, оперируя надъ такимъ нѣжнымъ и податливымъ матеріаломъ, какъ душа ребенка. Къ сожалѣнію, эта истина очень слабо проникаетъ въ сознаніе общества и большинство нашихъ педагоговъ приступаетъ къ дѣлу съ самымъ смутнымъ представленіемъ о томъ, что должно было бы служить исходнымъ пунктомъ ихъ дѣятельности. Поэтому нельзя не признать полезными тѣхъ трудовъ по психологіи, которые въ общедоступной формѣ знакомятъ широкую публику съ успѣхами, сдѣланными этой наукой. Къ ихъ числу принадлежатъ и оба указанные нами труда Фр. Кейра. Цѣлью перваго изъ нихъ является упрощеніе существующихъ классификацій характеровъ въ цѣляхъ педагогическихъ удобствъ въ связи съ краткимъ историческимъ обзоромъ ученій о характерѣ. Цѣлью второго—ознакомленіе съ наиболѣе характерными наблюденіями надъ памятью и воображеніемъ, которыми мы обязаны современной психологіи, и установленіе систематическаго метода интеллектуальнаго воспитанія. Давать скорѣе обозрѣнія, чѣмъ формулы, наводить на мысли, вмѣсто того, чтобы учить — такова идея, руководящая авторомъ. Имѣя въ виду мало подготовленнаго читателя, Фр. Кейра старается умножать число примѣровъ, разсчитывая этимъ достигнуть болѣе скораго и яснаго пониманія отвлеченныхъ понятій; онъ иллюстрируетъ свои соображенія примѣрами, взятыми изъ біографій извѣстныхъ историческихъ дѣятелей и изъ практики извѣстныхъ психологовъ, которыхъ онъ постоянно цитируетъ, часто даже въ ущербъ цѣльности изложенія. Обѣ книги заключаютъ въ себѣ очень подробныя указанія литературы по затрогиваемымъ ими вопросамъ; написаны онѣ просто и переведены хорошо.

Райхерсбергъ. **Статистика и наука объ обществѣ.** Перев. съ нѣмецкаго А. Струве. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Большая половина брошюры Рейхерсберга посвящена выясненію того обстоятельства, что «социологи par excellence» своевременно не поняли какое громадное значеніе имѣетъ статистика для науки объ обществѣ. Онъ склоненъ думать, что такое невниманіе къ статистикѣ задержало развитіе соціологіи и въ этомъ отношеніи онъ, до извѣстной степени, правъ.—Вторая (меньшая) половина брошюры посвя-

щена изложенію исторіи развитія статистики въ подтвержденіе ея важнаго значенія для соціологіи.

Несмотря на нѣкоторые (повидимому, случайные) промахи, брошюра Рейхесберга окажется полезнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Простота и ясность изложенія, навѣрно, обезпечатъ ей широкое распространеніе и среди русской читающей публики, къ счастью теперь склонной пополнить путемъ самообразованія пробѣлы школьныхъ лѣтъ.

Кн. Ек. Кудашева. **Умственныя способности женщины.** Екатеринославъ. 1897 г. Ц. 70 к.

Авторъ книги является однимъ изъ горячихъ защитниковъ высшаго женскаго образованія. Первая часть книги посвящена посильному для неспеціалиста опровერженію доводовъ противниковъ женскаго движенія, представителемъ которыхъ здѣсь берется нѣмецкій ученый Рейнертъ. Пользуясь свѣдѣніями изъ статистики народнаго просвѣщенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, помѣщенными въ «L'instruction publique aux Etats-Unis», авторъ, дѣлая свои выводы въ пользу умственной состоятельности женщинъ, постоянно ссылается на эту книгу. Изложивъ такимъ образомъ данныя, говорящія за тождественность интеллектуальныхъ способностей обоихъ половъ въ массовыхъ примѣрахъ, кн. Кудашева переходитъ къ характеристикѣ женщинъ всѣхъ временъ и народовъ, оставившихъ свое имя исторіи и служащихъ живыми иллюстраціями для подтвержденія ея положеній, приведенныхъ въ первыхъ главахъ. Желая себя оградить отъ нареканій въ неправильномъ изложеніи, авторъ говоритъ о замѣчательныхъ женщинахъ словами историковъ и ученыхъ, писавшихъ о нихъ ранѣе. Простой, серьезный языкъ книги, ея содержаніе и самая цѣль дѣлаютъ ее не только занимательной и вѣчно читаемой, но и до нѣкоторой степени поучительной.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изъ воспоминаній В. Д. Спасовича о К. Д. Кавелинѣ.—Мнѣнія Кавелина о русской исторіи и «мужицкомъ царствѣ».—Польская газета и «Слово».—«Примирительная» програма Кавелина.—Студенческая исторія въ Москвѣ, участіе въ ней Кавелина.—Изъ воспоминаній графа Саліаса.

Значительный интересъ представляетъ статья В. Д. Спасовича, помѣщенная въ «Вѣст. Европы»: «Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ». Эта статья—нѣчто въ родѣ воспоминаній, во многомъ дополняющихъ біографическій очеркъ Кавелина, помѣщенный проф. Корсаковымъ въ первомъ томѣ сочиненій Кавелина. «Наше знакомство,—говоритъ г. Спасовичъ,—близкое съ 1857 года, продолжалось до самой его кончины—въ 1885 году; такимъ образомъ, оно обнимаетъ собою 33 года. К. Д. Кавелину я весьма многимъ обязанъ: онъ повліялъ на окончательную выработку моего міросозерцанія; онъ ввелъ меня въ кругъ русской жизни, въ область русскихъ идеаловъ и интересовъ». Г. Спасовичъ въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ кое-какія интересныя данныя, имѣющія біографическій характеръ (въ особенности, любопытно въ этомъ отношеніи его участіе въ такъ называемой студенческой исторіи 1861 года); они безспорно дополнятъ то представленіе, которое мы имѣемъ объ этомъ симпатичномъ, но въ общемъ слишкомъ мало извѣстномъ представителѣ русской науки и литературы. Однако, не біографическими данными обращаетъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, статья г. Спасовича, а характеристикой взглядовъ Кавелина на русскую исторію, польское дѣло, психологію и проч.—взглядовъ, съ которыми авторъ близко познакомился въ бесѣдахъ съ Ковелинымъ. Объ этихъ именно взглядахъ мы и хотимъ сказать теперь нѣсколько словъ.

По словамъ г. Спасовича, Кавелинъ не былъ или вѣрнѣе, не желалъ быть ни западникомъ, ни славянофиломъ; но дружилъ онъ больше съ западниками, къ которымъ его влекло и сочувствіе ко всѣмъ великимъ новаторамъ и въ особенности его восторженное отношеніе къ Петру Великому. Съ западниками сближало Кавелина еще и то, что, хотя онъ не былъ лишенъ религіознаго чувства, но всегда былъ равнодушенъ ко всѣмъ

вѣроисповѣднымъ, догматическимъ обрядовымъ различіямъ. Съ западниками и особенно съ Герценомъ соединялъ еще Кавелина общій имъ всѣмъ пріемъ, состоящій въ обращеніи въ русское національное преимущество отрицательныхъ національныхъ качествъ,—напримѣръ, относительной некультурности, взглядъ на русскій народъ, какъ на листъ бѣлой бумаги, еще не исписанный, на которомъ будущее изобразитъ, вѣроятно, нѣчто великое,—наконецъ, весьма отрицательное отношеніе обоихъ къ народной старинѣ, ко всему, что пришлось народу пережить. Но «во всякомъ русскомъ умѣ, даже наиболѣе аналитическомъ и радикальномъ, есть всегда какой-нибудь уголокъ, служащій пріютомъ мистицизму. Былъ и у Кавелина такой уголокъ, сближавшій его съ славянофилами. Кавелинъ вѣрилъ безусловно въ великую будущность «мужицкаго царства», въ великорусскій міръ селъ, противопоставляемый имъ европейскому міру городовъ, въ великорусское общинное владѣніе крестьянами землею, въ которомъ онъ усматривалъ своеобразное средство, предохраняющее отъ пауперизма. Эти мечтанія о будущемъ занимали К. Д. Кавелина, въ особенности подъ конецъ его жизни, когда, вслѣдствіе естественно послѣдовавшей послѣ освобожденія крестьянъ реакціи, значительно ускоренной подъ вліяніемъ польскаго мятежа 1863 года, всякому начинанію въ прогрессивномъ направленіи положенъ былъ конецъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ, такъ что людямъ того направленія, къ которому принадлежалъ Кавелинъ, приходилось или бездѣйствовать или мечтать о далекомъ будущемъ. Въ предположеніяхъ о будущемъ мы не сходились съ Константиномъ Дмитріевичемъ, потому что по нашимъ понятіямъ «мужицкое» царство могло оставаться такимъ только пока оно некультурно, но перестало бы быть мужицкимъ, какъ скоро сдѣлалось бы культурнымъ».

1859 году въ польскомъ кружкѣ въ Петербургѣ зародилась мысль основать въ столицѣ польскій органъ съ «примирительными» цѣлями, какъ сказали бы нынче. Программа газеты была выработана Кавелинымъ и состояла она приблизительно въ слѣдующемъ. Мысль о томъ, что польскій вопросъ есть опасная туча на горизонтѣ Россіи, не обходила Кавелина. Кавелинъ зналъ, что послѣ освобожденія крестьянъ послѣдуетъ неизбѣжно захватываніе помѣщиковъ, реакція въ духѣ дворянства, съ которою придется сильно бороться. Своимъ тонкимъ чутьемъ онъ предвидѣлъ, что въ польско-русскихъ отношеніяхъ происходитъ нѣчто недоброе; что польскій вопросъ, запущенный по природной русской лѣни втеченіи всего Николаевскаго періода, поставленъ невѣрно и можетъ довести до взрыва; что за взрывомъ послѣдуетъ кровопролитіе, за кровопролитіемъ ударъ въ набатъ русскаго патріотизма,—то есть полное и исключительное господство слѣпой народной страсти, въ волнахъ которой могутъ потонуть зачатки преобразованій, что мелки еще ростки личныхъ и общественныхъ свободъ, щедро даруемыхъ и усердно насаждаемыхъ верховною властію, расположенною къ народу въ то время самымъ

благодушнымъ образомъ. Какъ предупредить опасность? Какъ разогнать набѣгающія тучи?—Для достиженія этой цѣли Кавелину представлялось цѣлесообразнымъ пойти съ русской стороны навстрѣчу полякамъ, протянуть имъ руку, стараться о созданіи настоящей русской партіи среди польскаго общества, изолированнаго отъ Россіи и, такъ сказать, изъятой изъ вѣдѣнія центральнаго русскаго правительства. Эта партія, по искреннимъ патріотическимъ польскимъ убѣжденіямъ, могла бы, при извѣстныхъ условіяхъ, держать сторону Россіи. Такая партія въ Польшѣ существовала при Петрѣ Великомъ; она выработала свою самостоятельную организацію при Екатеринѣ II. Она была такъ сильна при Александрѣ I, что, опираясь на нее, русское правительство даровало конституцію образованному въ 1815 г. Царству Польскому. Возможность дружнаго житья и сближенія обусловливалась съ точки зрѣнія Кавелина, тѣмъ, какими своими частями, направленіями и партіями будутъ сближаться обѣ національности. Сблизится ли польское панство съ русскимъ барствомъ?—Но изъ такого сближенія можетъ выйти только тупѣйшая реакція.—Сблизятся ли польскіе революціонеры съ русскими?—Но и тутъ въ результатѣ получится одно разрушеніе и пожаръ. Зато польская демократія можетъ и должна сблизиться съ русскою при условіяхъ гражданской равноправности и на либеральной почвѣ, подъ кровомъ русскаго государства. Кавелинъ говорилъ, обращаясь къ полякамъ: «Вамъ нечего дорабатываться вновь до своего собственнаго государства, которое и фактически невозможно, изъ за запутанности отношеній съ этнографической стороны вопроса. Намъ съ вами невозможно размежеваться... Не лучше ли вамъ примириться съ нами искренно и безъ всякихъ заднихъ мыслей, отречься отъ всякихъ повстаній, рѣшиться дѣйствовать лишь легально и получить затѣмъ полный просторъ въ вашемъ языкѣ, вѣрѣ и культурѣ». Такова была программа польской газеты, составленная Кавелинымъ. Она была принята поляками, и І. П. Огрызко, пріятель Кавелина, получилъ разрѣшеніе издавать газету «Слово». Предпріятіе это, однако, оказалось мертворожденнымъ. Газета «Слово» была закрыта въ половинѣ января 1859 г., а редакторъ ея заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Суровость такой кары, г. Спасовичъ объясняетъ страннымъ отношеніямъ центральнаго правительства къ безконтрольной власти намѣстника въ царствѣ. Центральное правительство имперіи, занятое многочисленными вопросами внутренней политики и реформами, не вводило Царства Польскаго въ кругъ своего дѣйствія и полагалось всецѣло на намѣстника. А намѣстникъ, князь Горчаковъ, и весь чиновный міръ Царства Польскаго стоялъ рѣшительно за statu quo, за полную нерушимость существующаго, тѣмъ болѣе, что при новомъ царствованіи образъ дѣйствій былъ болѣе мягкій, не было той грозы, которая сопровождала прежній режимъ, сдѣланы послабленія и, такъ сказать, поотпущены поводья. Для властей Царства Польскаго была крайне не-

удобна газета, издаваемая въ Петербургѣ и толкующая о томъ, что происходитъ въ Царствѣ Польскомъ. И газета была закрыта.

Мы не будемъ здѣсь передавать, со словъ г. Спасовича, причинъ и фактовъ, относящихся до студенческой исторіи, укажемъ только на то, какую роль въ этой исторіи игралъ Кавелинъ, бывшій въ то время профессоромъ университета, вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ. Дѣло, какъ извѣстно, возникло изъ-за матрикулъ. Исторія, какъ говоритъ г. Спасовичъ, походила на маленькую войну въ трехъ дѣйствующихъ лицахъ: студенты, профессора и университетское начальство. Начальство постановило завести матрикулы, книжки съ отмѣтками о каждомъ студентѣ, о взносахъ ими платы за лекціи, о взысканіяхъ, объ экзаменахъ; получая матрикулу, студентъ долженъ былъ подписать обязательство о соблюденіи правилъ; они заключали такимъ образомъ съ начальствомъ нѣчто вродѣ договора. Изъ-за того и загорѣлся весь сыръ-боръ. Студенты отправились на домъ къ попечителю, въ Колокольную улицу. Туда послали и вооруженныя силы. Столкновеніе было предупреждено только появленіемъ попечителя, отправившагося со студентами въ университетъ и распустившаго ихъ до слѣдующаго дня. Вечеромъ, на засѣданіи совѣта было рѣшено, чтобъ матрикулы были раздаваемы деканами въ полномъ собраніи членовъ факультетовъ. Кавелинъ объявилъ о невозможности подчиниться этой мѣрѣ и большинство высказалось за непринятіе профессорами участія въ раздачѣ матрикулъ. Такимъ образомъ возникло новое столкновеніе, на этотъ разъ между министерствомъ и профессорами. «Кавелинъ, безъ всякаго избранія и предварительнаго соглашенія, былъ всеобщимъ руководителемъ, а въ пререканіяхъ съ начальствомъ—такъ сказать, представителемъ университета. Онъ рѣшалъ своимъ вѣскимъ голосомъ наши сомнѣнія и колебанія. Ему мы обязаны тѣмъ, что мы такъ послѣдовательно и до конца изображали собою въ нѣкоторомъ родѣ Кассандру, предсказывающую паденіе Иліона, не сходя вмѣстѣ съ тѣмъ съ пути самой строгой законности». Дѣло кончилось тѣмъ, что университетъ былъ закрытъ. Тогда Кавелинъ рѣшилъ, что оставаться дольше въ этомъ университетѣ онъ не можетъ, и вышелъ изъ состава профессоровъ, а вмѣстѣ съ нимъ вышли и еще четыре профессора: М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ, Е. И. Утинъ и В. Д. Спасовичъ.

Студенческая исторія, начавшаяся въ Петербургѣ, продолжалась, какъ извѣстно, въ Москвѣ; и тамъ возникла студенческая исторія, но тамъ она приняла специфически московскій характеръ. По крайней мѣрѣ такъ слѣдуетъ заключить изъ разсказа графа Е. А. Саліаса, помѣщеннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» подъ страннымъ заглавіемъ «Семь арестовъ». Это также своего рода воспоминанія; гр. Саліасъ задался цѣлью повѣдать читателямъ о семи арестахъ, которымъ онъ подвергался въ своей жизни, или, вѣрнѣе, не объ арестахъ, а о томъ, какъ онъ чуть-чуть не былъ арестованъ цѣлыхъ семь разъ. Пока мы ограничимся

тѣмъ, что разскажемъ, со словъ автора, какъ онъ, будучи студентомъ, чуть-было не былъ арестованъ за участіе въ московской студенческой исторіи. Однако, въ виду его очень пространнаго разсказа, мы можемъ коснуться только заключительной, наиболѣе интересной части разсказа и одного эпизода. Исторія началась тѣмъ, что одинъ московскій студентъ получилъ письмо отъ пріятеля, петербургскаго студента о «волненіяхъ». Разумѣется, заволновались и московскіе студенты. Эпизодъ, о которомъ мы упомянули, касается такъ-называемой «битвы подъ Дрезденомъ». Толпа студентовъ съ университетскаго двора двинулась по Тверской къ генералъ-губернаторскому дому съ какимъ-то заявленіемъ и выстроилась на площади около гостинницы «Дрезденъ». Вслѣдъ за ней появился сидѣвшій въ манежѣ отрядъ пѣхоты и взводъ жандармовъ. «Конечно,— разсказываетъ гр. Саліасъ,—едва только строй надвинулся на кучу студентовъ, какъ всѣ они обратились, какъ говорилось, «въ самое постыдное бѣгство». Эта оцѣнка и это выраженіе мнѣ и тогда очень нравились и теперь очень нравятся! Какъ будто студенты пришли на площадь для того, чтобъ строить баррикады и сражаться съ войсками. Понятное дѣло, что при видѣ вооруженной силы, они бросились въ разсыпную по площади. Это даже слѣдовало сдѣлать, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Всю кучу тотчасъ оцѣпили, заарестовали и разсовали по разнымъ частямъ Москвы, въ томъ числѣ, конечно, наибольшая доля засѣла въ ближайшей, Тверской части. Какъ вели себя во время свалки и какъ дѣйствовали побѣдителя, лучше не вспоминать, не говорить... Главнокомандующіе, выигравшіе сраженіе подъ Дрезденомъ, были полиціймейстеры Сычинскій и Пяткинъ... Одни ихъ имена скажутъ много всякому московскому старожилу... Прибавлю кстати, что въ числѣ плѣнныхъ, доставшихся побѣдителямъ, былъ большой, великолѣпный водолазъ графа О-ва, всегда слѣдовавшій за нимъ. Вѣроятно, владѣлецъ тоже былъ на площади въ числѣ любопытныхъ... и не досмотрѣлъ за своей собакой, а она, очевидно, совершила какое-либо противозаконіе. Быть можетъ, добрый песъ, мстя за студентовъ, нарушилъ уставы благоустройства и благочинія къ самой священной особѣ полиціймейстера Сычинскаго, лукаво притворяясь, что принимаетъ его за столбъ...» Дѣйствія полицейскихъ и жандармовъ въ битвѣ подъ Дрезденомъ были таковы, что уже въ огромномъ большинствѣ студентовъ родилась мысль подать прошеніе на Высочайшее имя о разслѣдованіи всего дѣла вообще. И въ университетѣ уже прекратились митинги и рѣчи, а начался только правильный сборъ подписей подъ прошеніемъ. Студенты выбрали изъ своей среды трехъ (и въ томъ числѣ графа Саліаса) везти прошеніе въ Петербургъ. Очень уморительно разсказываетъ авторъ, какъ эти три депутата, боясь, что будутъ арестованы еще на вокзалѣ въ Москвѣ или Петербургѣ, переодѣвались и прятались другъ отъ друга. Тѣмъ не менѣе они благополучно достигли Петербурга и графъ Саліасъ отправился прямо съ вокзала къ К. Н. Бестужеву-Рюмину, котораго зналъ съ дѣтства.

Еще въ Москвѣ было рѣшено, что будетъ осторожнѣе переписать прошеніе въ Петербургѣ. Это дѣло было поручено графу Саліасу, который за нимъ и просидѣлъ цѣлую ночь. «Мѣсяцъ спустя, какъ это прошеніе, возвращенное въ Москву, очутилось въ университетскомъ правленіи, пройдя послѣ Государя черезъ много, много рукъ, оказалось (и профессора на него ужасались), въ немъ была курьезная грамматическая ошибка... Сколько помнится, слово «менѣе» было написано: «мѣнее»... И оно было подчеркнуто карандашомъ, какъ говорили, самимъ Государемъ.—Я этого прошенія съ ночи на квартирѣ Бестужева никогда въ жизни снова не видалъ, но если въ немъ стоитъ «мѣнее», то помимо моего почерка, это слово прямо доказываетъ,—что прошеніе писалъ я... На эдакое у меня истинный талантъ!» Депутаты съ прошеніемъ, такимъ образомъ переписаннымъ, отправились въ Царское Село и явились во дворецъ къ дежурному флигель-адъютанту. Подробно разспросивъ депутатовъ въ чемъ дѣло, онъ объяснилъ имъ, что лично подать прошеніе немыслимо. Затѣмъ заявилъ, что тотчасъ же доложитъ обо всемъ Государю, а о результатѣ депутаты должны были узнать на другой день отъ князя А. А. Долгорукова. «Когда я вернулся въ Петербургъ на квартиру Бестужева-Рюмина, то, разсказавъ ему нашу одиссею, не отдыхая, тотчасъ же отправился навѣстить кое-кого, въ томъ числѣ двухъ извѣстныхъ профессоровъ: Е. И. Утина и К. Д. Кавелина. Другихъ лицъ, еще извѣстнѣе, но еще живыхъ, я не считаю нужнымъ называть. Я старался узнать, что съ нами будетъ, по ихъ мнѣнію. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ и мнѣніямъ, мы всѣ трое должны были ожидать быть арестованными на утро въ III отдѣленіи, а затѣмъ препровождены въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и водворены на жительство на невѣдомо какой срокъ». Однако, все-таки пришлось отправиться къ Цѣпному мосту. Князь Долгоруковъ принялъ гр. Саліаса любезно и сказалъ маленькую рѣчь, что Государь очень недоволенъ студентами, но прибавилъ, что всѣ справедливыя желанія студентовъ будутъ удовлетворены. Депутатамъ-же кн. Долгоруковъ посовѣтовалъ немедленно возвращаться въ Москву и постараться, чтобы волненія въ университетѣ немедленно прекратились. «Я будто превратился въ наивную барышню-институтку, я настолько былъ увѣренъ и убѣжденъ собранными мною сужденіями и мнѣніями на счетъ нашего немедленнаго арестованія въ Петербургѣ, что будто не вѣрилъ ушамъ. И кончилось это разумѣется нелѣпостью съ моей стороны.—Позвольте доложить вашему сіятельству,—сказалъ я,—что если мы должны быть арестованы, то уже удобнѣе сдѣлать это тотчасъ въ Петербургѣ, нежели заставлять насъ проѣхаться въ Москву, быть тамъ арестованными и снова возвратиться сюда.—Повѣрить, что я былъ способенъ на подобное заявленіе, конечно трудно, но это сущая правда. И помню отвѣтъ Долгорукова:—Вы меня не понимаете, молодой человѣкъ. Я вамъ объяснилъ ясно, чтобы вы ѣхали въ Москву и постарались скорѣе подѣйствовать на своихъ това-

рищей. Если вы были выбраны везти прошеніе Государю Императору, то я предполагаю, что вы имѣете извѣстное вліяніе на своихъ товарищей. Вотъ ступайте и дѣлайте, что я вамъ говорю, чтобы скорѣе все утихло.—Впослѣдствіи года уже четыре спустя, я узналъ le dessous des cartes, но и теперь не хочется говорить и называть лицъ. Мы сначала долженствовали быть арестованы непремѣнно на другой-же день и примѣрно строго наказаны, но одна личность въ Петербургѣ доложила дѣло Государю «по-своему», и Государь, выслушавъ, приказалъ отпустить насъ немедленно въ Москву и тщательно разслѣдовать, какъ мотивъ студенческой исторіи, такъ и дѣйствія московской полиціи».

Въ ноябрѣ пришли въ Москву оффиціальныя извѣщенія, что три депутата, ѣздившіе въ Петербургъ съ прошеніемъ, поступили необдуманно и противозаконно, но что «на первый разъ» имъ это прощается.

О другихъ «будто-бы» арестахъ графа Саліаса мы разскажемъ, можетъ быть, въ другой разъ. Вообще въ воспоминаніяхъ гр. Саліаса есть много любопытнаго и при томъ написаны они весело, непретенціозно и живо, что, по нынѣшнимъ временамъ, довольно рѣдко.

Золя передъ судомъ присяжныхъ.

Однимъ славнымъ именемъ стало больше во Франціи. Когда газеты оповѣстили, что Золя поручилъ свою защиту сравнительно молодому и не зарекомендовавшему еще себя адвокату Лабори, то многіе, навѣрное, сомнѣвались, насколько удаченъ этотъ выборъ. Теперь на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Блестящій защитникъ Золя, поведшій его дѣло съ такимъ искусствомъ, талантомъ и огнемъ, сразу сдѣлался первоклассной знаменитостью. Ему пришлось считаться съ совершенно исключительными обстоятельствами. Правительство, армія, парламентъ, бóльшая часть прессы и, наконецъ, Парижъ и Франція—все это съ рѣдкимъ единодушіемъ соединилось противъ Золя, на его-же сторонѣ оказались лишь сравнительно немногочисленные, но сильные духомъ представители французской интеллигенціи, слишкомъ независимые, чтобы ходить въ поводу у правительства, и слишкомъ развитые, чтобы слѣпо слѣдовать за толпой. Въ залѣ суда на долю Лабори выпала не столько защита, сколько борьба, борьба съ формализмомъ суда, ставшаго на точку зрѣнія правительства, и враждебнымъ настроеніемъ публики. Дѣло Золя—это распря со всей оффиціальной и политической Франціей, и французскій судъ,—хотя-бы это былъ судъ присяжныхъ—въ данномъ случаѣ не можетъ считаться органомъ правосудія. Но Лабори защищалъ Золя не только передъ судомъ, а передъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ, и эту задачу онъ выполнилъ блистательно. Можно сказать, что онъ вынесъ весь двухъ-недѣльный процессъ на своихъ плечахъ. Вотъ почему мы сочли своимъ долгомъ, прежде чѣмъ перейти къ дѣлу Золя по существу, принести дань глубокаго уваженія и признательности его защитнику.

Мы не будемъ воспроизводить здѣсь отдѣльныхъ перипетій процесса. Онѣ слишкомъ извѣстны изъ газетъ, чтобы въ этомъ была какая нибудь надобность. Скажемъ только два слова объ одной русской газетѣ, которая *безкорыстно и сознательно* въ теченіе всего этого времени искажала истинный ходъ дѣла, старательно замалчивая тѣ показанія и

инциденты, которые говорили въ пользу Золя, и приводя лишь трескучія заявленія говорившихъ на судѣ генераловъ. Къ сожалѣнію, газета, о которой мы говоримъ, имѣетъ слишкомъ сильное вліяніе, чтобы мы могли умолчать о ней. Это было «Новое Время». Кто слѣдилъ за дѣломъ Золя только по его отчетамъ, тотъ не можетъ составить себѣ достаточно точнаго представленія о ходѣ преній. Зачѣмъ такое умышленное искаженіе понадобилось газетѣ—это ея тайна. Мы не станемъ говорить объ ея юдофобствѣ, не будемъ упрекать ее въ томъ или другомъ пониманіи всего дѣла Золя, но умышленное искаженіе его, къ которому прибѣгло «Новое Время», можно объяснить развѣ только полной атрофіей сознанія нравственной отвѣтственности и безусловнымъ равнодушіемъ къ истинѣ. Пусть «Новое Время» считаетъ виновность Дрейфуса доказанной уже тѣмъ, что онъ еврей—оно слишкомъ часто высказывало это, чтобы имѣть надобность прибѣгать къ другимъ аргументамъ; пусть оно питаетъ глубокія симпатіи къ реакціонному министерству Мелина—это знаетъ каждый изъ его читателей; пусть, наконецъ, оно считаетъ всѣ волненія, возникшія на почвѣ осужденія Дрейфуса, дѣломъ еврейскаго комплота—но это не даетъ газетѣ никакого права и, думается намъ, даже никакого повода искажать теченіе судебныхъ преній, а можетъ лишь служить побужденіемъ радоваться обороту, который они приняли, или скорбѣть о немъ.

Къ тому-же пріему прибѣгали, между прочимъ, и всѣ тѣ парижскія газеты, которыя стояли на сторонѣ Эстергази. Стенографическіе отчеты вы найдете только въ органахъ, сочувствовавшихъ Золя, да въ немногихъ нейтральныхъ газетахъ вродѣ «Temps». Очевидно, что происходившее на судѣ было для патріотовъ въ большей своей части глубоко непріятно. И дѣйствительно, въ руку имъ били лишь показанія Пеллье, Буадеффра и Гонза, давшихъ лишь очень немного положительныхъ свѣдѣній, но за то оказавшихся въ высшей степени щедрыми на голословныя завѣренія и патріотическія фразы. Поэтому, вмѣсто того, чтобы давать своимъ читателямъ точный отчетъ о происходившемъ на судѣ, патріотическіе органы предпочитали осыпать клеветой участниковъ процесса и свидѣтелей и сообщать о новыхъ фантастическихъ подтвержденіяхъ виновности Дрейфуса. Золя былъ объявленъ сумасшедшимъ («Новое Время» воспроизвело это версію), Лабори—находящимся подъ еврейскимъ вліяніемъ, о Пикарѣ, выступившемъ главнымъ свидѣтелемъ противъ Эстергази, распространили слухъ, что онъ воспитываетъ своихъ дѣтей въ Германіи. Нечего и говорить, что все это были праздныя выдумки.

Присяжныхъ терроризировали. Враждебныя Золя газеты каждый день печатали ихъ адреса съ присоединеніемъ недвусмысленныхъ угрозъ. А *наканунѣ* судебнаго приговора органъ военнаго министерства напечаталъ фантастическое оповѣщеніе, что главному штабу удалось установить даже день, когда пресловутое бордеро было получено иностраннымъ агентомъ, которому оно было адресовано. Таковы были средства, кото-

рыми антисемитская и патріотическая печать, рука объ руку съ военнымъ министерствомъ, боролась противъ защитниковъ права и правды, поставившихъ на карту свое спокойствіе, свою честь и свою будущность, для того, чтобы добиться разъясненія истины.

Всѣмъ памятны, конечно, сцены, происходившія на улицахъ Парижа, около суда, и, наконецъ, въ самой судебной залѣ. Какъ самого Золя и его защитника, такъ и говорившихъ въ его пользу свидѣтелей, преслѣдовали свистками и угрозами. Въ день постановленія судебнаго приговора у квартиры Лабори потребовалось поставить *восемьдесятъ* полицейскихъ для того, чтобы оградить его отъ разрушенія. Что-же все это значитъ? Почему преслѣдуютъ Золя и его друзей, какъ государственныхъ измѣнниковъ? Почему, наконецъ, даже людей, осмѣливающихся кричать «Vive la république!» осыпаютъ оскорбленіями и ударами? Отвѣтъ на это ясенъ. Тутъ дѣло даже не въ антисемитизмѣ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, а въ болѣе сильномъ и искреннемъ чувствѣ, захватившемъ широкіе слои населенія, и усердно раздуваемомъ правительствомъ и патріотической прессой. Французъ любитъ свою армію и дорожитъ ею. И вотъ ему говорятъ, что есть люди, которые позорятъ ея честь и хотятъ ея униженія. Ему грозятъ пораженіями, въ случаѣ, если людямъ этимъ будетъ дозволено говорить и думать, что они хотятъ. Что значитъ въ глазахъ средняго француза судьба какого-нибудь Дрейфуса по сравненію съ этой угрозой! Честь арміи неприкосновенна, значитъ Дрейфусъ *долженъ* быть виновенъ. Такова логика патріотической агитаціи. Несомнѣнно, логика эта плоха, но она захватила толпу. Въ своемъ страстномъ ослѣпленіи она и слышать не хочетъ ни о справедливости, ни о томъ, что споръ тутъ идетъ не между Дрейфусомъ и французской арміей, а между Дрейфусомъ и Эстергази. А къ этому еще присоединяется, что Дрейфусъ былъ еврей—значитъ, есть возможность свалить вину на его происхожденіе... Конечно печально, что въ современной Франціи возможны такія явленія. Но въ тысячу разъ печальнѣе то, что они ставятъ страну какъ-бы въ осадное положеніе, уничтожаютъ въ ней правосудіе и отдаютъ ее во власть реакціи.

Въ настоящій моментъ совершенно нельзя предвидѣть, какъ сложится будущая судьба дѣла Дрейфуса. Если когда-нибудь невиновность его обнаружится, то, конечно, это не послужитъ къ чести теперешнихъ руководителей арміи. Не говорятъ въ ихъ пользу и свидѣтельскія показанія полковника Пикара. Точно также едва-ли можетъ непредубѣжденному человѣку показаться вполнѣ безукоризненнымъ и весь образъ дѣйствій генераловъ и офицеровъ генеральнаго штаба. Поэтому опасенія относительно чести арміи далеко не безосновательны. Но Золя тутъ не причемъ. Очевидно, что о неприкосновенности чести арміи можно говорить только тогда, когда на нее взводятся *ложныя* обвиненія. Между тѣмъ не только сознательной лживости, но даже и объективной несправедливости упрековъ Золя на судѣ приведено не было, да и

самые упреки вызваны были не осужденіемъ Дрейфуса самимъ по себѣ,—по мнѣнію Золя, оно было печальной, но во всякомъ случаѣ не позорной судебной ошибкой,—а противодѣйствіемъ министерства пересмотру дѣла, и той политикой замалчиванія, о которой мы говорили въ нашей предыдущей статьѣ.

Вполнѣ естественно, что генералы, вродѣ Мерсье, Пелье и Буадеффра, шумятъ о своихъ заслугахъ и неприкосновенности арміи. Вполнѣ естественно, что оппортюнистское министерство, принципіально признающее лишь мелкія соображенія повседневной политики, которыя всѣ сводятся къ вопросу, что выгоднѣе и какимъ образомъ можно дольше сохранить въ своихъ рукахъ власть, пользуется народнымъ чувствомъ для упроченія своего положенія. Но спрашивается, при чемъ-же тутъ народъ демократической республики? Его волненіе можно объяснить, несомнѣнно, только гипнозомъ и нравственнымъ ослѣпленіемъ. Настроеніе, господствующее теперь въ Парижѣ, дѣйствительно, тревожно. Если генералы пользуются такимъ довѣріемъ и вниманіемъ даже въ обыкновенное время, то что-же будетъ въ случаѣ побѣдоносной войны? Можно сказать навѣрное, что одержавши побѣду надъ непріятелемъ, армія побѣдила-бы и свое отечество, а какого рода воззрѣнія царятъ въ этомъ отношеніи во французской арміи, можно судить по показанію одного свидѣтеля, что пресловутый дю Пати-де-Клямъ, который игралъ столь видную роль въ дѣлѣ Дрейфуса, назначилъ ему тридцатидневный арестъ за то, что тотъ въ заданномъ сочиненіи написалъ: «будемъ надѣяться, что въ будущемъ міромъ будетъ править не сила, а разумъ».

Отношеніе оффиціальной Франціи къ дѣлу Дрейфуса прекрасно охарактеризовалъ на судѣ въ своемъ свидѣтельскомъ показаніи глава соціалистической партіи и лучшій ораторъ нынѣшняго парламента, Жоресъ. Мы считаемъ небезъинтереснымъ привести изъ его рѣчи нижеслѣдующій, весьма характерный отрывокъ:

«Они прикрываются авторитетомъ судебнаго рѣшенія. Да, можно сказать, что человѣкъ виновенъ, когда онъ законно осужденъ. Не менѣе справедливо повидимому, и то, что онъ виновенъ и что онъ законно осужденъ, когда его кассаціонная жалоба отвергнута, но это не служитъ отвѣтомъ на вопросъ, былъ-ли суду сообщенъ внѣ всякихъ законныхъ правилъ неизвѣстный во время подачи кассаціонной жалобы секретный документъ, или нѣтъ.

«И почему на этотъ вопросъ, когда онъ былъ предложенъ отвѣтственными представителями страны отвѣтственному правительству, не было дано яснаго отвѣта?.. Впрочемъ, нѣтъ: Мелинъ, президентъ совѣта, отвѣчалъ мнѣ: «я не могу вамъ отвѣтить, потому что это значило-бы попасться въ вашу ловушку...» Повидимому, въ странѣ декларацiи правъ человѣка утвержденіе, что приговоръ не можетъ состояться на основаніи секретныхъ документовъ, считается ловушкой.

«Но онъ мнѣ сказалъ,—его слова напечатаны въ «Journal Officiel»:

«вамъ отвѣтятъ въ другомъ мѣстѣ»... Въ другомъ мѣстѣ!.. Я думалъ, что это произойдетъ на судѣ присяжныхъ, и мнѣ дѣйствительно сказали, что здѣсь, наконецъ, истина выяснится. Но, насколько я знаю, никто изъ отвѣтственныхъ представителей власти не явился сюда, чтобы отвѣтить на вопросъ, который страна имѣетъ право поставить, и по истинѣ изумительно, что страна, считающая себѣ свободной, не имѣетъ возможности узнать, насколько въ странѣ соблюдаются законы ни въ томъ учрежденіи, гдѣ законъ издается, ни тамъ, гдѣ онъ примѣняется.

«Что тутъ произошло нарушеніе закона, доказываетъ все. Въ палатѣ нѣтъ четырехъ депутатовъ, которые сомнѣвались бы въ этомъ. Почему же они ничего не говорятъ, почему же они бездѣйствуютъ?.. Когда я поставилъ этотъ вопросъ, меня поддержала лишь небольшая группа друзей, пятнадцать или двадцать, въ палатѣ царило пассивное молчаніе, а когда я сошелъ съ трибуны, то въ кулуарахъ, гдѣ парламентскій дѣятель становится свободнымъ и откровеннымъ, очень многіе депутаты всѣхъ группъ и всѣхъ партій говорили мнѣ: «вы правы, но какъ жаль, что это дѣло выплыло за нѣсколько мѣсяцевъ до выборовъ!»

«Ахъ, я знаю, что за благородную услугу, которую Золя оказалъ странѣ, ему заплатятъ ненавистью и ожесточенными преслѣдованіями, и я знаю, почему извѣстные господа его ненавидятъ и преслѣдуютъ.

«Они преслѣдуютъ въ немъ человѣка, который отстаивалъ раціональное и научное объясненіе чудесъ; они преслѣдуютъ въ немъ человѣка, который возвѣстилъ въ «Жерминалѣ» зарожденіе новаго человѣчества, стремленіе жалкихъ бѣдняковъ избавиться отъ безпросвѣтнаго страданія и выйти къ свѣту; они преслѣдуютъ въ немъ человѣка, который отнялъ у главнаго штаба ту печальную и высокомѣрную безотвѣтственность, которая подготовляетъ будущія пораженія нашей родины (Шумъ). Его могутъ преслѣдовать и судить, но я полагаю, что выражу чувство свободныхъ гражданъ, если скажу, что мы передъ нимъ почтительно склоняемъ голову».

Намъ кажется, что дальнѣйшіе комментаріи излишни.

Почти тожественныя показанія дали на судѣ сенаторы Шереръ-Кестнеръ, Трарье и Тевене. Уже изъ одного того, что люди столь разнообразныхъ убѣжденій, столь различнаго и въ то-же время независимаго общественнаго положенія, совершенно одинаково оцѣниваютъ образъ дѣйствій правительства и значеніе дѣла Дрейфуса и открыто становятся на точку зрѣнія Золя, можно заключить, что они руководятся не партійными соображеніями и не являются жертвами оптическаго обмана. Насколько единодушны были всѣ эти свидѣтели въ оцѣнкѣ политической стороны вопроса, настолько-же согласны были между собою показанія свидѣтелей, вызванныхъ для экспертизы надъ почеркомъ бордеро. Это опять-таки были люди весьма разнообразныхъ убѣжденій и даже различныхъ національностей, но всѣ они безъ всякихъ оговорокъ заявили,

что бордеро, какъ оно было опубликовано въ «Matin», могло быть написано только однимъ Эстергази. («Новое Время», къ слову сказать, сообщило, что все восьмое засѣданіе суда, посвященное экспертизѣ почерка бордеро, не представляло ни малѣйшаго интереса). Въ числѣ ихъ находились профессора Ecole de Chartes, съ директоромъ ея П. Мейеромъ во главѣ, профессіональные эксперты, любители, одинъ физіологъ, Герикуръ, подтвердившій, что почеркъ бордеро обнаруживаетъ тѣ же самыя физіологическія особенности, какъ и несомнѣнно подлинныя письма Эстергази. Были эксперты, анализировавшіе бордеро съ грамматической и стилистической стороны. И всѣ они пришли къ совершенно одинаковому результату. Тутъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи объ уговорѣ или о случайномъ заблужденіи, нельзя ссылаться также на то, что они судили по факсимиле (о чемъ они, конечно, сожалѣли). Если даже допустить, что факсимиле бордеро, напечатанное въ «Matin», не вполнѣ воспроизводило подлинникъ—хотя въ дѣйствительности оно было точнымъ воспроизведеніемъ послѣдняго,—все же нельзя объяснить, какимъ образомъ бордеро, напечатанное въ «Matin» въ то время, когда никто еще не заговаривалъ объ Эстергази, могло получить такое изумительное сходство съ почеркомъ послѣдняго. И потому мы не считаемъ возможнымъ сомнѣваться въ правильности заключенія экспертовъ. Мы признаемъ вполнѣ удостовѣреннымъ, что бордеро написано не Дрейфусомъ, а Эстергази, и видимъ въ доказательствѣ этого факта одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ процесса Золя.

Какъ жалки были по сравненію съ этими экспертами-добровольцами оффиціальные эксперты, фигурировавшіе въ процессѣ Дрейфуса и въ процессѣ Эстергази, всѣ эти Бертильоны и Тейссоньеры, съ ихъ безсвязными рѣчами и сомнительной честностью, не умѣвшіе привести ни одного сколько нибудь вѣскаго довода и постоянно ссылавшіеся на судебную тайну! Лабори былъ правъ, сказавъ, что они являются живымъ воплощеніемъ дѣла Дрейфуса.

Но истиннымъ героемъ процесса среди свидѣтелей является подполковникъ Пикаръ. Чтобы зажать ему ротъ, военный министръ задержалъ свое рѣшеніе по докладу слѣдственной коммиссіи, приговорившей Пикара къ исключенію со службы. Въ газетахъ былъ пущенъ слухъ, что по всей вѣроятности, рѣшеніе министра не будетъ столь сурово и что, Пикаръ подвергнется лишь временному удаленію. Но Пикаръ не пошелъ на это. Онъ не побоялся раскрыть на судѣ истину, несмотря на то, что это угрожало ему уже не дисциплинарнымъ взысканіемъ, а прямо уголовной карой. Онъ не побоялся открыто высказать сомнѣніе въ подлинности записки, которой придавалъ такую важность Пелльe, со словами: «Никогда не говорите, что мы имѣемъ дѣло съ этимъ жидомъ!»... Видимо спокойный и сдержанный, со своимъ тихимъ ровнымъ голосомъ и съ чисто дѣловыми, чуждыми всякихъ фразъ, показаніями, Пикаръ вызвалъ однако-же въ искусственно подобранной публикѣ судеб-

наго зала особое раздраженіе противъ себя. Но это его смущало, какъ кажется, не болѣе, чѣмъ непріятныя послѣдствія, къ которымъ могли привести его показанія. Повидимому, это не только прямой и честный, но въ то же время и чрезвычайно смѣлый человѣкъ. Руководители главнаго штаба, несомнѣнно, ошиблись, назначивъ его начальникомъ сыскного отдѣленія. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые становятся опасны, когда они узнаютъ слишкомъ много. У него не было нравственной индифферентности, съ которою держащій въ своихъ рукахъ нити всѣхъ секретныхъ дѣлъ главнаго штаба, начальникъ сыскного отдѣленія долженъ взирать на правыхъ и неправыхъ, блюдя лишь интересы своего начальства. Для того, чтобы оказаться въ сыскномъ отдѣленіи на своемъ мѣстѣ, нужны были совершенно иныя данныя.

Показанія Пикара о дѣлѣ Эстергази, какъ извѣстно, повергли правительство и военное министерство въ величайшее смущеніе. Генералы рѣшили пустить въ ходъ свой послѣдній козырь. Пелльe заявилъ о существованіи еще одного секретнаго документа, записки одного военнаго агента къ другому, текстъ которой мы привели выше, а Буадеффръ, повидимому, крайне неразборчивый на средства, торжественно поставилъ вопросъ о довѣріи, заявивъ, что онъ считаетъ присяжныхъ представителями націи, которая должна произнести свой приговоръ надъ вождями арміи. Это было нѣчто совершенно неслыханное. Если принять во вниманіе возбужденіе толпы, враждебность суда и залы, то легко понять, что эти слова были мечомъ Бренна и представляли собою открытое выраженіе презрѣнія къ справедливости. Насколько пристрастно предсѣдатель руководилъ судебными преніями, можно судить потому, что онъ вопреки смыслу и буквѣ закона не позволилъ Лабори сдѣлать свое заключеніе объ этихъ словахъ. Послѣ этого, разумѣется, не могло быть и рѣчи о нормальномъ теченіи процесса. Антисемитскія и патріотическія газеты торжествовали. Но вся сколько нибудь приличная печать должна была признать этотъ инцидентъ грубымъ нарушеніемъ права. «Temps» прямо заявилъ, что судъ надъ Золя вообще пересталъ быть судомъ, что всѣ понятія о раздѣленіи властей перемѣшались и присяжнымъ приходится рѣшать вопросы, въ которыхъ они безусловно некомпетентны. Даже Анри Корнели, старый монархистъ, ратовавшій противъ Золя, въ нелишенной остроумія статейкѣ, озаглавленной «Si j'étais Zola», на заданный самому себѣ вопросъ, «что я сдѣлалъ бы, еслибъ я былъ Золя», отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: Я сказалъ-бы, обращаясь къ присяжнымъ: «господа, ваша совѣсть несвободна! Вы повергнете Францію въ несчастье, если вы меня оправдаете, а потому я прошу васъ осудить меня» и съ этими словами оставилъ-бы залу вмѣстѣ со своимъ защитникомъ.

Золя, однако, остался. Онъ рѣшилъ продолжать борьбу до конца и хотя юридически онъ отъ этого рѣшительно ничего не выигралъ, но, конечно, никто не скажетъ, чтобы онъ поступилъ безтактно. Его извѣстное заявленіе и рѣчи защитниковъ, какъ знаютъ читатели, снова

внесли цѣлую массу свѣта въ исторію этихъ двухъ судебныхъ близнецовъ—дѣла Дрейфуса и дѣла Эстергази.—

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о положеніи, которое создалъ во Франціи обвинительный приговоръ присяжныхъ.

Яркимъ контрастомъ къ рѣчамъ Золя, Лабори и Клемансо, говорившихъ среди ропота и свистковъ, является рѣчь Мелина въ палатѣ депутатовъ, покрытая рукоплесканіями огромнаго большинства и признанная на столько «блестящей», что было рѣшено расклеить ее по всей Франціи. Мелинъ началъ съ того, что возложилъ отвѣтственность за заявленія генераловъ—на кого-бы вы думали?—на Золя, его защитника и Жореса, такъ какъ они своимъ образомъ дѣйствій вывели генераловъ изъ терпѣнія. Признавая, что генералы «зашли нѣсколько дальше, чѣмъ они предполагали», Мелинъ отнесся, однако-же, очень мягко къ ихъ поступку (Въ палатѣ кричатъ: «они прекрасно сдѣлали!») и завѣрялъ что армія проникнута духомъ законности. По его мнѣнію, въ настоящее время нѣтъ ни процесса Золя, ни процесса Эстергази, ни процесса Дрейфуса, нѣтъ, вообще, никакого процесса. Мелинъ съ презрѣніемъ упоминаетъ о «цвѣтѣ интеллигенціи, ставшемъ на сторону Золя. Il faut que cela cesse, нужно, чтобы все это прекратилось. И на этомъ основаніи Мелинъ объявляетъ, что онъ намѣренъ принять мѣры къ преслѣдованію виновныхъ.

Мы предоставляемъ читателямъ сдѣлать надлежащую оцѣнку этой блестящей рѣчи. Эпоха проскрипцій, которую возвѣстилъ Мелинъ, уже началась. Мы не говоримъ о Пикарѣ, увольненіе котораго, послѣ всего происшедшаго, стало неизбѣжнымъ. Но помимо него подверглись дисциплинарнымъ взысканіямъ люди вродѣ профессора политехнической школы Гримо, давшаго свидѣтельскія показанія, въ пользу Золя, Леблуа, который побудилъ Шереръ-Кестнера выступить открыто съ требованіемъ пересмотра дѣла Дрейфуса; поручика Шаплэна, приславшаго Золя свое поздравленіе. Сверхъ того, Мелинъ обѣщаетъ принять мѣры къ наказанію иностранной печати, ставшей на сторону Золя... Это, конечно, звучитъ нѣсколько странно, но нужно имѣть въ виду, что Мелинъ подразумѣваетъ въ данномъ случаѣ распространенную во Франціи «Indépendance Belge», которая еще во времена имперіи служила пріютомъ изгнанниковъ и которую тѣмъ не менѣе даже Наполеонъ III не рѣшался запретить.

Можетъ быть, Мелинъ пойдетъ дальше Наполеона III.

Н. Ш.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Къ пріѣзду нѣмецкой оперы.

23 февраля въ Маріинскомъ театрѣ открываются спектакли пріѣзжей нѣмецкой оперной труппы, блистающей нѣсколькими первоклассными артистическими именами. Эти спектакли должны сыграть роль историческихъ въ нашей художественной жизни, ибо будутъ впервые въ Россіи поставлены музыкальныя драмы Рихарда Вагнера: «Тристанъ и Изольда» и «Мейстерзингеры», въ которыхъ геній композитора выразился наиболѣе ярко и сильно, какъ въ произведеніяхъ средняго, наиболѣе зрѣлаго періода его творчества. Едва-ли слѣдуетъ доказывать, что представленія этихъ оперъ подвинутъ насъ въ знакомствѣ съ вагнеризмомъ гораздо далѣе, чѣмъ личное изученіе партитуръ и тысячи томовъ вагнеровской литературы. Живыя иллюстраціи вагнеровскихъ положеній, облеченныя въ плоть и кровь сценической постановки, быть можетъ сдѣлаются наиболѣе убѣдительнымъ аргументомъ вагнеризма. Нужно думать, что этотъ настоящій дебютъ Вагнера въ Россіи не долженъ остаться безъ вліянія и на нашихъ композиторовъ, на нашу школу. Тутъ, конечно, встрѣтятся два различныхъ культа, два различныхъ національныхъ типа. Но если историческія условія сложились такимъ образомъ, что русскій композиторъ пользуется лишь внѣшними гармоническими пріемами Вагнера и относится почти враждебно къ духу вагнеризма, то отсюда не слѣдуетъ, что такое положеніе вещей будетъ продолжаться, когда вступитъ въ силу новый факторъ: живое воспріятіе вагнеровскихъ произведеній.

Оперная реформа, учиненная русской школой, это—реформа Глюка,— не болѣе; реформа Глюка, переведенная, правда, на болѣе богатый музыкальный языкъ второй половины XIX вѣка. Главный девизъ ея—подчиненіе музыки тексту. «Каменный гость» Даргомыжскаго является утрированнымъ образчикомъ этого направленія. Здѣсь музыкѣ дается слабое эмоціональное развитіе: Глюкъ и наши композиторы подгоняли музыку къ данному поэтическому тексту; Вагнеръ-же одновременно творилъ текстъ и музыку, сливалъ въ одно музыкальную и поэтическую концепцію. Конечно, русскій композиторъ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ, отвернувшись, въ своей оперѣ, отъ дешевыхъ музыкальныхъ руладъ и т. д., и выбирая сюжеты вполнѣ содержательные, по затронутой эпохѣ и

по поэтической обработкѣ. Но вопросъ ставился имъ слишкомъ просто: разъ поэтическое произведеніе принадлежитъ хорошему, первоклассному поэту, слѣдовательно eo ipso—какую-бы область оно ни затрогивало—оно можетъ быть положено на музыку, годится для переработки въ оперное либретто. Вся опасность подобнаго заключенія имъ даже и не подозрѣвалась. Вагнеровскія представленія будутъ въ этомъ смыслѣ поучительны для русскаго композитора—какъ культъ, защищающій законныя права музыки, ясно опредѣляющій границы сюжетовъ музыкальныхъ драмъ. Кромѣ того, въ лицѣ Вагнера предъ нами предстанетъ художникъ, рѣзко отразившій въ своихъ произведеніяхъ духовныя движенія или культуру своего времени. Мы прислушаемся къ протестующимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пессимистическимъ рѣчамъ Вотана («Валькирія»), къ страстному гимну Тристана Нирванѣ—и скажемъ: вотъ чуткій поэтъ-музыкантъ, впервые установившій, въ своемъ искусствѣ, связь съ духовной культурой. Я уже не стану говорить о томъ, что упомянутый дебютъ Вагнера косвенно заставитъ насъ изучить и десять томовъ его теоретическихъ трактатовъ объ искусствѣ, гдѣ ярко отразилось преклоненіе автора предъ соціальной ролью искусства. Мы увидимъ, какія высокія требованія онъ ставилъ театру—и невольно обратимъ свои взоры къ Байрейту, этому свѣтлому зданію на темномъ фонѣ театральной дѣйствительности—къ байрейтскому театру, выдѣленіемъ котораго изъ обычной театральной жизни композиторъ особенно подчеркнулъ роль соціальныхъ условій.

Произведенія такого всесторонняго художника какъ Вагнеръ особенно полезны для нашей школы, все еще ищущей культурнаго знамени.

Вагнеръ требовалъ для представленій своихъ драмъ: торжественной обстановки, невидимаго углубленнаго оркестра, цѣльности представленія и, наконецъ, особеннаго музыкально-драматическаго стиля исполненія. Но если завоеваніямъ вагнеризма едва ли особенно можетъ повредить отсутствіе торжественности, то опущеніе другихъ упомянутыхъ условій должно отразиться на впечатлѣніи, получаемомъ отъ вагнеровской драмы. Возьмите, напр., этотъ невидимый углубленный оркестръ. Это не капризное требованіе художника, но требованіе, отвѣчающее его самымъ высокимъ идеаламъ. Оркестръ, музыка передаетъ, у Вагнера, мистеріи воли. Это міръ души, глубокій, еще не сознанный. Отсюда непремѣнное требованіе торжественности, таинственности, спокойствія—что и можетъ быть достигнуто невидимымъ оркестромъ, котораго звукъ нѣсколько сдавленъ. Помимо этого, углубленный оркестръ удовлетворяетъ еще другому требованію: декламація пѣвца при этомъ гораздо слышнѣе. Вѣдь не нужно забывать, что Вагнеръ заставляетъ пѣвцовъ тоже участвовать въ мистеріяхъ воли—интонаціями голоса.

Пріѣзжая нѣмецкая труппа будетъ давать свои спектакли безъ всякой торжественной обстановки, въ обычномъ Маріинскомъ театрѣ, не имѣющемъ приспособленій для невидимаго, углубленнаго оркестра. Смѣшно и несправедливо было бы ее упрекать за это. Но невыполненіе антре-

призой третьяго изъ упомянутыхъ условій—цѣльности впечатлѣнія—возбуждаетъ другія мысли. Исполнены, именно, будутъ не всѣ части тетралогіи «Нибелунговъ», а лишь двѣ среднія: «Валькирія» и «Зигфридъ». Насколько такая вивисекція должна быть признана печальной, хотя она, къ сожалѣнію, практикуется и въ Германіи, будетъ ясно, если принять въ соображеніе, что «Нибелунги»—трагедія, происходящая въ душѣ Вотана—конфликтъ между желаніемъ власти и любовью—и что, слѣдовательно, всѣ части тетралогіи какъ бы спаяны другъ съ другомъ посредствомъ центральной фигуры Вотана. Конечно, Вотанъ почти не покидаетъ сцены въ «Золотѣ Рейна» (1 часть), а въ послѣдней части—его полное отсутствіе бросается въ глаза, конечно, въ теченіи тетралогіи Вотанъ постепенно исчезаетъ со сцены. Но справедливо и то, что чѣмъ менѣе показывается на сценѣ этотъ богъ, тѣмъ все болѣе невидимый онъ все болѣе представляетъ изъ себя духовный центръ, къ которому все тяготѣетъ. Оставляя развитіе этого положенія до другого раза, скажу лишь, что уже въ «Валькиріи» вмѣшательство Фрики и Брунгильды въ борьбу людей за существованіе представляетъ изъ себя лишь отраженіе борьбы противоположныхъ стремленій въ душѣ Вотана. Если, такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ части тетралогіи спаяны глубокой внутренней связью, то исполнять ее въ неполномъ видѣ все равно, что исполнять два средніе акта какой-нибудь драмы. Здѣсь не можетъ быть компромиссовъ: или все, или ничего.

Задача пѣвца въ вагнеровскихъ драмахъ очень трудная. Онъ не только долженъ побороть ритмическія и энгармоническія трудности вагнеровскаго вокальнаго письма, но придавать и особенное значеніе декламаціи. Правильная выразительность послѣдней имѣетъ цѣлью здѣсь передать и точную опредѣленность слова, и едва уловимыя душевныя движенія. Такимъ образомъ, пѣвецъ у Вагнера, подобно оркестру, является истолкователемъ мистерій воли. Отсюда требованіе особеннаго подъема, особенной торжественности въ исполненіи: самыя простыя слова могутъ быть произнесены съ глубокимъ выраженіемъ—пѣвецъ какъ бы прозрѣваетъ въ отдѣльномъ моментѣ поэзію вѣчности. Конечно, разрѣшить подобныя задачи могутъ лишь высоко развитые артисты. Въ этомъ отношеніи пріѣзжая нѣмецкая труппа можетъ выставить такихъ замѣчательныхъ артистовъ, какъ Іоганнъ Эльмбладъ, пѣвшій у насъ и особенно хорошо передающій Фафнера и Гундинга («Нибелунги») и Фрицъ Фридриксъ—сначала драматическій артистъ и лишь съ 1884 г. оперный пѣвецъ—создавшій, въ Германіи, типы Бекмессера («Мейстерзингеры») и Альбериха («Нибелунги»). При томъ, оба пѣвца, какъ часто пѣвшіе въ Байрейтѣ, воспитаны на настоящихъ вагнеровскихъ преданіяхъ, и надо думать, что они съумѣютъ удовлетворить основному требованію Вагнера, чтобы каждое движеніе и жестъ пѣвца находились въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ вагнеровской музыки.

А. К.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе февраля мѣсяца.

Антроповъ П. А. Финансово-статистическій атласъ Россіи 1885 — 1895. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.

Бердичевскій календарь на 1898 г. Житоміръ. Ц. 20 к.

Бехтеревъ В. М. проф. Проводящіе пути спинного и головного мозга. Ч. II. Изд. 2-е. К. Л. Риккера. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Богдановская В. (докторъ физическихъ наукъ Женевскаго университета). Начальный учебникъ химіи. Спб. 1897.

Варта Петръ. Поворотный моментъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Спб. 1897.

Гальперинъ С. И. Отголоски закона о ростовщичествѣ. Екатеринославъ 1898. Ц. 15 к.

Германъ Ф. Л. д-ръ. Заслуги женщинъ въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными. Харьковъ. Изд. кн. маг. П. А. Брейтигама. 1898.

Гиртль І. Матеріалистическія воззрѣнія нашего времени. Одесса. 1898. Ц. 20 к.

Горовая Н. Я. Гигіено-діэтетическія основы лѣченія чахотки. Кіевъ 1898 г. Ц. 35 к.

Гурьевъ А. Промышленные синдикаты. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1896—1897 гг. Книга 1-я.

Ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства на 1897 г. Годъ третій. Полтава. 1897.

Елецъ Ю. Императоръ Менеликъ и война его съ Италіей. По документамъ и походнымъ дневникамъ И. С. Леонтьева. Спб. 1898.

Захарьинъ И. Н. (Якунинъ). Для спектаклей. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Ивановскій В. В. Русское государственное право. Томъ первый. Верховная власть и ея органы. Выпускъ шестой. Мѣстныя установленія общественнаго управленія. Казань. 1898.

Клоссовскій А. Новыя данныя для гипсометріи средней Азіи. Одесса. 1895.

Кнейпъ Севастьянъ. Мое водолѣченіе. Цѣлебн. лѣчен. болѣзней простой горяч. и холодн. водой. Перев. съ 62-го нѣм. изд. Москва. 1898 г. Изд. книгопр. М. В. Клюкина. Ц. 50 к.

Коптяевъ А. Путеводитель къ операмъ Рихарда Вагнера. Спб. 1898. №№ 1—3.

Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ І. Спб. 1897.

Крюковъ Н. А. Канада. Сельское хозяйство въ Канадѣ въ связи съ другими отраслями промышленности. Спб. 1897.

Langerhans, R. D-r. Prof. Основы частной патологической анатоміи. Перев. съ нѣм. А. Воленскаго и А. Николаи подъ ред. И. П. Коровина. Спб. Изд. кн. маг. А. Л. Ярошевской. Ц. 2 р. 50 к.

Либовъ Б. А. д-ръ. О грязелѣченіи. Практ. руков. къ назнач и примѣн. гряз. ваннъ. Съ пред. проф. А. М. Лебедева. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1897. Ц. 1 р 60 к.

Лукьяновъ С. М. проф. Основанія общей паталогіи пищеваренія, 10 лекцій. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Малиновскій У. О томъ, какъ воевали въ старину. Кіевъ. 1897. Ц. 5 к.

Мижуевъ П. Г. Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Спб. 1898. Ц. 80 к.

Милль Д. С. Система логики социологической и индуктивной. Пер. С. И. Ершова, подъ ред. В. Ивановскаго. Книга третья (1-ая половина). М. 1898.

Михайловъ Н. Н. д-ръ. Очеркъ современныхъ условій кумысолѣченія на востокѣ Россіи. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1897 г.

Міасковскій Августъ. Проблема распредѣленія поземельной собственности въ историческомъ развитіи. Пер. съ нѣмецкаго Ц. Поплавскаго. Кіевъ. 1898. Ц. 30 к.

Немировичъ - Данченко В. Поднебесный аулъ. М. 1898. Ц. 75 к.

Нюропъ К. Культурно-историческій очеркъ профессора копенгагенскаго университета. О поцѣлуяхъ. Пер. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Спб. 1898 г.

Обзоръ дѣятельности Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. 1882 — 1897. Кіевъ. 1897.

Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Спб. высшихъ Женскихъ курсахъ Отчетъ за 1897. Спб. 1898.

Очеркъ состоянія начальнаго образованія въ Полтавской губерніи. Полтава. 1897.

Привислянскій календарь на 1898.

Прохоровъ П. Н. Д-ръ мед. Біологическія основы медицины. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Проэктъ устава Общества изслѣдователей Волыни. Житоміръ. 1896.

Реклю Э. Соединенные Штаты. Часть первая. Переводъ подъ ред. Н. Березина. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Ремке І. Очеркъ исторіи философіи. Пособіе для самообразованія и для студентовъ. Перев. Н. Лосскаго подъ ред. Я. Колубовскаго. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Рибо Т. Эволюція общихъ идей. Перев. Н. Спиридоновъ. М. 1898 Ц. 80 к.

Репревъ А. В. проф. Учебникъ общей патологіи. Харьковъ. Изд. кн. маг. П. А. Брейтигама. 1897. Ц. 2 р. 75 к.

Рунге М. д-ръ. Женщина въ своей половой индивидуальности. Спб 1898. Ц. 40 к.

Саловъ И. А. Забытыя картинки. Повѣсти и разсказы. Москва. 1897.

Сборникъ «Привѣтъ». Спб. 1897.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи, астрономіи. Выпускъ I. М. 1898. Ц. 1 р. 20 к.

Свирскій А. И. Погибшіе люди. 3 тома. Спб. 1898 Цѣна за три тома 2 р. 25 к.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. VI. М. 1897. (Изъ извѣстій Московской городской думы).

Сводный балансъ учрежденій мелкаго кредита на 1 января 1897. Спб. 1898.

Сводъ свѣдѣній объ умершихъ въ городѣ Москвѣ за 1895 годъ. М. 1897.

Семеновъ С. Т. Дѣвичья погибель и другіе разсказы и очерки. Изд. Посредника. М. 1898. Ц. 80 к.

Сикорскій. Объ успѣхахъ медицины. Кіевъ. 1898.

Сиротъ И. М. Параллели. Библейскіе тексты и отраженіе ихъ въ изрѣченіяхъ русской народной мудрости. Вып. I. Ц. 75 к. Одесса 1897.

Смирновъ А. В. Уроженцы и дѣятели Владимірской губ., получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Выпускъ второй. Губ. гор. Владиміръ. 1897.

Скворцовъ А. Основанія политической экономіи. Спб. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

Скворцовъ Ир. П. проф. Гигіена съ включеніемъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла. Харьковъ. Изд. кн. маг. П. А. Брейтигама. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сперанскій С. В. Къ исторіи нищенства въ Россіи. Спб. 1897.

Спенсеръ Гербертъ. Слезы, смѣхъ и граціозность. Спб. 1898. Ц. 20 к.

Справочный военный ежегодникъ и записная книжка для офицеровъ на 1898. Подъ ред. Н. Аскарханова. Спб. 1898.

Стоюнинъ В. Я. О преподаваніи русской литературы. Изд. пятое. Спб. 1898. Ц. 1 р. 60 к.

Суворовъ Н. Средневѣковые университеты. М. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Сѣченовъ И. проф. Физіологическіе очерки. Ч. I и II (образов. библ. № 8—9). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тарановскій Н. Г. Повѣсти и разсказы. Харьковъ. 1898. Ц. 75 к.

Тегнеръ. Фритіофъ скандинавскій витязь. Поэма. Со шведскаго перевелъ Яковъ Гротъ. Третье изд. съ приложеніемъ перевода первоначальной саги. Спб. 1898.

Теодоровичъ Г. А. Стихотворенія. Витебскъ. 1898.

Тихонравовъ Н. С. Сочиненія. Томъ III. Часть первая. М. 1898.

Травосѣяніе вообще и крестьянское въ частности. Сельско-хозяйственные сервитуты. Издано подъ редакціей секретаря Кіевскаго Общества сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Т. И. Осодчаго. Кіевъ. 1898

Утренняя заря. Сборникъ стихотв. Спб. 1898. Ц. 20 к.

Урожай хлѣбовъ и травъ въ 1897 году и состояніе озимей осенью 1897 г. въ Полтавской губерніи. Полтава. 1897.

Фишеръ С. Д-ръ. Человѣкъ и животное. Изд. Я Канторовича. Спб. 1898. Ц. 1 р. 20 к.

Фонъ-Фрикенъ А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Часть третья. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1898. Ц. 2 р.

Хвольсонъ О. Д. Курсъ физики, томъ второй. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.

Хирьяковъ А., Легенды любви. Спб. Ц. 50 к.

Чайковскій П. И. Музыкальные фельетоны и замѣтки (1868—1876). Съ предисловіемъ Г. А. Лароша. М. 1898. Ц. 2 р. 80 к.

Черевкова А. А. (женщина врачъ). Очерки современной Японіи. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чернявськый М. Донецьки Сонеты. Бахмутъ. 1898. Ц. 10 к.

Чуевскій И. А. Физіологія человѣка (конспектъ). Изд. 2-е испр. и доп. Харьковъ. 1897 г. Ц. 2 р.

Шахрай Л. М. Рабби Акиба, его жизнь и дѣятельность. «Еврейская Старина» № 2. Ц 15 к. Одесса. 1897. Изд. кн. маг. Я. Х. Шермана.

Шерръ I. Всеобщая исторія литературы. Вып. XXIII.

Шершеневичъ Г. Ф. Конкурсное право, второе изданіе. Казань 1898. Ц. 3 р.

Шершеневичъ Г. Ф. О чувствѣ законности. Публичная лекція, читанная 10 марта 1897 г. Казань. 1897.

Шрейдеръ Д. И. Страна восходящаго солнца. Спб. 1898. Ц. 20 к.

Эсперовъ Н. Состоянія тѣлъ и естественныя дѣленія тѣлъ.

Л Э. Новыя теченія въ польскомъ обществѣ. Очеркъ. Спб. 1898.

N. Z. О женщинахъ. Мысли факты и афоризмы Спб. 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

Возростающее или падающее количество браковъ, говоритъ онъ, представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ симптомовъ хозяйственнаго состоянія народа, точно такъ-же, какъ уменьшеніе или увеличеніе количества преступленій характеризуетъ нравственное состояніе... Въ хозяйственной дѣятельности индивидуумъ стремится лишь къ тому, чтобы обезопасить себя въ борьбѣ за существованіе, не заботясь о другихъ, или даже борясь съ ними. Но массовымъ результатомъ этихъ стремленій является постоянное и взаимное соперничество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прогрессъ въ техникѣ и искусствѣ, постоянное превращеніе мелкихъ хозяйствъ въ исполинскій міровой рынокъ.

Вдумайтесь въ понятія брака, преступленія, торговой и промышленной дѣятельности, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и вы тотчасъ-же замѣтите, что, независимо отъ внѣшнихъ нормъ, они не имѣютъ никакого смысла.

Соціальная жизнь есть *внѣшнимъ образомъ упорядоченная* совмѣстная жизнь людей.

Постараемся доказать это подробнѣе.

17.

Несомнѣнной противоположностью съ *общественной* жизни людей по существу является понятіе *обособленнаго* существованія.

Правда, нельзя не согласиться, что обособленнаго человѣка, какъ совершенно уединенно живущее существо, трудно себѣ представить. Ибо мы при этомъ должны-бы были предположить, что онъ никогда не жилъ въ правильномъ сообществѣ, что онъ никогда не находился ни въ какомъ другомъ отношеніи къ своему отцу и своей матери, кромѣ того, въ какомъ находятся къ своимъ родителямъ дѣтеныши животныхъ, и что достигнувъ способности къ самостоятельному существованію, онъ перешелъ въ состояніе полнаго обособленія отъ равныхъ себѣ. Если человѣкъ навсегда удаляется изъ своей соціальной среды въ качествѣ отшельника или на время становится Робинзономъ, то это не вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему представленію объ изолированномъ существѣ, ибо въ такомъ случаѣ человѣкъ выходитъ изъ опредѣленной общественной среды, въ которой онъ получилъ свое воспитаніе и образованіе и съ которой онъ связанъ всей своей жизнью и всѣмъ своимъ существомъ. О принципіально-же изолированномъ человѣкѣ исторія не даетъ намъ свѣдѣній. Мы знаемъ въ дѣйствительности лишь людей, живущихъ въ правильномъ сообществѣ, вышедшихъ изъ него, принявшихъ изъ рукъ общества всѣ лучшія жизненныя блага, которыми они пользуются, и возвращающихъ эти блага опять-таки обществу. Для той жизни людей, о которой мы имѣемъ научное познаніе, я не знаю болѣе подходящаго выраженія, какъ слова Наторпа: «индивидуумъ, подобно атому, есть фикція.»

Но отвлекаясь отъ всѣхъ данныхъ нашего опыта о человѣческой жизни, мы можемъ, во всякомъ случаѣ, противопоставить факту общественнаго существованія людей понятіе совершенно обособленнаго человѣка съ цѣлью точнаго установленія признаковъ и условій соціальнаго существованія людей. Это противопоставленіе приводитъ насъ къ признанію внѣшняго распорядка человѣческихъ отношеній, связующаго людей между собою, существеннымъ признакомъ понятія соціальной жизни.

Нужно замѣтить, что понятію *соціальнаго правила* мы вовсе не придаемъ значенія установленной *государственнымъ* авторитетомъ нормы; мы даже не говоримъ о *правовомъ* установленіи, какого-бы то ни было происхожденія. Юридическій характеръ соціальныхъ нормъ не имѣетъ для этого понятія существеннаго значенія. Правовыя велѣнія—и въ томъ числѣ болѣе узкая группа государственныхъ законовъ—образуютъ лишь часть устанавливающихъ соціальную жизнь нормъ. На ряду съ ними, существуютъ и другія нормы человѣческихъ отношеній, какъ онѣ знакомы каждому въ своемъ практическомъ приложеніи, въ видѣ обычаевъ, нравовъ, этикета и другихъ условныхъ правилъ. Ихъ отношеніе къ юридическимъ нормамъ мы должны будемъ установить систематически путемъ всесторонняго теоретическаго изслѣдованія. Здѣсь достаточно указать на то, что *соціальная* норма не есть то-же самое, что норма *юридическая* и *государственная*, и что послѣднія суть лишь частныя разновидности перваго понятія.

Понятіе нормы соціальной жизни говоритъ лишь о томъ, что исходящія отъ человѣка установленія опредѣляютъ взаимоотношенія совмѣстно живущихъ людей. Эти установленія соединяютъ ихъ въ понятіе общества и создаютъ соціальную жизнь, какъ особый объектъ, *ибо такимъ образомъ у индивидуума возникаютъ побужденія, не существующія для совершенно обособленнаго человѣка*. Соціальная норма, т.-е норма, устанавливающая общественную жизнь людей, требуетъ отъ подчиняющагося ей внѣшней легальности. Норма эта существуетъ самостоятельно и независимо отъ него. Она отвлекается въ своемъ формальномъ требованіи отъ склонностей, свойственныхъ *индивидууму самому по себѣ*, и этимъ она достигаетъ расширенія индивидуальнаго горизонта въ томъ смыслѣ, что въ упомянутыхъ взаимоотношеніяхъ группа индивидуумовъ соединяетъ свои силы для достиженія извѣстныхъ цѣлей.

Подобный внѣшній распорядокъ совмѣстной жизни людей мы находимъ, какъ сказано, во всѣ эпохи извѣстной намъ человѣческой исторіи [44]).

[44]) Извѣстно, что всѣ показанія путешественниковъ о живущихъ внѣ *права* и вообще внѣ *общества* людяхъ оказывались ошибочными, что обыкновенно видно по ихъ-же собственнымъ словамъ. Правильныя семейныя отношенія, властители или короли, правоотношенія собственности, пользованія и обязательства, равно какъ и какое-нибудь наслѣдственное право существуютъ въ той или другой формѣ вездѣ;

То-же самое слѣдуетъ сказать и о первобытномъ племени или первобытной семьѣ (все равно которую-бы изъ этихъ двухъ формъ мы ни признали первоначальной и болѣе ранней). Совмѣстная дѣятельность членовъ семьи, основанная на естественномъ раздѣленіи труда [45]) и направленная къ удовлетворенію ихъ потребностей, совершенно немыслима безъ регулирующихъ распоряженій, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть включена въ понятіе домашней общины и тѣснаго объединенія въ обширномъ сообществѣ. Поэтому и въ знаменитомъ выраженіи Гомера, въ которомъ онъ приписываетъ циклопамъ беззаконную и обособленную жизнь, все-таки не отрицается существованіе внѣшняго распорядка. Фантазія поэта приписываетъ каждому отеческую власть надъ своими семействами и дѣтьми [46]).

Что при помощи внѣшняго распорядка жизни и дѣятельности совмѣстно живущихъ людей создается своеобразное соединеніе ихъ, являющееся противоположностью простого сосуществованія людей въ одной и той-же мѣстности и въ одно и то-же время и образующее совершенно новое понятіе общественной жизни—это несомнѣнно и, навѣрное, не будетъ отрицаться никѣмъ. Распорядокъ указаннаго свойства уничтожаетъ возможность предполагать существованіе совершенно обособленныхъ людей. Противоположность *общественной* жизни и *совершенно обособленнаго* существованія заполняется съ обѣихъ сторонъ; понятіе соціальной жизни получаетъ содержаніе. Вопросъ можетъ заключаться лишь въ томъ, представляется-ли соединеніе при помощи внѣшняго распорядка единственно возможнымъ для осуществленія понятія соціальной жизни, или же общественное существованіе, съ его противоположностью изолированному состоянію людей, возможно и въ другой формѣ?

Случайныя обозначенія, установившіяся въ данномъ случаѣ, не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Если сосуществованіе и совмѣстная жизнь людей, не подчиняющаяся никакимъ внѣшнимъ установленіямъ, которыя мы назвали соціальными, все-таки будутъ названы соціальной жизнью, то отъ этого не измѣнится ничего. Мы исходимъ по существу исключительно изъ слѣдующаго положенія: существуетъ соціальная жизнь людей, и можно представить себѣ совершенно изолиро-

---

они есть и у вновь открытыхъ племенъ карликовъ въ Центральной Африкѣ (ср. Schweinfurth, Im Herzen Afrikas 1874, II, s. 131 ff.). Для того, чтобы утверждать противное, нужно обладать наивностью путешественника, разсказывавшаго объ ордѣ совершенно «безправно» живущихъ людей, у которыхъ, какъ онъ прибавляетъ, наибольшимъ вліяніемъ пользовалась старая женщина, «владѣвшая» большей частью быковъ!

[45]) Ср. Марксъ, Kapital, т. I, 4 изд. стр. 316, хотя онъ совершенно не входитъ въ разсмотрѣніе внѣшняго распорядка, какъ основного признака соціальной жизни вообще.

[46]) Od. IX, 112—115.

ванное существованіе индивидуумовъ; какой признакъ можетъ служить для точнаго разграниченія обоихъ представленій въ ихъ объективномъ содержаніи?

Сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно-ли внѣшній распорядокъ есть единственное условіе, при которомъ соціальная жизнь людей становиться предметомъ нашего познанія, могутъ возникнуть въ двоякомъ направленіи:

1) Можно сослаться на совмѣстную жизнь животныхъ и поставить вопросъ, не подходятъ-ли они и, подобно имъ, совмѣстно живущіе люди подъ понятіе *общественнаго* существованія, въ противоположность къ *гипотетическому изолированному естественному состоянію*, и не возникаетъ-ли отсюда возможность особаго *соціальнаго* изслѣдованія.

2) Или же, пожалуй, допустимъ сомнѣніе, не можетъ-ли совершенно изолированный человѣкъ достичь такого развитія своихъ человѣческихъ способностей, при которомъ онъ становится, наконецъ, разумнымъ существомъ, перестаетъ относиться къ равнымъ себѣ и поступать, какъ животное, начинаетъ ставить себѣ цѣли сообразно съ общимъ закономъ. Не было-ли бы—такъ пришлось бы формулировать вопросъ—понятіе соціальной жизни возможнымъ, если-бы у насъ была на лицо совмѣстная жизнь разумныхъ существъ, не подчиняющаяся никакимъ внѣшнимъ правиламъ, и если-бы каждый, будучи совершенно независимымъ, преслѣдовалъ не только свою собственную цѣль, но точно также смотрѣлъ и на цѣли другихъ, какъ на свои собственныя.

18.

Что касается перваго вопроса, то противъ фактической возможности животнаго сожительства людей нельзя возразить ничего. Нисколько не противорѣча опыту, мы можемъ представить себѣ полное разложеніе исторической соціальной жизни. Человѣкъ-могъ бы жить, подобно животнымъ, и при отсутствіи какого бы то ни было порядка и относиться къ другимъ людямъ такъ-же или подобнымъ же образомъ, какъ относятся другъ къ другу животныя въ своей стадной жизни.

Но я отрицаю, что въ такомъ случаѣ будетъ возможна *соціальная* жизнь *такого же рода*, какъ при существованіи *внѣшняго распорядка*, и что понятіе человѣческаго общества, какъ особый объектъ соціальнаго познанія, можетъ при этомъ сохранить свое значеніе.

Въ новѣйшее время много занимались совмѣстно живущими организмами. При этомъ было установлено, что нужно выдѣлить многое, чтобы придти къ сколько-нибудь любопытной аналогіи съ соціальной жизнью людей; тому-же самое учитъ и обыденный опытъ.

Въ относящейся сюда литературѣ кораллы сдѣлались своего рода exemplum tralaticium; они обростаютъ часто цѣлые острова, и когда эти острова опускаются и исчезаютъ въ морѣ, образуютъ коралловые рифы. Весьма замѣчательное явленіе представляютъ собою свободно плавающія, не прикрѣпленныя къ поверхности, на которой они возникли, группы полиповъ, пользующіяся въ своей, по мнѣнію естествоиспытателей, общественной жизни своеобразной системой раздѣленія труда. Хотя всѣ они происходятъ отъ одного и того же животнаго, отдѣльные полипы принимаютъ разнообразнѣйшія формы, смотря по тому, выпадаетъ-ли на ихъ долю работа движенія, воспроизведенія, питанія или охраны. Подобныя группы живыхъ существъ, превратившіяся въ одно физіологическое цѣлое, никто не поставитъ въ параллель къ предмету нашего изслѣдованія. Иначе, замѣчаетъ Кауцкій [47]), намъ пришлось бы принять во вниманіе и червя, отдѣльныя части котораго способны къ независимому существованію, или признать соціальнымъ явленіемъ беременную самку. Здѣсь можетъ быть принята во вниманіе лишь животная совмѣстная жизнь органически самостоятельныхъ организмовъ.

---

[47]) Кауцкій, «Общественные инстинкты въ мірѣ животныхъ», Neue Zeit. I S. 20 ff; ср. стр. 67 сл., 241 сл. (Есть русскій переводъ). Тамъ же дальнѣйшія указанія литературы. Ср. также Бартъ, Die Geschichtsphilosophie Hegels etc. (Прим. 35), стр. 54 и цитированные имъ авторы (№ 63). Первый толчекъ въ этомъ направленіи далъ, повидимому, Реймарусъ, Allgemeine Betrachtungen über die Triebe der Thiere (1760, 4 изд. 1778).

Здѣсь невольно напрашивается знаменитое изображеніе пчелинаго царства.

Такъ видимъ мы у медоносныхъ пчелъ,
Созданій, что, руководясь природой,
Насъ учатъ, какъ порядокъ учреждать
И дѣйствовать должны мы въ государствѣ.
У нихъ есть царь и разные чины;
Одни изъ нихъ, какъ власти, правятъ дома,
Другіе всѣ торгуютъ, какъ купцы;
Иные же, вооружася жаломъ,
Какъ воины, выходятъ на грабежъ,
Сбираютъ дань съ атласныхъ лѣтнихъ почекъ
И, весело жужжа, идутъ домой,
Къ шатру царя, съ награбленной добычей.
На всѣхъ глядитъ, надсматривая, онъ,
Долгъ своего величья выполняя:
На плотниковъ, что кровли золотыя
Возводятъ тамъ, и на почтенныхъ гражданъ,
Что мѣсятъ медъ; на тружениковъ бѣдныхъ,
Носильщиковъ, что складываютъ ношу
Тяжелую къ дверямъ его шатра;
На строгій судъ, что блѣднымъ палачамъ
Передаетъ лѣнивыхъ, сонныхъ трутней.

Шекспиръ, Генрихъ V, I, 2.

До сихъ поръ еще не удалось установить существованіе совмѣстной жизни между животными различныхъ семействъ. Зоологи приводятъ въ качествѣ характеристическаго примѣра совмѣстную жизнь рака-пустынника съ другими животными. Такъ какъ у него нѣтъ панцыря, то онъ пользуется раковинами цвѣтныхъ улитокъ, допуская въ то-же время поселеніе на этой бронѣ цѣлыхъ группъ губокъ и водяныхъ анемоновъ, которые позволяютъ рачку передвигать себя, помогая ему, въ свою очередь, добывать себѣ пищу. Это очень скромная ступень общественнаго образованія, выше которой не поднимаются, по существующимъ наблюденіямъ, и муравьи въ своихъ отношеніахъ къ другимъ животнымъ, ибо большинство чрезвычайно многочисленныхъ видовъ насѣкомыхъ, которыхъ можно найти въ муравейникѣ въ качествѣ гостей, привлекаетъ туда потребность въ теплѣ или защитѣ, и только маленькіе жучки полезны муравьямъ и раздѣляютъ съ ними пищу. Но все это столь изолированныя и незначительныя явленія, что нельзя удивляться тому, что естествоиспытатель ставитъ на ряду съ ними анологичныя отношенія животныхъ къ растеніямъ; для насъ здѣсь достаточно будетъ указать на общества подобнаго рода, основанныя на взаимности. Представителями этого рода совмѣстной жизни являются лишаи, соединенія грибовъ и поросли, сюда-же принадлежатъ сочетанія люпины съ бактеріями, находящими пріютъ въ корневыхъ узлахъ растенія и накопляющими въ нихъ азотъ. Это напоминаетъ намъ, наконецъ, интересное открытіе Франка, доказавшаго, что большинство нашихъ лѣсныхъ деревьевъ получаетъ пищу изъ почвы не прямо, а черезъ посредство примитивныхъ растительныхъ организмовъ [46]).

Изъ сказаннаго видно, что всѣ эти явленія не могутъ дать достаточной основы для пониманія человѣческой соціальной жизни внѣ зависимости отъ внѣшняго урегулированія совмѣстной жизни. Ихъ законосообразное объясненіе не допускаетъ даже мысли о существованіи сообщества животныхъ, а ограничиваетъ значеніе сдѣланныхъ наблюденій указанными случаями. Такимъ образомъ, для насъ представляютъ интересъ только тѣ соединенія животныхъ, которыя обнимаютъ лишь членовъ одного и того-же рода. По отношенію къ нимъ существуетъ любопытное наблюденіе, что нѣтъ ни одного животнаго, которое не находилось-бы временно въ обществѣ себѣ подобныхъ. Даже знаменитые своей любовью къ одиночеству пауки сходятся не только для спариванія, но цѣлыми днями играютъ другъ съ другомъ, а дѣтеныши нѣкоторое время живутъ вмѣстѣ. Такъ какъ въ этомъ отношеніи желали установить границу, то за критерій была принята *продолжительность*. Исходя изъ него, полагали, что только такія соединенія животныхъ могутъ быть названы

[46]) Объ этомъ докладывалъ («Ueber Genossenschaftsleben bei Thieren und Pflanzen») по отчетамъ научныхъ изданій К. Мюллеръ, 5 сент. 1894 г, въ залѣ «Уранія».

«соціальными», при которыхъ органически независимые индивидуумы находятся въ сообществѣ съ другими не мимолетно, а въ теченіе значительнаго времени [49]).

Не распространяясь объ относительности и неопредѣленности этого критерія большей или меньшей продолжительности, я замѣчу, что ученіе, установленное сторонниками соціальнаго матеріализма на этой основѣ, аргументируетъ далѣе слѣдующимъ образомъ. Сближеніе животныхъ происходитъ по тремъ причинамъ: вслѣдствіе совмѣстности ихъ появленія на свѣтъ, вслѣдствіе массовыхъ передвиженій, обусловленныхъ влеченіемъ къ воспроизведенію, недостаткомъ пищи и смѣной временъ года, и вслѣдствіе совмѣстнаго добыванія пищи, почему животныя, питающіяся падалью, общественнѣе тѣхъ, которыя охотятся за живою дичью и нуждаются, слѣдовательно, въ большомъ пространствѣ для своей охоты; всего-же полнѣе влеченіе къ совмѣстной жизни развивается у тѣхъ животныхъ, которыя пользуются однимъ и тѣмъ-же пастбищемъ и въ особенности однимъ и тѣмъ же деревомъ.

Разъ естественный инстинктъ сблизилъ животныхъ между собою въ сообщество, то животныя, которымъ общественное сближеніе принесло пользу, могутъ легче одержать побѣду въ борьбѣ за существованіе и передать свои общественные инстинкты потомству. Благодаря наслѣдственности, гласитъ гипотеза, инстинкты эти все болѣе усиливались, пока, наконецъ, они не достигли такой степени развитія, что ихъ удовлетвореніе вызываетъ наслажденіе, неудовлетвореніе-же—неудовольствіе. Такъ развились соціальные инстинкты и сообщества животныхъ, служа орудіемъ въ борьбѣ за существованіе.

При этомъ въ частности можно замѣтить, что соединенія животныхъ возникаютъ: a) только для защиты потомства, слѣдовательно, только для охраны самокъ и дѣтенышей, какъ у сернъ; b) въ формѣ полигаміи одного самца со многими самками, какъ у рогатаго скота, оленей, лошадей, куръ; c) наконецъ, между всѣми членами рода, для лучшей защиты (у морскихъ кошекъ) или общей охраны отъ опасностей (у журавлей) или для облегченія добыванія пищи (волки).

Высшую ступень животныхъ сообществъ представляютъ тѣ, въ которыхъ цѣли добыванія пищи и охраны соединятся, какъ у павіановъ, и еще въ большей степени, какъ всѣмъ извѣстно, у находящихся въ постоянномъ сообществѣ республиканскихъ муравьевъ и монархическихъ пчелъ, термитовъ, осъ.

Союзы людей, продолжаетъ выше названный матеріалистическій писатель, стоятъ на той-же ступени. «Они отличаются отъ стадъ соціальныхъ обезьянъ только способомъ, которымъ они пользуются для достиженія своей цѣли».

[49]) Каупкій, тамъ-же (прим. 47-е). Противъ примѣненія аналогіи вообще недавно высказался Энгельсъ, «Происхожденіе семьи» и т. д. (прим. 15) 13 sqq.

Я считаю, однако, необходимымъ указать на односторонность и неполноту этого вывода.

Мы уже признали, что было-бы вполнѣ возможно и нисколько не противорѣчило-бы опыту представить себѣ человѣчество живущимъ такимъ-же образомъ, какъ живутъ стада обезьянъ. Человѣка можно представить также поддерживающимъ точно такія-же отношенія къ равнымъ себѣ, какія мы встрѣчаемъ у совмѣстно живущихъ животныхъ.

Утвержденіе, что подобное состояніе когда-либо существовало въ исторіи, есть лишь недоказанная гипотеза; что оно соотвѣтствуетъ эмпирическому понятію соціальной жизни—невѣрно.

Ибо эмпирически данная соціальная жизнь покоится на внѣшнемъ распорядкѣ, который дѣлаетъ ее особымъ понятіемъ и самостоятельнымъ объектомъ. Этотъ распорядокъ даетъ возможность выйти за предѣлы чисто индивидуальныхъ инстинктовъ и достичь объединенія людей, независимаго отъ простого удовлетворенія естественныхъ инстинктовъ. При чисто физической совмѣстной жизни и ненормированномъ общеніи живущихъ въ одно и тоже время и въ одномъ и томъ-же мѣстѣ людей, мы имѣли-бы *лишь* возможность наблюдать и изслѣдовать естественные процессы, какъ это дѣлаетъ *естествознаніе*. По отношенію-же къ общественному существованію человѣка, т.-е. *упорядоченной внѣшнимъ образомъ* совмѣстной жизни людей мы должны стать на *новую*, своеобразную точку зрѣнія при изслѣдованіи взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Каково происхожденіе этого распорядка, почему и какъ онъ устанавливается, имѣетъ для насъ столь-же мало значенія, какъ вопросъ о томъ, въ чемъ заключаются его отдѣльные результаты. Центръ тяжести для насъ заключается въ томъ, чтобы удостовѣрить, что, благодаря идеѣ *внѣшняго распорядка* совмѣстной человѣческой жизни, отношеніе индивидуумовъ другъ къ другу можетъ быть понято логически *особымъ и самостоятельнымъ образомъ* и подведено подъ общее единство. Вслѣдствіе этого отношенія соединившихся другъ съ другомъ людей могутъ быть уяснены и опредѣлены съ особой точки зрѣнія и становятся такимъ образомъ—при изученіи въ связи съ основнымъ условіемъ внѣшняго распорядка — возможными объектами *особой и самостоятельной* науки. Объекты этой *соціальной* науки находятся въ фактической противоположности къ объектамъ науки о *природѣ*. Поэтому все, что говорилось о сообществахъ животныхъ и растеній, относится *исключительно* къ области *естествознанія*. Все сказанное не имѣетъ никакого отношенія къ *наукѣ объ обществѣ*, такъ какъ если она желаетъ стать, вообще, самостоятельной наукой, то она должна имѣть самостоятельный объектъ. Такой объектъ она имѣетъ, въ противоположность къ простому наблюденію природы, въ *упорядоченной внѣшнимъ образомъ* совмѣстной жизни людей и *возникающихъ* отсюда отношеніяхъ ихъ другъ къ другу.

Такимъ образомъ, мы должны различать въ нашемъ изслѣдованіи *два* вида возможной совмѣстной жизни: *простое физическое* сосуществованіе, подобное жизни животныхъ, и *внѣшнимъ образомъ упорядоченную* совмѣстную жизнь, соціальное существованіе людей.

Основой этого логическаго разграниченія служитъ то, что въ обоихъ случаяхъ явленія разсматриваются съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Въ одномъ случаѣ поступки индивидуума разсматриваются въ качествѣ естественныхъ процессовъ и какъ отдѣльныя явленія, подлежащія причинному объясненію, въ другомъ изслѣдуются нормированныя отношенія человѣка къ человѣку, которыя возникаютъ на основаніи внѣшняго распорядка совмѣстной дѣятельности и совмѣстной жизни въ качествѣ особаго и своеобразнаго единства нашихъ представленій и которыя безъ отношенія къ какимъ-либо внѣшнимъ правиламъ въ своей индивидуальности совершенно исчезаютъ. Такимъ образомъ, именно *внѣшній распорядокъ* совмѣстной человѣческой жизни рѣзко и неуклонно отдѣляетъ одинъ видъ послѣдней, *общественное* существованіе людей, отъ гипотетической возможности простого совмѣстнаго физическаго существованія животныхъ въ человѣческомъ образѣ.

Человѣка изъ имѣющагося у насъ опыта мы знаемъ лишь въ первомъ видѣ общественнаго бытія, въ соціальной жизни, совмѣстной жизни, упорядоченной внѣшними правилами [50]). У животныхъ мы видимъ обратное. Мы разсматриваемъ ихъ совмѣстную жизнь *исключительно* по принципамъ теоретическаго естествознанія и не знаемъ для ихъ отношеній другъ къ другу никакого иного мотива, кромѣ инстинктивныхъ влеченій. Такъ обособляется *животное сообщество*, точно такъ-же, какъ и гипотетически допущенное *простое физическое* существованіе *совмѣстно живущихъ людей* отъ *человѣческой соціальной жизни*, единенія при условіи внѣшняго распорядка.

Но нельзя-ли допустить существованіе соціальнаго регулированія въ такъ называемыхъ сообществахъ животныхъ? Не служатъ-ли уговоръ и общественныя нормы самостоятельными факторами и побужденіями наряду съ естественнымъ вліяніемъ животныхъ инстинктовъ?

Если къ этому вопросу подойти поближе, то мы найдемъ въ немъ двѣ проблематическихъ стороны: во первыхъ, существованіе самостоятельной формы соціальнаго распорядка по меньшей мѣрѣ у извѣстныхъ животныхъ; во вторыхъ, возможность соглашенія чело-

---

[50]) Не дурно говоритъ старая англійская пьеса (по цитатѣ Вальтеръ Скотта въ «Айвенго»): «Повѣрьте мнѣ, законы нужны въ каждомъ государствѣ. Города имѣютъ свои грамоты, королевства — законы и даже дикія разбойничьи шайки въ лѣсу сохраняютъ грубые слѣды гражданскаго порядка. Съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ прикрылся фиговымъ листомъ, человѣкъ никогда не соединялся съ человѣкомъ безъ связующаго закона».

вѣка съ ними и расширеніе общества, до сихъ поръ состоявшаго лишь изъ людей, и на животныхъ.

Что касается перваго пункта, то возникаетъ вопросъ, можемъ-ли мы достичь въ нашемъ познаніи животнаго міра того, чтобы, наряду съ простыми животными инстинктами, ясно понять и установить въ содержаніи предполагаемыхъ животныхъ представленій сознательную идею цѣли; можемъ-ли мы представить себѣ существованіе въ государствѣ животныхъ особыхъ правилъ для другихъ представителей даннаго рода? Объ этомъ мы ничего не знаемъ. Всякія соображенія на этотъ счетъ представляются, какъ сказалъ-бы Кантъ [51]). *дѣломъ мнѣнія*. Они входятъ въ сферу возможнаго въ самомъ себѣ опыта, но при той способности наблюденія, которою мы располагаемъ, уясненіе этого вопроса *для насъ* невозможно. Населены-ли планеты разумными обитателями — вопросъ мнѣнія. По законамъ нашего опыта, мы могли бы собрать свѣдѣнія о существованіи или несуществованіи такихъ планетныхъ обитателей, такъ какъ они являются объектами нашего чувственнаго міра. Но такъ какъ мы никогда не будемъ въ состояніи приблизиться къ нимъ настолько, чтобы мы могли познать ихъ изъ опыта, то и въ будущемъ намъ придется остаться при томъ же, чѣмъ мы должны довольствоваться по этому вопросу теперь, т. е. при одномъ *мнѣніи*.

Такимъ образомъ, мы должны еще дождаться того времени, когда намъ удастся настолько проникнуть въ міръ животныхъ, что мы будемъ въ состояніи понять существующій у нихъ распорядокъ ихъ совмѣстной жизни. Но до сихъ поръ это вопросъ мнѣнія, и мы должны отложить его разрѣшеніе до того времени, когда человѣческія чувства и способы наблюденія изощрятся настолько, что мы, можетъ быть, будемъ слышать, какъ растетъ трава, или наблюдать это въ предѣлахъ одной секунды.

Предположимъ, что время это наступило. Предположимъ, что намъ ясно соглашеніе, въ которое вступили завывающіе волки, слѣдующіе въ соціальномъ объединеніи за одиноко ѣдущими санями; что мы знаемъ нормы, установленныя сухопутными краббами, отправляющимися весною толпами въ вестъ-индскія моря для того, чтобы тамъ выметать икру, что мы выяснили правила, слѣдуя которымъ стадо антилопъ бѣжитъ совмѣстно изъ той мѣстности, которая не даетъ достаточно корма, или соціальные законы, устанавливающіе порядокъ и быстроту движенія перелетныхъ птицъ, когда онѣ возвращаются на зимнія квартиры. Предположимъ, что счастливый случай или тщательное наблюденіе открыли изслѣдователю обычное право термитовъ, строго осуждающее тѣхъ, кто просто отдался своимъ естественнымъ влеченіямъ и не обращаетъ вниманія на соціальный законъ; что удалось открыть полицейско строительный

[51]) Kritik der Urteilskraft (1790) § 91. (Hartenstein, т. VII, стр. 355 сл.).

уставъ бобровъ или тѣ статьи конституціи пчелинаго царства, которыя говорятъ о постройкѣ сотовъ и руководятъ физическими инстинктами гражданъ этого царства. Что могли-бы дать подобныя свѣдѣнія, кромѣ точнѣйшаго подтвержденія установленнаго нами *особаго* понятія *соціальной* жизни *людей?*

Наша дедукція заключается въ слѣдующемъ. Мы можемъ установить сосуществованіе всѣхъ живыхъ существъ, какъ естественный фактъ, и простую физическую совмѣстную жизнь животныхъ; можно также допустить, въ качествѣ исторической возможности, хотя мы не знаемъ ни одного подобнаго примѣра, исключительно животную жизнь человѣческихъ стадъ. *Рядомъ* съ этой возможностью *простой физической* совмѣстной жизни животныхъ мы знаемъ изъ широкаго и обширнаго опыта *соціальную* совмѣстную жизнь людей, особенность которой состоитъ въ томъ, что она подчиняется *внѣшнимъ нормамъ.* Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы въ животныхъ сообществахъ были установлены такія же внѣшнія нормы; это вопросъ мнѣнія. Но если бы мы и знали что либо о подобныхъ явленіяхъ, то соціальное существованіе такихъ животныхъ сообществъ явилось-бы своеобразной формой общественнаго существованія, но соціальная жизнь *людей* все же осталась бы по прежнему упорядоченной совмѣстной жизнью, внѣшнія нормы которой представляютъ собою *человѣческое установленіе.* Эта соціальная жизнь людей и является предметомъ нашего научнаго изслѣдованія. И каждый долженъ установить право, задачу, цѣль и границы своего изслѣдованія и труда, если онъ съ полной точностью опредѣлилъ предметъ его.

Я упомянулъ выше, что можно-бъ было пойти въ предположеніяхъ еще дальше, чѣмъ мы только-что указали: фантастическое предположеніе о возможности сговориться съ животными настолько, чтобы они также могли достичь разумнаго мышленія и вступить въ качествѣ субъектовъ въ соціальный союзъ людей. Часто указывалось, что животные инстинкты просты и гармоничны; животныя не знаютъ борьбы стремленій, кромѣ той, которая возникаетъ вслѣдствіе вмѣшательства человѣка [52]). Эти незначительные зачатки нашего общенія съ извѣстными животными и послужили бы опорой для дальнѣйшихъ попытокъ, осуществивъ своеобразнымъ образомъ формулированное Ульпіаномъ понятіе объ jus quod natura omnia ammalia docuit. Но я далекъ отъ мысли заниматься подобными фантазіями серьезно. Результатомъ ихъ осуществленія было бы только то, что мы должны были-бы расширить теперешнее понятіе человѣческаго сообщества. Понятіе такого сообщества при этомъ осталось бы то-же, какъ мы его установили.

---

[52]) На это справедливо указываетъ Рюмелинъ: Reden und Aufsätze, 3 Folge (1894), стр. 127.

Я коснулся вопроса о понятіи сообщества животныхъ лишь по той причинѣ, что представители соціальнаго матеріализма, не имѣя подъ собой достаточно твердой почвы, слишкомъ легко и поспѣшно ставятъ ихъ въ параллель человѣческимъ союзамъ, а затѣмъ еще и съ цѣлью освѣтить и отграничить понятіе отъ его противоположностей. Нашъ выводъ состоитъ въ слѣдующемъ: можно провести различіе между *простой физической* и *общественной* совмѣстной жизнью людей; исторически извѣстна только послѣдняя, тогда какъ первая логически вполнѣ тожественна съ совмѣстной жизнью животныхъ и потому можетъ быть представляема въ качествѣ параллели ей. Признакомъ же, который отличаетъ одинъ видъ совмѣстной жизни отъ другого, является установленный человѣкомъ внѣшній распорядокъ общественнаго существованія. Достаточно помнить точно объ этой противоположности естественнаго совмѣстнаго существованія и общественной жизни людей, чтобы всякое колебаніе по отношенію къ основному понятію соціальной жизни людей исчезло и соціальная жизнь съ ея необходимымъ отличительнымъ признакомъ *внѣшняго распорядка*, сдѣлалась яснымъ и надежнымъ объектомъ *соціальной науки*, котораго у нея до сихъ поръ не было.

19.

Второе возраженіе, о которомъ мы упоминаемъ выше (§ 17), основывается на томъ, что даже человѣкъ, живущій въ совершенно уединенномъ состояніи, все таки могъ-бы достичь извѣстнаго развитія своихъ способностей, своего разума и закономѣрной воли. Можетъ быть, кто-либо, опираясь на это предположеніе, станетъ утверждать, что соціальная жизнь возможна и безъ внѣшнихъ повелительныхъ нормъ.

Нельзя-ли себѣ представить, спроситъ, пожалуй, такой оппонентъ, что и въ совершенно изолированномъ состояніи человѣкъ, въ силу своихъ природныхъ способностей, могъ бы постепенно развиться настолько, чтобы пріобрѣсти способность поступать разумно и что поэтому, въ виду того, что такъ-же поступали-бы всѣ или многіе, могла-бы возникнуть общая чисто-этическая организація? Не таковъ ли, по крайней мѣрѣ, идеалъ человѣческой жизни? Не есть-ли устраненіе внѣшняго распорядка и замѣна его свободнымъ, чисто-нравственнымъ строемъ человѣческой жизни истинная цѣль соціальнаго развитія? И почему должна, вообще, внѣшнимъ образомъ нормируемая жизнь считаться неизбѣжной и абсолютно необходимой?

Я отвѣчаю на эту интерпелляцію слѣдующимъ образомъ:

Допустимъ, что, отвлекаясь отъ всего историческаго опыта, мы могли бы представить себѣ, что совершенно изолированный человѣкъ въ состояніи сообразовать свои поступки и стремленія съ разумными цѣлями.

Ни логическія соображенія, ни естественно научное познаніе не препятствуютъ намъ сдѣлать это предположеніе. Привести его въ полное согласованіе съ дѣйствительностью, какъ мы ее знаемъ, намъ, конечно, будетъ не легко. «Въ пустынномъ пространствѣ паритъ лишь орелъ». Кто не пользуется непосредственно опытомъ предшествующихъ столѣтій, тотъ долженъ былъ-бы обладать такою же продолжительною жизнью, какъ патріархи, для того, чтобы сколько-нибудь замѣтно подняться надъ животнымъ существованіемъ. Но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что возможность изолированнаго развитія разумной воли a priori не можетъ быть отрицаема, что такая возможность не выходитъ изъ предѣловъ доступнаго опыта, хотя осуществленіе ея, насколько мы можемъ судить, представляется мало вѣроятнымъ.

Но если мы даже допустимъ, что индивидуальное развитіе изолированнаго человѣка можетъ достичь наивысшей ступени, то предположеніе о возможности совмѣстной дѣятельности натолкнулось-бы на величайшія трудности. Какъ мы говорили выше, въ такомъ случаѣ намъ пришлось-бы имѣть дѣло съ исключительно этическимъ сообществомъ, причемъ каждый жилъ бы не только эгоистически и безраздѣльно для самого себя, но точно также смотрѣлъ-бы на цѣли совмѣстно живущихъ съ нимъ людей, какъ на свои собственныя, и этимъ создавалъ бы сообщества въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова.

Но какъ можно представить себѣ подобную общность цѣлей и такое тѣсное общеніе *безъ всякаго соглашенія* индивидуумовъ другъ съ другомъ? А если такое соглашеніе относительно совмѣстной дѣятельности имѣло мѣсто, то этимъ самымъ вводится понятіе *внѣшняго распорядка* совмѣстной жизни и совершенно устраняется понятіе вполнѣ изолированнаго человѣка.

Языкъ въ этомъ случаѣ представляетъ собою ничто иное, какъ *первоначальное соглашеніе*. Простой звукъ человѣческаго голоса не имѣетъ при этомъ никакой важности; самъ по себѣ онъ имѣетъ не болѣе значенія, чѣмъ всякій другой звукъ человѣческаго тѣла. Но онъ пріобрѣтаетъ соціальное значеніе, какъ только всѣ начинаютъ обозначать имъ что-либо. Ибо въ этомъ кроется идея (открытой или молчаливой) условной нормировки.

Правила грамматики суть не познанія причиннаго возникновенія наступающаго явленія, а законы того, какъ слѣдуетъ выражаться. Что они возникли, подчиняясь закону причинности, въ данномъ отношеніи совершенно безразлично, такъ какъ мы говоримъ не объ ихъ происхожденіи, а о заключенномъ въ нихъ смыслѣ. Смыслъ же грамматическихъ правилъ заключается не въ томъ, чтобы *объяснить* данное выраженіе въ его причинной необходимости—это дѣло другого научнаго изслѣдованія, а не грамматики—она даетъ предписаніе, ознакомленіе съ которымъ *должно привести* къ усвоенію извѣстнаго способа выражаться.

Слѣдовательно, грамматическіе законы суть внѣшнія условныя правила для человѣческихъ сношеній другъ съ другомъ—jus et norma loquendi—которыя имѣютъ такое же значеніе для выраженія мыслей, какъ правила этикета, вѣжливости, приличія по отношенію къ человѣческому поведенію. Въ привѣтствіи судовъ, салютованіи флагами, иллюминаціонныхъ огняхъ, въ языкѣ цвѣтовъ и т. д. ясно обнаруживается значеніе названныхъ условныхъ правилъ, не говоря о томъ, что языкъ (какъ въ школѣ, такъ въ канцелярскихъ сочиненіяхъ) можетъ быть непосредственно отнесенъ къ правовымъ принудительнымъ нормамъ. Природный языкъ, говоритъ Лютеръ, это царь.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что если кто-либо желаетъ представить себѣ мысленно *совершенно изолированное* сосуществованіе умственно и нравственно развитыхъ людей, онъ долженъ имѣть въ виду и отсутствіе общаго языка и какихъ-либо знаковъ. Онъ не могъ-бы признать языкъ средствомъ общенія людей, а долженъ былъ-бы смотрѣть на него, какъ на особый пріемъ индивидуума, пользующагося знаками хотя-бы для того, чтобы придти на помощь памяти. Такое устраненіе какого-бы то ни было соглашенія и сговора представляется совершенно нелѣпой мыслью.

Но ее пришлось-бы допустить, если-бы кто-либо желалъ дѣйствительно выставить вышеприведенное возраженіе. Ибо основнымъ моментомъ *соціальной жизни* людей мы признали *лишь внѣшній распорядокъ* ихъ совмѣстной жизни. Не слѣдуетъ смѣшивать его съ внѣшнимъ авторитетомъ, который стоитъ въ качествѣ третьяго момента надъ обоими этими понятіями и оказываетъ на соціальную жизнь и ея распорядокъ принудительное давленіе. Это лишь *разновидность* внѣшняго распорядка. Здѣсь мы не можемъ заниматься имъ, но въ дальнѣйшемъ изложеніи коснемся его съ надлежащею обстоятельностью. Иначе этотъ вопросъ отвлекъ-бы насъ отъ главной цѣли нашего изслѣдованія, такъ какъ теперь мы стремимся къ уясненію противоположности понятій соціальной жизни и изолированнаго существованія людей и должны установить прочный признакъ, отграничивающій по существу первое понятіе отъ второго.

Такимъ признакомъ мы считаемъ внѣшній распорядокъ совмѣстной жизни. Что благодаря нормамъ поведенія, требующимъ лишь внѣшней легальности, создается своеобразный видъ совмѣстной жизни людей, столь-же мало можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, какъ и то, что представленіе полной обособленности человѣка имѣетъ характеръ курьеза. Но такъ какъ рѣчь здѣсь идетъ о точномъ опредѣленіи понятія соціальной жизни людей, и послѣдняя составляетъ основной объектъ соціально-научнаго изслѣдованія, въ особенности, если оно касается возможной въ этой области общей закономѣрности, то необходимо точно ука-

зать, почему только при условіи внѣшняго распорядка (которымъ намъ придется еще заняться подробно) соціальная жизнь людей можетъ быть признана особымъ предметомъ нашего познанія.

Подъ *внѣшнимъ правиломъ* человѣческаго поведенія мы разумѣемъ норму, *которая, по своему смыслу, представляется совершенно независимой отъ желанія индивидуума слѣдовать ей.*

Подчиняющейся такому правилу человѣкъ можетъ слѣдовать закону потому, что онъ признаетъ послѣдній нравственно справедливымъ; въ такомъ случаѣ человѣкъ сообразуется съ закономъ автономно, изъ уваженія къ нему. Но можно также себѣ представить, что онъ дѣлаетъ это изъ своекорыстныхъ побужденій, ради своей выгоды или изъ страха передъ непріятностями, которыя можетъ навлечь на него противодѣйствіе закону. Для внѣшняго правила это безразлично. Не важно также, думаетъ-ли объ этомъ подчиняющійся закону человѣкъ или-же просто подчиняется привычкѣ къ внѣшней легальности. Все это не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакого значенія. Внѣшняя норма довольствуется простымъ исполненіемъ своего предписанія. *Какія побужденія* руководятъ человѣкомъ въ его подчиненіи закону, не имѣетъ важности для формальнаго значенія послѣдняго.

Такимъ образомъ, правила *внѣшняго распорядка* человѣческой совмѣстной жизни представляетъ противоположность *ученіямъ морали.* Послѣднія насъ не касаются. Это указанія о томъ, къ чему человѣкъ долженъ стремиться и чего онъ долженъ желать *объективно обоснованнымъ образомъ* [1]). Ихъ значеніе основывается исключительно на убѣжденіи, что они отклоняютъ человѣка отъ личныхъ стремленій, имѣющихъ чисто субъективную подкладку, и направляютъ его къ независимому отъ субъективныхъ побужденій и, слѣдовательно, объективно правильному образу дѣйствій и мыслей.

Только во внутренней увѣренности и убѣжденной преданности нравственнымъ законамъ и заключается, съ точки зрѣнія этики, нравственное слѣдованіе имъ.

Случается, конечно, и такъ, что соціальныя установленія воспринимаютъ содержаніе нравственныхъ ученій. Но поскольку они остаются предписаніями нравственности, внѣшняя легальность не свидѣтельствуетъ о выполненіи ихъ. И только то обстоятельство, что они въ такомъ случаѣ *одновременно* являются соціальными правилами, можетъ ввести на этотъ счетъ въ заблужденіе.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ различать:

1) Ученія нравственности, какъ предписанія къ объективно правильнаго образа мыслей и дѣйствій, основывающіяся исключительно на внутреннемъ убѣжденіи въ ихъ истинности и объективномъ значеніи.

[1]) См. объ этомъ кн. IV, 1 отдѣлъ: Причинность и цѣлесообразность.

2) Соціальныя правила, какъ нормы съ внѣшней стороны корректнаго поведенія, повелѣвающія безо всякаго отношенія къ индивидуальнымъ побужденіямъ, предъявляющія къ нему извѣстныя требованія, безъ разбора, убѣжденъ-ли человѣкъ, къ которому они обращаются, въ ихъ объективной правильности и справедливости, или нѣтъ. По самой природѣ своей они довольствуются *внѣшней* корректностью поступковъ.

Такимъ образомъ, для того, чтобы человѣкъ могъ вступить въ сообщество съ другими, такъ чтобы это общество пріобрѣтало самостоятельное значеніе, нужно *подняться надъ индивидуумомъ* и соединить новымъ своеобразнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ, двухъ человѣкъ. А это будетъ возможно лишь въ такомъ случаѣ, если связующая норма—*связующая* въ двойномъ значеніи этого слова—совершенно отвлекается отъ инстинктовъ, свойственныхъ обособленному человѣку, какъ таковому, если она создаетъ нѣчто *новое* и потому служитъ самостоятельнымъ мотивомъ человѣческихъ поступковъ. Такого результата можно ожидать лишь отъ созданія *внѣшняго распорядка* человѣческой совмѣстной жизни. Распорядокъ этотъ служитъ основой для созданія новаго единства побужденій въ отношеніяхъ людей другъ къ другу и, вслѣдствіе этого, образуетъ особый и самостоятельный объектъ познанія.

Слѣдовательно, основное условіе понятія соціальной жизни, какъ самостоятельнаго объекта, есть внѣшній распорядокъ отношеній людей другъ къ другу, не зависящій отъ побужденій совершенно обособленныхъ людей и установленный человѣкомъ не въ смыслѣ естественнаго закона, какъ познавательнаго единства естественныхъ явленій, а въ смыслѣ нормы имѣющей въ виду создать опредѣленный видъ совмѣстной жизни. Такимъ образомъ внѣшняя норма создаетъ взаимоотношенія особаго рода между связанными ею людьми, и въ этихъ взаимоотношеніяхъ проявляется общественное существованіе ихъ, представляя возможный объектъ нашего изслѣдованія и познанія, помимо котораго условія внѣшняго распорядка не могло-бы существовать.

Эти внѣшнимъ образомъ установленныя и внѣшнимъ образомъ повелѣвающія предписанія мы можемъ назвать *соціальными правилами*, ибо одни только они составляютъ основной признакъ соціальной жизни, какъ особаго предмета познанія; помимо ихъ и въ отвлеченіи отъ нихъ не можетъ быть никакого *соціально-научнаго изслѣдованія*.

Въ средѣ совершенно обособленныхъ людей, какъ-бы ни было высоко развито ихъ нравственное сознаніе, установленное нами согласно съ опытомъ, понятіе соціальной жизни не можетъ получить осуществленія. Даже если-бы каждый дѣйствовалъ по отношенію къ другимъ сообразно съ разсудкомъ и руководясь законосообразными мотивами и хотя-бы каждый одинаково сообразовалъ свои стремленія съ стремленіями другихъ, они все-же остаются изолированными. Имъ не хватаетъ общей

связи и *общественнаго* существованія, стоящаго выше суммы обособленныхъ индивидуумовъ. Нравственность не создаетъ общества. Она никому не даетъ *права* на нравственное поведеніе другихъ, возлагая лишь однѣ обязанности, и значеніе ея предписаній не зависитъ отъ какой-бы то ни было взаимности и одинаковаго поведенія другого. Въ понятіи-же соціальной жизни всѣ *взаимоотношенія* и поступки подчиняются общимъ *правиламъ*. Права и обязанности приводятся въ соотвѣтствіе, и намъ приходится считаться не съ двумя односторонними обязательствами, а съ двустороннимъ отношеніемъ. Для этого необходимо — я ссылаюсь на вышесказанное — чтобы были установлены связующія нормы, совершенно *независимыя* отъ внутреннихъ побужденій *единичнаго человѣка*, требующія лишь внѣшней законности, которая можетъ быть удовлетворена безо всякаго отношенія къ побужденіямъ индивидуума. Вслѣдствіе этого впервые становится возможной идея *общенія*, въ противоположность къ совершенно обособленному состоянію, возникаетъ основа для отношеній, обособленныхъ отъ индивидуума, въ его абстрактной изолированности, пріобрѣтающихъ самостоятельное значеніе и создающихъ, такимъ образомъ, понятіе *соціальной жизни*.

Соціальная жизнь есть нормируемая внѣшне-обязательными правилами совмѣстная жизнь людей.

Если соціальная жизнь представляетъ собою нѣчто новое и самостоятельное, если она должна быть особымъ объектомъ нашего познанія, то нужно принять во вниманіе основное условіе внѣшняго распорядка въ вышеупомянутомъ смыслѣ. Но не можетъ-ли кто-либо напасть на это «если» и, вообще, усомниться въ существованіи соціальной жизни?

Однако, это ведетъ насъ къ вопросу, не допускающему никакого обсужденія. Ибо здѣсь намъ придется считаться съ неяснымъ и въ высшей степени сбивчивымъ представленіемъ, съ смутнымъ стремленіемъ къ *абсолютной* необходимости. Абсолютной необходимости въ соціальной жизни не существуетъ; она столь же мало можетъ считаться *неизбѣжной*, какъ научное изслѣдованіе, художественное творчество и даже цѣлесообразный образъ дѣйствій вообще. Отъ всего этого можно a priori отказаться.

Такимъ образомъ, можно себѣ представить, что люди могутъ вести себя и жить такъ-же, какъ животныя. Но кто станетъ рекомендовать это? Нѣтъ ничего логически невозможнаго въ представленіи совершенно изолированнаго человѣка-самоучки, достигшаго исключительно путемъ самостоятельнаго усовершенствованія высшей ступени человѣческой жизни. Однако, кто рѣшится показать и убѣдительно доказать себѣ и другимъ такую возможность при настоящихъ эмпирическихъ условіяхъ человѣческаго существованія?

Интересуясь формальнымъ понятіемъ соціальной жизни людей, мы могли и должны были отвлечься отъ конкретныхъ данныхъ нашего опыта. Въ моментъ, когда рѣчь заходитъ о дѣйствительномъ осуществленіи этой отвлеченной идеи, невѣроятность представленія *совершенно* изолированнаго человѣка, ведущаго въ то-же время человѣческое существованіе, бросается въ глаза. Ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы устранить *все*, что служитъ правиломъ и нормой для общаго соглашенія и гармоническаго образа дѣйствій. Анархистъ, требующій ничѣмъ не стѣсняемой *соціальной жизни*, подчиняющейся свободнымъ, условнымъ нормамъ, насъ еще не въ состояніи удовлетворить. Въ этомъ смыслѣ онъ недостаточно радикаленъ. Онъ говоритъ лишь объ *особой формѣ общественныхъ* отношеній и *соціальномъ* существованіи людей, при которой отсутствуетъ всякій *правовой* или *государственный* авторитетъ, но вовсе не отрицаетъ *нормированія посредствомъ свободнаго соглашенія*. Вопросъ состоитъ въ *справедливой для всѣхъ формѣ* соціальной жизни, причемъ понятіе это, совмѣстная жизнь, регулируемая внѣшними правилами, предпосылается. Спрашивается только, *какой видъ* регулированія заслуживаетъ преимущества передъ другими. Этотъ вопросъ мы затронемъ въ другомъ мѣстѣ, и тогда мы покажемъ, какимъ образомъ онъ можетъ получить полное и исчерпывающее научное разрѣшеніе *). Теперь же мы говоримъ не о той или иной формѣ соціальной жизни, а о соціальной жизни вообще.

При этомъ нельзя ставить проблемой *абсолютную* необходимость соціальной жизни, такъ какъ она вообще не можетъ служить основой познавательно-критическаго изслѣдованія. Я не могу никому навязать съ *абсолютной* необходимостью убѣжденіе, что онъ долженъ воспользоваться результатами существующей науки, техники и искусства, что онъ долженъ, опираясь на эти результаты, работать совмѣстно съ другими для достиженія большаго. Если найдется оригиналъ, который пожелаетъ отречься отъ *всего* этого и предаться съ неуклонной послѣдовательностью *полному уединенію*, оставаясь безусловнымъ господиномъ самому себѣ, то объ *абсолютной* необходимости осуществленія этой мысли, очевидно, не можетъ быть и рѣчи. Но съ такимъ направленіемъ спорить нечего. Его не уничтожишь, и самое лучшее оставить его въ покоѣ.

Нашъ методъ изслѣдованія ведетъ насъ въ другомъ направленіи. Вопросъ объ абсолютной необходимости соціальной жизни соприкасается съ вопросомъ о необходимости научнаго изслѣдованія и нравственнаго образа дѣйствій. Немыслимо доказать абсолютную необходимость интересоваться научнымъ познаніемъ природы и человѣческой жизни; немыслимо убѣдить кого-либо въ абсолютной неизбѣжности объективно-пра-

*) Книга V, 2 отдѣлъ: Обоснованіе правового принужденія.

вильнаго выбора стремленій и поступковъ. Но вполнѣ возможно указать съ точки зрѣнія критики познанія основныя условія, при которыхъ человѣческое уразумѣніе получаетъ значеніе научной истины, а человѣческая воля пріобрѣтаетъ характеръ законосообразности. Пробуждать энтузіазмъ къ обоснованному такимъ образомъ, *т.-е. удостовѣренному въ своей возможности и понятому въ своихъ основныхъ условіяхъ*, истинному, прекрасному и хорошему—дѣло воспитанія. Если достигнуть этого воспитателю не удалось, если онъ наталкивается на упрямое противодѣйствіе въ смыслѣ сознательнаго отрицанія, то *абсолютной необходимости* того, что наука, этика и искусство должны существовать, доказать нельзя. Кто требуетъ этого, тотъ требуетъ больше, чѣмъ можетъ дать человѣческое познаніе. Критика познанія можетъ показать *возможность законосообразнаго* познанія, законосообразныхъ стремленій и художественнаго творчества, но убѣдить въ *«абсолютной» необходимости* всего этого она не въ состояніи

При познавательно-критическомъ обоснованіи соціальной науки необходимо также имѣть въ виду слѣдующее:

Мы беремъ повсемѣстно удостовѣряемую историческимъ опытомъ соціальную жизнь людей, мы понимаемъ ея значеніе и ея почти безусловную необходимость и, исходя изъ наличной дѣйствительности, не можемъ представить ее себѣ отсутствующей или устранимой. Возникаетъ вопросъ: при какомъ условіи соціальная жизнь людей можетъ стать *особымъ объектомъ* нашего познанія и какимъ образомъ она можетъ сдѣлаться *закономѣрной?*

Что касается первой части вопроса, то мы уже принципіально признали основнымъ условіемъ соціальной жизни *внѣшній распорядокъ*, о которомъ мы говорили выше. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи этого распорядка мы придемъ къ точному обоснованію научнаго познанія объ общественномъ существованіи людей и такимъ образомъ отвѣтимъ на второй вопросъ.

Что *законосообразное познаніе* соціальной жизни не можетъ состоять въ *полномъ устраненіи* ея, ясно само собой. Если бы кто-либо сослался на то, что идеаломъ человѣческой совмѣстной жизни слѣдуетъ считать такое состояніе, при которомъ каждый подчинялся-бы общественнымъ нормамъ лишь по свободному убѣжденію, то это было-бы логическимъ недоразумѣніемъ. Ибо такое мнѣніе затрагиваетъ лишь *содержаніе* и *форму осуществленія* соціальной жизни, а не *формальное понятіе* ея. Вопросъ о *законосообразномъ устройствѣ* внѣшняго распорядка не слѣдуетъ смѣшивать съ вопросомъ о *существованіи его вообще*. Только послѣднее я признаю неизбѣжной предпосылкой соціальной жизни людей, какъ особаго объекта познанія. По какому побужденію индивидуумъ подчиняется внѣшней нормѣ, для насъ, какъ уже сказано, безразлично и вопросъ этотъ не касается понятія внѣшняго распорядка. Откуда берутъ общественныя нормы

свое содержаніе и какимъ образомъ онѣ должны сообразоваться съ общей закономѣрностью—этотъ вопросъ нуждается въ особомъ изслѣдованіи и освѣщеніи, прочной и необходимой основой котораго служитъ точное установленіе фундаментальнаго понятія соціальной жизни.

20.

Внѣшняя норма дѣлаетъ понятіе соціальной жизни самостоятельнымъ объектомъ нашего опыта; она является необходимымъ условіемъ общественнаго существованія людей, поскольку послѣднее служитъ особымъ предметомъ нашего познанія.

Простыя естественныя чувства человѣка къ человѣку оставляютъ его въ столь же обособленномъ состояніи, въ какомъ они находились-бы, еслибъ они были исключительно разумными существами. Для того, чтобы понять историческій фактъ *соціальной жизни* людей, мы должны спросить, при какомъ условіи мы можемъ настолько стать выше индивидуума, чтобы соединеніе ихъ составило особый предметъ нашего познанія. Для этого необходимо отыскать для человѣческихъ отношеній другъ къ другу побужденіе, не зависящее отъ инстинктовъ, свойственныхъ *индивидууму*, какъ таковому. Такимъ самостоятельнымъ побужденіемъ и является установленный человѣкомъ распорядокъ человѣческой совмѣстной жизни. Онъ воздѣйствуетъ на человѣка извнѣ, но именно благодаря этому связываетъ его съ другими въ одно цѣлое, и это цѣлое образуетъ въ качествѣ «человѣческаго общества» возможный объектъ нашего познанія.

Если соціальная норма оказываетъ воздѣйствіе на подчиняющихся ей, то это воздѣйствіе совершается, конечно, опять-таки по принципу причинности. Принципіальнаго различія между нею и тѣми побудительными мотивами, которыя обусловливаются механически *только* индивидуальными инстинктами, не существуетъ. Но соціальная наука вовсе не должна изслѣдовать психологическую мотивацію подчиняющагося соціальнымъ нормамъ образа дѣйствій *индивидуума*. Это дѣло естественно-научнаго изслѣдованія. Объектомъ соціальнаго изученія являются нормированныя взаимоотношенія индивидуумовъ другъ къ другу, возникающія при внѣшнемъ урегулированіи отношеній совмѣстно живущихъ людей.

Рѣчь идетъ при этомъ не объ единичномъ человѣкѣ и не о механически объяснимыхъ причинахъ его образа дѣйствій, хотя бы эти причины и сводились къ воздѣйствію со стороны другихъ, а объ *урегулированныхъ* отношеніяхъ его къ другимъ людямъ, объ ихъ правильной совмѣстной жизни, объ общественномъ существованіи людей. И послѣднее можетъ стать *особымъ предметомъ* нашего научнаго изслѣдованія лишь въ томъ случаѣ—на что оно по элементарнѣйшему историческому опыту

имѣетъ полное право,—если будетъ принято въ соображеніе основное условіе познанія общественной жизни, неотъемлемый элементъ понятія общества—*внѣшняя норма.*

Повторяя эту мысль, я прибавлю, что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, чтобы доказать, что внѣшнія нормы предшествуютъ правильной совмѣстной жизни *во времени.* Это можетъ быть такъ въ отдѣльныхъ случаяхъ осуществленія извѣстнаго общественнаго строя, но это не необходимо. Внѣшній распорядокъ по отношенію къ нормированному образу дѣйствій представляетъ не *хронологическое*, а *логическое* prius. Это тотъ моментъ въ соціальной жизни человѣка, который дѣлаетъ ее самостоятельнымъ явленіемъ. Не нужно, чтобы внѣшній распорядокъ возникъ по времени раньше, чѣмъ сосуществованіе людей, которое онъ превращаетъ въ своеобразную *соціальную* жизнь. Легко представить, что этотъ распорядокъ можетъ возникнуть одновременно съ нормированными отношеніями, что соціальныя нормы человѣкъ не находитъ установившимися до него и что извѣстный соціальный союзъ создается *одновременно* съ устанавливающими его внѣшними нормами.

Когда, напримѣръ, былъ заключенъ версальскій договоръ, то германская имперія возникла одновременно со своей юридической конституціей. Точно также возникали и возникаютъ международные договоры между до тѣхъ поръ совершенно чуждыми другъ другу государствами; по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые были заключены во время зарожденія современнаго международнаго права, когда оно не считалось еще установившейся нормой для цивилизованныхъ народовъ, на которую можно было-бы ссылаться, какъ на общее установленіе международнаго права.

Если мореплаватель вымѣниваетъ у дикаря за стекляныя бусы и мишуру золото и слоновую кость, то въ этотъ моментъ оба они предпосылаютъ норму ихъ отношенія къ своему уговору. Безразлично, опираются ли они на существующій уже правовой строй, или нѣтъ: во всякомъ случаѣ они устанавливаютъ для себя извѣстную норму. Разумѣется, нельзя признать вѣрнымъ представленіе, встрѣчающееся не рѣдко у нашихъ экономистовъ, что это *не болѣе*, какъ естественный актъ. Ибо мы при этомъ не слѣдимъ съ интересомъ ни за мускульными движеніями обоихъ договаривающихся, ни за перемѣнами въ мѣстоположеніи предметовъ, а только за актомъ обмѣна, какъ уговоромъ и соглашеніемъ, представляющимъ юридическую сдѣлку, хотя бы ни одинъ изъ участвующихъ не понималъ языка другого. Смыслъ отдачи одной вещи въ обмѣнъ за другую заключается необходимо въ слѣдующемъ: пусть это будетъ твое, а я желаю обладать другимъ. Этотъ смыслъ ихъ дѣйствій не можетъ быть устраненъ ни при какомъ актѣ обмѣна и образуетъ сущность его, безъ которой и самого обмѣна не могло бы суще-

ствовать. Всякая диспозиція и всякій уговоръ понятенъ лишь постольку, поскольку они даютъ обоснованіе правъ и обязанностей соотвѣтственно предпосылаемымъ правиламъ, которыя или дѣйствительно вновь возникаютъ, или же берутся въ своемъ содержаніи откуда-нибудь со стороны, но, во всякомъ случаѣ, являются при мѣновой сдѣлкѣ, какъ и въ нашемъ примѣрѣ, обязательными для обоихъ дѣйствующихъ лицъ. Они сговариваются относительно будущаго. Они устанавливаютъ, что ихъ условія относительно обмѣниваемыхъ объектовъ впредь не должны зависѣть отъ настроенія минуты. Они хотятъ опредѣлить, независимо отъ случайныхъ настроеній, создаваемыхъ естественными животными инстинктами, какъ съ даннаго момента слѣдуетъ относиться къ объектамъ ихъ реальнаго договора. Другими словами, они создаютъ норму, установляющую соціальную связь между ними.

При возникновеніи внѣшняго распорядка существуетъ, слѣдовательно, двѣ различныхъ возможности. Между вступающими въ договоръ субъектами, будетъ-ли ихъ два или больше, могутъ возникнуть или отдѣльныя личныя отношенія, подобныя выше упомянутымъ договорамъ между государствами, не находящимися въ юридической связи другъ съ другомъ, или между встрѣтившимися другъ съ другомъ путешественниками различныхъ націй. Или-же надъ индивидуумомъ возникаетъ соціальный строй, какъ цѣлое, и начинаетъ нормировать всякія отношенія принадлежащихъ къ извѣстному кругу людей. Существованіе подобнаго строя даетъ юристу право, о которомъ здѣсь мы не станемъ распространяться, — право на установленіе системы и на изученіе «духа» этого юридическаго цѣлаго.

Для нашего принципіальнаго изслѣдованія это различіе не имѣетъ дальнѣйшаго значенія. По скольку существуютъ внѣшнія нормы, все равно—будутъ-ли это нормы юридическія или условныя, о которыхъ будетъ рѣчь дальше,—существуетъ и соціальная жизнь. Если-же ихъ нѣтъ, остается лишь изолированное существованіе индивидуумовъ. Основной моментъ *общественной* жизни людей составляетъ исключительно *внѣшній распорядокъ* какого-бы то ни было свойства.

Въ особенности слѣдуетъ при этомъ указать на то, что здѣсь нѣтъ и рѣчи о *государственной организаціи. Государство* представляетъ лишь разновидность возможной соціальной жизни, одну изъ формъ общественной жизни людей, спеціальное опредѣленіе которой составляетъ особый вопросъ и при уясненіи понятія *соціальной жизни* можетъ быть оставлено безъ вниманія.

Поэтому сказанное нами о первобытныхъ мѣновыхъ отношеніяхъ и первобытной торговлѣ не слѣдуетъ принимать за выраженіе мнѣнія, что за участвующими въ обмѣнѣ лицами, не имѣющими между собою, помимо обмѣна, ничего общаго, долженъ стоять какой-либо государствен-

ный авторитетъ. Если-бы это было необходимой предпосылкой, то были бы правы тѣ, которые въ столь многихъ случаяхъ подобнаго рода совершенно отказывались отъ изученія съ соціальной точки зрѣнія. Но дѣло обстоитъ вовсе не такъ. Существуетъ-ли *государственная* власть и охраняетъ-ли она людей, заключающихъ между собою договоръ или нѣтъ, это зависитъ исключительно отъ случайныхъ обстоятельствъ, такъ-какъ государство есть лишь разновидность соціальнаго распорядка. *Государственный* авторитетъ можетъ при этомъ совершенно отсутствовать и не играть никакой роли въ подобной торговлѣ, но мѣновой договоръ все-же есть *соціальный* актъ, и его можно подвергнуть *соціально-научному* изслѣдованію. Ибо рѣчь идетъ при этомъ объ явленіяхъ, выходящихъ изъ круга дѣйствій изолированной личности. Внѣшнія нормы (въ нашемъ случаѣ установляемыя самими контрагентами) вводятъ особыя *побужденія* въ отношенія людей другъ къ другу и создаютъ *своеобразную* зависимость между ними. Понятіе *соціальной* жизни обособляется отъ понятія *изолированнаго* существованія, разъ возникаютъ подобныя новыя и самостоятельныя соглашенія на основаніи внѣшнихъ нормъ. Какой видъ имѣютъ эти формы и входятъ-ли онѣ въ составъ государственной организаціи того или другого характера, это вопросъ *второстепенный*. Основная систематическая схема, руководящая нашимъ изслѣдованіемъ, такова: 1) изолированное существованіе человѣка, 2) соціальная жизнь людей—a) въ государственной организаціи, b) при иномъ внѣшнемъ распорядкѣ юридическаго или условнаго характера.

21.

Можетъ быть, у читателя мелькаетъ вопросъ: какимъ образомъ соціальная жизнь, какъ мы ее опредѣлили, могла возникнуть среди людей?

Я отвѣчу на это, что для цѣли и метода нашего изслѣдованія не имѣетъ никакого смысла создавать гипотезы для разрѣшеніи подобныхъ научно неразрѣшимыхъ вопросовъ. Уже въ старину указывалось на то, что совершенно уединеннаго человѣка можно встрѣтить лишь въ религіозномъ сказаніи, тогда какъ историческое знаніе не даетъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Наше соціально-философское изслѣдованіе совершенно не зависитъ отъ того или другого отвѣта на этотъ вопросъ. Ибо мы различаемъ два систематически совершенно различныхъ вида человѣческаго существованія: абстрактно возможное изолированное состояніе и соціальную жизнь, какъ сожительство, нормируемое внѣшними правилами. Съ того момента, когда эти правила были установлены людьми, стала возможной новая и своеобразная точка зрѣнія. Если-бы даже возникновеніе соціальныхъ нормъ было изучено исторически, то это дало-бы намъ самостоятельный и совершенно своеобразный предметъ возможнаго научнаго разсмотрѣнія.

Дальнѣйшее изслѣдованіе развитія общества въ исторіи не представляетъ уже никакихъ методическихъ трудностей, разъ уяснено основное различіе обособленной и соціальной жизни. При изслѣдованіи исторіи права въ частности не трудно, конечно, имѣть всегда въ виду, что тутъ приходится имѣть дѣло не съ мнимо самостоятельными фактами, а только съ внѣшнимъ образомъ нормированной совмѣстной жизнью людей, представляющейся въ исторіи въ различныхъ формахъ. Кто, напр., знаетъ исторію германскихъ курфюрстовъ и изучаетъ имперскіе выборы, тотъ не считаетъ ихъ исключительно естественными явленіями, а признаетъ узаконенными взаимоотношеніями, человѣческими дѣйствіями, подчиняющимися *соціальнымъ нормамъ*.

Важно также и то, что *между изолированной и соціальной жизнью ни въ какомъ случаѣ* не можетъ быть допущено *промежуточной ступени*. Можетъ существовать или та, или другая, но для какого-нибудь третьяго понятія тутъ нѣтъ мѣста. Я могу представить себѣ человѣка или совершенно изолированнымъ, или-же разсматривать его жизнь съ точки зрѣнія внѣшняго распорядка въ связи съ жизнью другихъ людей—такова неизбѣжная альтернатива, и этими двумя возможностями выборъ исчерпывается. *Развитіе* возможно съ нашей точки зрѣнія лишь въ предѣлахъ одной изъ этихъ формъ существованія, лишь въ *содержаніи* соціальныхъ нормъ, но вовсе не объясняетъ существованія или возникновенія той или другой формы.

Если войти въ положеніе безсмертнаго для юношества и политической экономіи Робинзона, то въ первой стадіи его жизни на уединенномъ островѣ наблюдателя интересуетъ лишь техника его изолированнаго хозяйства. Съ той минуты, когда къ нему присоединился Пятница и позволилъ бѣлому человѣку поставить ногу на свой затылокъ, говоря ему этимъ: ты будешь моимъ господиномъ,—съ тѣхъ поръ, *рядомъ* съ технической стороной дѣла получаетъ значеніе другая—возникаетъ соціальный вопросъ для нихъ обоихъ. Всѣ знаютъ, какъ Робинзонъ устроилъ свое отношеніе къ дикарю, какъ онъ заставлялъ Пятницу работать, приказывалъ ему, руководилъ имъ и воспитывалъ его, какъ затѣмъ «царство» Робинзона увеличилось, первоначальный коммунизмъ долженъ былъ прекратиться и возникъ вопросъ о принадлежности острова и цѣнныхъ объектовъ. Первый періодъ жизни Робинзона на уединенномъ островѣ былъ періодомъ вынужденно изолированнаго и временно одинокаго существованія. Съ момента-же, когда установились опредѣленныя отношенія между нимъ и спасшимся бѣглецомъ, стало возможнымъ очень простое, первобытное соціальное устройство ихъ жизни. И все дальнѣйшее, чего удалось достигнуть Робинзону при помощи воспитанія дикаря и благодаря присоединенію другихъ, было лишь измѣненіемъ и пополненіемъ *содержанія* ихъ общественной жизни, доступной особому и своеобразному

наблюденію. О какомъ-либо третьемъ понятіи, которое служило-бы посредствующимъ звеномъ между изолированнымъ состояніемъ нашего Робинзона и правильнымъ сообществомъ съ Пятницей, не можетъ быть и рѣчи. Промежуточной стадіи, представляющей самостоятельное понятіе и отличной какъ отъ уединеннаго состоянія, такъ и отъ общественной жизни, не существуетъ.

Но если-бы кто-либо выработалъ гипотезу о постепенномъ подготовленіи соціальнаго распорядка и посвятилъ свою фантазію конкретной характеристикѣ эпохи, когда въ душахъ земныхъ обитателей возникло и стало развиваться стремленіе къ объединенію на основаніи внѣшнихъ нормъ, то рѣшающее значеніе онъ долженъ былъ-бы приписать тому моменту, въ который возникли подобныя установленія. Съ этихъ поръ существуетъ соціальная жизнь, а до того времени ея не было. Промежуточная стадія, которая не носила-бы признаковъ ни того, ни другого состоянія, не имѣетъ никакого смысла.

Если историки спорятъ о томъ, можно-ли считать семью древнѣйшей формой сообщества, изъ которой возникло государство, или-же послѣднее существовало всегда рядомъ съ семьей и имѣетъ другое недостаточно выясненное происхожденіе [53]), то это опять-таки касается лишь вопроса объ *особой формѣ* соціальной жизни и спеціальномъ развитіи ея изъ первобытнаго въ совершенное состояніе. Но какъ-бы мы ни относились къ этому спору, мы все-таки не будемъ въ состояніи установить никакого логическаго перехода и никакого развитія обособленнаго естественнаго существованія въ соціальную жизнь. Какое-либо третье понятіе, отличное отъ вышеупомянутыхъ двухъ, повторяю, *формально* немыслимо.

Развитіе возможно лишь по отношенію къ *особому содержанію* какого либо изъ двухъ состояній.

Я заключаю это разсужденіе опредѣленіемъ понятія *соціальный*.

Слѣдуетъ напомнить, что до сихъ поръ никто не взялъ на себя труда сдѣлать хотя-бы малѣйшую попытку въ опредѣленіи этого понятія, никто не пытался установить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ словомъ «соціальный».

Литература *соціальной* науки становится все обширнѣе, но о чемъ она, собственно, трактуетъ и въ чемъ состоитъ объектъ ея изученія, не разъясняетъ ни одинъ изъ писавшихъ о ней авторовъ. Въ сочиненіяхъ юристовъ и экономистовъ, ученыхъ и неученыхъ, крупныхъ и мелкихъ политиковъ, въ парламентахъ и газетахъ, въ публичныхъ лекціяхъ и разговорахъ едва-ли найдется въ наше время другое слово, которое повторялось-бы столь-же часто, которое такъ-же перелетало-бы изъ устъ въ уста, какъ слово «соціальный».

---

[53]) Ed. Meyer, Geschichte des Alterthums, I т. (1882), стр. 2 сл.

Когда нужно удобное и звучное слово, то прибѣгаютъ добровольно или недобровольно именно къ нему, чтобы прикрыть свои личные интересы. Вы не встрѣтите ни одного сочиненія и не услышите ни одной рѣчи о человѣческой жизни, гдѣ-бы это звучное словцо «соціальный» не бросалось безъ разбора и соображенія о томъ, куда оно упадетъ.

Даже болѣе. Очень часто понятіе «соціальный» служитъ основой доказательства. Говорятъ о «соціальныхъ» неудобствахъ извѣстнаго законопроекта, приписываютъ праву «соціальныя» задачи, говорятъ о «соціальныхъ» точкахъ зрѣнія въ правѣ, о «соціальномъ» элементѣ финансоваго хозяйства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, которые можно было-бы безъ труда умножить, эпитетъ «соціальный» представляетъ составную часть большей посылки, на которую опирается научная дедукція. Вслѣдствіе этого, слѣдовало-бы ожидать, что по крайней мѣрѣ люди науки—успѣшно или нѣтъ, это другой вопросъ—*попытаются* выяснить эту основу своей аргументаціи. Но нѣтъ! Ни одинъ изъ нихъ не дѣлаетъ даже и попытки къ этому; ни одного, повидимому, не безпокоилъ вопросъ: въ какомъ смыслѣ употребляется собственно слово «соціальный», сдѣлавшееся уличнымъ лозунгомъ, что такое «соціальное» обоснованіе или «соціальная» задача, «соціальная» цѣль или «соціальный» элементъ?

И если одинъ изъ наиболѣе выдающихся экономистовъ современности защищаетъ положеніе, что «употребленіе общественныхъ расходовъ и формы общественныхъ доходовъ всегда должны быть разсматриваемы и съ *соціальной* точки зрѣнія», то онъ все-таки не даетъ точнаго опредѣленія, что слѣдуетъ разумѣть подъ «соціальной точкой зрѣнія». Какое-же значеніе и какую же доказательность можетъ имѣть послѣ этого его положеніе?

Никакое научное изслѣдованіе и доказательство не можетъ безнаказанно пренебрегать смысломъ и значеніемъ своихъ основныхъ понятій. Все, что опирается на невыясненныя понятія, беззаботно принятыя за несомнѣнныя, по необходимости остается слабымъ и шаткимъ.

Можно ли въ этомъ случаѣ полагаться на смутное сознаніе, не входя въ дальнѣйшее разъясненіе основныхъ понятій? Развѣ надлежащій путь изслѣдованія указываетъ субъективное чутье? Кто руководствуется имъ, напоминаетъ путешественника или мореплавателя, руководствующагося лишь видомъ звѣзднаго неба. Туманъ предразсудковъ можетъ скрыть его отъ глазъ изслѣдователя, и всякій долженъ былъ-бы знать, что при странствованіяхъ безъ компаса и карты стоитъ лишь немного отклониться отъ вѣрнаго пути, чтобы совершенно сбиться съ дороги.

Основныя понятія нашей науки не могутъ считаться простымъ украшеніемъ, которое не имѣетъ никакого вліянія на прочность и удобообитаемость зданія и которое можетъ быть сдѣлано наскоро и непрочно. Понятія составляютъ фундаментъ зданія. Кто довольствуется

лишь минутнымъ пребываніемъ въ немъ, тому нѣтъ надобности заглядывать въ погребъ. Но кто берется выстроить домъ и не заботится о прочномъ фундаментѣ, тотъ грѣшитъ по отношенію къ своему созданію и обитателямъ дома.

Основнымъ понятіемъ *соціальной* науки должно быть, разумѣется, понятіе *соціальной* жизни. И мы хотимъ попытаться пополнить существующій пробѣлъ и опредѣлить ясно и точно, на основаніи изложеннаго, основное понятіе нашей науки.

Эпитетъ «соціальный» употребляется въ обыденной рѣчи для обозначенія пяти понятій, изъ которыхъ три должны быть разобраны здѣсь по существу, тогда какъ два послѣднія имѣютъ лишь косвенное значеніе. Изъ названныхъ трехъ значеній два ясны и опредѣленны, третье-же неясно и не имѣетъ точно очерченныхъ границъ. Кто пользуется этимъ словомъ и хочетъ вообще что-нибудь сказать, тотъ долженъ уяснить, слѣдовательно, въ какомъ изъ этихъ значеній онъ употребляетъ данный терминъ, и тогда ему придется рѣшить, можно-ли довольствоваться третьимъ неяснымъ значеніемъ.

1. Понятіе *соціальной* жизни находится въ несомнѣнной противоположности къ понятію совершенно изолированнаго существованія. Первое, при наличности внѣшнихъ нормъ, становится особымъ объектомъ нашего познанія. Соотвѣтственно этому, понятіе «соціальный» прежде всего равносильно «внѣшнимъ образомъ нормированному».

Соціальной реформой называется реформа внѣшняго строя общественной жизни или отдѣльныхъ сторонъ ея. Соціальныя задачи суть требованія такой реформы. *Соціальная* наука есть наука о подчиненной *внѣшнимъ нормамъ* совмѣстной жизни людей.

Возможно, что приведенное значеніе понятія соціальной жизни мелькало передъ тѣмъ или инымъ изслѣдователемъ. Но при этомъ важно сознательно имѣть въ виду этотъ основной признакъ и опираться на него въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Если-бъ это было сдѣлано, то для всякаго было-бы, напримѣръ, ясно, что простое перенесеніе естественно-научныхъ понятій, какъ механическаго, такъ и органическаго происхожденія, въ соціальную жизнь людей совершенно ошибочно. Я знаю, что многіе высказались вполнѣ основательно противъ такого перенесенія, свидѣтельствующаго объ отсутствіи критическаго пониманія. Но до сихъ поръ не найдено истиннаго и рѣшающаго довода противъ него. Такимъ доводомъ служитъ то обстоятельство, что всякое *соціальное* изслѣдованіе возможно лишь при условіи опредѣленнаго внѣшняго распорядка. А обусловливающіяся существованіемъ такого распорядка человѣческія взаимоотношенія допускаютъ такое усвоеніе понятій (почерпнутыхъ изъ познанія внѣшней окружающей насъ природы) лишь въ переносномъ смыслѣ. Единство соціальныхъ явленій, какъ оно установлено нами, и закономѣрность

соціальной жизни могутъ быть познаны и осуществлены лишь при соблюденіи этого условія внѣшняго распорядка: безъ основного условія внѣшняго регулированія соціальная жизнь, какъ особый объектъ, не существуетъ, если-же оно имѣется на лицо, общественная жизнь составляетъ спеціальный предметъ нашего познанія, но должна быть въ то-же время изслѣдована въ своихъ понятіяхъ и принципахъ и своей конечной закономѣрности, *въ качествѣ подчиненной внѣшнимъ нормамъ совмѣстной жизни.*

2. Въ предѣлахъ охарактеризованнаго понятія существуетъ и болѣе узкое значеніе слова «соціальный», имѣющее одинаково ясный и точный характеръ. Въ этомъ случаѣ оно означаетъ: *законосообразно внѣшнимъ образомъ нормированный.*

Въ предѣлахъ внѣшняго распорядка слѣдуетъ различать двѣ возможности. Съ одной стороны, ту форму, при которой извѣстный общественный строй согласуется съ высшимъ основнымъ закономъ всей соціальной жизни, а затѣмъ такой распорядокъ, который не согласуется съ конечной закономѣрностью общественнаго существованія людей и находится въ противорѣчіи съ нею.

Распространенію слова «соціальный» въ этомъ узкомъ значеніи всего болѣе содѣйствовало приписываемое обыкновенно Наполеону I выраженіе *«соціальный вопросъ»*. Соціальный вопросъ есть стремленіе привести существующее человѣческое сообщество въ его особыхъ эмпирическихъ условіяхъ въ возможно точное соотвѣтствіе съ общей закономѣрностью соціальной жизни. Слѣдовательно, это вопросъ о *законосообразности* внѣшняго распорядка.

3. Наконецъ, въ наше время слово «соціальный» употребляется въ совершенно неясномъ и смутномъ смыслѣ для обозначенія *особой формы* упомянутыхъ въ пунктѣ 2 стремленій къ *законосообразному внѣшнему распорядку*, а именно той формы ихъ, которая требуетъ, чтобы соціальный распорядокъ устанавливался *планомѣрно* правительственнымъ центромъ, которому принадлежитъ *непосредственное руководство* индивидуумомъ. Въ этомъ случаѣ понятіе соціальный является противоположностью *свободнаго* строя человѣческаго сообщества. Тогда какъ при существованіи свободнаго строя законодатель старается воздѣйствовать на отдѣльнаго человѣка косвеннымъ образомъ, опираясь на эмпирически-наблюдаемыя влеченія его, и установляетъ нѣкоторое соотвѣтствіе между желаніями и интересами отдѣльныхъ сочленовъ, предоставляя имъ свободно сноситься другъ съ другомъ, производить и обмѣнивать, при другомъ общественномъ строѣ законодатель *непосредственно* предписываетъ индивидууму, что онъ долженъ дѣлать въ совмѣстномъ трудѣ и въ хозяйственной организаціи. При первой системѣ отдѣльные собственники находятся въ *относительно свободномъ* и *менѣе стѣсненномъ* юридиче-

скомъ отношеніи другъ къ другу; таковъ въ общемъ основной принципъ развитого римскаго права. Вторая-же система даетъ *сравнительно* болѣе яркое выраженіе *общности* различныхъ собственниковъ и болѣе соотвѣтствуетъ германскому праву съ его переживаніями коммунистическаго земледѣльческаго хозяйства. Въ первомъ случаѣ законодательство исходитъ изъ мысли, что при сравнительно незначительномъ принужденіи въ *непосредственной* формѣ, принципъ honeste vivere, alterum non laedere вытекаетъ для индивидуума самъ собой изъ тѣхъ соображеній, къ которымъ приводятъ его юридическія условія его жизни, и что возможно незначительная опека и принудительное воздѣйствіе на индивидуума есть лучшее средство для того, чтобы согласовать его дѣйствія съ общей конечной цѣлью соціальной жизни. Защитники противоположнаго мнѣнія, напротивъ того, отрицаютъ возможность достиженія этой цѣли при условіи предоставленія индивидуумамъ свободнаго распоряженія находящимися въ ихъ владѣніи благами посредствомъ одного только косвеннаго воздѣйствія. Они желаютъ, чтобы для каждаго было опредѣлено его участіе въ общественномъ трудѣ, чтобы совмѣстная дѣятельность получила непосредственную принудительную организацію, чтобы индивидууму не было предоставляемо принципіальной свободы по отношенію къ его собственности и рабочей силѣ, а чтобы, наоборотъ, его личное усмотрѣніе и его юридическія сдѣлки были заключены властью въ возможно узкія рамки. Они думаютъ, что хотя въ этомъ случаѣ предписанія власти и могутъ стѣснять личность, но въ общемъ такая система теоретически правильнѣе.

Такимъ образомъ, слово *соціальный* имѣетъ три значенія: во-первыхъ, *внѣшнимъ образомъ упорядоченный*, въ противоположность совершенно изолированному состоянію человѣка, во-вторыхъ, *законообразно внѣшнимъ образомъ упрядоченный* въ противоположность плохой нормировкѣ совмѣстной жизни; наконецъ, *непосредственно предписывающій при помощи планомѣрнаго принудительнаго распоряженія.*

Тогда какъ оба первыя понятія рѣзко очерчены въ самихъ себѣ, съ третьимъ дѣло обстоитъ иначе. Ибо какія-либо непосредственныя принудительныя предписанія центральной власти должны существовать во всякомъ юридическомъ сообществѣ. *Совершенно* устранить ихъ немыслимо, а можно только свести къ минимуму; рѣчь идетъ при этомъ лишь о количествѣ. Даже наибольшая свобода правильной совмѣстной дѣятельности есть лишь форма планомѣрнаго распорядка. Кто, напр., стремится къ введенію полной свободы торговли и неограниченной свободы промысла, тотъ точно такъ-же желаетъ достичь при помощи этого юридическаго законодательства установленія извѣстныхъ цѣнъ на товары, какъ и тотъ, кто надѣется достигнуть извѣстныхъ результатовъ при помощи пошлинъ и цеховыхъ стѣсненій.

Всякій видъ юридической нормировки преслѣдуетъ извѣстныя цѣли. Именно свободный строй совмѣстной дѣятельности и обмѣна установился, послѣ ожесточенной борьбы, только благодаря тому, что сторонники его подвергали теоретической критикѣ соціальныя послѣдствія прежняго принудительнаго строя и намѣчали цѣли, которыя могли быть достигнуты при помощи освобожденія совмѣстнаго человѣческаго труда. Въ этомъ отношеніи между *соціальнымъ* и *свободнымъ* распорядкомъ совмѣстной человѣческой жизни вообще нельзя провести никакого различія. А если оно вводится,—какъ, напр., желаетъ этого въ той или другой формѣ Гирке въ своемъ сочиненіи «О *соціальной* задачѣ частнаго права» [54]), то различіе между ними можетъ заключаться лишь въ большей или меньшей *степени*, въ которой индивидууму непосредственно указывается его мѣсто въ соціальномъ хозяйствѣ, въ степени свободы распоряженія самимъ собой, связанными съ нимъ юридически лицами и подчинеными ему благами. Однако, это значеніе совершенно *относительное* и *непостоянное*. Рѣчь можетъ идти при этомъ лишь объ относительномъ ограниченіи личной свободы. Но начиная съ какого пункта конкретный распорядокъ соціальной жизни можетъ быть названъ «соціальнымъ», и до какого пункта онъ не «соціаленъ»?

Соотвѣтственно сказанному мы намѣрены отбросить въ послѣдующемъ изложеніи упомянутое третье значеніе слова «*соціальный*», созданное общепринятою рѣчью *). Если мы ничего не прибавляемъ, то мы поль-

---

[54]) Цитированное небольшое произведеніе вышло въ 1889 г. Въ своей основѣ оно опирается на неясное понятіе «соціальный» въ *третьемъ* значеніи слова, которое охарактеризовано въ текстѣ. Если выставленное Гирке требованіе имѣетъ вообще ясный и опредѣленный смыслъ, то «соціальная задача», приписываемая частному праву, можетъ заключаться только въ слѣдующемъ: при *современныхъ* условіяхъ законодательство въ области частнаго права должно сдѣлаться «соціальнымъ», т. е. въ *нѣсколько большей* степени, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь, *непосредственно* предписывать индивидууму, какъ онъ долженъ относиться къ своей семьѣ и къ своему имуществу. Въ нѣсколько большей степени—но на сколько-же? И почему это нужно? Это не болѣе, какъ частный вопросъ, отвѣтъ на который можно получить только при помощи сопоставленія эмпирическихъ соціальныхъ условій съ общей формальной цѣлью соціальной жизни. Такимъ образомъ, можно, пожалуй, придти къ конкретному выводу, который имѣетъ въ виду Гирке. Во всякомъ случаѣ, эта аргументація касается лишь *частнаго вопроса;* понятіе «соціальный» въ *третьемъ* значеніи этого слова не можетъ имѣть общаго и опредѣленнаго смысла.

*) Два остальныя значенія слова «соціальный», выработанныя современнымъ языкомъ, суть слѣдующія:

4 «соціальный» въ противоположность къ *политическому;* ср. объ этомъ § 29.

5 «соціальный» для обозначенія общественныхъ отношеній *условнаго свойства*, въ противоположность къ *юридическимъ;* ср. § 22.

Въ нѣкоторыхъ новыхъ комбинаціяхъ слово это употребляется въ безнадежно туманномъ смыслѣ, такъ напр., въ выраженіи «экономическая и соціальная политика» оно не имѣетъ никакого опредѣленнаго смысла. Наоборотъ, юристы называютъ

зуемся имъ въ первомъ изъ вышеуказанныхъ значеній: соціальный-внѣшнимъ образомъ упорядоченный [55]).

«соціальнымъ законодательствомъ Германской имперіи» рядъ спеціальныхъ имперскихъ законовъ, въ особенности объ охранѣ рабочихъ и страхованіи ихъ. Поскольку терминологія сообразуется вообще въ этомъ случаѣ съ общими идеями, она опирается, несомнѣнно, на третье значеніе слова «соціальный».

[55]) Надежность соціально-научныхъ изслѣдованій необходимо должна зависѣть отъ того, насколько выяснено понятіе «соціальный» въ томъ изъ его пяти значеній которое положено въ основу. При существующей путаницѣ въ употребленіи этого слова не остается ничего другого, какъ сознательно анализировать введенное in concreto значеніе этого слова до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ дурная привычка употреблять слово «соціальный» безотчетно, не представляя себѣ, какое понятіе связывается съ нимъ.

Я привелъ въ текстѣ высказанный Ад. Вагнеромъ тезисъ: «Общественные расходы и виды общественныхъ доходовъ должны быть разсматриваемы всегда и съ *соціальной* точки зрѣнія». Это не особенно удачное выраженіе. Противоположностью «соціальнаго» въ этомъ смыслѣ нельзя считать *изолированное* состояніе. Что финансовое хозяйство государствъ «соціально», т. е. *подчинено внѣшнимъ нормамъ* разумѣется само собой, разъ слово берется въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Но, можетъ быть, тутъ подходитъ *второе* значеніе слова «соціальный»: *законовообразно, объективно правильно* нормированный. Но въ такомъ случаѣ нельзя сказать, что финансы должны быть разсматриваемы и съ соціальной точки зрѣнія, а нужно сказать: *только* съ соціальной точки зрѣнія.

Я знаю, что Вагнеръ пытался ввести слово «соціальный» еще въ другомъ, совершенно своеобразномъ, значеніи. Онъ понимаетъ подъ «соціальнымъ» изученіемъ народнаго хозяйства такое, которое, въ противоположность классической политической экономіи, придаетъ преобладающее значеніе не тому, какимъ образомъ можно производить наибольшее количество благъ наилучшаго качества, а способу распредѣленія ихъ, такъ что «соціальное» изслѣдованіе въ этомъ смыслѣ есть изслѣдованіе съ точки зрѣнія распредѣленія. Однако, 1) это крайне своеобразное словоупотребленіе совершенно произвольно и практически непригодно. Развѣ изученіе общественнаго производстка должно быть «не соціальнымъ»? Вагнеръ и самъ употребляетъ слово соціальный не въ этомъ узкомъ и произвольномъ значеніи; см., напр., Grundlegung, 3 изд., § 20, I, 66., 2) узкое значеніе, которое придаетъ слову «соціальный» Вагнеръ, формально не закончено и не точно. Что это за точка зрѣнія распредѣленія, о которой тутъ идетъ рѣчь? Положеніе, что распорядокъ финансоваго хозяйства слѣдуетъ разсматривать и съ соціальной точки зрѣнія, самъ по себѣ ничего не говоритъ, вслѣдствіе чего сдѣланный въ текстѣ упрекъ (стр. 106) вполнѣ подтверждается.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Форма соціальной жизни.

22. Правовое установленіе и условное правило. — 23. Различіе въ значеніи соціальныхъ правилъ. — 24 Выводы.

22.

Внѣшній распорядокъ въ указанномъ нами смыслѣ составляетъ формальный элементъ въ понятіи соціальной жизни людей. Присматриваясь къ этой формѣ соціальной жизни внимательнѣе, мы замѣчаемъ, что слѣдуетъ различать два разряда соціальныхъ правилъ. А именно:

1. Правовыя установленія.

2. Всѣ тѣ нормы, какими являются требованія приличія, обычая и этикета, формы общественныхъ сношеній, нравы и внѣшнія обрядности, вродѣ правилъ рыцарской чести. Я называю всѣ подобныя нормы условными правилами [56]) и ставлю прежде всего вопросъ объ отличительномъ критеріи этихъ двухъ классовъ [57]).

[56]) Въ существующей соціальной литературѣ нѣтъ никакого общаго обозначенія для второго разряда соціальныхъ правилъ. Всего чаще употребляется выраженіе «нравы», но оно находится въ опасномъ сосѣдствѣ съ *нравственностью* и означаетъ только правила, установившіяся въ силу обыкновенія, что вовсе не составляетъ существеннаго признака этого разряда. Вспомните, напр., объ этикетѣ двора, о правилахъ дуэлей. Предложенное мною названіе, какъ кажется, вполнѣ и точно соотвѣтствуетъ общему смыслу всѣхъ тѣхъ правилъ, о которыхъ здѣсь идетъ р[illegible]

[57]) Я пользуюсь здѣсь доводами, которые я привелъ съ другою цѣлью въ моей работѣ: Die Theorie des Anarchismus (1894), стр. 21—25.